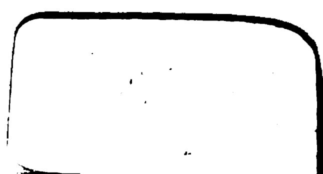

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

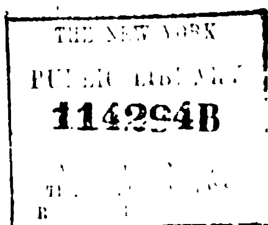
ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1902.

Стр.

Подписка на второе полугодіе и третью четверть 1902 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

СОЦІОЛОГІЯ

и

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНІЕ

Лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ извѣстный русскій ученый высказалъ убѣжденіе, что къ наступленію новаго столѣтія обществовѣдѣніе, какъ наука, будетъ уже существовать. Ни для кого, конечно, не тайна, какая неудача постигла это предсказаніе и всѣ попытки его осуществить. Обыкновенно, критика, подвергая разбору то или иное соціологическое построеніе, указывала (и указываетъ) на его слабыя стороны, на логическія противорѣчія, на фактическіе промахи; признавая безспорную пользу такого рода критики, мы думаемъ, что она не всегда, по самому существу своему, можетъ останавливаться съ подобающей обстоятельностью на характеристикѣ тѣхъ трудностей, причины которыхъ коренятся не столько въ познающемъ умѣ, сколько въ познаваемомъ матеріалѣ, — трудностей, до сихъ поръ мѣшающихъ достигнуть цѣли: установить ясно и точно закономѣрность соціальныхъ явленій. Разумѣется, болѣе смѣло, нежели основательно было бы пытаться дать исчерпывающее и систематическое изложеніе и характеристику всѣхъ результатовъ, къ которымъ пришли въ настоящее время многообразныя историко-общественныя дисциплины: подобная задача далеко превышаетъ единичныя силы. Но весьма небезполезно было бы, если бы давались систематическіе обзоры пустыхъ мѣстъ, незаполненныхъ пробѣловъ нынѣшняго историческаго знанія, пробѣловъ, къ которымъ настолько уже примелькался глазъ, что многіе склонны не замѣчать ихъ. Говорятъ, генералъ

Сентъ-Арно, пріѣзжая къ арміи, на мѣсто дѣйствій, прежде всего дѣлалъ подробную опись не того, что̀ есть въ обозѣ, а того, чего нѣтъ тамъ; онъ считалъ это полезнымъ, ибо тотчасъ же посылалъ во всѣ мѣста требованія о доставкѣ недостающаго. Къ сожалѣнію, эта параллель цѣликомъ непримѣнима къ скромной области научной работы: недостающее не у кого требовать, а нужно ждать, и ждать часто десятилѣтіями, пока оно будетъ выработано и явится къ услугамъ обобщающаго ума (хотя, впрочемъ, и обобщающій умъ можетъ, въ свою очередь, не поспѣшить явиться). Но болѣе легкая часть программы Сентъ-Арно вполнѣ исполнима; не мѣшаетъ почаще озираться на свою бѣдность, строго провѣрять всякія, нерѣдко слишкомъ оптимистическія мнѣнія о прогрессѣ науки, указывать на скудость свѣдѣній тамъ, гдѣ часто говорятъ объ ихъ обиліи,—на отсутствіе данныхъ тамъ, гдѣ эвфемистически упоминается объ ихъ ограниченности. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью лишь указать на нѣкоторыя общія трудности, съ которыми вынуждено бороться историческое познаніе; если этотъ очеркъ хоть немного будетъ способствовать разрушенію преувеличеннаго соціологическаго оптимизма, если онъ *хоть отчасти* напомнитъ, что легче изобразить на бумагѣ какую угодно теорію, нежели фактически обосновать ее,—цѣль автора будетъ вполнѣ достигнута.

Обществовѣдѣніе имѣетъ дѣло съ общимъ анализомъ и синтезомъ всѣхъ проявленій соціальной жизни; исторія и общественныя науки заняты собираніемъ и систематизаціей свѣдѣній объ этихъ проявленіяхъ соціальной жизни въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Значитъ, совершенно немыслимо говорить о трудностяхъ обществовѣдѣнія и историческаго познанія, не попытавшись дать себѣ ясный отчетъ, на какія общія группы можно разбить всѣ проявленія соціальной жизни и какими качествами, съ методологической точки зрѣнія, обладаютъ эти группы соціальныхъ явленій.

I.

Всѣ проявленія соціальной жизни людей можно разбить на четыре главныя группы: a) первая группа можетъ быть обозначена терминомъ „хозяйственный строй общества"; b) вторая группа характеризуется терминомъ „политическія учрежденія"; c) третья группа заключаетъ въ себѣ всѣ—имѣющіе прямое или косвенное, важное или незначительное,—общественное значеніе—поступки членовъ данной соціальной единицы, всѣ имѣющія такое же значеніе собы-

тія, происшествія и отдѣльные факты, кто бы ни являлся непосредственнымъ, *видимымъ* авторомъ ихъ—люди или природа и люди [1]); d) въ четвертую группу войдутъ всѣ проявленія психической жизни людей, обнаруживающіяся въ устномъ и писанномъ словѣ, въ дѣятельности литературы, искусства, произведеніяхъ отвлеченной и конкретизирующей мысли, и пр., и пр., поскольку эти проявленія психической жизни индивидуума доступны другимъ людямъ и поскольку они имѣютъ прямое или косвенное, посредственное или непосредственное, важное или незначительное общественное значеніе.

Раньше чѣмъ приступить къ болѣе подробному разъясненію только-что сказаннаго, условимся относительно точнаго смысла словъ „общественное значеніе", —смысла, въ какомъ они уже употреблены нами и будутъ употребляться. Всякій общественный строй, всякая совокупность хозяйственныхъ и экономическихъ учрежденій—не есть нѣчто стаціонарное, но переживаетъ цѣлый рядъ непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ моментовъ, причемъ во все время исторической жизни въ этомъ строѣ проявляются, сталкиваются, расходятся, уменьшаются, увеличиваются — его жизнеспособность и его неустойчивость. Конечно, это не два „начала", „субстанціи", не фагоциты и бактеріи, борющіяся въ живомъ организмѣ на жизнь и смерть этого организма: всякія такія метафизическія и біологическія обозначенія и уподобленія будутъ здѣсь совсѣмъ не у мѣста. Есть въ каждомъ строѣ элементы устойчивости и неустойчивости,—и, вотъ, имѣющимъ *общественное* значеніе мы называемъ всякое проявленіе жизни, такъ или иначе вліяющее (или вліявшее) на устойчивость или неустойчивость даннаго строя въ его цѣломъ— и въ его частяхъ,—какъ бы косвенно, незамѣтно и мало ни было это вліяніе. За этимъ опредѣленіемъ мы, конечно, не признаемъ желательной въ опредѣленіяхъ философской полноты; мы беремъ его для удобства, для точнѣйшаго выясненія послѣдующаго, беремъ въ намѣренно-ограниченномъ смыслѣ.

Обратимся теперь къ болѣе подробной характеристикѣ содержанія намѣченныхъ четырехъ группъ соціальныхъ явленій.

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, „черная смерть" (чума, свирѣпствовавшая въ Европѣ въ 1347—1352 гг.) и соціальные катаклизмы, вызванные ею,—сливаются въ одно общественное событіе огромной важности.

II.

Совокупность всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, существующихъ въ данномъ обществѣ, составляетъ его экономическій строй. Карлъ Бюхеръ и его послѣдователи различаютъ въ историческомъ развитіи человѣчества цѣлые періоды, отмѣченные господствомъ одного изъ трехъ главныхъ типовъ экономическаго строя: натуральнаго, домашняго хозяйства,—городского хозяйства,—и національнаго хозяйства. Объ этой теоріи и о томъ, насколько выдерживаетъ она критику, мы будемъ имѣть случай говорить въ иномъ мѣстѣ; здѣсь укажемъ лишь, что, дѣйствительно, въ каждый опредѣленный историческій моментъ (если только существуютъ относительно него данныя) можно уловить преимущественное значеніе въ томъ или иномъ обществѣ одного изъ указанныхъ трехъ типовъ хозяйства; но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это преимущественное господство одного типа не мѣшаетъ одновременному существованію хозяйственныхъ явленій, относящихся къ другимъ типамъ. Если ужъ есть хоть одинъ вполнѣ опредѣленный и безспорный соціологическій законъ, то, конечно, это—законъ движенія, общій всей органической и неорганической жизни; въ вѣчно движущемся, колеблющемся, медленно и непрерывно измѣняющемъ свои формы историческомъ процессѣ никакихъ демаркаціонныхъ линій установить нельзя,— и демаркаціонныя линіи, къ сожалѣнію, пестрятъ не столько реальную исторію, сколько историческіе учебники и соціологическіе трактаты. Говоримъ: „къ сожалѣнію",—ибо существуй на самомъ дѣлѣ возможность установить вполнѣ реально, научно, фактически эти демаркаціонныя линіи,—обществовѣдѣніе сразу почувствовало бы въ своей тяжелой работѣ проясненіе и облегченіе. Итакъ, если мы выдѣлимъ географически и хронологически какой-либо соціальный аггрегатъ, то найдемъ въ немъ явленія не одного, но двухъ, а иногда и трехъ указанныхъ хозяйственныхъ типовъ. Изъ года въ годъ, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, изъ вѣка въ вѣкъ тянущаяся хозяйственная рутина даннаго аггрегата медленно, нерѣдко до полной незамѣтности постепенно, мѣняетъ свой общій тонъ,—одинъ типъ хозяйства начинаетъ падать, другой преобладать, третій возникать и т. д. Сообразно съ этимъ измѣняются и соотношенія отдѣльныхъ группъ общества. Хозяйственныя проявленія соціальной жизни затрогиваютъ интересы всѣхъ членовъ общества; поэтому тотъ или иной экономическій строй опредѣляетъ въ наибольшей мѣрѣ

степень устойчивости всего уклада жизни. Устойчивость же самого экономическаго строя зависитъ: 1) отъ большей или меньшей способности его доставить пропитаніе данной соціальной группѣ въ ея цѣломъ. Когда пастушескій народъ не находитъ себѣ пищи въ скотоводствѣ, когда, вслѣдствіе возростанія народонаселенія или иныхъ причинъ онъ либо начинаетъ постепенно заниматься хлѣбопашествомъ (которымъ до тѣхъ поръ занималась лишь небольшая часть его), либо ищетъ удобныхъ мѣстъ для земледѣлія у сосѣдей,—тогда скотоводческій строй начинаетъ разрушаться и замѣняется инымъ. 2) Устойчивость экономическаго строя данной группы зависитъ еще и отъ степени удовлетворенности и неудовлетворенности имъ отдѣльныхъ классовъ, образующихъ эту группу, въ непремѣнной связи съ средствами обороны и нападенія, которыми располагаютъ защитники и враги хозяйственнаго уклада. Когда въ XVI вѣкѣ въ Англіи огораживанія общинныхъ земель и сносы крестьянскихъ дворовъ стали принимать грандіозные размѣры,—этотъ наступавшій экономическій порядокъ вещей не грозилъ гибелью всей странѣ, всей націи, но лишь части ея — крестьянству. Въ рукахъ защитниковъ наступавшаго строя находилось такое могущественное орудіе, какъ государственная власть со всѣми аттрибутами, сочувствіе сильной матеріально части населенія; на сторонѣ враговъ его — только ихъ численность, которою они не могли воспользоваться, за отсутствіемъ возможности сговориться. Стычки между двумя лагерями произошли,—но жизнеспособность новаго строя оказалась вполнѣ достаточною. Впрочемъ, въ исторіи довольно рѣдко подвергался колебанію весь экономическій строй общества; обыкновенно, борьба сосредоточивается около одной какой-либо части его. 3) Устойчивость экономическаго строя даннаго общества зависитъ также (вѣрнѣе,—зависѣла) нерѣдко отъ совершенно неожиданныхъ и непредвидимыхъ событій, авторомъ которыхъ является природа или совсѣмъ посторонняя соціальная группа. Въ концѣ сороковыхъ годовъ XIV вѣка надъ Европой пронеслась страшная чума, „черная смерть", унесшая въ могилу много милліоновъ людей въ Италіи, Франціи, Англіи, непомѣрно повысившая цѣну на трудъ, вызвавшая такія экономическія потрясенія, которыя окончились и въ Англіи, и во Франціи кровавыми бунтами—Уата Тэйлора и „Жака Бонома". Въ IV—VI вѣкахъ приходъ гунновъ и переселеніе народовъ рѣзко оборвали совершавшуюся въ предѣлахъ римской имперіи экономическую эволюцію, и хотя не прекратили ея,—не всюду измѣнили основной ея тонъ,—но сообщили ей совсѣмъ другой видъ

и характеръ, а въ иныхъ провинціяхъ на ея мѣстѣ началась совершенно новая экономическая жизнь.

Одно общее замѣчаніе сдѣлаемъ пока. Фактическая исторія показываетъ, что въ соціальной жизни данной группы оборона всегда оказывается сильнѣе нападенія, если физическая мощь ихъ вполнѣ одинакова или почти одинакова, и что нападеніе беретъ верхъ только при слишкомъ ужъ огромномъ перевѣсѣ физическихъ силъ. Здѣсь повторяется нѣчто похожее на извѣстное правило современной военной науки: если у осаждающихъ и осажденныхъ силы одинаковы, то осаждающіе побѣдить, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ. Въ исторической жизни группы (мы говоримъ о внутренней жизни, о соотношеніяхъ сословій и классовъ) господствующій строй и его защитники, за вычетомъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, оказывались сильнѣе противниковъ, когда дѣло доходило до открытыхъ столкновеній,—даже если, повидимому, на сторонѣ нападавшихъ былъ физическій и моральный перевѣсъ (не слишкомъ ужъ огромный). Въ исторической жизни „истцы" слишкомъ часто были слабѣе „отвѣтчиковъ". Кромѣ лучшаго, обыкновенно, въ смыслѣ организаціи силъ, положенія защитниковъ экономико-политическаго строя съ самаго начала борьбы, здѣсь, можетъ быть, дѣйствуетъ еще какая-нибудь скрытая психологическая причина, соотвѣтствующая царящему въ неорганической и органической природѣ закону инерціи.

Однимъ изъ могущественныхъ орудій въ рукахъ защитниковъ даннаго экономическаго строя во многихъ случаяхъ является вся масса политическихъ установленій, управляющихъ обществомъ. Но разсмотрѣніе этой стороны политическихъ установленій приводитъ насъ къ болѣе общему вопросу о второй группѣ проявленій соціальной жизни.

III.

Что такое учрежденіе вообще? Учрежденіе есть совокупность опредѣленныхъ условностей, возникшихъ въ данной соціальной средѣ для служенія извѣстнымъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ членами этой среды (всѣми ли, или частью ихъ — все равно). Подъ это опредѣленіе подойдутъ и учрежденія семейственныя, — бракъ, семья, родъ,—и учрежденія политическія—государство со всѣми его развѣтвленіями, организованныя партіи, всякаго рода политическія общества,—и учрежденія соціально-экономическія, начиная съ рабства и кончая фабриками, начиная древней земле-

дѣльческой общиною и кончая потребительными и кооперативными товариществами. Одни учрежденія возникаютъ въ предѣлахъ широкой соціальной среды,—въ предѣлахъ націи, напримѣръ,—другія—въ предѣлахъ болѣе узкой соціальной среды (потребительныя общества часты среди лицъ одной спеціальности, партіи составляются между единомышленниками etc.),—но всѣ они подъ предложенное опредѣленіе подходятъ. Могутъ спросить: какая разница между учрежденіями и обычаями? Разница та, что обычай, представляя собою тоже условность или совокупность условностей, далеко не столь опредѣлителенъ по своимъ цѣлямъ, далеко не всегда выдаетъ мотивы, зародившіе его въ сѣдой древности, слишкомъ часто вполнѣ безцѣленъ въ настоящемъ и теменъ по своему значенію въ прошломъ. Теперь другой вопросъ. Каково въ точности происхожденіе учрежденій? Плодъ ли они сознательной коллективной или единичной мысли, или возникли подъ темнымъ, смутнымъ вліяніемъ инстинкта? Цѣлесообразность многихъ изъ нихъ дала поводъ соціологамъ отвѣтить положительно на первую часть этого вопроса; общераспространенность этихъ же и другихъ учрежденій, присутствіе ихъ среди самыхъ животноподобныхъ дикарей, заставили другихъ соціологовъ приписать происхожденіе установленій инстинкту. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, есть ли хоть тѣнь возможности на основаніи твердыхъ фактовъ опредѣленно рѣшить эту проблему, не прибѣгая къ выкладкамъ логики и построеніямъ фантазіи.

Каково бы ни было происхожденіе учрежденій, одно коренное свойство ихъ должно быть прежде всего отмѣчено: они самымъ фактомъ своего существованія дѣлаютъ овладѣвшую ими волю гораздо сильнѣе, нежели она была бы безъ ихъ существованія. Тріумвиратъ Октавія, Антонія и Лепида, несомнѣнно, былъ сильнѣе простой суммы политическихъ силъ этихъ трехъ лицъ; Филиппъ Красивый, одобряемый генеральными штатами, былъ тверже въ борьбѣ съ Бонифаціемъ, нежели одобряемый хотя бы всѣми дворянами, всѣми синдиками и мэрами, составлявшими генеральные штаты, — и онъ зналъ, что̀ дѣлалъ, когда созывалъ эти штаты, а не довольствовался только отдѣльными вѣрноподданническими изъявленіями. Въ частности, политическія учрежденія можно раздѣлить (мы говоримъ, придерживаясь исключительно фактической почвы) на двѣ далеко не равносильныя и не равнозначащія категоріи: 1) на политическія учрежденія, имѣющія цѣлью поддерживать жизнеспособность даннаго строя опредѣленной соціальной группы, и 2) на учрежденія, имѣющія цѣлью его уничтожить. Устанавливая такое дѣленіе, мы первые

признаемъ его чрезмѣрную общность и грубость; но съ методологической точки зрѣнія мы надѣемся привести кое-что въ его оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, задавшись цѣлью выяснить главныя трудности обществовѣдѣнія, необходимо сначала выяснить кардинальные вопросы, съ которыми обществовѣдѣніе подходитъ ко всей громадѣ историческаго, этнографическаго и всякаго иного матеріала, а затѣмъ уже указать, какими недостатками грѣшитъ этотъ матеріалъ и отчего не даетъ онъ отвѣта на соціологическіе вопросы. Изъ вопросовъ же этихъ труднѣйшимъ (хотя и чрезвычайно легко на бумагѣ разрѣшимымъ въ томъ или иномъ духѣ) слѣдуетъ признать проблему о сущности историческаго процесса, о движущихъ его силахъ, вѣрнѣе,—о самой природѣ его движенія. Но къ этой проблемѣ возможно даже *приступить* только не иначе, какъ давши себѣ отчетъ въ томъ, какъ съ внѣшней, наиболѣе уловимой стороны происходитъ историческое движеніе, смѣна одного строя другимъ, одного историческаго момента—послѣдующимъ. И такъ какъ внутреннія, скрытыя силы, производящія это движеніе, въ подавляюще-громадномъ большинствѣ историческихъ случаевъ, не совершали никакихъ внезапныхъ катаклизмовъ, не вызывали никакихъ мгновенныхъ смертей одного строя и мгновенныхъ нарожденій другого,—такъ какъ эти скрытыя силы производили всегда медленную и непрерывную переработку и перегонку стараго въ новое, то, именно въ виду незамѣтности и трудной уловимости исторической эволюціи, съ методологической точки зрѣнія важно установить изъ всѣхъ внѣшнихъ обнаруженій этихъ скрытыхъ силъ лишь самыя рѣзкія, крайнія, полярныя. А въ чемъ же и выражаются наиболѣе внѣшне и, быть можетъ, по тому самому, наиболѣе рельефно эти скрытыя силы, какъ не въ тѣхъ или иныхъ политическихъ учрежденіяхъ? Напомнимъ, что подъ политическимъ учрежденіемъ тутъ понимаются правительства, политическія партіи, политическія общества, словомъ,—всѣ формы, въ которыя отливались въ исторіи всѣ многообразныя политическія стремленія. Полярными и, съ методологической точки зрѣнія, наиболѣе любопытными окажутся лишь двѣ группы политическихъ учрежденій: всецѣло поддерживавшія данный строй и всецѣло его отвергавшія. Только анализъ такихъ враждебныхъ программъ и ихъ измѣненій раскроетъ предъ историкомъ и обществовѣдомъ сущность даннаго строя; только положеніе обѣихъ группъ, исторія ихъ столкновеній, и пр., объяснятъ истинные размѣры жизнеспособности даннаго порядка вещей. Борьба германскаго господствующаго строя въ первой трети XVI вѣка съ начисто отвергавшею его общиною анабап-

тистовъ, торжество строя и гибель анабаптистовъ освѣтятъ предъ нами устойчивость германскаго порядка вещей гораздо ярче, нежели борьба его съ рыцарями, выставлявшими сравнительно умѣренныя требованія. Борьба директоріи съ коммунизмомъ Бабефа (вѣрнѣе, побѣда ея безъ борьбы) ярко подчеркнетъ предъ историкомъ, въ чемъ была сила господствовавшаго тогда строя Франціи: въ глубокомъ и повсемѣстномъ хозяйственномъ индивидуализмѣ, сдѣлавшемъ заговоръ Бабефа ничтожной матеріально и морально, фантастическою попыткою. А борьба той же директоріи, напримѣръ, хотя бы съ роялистами и побѣда ея надъ ними ничего въ теоретическомъ отношеніи цѣннаго не даетъ: роялисты затрогивали не весь строй, а лишь частицу его, болѣе случайную, соціологически не столь важную. Ихъ-то директорія побѣдила, а черезъ три года ее Наполеонъ побѣдилъ, а черезъ семнадцать лѣтъ послѣ своего пораженія — роялисты побѣдили, но все это время и дальше—общій характеръ, глубина и основа общественнаго строя, соціально-экономическая его сторона — оставались тѣ же. Среднія, промежуточныя политическія учрежденія (директорія, бонапартизмъ, роялизмъ, республика etc.) спорили между собою и смѣняли другъ друга въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, но хозяйственный индивидуализмъ, доказавшій свою жизнеспособность именно слишкомъ ужъ легкою побѣдою надъ Бабефомъ, оставался несокрушимымъ. Всесторонній анализъ исторіи бабувистскаго заговора и выяснилъ бы такое полное, глубочайшее отсутствіе во Франціи тѣни коммунистскихъ чувствъ и симпатій, что, не видя слишкомъ радикальныхъ измѣненій въ хозяйственномъ строѣ націи за сорокъ—пятьдесятъ лѣтъ, историкъ могъ бы въ сороковыхъ годахъ предсказать неудачу какихъ бы то ни было коммунистскихъ чаяній во Франціи въ ближайшее время.

Итакъ, для методологическихъ цѣлей, политическія *учрежденія* данной соціальной группы въ опредѣленный моментъ ея исторіи можно дѣлить на двѣ категоріи: 1) имѣющія цѣлью поддерживать общественный строй, и 2) имѣющія цѣлью его уничтожить. Къ первой категоріи относятся правительства, правительственныя партіи, армія и всѣ аттрибуты правительственной власти; партіи реформъ, имѣвшія цѣлью измѣнить лишь часть существующаго строя, но не посягавшія на него въ его цѣломъ; такого же характера политическія общества и проч. Эта категорія учрежденій, въ подавляющемъ большинствѣ историческихъ случаевъ, самая сильная. Нѣкоторыя учрежденія этой категоріи, обыкновенно, съ самаго возникновенія своего охраняютъ не только вы-

дѣлившій ихъ общественный строй, но и вообще существованіе всей соціальной группы, всей націи. Неизмѣримо громадно, напримѣръ, въ исторіи значеніе правительственной власти и всѣхъ перипетій, которыя она пережила за свое долгое существованіе. Если всякое учрежденіе, какъ уже сказано, усиливаетъ средства составляющихъ его лицъ, то такое учрежденіе, какъ правительство, конденсировавшее, собственно, чрезвычайно большую долю національныхъ силъ, конечно, является на всемъ протяженіи исторіи наиболѣе могущественнымъ матеріальнымъ орудіемъ, какое только можетъ быть создано для служенія извѣстной цѣли. Какова же цѣль правительственной организаціи? Главныхъ мотивовъ этой цѣли два: 1) правительство стремится къ поддержанію и усиленію жизнеспособности націи, т.-е. данной соціальной группы, какъ самодовлѣющаго цѣлаго. Мы говоримъ, не принимая во вниманіе рѣдкихъ исключеній: уступки своей земли другому, измѣны и проч., что̀ знаетъ исторія. 2) Правительственная власть стремится къ охранѣ коренныхъ основъ экономическаго строя соціальной группы. Мы не сказали: „политико-экономическаго", потому что это не было бы вполнѣ и безусловно вѣрно. Правительство Полиньяка въ 1830 году стремилось къ насильственному измѣненію политическаго строя; то же сдѣлалъ „долгій парламентъ" въ Англіи при Карлѣ I, когда, вопреки конституціи, онъ объявилъ себя нераспускаемымъ; то же много разъ, отъ XIV до XVII вв., дѣлалъ венеціанскій совѣтъ десяти, насильно навязывая свою волю „большому совѣту" и т. д. Конечно, въ большинствѣ случаевъ правительственная власть охраняла не только экономическій, но и политическій строй подчиненнаго ей общества, и все-таки кое-какія, если и нечастыя, то многозначительныя исключенія заставляютъ выразиться точнѣе и сказать, что второю функціей правительственной власти было сохранить господствующія *экономическія* основы общества.

Къ этимъ же двумъ цѣлямъ направлены также усилія всѣхъ правительственныхъ партій (тамъ и съ того времени, гдѣ таковыя возникаютъ), подобныхъ имъ обществъ и т. д.

Вторая категорія политическихъ учрежденій обнимаетъ всѣ партіи, общества и проч., стремившіяся къ уничтоженію даннаго экономическаго строя. Такова въ Англіи XIV-го вѣка партія лоллардовъ, въ Германіи XVI-го—секта анабаптистовъ, во Франціи 1796 г.—„тайная директорія" Бабефа, и т. п. Учрежденія этой категоріи отличаются полнѣйшей теоретическою непримиримостью съ основами господствующаго строя. Они крайне рѣдко бываютъ сильны въ дѣйствительности и никогда нигдѣ не достигаютъ вполнѣ

своихъ цѣлей, но всегда почти успѣваютъ развить до самыхъ крайнихъ предѣловъ тѣ небольшія силы, которыя, вообще, находятся въ ихъ употребленіи. Правда, не во всѣ моменты своей исторической жизни они это дѣлаютъ, да и тогда ничего положительнаго (въ смыслѣ полнаго осуществленія своей цѣли) они не достигали ни разу. Мы назвали эти политическія учрежденія рѣшительными врагами только экономическаго, но никакъ не политическаго строя, опять-таки желая сохранить возможно бóльшее соотвѣтствіе между словами и реальностями: на самомъ дѣлѣ, партіи, желавшія рѣшительнаго уничтоженія политическаго строя, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы столь типичными, какъ тѣ, которыя стремились къ уничтоженію экономическаго. Напримѣръ, Фурье былъ совершенно равнодушенъ къ политикѣ и политическому строю, а фіаско фурьеризма, съ точки зрѣнія обществовѣдѣнія, много поучительнѣе, нежели судьбы приверженцевъ Ледрю-Роллена, который яростно возставалъ противъ королевскаго сана и ничего не имѣлъ противъ существовавшаго экономическаго строя. Исторія нападеній на *экономическій* строй въ связи съ исторіей правительственной и иной охраны его, характеризуетъ нѣчто гораздо болѣе постоянное, медленнѣе измѣняющееся, нѣчто въ гораздо большей мѣрѣ поддающееся наблюденію и анализу, нежели исторія нападеній и охраны, борющихся съ перемѣннымъ успѣхомъ на поверхности исторической жизни, вокругъ тѣхъ или иныхъ *политическихъ* деталей строя. Въ XVII-мъ вѣкѣ, въ Англіи, партія левеллеровъ была ничтожна по силамъ своимъ, состояла изъ людей весьма сомнительныхъ умственныхъ качествъ и образованія той же пробы,—и тѣмъ не менѣе ихъ исторія болѣе характерна въ глазахъ обществовѣда, нежели, напримѣръ, такъ художественно описанное Маколеемъ оправданіе семи епископовъ судомъ присяжныхъ въ пику Іакову II, который ихъ ненавидѣлъ за оппозиціонное поведеніе. Любопытная черта: въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти крайнія партіи, отвергающія экономическій строй, не только терпятъ неудачу, но иногда прямо до курьёза бываютъ непопулярны и безсильны (ессеи послѣ Іоанна Крестителя, гностики-карпократіанцы въ Александріи II—III вв., коммунистскія развѣтвленія мормоновъ въ Сѣверной Америкѣ, тѣ же левеллеры въ Англіи XVII-го вѣка и т. п.), и тѣмъ не менѣе, именно этою яркою чертою своего безсилія весьма часто судьба такихъ крайнихъ группъ освѣщаетъ своеобразно и многозначительно наиболѣе важныя и долговѣчныя стороны общественнаго строя. Если географы отмѣчаютъ и даже возводятъ иногда въ принципъ класси-

фикаціи климатическихъ поясовъ не только фактъ *жизни* извѣстныхъ растеній въ данномъ климатѣ, но и фактъ *смерти* въ томъ же климатѣ другихъ растеній, то соціологу, при его убогихъ матеріалахъ, при массѣ пустыхъ и вырванныхъ страницъ въ той великой книгѣ, откуда онъ долженъ черпать почти всѣ важнѣйшія свои знанія, соціологу, вѣчно призванному рѣшать одно уравненіе съ массою неизвѣстныхъ, отнюдь не надлежитъ брезгать не только положительными, но и отрицательными данными: онъ смѣло можетъ заинтересоваться не только тѣмъ, что *утверждаетъ* жизнь свою, но и тѣмъ, что чахнетъ и гибнетъ. Неудача и безсиліе ессеевъ бросаютъ свѣтъ на то, какія стороны христіанства должны будутъ въ III, IV, V вѣкахъ отойти на задній планъ, а какія стороны его укрѣпятся; фіаско лоллардовъ объяснитъ лучше всего, какія общественныя группы были сильны, и жизнеспособенъ, или нѣтъ, былъ англійскій строй XIV-го вѣка; непопулярность коммунистическихъ теорій хиліастовъ, при весьма большомъ успѣхѣ ихъ же мистическихъ построеній и при громадной извѣстности ихъ ученій—дастъ понять, силенъ или нѣтъ былъ феодализмъ въ XII—XIII вѣкахъ. Изученіе этой второй категоріи (разрушительныхъ учрежденій) почти такъ же полезно для обществовѣдѣнія, какъ изученіе первой категоріи—правительственныхъ установленій,—и при общей скудости матеріаловъ пренебрегать изученіемъ этой второй категоріи было бы слишкомъ ненаучно.

Итакъ, анализъ многообразныхъ политическихъ учрежденій данной соціальной группы, ихъ соотношеній и пр. можетъ дать обществовѣду понятіе объ устойчивости или неустойчивости экономическаго строя въ данный моментъ, а также о направленіи, въ какомъ должна совершаться его дальнѣйшая эволюція (если дѣло идетъ о современности), или же можетъ объяснить, почему эволюція пошла дальше такъ, а не иначе (если дѣло идетъ о прошломъ). Оговариваемся разъ навсегда: мы только указываемъ, что̀ могъ бы сдѣлать соціологъ, еслибы... не существовало тѣхъ „еслибы“, о которыхъ пойдетъ рѣчь въ концѣ настоящей работы. Политическія учрежденія, сами по себѣ столь измѣнчивыя, случайныя, не могутъ быть главнымъ, непосредственнымъ объектомъ обществовѣдѣнія: тутъ при всѣхъ натяжкахъ, при всей фантазіи, никакихъ законовъ (даже частичныхъ) не выведешь. Можно сказать одно: политическія учрежденія въ своемъ цѣломъ зависятъ отъ характера хозяйственнаго строя,—но именно въ самомъ общемъ, основномъ своемъ смыслѣ,—т.-е. они должны быть удовлетворительною защитою и охраною интересовъ эко-

номически главенствующихъ слоевъ населенія. Но такъ какъ по причинамъ психологическаго свойства, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, чисто политическими подробностями формы правленія почти никто въ народныхъ массахъ заинтересованъ никогда не бывалъ, то сплошь и рядомъ историческій процессъ показываетъ, что „подробностями“ съ точки зрѣнія обществовѣдѣнія нужно считать чуть ли не всѣ записанныя въ учебникахъ государственнаго права формы правленія. На бумагѣ, конечно, весьма легко изобразить, напр., что исключительному господству земледѣльческаго труда соотвѣтствуетъ абсолютизмъ. „Напримѣръ,—Ассирія и Вавилонія“. Но, „напримѣръ“, прежде широко конституціонная, теперь республиканская Бразилія? Республиканскій Римъ IV—III вѣковъ до Р. Х.? Аристократическая Рѣчь-Посполитая XVI—XVIII вѣковъ? Германцы временъ переселенія народовъ съ широко демократическимъ вѣчемъ и избраніемъ герцога и короля? Столь же легко утверждать, что сильно и преимущественно развитой промышленности соотвѣтствуютъ представительныя учрежденія. Въ Индіи съ году на годъ увеличивается число фабрикъ съ индусами-хозяевами и индусами-рабочими; въ королевствѣ Обѣихъ-Сицилій, съ которымъ норманскіе герцоги и Гогенштауфены обращались какъ помѣщики со своею вотчиною, индустрія процвѣтала [1]) въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ теперь, когда тамъ царитъ обще-итальянская либеральнѣйшая конституція. Самодержавная Англія Ричарда Львиное-Сердце была такою же земледѣльческой страной, какъ конституціонная Англія Генриха III, царствовавшаго семьдесятъ лѣтъ спустя... Все, чего требуетъ хозяйственный строй отъ политическихъ, точнѣе—правительственныхъ учрежденій, это—чтобы они охраняли его существованіе и не мѣшали ему доставлять количество цѣнностей, потребное для самосохраненія данной соціальной группы; остальное—для обществовѣдѣнія—„подробности“, мало поддающіяся учету. Намъ тотчасъ же нужно разъяснить, въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь выраженіе: „требуетъ“. Когда существующія нормы государственнаго и гражданскаго права либо перестаютъ въ должной степени служить охраною кореннымъ основамъ хозяйственнаго строя, либо затрудняютъ его функціи настолько, что всей соціальной группѣ (націи) и, въ частности, экономически сильнымъ ея элементамъ грозитъ ослабленіе или гибель,—тогда на сцену является цѣлый рядъ воле-

[1]) Принимая во вниманіе разницу въ остальныхъ условіяхъ жизни тогда и теперь и въ количествѣ населенія.

выхъ актовъ, которые стремятся внести въ политическій и гражданскій строй измѣненія, кажущіяся цѣлесообразными. Если, дѣйствительно, чувство самосохраненія затронуто серьезно у экономически вліятельныхъ слоевъ населенія этимъ несоотвѣтствіемъ государственно-гражданскаго порядка съ экономическою дѣйствительностью, тогда упомянутый рядъ волевыхъ актовъ настойчиво направляется къ своей цѣли—и превозмогаетъ обыкновенно мѣшающія ему препятствія. Тогда происходитъ то, что̀,—смотря по частностямъ событія,—носитъ названіе революціи или реформъ. Хозяйственный строй, вызвавшій ихъ, продолжаетъ свою безпрерывную эволюцію,—а сверху трещатъ и ломаются балки, рушатся внѣшніе павильоны соціальнаго зданія, возводятся новые,—наступаютъ такъ называемыя историческія великія событія, обладающія, между прочимъ, чрезвычайно сильною, повидимому, способностью мѣшать всѣмъ выкладкамъ адептовъ молодой соціологической науки. Мы подошли къ третьей группѣ проявленій соціальной жизни,—къ отдѣльнымъ, такъ называемымъ великимъ историческимъ событіямъ.

IV.

Трудность въ изученіи исторіи большихъ политическихъ переворотовъ (мы говоримъ о единственно полезномъ для обществовѣдѣнія сравнительно-историческомъ изученіи) заключается прежде всего въ почти полномъ отсутствіи надлежащихъ данныхъ о причинахъ многихъ такихъ переворотовъ. Забѣгая нѣсколько впередъ, спросимъ, какими общими причинами (а непремѣнною частью этихъ причинъ должны быть затрогивающія интересы всей націи экономическія осложненія и обстоятельства),—какими общими причинами историкъ можетъ объяснить хотя бы переходъ Рима отъ республики къ имперіи, распаденіе имперіи Александра Македонскаго (весьма легкое и изумительно безболѣзненное), паденіе конституціонныхъ началъ въ запиренейскихъ земляхъ при Фердинандѣ и Изабеллѣ, распаденіе кольмарской уніи скандинавскихъ государствъ, походы гунновъ, Чингизъ-хана, Тимуръ-Ленга, со всѣми ихъ неисчислимыми послѣдствіями, реформу Петра Великаго *въ ея цѣломъ?* Въ этихъ и весьма многихъ другихъ случаяхъ, просто, нужно, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, сложить оружіе (на время, по крайней мѣрѣ), или же обходиться при помощи словесныхъ элукубрацій: мощный умъ понялъ то-то и то-то, республика пала за отсутствіемъ доблестей, имперія

Александра Македонскаго распалась, ибо была неспаяна и т. д. Все это лишь словесныя переложенiя вопросовъ, но не отвѣты на нихъ. Гдѣ данныя, которыя позволили бы опредѣлить, какъ обстояло дѣло съ удовлетворенiемъ насущныхъ, ежедневныхъ потребностей у подданныхъ Рима въ эпоху Цезаря, у монголовъ временъ Чингизъ-хана, у кастильцевъ временъ Изабеллы? Мы видимъ въ цѣлой массѣ историческихъ событiй лишь волевые акты, въ лучшемъ случаѣ—психическое состоянiе народовъ или ихъ отдѣльныхъ элементовъ, или замѣчательныхъ историческихъ личностей въ моментъ, когда они дѣлаютъ усилiе измѣнить политическiя и гражданскiя формы своей жизни. Но мы не видимъ—опять-таки, въ цѣлой массѣ событiй—не видимъ, за отсутствiемъ нужныхъ источниковъ,—какъ зародилось и наросло то или иное психическое состоянiе, какъ, путемъ давленiя какихъ внѣшнихъ причинъ, отдѣльный человѣкъ на тронѣ, или толпа на улицѣ, или рядъ толпъ въ ряду селенiй, т.-е. народъ—могли превозмочь собственное, почти всегда угрожаемое въ такихъ случаяхъ самосохраненiе, и сдѣлать свое дѣло,—да еще дѣло, которое уже надолго останется? Единственные интересы (единственные не по силѣ, но по всеобщности), которые являются чрезвычайно существенными, опредѣляющими моментами въ жизни любой соцiальной группы, суть интересы экономическiе,—и вотъ они-то и покрыты весьма часто полнымъ мракомъ. Можно, усвоивши стройную теорiю, приняться за систематическую подделку историческихъ фактовъ, выдумывать и фантазировать по поводу всякаго громкаго событiя исторiи на историко-экономическiя темы,—но это также будутъ всего лишь словесныя элукубрацiи. Можно написать на бумагѣ: Октавiй потому побѣдилъ Антонiя и установилъ имперiю, что Антонiй слишкомъ увлекся Клеопатрой, которая была, въ свою очередь, слишкомъ красива; можно написать: Октавiй побѣдилъ Антонiя потому, что римская буржуазiя была сильнѣе египетскаго пролетарiата, и установилъ имперiю потому, что провинцiальные капиталисты этого требовали. Бумага все стерпитъ,—но ложь и поддѣлка въ обоихъ разъясненiяхъ будутъ вполнѣ одинаковы, и даже первое будетъ имѣть преимущество наивности и непосредственности. Но оставимъ эту самую роковую трудность, ожидающую обществовѣда на тернистомъ пути изслѣдованiя великихъ историческихъ событiй, когда онъ, за отсутствiемъ данныхъ, долженъ довольствоваться лишь апрiорными соображенiями о скрытыхъ за кулисами всеобщихъ и, стало быть, экономическихъ причинахъ. Перейдемъ къ другой трудности. Чѣмъ ближе къ новымъ временамъ, тѣмъ

источники дѣлаются обширнѣе и разнообразнѣе, тѣмъ яснѣе, повидимому, устанавливается важная связь между болѣе постояннымъ, т.-е. медленнѣе движущимся хозяйственнымъ процессомъ,— и болѣе быстрымъ темпомъ политической эволюціи. И вотъ тутъ-то, когда источники и факты на лицо (хотя все-таки не въ такомъ ужъ идеальномъ изобиліи), выступаетъ на сцену—не то что сложность, а некоординованность, несоотвѣтствіе между главной причиной и ея послѣдствіями. Другими словами,—часто историкъ можетъ: 1) установить правдиво и точно природу эволюціи хозяйственнаго строя, потребовавшаго въ данный моментъ перемѣны политическаго или гражданскаго порядка вещей; 2) онъ можетъ опредѣлить и описать (и это самая легкая часть работы), въ чемъ заключались дѣйствія, продукты волевыхъ актовъ отдѣльныхъ лицъ, элементовъ націи или всего народа, желавшихъ нововведеній и противившихся имъ, а также въ чемъ состояли измѣненія правового строя; 3) но чрезвычайно трудно ему будетъ исполнить третью задачу: привести въ причинную связь эволюцію экономическаго строя *со всею суммою* возникшихъ изъ-за нея событій и политическихъ перемѣнъ. Иллюстрируемъ сначала конкретными примѣрами эту мысль, а затѣмъ ужъ предложимъ догадку, могущую отчасти объяснить ея содержаніе.

Въ началѣ XVII вѣка въ Россіи произошелъ цѣлый рядъ колоссальнѣйшихъ событій: разразился рядъ народныхъ броженій, появился загадочный человѣкъ, успѣвшій занять престолъ, совершились одинъ за другимъ два дворцовые, вѣрнѣе, столичные перевороты; эти внутреннія смуты повлекли два непріятельскихъ вторженія (хотя одно, шведское, было замаскировано), за вторженіями произошло анти-польское движеніе,—и послѣ восьми лѣтъ судорожной, конвульсивной жизни, послѣ восьмилѣтняго почти сплошного пожара, кровопролитія и разоренія—политическія формы страны остались точь-въ-точь такими, какими были до смуты. Въ чемъ же было дѣло? Ясно, что не въ формахъ правленія. Источники, все-таки, позволяютъ изслѣдователямъ допускать рядъ догадокъ, гипотезъ, имѣющихъ за собою всю силу полнаго правдоподобія о неудовлетворенныхъ классовыхъ интересахъ московскаго государства, о мѣстныхъ тенденціяхъ и пр. Они устанавливаютъ логическую и фактическую связь между опредѣленными классовыми тенденціями и опредѣленными волнами этого взбаламученнаго моря, гулявшаго на русской равнинѣ между царствованіемъ Годунова и воцареніемъ Романовыхъ. И извѣстную безрезультатность движенія они также могутъ отчасти объяснить и мотивировать. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда

на лицо есть и опредѣленныя экономическія причины, и движеніе, и многообразный сложный политическій *результатъ*, котораго многія черты ни при какихъ натяжкахъ не могутъ быть выведены изъ экономическихъ причинъ.

Въ концѣ XVIII вѣка во Франціи разразилась революція. Ея плодами было слѣдующее: 1) полное крушеніе всякихъ остатковъ феодально-хозяйственныхъ отношеній; 2) уравненіе всѣхъ предъ закономъ; 3) предоставленіе всѣмъ французамъ широкаго поля свободной промышленной конкурренціи; 4) установленіе сначала конституціонной монархіи, потомъ республики; 5) установленіе на широкихъ началахъ принципа свободы слова, печати и т. д. Это не всѣ результаты: были и чисто экономическіе—распродажа крестьянамъ и нѣкоторымъ членамъ другихъ сословій земель, конфискованныхъ у дворянства и духовенства; были и результаты идейные, культурные. Но о тѣхъ и другихъ пока говорить не будемъ, чтобы не прерывать нити изложенія. Обратимся къ перечисленнымъ пяти результатамъ политическаго и граждански-правового характера. Какъ опредѣлить, какіе изъ нихъ прямо вытекли изъ общихъ причинъ, а какіе случайны? Единственный методъ здѣсь —хотя не вполнѣ и надежный—констатированіе долговѣчности. Чтò пережило, а чтò погибло изъ этихъ пяти результатовъ въ ближайшую къ революціи эпоху? Окажется, что первые три результата – одинъ отрицательный и два положительныхъ—существуютъ до настоящаго времени, а послѣдніе два (конституція, формы политической свободы) уже черезъ нѣсколько лѣтъ исчезли, потомъ отчасти воскресали, снова исчезали и снова воскресали въ самомъ разнообразномъ видѣ. Принимая во вниманіе эволюцію хозяйственнаго процесса, до настоящаго времени еще вовсе не закончившаго свой кругъ, который онъ сталъ описывать до революціи,—мы можемъ привести въ причинную связь сущность этихъ трехъ долговѣчныхъ правовыхъ результатовъ съ сущностью совершавшагося и совершающагося хозяйственнаго процесса. Но откуда же взялись два остальные, хрупкіе, недолговѣчные результата? Вѣдь и изъ-за нихъ лилась кровь, совершался рядъ волевыхъ актовъ; чѣмъ же ихъ объяснить? Оставляя пока этотъ вопросъ открытымъ, обратимся къ другому примѣру.

Въ Россіи отъ 1861 до 1874 года совершился рядъ реформъ, совершенно измѣнившихъ гражданскую жизнь общества. Эти чрезвычайно важныя нововведенія, подобно результатамъ французской революціи, также отчасти обнаружатъ свою природу, если ихъ подвергнуть методу констатированія долговѣчности. Крестьянская реформа въ главныхъ своихъ частяхъ (свободный

трудъ) осталась безъ измѣненій; въ другихъ частяхъ подверглась измѣненіямъ. Земская реформа подверглась кореннымъ измѣненіямъ; судебная—также; реформа печати—также; реформа воинской повинности подверглась, сравнительно, весьма небольшимъ, несущественнымъ измѣненіямъ. Потребность въ свободномъ трудѣ была у двадцати-двухъ милліоновъ крестьянъ и у государства (въ лицѣ правительства), воочію видѣвшаго невозможность дальнѣйшаго успѣшнаго веденія постоянной дипломатико-военной борьбы за существованіе Россіи, если крѣпостное право будетъ продолжать „стоять какъ скала". Но правительство не только дѣйствовало въ интересахъ самосохраненія всей націи, какъ цѣлаго, какъ государства, оно не только видѣло зло и рѣшилось искоренить его, рѣшилось совершить переворотъ въ гражданскомъ правѣ,—оно имѣло *возможность* это сдѣлать. Правительство, сосредоточивая въ своихъ рукахъ громадный административный механизмъ, будучи крупнѣйшимъ земельнымъ собственникомъ, дѣйствуя въ прямыхъ интересахъ большинства населенія, разумѣется, смѣло могло не бояться оппозиціи крѣпостниковъ и дворянской партіи, могло презирать желанія хотя бы всѣхъ недовольныхъ помѣщиковъ. Девятнадцатое февраля освободило народный трудъ, поставило и развитіе всѣхъ національныхъ силъ на новую дорогу, т.-е., вѣрнѣе, удалило съ этой новой дороги лежавшее поперекъ нея препятствіе, — старый гражданскій строй съ его основою—крѣпостнымъ правомъ. Крестьянская реформа и осталась столь же несокрушимою, какъ и хозяйственный процессъ, переживавшійся и переживаемый Россіею: при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ онъ требовалъ и обусловливалъ полную свободу труда. Что касается до военной реформы, то отъ нея отказаться немыслимо было въ виду, прежде всего, наибольшей пригодности установленнаго ею порядка для успѣшности военной охраны, охраны всей соціальной группы, всей русской земли, съ ея самостоятельнымъ національнымъ развитіемъ. (О связи національнаго развитія съ экономическою самостоятельностью распространяться пока нѣтъ нужды). Остальныя же реформы не были связаны съ прочнымъ фундаментомъ всякихъ политическихъ учрежденій, съ реальными экономическими потребностями націи, какъ цѣлаго, и большихъ группъ населенія, такъ прочно, такъ неразрывно чтобы выиграть отъ этого въ долговѣчности [1]). Онѣ не исчезли такъ быстро, не

[1]) Это не значитъ, конечно, чтобы названныя реформы не были глубоко полезны и нужны съ точки зрѣнія насущныхъ интересовъ государства.

воскресли такъ внезапно, не измѣнялись такъ разнообразно, какъ 4-ый и 5-ый (изъ выше перечисленныхъ) результаты французской революціи, но измѣненія ихъ были также весьма существенны, хотя и шли все въ одномъ направленіи. Всѣ эти промежуточныя реформы—между крестьянской 1861-го и военной 1874-го гг.—правительство только измѣняло, но оно могло бы ихъ и вовсе отмѣнить, и нѣтъ логическихъ основаній утверждать, что—по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія—отъ этого тотчасъ же измѣнилась бы хозяйственная жизнь или международное положеніе Россіи настолько, чтобы обусловить немедленную реставрацію отмѣненнаго. И мы сталкиваемся съ вопросомъ, совершенно аналогичнымъ тому, который былъ нами поставленъ по поводу недолговѣчныхъ результатовъ французской революціи: если эти хрупкія реформы и нововведенія именно своею хрупкостью доказываютъ совсѣмъ слабую связь съ хозяйственнымъ строемъ или даже отсутствіе прямой и сознанной связи, если рядомъ съ прочными политико-гражданскими новыми учрежденіями эпоха революціи или эпоха реформъ приноситъ странѣ, гдѣ она имѣетъ мѣсто, рядъ тоже, повидимому, весьма важныхъ для общежитія, но часто непрочныхъ установленій, то откуда же эти „непрочныя“ установленія берутся? Каково ихъ значеніе для обществовѣдѣнія? Будемъ дѣйствовать путемъ „исключенія извѣстныхъ“. Прямой, непосредственной связи съ хозяйственнымъ строемъ недолговѣчныя учрежденія не имѣютъ, ибо иначе онъ поддерживалъ бы ихъ, какъ фундаментъ поддерживаетъ домъ, и они измѣнялись бы столь же медленно или приблизительно столь же медленно, какъ и онъ самъ. Значитъ, не непосредственныя, живучія, гнетущія экономическія тенденціи вызываютъ ихъ къ жизни. И однако, изъ-за нихъ, этихъ недолговѣчныхъ учрежденій, льется гдѣ кровь, гдѣ чернила, но то и другое въ изобиліи,—они вызываются къ жизни рядомъ дѣйствій упорныхъ волевыхъ актовъ—гдѣ многихъ людей, гдѣ единицъ.

Кромѣ потребностей тѣла, у человѣка есть только *одна* категорія потребностей, — кромѣ физической жизни — еще *одна* жизнь—духовная,—конечно, вовсе не такая ужъ независимая отъ „тѣлесной“, какъ многіе горделиво полагаютъ, но, тѣмъ не менѣе, развивающаяся по своеобразнѣйшимъ законамъ. Не найдя объясненія для политическихъ эфемеридъ въ области живучихъ экономическихъ требованій, будемъ искать его въ гораздо болѣе сложной, мѣстами еле мерцающей области требованій духа. Поиски еще усложняются тѣмъ, что умственныя движенія со-

ціальнаго характера суть движенія производныя и многообразныя по своему существу и совсѣмъ почти не разработаны специалистами-психологами. Соціологи,—вѣроятно, желая отдохнуть отъ болѣе тяжелой собственной работы,—не разъ брались за психологическія проблемы, которыя и рѣшались ими почти мгновенно и именно такъ, какъ требовала стройность ихъ теорій. Остается только пожелать, чтобы психологія показалась Вундту и Селли столь же легкой и простой наукою, какою она является въ писаніяхъ гг. Ренэ Вормса, Лакомба и т. д. Итакъ, ища объясненій тѣхъ частей политическаго строя, которыя либо мало, либо совсѣмъ необъяснимы точными и ясными экономическими требованіями, мы входимъ въ царство четвертой, отмѣченной нами въ началѣ, группы соціальныхъ проявленій,—въ область явленій психическихъ. Если труденъ по отсутствію источниковъ, но хоть сравнительно болѣе простъ по существу для изученія обществовѣда экономическій процессъ въ исторіи, если тоже нелегко по тѣмъ же причинамъ изученіе политическихъ учрежденій, то все-же и экономическій строй, и учрежденія представляютъ нѣчто длящееся и болѣе поддающееся разсмотрѣнію; если, наконецъ, такъ называемыя „великія событія" при всѣхъ трудностяхъ все-таки отчасти, не всегда въ дѣйствіяхъ, но иногда въ нѣкоторыхъ результатахъ, поддаются анализу и установленію причинной связи, то теперь, убѣдившись, что даже въ свои „grands jours" исторія не особенно свѣтла и ясна, мы вступаемъ въ самую трудную и смутную область матеріаловъ обществовѣдѣнія.

V.

Какъ извѣстно, психическая жизнь человѣка весьма тѣсно связана съ физическою въ томъ отношеніи, что психическія состоянія отражаются на физическихъ—и обратно. Иннерваціею называется способность человѣка отражать въ своихъ психическихъ состояніяхъ либо состоянія физическія, либо, вообще, внѣшнія впечатлѣнія. Иннервація, какъ тоже слишкомъ хорошо извѣстно, далеко не у всѣхъ людей одинаково глубока и, главное, быстра. Люди съ быстрой и глубокой иннерваціею отличаются отъ другихъ тѣмъ, что психическая жизнь у нихъ начинаетъ преобладать надъ физическою, т.-е. больше начинаетъ влiять на нее, чѣмъ физическая жизнь на душевную, психическую. Мало того: психическая жизнь становится столь непомѣрно богатою непрерывно смѣняющимися идеями (а у иныхъ

и образами), что начинаетъ идти уже по гораздо болѣе самостоятельной дорогѣ и уже не подчиняется новымъ внѣшнимъ воспріятіямъ и воздѣйствіямъ физической природы тѣла, или подчиняется имъ въ весьма слабой степени. Эмпирическій опытъ и психологическія наблюденія учатъ, что людей быстрой и глубокой иннерваціи весьма немного, сравнительно съ людьми иннерваціи обыкновенной, т.-е. поддерживающей приблизительное равновѣсіе между взаимодѣйствіями психической и физической природы человѣка. Беранже характеризовалъ этихъ немногихъ людей словами: „son coeur est un luth suspendu,—sitôt qu'on le touche, il résonne“. Эта характеристика вѣрна лишь отчасти. Дѣло въ томъ, что лица, характеризованныя Беранже, при быстрой и легкой возбуждаемости нерѣдко столь же быстро и легко отдѣлываются отъ этого возбужденія и переходятъ во власть другого возбужденія; но, кромѣ нихъ, есть еще разрядъ лицъ, у которыхъ иннервація не только легка и быстра, но и глубока, т.-е. способна породить рядъ психическихъ настроеній и мыслей, чреватыхъ уже новыми, производными психическими настроеніями и мыслями,—другими словами, способна такъ углубить, расширить, изощрить психическую жизнь, что эта послѣдняя на извѣстное время, а иногда навсегда, до самой смерти субъекта, оказывается совершенно нечувствительною для новыхъ иннервативныхъ импульсовъ со стороны внѣшняго міра. Въ исторіи люди, дѣйствія которыхъ выдаютъ быструю иннервацію, или быструю и глубокую иннервацію, или медленную, но глубокую иннервацію, получили разнообразнѣйшія названія—воспріимчивыхъ натуръ, избранныхъ натуръ, фанатиковъ, пророковъ, героевъ и т. д. Приглядимся къ мѣсту, которое занимаютъ они и ихъ дѣйствія между матеріалами, подлежащими анализу обществовѣдѣнія.

Прежде всего, для удобства, раздѣлимъ маленькую кучку лицъ, стоящихъ *во главѣ* этой—вообще маленькой—группы людей повышенной иннерваціи, на два разряда. Къ первому отойдутъ всѣ тѣ изъ этихъ героевъ (воспользуемся для краткости этимъ словцомъ Карлейля), всѣ тѣ изъ нихъ, которые принимали *непосредственное* участіе въ политическихъ событіяхъ всемірной исторіи. Ко второму пусть будутъ отнесены тѣ изъ нихъ, которыхъ вліяніе на соціальную жизнь *не* было столь непосредственно, однако все-же поддается хоть какому-нибудь реальному учету. Оба эти разряда, конечно, не охватятъ *всѣхъ* выдающихся лицъ повышенной иннерваціи, оставившихъ слѣдъ въ памяти человѣчества, но въ эти разряды войдутъ всѣ

тѣ изъ нихъ, которые имѣли общественное, наиболѣе важное для соціолога значеніе. Не потому наиболѣе важное, что, будто бы, совсѣмъ ужъ неважно объяснить появленіе и дѣйствія *всѣхъ* выдающихся людей, но потому, что выдающихся людей только указанныхъ двухъ разрядовъ можно, при современныхъ средствахъ и методахъ обществовѣдѣнія, привести хоть въ какую-нибудь связь съ болѣе доступными для изученія соціологическими матеріалами.

Обратимся къ первому разряду,—къ *героямъ*-политикамъ. Здѣсь сразу же необходимо ввести еще одинъ принципъ классификаціи. Всѣ герои-политики суть люди повышенной иннерваціи, но у однихъ она соединяется съ совершенно особенною дѣятельностью мозга, у другихъ—нѣтъ. Со временъ Биша, т.-е., съ конца XVIII столѣтія, физіологіи извѣстно, что возбудимость и дѣятельность мозга зависитъ въ весьма значительной степени отъ свойствъ кровеобращенія; отъ этой ли, отъ массы ли иныхъ, не разработанныхъ наукою причинъ, у нѣкоторыхъ людей повышенной иннерваціи проявляется дѣятельность мозга съ такою яркою силою, въ такихъ неожиданныхъ результатахъ, что современники даютъ имъ особыя обозначенія (талантовъ, геніевъ и т. п.). Умѣнье глубже и шире обыкновенныхъ людей понять и обобщить феномены и воспріятія жизни, способность произвольно-продолжительнаго сосредоточенія всего вниманія на опредѣленной суммѣ явленій, умѣнье распознать среди миріады путей единственно-цѣлесообразную (съ своей точки зрѣнія) ligne de conduite,—таковы специфическія черты, въ большей или меньшей степени, вмѣстѣ или отдѣльно, присутствующія въ психикѣ этого перваго подраздѣленія группы героевъ, занятыхъ непосредственной политической дѣятельностью. Политическіе герои второго подраздѣленія —умственными талантами не характеризуются, для нихъ характерны одни только чисто-моральныя качества (неустрашимость, стойкость, проникновеніе религіознымъ или инымъ чувствомъ, умѣнье увлекать за собою порывами чувства и пр.). Къ первому подраздѣленію политическихъ героевъ относится, напримѣръ, Петръ I; ко второму—Савонарола, Бернардъ Клервоскій.

Герои перваго подраздѣленія живутъ въ опредѣленной соціальной средѣ и воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія этой среды, которыя иннервируются ими быстрѣе и глубже (или иногда только быстрѣе, или только глубже), нежели большинствомъ окружающихъ. Умственные таланты, которые у нихъ соединяются съ иннерваціей, позволяютъ имъ внести въ соціальную жизнь не только возбужденную дѣятельность, но и такъ называемыя новыя

идеи, т.-е. указанія особыхъ путей, особыхъ подробностей, своеобразныхъ способовъ, при помощи которыхъ облегчается и ускоряется достиженіе тѣхъ или иныхъ общественныхъ идеаловъ. *Содержаніе* идеаловъ дается имъ уже изъ внѣшняго міра, изъ соціальной группы, гдѣ они живутъ. Если же они выдумываютъ это содержаніе изъ головы, то они уже вовсе не суть „герои" въ обозначенномъ нами смыслѣ,—они представляютъ тогда собою главарей эксцентрическихъ сектъ,—ересіарховъ, нерѣдко любопытныхъ, но почти всегда *общественно*-несчастныхъ въ своихъ начинаніяхъ [1]). Люди же, относящіеся къ этому подраздѣленію перваго разряда политическихъ героевъ, получая содержаніе идеала нерѣдко въ смутномъ, хаотическомъ видѣ, въ образѣ неясныхъ, почти инстинктивныхъ стремленій,—придаютъ этому содержанію болѣе точныя формы, прокладываютъ пути къ осуществленію его—и приближаютъ иногда самый часъ осуществленія.

Двадцатипятилѣтній Петръ Алексѣевичъ не самъ выдумалъ, что нужно море, что нужно войско, что нужны деньги, нуженъ торговый обмѣнъ, и что нужно правительству организоваться. Какъ было сказано, весьма темны внутреннія отношенія тогдашней Россіи, но ужъ это-то мы знаемъ, что и до Петра всѣ перечисленныя стремленія существовали въ средѣ, въ которой Петръ росъ, т.-е. при дворѣ и на верхахъ служилаго сословія. Иннервація Петра (судя даже по прямымъ, мемуарнымъ указаніямъ) была колоссальна по глубинѣ и силѣ,—и названныя тенденціи онъ воспринялъ совсѣмъ особенно; умъ Петра былъ также колоссаленъ,—всѣ свойства умственнаго таланта были ему отпущены природою въ такомъ изобиліи, что ихъ, вѣроятно, съ избыткомъ хватило бы на всѣхъ послѣдующихъ государей на протяженіи, по крайней мѣрѣ, XVIII-го столѣтія; и Петръ не только былъ особенно возбужденъ тенденціями среды, но и сразу ухватился за тотъ прямой методъ, который непосредственно могъ привести къ цѣли. Петръ былъ воплощеннымъ ураганомъ, почти стихійной революціей; онъ разрушалъ и созидалъ безъ системы, торопясь изо всѣхъ силъ,—и разрушилъ и создалъ много. Разсмотримъ же результаты его дѣятельности, ибо на нихъ отчасти выяснится путающая выкладки исторической философіи и соціологіи роль психическаго фактора. Изъ массы Петровскихъ политическихъ созданій и результатовъ удержалось слѣдующее (мы

---

[1]) Личное несчастье, иногда кончающее ихъ жизнь, съ исторической точки зрѣнія, не такъ важно, какъ ихъ общественная, хотя бы и кратковременная удача (примѣръ—Савонарола).

говоримъ о такомъ исторически-маломъ срокѣ, какъ тридцать лѣтъ): 1) всѣ учрежденія, усилившія правительственную власть —синодъ, армія, болѣе точная и строгая (сравнительно съ XVII вѣкомъ) податная, фискальная организація, государственная охрана (установленія, связанныя съ „словомъ и дѣломъ"), болѣе оживленныя (опять-таки сравнительно съ XVII вѣкомъ) сношенія съ европейской дипломатіей; 2) разработка правительствомъ и отдѣльными лицами нѣкоторой части естественныхъ богатствъ Россіи; 3) сближеніе высшаго класса съ европейской культурою (не только внѣшнею, какъ иногда скромно говорятъ наши историки, но и внутреннею—культурою „нравовъ", ибо она и въ Европѣ была тогда не весьма высока). Погибло же за эти тридцать лѣтъ (1725—1755 гг.) слѣдующее: 1) сенатъ въ томъ видѣ, какъ онъ задуманъ былъ Петромъ и какъ онъ могъ отчасти служить пугаломъ для беззаконія; 2) всѣ коллегіальныя учрежденія, которыя при Петрѣ должны были состоять при намѣстникахъ провинцій и другихъ начальствующихъ лицахъ; 3) военный флотъ, при помощи котораго къ началу царствованія Екатерины II, по словамъ самой императрицы, даже селедокъ ловить нельзя было; 4) майоратъ, съ ограниченіемъ права помѣщиковъ безконтрольно распоряжаться въ завѣщаніяхъ своими имѣніями.

Мы, разумѣется, не все привели, что̀ погибло; но и этого достаточно. Разъ нѣкоторыя Петровскія учрежденія погибли такъ быстро,—а между ними любимыя дѣтища Петра (сенатъ, флотъ),— то должна же быть тому причина; причина эта сложна для фактическаго обоснованія, но проста, если ее высказать апріорно: значитъ, не было ни у правительства, ни у вліятельныхъ круговъ—словомъ, въ той средѣ, гдѣ находилось кормило правленія, ни малѣйшей потребности въ этихъ учрежденіяхъ. А такъ какъ не было никогда и тѣни народнаго недовольства (за эти тридцать лѣтъ) по поводу отсутствія флота, сената, майората, коллегіальныхъ учрежденій и проч.,—то, значитъ, и не ощущалось въ нихъ потребности. Если такъ, то откуда же они взялись въ головѣ Петра? Не противорѣчитъ ли это нашему тезису, что содержаніе идеаловъ уже дается герою средой? Нѣтъ, не противорѣчитъ. Еслибы человѣческая голова была подобна тому лотерейному ванькѣ-встанькѣ, въ котораго сначала бросаютъ рядъ вещей, а потомъ, дергая за веревочку, получаютъ изъ его рта одну за другой эти вещи и ничего болѣе,—тогда, конечно, слѣдовало бы изумляться тому, что Петръ далъ міру не то и не такъ, что̀ и какъ онъ взялъ у него. Но такъ какъ—опять скажемъ,—къ ве-

ликому затрудненію обществовѣдѣнія,—человѣческая психика есть аппаратъ чудовищно сложный, и такъ какъ мы *никакихъ* его деталей не знаемъ, несмотря на всю жаркую полемику нѣкоторыхъ философовъ и психологовъ о мѣстонахожденіи души и иныхъ сюжетахъ,—то остается лишь констатировать слѣдующее. Человѣкъ воспринимаетъ впечатлѣніе внѣшняго міра, или рядъ впечатлѣній; они входятъ въ его психическую жизнь и уже тутъ перерабатываются по-своему и такъ, что первоначальное ядро не всегда и узнаешь. Этого мало: человѣкъ сильной иннерваціи затопляетъ однимъ впечатлѣніемъ или суммою однородныхъ впечатлѣній *всю* свою психику,—и именно въ виду единства психической жизни чѣмъ сильнѣе иннервація, тѣмъ скорѣе психика всецѣло поглотится одною мыслью. Но теперь вдумаемся,—какая же это именно будетъ мысль? Та ли простая, отдѣльная, единичная, которая *повидимому* должна выработаться изъ простого, единичнаго, отдѣльнаго впечатлѣнія? Нѣтъ, тутъ ужъ *громадность и быстрота работы всей психики* не позволитъ этой первоначальной мысли остаться столь простою. Петръ увидѣлъ ботикъ Бранта,—свойства его иннерваціи затопили его мыслью о ботикѣ Бранта; что же, такъ эта мысль и останется у него? Петръ знаетъ, что правительству нужно быть сильнѣе, что нужны деньги, нужно море и проч.

Всѣ эти отдѣльныя мысли не остаются отдѣльными мыслями, но каждая изъ нихъ, въ послѣдовательные хронологическіе моменты заполняя его психику, становится громадной, всеобъемлющею. Есть восточныя ткани, которыя можно положить и на край стола, и растянуть на средину стола, и растянуть на весь столъ. Растягивая ткань на весь столъ,—мы ее дѣлаемъ громадной, сравнительно съ ея первоначальными размѣрами; яснѣе выступаютъ ея нити, узоры, она мѣняетъ отчасти свой цвѣтъ; она, словомъ, раздвинулась, расширилась и измѣнилась,—но значитъ ли это, что она не та самая первоначальная, сравнительно маленькая ткань? Мысль отличается свойствами такой ткани; она тоже маленькой, одинокой попадаетъ въ психику,—только разница та, что ткань по столу растягиваютъ постороннія силы,—а мысль растягивается во всю ширь психической жизни самою же психикою и, заполнивши психическую жизнь, мѣняетъ и размѣры—становится громадной, мѣняетъ и цвѣтъ, и характеръ. И чѣмъ могущественнѣе психическая возбудимость, иннервація, тѣмъ скорѣе и глубже выйдетъ этотъ процессъ количественнаго возростанія и качественнаго измѣненія мысли. Не только мысль ростетъ и ширится,—она и наружу, къ исполненію просится у

указаннаго разряда иначе, чѣмъ у остальныхъ, проникнутыхъ ею же,—можетъ быть, отчасти, именно потому, что представляется ихъ сознанію въ яркомъ свѣтѣ, со всѣми развѣтвленіями, со всѣми другими невидными способами и путями къ осуществленію. Герой (особенно если онъ имѣетъ физическую непосредственную къ тому возможность) и начинаетъ осуществлять,—но что̀?—не общераспространенныя и въ него попавшія тенденціи, а мысли, уже переработанныя его психикою часто въ неожиданныхъ для современниковъ размѣрахъ. Но чуть погасла эта случайная соціальная сила, умеръ реформаторъ, сошло со сцены революціонное поколѣніе—и то, что̀ было осуществленіемъ узоровъ, вытканныхъ собственною ихъ психикою,—угасаетъ или почти угасаетъ съ ними,—а то, что̀ они осуществили согласнаго съ потребностями, живучими и гнетуще-нужными для соціальной группы или хоть вліятельной, сильной части ея, то переживаетъ и остается. Полное преобразованіе гражданскаго строя Франціи, стараго режима—было насущною потребностью многихъ милліоновъ изъ тѣхъ двадцати-пяти, которые жили въ этой странѣ: эту тенденцію въ яркихъ ѐбразахъ и запечатлѣвающихся краскахъ передали и выразили революціонные дѣятели, и осуществили ее,—она и осталась уже послѣ того, какъ о дѣятеляхъ и слухъ замеръ. Но эти же дѣятели въ такихъ же ѐбразахъ и краскахъ выражали тенденцію о личной свободѣ, конституціи, республикѣ и проч., и тоже осуществили ее. Однако тенденція эта поддерживалась лишь частью народа и маленькою частью, и то не всею,—поэтому она быстро погибала вмѣстѣ съ своими носителями, и потомъ воскресала, и погибала, и опять воскресала по мѣрѣ того, какъ ширилось количество ея сторонниковъ—вплоть до конца XIX вѣка. Наконецъ, революціонные дѣятели выставили и еще тенденцію: замѣнить католичество „богинею разума“ и проч.—и ужъ эта тенденція провалилась совсѣмъ быстро, и даже память о ней осталась лишь въ видѣ нѣсколькихъ курьезныхъ маскарадовъ,—а вѣдь и „религія разума“ была учрежденіемъ, и за насмѣшки надъ нимъ людей казнили. Люди сильной иннерваціи и инициативы, революціонеры, восприняли вмѣстѣ съ гнетущими тенденціями массъ зародышъ цѣлой бездны новыхъ, несвойственныхъ массамъ мыслей, которыя выработались процессомъ ихъ личнаго неустаннаго психическаго труда изъ тѣхъ же общераспространенныхъ тенденцій. Имъ удалось, вмѣстѣ съ гнетущими всѣхъ (или большія массы) тенденціями, осуществить и эти новыя, гнетущія только ихъ однихъ мысли, а ближайшее исто-

рическое будущее отмело одни плоды ихъ дѣятельности отъ другихъ; первые остались, вторые погибли навсегда или на время. Это было съ французскими революціонерами, съ Петромъ Великимъ, съ русскими дѣятелями эпохи реформъ. Впрочемъ, послѣдній примѣръ мы должны будемъ привести дальше, когда будемъ говорить о герояхъ, не вліявшихъ непосредственно на ходъ политическихъ событій. Теперь перейдемъ ко второму подраздѣленію перваго разряда дѣятелей, т.-е. лицъ, одаренныхъ сильнѣйшей иннерваціей, вліяющихъ непосредственно на ходъ политическихъ событій, но почти исключительно гипнотизирующей силой своей страстности, или отсутствіемъ колебаній, твердостью и другими *моральными* свойствами натуры, а не интеллектуальными открытіями и новыми по широтѣ идеями. Къ этому подраздѣленію относятся Джонъ Гэмпденъ, Кавуръ, повидимому Октавіанъ-Августъ и т. д. Иногда эти лица обладаютъ еще какими-нибудь техническими способностями, что̀, конечно, помогаетъ ихъ дѣлу (тактикъ Гарибальди, дипломатъ Бисмаркъ, ораторъ и организаторъ Парнель и др.). Лица этой категоріи весьма часто достигаютъ своей цѣли полностью; иногда же, не достигая ея, все-таки видятъ идущими за собою большіе слои народа или цѣлыя націи. Одиноки они никогда не бываютъ именно потому, что являются лишь болѣе громкимъ и пригоднымъ рупоромъ для словъ, рвущихся изъ груди у многихъ ихъ соотечественниковъ. Они, обыкновенно, побѣждаютъ, если только они дѣйствительно выразители желаній сильныхъ слоевъ населенія и если въ жизнь ихъ соціальной группы не вторгнется посторонняя сила (вмѣшательство болѣе сильной націи и т. п.): Парнель въ Ирландіи былъ не менѣе популяренъ, нежели Бисмаркъ въ Пруссіи,—а можетъ быть, и популярнѣе, но Бисмаркъ остался побѣдителемъ, Парнель же не достигъ почти ничего. Окружающія, постороннія Пруссіи и Ирландіи, силы обусловили судьбу того и другого, но въ предѣлахъ своей соціальной группы, въ данномъ случаѣ—своей націи, ни тотъ, ни другой одинокими не были.

Дѣлая общую характеристику обѣихъ категорій этого разряда политическихъ дѣятелей, *непосредственно* вліявшихъ на событія, скажемъ: значеніе первой категоріи (людей сильной иннерваціи и одаренныхъ умственными талантами) заключается въ томъ, что они, во-первыхъ, повидимому хронологически ускоряютъ наступленіе событій, влекущихъ за собою нужныя перемѣны; во-вторыхъ, что они осуществляютъ эти нужныя сильной части народа установленія (слово „сильный“ употреблено здѣсь въ самомъ узкомъ значеніи; правящіе круги и правительственный

аппаратъ поддержали Петра Великаго, бо́льшая часть крестьянства и буржуазіи—поддержала французскихъ революціонеровъ). Рядомъ съ этимъ, они часто осуществляютъ и личныя свои затѣи, почти всегда являющіяся эфемеридами.

Значеніе второй категоріи (этого же разряда непосредственно вліяющихъ на событія героевъ) заключается въ томъ, что они также способствуютъ ускоренію событій, нужныхъ сильной части населенія, причемъ стоятъ въ смыслѣ развитія общихъ политическихъ идей на уровнѣ выдвинувшей ихъ массы, но своими особыми моральными свойствами преимущественно предъ обыкновенными людьми способствуютъ осуществленію общераспространенныхъ тенденцій; если они обладаютъ и техническими способностями, то ихъ значеніе еще больше (хотя чаще техническія способности соединяются съ общими умственными дарами природы и встрѣчаются у дѣятелей первой категоріи).

VI.

Таково значеніе этого перваго разряда психическихъ единичныхъ силъ, которыя вліяютъ на политическія событія и способствуютъ выработкѣ политическихъ учрежденій; таково значеніе ихъ для реальной исторіи. Но каково значеніе ихъ для обществовѣдѣнія, *какъ науки*? Увы, самое прискорбное! Разсказывается гдѣ-то, какъ одинъ натуралистъ растопталъ ногами жука, найденнаго имъ, только потому, что жукъ своими особенностями мѣшалъ стройности его классификаціи. Историческіе герои уже перваго описаннаго нами разряда могли бы возбудить свирѣпость этого натуралиста, начни онъ заниматься обществовѣдѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ-то, эти психическія силы, до чрезвычайности усложняютъ дѣло. Что̀ мы вывели относительно ихъ? Что онѣ способствуютъ ускоренію процесса политической эволюціи. Выведено это—апріорно, ибо существо дѣла исключаетъ иной путь... Что̀ обусловливаетъ ихъ появленіе? Рядъ причинъ, которыхъ никто не знаетъ и которыя называются физіологическими и иными случаями. Что̀ ихъ поддерживаетъ? Вся соціальная группа (нація) или сильная часть ея, т.-е. могущая доставить имъ возможность физической борьбы съ препятствіями. Но *какая* часть группы въ опредѣленный моментъ сильна въ этомъ смыслѣ? Отвѣтъ относительно прошлаго можетъ быть только апостеріорнымъ, относительно будущаго—только гадательнымъ...

Одно лишь остается несокрушимымъ: долго живутъ учреж-

денія, не препятствующія удовлетворенію экономическихъ нуждъ сильнѣйшей части соціальной группы и охраняющія нужный ей экономическій строй; гибнутъ,—учрежденія, въ этомъ смыслѣ сильнѣйшей части населенія ненужныя. Массы всегда этимъ и только этимъ гнетущимъ интересомъ заняты,—онѣ своимъ героямъ даютъ эти тенденціи (когда сами подъ вліяніемъ ростущей интенсивности своихъ потребностей, широко такими тенденціями проникнутся); герои осуществляютъ ихъ,—и это остается,—остальное отметается. Вотъ почему чисто-гражданскія установленія и правовые кодексы больше всего выживаютъ послѣ создавшихъ ихъ революцій и реформъ, а чисто-политическіе институты и конституціи чаще всего подвергаются измѣненіямъ. *Сильною* часть населенія можетъ быть тогда, когда она все-таки довольно велика количественно (это—conditio sine qua non); а большое количество людей никогда, даже теперь, даже въ Америкѣ, Англіи и Франціи *не можетъ*—психологически—интересоваться кодификаціонными подробностями; въ прежнія же времена, въ исторіи, и главные принципы чистой политики никого, кромѣ горсточки, не интересовали. Но чтобы ужъ кончить съ героями, воспользуемся тѣмъ, что рѣчь зашла объ этой „горсточкѣ". Эту горсточку и прежде, и теперь именовали различнѣйшими эпитетами,—интеллигенція, intellectuels, Schwärmer, Träumer и т. д. Судьба этой горсточки тѣсно связана въ историческихъ матеріалахъ—и фактически, и логически—съ судьбами второго отмѣченнаго нами разряда героевъ (т.-е. героевъ, вліяніе которыхъ на политическія событія не непосредственно, а косвенно[1]).

Этотъ второй разрядъ включаетъ философовъ, публицистовъ, художниковъ слова, кисти, рѣзца, создателей теологическихъ и теолого-этическихъ системъ,—словомъ, тѣхъ людей, у которыхъ повышенная иннервація соединялась съ такого рода умственнымъ талантомъ или геніемъ, что, высказывая свои мысли и чувства, они оказывали вліяніе на другихъ людей,—и вліяніе общественное. Аристофанъ, Тацитъ, Мильтонъ, Вольтеръ, Руссо, Дидро, Лютеръ, Бичеръ-Стоу и т. д., и т. д.,—вотъ люди этого разряда; мы привели первыя пришедшія на память имена. Можно даже сказать, что *всякій* дѣйствительно большой художественный талантъ имѣетъ общественное значеніе, даже если совсѣмъ объ этомъ не заботится, ибо объединяетъ общностью переживаемыхъ художественныхъ эмоцій всѣхъ, наслаждающихся его созданіями; въ еще большей мѣрѣ это можно сказать о талантахъ публицистическихъ

---

[1]) О значеніи этого слова см. раньше.

и философскихъ, вліяющихъ на меньшее число умовъ, но зато уже болѣе прямо, болѣе непосредственно. Разумѣется, тутъ важно насколько внѣшнія обстоятельства располагаютъ общество къ воспріятію идей и образовъ, выражаемыхъ и создаваемыхъ писателями и художниками. Но такъ какъ это слишкомъ понятно и извѣстно,—перейдемъ къ другому вопросу: на *кого* вліяютъ они? Обратимся къ ретроспективному историческому обзору предмета. Въ 1880 году, по увѣренію такого безпристрастнаго во всѣхъ отношеніяхъ свидѣтеля, какъ Гл. Ив. Успенскій, представители московскаго простого народа ничего не понимали и недоумѣвали, видя сооруженіе памятника Пушкину („статуй"... „идолъ" etc.); а о знаніи народными массами Россіи другихъ писателей и говорить уже не приходится. Пишущій эти строки читалъ въ „Frankfurter Zeitung" негодующее заявленіе, что нѣмецкой деревнѣ неизвѣстны иногда даже имена Шиллера и Гёте, не взирая на школу. Порывшись въ памяти, многіе вспомнятъ аналогичныя констатированія факта полнаго или почти полнаго невѣдѣнія массами европейскаго населенія даже именъ величайшихъ своихъ писателей—художниковъ слова. О философахъ, публицистахъ, живописцахъ, скульпторахъ, конечно, и рѣчи быть не можетъ. Такъ или почти такъ обстоитъ дѣло въ настоящее время; и это мы говоримъ даже *объ именахъ*, а нужно ли доказывать, что ужъ вліянія-то на народныя массы—и въ Европѣ, и у насъ—герои мысли и искусства не имѣли никакого въ истекшемъ XIX вѣкѣ. Если относительно XIX вѣка это можно констатировать не только логически, но отчасти фактически, то что̀ сказать о вѣкахъ минувшихъ? Тогда не было Успенскихъ, не было газетъ, интересующихся распространеніемъ культуры,—не было, словомъ, любопытства относительно вопроса: читаютъ что-нибудь сѣрыя массы или нѣтъ? Ибо и вопросъ былъ праздный: всюду сѣрыя массы читать не умѣли почти совершенно. Теперь еще продолжимъ этотъ обзоръ: а въ средніе вѣка, въ классическую эпоху Греціи и Рима, умѣло читать народное большинство? Тутъ фактическихъ указаній нѣтъ или почти нѣтъ, но, памятуя о положеніи дѣла въ XIX столѣтіи, мы не затруднимся дать себѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. И все-таки эти люди (герои мысли) выражаютъ свои идеи, рисуютъ образы и вліяютъ на историческія событія,—конечно, не на сущность ихъ, но *отчасти* на ихъ хронологію и внѣшнюю обстановку. Происходитъ это въ общемъ такъ. Психическія вліянія, исходящія отъ людей сильной иннерваціи и сильныхъ литературныхъ и иныхъ талантовъ,—эти вліянія, зарождаемыя у *необыкновенныхъ* людей внѣшними вѣяніями

и переработываемыя ихъ душевною жизнью, дѣйствуютъ на *обыкновенныхъ* людей, которыхъ иннервація *также* повышена, которые также живутъ подъ аналогичными впечатлѣніями окружающей среды и которые слышатъ изъ талантливыхъ устъ либо яркое изображеніе общераспространенныхъ впечатлѣній, либо оригинальныя *новыя* идеи относительно тѣхъ или иныхъ общественныхъ вопросовъ. Такіе люди, обыкновенные по умственнымъ способностямъ, но не совсѣмъ обыденные по свойствамъ иннерваціи, подъ вліяніемъ описываемаго разряда „героевъ" мысли и искусства,—быстрѣе доходятъ до тѣхъ или иныхъ выводовъ, глубже проникаются тѣми или иными чувствами, и хотя ихъ все-таки, сравнительно съ сѣрой, темной массой, была всегда и всюду горсточка, но они принимали весьма часто дѣятельное участіе въ совершавшихся событіяхъ,—и они-то составляли всегда необходимую свиту, необходимое орудіе политическихъ „героевъ"; они-то, эта интеллигенція, intellectuels, Schwärmer и т. п., и привносили (вмѣстѣ съ политическими „героями") въ историческія событія то самочинное строительство, которое потомъ часто оказывалось столь шаткимъ и недолговѣчнымъ. Въ высокой мѣрѣ нелѣпо было бы говорить о „ничтожности" ихъ роли и т. п. вещахъ; для науки ничто не ничтожно, а дѣятельность этой маленькой горсточки на протяженіи всей исторіи такъ ярка, такъ широка по своимъ основнымъ идеямъ, такъ глубоко драматична по своимъ деталямъ, что только лишь вслѣдствіе недостатка нужныхъ матеріаловъ, да отсутствія интереса у историковъ, до сихъ поръ не описаны *систематически* судьбы этой маленькой, но достопримѣчательной соціально-психологической категоріи людей во всѣхъ странахъ и во всѣ эпохи. Но матеріаловъ нѣтъ, судьбы не описаны—и обществовѣду остается трудная работа—еще и этотъ интересный сюжетъ не разработывать, а „выводить за скобки" исторіи,—что̀, конечно, труднѣе дѣлать, нежели въ алгебрѣ съ анонимными величинами. Выводить же „за скобки" вліяніе психическихъ силъ на историческія событія, дѣйствительно, не легкая задача. Обратимся къ конкретному примѣру.

Въ 1861 году императоръ Александръ II освободилъ крестьянъ. Онъ удовлетворилъ этимъ, какъ уже было упомянуто, насущной потребности и государства, и большинства населенія. Но можно ли сказать, что онъ *долженъ* былъ именно въ 1861 году, а никакъ не позже, освободить крестьянъ, что каково бы ни было рѣшеніе верховной власти—освобожденіе тогда же состоялось бы? Ни въ какомъ случаѣ. „И кто знаетъ,—если бы не Царь-Освободитель, не лизалъ ли бы до сихъ поръ Филька рас-

каленную печку языкомъ и не ходила ли бы Машка остриженной по приказанію барыни"?

Припоминаемъ эти слова, сказанныя человѣкомъ, котораго въ сервилизмѣ упрекать никто не отважится,—Салтыковымъ. Дѣйствительно, гдѣ логическія доказательства, что крѣпостное право не могло бы просуществовать еще десять—двадцать, тридцать лѣтъ? Были бы маленькія крестьянскія возстаньица, которыя ничего не было бы легче какъ подавить военной силой; чистая крестьянская пугачевщина въ XIX вѣкѣ, при средствахъ государственной власти, не могла бы удаться (да и въ XVIII она ничего не достигла). Въ концѣ концовъ, необходимость прокормиться, для большинства населенія, необходимость сохранить отъ паденія весь государственный механизмъ (хотя бы изъ чисто-личныхъ интересовъ)—для меньшинства, явились бы достаточными стимулами, чтобы вычеркнуть мирнымъ или немирнымъ путемъ крѣпостное право изъ гражданскаго кодекса. Но когда насталъ бы этотъ, такъ называемый, гипотетическій „конецъ концовъ"? *Вѣроятно*, черезъ 10, 20, 30 лѣтъ... Тутъ ужъ гаданіямъ предоставляется весьма широкій просторъ. И вотъ, въ сферѣ этого важнаго, съ точки зрѣнія отдѣльной человѣческой жизни, и незамѣтнаго со всемірно-исторической точки зрѣнія періода въ нѣсколько десятилѣтій,—психическія силы, двинувшія въ дѣло освобожденія весь громоздкій и сильный правительственный аппаратъ, и сыграли свою роль: они *хронологически приблизили неизбѣжное* такъ же, какъ могли бы хронологически отдалить его до извѣстнаго (и научно неопредѣлимаго) предѣла. Дѣятельнѣйшую роль при освобожденіи сыграла часть общества, такъ называемая *интеллигенція*, которая всѣми мѣрами помогала правительству въ его задачѣ и побуждала его къ болѣе широкой постановкѣ дѣла. Эта ничтожная численно (какъ всегда и вездѣ) группа народа, обладавшая свойствомъ бо́льшей иннерваціи и, въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ своихъ, выдающимися качествами ума и умственныхъ талантовъ, и создавала то, что̀ носитъ названіе общественнаго мнѣнія, т.-е., другими словами: маленькій кружокъ людей, хоть въ сто—двѣсти тысячъ человѣкъ (беремъ нарочно довольно неосновательный максимумъ), среди семидесятимилліоннаго народа писалъ, говорилъ, спорилъ, шумѣлъ,—а семьдесятъ милліоновъ молчали. Много ли было такихъ мнѣній кружка, которыя совпадали бы съ мнѣніями отдѣльныхъ классовъ всего народа? Нѣтъ, немного, насколько можно судить: мнѣнія крѣпостниковъ и мнѣнія, выражавшіяся въ желаніи освобожденія съ землею, и, наконецъ, (хотя въ очень малой степени), мнѣнія о необходимости освобо-

дить крестьянъ безъ земли. А были въ этомъ кружкѣ (до извѣстной степени захватывавшемъ и правительственныхъ лицъ) мнѣнія еще и другія, самыя разнообразныя: о selfgovernment, о жюри (тогда, до осуществленія, часто употреблялись иностранныя названія), о свободѣ прессы, о необходимости споспѣшествовать земскимъ началамъ, о необходимости противиться введенію земскихъ началъ, объ эмансипаціи женщинъ, и т. д., и т. д. Кружокъ весьма этимъ занимался, ожесточенно спорилъ, преслѣдовалъ однихъ своихъ членовъ руками другихъ своихъ членовъ, разрушалъ, создавалъ,—и какъ уже сказано, изъ его созданій только два (крестьянское освобожденіе и военная реформа) остались цѣлы. Но такъ какъ эта сотня тысячъ и ея потомки видны и слышны, то возникаетъ до невѣроятія путающая и безъ того хаотическіе матеріалы такъ называемая „умственная исторія" (какъ она пишется), т.-е. исторія споровъ, разочарованій и новыхъ очарованій горсточки лицъ, имѣвшихъ случай родиться или воспитаться съ болѣе повышенной иннерваціей, нежели 99 и три-четверти процента ихъ соотечественниковъ.

Представимъ себѣ, что какой-нибудь Джонъ Муррэй, изслѣдователь морской флоры и фауны, найдетъ группу полиповъ и увидитъ, что на каждый милліонъ этихъ существъ приходится тысячи полторы особей, болѣе быстро двигающихся, быстро окаменѣвающихъ, оставляющихъ по себѣ еле-замѣтный слѣдъ въ видѣ маленькой полоски и выдѣляющихъ послѣ себя новую, столь же ничтожную, исключительную категорію. Вѣроятно, онъ внесъ бы замѣтку о нихъ въ свой путевой журналъ, изслѣдовалъ бы нѣсколько экземпляровъ и, убѣдившись въ тождественности физическаго строенія, оставилъ бы дѣло; также оставилъ бы дѣло Брэмъ, Леббокъ или Эспинасъ, убѣдившись въ преимущественной подвижности, дѣятельности, работоспособности одного муравья, или даже десятка—въ муравейникѣ. Но ни историкъ, ни обществовѣдъ *не могутъ* такъ легко оставить безъ вниманія даже и одну сотню тысячъ между ста милліонами, если именно эта сотня тысячъ вліяетъ, и вліяетъ иногда очень сильно, на жизнь массы (хотя бы способствуя хронологическому приближенію и отдаленію событій и политическихъ перемѣнъ); она вліяетъ на массу еще и какъ *создательница фактовъ*. Напримѣръ, въ Россіи новый судъ оказался соціологически-хрупкимъ явленіемъ; и однако, фактъ его существованія, равенство предъ уголовнымъ закономъ, „ныньче бить не приказано" и т. д.,—все это внесено въ народную жизнь,—и развѣ можно вычислить всѣ новыя идеи, новыя знанія и понятія, порожденныя фактами подобнаго рода,

т.-е. самою дѣйствительною пропагандою? И это измѣненіе психическаго уклада массъ начинаетъ также иногда отчасти вліять на судьбу учрежденій, не имѣющихъ сами по себѣ особенно прочныхъ корней, реальной силы сопротивленія, активной защиты,—хотя, впрочемъ, сравнительно рѣдко, такое вліяніе можно констатировать.

Но еще и по другимъ основаніямъ исторія умственной жизни этой маленькой горсточки не поддается „выведенію за скобки". Эта воспріимчивая, впечатлительная горсточка составляетъ и составляла въ исторіи разныхъ странъ и эпохъ какъ бы главный штабъ, свиту помощниковъ и исполнителей вокругъ „героевъ" обоихъ названныхъ разрядовъ, т.-е. и прямо, и косвенно вліявшихъ на политическія событія. Для точнаго анализа этой роли ихъ обратимся къ разсмотрѣнію соціологическаго значенія слова „событіе".

VII.

Оговоримся прежде всего: мы умышленно съузимъ и весьма сильно съузимъ объемъ слова „событіе", именно потому, что при современномъ состояніи обществовѣдѣнія нѣтъ никакой возможности оперировать надъ слишкомъ общими понятіями. Астрономія подъ *планетою* обыкновенно понимаетъ небесное тѣло *солнечной* системы; быть можетъ, при дальнѣйшемъ прогрессѣ этой науки и ея вспомогательныхъ средствъ понятіе планеты расширится въ объемѣ и будетъ охватывать соотвѣтствующія небесныя тѣла иныхъ, пока неизвѣстныхъ системъ; но пока астрономическое просторѣчіе допускаетъ эту терминологію и не всегда добавляетъ къ слову „планета" опредѣленіе: „солнечной системы". Можетъ быть, когда-нибудь и осуществится то, на что̀ совершенно не надѣется пишущій эти строки,—и безъ исключенія *всѣ* событія соціальной жизни въ прошломъ и настоящемъ смогутъ войти въ ясную и точную цѣпь закономѣрности, — но въ ожиданіи будущихъ успѣховъ обществовѣдѣнія достаточно будетъ, если мы ограничимъ объемъ понятія „событіе" болѣе доступною для изученія сферою. Будемъ понимать подъ словомъ *событіе* только такой историческій фактъ, который возможно привести въ прямую связь съ стремленіями членовъ данной соціальной группы сохранить или измѣнить ея внутренній строй. Соціологическому учету поддаются гораздо болѣе, нежели всѣ другіе матеріалы обществовѣдѣнія,—измѣненія хозяйственнаго строя данной соціальной группы; *слѣдовательно*, въ бо̀льшей

степени закономѣрно объяснимы только тѣ событія, которыя стоятъ въ прямой связи съ измѣненіями хозяйственнаго строя; *слѣдовательно*, точно также легче объяснимы и больше поддаются учету только тѣ психическія силы, которыя служатъ видимымъ факторомъ *подобныхъ* событій, а не другихъ; *слѣдовательно*, и вліяніе политическихъ дѣятелей и ихъ главнаго штаба,—особенно воспріимчивой горсточки,—соціологически опредѣлимо только тогда, когда оно (это вліяніе) прямо сказывается въ подготовкѣ и совершеніи подобныхъ же событій, а не какихъ бы то ни было иныхъ.

Остановимся на конкретномъ примѣрѣ цѣлаго ряда историческихъ происшествій, которыя, несмотря на свою видимую грандіозность, не поддаются никакому введенію въ причинную связь, насколько, вообще, таковую можно установить между соціальными явленіями. Этотъ рядъ историческихъ происшествій называется крестовыми походами, охватываетъ въ общемъ періодъ въ двѣсти лѣтъ, описывался и описывается многочисленными историками,—и воспѣвался многими поэтами (впрочемъ, воспѣваться началъ только лѣтъ черезъ пятьсотъ). Но *почему* крестовые походы зародились и стали возможны? Прежде на это отвѣчали: потому, что европейское человѣчество XI—XIII вв. было необыкновенно религіозно, склонно къ энтузіазму и проч., а тутъ, какъ разъ, сельджуки и сарацины стали преслѣдовать паломниковъ. На это можно отвѣтить, что 1) ничѣмъ не доказана преимущественная склонность къ религіозному энтузіазму у европейскаго человѣчества тѣхъ временъ; 2) что если эта склонность и была, то почему же походы не прекратились хотя бы черезъ сто лѣтъ послѣ своего начала, ибо послѣ Саладина никакой особенной религіозной нетерпимости магометане не обнаруживали? 3) Если скажутъ, что ужъ тогда дѣло шло не только о безопасности, но объ обладаніи святынею, то почему же въ 1291 году походы безвозвратно окончились, когда святыня осталась все-таки въ рукахъ невѣрныхъ? 4) Если будетъ замѣчено, что энтузіазмъ въ европейскомъ человѣчествѣ охладѣлъ, то можно повторить требованіе доказательствъ присутствія этого энтузіазма раньше и присоединить требованіе доказательствъ измѣненія настроенія въ Европѣ послѣ 1291 года, когда ничего достопримѣчательнаго не произошло въ дѣлѣ вѣры и религіи за эти двѣсти лѣтъ, т.-е. ничего такого, что̀ могло бы замѣтно измѣнить религіозное настроеніе массъ (вспомнимъ, хотя бы, пышный расцвѣтъ нищенствующихъ орденовъ и фана-

тической преданности имъ населенія Италіи, Франціи, Германіи въ XIV вѣкѣ).

Впрочемъ, теперь къ указаннымъ „причинамъ“ прибавляютъ и другія: недостатокъ питанія, феодальныя тяготы заставляли идти, куда глаза глядятъ. Но позволительно потребовать фактическихъ доказательствъ, что отъ XI до XIII вв. у „европейскаго человѣчества“ питаніе было плохо,—а раньше XI и позже XIII лучше,—и что феодальная тягота была до 1095 и послѣ 1291 года сноснѣе, нежели въ этотъ злополучный періодъ. Нечего и говорить, что такихъ доказательствъ представить нельзя, а высказываются эти соображенія гипотетически... Но если ужъ прибѣгать къ гипотезамъ, то нужно же дѣлать ихъ осторожнѣе, не употреблять всуе такихъ „объемистыхъ“ понятій и пышныхъ словъ, какъ „европейское человѣчество“,—и тогда многое станетъ яснѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, на войну съ невѣрными, за двѣсти лѣтъ, Петръ Пустынникъ, Готфридъ Бульонскій, Конрадъ III, Фридрихъ Барбаросса, Ричардъ Львиное Сердце, Фридрихъ II, Филиппъ Августъ и Людовикъ Святой повели, въ общей сложности, не больше одного съ небольшимъ милліона людей, если брать максимумы сообщаемыхъ лѣтописями цифръ и даже принять на вѣру неправдоподобную цифру войскъ Петра Пустынника (600 тысячъ чел.). Итакъ, даже при самыхъ невѣроятныхъ максимумахъ, на каждое изъ семи поколѣній, пережившихъ походы, приходилось около 140.000 крестоносцевъ; другими словами: *вся* Европа выставляла на это дѣло каждый разъ, вѣроятно, лишь дробный процентъ своего народонаселенія. Теперь, запомнивши это, обсудимъ слѣдующее. Отъ 1723 до 1885 года Россія истратила на войны и походы въ Среднюю Азію нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ; были и лихіе волонтерскіе набѣги, и блестящія побѣды, и кровавыя отступленія съ гибелью русскаго войска, въ родѣ похода Перовскаго, и кровавые успѣхи съ гибелью азіатовъ, въ родѣ нашествія Скобелева. Но чтò бы мы сказали объ историкѣ, который сталъ бы описывать походы въ Среднюю Азію какъ коренное событіе русской исторіи 1723—1885 гг.? Чтò онъ близорукъ, что онъ проглядѣлъ за этими походами множество болѣе важныхъ событій русской исторіи. А чтò сказали бы мы о соціологѣ, который, основываясь на словахъ подобнаго историка, сталъ бы пріискивать объясненія этому „коренному“ событію и находить ихъ въ энтузіазмѣ русскаго народа къ Средней Азіи, или въ томъ, что отъ персидскаго похода Петра I (1723 г.) и до побѣды генерала Комарова при

Кушкѣ (1885 г.) русскій народъ искалъ себѣ въ Средней Азіи пропитанія,—или что какъ разъ въ этотъ періодъ его давила крѣпостная тягота? Мы сказали бы, что соціологъ невѣжественъ, что онъ тщится объяснить дѣло такъ, какъ объяснить его нельзя. И вѣдь этотъ періодъ длился всего 162 года, а не двѣсти лѣтъ,—и Россія выслала хотя и дробный, но все-же врядъ ли менѣе значительный *процентъ* своего населенія въ Азію, нежели *вся* средневѣковая Европа въ Палестину. Почему же намъ казались бы курьезными попытки объяснить среднеазіатскіе походы всѣмъ нравственнымъ и матеріальнымъ состояніемъ русскаго общества за 162 года, а не кажутся столь же курьезными объясненія шести свалокъ [1]) нѣсколькихъ сотенъ тысячъ европейцевъ съ мусульманами,—объясненія ихъ всѣмъ культурнымъ и экономическимъ состояніемъ „европейскаго человѣчества" за двѣсти лѣтъ его исторіи? Очень просто: потому, что о 162 годахъ русской исторіи мы знаемъ сравнительно весьма много, а о 200 годахъ крестоноснаго періода знаемъ чрезвычайно мало. Не знай мы кромѣ средне-азіатскихъ походовъ *ничего* ни о Петрѣ Великомъ, ни о Екатеринѣ II, ни о царствованіи Александра I и II, ни о всѣхъ событіяхъ внутренней жизни Россіи и значительнѣйшихъ ея войнахъ, весьма можетъ быть, что средне-азіатскіе походы возбудили бы въ насъ исключительный интересъ, и *на фонѣ нашего незнанія остальныхъ событій* они показались бы намъ самыми многозначительными фактами русской исторіи; тогда, быть можетъ, и соціологи, съ жадностью хватаясь за всякія скудныя свѣдѣнія, уцѣпились бы за какую-нибудь случайно дошедшую до нихъ солдатскую пѣсенку о покореніи Ахалъ-Теке,—и объяснили бы эти походы энтузіазмомъ націи къ Средней Азіи; а другіе, кое-что смутное узнавши о крѣпостномъ правѣ, заявили бы, что крѣпостной гнетъ отъ 1723 до 1885 гг. гналъ русскихъ куда глаза глядятъ; а отрывочное извѣстіе о какой-нибудь голодовкѣ, происшедшей въ Самарѣ за эти 162 года, окончательно „открыло бы глаза" на экономическій фундаментъ среднеазіатскихъ походовъ. Все это было бы сказано, написано и, можетъ быть, принято вслѣдствіе того простого психологическаго закона, что чѣмъ скуднѣе наши впечатлѣнія и познанія, тѣмъ въ большей степени *вся полнота вниманія* на нихъ сосредоточивается,—и что человѣку свойственно подыскивать объясненія фактовъ, занявшихъ вниманіе *во всей полнотѣ*,—все равно,

---

[1]) Четвертаго похода мы тутъ, конечно, считать не можемъ: крестоносцы остались въ Византіи.

обладай онъ дисциплинированной или недисциплинированной мыслью, будь онъ раціоналистомъ, супранатуралистомъ, матеріалистомъ или метафизикомъ.

И если бы знали мы что-нибудь положительное объ экономическомъ, хозяйственномъ, повседневномъ бытѣ десятковъ милліоновъ людей отъ Атлантическаго океана до Дуная, отъ Скандинавіи до Апуліи за двѣсти лѣтъ, если бы источники позволили намъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ прослѣдить, какъ жили, чѣмъ питались, въ какія отношенія между собою вступали эти десятки милліоновъ людей въ 50—60-ти тогдашнихъ мелкихъ и крупныхъ государственныхъ союзахъ, если бы знали мы, дѣйствительно, чѣмъ они интересовались,—то развѣ пришло бы намъ въ голову забыть о нихъ и помнить о ничтожномъ дробномъ процентѣ, который выдѣлился изъ ихъ массы за 200 лѣтъ, —развѣ пришло бы намъ въ голову изъ этого дробнаго процента дѣлать представителя и настроенія, и экономическаго быта, и соціальнаго положенія „европейскаго человѣчества"? Нельзя даже привести въ видѣ возраженія и то обстоятельство, что не даромъ же источники о крестовыхъ походахъ говорятъ много, о другомъ умалчиваютъ, а объ иномъ говорятъ отрывочныя фразы. Не останавливаясь уже на томъ, что знаемъ мы всю средневѣковую исторію почти исключительно отъ духовныхъ лицъ, которымъ естественно было больше интересоваться крестовыми походами,—любопытнѣе всего, что до начала XIX вѣка крестовыми походами никто особенно и не интересовался, что даже лѣтописцы XI—XIII вв. вовсе не исключительно о крестовыхъ походахъ говорятъ, что, однимъ словомъ, даже современникамъ эти походы не казались такимъ выдающимся событіемъ, какъ ихъ романтическимъ потомкамъ! Знаменитый французскій слѣдователь Масэ говаривалъ, что инымъ уголовнымъ дѣламъ „везетъ", а другимъ „не везетъ", что объ однихъ Парижъ кричитъ мѣсяцами, а о другихъ молчитъ совершенно. Къ сожалѣнію, нѣчто подобное имѣетъ мѣсто и въ исторіографіи,—теперь, впрочемъ, рѣже, нежели прежде. Своею внѣшнею эффектностью, поэтическимъ колоритомъ, который набросили на нихъ романтики, кажущимся единствомъ цѣли, крестовые походы заняли и въ исторіографіи, и въ сознаніи образованныхъ людей мѣсто, которое слишкомъ ужъ не подходитъ къ ихъ сравнительно скромному значенію,—и обществовѣдъ, который полагаетъ, что его наука призвана объяснить и ввести въ цѣпь закономѣрности *всѣ* выдающіяся историческія событія, всегда будетъ сбитъ съ толку подобными фактами и... можетъ вступить на тернистый путь вы-

думыванія культурныхъ, экономическихъ и всякихъ иныхъ причинъ.

Конечно, крестовые походы имѣли свои причины; можетъ быть, и изъ гипотезы объ энтузіазмѣ, и изъ гипотезы объ экономическомъ состояніи Европы и пр. можно кое-что извлечь для пониманія ихъ,—но соціологически они необъяснимы. Неизбѣжность, детерминизмъ, исчерпывающая и доказуемая зависимость послѣдующаго отъ предъидущаго,—вотъ что̀ характеризуетъ матеріалъ, нужный и годный обществовѣдѣнію при его современномъ состояніи. Остальное обществовѣдъ принужденъ, скрѣпя сердце, отбросить, пока свѣдѣнія науки не возростутъ настолько, чтобы и это отбрасываемое оказалось возможнымъ включить въ причинную цѣпь. Крестовые походы, дѣло ничтожнаго, дробнаго процента народонаселенія, могли быть и могли не быть (какъ, въ дѣйствительности, „былъ и не былъ“ четвертый походъ, когда крестоносцы собрались въ Іерусалимъ, а пріѣхали въ Константинополь, гдѣ и пробыли шестьдесятъ лѣтъ, неустанно грабя византійскую имперію);—и если бы даже удалось (что̀, за отсутствіемъ источниковъ, немыслимо) найти не фиктивныя, а дѣйствительныя причины крестоноснаго движенія,—все равно, ничего или почти ничего этимъ не было бы сдѣлано для уразумѣнія экономическаго и моральнаго состоянія тогдашней Европы, и, главное, никакъ не удалось бы доказать *неизбѣжности* крестовыхъ походовъ и всеобъемлемости ихъ значенія, ибо такого значенія они и не имѣли. Но, оставивши всякія попытки подобнаго рода,—историкъ разсматриваетъ этотъ частичный фактъ an und für sich; что̀ же онъ можетъ вывести? Что Петру Пустыннику, Бернарду Клервоскому, Иннокентію III и еще нѣсколькимъ сотнямъ лицъ такого же религіознаго чувства и столь же сильнаго религіознаго увлеченія или честолюбія удалось изъ многихъ милліоновъ европейцевъ, за двѣсти лѣтъ, расшевелить семь разъ [1]) нѣсколько сотенъ тысячъ людей настолько, что они, подталкиваемые еще и всевозможными другими мотивами, пошли въ Палестину. У однихъ, повидимому, были мотивы такой же сильной религіозной возбудимости, мотивы покаянія и пр.; у другихъ—мотивы надежды на попутный грабежъ Европы и конечный грабежъ Палестины; у третьихъ—потребность показать свою удаль; у четвертыхъ—избавиться отъ долговыхъ и иныхъ обязательствъ, и т. д., и т. д. Горсточка людей сильной и сильно выраженной иннерваціи проникнута и возбуждена религіознымъ

---

[1]) Считаемъ самые большіе походы.

чувствомъ, религіозными мечтаніями, личнымъ честолюбіемъ и честолюбіемъ за обожаемую религію,—собралась и составила главный штабъ помощниковъ около своихъ *героевъ*, Петра, Бернарда, Иннокентія,—и въ свою очередь стала основою, вокругъ которой семь разъ за сто лѣтъ собирались изъ всей Европы сравнительно весьма небольшія толпы всевозможнаго люда, по разнообразнѣйшимъ мотивамъ пожелавшаго отправиться въ Палестину. Но такъ какъ и *герои*, и горсточка, и толпы дѣйствовали по мотивамъ и соображеніямъ, не вытекавшимъ изъ насущныхъ потребностей какой бы то ни было націи или какого бы то ни было соціально-сильнаго слоя хоть одной европейской націи, то ихъ дѣло (и само по себѣ неудавшееся) не можетъ ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ своихъ войти въ закономѣрную связь историческихъ явленій.

Отъ этого примѣра совершенно самодовлѣющихъ и, поэтому, совершенно неприступныхъ для обществовѣдѣнія дѣйствій политическихъ дѣятелей и горсточки ихъ помощниковъ,—примѣра, показывающаго, какъ нелегко „выводить за скобки" психическія силы героевъ и „интеллигенцію" (ибо съ ними приходится иногда „выводить за скобки" и самыя яркія и бросающіяся въ глаза событія),—обратимся снова къ оставленному на время примѣру такихъ дѣйствій героевъ и горсточки, которыя отчасти вытекаютъ изъ насущныхъ потребностей соціальной группы или соціологически-сильной ея категоріи. Анализируя эпоху реформъ въ Россіи и ближайшій слѣдующій за нею періодъ, мы уже видѣли, что всего двѣ реформы выдержали такой снисходительный искусъ долговѣчности, какъ 25—30—40 лѣтъ, а остальныя не выдержали; мы уже замѣтили, что именно эти двѣ реформы—крестьянская и военная, и логически, и фактически вытекали изъ насущныхъ и поэтому наиболѣе требовательныхъ нуждъ страны,—и роль политическихъ героевъ и горсточки ихъ помощниковъ (т.-е. роль правительства, литературы, интеллигенціи)—довольно явственно заключается въ хронологическомъ приближеніи этихъ двухъ насущныхъ реформъ - крестьянской и военной. Остальныя реформы были тоже дѣломъ рукъ „героевъ" и горсточки, но не вытекавшимъ изъ такихъ же гнетуще-насущныхъ нуждъ народа и государства, вѣрнѣе, не такъ еще сознанныхъ народомъ и не такъ,—т.-е. не въ размѣрахъ вопроса о жизни или смерти,—необходимыхъ государству. Такой юридическій „верхъ совершенства", какъ судебные уставы 1864 года, такое самоуправленіе, какъ земское, даже такая степень облегченія участи печати, какъ правила 1865 года,—все это было исключительно дѣломъ рукъ

уже упомянутаго круга лицъ, въ который входили и правительственные сановники, и интеллигенція, и литература и т. п. Но потомъ, когда одной частичкѣ этого численно-маленькаго круга показалось нужнымъ измѣнить эти учрежденія въ иномъ смыслѣ, несмотря на нежеланіе другой частички, измѣненіе совершилось такъ, какъ желала первая, обладавшая возможностью исполнить желаніе; и возникали, и измѣнялись эти учрежденія при полномъ спокойствіи и равнодушіи огромныхъ массъ, даже не подозрѣвавшихъ о дебатахъ, спорахъ или борьбѣ, происходившей внутри упомянутаго маленькаго круга. А такъ какъ этотъ маленькій кругъ жилъ и живетъ обыкновенно (въ виду большой своей иннерваціи), преимущественно, сложнѣйшею психическою жизнью, —и жизнью, лишь одною стороною прикасающеюся къ почвѣ насущныхъ, требовательныхъ нуждъ націи или соціологически-сильной ея группы, то въ результатѣ и окажется, что только тѣ дѣйствія названнаго круга подлежатъ соціологическому анализу, связь которыхъ съ легче всего услѣдимыми наукою измѣненіями хозяйственныхъ потребностей можетъ быть констатирована. Остальныя же проявленія жизни этого круга, при всей ихъ яркости, импозантности, внутренней широтѣ и силѣ, при всемъ глубокомъ психологическомъ интересѣ ихъ, должны быть оставлены въ сторонѣ, какъ еще недоступныя грубымъ орудіямъ, которыми закладывается пока фундаментъ реальнаго обществовѣдѣнія, и закладывается съ такимъ сомнительнымъ успѣхомъ.

И еще хорошо было бы, еслибы всегда историкъ или обществовѣдъ могъ отдѣлить самодовлѣющія дѣйствія героевъ и горсточки ихъ помощниковъ отъ дѣйствій, обусловленныхъ хозяйственнымъ процессомъ, еслибы, словомъ, всегда искусъ долговѣчности политическихъ учрежденій могъ явиться надежнымъ критеріемъ. Въ томъ-то и бѣда, что только о событіяхъ, хорошо намъ извѣстныхъ, мы можемъ говорить увѣренно, а объ остальномъ—только гипотетически. Вотъ, мы знаемъ, что судебная и земская реформы были измѣнены принципіально, — и для насъ это твердый фактъ, подлежащій соціологическому разсмотрѣнію; мы знаемъ, что реформа гражданскаго права послѣ революціи во Франціи осталась, а политическія реформы претерпѣвали разнообразную судьбу. Мы знаемъ это, потому что источниковъ много. А представимъ себѣ, что источниковъ у насъ было бы мало: но такъ какъ *названія* учрежденій остались тѣ же, такъ какъ наряду съ измѣненными пунктами остались и неизмѣненные, и все это мы знали бы смутно, — то мы и не считались бы совершенно съ фактомъ перемѣнъ и даже не ставили бы вопроса

объ отсутствіи подъ этими учрежденіями почвы, а, видя, что учрежденія выдержали и выдерживаютъ искусъ долговѣчности, и рѣшили бы, напримѣръ, что, дѣйствительно, русскому народу и государству насущно нужны были названныя учрежденія, именно, въ первоначальной, а не иной формѣ [1]). Не знай мы ничего, или почти ничего о французской исторіи послѣ восемнадцатаго брюмэра, хватайся мы за каждый отрывочный фактъ и случайное извѣстіе,—и найди мы какой-нибудь кладъ французскихъ монетъ 1806 или 1807 годовъ,—конечно, мы обратили бы самое полное вниманіе на слова „république française“, на революціонное лѣтосчисленіе (продолжавшееся при Наполеонѣ по своеобразному его капризу), и мы рѣшили бы, что Наполеоновское владычество было лишь продолженіемъ республики. Значитъ, только тогда можно говорить о долговѣчности и недолговѣчности учрежденій, когда мы *хорошо* знаемъ ихъ исторію, а это далеко не всегда на лицо. Но есть и другого рода затрудненія въ этомъ вопросѣ. Возьмемъ, напримѣръ, учрежденіе, которое существовало тысячу лѣтъ, срокъ — со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, кромѣ геологической и космической — весьма долгій. Мы говоримъ о священной римской имперіи, возникшей при Карлѣ Великомъ и павшей при Наполеонѣ I (800—1806 гг.). Это учрежденіе было, въ сущности, въ значительной мѣрѣ номинальнымъ, никакъ не связывалось съ хозяйственнымъ строемъ и общимъ культурнымъ состояніемъ Европы и какой бы то ни было европейской страны; возникло оно подъ вліяніемъ классическихъ традицій древняго всемірнаго римскаго государства, подъ давленіемъ идей блаженнаго Августина о царствѣ Божіемъ, т.-е., значитъ, было произведеніемъ самостоятельной работы горсточки людей, умѣвшихъ читать и писать и знавшихъ кое-какіе отрывки изъ исторіи и богословской литературы. И, все-таки, оно держалось тысячу лѣтъ. Къ счастію, мы можемъ констатировать почти полную номинальность этого учрежденія на всемъ протяженіи его исторіи, за вычетомъ краткихъ моментовъ; но не будь здѣсь источниковъ въ надлежащей полнотѣ,—какъ распорядились бы мы, къ какому разряду отнесли бы священную имперію, по критерію долговѣчности? Вѣроятно,—къ наиболѣе связаннымъ съ экономическими нуждами всей Европы,—и только недоумѣвали бы, какія именно,

---

[1]) Слово „нужны“ мы понимаемъ здѣсь такъ, что безъ этихъ учрежденій самостоятельному существованію націи грозила бы скорая гибель. Во *всѣхъ* остальныхъ смыслахъ, конечно, всѣ реформы были гнетуще необходимы и Франціи послѣ революціи, и Россіи въ пореформенное время.

въ точности, экономическія нужды Европы утолялись этимъ учрежденіемъ.

Впрочемъ, зачѣмъ предполагать затрудненія для обществовѣдѣнія, когда ихъ на самомъ дѣлѣ болѣе, нежели желательно! Вотъ, напримѣръ, вопросъ объ аріанахъ. Александрійскій священникъ Арій въ 318 году высказалъ свое убѣжденіе, что Сынъ Божій не рожденъ, но сотворенъ Богомъ-Отцомъ. Это мнѣніе онъ обставилъ глубокомысленными и хитросплетенными богословскими тонкостями. Съ самаго начала мнѣніе это встрѣтило разъяренныхъ враговъ, и споры длились и въ іерархіи, и между наиболѣе начитанными мірянами около пятидесяти лѣтъ. До средины IV-го вѣка, аріанство было отвлеченностью, порожденіемъ умствованій маленькой группы богослововъ среди вовсе еще не столь большого христіанскаго міра. Но, вотъ, начинается движеніе гунновъ, влекущее за собою германскія нашествія на имперію. Вестготы, остготы, бургунды, лонгобарды, вандалы— принимаютъ аріанство, и послѣдствія этого факта, до несоразмѣрности, до уродливости громадны, сравнительно съ его начальною причиною: аріанство положило почти непроходимую грань между варварами и романцами, и, конечно, было одною изъ главныхъ причинъ, почему варвары съ романцами не слились въ одинъ государственный, мирно развивающійся союзъ,—ни въ Италіи, ни въ Африкѣ,—словомъ, нигдѣ тамъ, гдѣ побѣдители-аріане стали лицомъ къ лицу съ побѣжденными-католиками. Ни браковъ, ни сближеній между ними не было, несмотря на всѣ усилія отдѣльныхъ лицъ, даже могущественныхъ (напр., Теодориха). Такіе же точно германскіе варвары — франки, нагрянувшіе на Галлію, приняли католичество и образовали сильный и, дѣйствительно, слитый въ одно цѣлое государственный союзъ. Почему одни варвары приняли аріанство, а другіе—католичество? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: по слѣпой игрѣ случая. Ни въ той, ни въ другой религіи они, въ подавляющемъ большинствѣ, ничего, разумѣется, не понимали и не могли понимать даже въ существѣ дѣла, не говоря уже о богословскихъ тонкостяхъ, и однако, изъ-за этого случая, повидимому, политическая карта Европы приняла не тотъ, а иной видъ. Ужъ конечно, Теодорихъ остготскій былъ культурнѣе и образованнѣе совершеннаго дикаря Хлодвига; конечно, его государственныя идеи были шире, правилъ онъ гуманнѣе, національному чувству римскаго населенія льстилъ, и все-таки остался для большей половины своихъ подданныхъ главаремъ „проклятой аріанской орды“, а Хлодвигъ сталъ законною и всѣми признанною властью, родоначальникомъ

„христіаннѣйшихъ" королей,—и государство Теодориха пало, а государство Хлодвига удержалось. Тутъ можно наговорить весьма много фразъ о томъ, что это не случай, что такіе громадные факты случаемъ объяснить нельзя и т. д. Но... пока фактъ стоитъ какъ гранитная скала, его общими фразами не разобьешь. Можетъ быть, и не случай, и мы напередъ привѣтствуемъ обществовѣда, который фактическими аргументами изгонитъ случай изъ всей обширной области своей науки.

Подводя итоги сказанному, замѣтимъ слѣдующее: 1) Психическія силы героевъ и окружающей ихъ горсточки дѣятелей могутъ создавать самодовлѣющія событія, не имѣющія видимой связи съ насущными, требовательными, императивными нуждами соціальной группы и не имѣющія непосредственнаго реальнаго значенія для жизни ея (примѣръ—крестовые походы) [1]). При современномъ состояніи психологіи и обществовѣдѣнія, такія событія и создавшія ихъ психическія силы приходится оставить внѣ цѣпи исторической закономѣрности.

2) Психическія силы героевъ и окружающей ихъ иннервативной горсточки могутъ активно вмѣшаться въ процессъ нарожденія новыхъ политическихъ установленій. Тѣ изъ создаваемыхъ ими учрежденій, которыя связаны причинною связью съ насущными нуждами соціальной группы,—выдерживаютъ искусъ времени и остаются на долгій, съ индивидуальной точки зрѣнія, срокъ, пока хозяйственныя, насущныя нужды, медленно и непрерывно совершающія свою эволюцію, не потребуютъ новыхъ перемѣнъ. Остальныя учрежденія видоизмѣняются или погибаютъ; только первыя можно ввести въ цѣпь закономѣрности.

3) Психическія силы героевъ и ихъ помощниковъ могутъ, хотя и исключительно рѣдко, создать такія событія, которыя только отъ нихъ зависятъ и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока совсѣмъ не поддаются введенію въ цѣпь закономѣрности, не взирая на огромную и дѣйствительную важность ихъ. Примѣръ—Арій и аріанскіе вѣроучители, успѣхъ аріанства среди варваровъ и, какъ послѣдствіе, неудача варваровъ-аріанъ во всѣхъ попыткахъ создать долговѣчныя государства, неудача, оттѣняемая полною удачею такихъ же точно варваровъ-католиковъ, находившихся въ совершенно тождественныхъ условіяхъ, если не въ худшихъ. Реальную и огромную важность для жизни цѣлаго ряда соціальныхъ группъ аріанство имѣло, и однако его при-

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь о крестовыхъ походахъ исключительно съ точки зрѣнія причинъ, породившихъ эти событія.

ходится точно также устранить изъ общей массы доступныхъ соціологическихъ матеріаловъ, какъ и совершенно не имѣвшіе подобной важности крестовые походы. Закрыть же глаза на аріанство и его послѣдствія, признать его „случаемъ", равносильно можетъ быть и необходимому, тѣмъ не менѣе прискорбному признанію невозможности что-либо сдѣлать съ нѣкоторыми дѣйствительно сложными и важными проблемами обществовѣдѣнія и историческаго познанія.

4) Одной долговѣчности и видимой важности политическаго учрежденія достаточно въ смыслѣ серьезнаго признака, но недостаточно въ смыслѣ полнаго основанія, чтобы начать попытки связыванія этого учрежденія съ экономическими, требовательными нуждами націи или отдѣльной соціологически сильной части ея. Необходимо всестороннее изслѣдованіе обстоятельствъ, при которыхъ учрежденіе возникло, и его функцій за время существованія; иначе всѣ такія попытки будутъ мало обоснованы и фантастичны (примѣръ—священная римская имперія).

VIII.

Подчеркнемъ теперь основныя мысли, намѣченныя въ этомъ очеркѣ: 1) изъ всѣхъ четырехъ группъ соціальныхъ явленій—эволюція хозяйственнаго строя наиболѣе проста для изученія съ методологической точки зрѣнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока довольно затруднительна по неразработанности источниковъ; 2) политическія учрежденія труднѣе поддаются анализу, ибо не всѣ и не во всѣхъ частяхъ связаны причинною связью съ насущными, требовательными нуждами соціальной группы (познаваемыми изъ изученія хозяйственнаго быта ея); 3) политическіе катаклизмы, революціи и реформы, „grands jours" исторіи—еще труднѣе для изученія, ибо происходятъ при непремѣнномъ и дѣятельномъ участіи психическихъ силъ исключительнаго порядка (героевъ и ихъ помощниковъ), дѣйствія которыхъ, конечно, еще труднѣе изучать, нежели послѣдствія этихъ дѣйствій; 4) наконецъ, изъ всей пестрой громады соціальныхъ фактовъ вопросъ о сохраненіи и разрушеніи общественнаго строя отдѣльной соціальной группы больше всего поддается строгой и опредѣленной постановкѣ, всегда облегчающей попытки разрѣшенія.

Итакъ, пока, при современномъ состояніи науки психологіи,—коллективной и индивидуальной,—приходится отказаться отъ соціологическаго разсмотрѣнія всѣхъ проявленій соціальной жизни

въ ихъ полнотѣ, и обратиться къ болѣе доступнымъ категоріямъ матеріаловъ обществовѣдѣнія. Только методическое разсмотрѣніе результатовъ, къ которымъ пришли изслѣдователи исторіи хозяйственнаго строя и политическихъ учрежденій, можетъ дать обществовѣду надежду на обоснованіе хоть какихъ-нибудь опредѣленныхъ законовъ, хотя бы даже эмпирическихъ; потому что несравненно легче презрительно относиться къ эмпирическимъ законамъ, нежели выводить ихъ, и гораздо проще изобрѣтать абстрактныя фантасмагоріи, нежели въ самомъ дѣлѣ подарить наукѣ твердый и непреложный абстрактный законъ. Что̀ дѣлаютъ теоретики въ родѣ хотя бы Ренэ Вормса? Возьмутъ нѣсколько свѣдѣній о нѣсколькихъ дикаряхъ, вырвутъ нѣсколько тезисовъ изъ популярной психологической книжки, перемѣшаютъ добытое и выпускаютъ въ свѣтъ въ качествѣ соціологическаго откровенія. Что̀ дѣлаютъ другіе обществовѣды? Возьмутъ любой фактъ исторіи (попадется Густавъ-Адольфъ—берутъ Густава-Адольфа, попадется Данте—берутъ Данте) и „подводятъ" подъ него экономическій фундаментъ, не утруждая себя даже перемѣною привычной терминологіи. У ацтековъ можетъ оказаться на лицо буржуазія, въ Швеціи XVII вѣка—чуть не капиталистическая погоня за рынками, и все устроивается благообразно. Что̀, наконецъ, дѣлаютъ, быть можетъ, и добросовѣстные изслѣдователи, но одержимые желаніемъ, не имѣя фактовъ, постичь историческія тайны „культурнымъ" методомъ? Берутъ христіанство и объясняютъ его тѣмъ, что случился „переломъ"; было язычество, случился „переломъ",—и явилось христіанство... „Слова, слова, слова"... Это старое восклицаніе слишкомъ часто приходится цитировать при чтеніи многихъ и многихъ новинокъ соціологической и исторической литературы...

Евг. Тарле.

НА ПОЛПУТИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Ѳедоръ Николаевичъ Муромскій шелъ по одной изъ отдаленныхъ улицъ города, понуря голову; былъ вечерній часъ тоскливаго сѣвернаго дня; уныло шли по тротуарамъ рѣдкіе прохожіе; еще унылѣе плелись по грязному мокрому снѣгу извозчичьи санки и печально-тускло мигали желтымъ пламенемъ фонари, какъ будто и они были больны лихорадкой этой скверной, гнилой зимы.

Муромскій былъ въ такомъ настроеніи, когда человѣку начинаетъ казаться, что все прошлое было яркимъ, красивымъ сномъ, хотя бы въ этомъ прошломъ было больше горестей и печалей, чѣмъ радостей, а будущее представляется темнымъ и мрачнымъ, таинственнымъ и страшнымъ.

И ему вспомнились слова „Откровенія“: „они имѣютъ власть затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю... и имѣютъ власть надъ водами, превращать ихъ въ кровь и поражать землю всякою язвою, когда только захотятъ“...

Эта мысль, мелькнувшая вдругъ, оставила странный слѣдъ въ душѣ Муромскаго: ему показалось, что дѣйствительно кто-то затворилъ надъ этимъ городомъ сѣрое небо и навсегда скрылъ отъ людей солнце; ему показалось, что люди, которыхъ онъ встрѣчалъ, были дѣйствительно поражены язвою, страшною язвою душевнаго недуга, который темнитъ ихъ разсудокъ, холодитъ ихъ сердце; вотъ уже нѣсколько дней, какъ онъ вернулся „къ себѣ“, „на родину“, туда, гдѣ у него не осталось ни единой близкой

души, ни единаго друга; и нѣсколько разъ въ теченіе этихъ дней ему вспоминались слова изъ того же „Откровенія“: „и увидѣлъ я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нѣтъ“.

И это новое небо, и эта новая земля, и эти новые люди были ему противны; онъ рѣшительно разучился понимать ихъ; онъ видѣлъ, что они „ходятъ во тьмѣ“, разучились отличать истину отъ лжи; что они говорятъ какими-то символами; что слова ихъ не выражаютъ ихъ мыслей и понятны имъ однимъ, какъ нѣчто условное, по взаимному соглашенію установленное; что жизнь ихъ низменна, потому что они думаютъ о жизни, и никто изъ нихъ не хочетъ думать о смерти, которой они боятся больше жизни, и которая есть избавленіе и единственное реальное счастье. И дѣла̀ ихъ ему показались ничтожными и жалкими, и смѣшными по той серьезности, съ которою они дѣлались, и по тому значенію, которое имъ придавалось.

А моря, того голубого таинственнаго моря, столько лѣтъ ласкавшаго его взоръ, дѣйствительно нѣтъ: оно осталось далеко позади и превратилось въ одинъ изъ элементовъ красиваго сна прошлаго. Вмѣсто лазурной стихіи — сѣрая „твердь“; вмѣсто ласковаго звука прибоя — скрипъ полозьевъ о булыжную мостовую, и вмѣсто изумрудной зелени благодатнаго юга—осклизлыя, обнаженныя деревья одного изъ городскихъ скверовъ.

И въ сотый разъ за эти нѣсколько дней онъ спросилъ себя: зачѣмъ онъ пріѣхалъ?

Но отвѣтить на этотъ простой и естественный вопросъ ему такъ до сихъ поръ и не удалось. Въ душѣ шевелились разныя мысли—отрывки „Откровенія“, которое онъ въ молодости тщательно изучалъ, догматы, которые онъ создавалъ и считалъ крупинками, атомами одной великой, еще не познанной Истины, за что̀ онъ пострадалъ, и затѣмъ вся эта долгая, долгая жизнь изгнанія среди чужихъ людей иного склада мыслей, въ чужой странѣ, гдѣ его взоръ ласкали „иные берега, иныя волны“.

И вотъ онъ опять тамъ, гдѣ родился, гдѣ провелъ свою молодость, гдѣ мысль его получила первый толчокъ, заведшій его такъ далеко... Онъ вернулся самъ, добровольно. Зачѣмъ? Зачѣмъ?

Но все было кругомъ „печально и уныло, какъ будто наступалъ день страшнаго суда“. И ни въ себѣ самомъ, ни внѣ себя онъ не находилъ отвѣта на этотъ мучившій его вопросъ.

II.

Дома было неуютно; когда Муромскій вошелъ въ свой маленькій кабинетикъ, выходившій окнами во дворъ,—высокой желтой стѣны, высившейся передъ правымъ окномъ, не было видно; казалось, что за нимъ бездна — сѣрая мгла скрывала звѣзды, обыкновенно виднѣвшіяся на клочкѣ неба, покрывавшаго дворъ.

Въ комнатѣ было холодно; Муромскій, привыкшій къ теплому климату, былъ очень чувствителенъ къ холоду; но печей онъ не любилъ топить, отвыкнувъ отъ нихъ, и поэтому онъ очень радъ былъ, когда нашелъ квартирку съ каминомъ въ кабинетѣ; онъ любилъ веселый огонь камина, который придавалъ столько уюта его мрачной, тѣсноватой комнаткѣ: ему вспоминалась его жизнь на чужбинѣ, короткія теплыя зимы, когда вполнѣ достаточно затопить каминъ, чтобы согрѣться и вмѣстѣ съ тѣмъ не дышать душнымъ воздухомъ натопленной комнаты.

Дрова затрещали; огненные языки лизали березовыя полѣнья; ихъ бѣлая кора корчилась будто отъ боли...

Муромскій усѣлся передъ огнемъ, въ высокомъ кожаномъ креслѣ. И немедленно тотъ же назойливый вопросъ всталъ передъ нимъ: зачѣмъ онъ вернулся?

Нехотя поднялся онъ съ кресла, подошелъ къ столу, пошарилъ спички, зажегъ высокую лампу подъ широкимъ зеленымъ колпакомъ и выдвинулъ ящикъ. Онъ досталъ листокъ почтовой бумаги, мелко исписанный неровнымъ женскимъ почеркомъ. Сердце его тревожно забилось; смутное, странное чувство овладѣло имъ; чувство, которое онъ никакъ не могъ проанализировать,—онъ, привыкшій къ анализу. И каждый разъ, когда его рука касалась этого листка, онъ ощущалъ то же самое,—а вѣдь письмо это онъ читалъ десятки разъ со времени своего возвращенія.

Онъ придвинулъ кресло къ столу такъ, чтобы свѣтъ лампы падалъ на письмо, и принялся вновь перечитывать его; онъ зналъ это письмо почти наизусть; но каждый разъ онъ открывалъ въ немъ что-нибудь новое; по этимъ простымъ и наивнымъ словамъ онъ старался разгадать душу писавшаго это письмо человѣка, а по почерку — его характеръ. И каждый разъ онъ опускалъ руки въ полномъ безсиліи произнести какой-нибудь приговоръ.

„Дорогой папа,—читалъ онъ,—вы удивитесь, конечно, когда будете читать это письмо: пишетъ дочь, которой вы не знаете, къ отцу, котораго она не знаетъ. Можетъ быть, вы и не хотите

знать меня. Я не хочу вамъ навязываться; если я рѣшилась написать вамъ, то только потому, что жизнь для меня стала невыносима. Но это васъ ни къ чему не обязываетъ: вы можете мнѣ не отвѣтить. Въ домѣ моей тетки, которая меня воспитала и выростила, я привыкла слышать, что мой отецъ—великій нераскаянный грѣшникъ; что я должна навсегда забыть, что у меня есть отецъ; что этотъ отецъ измѣнилъ своей вѣрѣ и посѣялъ смуту въ сердцахъ людей. Я сжилась съ этой мыслью, но я все-таки не знаю, въ чемъ заключается ваше преступленіе? И несмотря ни на что, какое-то доброе чувство, внушенное мнѣ Господомъ, говоритъ мнѣ, что люди могутъ ошибаться, что дѣти должны почитать своихъ родителей и не могутъ быть судьями ихъ. Я чувствую еще, что люблю васъ, не зная васъ; я чувствую, что вы мнѣ дороги, несмотря ни на что. Я живу въ душной темницѣ и что-то, чего я не знаю, но чтò вселилось въ меня съ недавняго времени, толкаетъ меня на волю, въ міръ, въ тотъ міръ, который, по словамъ тети, полонъ соблазновъ, лжи и грѣха. Правда ли это? У меня есть подруга, которая говоритъ, что это—неправда. Тетя очень любитъ Бога и много молится ему; она и меня научила любить его и молиться ему; но какъ же она запрещаетъ мнѣ говорить о васъ и упоминать имя моей матери? Она говоритъ, что и мать моя (царство ей небесное!)—тоже великая грѣшница. Я не знаю, чтò она сдѣлала, но знаю, что нѣтъ бòльшаго грѣха, какъ презирать своихъ родителей. Вѣдь сказано—прощать врагамъ своимъ и любить ненавидящихъ насъ; такъ кàкъ же мнѣ не любить своихъ родителей, хотя бы я ихъ и не знала? Вотъ камень на моей душѣ. Отвѣтьте мнѣ, чтобы я знала, въ чемъ вашъ грѣхъ, и могла вымолить у Бога прощенье его; до сихъ поръ я молчала, но больше такъ жить не могу. Простите, если обезпокою васъ этимъ письмомъ, и не сердитесь на любящую васъ дочь—Марію.

III.

Окончивъ чтеніе письма, Муромскій задумался.

Вотъ, казалось бы, отвѣтъ на вопросъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что не это письмо побудило его вернуться. Въ самомъ дѣлѣ, онъ совершенно не зналъ своей дочери; послѣ ея рожденія не прошло и полугода, какъ жена оставила его и ребенка, а онъ долженъ былъ бросить службу и уѣхать. И вотъ, прошло двадцать лѣтъ, дочь его сдѣ-

лалась взрослой дѣвушкой и теперь пишетъ ему. Письмо ея наивно; тронуться имъ онъ не могъ. Любить ее, какъ своего ребенка, тѣмъ инстинктивнымъ, „самочнымъ" родительскимъ чувствомъ, которымъ такъ бываютъ богаты многія женщины, онъ тоже не могъ. Чувства долга по отношенію къ „своему ребенку" онъ не признавалъ, какъ вообще не признавалъ чувства какого-то спеціальнаго долга къ семьѣ, къ обществу, къ родинѣ. Онъ признавалъ всѣ такія чувства ложными, натянутыми, выработанными традиціями, закоренѣлыми предразсудками и извѣстнаго рода гнетомъ, основаннымъ на существующихъ въ обществѣ и государствѣ законахъ.

И тѣмъ не менѣе, когда онъ получилъ это письмо, что-то двинулось въ его душѣ, и черезъ недѣлю послѣ этого онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ собрался и тронулся въ путь.

Состояніе, въ которомъ онъ находился, было совершенно для него новымъ. До сихъ поръ, около двадцати лѣтъ, онъ жилъ исключительно жизнью разсудка. Съ тѣхъ поръ какъ его единственная молодая привязанность потерпѣла обидную неудачу, онъ не любилъ никого. И даже это печальное обстоятельство сослужило ему нѣкоторую службу: оно дало первый серьезный толчокъ его мысли: не слѣдуетъ любить опредѣленнаго человѣка, какъ индивидуума, а нужно любить человѣчество какъ идею, абстракцію. *Должно* любить человѣчество и *можно* ненавидѣть человѣка. Потомъ онъ видоизмѣнилъ эту теорію, внесъ въ нее нѣсколько оттѣнковъ, но въ общемъ идея осталась та же.

И все-таки онъ откликнулся на зовъ своей невѣдомой дочери и вмѣсто письменнаго отвѣта явился самъ.

Но онъ все еще не имѣетъ рѣшимости познакомиться съ дочерью. Его занимаетъ это неопредѣленное положеніе. Часто по ночамъ онъ представляетъ ее себѣ въ томъ или иномъ видѣ: то она кажется ему похожей на мать, и его одолѣваетъ любопытство взглянуть на нее и вновь припомнить тѣ молодыя чувства, которыя его когда-то волновали; то она ему кажется ничтожной, глупенькой дѣвочкой, зараженной религіозными предразсудками, которые ему такъ не по душѣ; то ему кажется, что она представляетъ изъ себя tabula rasa, на которой можно будетъ начертать что̀ угодно. Послѣдняя мысль наиболѣе улыбается ему; онъ всегда любилъ отыскивать молодыя души, неиспорченныя окончательно „ложными" ученіями свѣта, и дѣлать изъ нихъ адептовъ своихъ философскихъ теорій. Но это были лишь разсудочныя размышленія, и никогда сердце не говорило въ немъ;

теперь же онъ чувствовалъ странное ощущеніе чего-то давно неизвѣданнаго, новаго, въ высшей степени пріятнаго.

Кто-то позвонилъ. Онъ пошелъ отворять и въ полутемной комнатѣ не могъ разсмотрѣть вошедшаго. Только когда гость переступилъ порогъ кабинета, Муромскій разглядѣлъ его. Это былъ худенькій человѣчекъ, достаточно уже пожилой, ежеминутно вздрагивавшій, какъ бы отъ холода, и ёжившійся отъ внутренней дрожи. Онъ молча вошелъ, молча усѣлся въ кресло у камина и проницательно посмотрѣлъ на хозяина. Съ тѣхъ поръ какъ онъ вошелъ, онъ еще не сказалъ ни слова. И теперь, сосредоточенно и внимательно глядя на огонь, онъ молчалъ.

Муромскій тоже ничего не говорилъ, разглядывая своего страннаго гостя.

— Курить можно?—тихимъ, сдержаннымъ голосомъ спросилъ вошедшій.

— Курите.

Гость досталъ папиросу и закурилъ.

— Я—Ситниковъ, Алексѣй Львовичъ, — тѣмъ же голосомъ произнесъ онъ.

— А-а!..—неопредѣленно отозвался Муромскій.

— Я—братъ вашей покойной жены; дядя вашей дочери Маруси. Въ молодости мы встрѣчались; но я сильно постарѣлъ,— вотъ почему вы меня не узнали.

— А вы хорошо знаете мою дочь? — спросилъ Муромскій,

— Хорошо. Свѣтлая душа,—раздумчиво отвѣтилъ Ситниковъ, продолжая глядѣть въ огонь.

Онъ замолчалъ. Молчалъ и Муромскій, задавая себѣ вопросъ, зачѣмъ собственно явился къ нему братъ его покойной жены. Онъ придумывалъ, съ чего бы начать невязавшійся разговоръ, какъ вдругъ гость, какъ бы съ усиліемъ оторвавшись отъ созерцанія каминнаго пламени, взглянулъ на него въ упоръ прежнимъ проницательнымъ взглядомъ и значительнымъ, вдохновеннымъ тономъ проговорилъ:

— Горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ!..

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но, очевидно, не могъ припомнить и потеръ лобъ рукою.

Муромскій поспѣшилъ помочь ему:

— Тому лучше было бы, если бы повѣсили ему жерновъ мельничный на шею и потопили его во глубинѣ морской,—договорилъ онъ и усмѣхнулся.

— Такъ!—заключилъ Ситниковъ и снова замолкъ.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Ситниковъ поднялъ голову и сказалъ:

— „Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго, простится ему: если же кто скажетъ на Духа святого, не простится ему“.

— „Ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“,—докончилъ Муромскій.

— Такъ!—одобрительно кивнулъ головой гость.

— Вы что же это все изъ священнаго писанія?—не удержался Муромскій, но отвѣта не получилъ.

Ситниковъ какъ будто не слыхалъ его и снова разглядывалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ огненные языки, лизавшіе дрова.

„Странный гость!“—разсуждалъ про себя Муромскій, принявшись ходить по кабинету и разсматривая маленькаго, сухого человѣчка, не перестававшаго вздрагивать.

— Васъ прислала Евлампія Львовна?—опять спросилъ Муромскій, котораго начинало тяготить это молчаніе.

Но Ситниковъ и на это ничего не отвѣтилъ.

„Ну что-жъ, будемъ молчать“,—подумалъ Муромскій, продолжая свою прогулку по тѣсной комнаткѣ.

— Читалъ вашу книгу: „Истинная религія“,—вдругъ заявилъ гость:—содержаніе ея вредоносно и пагубно.

— Она запрещена,—пожавъ плечами, сказалъ Муромскій.

— Знаю. И все-таки соблазнился. Съ великимъ трудомъ досталъ ее. Взялъ грѣхъ на душу. А по прочтеніи, съ отмѣтками на поляхъ, спряталъ на самое дно сундука.

— Лучше было бы сжечь,—пошутилъ Муромскій.

Опять водворилось молчаніе.

— А любопытно было бы видѣть эти отмѣтки, — проговорилъ Муромскій, громко высказывая свою мысль.

Ситниковъ вдругъ отодвинулъ кресло отъ камина, бросилъ въ него папиросу и заговорилъ, къ удивленію Муромскаго, плавно и отчетливо.

— Надо вѣрить такъ, какъ учитъ религія. Двѣ тысячи лѣтъ почти прошло со дня Рождества Христова. И никто еще не сказалъ слова истиннѣе того, что̀ сказалъ Спаситель. Много писали и суесловили, но никакой истины не провозгласили. По грѣшному любопытству своему ознакомлялся и я съ этими лжеученіями. Но духъ сомнѣнія не коснулся меня. Надо вѣрить и надо молиться, чтобы Богъ далъ вѣру. Нельзя отрицать того, во что двѣ тысячи лѣтъ вѣритъ человѣчество. А вы пишете: „нужно,

чтобы наука опиралась на религію, а религія опиралась на науку; эта двойная эволюція привела бы къ примиренію между обѣими—и тогда возсіяла бы Истина". Съ первымъ согласенъ, второе отрицаю. Религія не можетъ опираться на науку, которая по своей близорукости и несовершенству не признаетъ ни чудесъ, ни всего такъ называемаго „сверхъестественнаго". Но тамъ, гдѣ кончается постигаемое, начинается именно непостигаемое, сверхъестественное... Гдѣ разумъ безсиленъ, тамъ вѣра всесильна. Это вода и огонь—двѣ враждебныя стихіи, а вы хотите ихъ примирить. И многое другое, столь же, ежели еще не больше неосновательное...

— Вы, видимо, хорошо проштудировали мою книгу,—замѣтилъ Муромскій, но и на эти слова гость не обратилъ никакого вниманія.

— Я не знаю, въ чемъ вы меня собственно упрекаете?— началъ Муромскій, котораго собесѣдникъ очень заинтересовалъ и который давно уже не велъ такихъ споровъ.—Я ничего не проповѣдовалъ предосудительнаго въ моей книгѣ, напротивъ,—то, что̀ я написалъ, нисколько не противорѣчитъ существующему ученію. Вотъ, чтобы вамъ напомнить, мое основное положеніе: міръ дѣлится на познаваемое, или вселенную, и на непознаваемое, или первоисточникъ силы, управляющей вселенною. Эта сила— Божество. Познаваемое, или созданное, заключаетъ въ себѣ три элемента: вещество, разумъ и духъ; такъ какъ познаваемое есть результатъ творческой работы Божества, то логически слѣдуетъ заключить, что и Божество заключаетъ въ себѣ эти три элемента въ высшей комбинаціи, въ совершеннѣйшемъ единеніи...

Такъ какъ онъ опять ничего не услышалъ въ отвѣтъ, то продолжалъ:

— Я читалъ лекціи въ духовной академіи и готовился къ духовному сану. Приготовляясь къ лекціямъ, я добросовѣстно изучалъ все, что̀ къ нимъ относилось, и мало-по-малу увлекся догматическимъ богословіемъ и исторіей церкви. Я былъ страстнымъ, убѣжденнымъ христіаниномъ. Я имъ и остался. Только измѣнился уголъ зрѣнія и перемѣнилось освѣщеніе. Я взглянулъ на ученіе Христа какъ на проповѣдь новаго, высшаго жизнепониманія, и отвергъ все мистическое, все навязанное, все ложно истолкованное. Свободное отношеніе къ толкованію словъ писанія у насъ называется ересью, и вотъ мало-по-малу, почти незамѣтно для себя, я сдѣлался еретикомъ. Начальство сначала не понимало моихъ лекцій, на которыхъ я въ очень скромныхъ размѣрахъ позволялъ себѣ такое отношеніе къ предмету преподаванія, и хотя смутно тре-

вожилось, но терпѣло; когда же я представилъ въ духовную цензуру свое сочиненіе для полученія разрѣшенія напечатать его,—цензоръ-архимандритъ пришелъ въ ужасъ; онъ призвалъ меня, убѣждалъ, просилъ, усовѣщивалъ. Я стоялъ на своемъ. Книгу мою запретили; преподаваніе отняли; о духовномъ санѣ нечего было и думать. Тутъ случилось и другое несчастье... Евгенія Львовна ушла отъ меня, покинувъ на моихъ рукахъ дочь... Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ уѣхать, потому что ничто ни привязывало меня къ родинѣ; всѣ связи были порваны; та среда, въ которой я жилъ, отвергла меня, и мнѣ стали невыносимы эти вѣчные споры при каждой встрѣчѣ о моихъ „заблужденіяхъ“ и эти вѣчные призывы къ покаянію со стороны людей, которыхъ я искренно и горячо считалъ заблудшимися, какъ въ свою очередь и они меня. Къ тому же, я былъ страстно увлеченъ своей идеей, и мнѣ необходимо было высказаться публично, а это можно было сдѣлать лишь напечатавъ книгу за границей. И вотъ я сталъ „изгоемъ“, „ренегатомъ“, „измѣнникомъ“, „еретикомъ“. Перемѣна убѣжденій, Алексѣй Львовичъ, тяжелая вещь, увѣряю васъ. Это какъ бы переѣздъ на новую квартиру—многое изъ той мебели, къ которой привыкъ, съ которою сжился, оказывается поломаннымъ, никуда негоднымъ; чинить не стоитъ,—все равно никуда не годится; новой мебелью еще не обзавелся, чувствуешь себя неудобно, многаго не хватаетъ... эхъ, однимъ словомъ, тяжелое было время. Нужно было создать себѣ новое жизнепониманіе и провести его во всѣ мелочи жизни. Это—огромная, страшная работа, и она надорвала мнѣ душу.

— Уріель Акоста,—вдругъ проговорилъ Ситниковъ и замолчалъ.

Муромскій укоризненно взглянулъ на него.

— Ну да,—серьезно взволнованнымъ голосомъ проговорилъ онъ.—Это—зло сказано, но, если хотите, это недалеко отъ истины, и обиднаго, право, тутъ нѣтъ ничего. Да, Акоста, современный Уріель. Грустно, что въ „нашъ просвѣщенный вѣкъ“ могутъ происходить еще такія гоненія и неурядицы изъ-за свободнаго мнѣнія о томъ или другомъ ученіи... Но оставимъ это. Я остался за границей долѣе пяти лѣтъ и потерялъ право вернуться; книгу свою напечаталъ, ее перевели на многіе языки; меня вызывали въ Россію немногочисленные друзья—я не поѣхалъ, и такъ прожилъ двадцать лѣтъ въ чужихъ краяхъ, питаясь „акридами и дикимъ медомъ“, перебиваясь съ хлѣба на квасъ, страшно нуж-

даясь... И вотъ только глубокая вѣра въ истину, озарившую меня, дала мнѣ силу жить, силу работать.

— Еслибы раскаялись да больше молились — не было бы вамъ такъ тяжко,—мрачно сказалъ гость.

— Мнѣ не въ чемъ было каяться. Раскаяніе—это сознаніе въ ложности своихъ убѣжденій или поступковъ. Раскаяться—значитъ признать свою несостоятельность. Я не могъ этого сдѣлать. Молиться—по моему еретическому убѣжденію—грѣхъ.

— Грѣхъ?!—воскликнулъ гость, въ первый разъ приходя въ возбужденіе.

— Не возмущайтесь,—успокоилъ его Муромскій. — Я смотрю на молитву какъ на символъ недовѣрія къ Божеству. Молиться значитъ просить. Просить можно человѣка, который не можетъ знать вашихъ нуждъ. Молитвы или просьбы человѣка о томъ или другомъ не нужны Божеству—разъ вы признаете его всевѣдущимъ. Нельзя вѣдь представить себѣ это Божество въ видѣ какого-нибудь начальника департамента, принимающаго просьбы отъ подчиненныхъ и пишущаго на нихъ резолюцію: „исполнить", „отказать". Высшая сила, управляющая вселенной, лучше человѣка знаетъ, что̀ ему нужно, и быть можетъ то, о чемъ мы просимъ, не только не полезно, а вредно. Молитва, пожалуй, необходима для души молодой, неопытной, неукрѣпившейся, необходима какъ гаммы и экзерсисы для упражненія въ музыкѣ. Но когда въ душѣ опытнаго музыканта живетъ уже идея сложной и величественной симфоніи,—до гаммъ ли ему и до упражненій?

— Но для прославленія Бога?—нѐхотя замѣтилъ Ситниковъ.

— Для прославленія Божества? Къ чему же? Хвала имѣетъ смыслъ поощренія, одобренія. Нужно ли это Божеству? Мнѣ кажется, оно не нуждается въ этомъ. И все это произошло отъ низменнаго представленія, которое человѣкъ выработалъ себѣ о Божествѣ. Въ лести и славословіяхъ не нуждается Высшее Существо, и богохульства не могутъ его оскорбить.

Водворилось продолжительное молчаніе, котораго ни одинъ изъ собесѣдниковъ не хотѣлъ прерывать.

— Какъ вы нашли меня? - вдругъ спросилъ Муромскій.

Ситниковъ взглянулъ на него, какъ бы оторвавшись отъ своихъ думъ.

— Какъ нашелъ? Очень просто. Евлампія Львовна узнала, что Маруся писала вамъ. Она встревожилась; отвѣта отъ васъ долго не было—за письмами въ домѣ зорко слѣдили, и она успокоилась, рѣшивъ, что вы не пріѣдете. А на дняхъ я прочелъ

въ газетной хроникѣ о вашемъ возвращеніи, и сообщилъ ей. Въ адресномъ столѣ узналъ вашъ адресъ. Вотъ сестра и послала меня къ вамъ.

— Для чего?—спросилъ Муромскій.

— Для того, чтобы вамъ торжественно объявить: чтобы вы уѣзжали.

— Вотъ какъ!

— Да.

— На какомъ же основаніи Евлампія Львовна беретъ на себя такія торжественныя распоряженія, позвольте васъ спросить?

— На какомъ? Очень просто. Конечно, она не можетъ вамъ запретить жить гдѣ бы то ни было, разъ это разрѣшено вамъ высшими властями. Но она имѣетъ основаніе полагать, что вы пріѣхали для свиданія съ дочерью. Такъ вѣдь это?

— Такъ.

— Ну, такъ вотъ. Она поручила мнѣ объявить вамъ, что свиданія этого она не допуститъ. Въ домъ къ себѣ она васъ не пуститъ. Слѣдовательно, разъ цѣль вашего пріѣзда не будетъ достигнута, вамъ остается только уѣхать.

— Ясно. Но кто же можетъ отцу помѣшать свиданію съ дочерью?

— Конечно, Маруся не рабыня ея. Только сестра предполагаетъ, что разъ она воспитала ее, а вы покинули ребенка въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, то этимъ самымъ вы отказались отъ правъ на нее, которыя перешли къ ней. Я думаю, вы не будете оспаривать ея правъ.

— Ни у одного человѣка не можетъ быть правъ на другого взрослаго человѣка. Я не отрицаю, я поступилъ—по общепринятой морали—неблаговидно; но... во-первыхъ, я былъ тогда молодъ и опрометчивъ; во-вторыхъ, обрушившіяся на меня невзгоды не дали мнѣ времени подумать серьезно о дочери; въ-третьихъ, мое положеніе было такъ неопредѣленно, что я не могъ взять на себя заботу о Марусѣ и счелъ, въ то время, что ей будетъ лучше жить въ домѣ тетки, которой я почти не зналъ, но о которой говорили какъ о „райской душѣ“. Конечно, Маруся должна быть ей благодарна за ея любовь и попеченіе; но, мнѣ кажется, теперь, когда моей дочери двадцать или около того лѣтъ, слѣдуетъ ей самой предоставить свободу выбора. Ей необходимо со мной видѣться, и я съ нею увижусь. Если она отвергнетъ меня—я уѣду, и она останется съ теткой; если она полюбитъ меня, она будетъ жить со мной.

— Это ваше послѣднее слово?

— Да.

— Хорошо, я такъ и передамъ сестрѣ.

— И сообщите мнѣ ея рѣшеніе?

— И сообщу.

— А Марусю поцѣлуйте. Скажите ей, что письмо ея я получилъ и долго думалъ о немъ. Кстати, вы знаете, о чемъ она мнѣ писала?

— Не знаю. Дѣвочка никому объ этомъ не говорила.

— И я не скажу вамъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно, — проговорилъ Ситниковъ, и, подумавъ, прибавилъ:—Эхъ, Өедоръ Николаевичъ, напрасно!

— Что̀ это?

— Напрасно вы затѣваете борьбу съ Евлампіей. Она—женщина старинныхъ взглядовъ, властная, сильная...

— Ну, что-жъ! И поборемся,—усмѣхнулся Муромскій.

IV.

Старинной архитектуры каменный домикъ-особнякъ стоялъ на окраинѣ города; улицы, пролегавшія около него, были грязныя, плохо мощеныя, а по нѣкоторымъ изъ нихъ, наиболѣе отдаленнымъ, пролегали мостки, замѣнявшіе тротуары благоустроенной части города, и фонари, освѣщавшіе эту часть города, были керосиновые.

Самый домикъ, въ два невысокихъ этажа, съ обширнымъ дворомъ и службами, имѣлъ запущенный и печальный видъ; штукатурка на его стѣнахъ облупилась; краска, когда-то блѣдно-розоваго цвѣта, облѣзла, и кое-гдѣ по стѣнамъ дома полѣзла плесень.

Внутри было еще мрачнѣе; комнаты были расположены неуютно, по сторонамъ мрачнаго коридора, въ которомъ вѣчно коптѣла тусклая жестяная лампочка, прибитая чуть не подъ самымъ потолкомъ; почти всѣ комнаты были проходныя; мебель, украшавшая ихъ, была старинаго фасона, полированнаго краснаго дерева, обитая краснымъ трипомъ, вылинявшимъ и потертымъ; диваны казались какими-то ковчегами по своей необъятности, кресла—тронами, но ни на тѣхъ, ни на другихъ сидѣть было почти невозможно—до того они были жестки и покаты. Обои были темные, кое-гдѣ измызганные спинками мебели, кое-гдѣ оборванные, а гдѣ и тронутые темными пятнами сырости.

Всѣ комнаты были похожи одна на другую, съ тою разни-

цею, что въ нѣкоторыхъ стояла мебель, обитая зеленой клеенкой, еще болѣе неудобная по своей скользкости, чѣмъ красная триповая.

Ничего лишняго въ этихъ комнатахъ, не было; каждая изъ нихъ походила на пріемную въ какой-нибудь захолустной духовной консисторіи, такъ какъ извѣстно, что нѣтъ болѣе унылыхъ и неуютныхъ пріемныхъ, какъ въ консисторіяхъ.

По всему дому пахло лампаднымъ масломъ и постной пищей.

Угловая комната, служившая любимымъ мѣстопребываніемъ хозяйки дома, была обставлена нѣсколько уютнѣе. По крайней мѣрѣ, у одного изъ оконъ стояло широкое и глубокое, удобное кресло, вышитое гарусомъ; въ углу высился огромный кіотъ краснаго дерева, весь наполненный образами въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ,—искусственными бумажными цвѣтами, повидимому снятыми съ священныхъ куличей, восковыми тоненькими свѣчами, донесенными по возвращеніи съ заутрени и съ чтенія двѣнадцати евангелій непогашенными,—сухими просфорами, кусочками артоса и засохшими вѣтвями вербы. Передъ кіотомъ теплилась лампадка краснаго стекла съ синими и бѣлыми разводами; по стѣнамъ висѣли потемнѣвшія отъ времени картины, въ старинныхъ лѣпныхъ рамахъ, облупившихся и сильно загрязнившихся. На одной изъ нихъ съ трудомъ можно было разобрать пергаментно-желтый ликъ Христа, стоявшаго передъ Ѳомой и показывавшаго ему раны на рукахъ своихъ. На другой только по догадкамъ можно было различить синюю одежду Маріи-Магдалины, которая въ пещерѣ, лежа на камняхъ, читала священную книгу. Наконецъ, третья наиболѣе сохраненная, только съ потрескавшимся лакомъ, изображала моленіе о чашѣ. И по этой картинѣ можно было судить, что живописецъ, писавшій ее, былъ какой-нибудь самоучка-богомазъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія ни о сюжетахъ, которые онъ взялся трактовать, ни о самой элементарной техникѣ живописи.

Еще въ комнатѣ стояло два—три круглыхъ столика, накрытыхъ вязаными скатертями; а на большомъ преддиванномъ овальномъ столѣ красовалась на платò съ цвѣтами, выдѣланными изъ кожи, старинная, высокая, масляная лампа, зажигавшаяся изрѣдка, по особо торжественнымъ днямъ, потому что, вообще, хозяйка дома вполнѣ довольствовалась таинственнымъ мерцаніемъ лампадки, освѣщавшей одинъ лишь уголъ комнаты, тогда какъ другіе углы и середина были погружены въ глубокій мракъ.

V.

Домъ этотъ походилъ на монастырь. Сама хозяйка—Евлампія Львовна Ситникова—одѣвалась въ какую-то особую одежду черпаго цвѣта изъ дешеваго люстрина, полу-монашескаго покроя. Это была старая дѣва, лѣтъ шестидесяти, высокая, худая, какъ будто высохшая. Лицо у нея было строгое, почти суровое; сросшіяся черныя брови и острый, проницательный взглядъ, блиставшій изъ-подъ нихъ, производилъ крайне непріятное впечатлѣніе на ея рѣдкихъ гостей и собесѣдниковъ. Она говорила мало; о житейскихъ дѣлахъ совершенно избѣгала всякихъ разговоровъ, а о духовныхъ любила потолковать съ людьми знающими и, главное, „благочестивой жизни". Но даже и тогда, когда она говорила о божественныхъ предметахъ, голосъ ея звучалъ рѣзко и властно и рѣчь ея была отрывиста.

Она вѣчно говорила о смиреніи, о покорности и объ уничиженіи, и какъ будто всей своей фигурой хотѣла показать, какимъ не долженъ быть человѣкъ истинно благочестивый.

Порядки въ ея домѣ были установлены разъ навсегда; это былъ особый режимъ—смѣсь монастырскихъ строгостей съ тайной разнузданностью и фарисейскимъ лицемѣріемъ. При старухѣ-хозяйкѣ вѣчно „приживали" старыя вдовы и дѣвы, столь же съ виду суровыя и еще болѣе благочестивыя. Одѣвались онѣ также въ вѣчный трауръ, цѣлый день ходили съ постными физіономіями, неизвѣстно отчего тяжко и глубоко вздыхали, извергали потоки сумбурныхъ фразъ, почерпнутыхъ яко-бы изъ писанія, и очень заботились о чужихъ грѣхахъ. О своихъ онѣ тоже вздыхали и сокрушались, но довольно рѣдко, и то болѣе въ угоду благодѣтельницѣ.

Благодѣтельница же совсѣмъ отшатнулась отъ міра, который она презирала за грѣхи, съ суровостью настоящей фанатички, добровольной подвижницы. Даже своихъ приживалокъ и угодницъ она, въ душѣ, презирала, потому что держала ихъ на почтительномъ разстояніи и рѣдко, рѣдко когда снисходила къ которой-нибудь изъ нихъ; кажется, что, несмотря на все свое „смиреніе", ей доставляло немалое удовольствіе то обстоятельство, что приживалки трепетали при ней и не могли выносить ея суроваго взгляда.

Въ этой печальной обстановкѣ, среди стѣнъ этого угрюмаго дома-монастыря выросла и воспиталась дочь Муромскаго. Это

было единственное молодое существо въ этомъ царствѣ старости и разрушенія.

Фанатичка-тетка воспитывала племянницу сама. Съ первыхъ годовъ разумной жизни дѣвочки, Евлампія Львовна стала внушать ей „истинно-христіанскія“ мысли, что человѣкъ рожденъ грѣховнымъ; что грѣшникамъ уготованъ адскій огонь и геенна огненная; что спастись почти невозможно, и что Богъ сурово караетъ не только за грѣхи дѣйствительные, но и за грѣшныя мысли, и даже за сны, если сны эти грѣховны.

Воспитывала она племянницу сурово: слѣдила за тѣмъ, чтобы та вставала въ семь часовъ утра—зимою и въ пять съ половиною—лѣтомъ; заставляла ее стоять часъ на молитвѣ, причемъ дѣвочка должна была класть земные поклоны и читать подъ-рядъ: „Отъ сна возставъ“, „Отче нашъ“, „Богородице Дѣво радуйся“, „Молитву ангелу-хранителю“, „Молитву за родителей и близкихъ“, причемъ поминалась тетка и всѣ православные христіане; потомъ еще нѣсколько молитвъ по пространному молитвослову. Послѣ этого дѣвочка сходила внизъ и пила жидкій чай съ черствой булкой и постнымъ сахаромъ; булки нарочно выдерживались два—три дня, чтобы не ѣсть ихъ свѣжими, потому что ѣсть что-нибудь свѣжее значило услаждать свою плоть, а чревоугодіе—смертный грѣхъ. До обѣда, который подавался въ два часа дня и состоялъ изъ постныхъ щей и каши, да изъ клюквеннаго киселя безъ сахара и молока, шло ученіе: приходилъ причетникъ изъ приходской церкви и преподавалъ Марусѣ „начатки православнаго катехизиса“ и священную исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, по учебнику Рудакова. Послѣ обѣда и до вечерняго чая и ужина разрѣшалось дѣвочкѣ читать Четьи-Минеи на двѣнадцать мѣсяцевъ въ году или какую-нибудь духовную книгу.

Вечеромъ полагалось опять молитвенное стояніе, съ той разницей, что вмѣсто „Отъ сна возставъ“ читалось: „Господи нашъ, Боже, еже согрѣшихъ во дни семъ“. Среди же дня читались еще молитвы передъ и по окончаніи ученія и принятія пищи, передъ и по окончаніи каждаго дѣла. Передъ ужиномъ дѣвушка призывалась въ угловую комнату и должна была громко читать теткѣ то, что̀ будетъ указано. Сама тетка была малограмотна и предпочитала слушать, чѣмъ самой трудиться надъ разборомъ старопечатныхъ книгъ.

VI.

Евлампія Львовна сидѣла на своемъ излюбленномъ креслѣ и, сурово сдвинувъ брови, о чемъ-то сосредоточенно думала. Невдалекѣ отъ нея, на простомъ бѣломъ табуретѣ сидѣла „главная“ приживалка, носившая у другихъ приживалокъ почетное прозвище „наушницы“. Она была главной, потому что съумѣла подладиться подъ тяжелый нравъ хозяйки; съумѣла подмѣтить ея слабости и угодить имъ; кромѣ того, въ минуты „расположенія“ Евлампіи Львовны, она умѣла хорошо поговорить о божественномъ и даже разсказать сказку на нелѣпо-мистической подкладкѣ и тѣмъ напугать передъ сномъ „благодѣтельницу“, что̀ та очень любила.

Но сегодня благодѣтельница была особенно не въ духѣ и упорно молчала, бросала косые и суровые взгляды на приживалку, и время отъ времени тяжело вздыхала.

— Что̀ молчишь, какъ сычъ? — наконецъ проговорила она, не глядя на свою гостью.

— Говорить не о чемъ, оттого и молчу, — безъ особенной почтительности въ голосѣ отвѣтила та.

— Не о чемъ?.. При мнѣ не о чемъ, а по коридорамъ днями шепчетесь...

— Кто шепчется, а кто и нѣтъ.

— Толкомъ говори: *кто* шепчется. Не люблю загадокъ.

— Никакой и нѣтъ загадки. Извѣстно кто. Сами знаете: Мароушка.

— Съ кѣмъ?—продолжала допросъ Евлампія Львовна.

— Извѣстно, не со мною.

— Съ кѣмъ же?

— Съ кѣмъ да съ кѣмъ! Съ Марьей, вотъ съ кѣмъ.

— Съ Марусей?

— Съ ней.

— О чемъ?

— А я знаю? У самой спросите. Должно быть о хорошемъ, коли та плачетъ, да нравная стала. Дерзитъ мнѣ. Изъ послушанія вышла.

— Всѣ вы хороши! — заключила Евлампія Львовна.—Ужо̀ разберу.

Водворилось молчаніе, прерывавшееся изрѣдка вздохами старухъ.

Первая заговорила хозяйка.

— Говорила съ племянницей?—спросила она.

— Говорила.

— И что же?

— Ничего.

Евлампія Львовна вдругъ освирѣпѣла: застучала своей костлявой рукой по ручкѣ кресла и грознымъ голосомъ окрикнула:

— Говори, толкомъ говори, коли приказываю! Куска хлѣба рѣшу! Ой, Александра, будетъ тебѣ надо мной куражиться! Наградилъ меня Господь по истинѣ ангельскимъ смиреніемъ и терпѣніемъ, однако и ему есть мѣра. Не испытывай меня, злая душа!

Злая душа зорко покосилась на благодѣтельницу, и дѣйствительно злая, еле уловимая усмѣшка покосила ея губы. Въ глазахъ ея сѣрыхъ и потухшихъ пробѣгалъ огонекъ. Съ свойственной ей инстинктивной сообразительностью она поняла, что „мѣра“ наступила, и что дальше вести въ подобномъ тонѣ разговоръ не безопасно. Нужно было уступить, и она уступила.

Однако она любила почетныя отступленія, а потому, хотя и значительно умягченнымъ голосомъ, но все-таки нравоучительно сказала:

— Хлѣба рѣшите? Что жъ, на то вся ваша воля. Однако учили и меня: не о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ; найдутся добрые люди, которые дадутъ мнѣ, немощной, пищу насущную... А испытывать человѣка—великій грѣхъ, и никогда на свою душу грѣха этого не возьму.

— Не скули. Говори дѣло! — значительно мягче сказала Евлампія Львовна.

— Да что говорить-то? Какъ есть—нечего. Не поддается—и все тутъ. Ужъ я и съ одного боку, и съ другого. А все—Маръушка настраиваетъ.

— Стала тебѣ эта Маръушка поперекъ горла, — замѣтила Евлампія Львовна и чуть насмѣшливо взглянула на собесѣдницу.

— А мнѣ что? Хоть цѣлуйтесь съ ней!—опять не сдержалась и вскипѣла приживалка.—У добраго хозяина всякому псу кость найдется. А только по прямотѣ души своей всегда скажу: фальшивый она песъ, эта ваша Маръушка, вотъ что!

— Да я тебя не о ней спрашиваю, а о Марусѣ.

— А я про то и говорю: смущаетъ она Марью, и больше ничего. Сама слышала, какъ та ее наущала: стой, дескать, на своемъ! Ничего она тебѣ сдѣлать не можетъ...

— Ну, это ты врешь!—вспыхнувъ, замѣтила Евлампія Львовна.

— А коли вру, зачѣмъ лгуна и спрашивать. Прощайте,

благодѣтельница! А я ужъ лучше уйду...—нерѣшительно вставая съ табурета, проговорила приживалка, нѐхотя направляясь къ двери. — Пойду, поищу себѣ пристанища у другихъ добрыхъ людей. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Найдется уголъ для безпріютной моей головы. Господь, въ великой милости своей, не покинетъ сиротскую мою вдовью голову. А скажетъ онъ ко взывающимъ къ нему: „накормили ли вы, который алкалъ? напоили ли вы, который жаждалъ? пріютили ли вы, который есть бездомный?" И отвѣтятъ ему: „нѣтъ, Господи". И скажетъ онъ: „идите отъ меня во тьму кромѣшную, въ геенну огненную, я не знаю вы".

— Стой, стой, куда ты, дурья голова?! Не хнычь. Кто тебя гонитъ, Александра?

Приживалка остановилась, вынула засморканный платокъ изъ кармана и сдѣлала видъ, что утерла слезы и даже всхлипнула; но она сочла долгомъ еще поломаться.

— Нѣтъ ужъ, прощайте!—проговорила она уставшимъ голосомъ.—Ухожу. Вовсе ухожу. Натерпѣлась, настрадалась. Буде. Кабы покрѣпче, да помоложе была... а то гдѣ мнѣ, слабой, такія звѣрства выносить?..

Она такъ „уходила" не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, и, не смотря на уходы эти, жила уже третій годъ въ домѣ благодѣтельницы.

— Какія же звѣрства?—протестовала благодѣтельница, на которую такія сцены дѣйствовали всегда удручающимъ образомъ.

— Всякой безпутной дѣвкѣ верхъ надо мной даете,—чувствуя, что та уступаетъ, уже тверже заговорила приживалка.

— Это ты про Маѳу?

— Про нее; а то про кого же?

— Сказала: разберу. И успокойся.

— Лгуньей меня величаете.

— Ну, ладно ужъ! Мало ли чтò!—неопредѣленно проговорила обвиняемая.

Но приживалка добивалась своего.

— Не „мало ли чтò",—наставительно проговорила она.— Грѣхъ это, великій. Отецъ-то лжи кто? Сатана. И ложь сатанѣ свойственна. За что же божью старушку къ сатанѣ равнять?

— Ну... прости, что-ли!—съ трудомъ проговорила Евлампія Львовна, которой, несмотря на долголѣтнее культивированіе смиренія, оно упорно не давалось. И сказавъ это, она тотчасъ же въ душѣ дала себѣ слово наверстать эту уступку.

— То-то „прости"! Я-то прощу, а Господь-то проститъ ли?

И она медленно вернулась къ табурету, торжествуя побѣду.

— Ну ужъ и вывезешь ты! Коли ты простишь, такъ неужто Господь не проститъ?

Приживалка оставила этотъ вопросъ безъ отвѣта.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ она, забывъ всѣ свои обиды, конфиденціальнымъ тономъ наушницы сообщала своей благодѣтельницѣ:

— Тетушка, говорю, гнѣвается: онѣ желаютъ знать, что̀ вы писали батюшкѣ.

— Ну и что̀ же?

— Молчитъ. Только и всего. Подумайте, говорю, непослушаніе-то смертный грѣхъ, а неблагодарность—ужъ это такой грѣхъ, такой грѣхъ, что и названія ему нѣту.

— Что̀ же она?

— Тетушкѣ, говоритъ, по гробъ жизни буду благодарна и послушна я ей во всемъ, окромѣ, говоритъ, этого. Нѣту, говоритъ, такого закону, чтобы могъ кто промежду родителемъ и дитёй становиться.

— Вотъ какъ! И кто ей такія мысли внушаетъ?

— Кто?—взвизгнула приживалка.—Мароа, вотъ кто!

— Поди ты! У тебя Мароа, что̀ у курицы просо—во снѣ снится.

— Истинно говорю, а впрочемъ, ваше это дѣло.

— Сказала бы ей: да коли родитель грѣшенъ.

— Неужто же не сказала? Грѣшникъ, говорю, великій родитель твой передъ Господомъ.

— И что̀ же?

— А коли, говоритъ, грѣшенъ—Господь его и суди. А мнѣ, говоритъ, его судить не приходится, да и никому другому изъ людей, потому сказано: не судите, да не судимы будете.

— А ты бы ей о страданіяхъ адовыхъ...

— И-и! Что̀ я вамъ скажу-то!—зашептала вдругъ приживалка.—Ужъ не знаю, какъ и повторить-то—грѣхъ великій.

— Ничего, говори.

— Какъ я, стало быть, сказала ей, что за ослушаніе воли ея благодѣтельницы предстоятъ ей терзанія адовы, да какъ устрашила ее геенной огненной...

— Ну?

— Ухмыльнулась она этакъ скрозь себя будто, да и говоритъ: и никакой такой геенны нѣту, напрасно людей сомущаете...

— Ахъ, Господи!—вскрикнула пораженная Евлампія Львовна. —Да неужто такъ и сказала?

— А то нѣтъ? И еще прибавила: Христосъ, дескать, искупилъ грѣхи людскіе и освободилъ человѣка на вѣки отъ ада. На то, молъ, онъ и милосердный Господь, чтобы не терзать людей грѣшныхъ, а прощать имъ.

— О, Господи! — вздохнула Евлампія Львовна и закатила глаза къ потолку, а ея собесѣдница покосилась на красный пламень лампадки и осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ.

— Грѣшная кровь ея безпутныхъ родителей заговорила въ ней! — прошептала Евлампія Львовна. — Родителей наказуетъ Господь въ дѣтяхъ ихъ. Въ крови это у ней, въ крови... Я ли ее не оберегала, я ли не хотѣла спасти ея душу? Анъ, нѣтъ, язва-то закралась въ нее со дня рожденія. Во грѣхѣ родилась, во грѣхѣ помретъ...

— Ничего не въ крови,—вступилась приживалка:—откуда въ крови, коли она родителевъ своихъ не знала? Съ вѣтру это, наносное, вотъ чтò... Нашептали ей это злые люди. Отогрѣли вы змѣю на груди своей, вотъ чтò...

— Это ты опять про Мароу?

— Опять же про нее.

— Ну, подумай сама: откуда Мароѣ такіе помыслы таить въ душѣ своей? Не еретичка она, а благочестивая женщина.

— Благочестивая? — нараспѣвъ проговорила та.—Это она-то благочестивая?—Ехидна она, вотъ чтò. Паскуда. Въ домѣ-то чтò заводитъ?

— Ну, еще чтò?

— Извѣстно чтò! Языкъ-то вянетъ и говорить-то. Алексѣя Львовича-то,—честной жизни человѣка,—а и того въ покоѣ не оставляетъ.

— Алексѣя Львовича?!—вскрикнула старуха, широко раскрывъ глаза.—Еще кого приплетешь?

— Приплетать мнѣ некого. А только зачѣмъ же она говоритъ ему такія слова?

— Какія?

— О любви. Всякая тварь, говоритъ, любитъ. И Господь, говоритъ, сказалъ: плодитесь и размножайтесь и населяйте землю, а потому нѣту, говоритъ, грѣха, въ любви человѣческой, а какъ разъ наоборотъ.

— А онъ чтò?

— А онъ, натурально, усъ свой закрутилъ и козыремъ такимъ и говоритъ ей: вы дѣвица, и несовмѣстимо, говоритъ, мнѣ, холостому человѣку, въ такія пренія съ вами вступать.

— Ой, да ты, вправду, не врешь ли?

На этотъ разъ приживалка ничуть не обидѣлась. Она только самымъ равнодушнымъ голосомъ сказала:

— Не сойти мнѣ съ этого мѣста, коли вру, благодѣтельница.

— Хорошо... Ступай теперь. Да пришли мнѣ Марусю, коли не поздно.

— Чего поздно-то? Навѣрно съ Мареушкой по угламъ лясы точитъ...

— А что̀ сказала про Мареу—разберу.

— Истинно разбери, благодѣтельница; разобрать слѣдуетъ.

Приживалка вышла, а старуха осталась одна. Въ головѣ ея закопошились мысли. Александру Стулову, только-что вышедшую отъ нея, слѣдуетъ наказать: больно непочтительна стала и даже дерзка. Мареу слѣдуетъ допросить, можетъ и есть доля правды въ навѣтахъ Стуловой. Это все пустое. Обѣихъ приживалокъ она съумѣетъ подтянуть, а нѣтъ, такъ которую-нибудь и „выставитъ" изъ дому: пущай снискиваютъ себѣ пропитаніе, гдѣ хотятъ. Обѣихъ разомъ она не „выставитъ"—больно ужъ привыкла къ ихъ обществу, хотя онѣ и живутъ какъ кошка съ собакой... Но вотъ что̀ дѣлать съ Марьей? Она и безъ навѣтовъ видитъ, что въ душѣ дѣвчонки начинается что-то неподобное. И откуда это взялось? Ходитъ она печальная, да угрюмая и будто мысль какую таитъ. Положимъ, веселой да радостной она ее никогда и не видала. Но прежде на лицѣ ея она читала какое-то тупое равнодушіе и еще болѣе тупую покорность судьбѣ. А теперь не то, далеко не то... И чувствуетъ она, какъ жертва ея воспитанія ускользаетъ изъ ея рукъ, и какъ царству ея приходитъ конецъ.

А тутъ еще извѣстіе о пріѣздѣ Муромскаго. Боится она его пуще всего. Такъ, вотъ, возьметъ еретикъ чистую душу ея племянницы и низринетъ ее во адъ. Съ него хватитъ. А ей что̀? Что̀ ей далась Маруся? И она сама не знаетъ, что̀ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но чувствуетъ, какъ у нея вся душа переворачивается при мысли, что Маруся можетъ „совратиться", а совратившись—уйдетъ изъ-подъ ея власти, а можетъ и изъ-подъ ея крова. Этого она допустить не можетъ. Она привыкла къ ней за двадцать лѣтъ. Двадцать лѣтъ—много времени! И ей вспоминается бѣдная, покинутая дѣвочка, которую она приняла въ свой домъ и въ теченіе долгихъ лѣтъ воспитывала ее, какъ умѣла. Она привыкла къ ней, привязалась, сначала какъ къ необходимому для нея предмету. Потомъ что-то постороннее, болѣе властное, болѣе сильное, вошло въ ея душу, не знавшую никакихъ сердечныхъ привязанностей. И вотъ теперь, къ концу двадцатаго года, она полюбила эту тихую, задумчивую дѣвушку

со всей страстью—суровою и холодною,—на которую была способна. Сердце старой дѣвы заговорило, какъ могло и умѣло, хотя она считала за грѣхъ сознаться себѣ въ этомъ. И теперь лишиться Маруси? Теперь отдать ее старому грѣшнику, безбожнику, „развратнику"? Никогда! Она будетъ бороться и посмотритъ, чья сторона возьметъ верхъ. Но и когда ей представлялось, какъ Маруся уйдетъ отъ нея, и тогда она вся холодѣла и говорила себѣ: „ну что жъ? прокляну ихъ обоихъ!"—и подыскивала наиболѣе устрашающую формулу этого проклятія, отъ котораго сама содрогалась, когда наступали сумерки.

VII.

Въ комнатѣ раздались тихіе, мягкіе шаги. Старуха вздрогнула и очнулась отъ своихъ мечтаній.

Передъ ней стояла Маруся.

Это была нѣжная, хрупкая дѣвушка, которой никакъ нельзя было дать двадцати лѣтъ; она казалась гораздо моложе; на лицѣ ея, замѣчательной красоты, лежалъ отпечатокъ какого-то тяжелаго душевнаго гнета. Во всей ея фигуркѣ было что-то нервное, тревожное, взволнованное. Она часто вздрагивала, какъ будто прислушиваясь къ чему-то, ей одной видимому и слышимому. Задумчивые и грустные глаза ея всегда будто всматривались въ даль, дальше того, что̀ она видѣла передъ собою, и, казалось, въ этой неясной, туманной дали она угадывала тотъ свѣтъ, котораго искала душа ея, бродившая въ окружавшихъ ее потемкахъ, полныхъ устрашающихъ о̀бразовъ, тяжелыхъ угрозъ и нелѣпыхъ кошмаровъ.

Она подошла къ теткѣ и поцѣловала ей руку.

— Вы меня звали, тетя?—тихо спросила она, и въ ея голосѣ зазвучали нервныя нотки.

Тетка немедленно приняла суровый видъ.

— Звала,—коротко и сухо отвѣтила она и замолчала.

Маруся потупила глаза, какъ это дѣлала всегда въ присутствіи тетки, суроваго взгляда которой она боялась съ дѣтства и до сихъ поръ не могла переносить.

— Садись,—сказала наконецъ Евлампія Львовна.—Еще не слишкомъ поздно, и мы можемъ побесѣдовать. Давно ужъ мы не говорили съ тобой,—упирая на послѣднія слова, досказала она.—Марья!—вдругъ вскрикнула она, внезапно освирѣпѣвъ:—кому я говорю?! Ты меня не слушаешь. О чемъ ты думаешь?

Дѣвушка, дѣйствительно, занявъ указанное ей мѣсто на табуретѣ, немедленно задумалась и такъ глубоко, что не слыхала словъ старухи. Но когда та ее окрикнула, она вздрогнула отъ неожиданности и слабо вскрикнула.

— Я тебѣ говорю, что мы давно не бесѣдовали. Ты укрываешься отъ меня.

Маруся молчала.

— Укрываешься ты отъ меня или нѣтъ?—строго спросила тетка.

— Укрываюсь, — тихо отвѣтила Маруся и опустила глаза. Никому и никогда она не лгала, и теперь не могла бы солгать, въ особенности чувствуя на себѣ допрашивающій и строгій взглядъ тетки.

— Почему?—спросила та, безпокойно двинувшись въ креслѣ.

— Я васъ боюсь...—робко произнесла Маруся и взглянула на тетку.

— Боишься?.. Меня? — удивилась та.—Грѣхъ это, грѣхъ большой, Маруся. Бояться можно только Бога.

По лицу Маруси скользнуло какое-то неопредѣленное выраженіе, но она ничего не отвѣтила; однако тетка инстинктивно догадалась, что дѣвушка хотѣла ей возразить что-то.

— Говори, говори,—заволновалась Евлампія Львовна,—говори что̀ хотѣла сказать.

— Бога бояться грѣхъ,—начала Маруся своимъ нервнымъ голосомъ.—Бояться можно только врага. Бога нужно любить, а не бояться.

Евлампія Львовна не могла придти въ себя отъ изумленія. До сихъ поръ никогда еще она не слыхала ни одного звука возраженія отъ Маруси, и то, что̀ она теперь услыхала, было для нея такъ неожиданно и, главное, ново, что она сразу не нашлась, что̀ отвѣтить, и невольно пожалѣла объ отсутствіи своей главной приживалки. „Уходитъ отъ меня Маруся, вовсе уходитъ“, промелькнуло въ ея головѣ.

— Марья! — наконецъ, проговорила она, чувствуя въ первый разъ въ жизни какую-то странную неувѣренность въ голосѣ:— кто тебѣ внушилъ эти мысли?

— Никто.

— Сама, значитъ, додумалась?

— Сама.

— Дьяволъ это тебя смущаетъ. Молиться надо. Нынче же вечеромъ стань на молитву. Душою больна ты, вотъ что̀. Силенъ

врагъ человѣческій, охъ, какъ силенъ, однако Господь-то сильнѣе его и одолѣетъ его.

— Тетя!—вскрикнула дѣвушка.—Никто меня не смущаетъ. А въ томъ, что Бога надо любить, я не вижу грѣха.

— Ахъ ты Господи!—вздохнула старуха.—Да Богъ-то кто?—спросила она, и сама продолжала:—Богъ есть судья, а всякаго судью слѣдствуетъ бояться и его трепетать. Такъ ли? Такъ какъ же ты говоришь, что его не надо бояться?

— Судья судитъ преступниковъ,—отвѣтила Маруся, не обращаясь прямо къ теткѣ, а какъ бы разсуждая сама съ собою и отвѣчая на свою мысль.

— А почемъ ты знаешь, что ты не преступна? Кто можетъ сказать передъ Господомъ, что правъ передъ лицомъ его? Всякъ человѣкъ, въ міру живущъ, преступникъ передъ Господомъ. Охъ, Марья, много, много въ міру соблазновъ и лукавой прелести. Во грѣхѣ родились, во грѣхѣ помремъ.

— Богъ милосердъ и послалъ на землю единороднаго Сына своего, чтобъ искупить грѣхи міра.

— Такъ неужто жъ всѣ святые?

— Нѣтъ, есть и грѣшники, только грѣхи ихъ искуплены крестной смертью Спасителя.

Это было опять до такой степени ново для благочестиваго уха старухи, что она задрожала и онѣмѣла въ полномъ изумленіи. Какъ она ни перебирала въ умѣ, ничего не могла найти, чтобы возразить племянницѣ на эти слова.

— Кровь, кровь отца твоего нечестиваго говоритъ въ тебѣ это!—наконецъ нашла она выходъ.—И отца, и грѣшной матери...

Маруся вдругъ заплакала.

— Тетя!—съ мольбой въ голосѣ, удерживая слезы, проговорила она:—съ дѣтскихъ лѣтъ вы мнѣ говорите о моихъ родителяхъ, что они великіе грѣшники. Я здѣсь живу какъ въ монастырѣ, и не знаю, какіе грѣхи бываютъ въ мірѣ. Можетъ, и есть такіе грѣхи, что и милосердіе Божіе не можетъ простить ихъ... Тетя!—страстно вскрикнула она:—скажите мнѣ, кто мои родители, въ чемъ ихъ грѣхъ? Днями и ночами думаю я о нихъ, и эта дума терзаетъ мнѣ душу, не даетъ мнѣ покоя. Сначала я видѣла ихъ во снѣ, какъ они страдаютъ въ аду, и молилась я о нихъ безумно. И вотъ когда сомнѣніе одолѣло меня, когда Спаситель мнѣ явился однажды ночью, со всей своей кротостью во взорѣ, не могу себѣ больше представить адскаго пекла и страшныхъ мученій и не могу себѣ представить, чтобы кротость Спасителя могла допустить мученія адовы. Вотъ, съ тѣхъ самыхъ

поръ я и думаю о родителяхъ своихъ... И думается мнѣ, что каковы бы грѣхи ихъ ни были, Спаситель давно уже простилъ ихъ. Ахъ, тетя, тетя, и вы бы простили ихъ! И неужто міръ, котораго я не знаю, страшная пропасть, полная чудовищъ и лукавой прелести? И неужто мои родители грѣшнѣе всѣхъ прочихъ людей на свѣтѣ? Скажите мнѣ о нихъ, Христомъ Богомъ прошу васъ...

Она не могла кончить отъ душившихъ ее слезъ. Эти слова давно накопились въ ней. Она чувствовала, что рано или поздно скажетъ ихъ, только не знала—когда. И вотъ теперь они какъ-то сами собой вырвались у нея, вырвались крикомъ наболѣвшей души, измученной, почти истерзанной сомнѣніями.

Но тетка опять оказалась совершенно неподготовленной къ этому вопросу.

И опять она молчала, собираясь съ мыслями, что̀ отвѣтить племянницѣ на все это.

— Родители твои, — внушительно и раздѣльно заговорила Евлампія Львовна, собравшись съ духомъ, — грѣшные люди. Отецъ—еретикъ и бѣса тѣшитъ своимъ нечестіемъ. Мать—царство ей небесное, сестра мнѣ родная, однако хорошаго не скажу про нее. Душу свою загубила и имя доброе свое опозорила. Однако, вотъ и все, что̀ я могу сказать тебѣ. Больше у меня ничего не спрашивай, все равно ничего не добьешься. Есть вещи, которыя тебѣ знать рано...

— Я уже не дѣвочка, тетя, мнѣ двадцать-первый годъ. И я не понимаю, все-таки, что̀ значитъ „бѣса тѣшитъ“ и „душу свою загубила“.

Тетка на этотъ разъ ничего не отвѣтила Марусѣ.

— А что̀ значитъ,—продолжала та, чисто по-дѣтски:—„лукавая прелесть“? Какіе въ мірѣ соблазны, влекущіе людей на погибель?

— Охъ, Маруся, много ты знать хочешь и рано одолѣло тебя любопытство... Вотъ, вмѣсто того, чтобы съ Маѳушей по угламъ шептаться, поговорила бы со Стуловой когда,—она тебѣ все это и изложила бы.

— Не люблю я Александры Васильевны,—просто отвѣтила Маруся.—Не лежитъ къ ней мое сердце, тетя.

— А вотъ ужъ это и нехорошо. Александра—другъ нашего дома и женщина почтительная. А ты мнѣ такъ и не сказала, что̀ ты родителю своему писала? — вдругъ задала она вопросъ Марусѣ, въ упоръ глядя на нее.

Дѣвушка сконфузилась и опустила глаза.

— Тетя, не спрашивайте. Ничего дурного я ему не писала. Я хотѣла ему напомнить, что у него есть дочь...

При этихъ словахъ глаза ея странно заблестѣли и голосъ дрогнулъ.

— Къ чему? Въ домъ я его, все равно, не пущу. Ты вѣдь, небось, просила его пріѣхать?

Маруся молчала.

Тетка, собравшись съ духомъ и не спуская съ племянницы глазъ, внушительно и отчетливо стала говорить ей:

— Слушай, Марья. Отъ юности твоея я воспитала тебя... Всю жизнь прожила одинокой, всю душу положила въ тебя. Думала, ты выростешь, будешь мнѣ любимой и покорной дочерью. Все, что у меня есть, думала, тебѣ оставлю. Никогда о родителяхъ тебѣ не говорила, потому что мать твоя умерла, а отца у тебя нѣтъ. Запомни это. Отецъ твой—врагъ Христовъ, врагъ людской. Вотъ ты теперь--Богъ тебя знаетъ откуда понабралась тлетворнаго разсудку и хочешь свою старую тетку промѣнять на отца. Охъ, чуетъ мое сердце, соблазнитъ онъ тебя, погубитъ. И чуетъ еще мое сердце, что не охранить мнѣ тебя отъ врага лютаго. Вотъ тебѣ мой совѣтъ: ступай въ монастырь—тамъ онъ тебя не достанетъ. Ворвется онъ сюда, замутитъ твою душу—поздно будетъ. А уйдешь ты отъ меня съ нимъ—прокляну васъ страшнымъ проклятіемъ.

— Тетушка!—вскрикнула Маруся, вздрогнувъ.

— И не будетъ тебѣ сердечнаго покою ни въ сей жизни, ни въ будущей, и не будетъ тебѣ удачи въ твоихъ земныхъ странствіяхъ.

— Тетенька!..

— Ну, не буду, не буду... Не пугайся. Видъ у меня суровый, а сердце доброе, отходчивое. Ласковыхъ словъ говорить не умѣю,—и мнѣ-то ихъ никто не говорилъ,—а чувствовать даже очень могу. А ты—боишься. Обидно мнѣ это, очень обидно. Ну, да Богъ съ тобой. Послѣднее мое слово сказала тебѣ, а тамъ—сама разсуждай.

— Тетенька, я вамъ очень благодарна за всю вашу ласку, и за любовь, и за попеченіе... Ничего противъ васъ у меня нѣтъ на душѣ и ничего такого я не мыслю. Мнѣ бы только родителя увидать... Вы думаете, для чего? Если онъ вправду грѣшникъ, я постараюсь его обратить. За маму я еженощно молюсь, потому что ея душа отозвана Богомъ, а можетъ, отца мнѣ Богъ поможетъ обратить на истинный путь. А вѣдь Господь болѣе радуется одному раскаявшемуся грѣшнику, чѣмъ десяти праведникамъ...

— Ну, дѣлай, что̀ знаешь, я свое все сказала.

Поцѣловавъ сухую руку тетки, Маруся тихой поступью, которую она пріобрѣла въ этомъ полу-монашескомъ домѣ, вышла изъ комнаты.

Слишкомъ близко отъ дверей встрѣтила она Стулову, чтобы не сомнѣваться, что та подслушивала.

Приживалка наклонилась къ ней такъ близко, что дыханіе ея касалось щекъ дѣвушки. Марусѣ показалось, что отъ Стуловой пахло водкой, и она невольно отшатнулась.

— Все ли благополучно?—вкрадчивымъ шопотомъ спросила Марусю приживалка.—Не разстроилась ли тетушка?

— Оставьте меня, — мягко отвѣтила ей дѣвушка, несмотря на все отвращеніе, которое она чувствовала къ Стуловой.

Маруся шла, поникнувъ головою.

Ее всегда пугала своеобразная любовь тетки, любовь, которая никогда не находила для нея ласковыхъ словъ, а только одни нравоученія и наставленія. Но сегодня, когда въ заключительныхъ словахъ Евлампіи Львовны она почувствовала сердечные отзвуки ея странной любви, ей вдругъ сдѣлалось еще страшнѣе. Почему? Она думала теперь объ этомъ, но не съумѣла себѣ отвѣтить. Въ голосѣ тетки она почувствовала столько невысказанной любви, а между тѣмъ ея сердце молчало и она смутно сознавала, что душевныхъ связей между ею и той, которая замѣнила ей мать—не существуетъ. Она всегда сознавала—съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стала разсуждать—свои обязанности по отношенію къ теткѣ, свой долгъ передъ нею, всегда чувствовала къ ней благодарность. Но это было сознаніе долга, сознаніе разсудочное, теоретическое. Теперь являлся какой-то новый сердечный долгъ, уплата любовью за любовь, а платить-то ей было нечѣмъ, потому что сердце ея упорно молчало. Она не умѣла разобраться во всемъ этомъ и только чувствовала какую-то тяжесть въ головѣ и камень на душѣ.

Въ ея комнатѣ сидѣла Марѳуша.

Маруся ей очень обрадовалась, такъ какъ только съ ней и могла мѣняться мыслями, не опасаясь быть преданной.

Марѳуша была такой же приживалкой, какъ и Стулова, но считалась легкомысленной. Марѳуша была „благородная“ дѣвица; это дворянское происхожденіе, которымъ она очень гордилась, было причиной антагонизма, жившаго между нею и Стуловой. „Я слишкомъ благородна, чтобы подчиняться хамкѣ“,—говорила она Марусѣ. А Стулова, зная ея слабость, нерѣдко издѣвалась надъ нею: „что̀ за честь, коль нечего ѣсть“.

Мароуша была восторженная мечтательница и въ разговорахъ съ Марусей любила съ увлеченіемъ разсказывать ей о тѣхъ лукавыхъ прелестяхъ міра, которыя она, Мароуша, отнюдь не находила лукавыми и которыя она извѣдала, „когда папаша живъ былъ и служилъ на хорошемъ мѣстѣ“.

Въ эмансипаціи Маруси ея разсказы дѣйствительно играли немалую роль, и главнымъ образомъ ту, что пріучили ее слушать грѣховныя вещи, о которыхъ прежде запуганная дѣвушка не только отказывалась говорить, но даже боялась подумать.

Когда Маруся вошла въ комнату, Мароуша сорвалась съ мѣста, быстро подбѣжала къ двери, выглянула въ коридоръ и, убѣдившись, что тамъ никого нѣтъ, притворила дверь.

VIII.

— Ругались?—шопотомъ спросила Мароуша.

Маруся удивилась.

— Какъ ругались, кто ругались?—спросила она.

— Тетушка ваша ругались,—спрашиваю.

— Нѣтъ; совсѣмъ напротивъ. Ахъ, Мароуша, тетушка меня очень любитъ... только я боюсь ея этой любви, и она говоритъ, что бояться ее грѣхъ, что нужно бояться только Бога.

— Чтò его бояться-то? Онъ—милосердый.

— Вотъ и я ей тоже говорю. Съ этого и пошло.

— Про папеньку спрашивали?

— Спрашивала. Только я ей ничего не сказала. Да чтó и говорить-то? О чемъ, говоритъ, писала? А я и сама не знаю, о чемъ. Тогда душа наболѣла, сердце замучилось, я и написала. И не помню ужъ чтò... просила пріѣхать. Зачѣмъ? Сама не знаю. Да и не пріѣдетъ онъ...

— Какъ это не пріѣдетъ? Къ родной дочкѣ-то, да чтобы не пріѣхалъ! Чай, и у нихъ сердце-то человѣчье. Звѣрь, и тотъ свое дитя любитъ.

— Я-то его люблю; вотъ, тоскуетъ по немъ сердце, во снѣ его вижу, хотя въявь никогда и не видала. А вотъ онъ-то меня? За двадцать-то лѣтъ ни разу не вспомнилъ...

— А можетъ и вспоминалъ, да обстоятельства были неподходящія. Вотъ и теперь, коли скажете тетушкѣ, что приглашали, онѣ передъ его носомъ двери прихлопнутъ.

— И то, говоритъ, не допущу. А коли, говоритъ, чтò, то и прокляну. И его, значитъ, и меня.

— Ай, страсти какія! Такъ неужто сказали имъ, что приглашали?

— Ничего, Мареуша, не сказала; сама, видно, догадалась.

— Ахти, бѣда какая!

— Ужъ ты намъ устрой, Мареуша, чтобы видѣться, въ случаѣ чего...

— Какъ не устроить, барышня. Я вѣдь люблю васъ. Я добрая. Не Стулова вѣдь я. Риску-то много, а только ничего не подѣлаешь! Не все о своей шкурѣ думать.

— Добрая ты, Мареуша...—съ грустью въ голосѣ сказала Маруся,—а вотъ не хочешь сказать мнѣ, что̀ я тебя прошу.

— Это о родителяхъ-то? Да вѣдь какъ сказать-то, голубушка моя горькая? Слыхала я, точно, ихъ исторію. А вѣдь кто знаетъ,—можетъ, люди и лгутъ. А окромя того и тетенька ваша Евлампія Львовна. Когда я поступала сюда, было намъ объявлено: кто, дескать, да барышнѣ разные слухи и розсказни о ея родителяхъ переносить будетъ, тому не житье въ домѣ... въ одинъ моментъ и поворотъ отъ воротъ. Вы тетеньку знаете: по вѣтру слова пущать не любитъ; у ней что̀ на умѣ, то и на дѣлѣ. А я вѣдь, барышня, титулярнаго совѣтника дочь, въ прислуги мнѣ поступить невозможно, работать ничего не могу, потому что благороднаго происхожденія и папаша на хорошемъ мѣстѣ служилъ. И потому могу съ голоду помереть, коли ежели тетенька прогонятъ. И безъ того Стулова подкапывается подъ меня изъ-за васъ все, что дружбой меня дарите. Злющая вѣдь она баба, ревнивая, и сердце-то у ней сварливое. И чувствую, что не сдобровать мнѣ,—какъ пить дать, прогонятъ, а все не такъ еще скоро. Многаго лишена я по своей бѣдности. Вотъ, ангелъ мой, живя теперь въ тетушкиномъ строгомъ домѣ, не могу носить голубыхъ платьевъ. А въ міру-то я ихъ носила, и ужъ очень мнѣ голубой цвѣтъ-то къ лицу. Опять же и въ театрахъ бывала. Какъ хорошо-то! Чудеса. А теперь вотъ тетенька говоритъ: „лукавая прелесть". И никакой лукавой прелести нѣту. Опять же „бѣсовское навожденіе". А какое же бѣсовское навожденіе? Одно благородное искусство. Танцы, пѣніе, пріятные разговоры о чувствахъ—и больше ничего. И все такъ возвышенно, чувствительности разныя, ажъ слеза прошибаетъ и въ душѣ этакія хорошія чувства... Только, ради Бога, ангелъ мой, вы тетенькѣ этого моего мнѣнія не передавайте... И про голубой цвѣтъ не говорите. А что̀ дурного въ голубомъ цвѣтѣ-то? Бывало, при папашѣ всѣ кавалеры говорятъ: „обворожительны вы въ голубомъ, какъ есть мечта".

Не разъ слышала Маруся эти наивные разсказы Марѳуши, и они смущали ея душу. Міръ представлялся ей въ свѣтломъ, привлекательномъ видѣ. Ужъ одинъ голубой цвѣтъ какъ-то странно ее волновалъ. Вокругъ себя она видѣла только печальные сѣрые и черные цвѣтà. Голубой цвѣтъ былъ цвѣтомъ неба, того далекаго неба, на которомъ жилъ Богъ, и, слѣдовательно, чтò же было въ этомъ цвѣтѣ грѣшнаго и соблазнительнаго? Между тѣмъ она знала, что Марѳушу, на первыхъ же порахъ ея вступленія въ домъ, поставили „на поклоны" за то, что она осмѣлилась вплести въ волоса голубую ленточку. Вотъ въ театрахъ должно быть точно грѣха много, ибо тамъ говорятъ о людскихъ чувствахъ. И опять же музыка свѣтская и танцы. Музыки она никогда не слыхала, кромѣ церковнаго пѣнія, а танцевъ никогда не видала. Но еслибы она не боялась тетки, то непремѣнно пошла бы въ театръ, до того ее разжигали Марѳушины разсказы. Но теперь ее интересовало только одно: въ чемъ грѣхъ ея родителей, и сегодня она дала себѣ слово—во чтò бы то ни стало добиться отъ Марѳуши разрѣшенія этой измучившей ее тайны. Марѳуша знаетъ эту тайну, и надо ее вывѣдать отъ нея.

— Марѳуша,—взявъ ее за руку, сказала Маруся просительнымъ голосомъ.

— Чтò, ангелъ мой?

— Ты вѣдь много мнѣ разсказывала о свѣтской жизни, да?

— Много, барышня.

— Хоть разъ, хоть одинъ только разикъ предала я тебя тетенькѣ или нѣтъ?

— Грѣшно сказать,—ни разу.

— Ну, вотъ видишь. Съ чего же ты взяла мнѣ не вѣрить?

— Да я вамъ вѣрю, Марья Ѳедоровна.

— А коли вѣришь, такъ скажи про родителей!

— Страшно, Марья Ѳедоровна,—вотъ страшно, да и все тутъ. Раскрою ротъ, а къ сердцу-то такъ и подкатываетъ, такъ и подкатываетъ, и душа трепещетъ какъ овечій хвостъ.

— Полно тебѣ. Ну, возьми съ меня клятву. Хоть и великій это грѣхъ, а чтò жъ дѣлать, коли иначе нельзя.

— Развѣ что клятву...—раздумчиво произнесла Марѳуша.

— Ой, нѣтъ, не надо, не надо!—вдругъ спохватилась она. —Грѣхъ вѣдь это. И такъ скажу!—рѣшилась она.—Чтò два грѣха на душу-то брать, да и другого, безвиннаго человѣка въ грѣхъ вводить. А только я многаго-то и не знаю,—просто прибавила она.—А и то, чтò знаю, можетъ, враки. Мало ли чтò люди другъ про друга плетутъ!

— Да говори что̀ знаешь.

— Вотъ!—собравшись съ духомъ, наконецъ произнесла Мареуша.—Папенька вашъ женились на маменькѣ. А маменька ваша приходилась сестрой тетенькѣ.

— Это я знаю; дальше что̀?

— Не мѣшайте, я отъ начала. Женившись на маменькѣ, родились вы. Недолго пожили они вмѣстѣ. Маменька—царство ей небесное и да проститъ ее Господь, всемогущій Богъ—покинули васъ и папеньку.

— Зачѣмъ же она насъ покинула?

— Влюбившись. Влюбилась, значитъ, безъ памяти, безъ удержу, въ офицера. Это бываетъ; и на театрахъ даже это представляютъ. И думается мнѣ, по моему разсужденію, что и грѣха тутъ никакого особеннаго нѣту,—развѣ только самый маленькій... потому еслибы грѣхъ былъ особенный, или большой, то полиція не дозволила бы это публично на сценѣ представлять и передъ публикой свои чувства доказывать...

— Говори, Мареуша, говори, что̀ было дальше?—съ страстнымъ любопытствомъ зашептала Маруся.

— А дальше что̀ же? Офицеръ не то разлюбилъ ее, не то она его; доподлинно это неизвѣстно, а только убѣжала она съ актеромъ. Сказывали еще, что сама на сцену поступила, актрисой сдѣлалась, да не какой-нибудь, а самой что̀ ни на есть первой да хорошей.

— Грѣхъ-то какой!—опять прошептала Маруся.

— И опять же никакого грѣха нѣту, — горячо возразила Мареуша.—Это все въ нашемъ строгомъ домѣ „грѣхъ да грѣхъ“! А въ свѣтѣ это совсѣмъ даже не грѣшно; есть, сказывали, даже княгини, которыя въ актрисы пошли, а князьевъ и очень даже много.

— Что же, Мареуша, всякій себя потерять можетъ!

— Ну, ужъ князь-то не потеряетъ себя... а ежели идетъ на сцену—значитъ, такъ слѣдуетъ по его внутреннимъ чувствамъ, а ежели отъ его чувствительныхъ словъ публика плачетъ, а съ дамами обмороки—значитъ, онъ душу трогаетъ, а нѣшто это грѣхъ?..

— Ужъ и не знаю, что̀ сказать тебѣ на это... Но что̀ же потомъ было съ... мамой?

— А вотъ ужъ потомъ, нечего сказать, вышелъ грѣхъ. Кончила-то она скверно...

— Какъ же, какъ же?

— Да, говорятъ, отравилась.

Маруся слабо вскрикнула и отшатнулась.

— Отравилась?—проговорила она перекрестившись. — Господи, прости ей этотъ тяжкій грѣхъ!..

Онѣ замолчали. Маруся долго не могла оправиться отъ испытаннаго впечатлѣнія. Придя въ себя, она спросила Мароушу:

— Но какъ это произошло? Отчего она отравилась?

— Вотъ ужъ этого, ангелъ мой, не знаю. Правда, не знаю. Не то актеръ ее разлюбилъ, не то жить стало нечѣмъ—не знаю...

— А отецъ? — совсѣмъ тихо спросила дѣвушка, какъ бы боясь услыхать еще что-нибудь болѣе ужасное.

— Вотъ ужъ что касается родителя вашего,—тутъ долго надо разсказывать. Онъ студентскій учитель былъ въ духовной академіи или семинаріи, не знаю. Ну и училъ онъ ихъ фальшиво, противъ вѣры, значитъ. Сначала-то былъ онъ благочестенъ и богомолецъ, а потомъ неизвѣстно, что̀ съ нимъ сдѣлалось,—сталъ онъ ихъ учить невѣрію и богопротивнымъ вещамъ.

— Какимъ?

— Да ужъ, право, не упомню... А только когда маменька ваша его покинули, онъ въ ожесточеніи чувствъ, надо полагать, вовсе измѣнилъ Господу Богу и написалъ книгу въ восхваленіе діавола и аггеловъ его.

— Ой, Господи!—содрогнулась Маруся.

— Ну, и вотъ его изгнали изъ Россіи, а книгу его черезъ палача сожгли публично на площади.

Этотъ разсказъ произвелъ, къ удивленію самой Маруси, меньшее на нее впечатлѣніе, чѣмъ разсказъ о матери.

— Такъ какъ же онъ вернется теперь?—начала Маруся.

— А ему, слышно, простили, и онъ покаялся въ своихъ заблужденіяхъ. Жилъ онъ долго въ чужихъ краяхъ, ну и стало ему тяжело, и захотѣлось родную землю увидѣть. Ему и сказали: покайся. Онъ и покаялся: проклинаю, говоритъ, все прошлое и отрицаюся діавола и всѣхъ дѣлъ его. Вотъ это-то я и прочла въ газетахъ, что извѣстному ученому Муромскому разрѣшено жить въ Россіи... Тамъ и названіе города стояло, въ которомъ онъ проживалъ въ басурманской-то землѣ... Только вотъ теперь и забыла прозваніе, а тогда, чтобы не забыть его адресъ вамъ сказать, я на бумажку его записала. Только вы, ангелъ мой, не говорите тетенькѣ-то, что я тайкомъ газеты читаю. Въ газетѣ и названіе его сожженной книги стояло. И слышала я еще, что будто онъ уже пріѣхалъ, а только скрывается отъ властей.

— Скрывается? Зачѣмъ же ему скрываться, ежели, ты говоришь, ему разрѣшили вернуться?

— А ужъ этого я не знаю. Можетъ, совѣсть заговорила, и стыдно людямъ въ глаза глядѣть. Слышала я мелькомъ, будто Алексѣй Львовичъ были у него самолично, и что нашли его въ прежнемъ состояніи заблужденія, и что у него на лицѣ есть нѣкая печать сатанинской гордости.

— Какія страсти ты разсказываешь, Мареуша!—вздрогнувъ, прошептала Маруся.

— И самой страшно, на ночь-то глядя. А только, можетъ, все это глупости, и ничего этого нѣту,—вдругъ неожиданно и просто прибавила она.

Дѣвушки вздрогнули: на порогѣ, съ тарелкой моченыхъ яблоковъ въ рукахъ, стояла Стулова; лицо ея было красно, и маленькіе, ехидные сѣрые глазки ея быстро „шпіонили" говорившихъ.

— Ишь, испужались!—смѣясь, проговорила она.

Голосъ ея срывался, языкъ путался и она слегка покачивалась. Очевидно, она была пьяна, что на этотъ разъ замѣтила оправившаяся уже Маруся, которая раньше всегда защищала ее передъ Мареушей отъ ея нападеній.

— Коли бы добрыя дѣла промежду васъ были, не содрогнулись бы сердца ваши...—сказала Стулова.—Предстань, Мареа, передъ благодѣтельницей, передъ ея очи, и держи отвѣтъ праведный. Иди въ геенну огненную, гдѣ тебѣ уготованъ огонь вѣчный...

— Говори толкомъ, что тебѣ надо?—пробормотала поблѣднѣвшая Мареуша.

— Толкомъ и говорю: ступай къ благодѣтельницѣ,—требуетъ.

IX.

Еслибы грянулъ громъ въ этой маленькой комнаткѣ, Мареуша бы менѣе испугалась, чѣмъ при извѣстіи, принесенномъ ей старшей приживалкой.

„Вотъ оно!—мелькало въ ея головѣ:—начинается! Добилась-таки своего, поганка... Куда я теперь дѣнусь, гдѣ приклоню свою голову"?.. И слезы заблестѣли на ея глазахъ. Но надо было идти. Она давно знала по опыту, что медлить при исполненіи приказаній тетеньки было невозможно. Она встала, поцѣловала Марусю и, какъ бы предчувствуя большое несчастье, проговорила:

— Прощайте, ангелъ мой! Не поминайте лихомъ, коли что...

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!—прошипѣла ей вслѣдъ Стулова, но отвѣта отъ перепуганной Мареуши не получила.

Маруся, сдвинувъ брови, глядѣла въ упоръ на приживалку, все еще стоявшую у дверей. Стулова, какъ баба себѣ на умѣ, несмотря на всю свою ограниченность, отлично понимала взаимныя отношенія обитателей „строгаго дома". Лучше чѣмъ кто-либо она знала, что суровая Евлампія Львовна любитъ тихую Марусю, и что если когда-нибудь будетъ поставлена въ необходимость выбирать между племянницей и окружающими ее приживалками, то онѣ, приживалки, „полетятъ", а Маруся останется. Вотъ почему Стулова рабски-почтительно относилась къ дѣвушкѣ, и если, по своей злой природѣ, и дѣлала ей „пакости", то всегда впослѣдствіи удвоенной лестью и приниженностью старалась загладить дурное впечатлѣніе. Правда, она не очень и церемонилась съ Марусей, и хотя называла ее „тихій ангелъ" и „кроткая овечка", но въ душѣ считала ее „полудурьей".

Теперь невѣрными шагами подошла она къ все еще глядѣвшей на нее Марусѣ и приложилась къ ея плечику.

— Чтò глядишь на меня, красавица? Злая, думаешь, Александра. Анъ Александра не злая... А коли ежели чтò, такъ для тебя же дѣлаю, моя кроткая овечка. Аки песъ вѣрный, дворовый, стерегу. Съѣстъ вѣдь тебя поганая дѣвка Мареушка. Пропадешь ты съ нею, прямо въ челюсть дьяволу угодишь. И счавкаетъ тебя смрадный, а намъ-то съ тетенькой ничего не останется. Гдѣ, молъ, Маруся, нашъ тихій ангелъ? Анъ Маруси-то ужъ и нѣту. Тю-тю Маруся! Въ горнемъ адовомъ на сковородкѣ жарится. Тьфу, тьфу, съ нами крестная сила!

И всегда при этихъ іудиныхъ лобзаніяхъ Маруся брезгливо вздрагивала, какъ отъ прикосновенія жабы; и всегда при ея шутовскихъ словоизліяніяхъ, представлявшихъ смѣсь лицемѣрія, невѣжества и издѣвки, ее коробило и передергивало. Но сегодня случилось нѣчто особенное. „Тихій ангелъ" просто разсвирѣпѣлъ. Въ первый разъ въ жизни Маруся почувствовала въ груди кипучую злобу и въ первый разъ въ жизни она поняла, чтò значитъ ненависть и презрѣніе къ человѣку.

Она задрожала съ ногъ до головы. Впившись глазами въ ненавистную ей женщину, прерывающимся отъ волненія, хриплымъ голосомъ она выкрикнула ей:

— Прочь! Не смѣйте меня трогать! Подлая, подлая женщина!..

Она залилась слезами. Это было такъ неожиданно, что Стулова растерялась. Дѣйствительно, переходъ отъ кротости къ

злобѣ былъ такъ великъ въ Марусѣ и обыкновенно добрые глаза ея сверкали такими огоньками ненависти, что трусливой приживалкѣ было чего испугаться.

— Ишь ты, ишь ты!—бормотала она нетрезвымъ голосомъ, выходя изъ дверей.

Но жгучее чувство любопытства одолѣвало ее. Она знала, что въ нетрезвомъ видѣ опасно показываться передъ грозныя очи „правительницы“, и всегда тщательно избѣгала этого. Но сегодня она не могла совладать съ собой. Какъ! Судятъ ея супротивницу, ея соперницу, ея ненавистницу—и она не будетъ присутствовать при этомъ? Это было выше ея силъ. Поэтому она пошла въ свою комнату, поставила на комодъ тарелку, налила въ стаканъ воды, накапала туда нѣсколько капель нашатырнаго спирту, который, съ разрѣшенія Евлампіи Львовны, покупала „для зубной боли“, выпила воду и пожевала нѣсколько зернышекъ жаренаго кофе. Оправившись и отрезвѣвъ, она отправилась въ комнату благодѣтельницы.

Тамъ шелъ допросъ.

Хотя Евлампія Львовна и обѣщала произвести слѣдствіе о поступкахъ Марѳуши „ужо“, что означало въ ея устахъ „когда-нибудь“ или „какъ-нибудь“, но сегодня она разстроилась, и ее не клонило ко сну. Инсинуаціи Стуловой, потомъ разговоръ съ Марусей разогнали обычную дремоту, которая ее всегда одолѣвала въ это время. Она и вообще никогда не могла заснуть безъ того, чтобы Стулова не почитала ей на ночь чего-нибудь божественнаго. Она читала такимъ глухимъ и монотоннымъ голосомъ и такъ непонятно, что старуха немедленно засыпала. Чуть ли не этотъ счастливый талантъ чтицы и былъ причиной того, что приживалка взяла такую силу въ домѣ и собственно держала Евлампію Львовну въ подчиненіи. Безъ нея старуха никакъ не могла обойтись, хотя дѣлались попытки, въ дни опалы на Стулову, когда она не допускалась передъ очи благодѣтельницы, замѣнить ее Марѳушей и даже Марусей. Но когда онѣ читали, старуху обязательно мучила безсонница. Марѳуша читала бойко и звонко, и божественное чтеніе походило у нея на газетное. Старуха злилась, раздражалась, останавливала ее и поправляла. Конечно, это развлекало ее и разгоняло и безъ того непрочную дремоту. „Помилуй, мать,—ворчала она,—ты такъ орешь, что мертваго разбудишь! Гдѣ ужъ тутъ заснуть! Словно іерихонская труба трубишь. Ступай ужъ. Сама попробую заснуть... а то пришли ко мнѣ Марусю“.

Но и Маруся не могла угодить ей. Голосъ Маруси дро-

жалъ, въ трогательныхъ мѣстахъ она всхлипывала, и вообще ея нервное чтеніе только разстраивало Евлампію Львовну и нагоняло на нее какой-то страхъ. „Точно по покойнику читаешь, —говорила она,—рыданіе у тебя въ голосѣ... Ступай, отдохни, да позови ко мнѣ ту“...

Евлампія Львовна никогда не называла по фамиліи или по имени тѣхъ лицъ, на которыхъ опалялась. Приходила торжествующая Стулова, садилась въ ногахъ кровати на низенькой скамеечкѣ и начинала своимъ загробнымъ голосомъ чтеніе. Старуха черезъ три-четыре минуты впадала въ забытье и мирно засыпала до утра. Когда же наступали уже положительно безсонныя ночи,—а онѣ наступали въ послѣднее время все чаще и чаще и преимущественно тогда, когда въ теченіе дня много было треволненій и разстройствъ,—то и унылое чтеніе Стуловой не могло помочь Евлампіи Львовнѣ. Старуха всегда знала и предчувствовала наступленіе такихъ ночей и съ трепетомъ ихъ ожидала. Въ такихъ случаяхъ Стулова обязана была просиживать ночи у кровати благодѣтельницы. Ночь тянулась длинная, тоскливая, безконечная. Говорить обѣимъ старухамъ было нечего, и онѣ только слегка и съ большими промежутками перегивались.

„Безсонная ночь сегодня будетъ“,—входя въ комнату, подумала Стулова и остановилась на порогѣ, сладострастно смакуя картину допроса съ пристрастіемъ, который Евлампія Львовна чинила надъ провинившейся Маруѳшей.

X.

Маруѳша всегда теряла самообладаніе въ присутствіи Евлампіи Львовны, и часто до такой степени, что способна была наговаривать на себя то, чего и не было.

Она стояла теперь передъ „грознымъ судьей“, опустивъ глаза и руки и отвѣчая заплетающимся языкомъ на вопросы.

— Говори, неблагодарная душа,—спрашивала ее Евлампія Львовна:—почто ты племянницу мою смущаешь? Зачѣмъ супротивъ меня настраиваешь? Дошло до меня, что шибко ты осмѣлилась и языкъ свой поганый распустила.

— Облыжно это, благодѣтельница, видитъ Богъ, облыжно,— залепетала преступница.

— Молчи!—сурово оборвала ее Евлампія Львовна.—Говори по порядку: учила ты ее меня не слушаться?

— Видитъ Богъ, не учила, вотъ чтобъ мнѣ...

— Какъ же не учила,—прервала ее Стулова,—коли ежели я сама слышала: „стой, десвать, на своемъ, ничего она тебѣ сдѣлать не сможетъ", благодѣтельница, то-есть...

— Грѣшно вамъ право, Александра Васильевна, правда грѣшно!—суетливо заговорила Мареуша:—клеплете вы на меня не вѣсть что̀.

— А ты не суйся, коли не спрашиваютъ!—срѣзала Стулову Евлампія Львовна;—чай, не хуже тебя спросить умѣю. Говорила ты эти слова, али нѣтъ?—обратилась она къ Мареушѣ.

— Говорила, это точно, только въ другомъ смыслѣ вовсе... —заторопилась Мареуша, рѣшительно не помня, говорила ли она когда эти слова, или нѣтъ.—Евлампія Львовна! дозвольте объяснить: Марья Өедоровна дѣйствительно говорили, что боятся васъ, а я имъ доказывала, что добраго человѣка, а наипаче своего благодѣтеля, имъ бояться не слѣдуетъ... Вотъ что̀ я говорила, это дѣйствительно, а болѣе я ничего не говорила...

— Болѣе ничего не говорила!—передразнила ее Стулова.— А нынче о ея родителяхъ не говорила? А о театрахъ не говорила, да о всякихъ позорищахъ?

Мареуша убѣдилась, что ее подслушали. Сердце ея мучительно забилось, и она почуяла, что на этотъ разъ ей не спастись. Даже Евлампія Львовна не оборвала на этотъ разъ доносчицу и молча, поджавъ губы и сдвинувъ брови, ожидала отвѣта. Тогда Мареуша почувствовала, какъ что-то закипаетъ въ ея груди, какъ гнѣвъ овладѣваетъ ею и уничтожаетъ всю ея робость. Все равно, ей терять теперь нечего, ибо все потеряно, и она безсознательно рѣшила защищаться до послѣдней капли крови. Ее стараются погубить,—хорошо же, она тоже броситъ въ лицо своей обвинительницѣ такую „штуку", отъ которой той не поздоровится.

— А что графини актерками дѣлаются—не говорила?—продолжала Стулова „уничтожать" Мареушу.—А что въ этомъ даже и грѣха никакого нѣту—не говорила?

Евлампія Львовна сурово молчала и ждала признанія. Но такъ какъ Мареуша отъ волненія не могла заговорить сразу, то она приказала ей кратко:

— Отвѣчай!

— Это все вамъ съ пьяну показалось,—вдругъ, засверкавъ глазами, обращаясь къ Стуловой, отчетливо проговорила Мареуша. —Меньше бы водки жрали,—дрожа теперь отъ душившаго ее гнѣва, продолжала она,—меньше бы и мерещилось...

Лицо Стуловой при этомъ неожиданномъ нападеніи переко-

силось и позеленѣло. Она истерично взвизгнула и сдѣлала два шага къ Мареушѣ.

— Ахъ ты!..—завопила она, не помня себя и потерявъ всякое представленіе о мѣстѣ, гдѣ находилась.—Ахъ ты... ахъ ты!..

— Да вы, чай, и теперь пьяны...—съ холодной злобой проговорила Мареуша.

Евлампія Львовна вышла изъ пассивнаго состоянія.

— Александра!—сказала она такъ вѣско, что Стулова сразу опамятовалась. — Еще слово, и я васъ сегодня же ночью, сію минуту выгоню изъ дому...

Два врага стояли другъ противъ друга въ нерѣшительныхъ позахъ, застигнутые рѣшеніемъ Евлампіи Львовны.

— Такъ ты вотъ какъ!—заговорила наконецъ благодѣтельница, обращаясь къ Мареѣ.—Вотъ ты какія вещи въ домѣ разсказываешь! Развратъ вносишь! Тетку съ племянницей ссоришь! Старшимъ дерзишь! Ну, вотъ тебѣ мое слово. Пріютила я тебя и обогрѣла; крышу тебѣ, бездомной, дала, кусокъ тебѣ предоставила. Отъѣлась ты и обогрѣлась въ моемъ домѣ да на моихъ хлѣбахъ, такъ теперь меня отблагодарить достойно вздумала! Змѣй ты, а не дѣвка!

— Благодѣтельница!..

— Молчи! А еще благородной дѣвицей считаешься! Изъ-за благородства твоего я и сжалилась надъ тобой...

— Евлампія Львовна!..

— Молчи! А въ своемъ строгомъ домѣ я не потерплю этого. Дѣлай что̀ хочешь, а въ моемъ домѣ нѣту тебѣ воли безобразничать и другихъ, неповинныхъ людей въ свой развратъ совращать...

— Евлампія Льв...

— Молчи! И вотъ тебѣ три дня: первый на сборы, второй на пріисканіе пристанища и третій на уходъ...

— Да куда же я дѣвусь, Евлампія Львовна!—вдругъ зарыдала Мареуша.

— Молчи! Куда дѣнешься—не знаю. Да и не мое это дѣло. Въ актерки ступай, бѣса тѣшить...

— Никого у меня на всемъ свѣтѣ нѣту, одинокая я и сирая...—плакала та.

— И на выходъ тебѣ, на первое время, значитъ, пятнадцать рублей. А опосля этого, чтобы я имени твоего не слышала и духу твоего не почуяла! — съ олимпійскимъ спокойствіемъ продолжала Евлампія Львовна.—А тайкомъ въ домъ придешь,—въ полицію препровожу. Ступай!

— Евлампія Львовна!.. Дозвольте доложить! — начала-было Мареуша.

— Ступай! Съ Богомъ.

Мареуша повернулась и, шатаясь, двинулась къ двери. Проходя мимо Стуловой, она остановилась, засверкала на нее глазами и плюнула ей въ лицо, отчетливо выговоривъ одно слово:

— Подлая!

— Отъ подлой слышу,—отвѣтила Стулова.

Мареуша, не прибавивъ больше ни слова, вышла изъ комнаты.

Евлампія Львовна окончательно разстроилась. Грозная, безсонная ночь пугала ее. За одно уже она хотѣла приструнить и Стулову, противъ которой у нея всегда оставался горькій осадокъ послѣ всѣхъ этихъ сценъ, которыя, какъ она отлично сознавала, порождались всегда злобной приживалкой и были въ ея рукахъ извѣстными козырями для игры на настроеніи благодѣтельницы. Но Евлампія Львовна во-время удержалась — безсонная ночь пугала ее теперь больше чѣмъ обыкновенно своею томительной безконечностью, своей мучительной пустотой. Стулову опасно было трогать въ такія минуты; она опять затѣетъ „уходъ", а если и не уйдетъ, то начнетъ доказывать, что огорченія отбили у нея память и она перезабыла всѣ сказки. И тогда съ упрямой женщиной ничего не подѣлаешь.

— Лягу,—усталымъ голосомъ проговорила Евлампія Львовна, — замучили... И знаю, спать вѣдь не буду. Экая напасть-то! Небось, довольна? – спросила она приживалку, укладываясь спать и кряхтя.

— Чѣмъ это, благодѣтельница?

— Какъ же,—праздникъ вѣдь для тебя.

— Какой такой праздникъ?

— Мареутку-то прогнала. Поперекъ горла она у тебя стояла.

— Ничего не поперекъ горла. Мнѣ нѣшто не все равно?

— Ну, будетъ, будетъ, Александра! — примирительнымъ тономъ сказала старуха. — Лучше садись-ко да разскажи что-нибудь позанимательнѣе. Все равно, до утра не заснуть. Разстроили меня за день.

Стулова хотѣла-было поломаться, заговорить о слабой памяти и о своихъ немощахъ, но во-время вспомнила, что доводить до крайностей старуху опасно, да и на сегодняшній день достаточно.

Поэтому она покорно усѣлась, похрустѣла пальцами, потерла лобъ, наморщилась и загробнымъ голосомъ начала какую-то длинную сказку.

Валер. Свѣтловъ.

НА ЗОЛОТЫХЪ ПРІИСКАХЪ

въ

ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ

По личнымъ воспоминаніямъ *).

IV.

Яркіе, жгучіе лучи солнца, пронизывая своды вѣчно зеленаго лѣса, проникали въ сумракъ тѣни и пятнами золотого свѣта ложились на землю. Лѣсъ поднимался зеленѣющими стѣнами по уступамъ протянувшихся горъ, занимая группами деревьевъ и веселыми рощами покатыя плоскости, между которыми свѣтлѣли зеленыя лужайки, въ блескѣ солнца и нарядѣ цвѣтовъ. Но чѣмъ выше, тѣмъ эти лужайки дѣлались рѣже; часто ростущія деревья представляли непроходимую чащу, и потомъ, всходя все выше и выше по высотамъ, черной, ломанной линіей рисовались вершины горъ на голубомъ фонѣ неба.

У подножія горъ, по песчаной лощинѣ, бѣжалъ ручей, извиваясь между глыбами камней и кустами олеандровъ, которые склонялись надъ нимъ своими цвѣтущими красно-розовыми вершинами, точно охраняя его отъ знойнаго свѣта. За ручьемъ песчаная лощина рѣзко кончалась: зеленыя равнины, опять возвышаясь, переходили въ холмы. Мягкими, плавными линіями шли ихъ отлогіе скаты, и далеко на блѣдно-голубомъ фонѣ горизонта

*) См. выше: сент., стр. 181.

рисовались ихъ вершины. Аллеи пальмъ то всходили на холмы, то спускались въ долины, и нескончаемая полоса ихъ стволовъ, выдѣлявшихся черточками подъ навѣсомъ сѣро-зеленаго покрова слившихся вершинъ, терялась въ тѣни ущелій.

Тишиной вѣяло отъ этой безлюдной пустыни съ ея заманчивой далью долинъ и холмовъ у подножія этихъ горъ. Сонный и знойный воздухъ, безъ малѣйшаго вѣтерка или звука, охватывалъ душу мирнымъ и яснымъ настроеніемъ.

На одномъ изъ откосовъ горы, плавно спускавшемся въ лощину, деревья образовали полукругъ большого, открытаго пространства. Надъ нимъ, точно амфитеатромъ, окружая эту природную, идущую внизъ арену, поднимался къ горамъ густой лѣсъ, едва позволяя различить деревья на высотахъ. На этомъ открытомъ пространствѣ, противъ панорамы холмовъ за ручьемъ и помѣстился станъ новыхъ поселенцевъ Бахчаръ-Итэ.

Выше всѣхъ и ближе къ лѣсу стояла большая, высокая палатка изъ двойныхъ крѣпкихъ полотнищъ, хорошо укрѣпленная на вбитыхъ кольяхъ. Въ ней помѣщался начальникъ этого „campamento“ и уже владѣлецъ Бахчаръ-Итэ, баронъ фонъ-Ванденъ съ землемѣромъ Риверо, съ уже знакомымъ намъ Перкинсомъ и слугой Гансомъ. Ниже, почти спускаясь къ ручью, расположились грязноватыя на видъ и болѣе низкія палатки рабочихъ и солдатъ; баронъ поэтому имѣлъ поселеніе у своихъ ногъ и черезъ верхи его жилищъ могъ любоваться видомъ своихъ владѣній, предаваясь мечтаніямъ о великомъ будущемъ.

Но эти мечтанія зачастую прерывались невеселыми думами о настоящемъ. Уже шелъ второй мѣсяцъ, какъ онъ перевелъ нѣсколько артелей изъ Айкъ-Итэ, парализовавъ тамъ работы, а слѣдовательно и доходъ съ нихъ. Не мало стоило ему и содержаніе лагеря, тяготила его и необходимость отчета господамъ Бромлей. Баронъ вѣрилъ въ свою звѣзду, въ возможность потомъ устроить „комбинаціи“, но видѣлъ, что на пути къ славѣ не мало терній.

Первымъ разочарованіемъ явилось устройство австралійскихъ „сэтъ-хаузовъ“, проектированныхъ Перкинсомъ. Въ его кабинетѣ въ Санъ-Педро, въ бесѣдѣ за бутылкой, построеніе ихъ, въ видѣ прочныхъ жилищъ, казалось легкимъ дѣломъ. Но не то было въ Бахчаръ-Итэ. Постановка ихъ вкопанныхъ въ землю стѣнъ была немыслима на возвышенностяхъ, по твердости горнаго грунта, а въ долинѣ, за ручьемъ, постройкамъ угрожали наводненія. Потомъ, первое время, съ непривычки къ водѣ ручья, появились

больные. Но въ общемъ покореніе Бахчаръ-Итэ совершилось почти легко.

Лагерь раскинули по усмотрѣнію барона, въ описанной нами мѣстности, не столько по эстетическимъ, сколько по военнымъ соображеніямъ: открытая со стороны долины съ верховьевъ и низовьевъ ручья, она защищалась сзади горами, которыя поднимались амфитеатромъ, образуя террасы лѣсныхъ пространствъ. Отвѣсные бока этихъ террасъ представляли почти ровныя стѣны въ пять, шесть и восемь саженъ вышины; такъ что не было возможности подкрасться къ лагерю незамѣченнымъ или спуститься съ горъ безъ помощи каната или лѣстницы. И только вверхъ по ручью эти стѣны переходили мало-по-малу въ болѣе отлогіе скаты, позволявшіе рубить лѣсъ для построекъ и спускать его неразбитымъ.

Порубка лѣса подъ командой Перкинса была первой работой въ Бахчаръ-Итэ. Баронъ съ Риверо и десятью солдатами сначала, а потомъ только съ двумя, снимали планы съ владѣній барона, первые дни вдвоемъ, а потомъ только одинъ Риверо. Планы эти затѣмъ баронъ рѣшилъ расписать и раскрасить по всѣмъ правиламъ инженерной науки.

Устроивъ лагерь, баронъ остался доволенъ выборомъ мѣстности. Въ мечтаньяхъ первыхъ дней онъ рѣшилъ—на мѣстѣ своего настоящаго холщеваго жилища построить домъ, съ балконовъ котораго откроется видъ на долины и холмы за ручьемъ. Спускающіяся аллеи, со статуями между деревьевъ, поведутъ къ ручью, черезъ который перекинется китайскій мостикъ, пестро-раскрашенной аркой, съ драконами на столбикахъ. Это будетъ мѣсто его vie intime въ Бахчаръ-Итэ, и онъ по плану уже назвалъ его „Вилла Ванденъ". Онъ потомъ сниметъ фотографіи и съ виллы, и съ общаго пейзажа мѣстности, и, конечно, со временемъ,—можетъ быть и скоро,—онѣ будутъ воспроизведены на страницахъ иллюстрированныхъ журналовъ.

Мѣсто рабочаго поселенія было отдалено отъ будущей виллы на сто саженъ вверхъ по ручью и было именно мѣстомъ индѣйскаго поселенія, отъ котораго остались только обгорѣлыя бревна.

Этотъ выборъ барона былъ тоже не менѣе удаченъ. Мѣстность представляла собой довольно возвышенное большое плато, почти ровное, которое огибалъ ручей, а лѣсъ спускался съ горъ отлогими уступами. По общему соглашенію съ Перкинсомъ и Риверо, рѣшили, что рабочіе будутъ жить въ палаткахъ „виллы", пока на мѣстѣ пожарища не выстроятъ бревен-

чатые дома-бараки, примѣняя „австралійскую" систему тамъ, гдѣ это позволитъ грунтъ земли.

И сразу же, съ американскою прямолинейностью, начались работы и установился порядокъ лагерной жизни въ лѣсахъ. Съ утра у палатокъ дымились костры для завтрака пробудившагося люда; слышался шумный говоръ рабочей толпы, которая шла потомъ, съ Перкинсомъ во главѣ, на построеніе будущей Калифорніи. Въ „Виллѣ Ванденъ" оставался баронъ съ Риверо, и оба работали перомъ и кистью, пока Гансъ, послѣ того какъ подавалъ имъ кофе, принимался за приготовленіе имъ обѣда, въ устроенной въ нишѣ горы печкѣ, позади палатки. Солдаты-негры внизу у палатокъ чинили сѣдла, стерегли лошадей или играли въ засаленныя карты. На обязанности одного изъ нихъ лежало приготовленіе пищи для нихъ самихъ и для рабочихъ. Въ полдень возвращались рабочіе. Баронъ, Перкинсъ и Риверо обѣдали на открытомъ воздухѣ, у палатки, сидя на складныхъ стульяхъ, въ тѣни горы. Гансъ служилъ имъ какъ могъ, съ почтительной озабоченностью нѣмецкаго добраго слуги. Послѣ обѣда неизбѣжная siesta,—лагерь засыпалъ до двухъ часовъ дня, и потомъ опять работа до сумерекъ. Солнце склонялось за холмы, прямо противъ лагеря, окрашивая розовымъ свѣтомъ его палатки. Баронъ съ Риверо оставляли черченіе плановъ и спускались къ ручью, въ туфляхъ, по домашнему, купаться какъ добрые дачники. Ужинали при свѣтѣ луны и долго сидѣли въ складныхъ креслахъ, наслаждаясь тихими порывами пробѣгавшаго ночного вѣтерка. Внизу у палатокъ опять пылали костры и подъ аккорды гитары доносилась монотонная „милонга" креоловъ. Ночью, по приказанію барона, у его палатки стоялъ часовой съ ружьемъ, а внизу двое другихъ поочередно ходили между палатками, поддерживая свѣтъ костра во всю ночь.

Эти предосторожности казались совершенно излишними. Шумъ голосовъ, огни и дымъ костровъ издалека чуялись звѣрями. Что же касается до индѣйцевъ, то за все это время ни одинъ изъ поселенцевъ не встрѣтилъ ни одного изъ нихъ, не нашелъ ни малѣйшаго ихъ слѣда. Бахчаръ-Итэ казался необитаемымъ—изгнанные обитатели его исчезли безслѣдно. Это успокоило барона, и ему казалось теперь, что въ насиліи надъ индѣйцами не было ничего дурного: оно было необходимо для покоренія пустыни... Но предосторожности все-таки соблюдались, и за этимъ смотрѣлъ и баронъ, и его товарищи по палаткѣ. Вверхъ по ручью, въ лощинѣ, было огороженное пространство для му-

ловъ и быковъ. Тамъ же была и бойня для продовольствія лагеря. Всякій разъ послѣ убоя быка, ночью оттуда неслись грозныя рыканья, мычанье быковъ и топотъ бившихся муловъ и лошадей. Собаки лагеря заливались злобнымъ лаемъ, чуя враговъ, но враги эти—вѣроятно, по скученности скота—ограничивались только захватомъ свѣже-снятой окровавленной шкуры животнаго,—какъ бы высоко ее ни повѣсили,—но не трогали скота.

Такъ прошло полтора мѣсяца. За все это время чудная погода, безоблачное небо, жаркіе дни и тихій, точно ласкающій своими порывами, нагоняя дрему, вѣтерокъ ночи.

Въ одну изъ такихъ ночей, уже близко передъ разсвѣтомъ, у палатки барона, точно съ трескомъ раздирая воздухъ, грянулъ выстрѣлъ, и эхо понесло его повтореніе по горамъ и спящимъ лѣсамъ, будя птицъ. Покорители выскочили изъ палатки съ револьверами въ рукахъ; снизу бѣжали другіе солдаты, и черезъ минуту пробудился весь лагерь, готовый отражать враговъ. Но враговъ не было. За палаткой на землѣ, у печки Ганса, копошилась какая-то черная масса, съ страннымъ хрипѣньемъ подергивая черными руками или ногами. Въ полумракѣ нельзя было разобрать, что̀ это было за существо, и одинъ изъ солдатъ сталъ бить его прикладомъ ружья. *Оно* передернулось и перестало биться. Вытащивъ его къ свѣту, передъ палаткой, увидѣли небольшого и безобиднаго въ сущности, черного медвѣдя. Блестяще-черная короткая шерсть его была жестка, а самъ онъ былъ вдвое меньше сѣверо-азіатскаго или европейскаго медвѣдя. Часовой замѣтилъ его на террасѣ горы, надъ палаткой. Медвѣдь смотрѣлъ на спящій внизу лагерь, и блестяще-зеленые въ темнотѣ глаза бѣдняги послужили мишенью. Солдатъ послалъ ему снизу пулю подъ лопатку, скорѣе случайно, чѣмъ собственно по прицѣлу. Товарищи, смѣясь, упрекали его въ переполохѣ изъ-за такого пустяка, но баронъ былъ доволенъ, хвалилъ мѣткость выстрѣла и бдительность часового.

— Бдительность, ребята, вотъ чего я требую отъ васъ прежде всего. Ружья даны вамъ, чтобы стрѣлять. Вы должны стрѣлять ночью *во все*, что̀ приближается къ лагерю, не разбирая! Здѣсь враги, здѣсь пустыня, и мы должны покорять ее.

Потомъ на утро онъ наградилъ солдата, купивъ шкуру его жертвы за три пэзо. Лапы медвѣдя спекли въ горячей золѣ. По вкусу онѣ были похожи на свинину.

Солдаты были довольны. Эта преторіанская черная стража барона, подъ командой чернаго же унтеръ-офицера (sargento)

Пенàчо, не особенно, однакоже, нравилась барону и производила впечатлѣніе гурьбы лѣнивыхъ негровъ-дикарей. Баронъ третировалъ ихъ по военному режиму, требуя отданія чести, „подъ козырекъ", „руки по швамъ" и т. п. Довольный ходомъ построекъ, онъ рѣшилъ заставить работать и солдатъ надъ проложеніемъ дороги въ Санъ-Педро.

Это скоро сдѣлалось его главной заботой цивилизатора, въ виду важности устройства правильнаго сообщенія съ городомъ. Его сообщенія съ Люси и маіоромъ требовали отъ трехъ до четырехъ дней верхового пути. Лѣсныя дороги представляли собою зигзаги тропинокъ, и, при проѣздѣ его по лѣсамъ, баронъ понялъ, что онѣ должны вдвое увеличивать разстояніе. Соображеніе это подтвердилось изслѣдованіемъ плана округа. По прямому пути разстояніе отъ Бахчаръ-Итэ до города не превышало двадцати миль, т.-е. одного дня пути муламъ и отъ десяти до двѣнадцати часовъ конямъ, съ отдыхомъ на полпути для него. Взвѣсивъ все это, баронъ, окончивъ работу надъ планами, далъ начальство надъ лагеремъ Перкинсу, а самъ съ пятью солдатами, Риверо и неизбѣжнымъ Гансомъ, цѣлую недѣлю ѣздилъ по лѣсамъ, изслѣдуя мѣстность.

Въ этихъ экскурсіяхъ онъ руководился компасомъ и нашелъ прямую линію до Санъ-Педро, т.-е. самую близкую дорогу, которой не было, потому что болото заграждало путь. Оно было собственно узкое, но тянулось на цѣлыя мили длинной полосой лѣсной впадины, обѣ стороны которой при этомъ представляли непроходимую чащу. Изслѣдовавъ все это, баронъ рѣшилъ проложить дорогу черезъ чащу и *по болоту*. Дѣловой инженеръ, онъ понялъ, что о дренажѣ тутъ и думать нечего, и рѣшилъ проложить дорогу путемъ понтоновъ и свай. Приходилось рубить деревья среди топи—работа тяжелая и не безопасная: проникая въ эти чащи, онъ видѣлъ тамъ злобно рычавшихъ тапировъ, притоны ягуара, громадныхъ сукарри [1]) и не мало ядовитыхъ змѣй. Вдыханіе болотныхъ міазмовъ при работѣ для европейца было бы смертельно. А негры должны устоять...

Но у барона, какъ у человѣка, начавшаго работать среди трудностей, прежнее самомнѣніе значительно уменьшилось, и теперь онъ совѣщался съ Перкинсомъ по поводу негровъ, которыхъ онъ, Перкинсъ, не считалъ полезнымъ рабочимъ элементомъ: „казарма и готовые хлѣба деморализовали ихъ, и они лѣнивы, безобразно лѣнивы"! Баронъ допускалъ строгія мѣры.

---

[1]) Sucarry—родъ боа, живущаго по болотамъ, не меньше боа-constrictor'а.

Дорога необходима, чтобы обезпечить постоянное и возможно скорое сообщеніе основывающагося поселенія съ городомъ; она является и административной, и жизненной потребностью—это ясно! И ее надо проводить, не теряя ни дня больше, имѣя въ виду близость дождей. Какъ инженеръ, онъ увѣренъ, что съ десяткомъ солдатъ понтоны будутъ наведены въ нѣсколько дней, а остальная часть работы состоитъ только въ просѣкѣ. Самое трудное и опасное уже сдѣлано,—останавливаться и колебаться нечего. Докончивъ постройки и основавъ артели, надо заняться анализомъ мѣстныхъ горныхъ породъ и проекціей „разрѣзовъ".

Отъ негровъ баронъ, неожиданно для Перкинса, перешелъ къ разговору о сеньорѣ Риверо. Разговоръ происходилъ тотчасъ же по пріѣздѣ барона изъ его лѣсныхъ экскурсій на мѣсто построекъ и въ отсутствіе остававшагося въ лагерѣ Риверо. Баронъ сообщилъ, что, по пріѣздѣ ихъ въ Санъ-Педро, Риверо оставляетъ государственную службу и опредѣляется директоромъ работъ въ „Виллѣ Ванденъ". Человѣкъ онъ трудящійся, съ семьей на шеѣ. Баронъ даетъ ему хорошее содержаніе, и, конечно, въ будущемъ онъ болѣе обезпеченъ, завися отъ барона, а не отъ измѣнчиваго республиканскаго правительства. Проектъ этотъ Перкинсъ одобрилъ, и повидимому искренно, хотя въ то же время сеньоръ Самуэль Риверо едва ли былъ ему симпатиченъ. Португалецъ по происхожденію, Риверо долго жилъ въ Бразиліи и управлялъ тамъ плантаціями,—такъ что съумѣетъ поставить себя хорошо съ рабочими,—это главное.

Выборъ былъ дѣйствительно удаченъ. Синьоръ Риверо бился съ жизнью за существованіе свое и семьи. Какъ землемѣръ, онъ получалъ отъ правительства ничтожное содержаніе, ибо имѣлись въ виду проценты при его работахъ по межеванію; но этихъ работъ почти не было, и бѣднякъ, ожидая ихъ, жилъ впроголодь съ женой-креолкой и тремя дѣтьми. По наружности это былъ типъ неудачника, лѣтъ тридцати, тщедушный и невзрачный на видъ, сумрачный, мало говорившій, съ черной эспаньолкой и почти такими же „треугольными" бровями, черноглазый и смуглый. При сдержанности манеръ и разговора, въ немъ чувствовалось, однакоже, затаенная энергія бывалаго человѣка. Въ то же время онъ хорошо зналъ страну, а на лѣсныхъ бивуакахъ былъ какъ дома. Нравственная физіономія его не вполнѣ поддавалась обрисовкѣ, и на первое время онъ казался безъ убѣжденій и безъ склада. Поэзія, искусство, политика, философія... все это хорошо, конечно, но надо прежде всего добыть деньги, сдѣлать себѣ положеніе, отстранять затруд-

пенія... Онъ соглашался, напримѣръ, что Аполлонъ Бельведерскій будетъ дороже печной посудины для прозаичной похлёбки, не спорилъ,—но въ этой уступкѣ сквозила затаенная мысль найти глупца-покупателя для этого мраморнаго бога, и тогда съ деньгами въ печи появится и что-нибудь получше простой похлёбки. Но, конечно, спорить объ этомъ не стоитъ. Да и вообще не стоитъ спорить: люди вѣрятъ обыкновенно тому, во что имъ *хочется* вѣрить... А это „*хочется*" зависитъ отъ наклонностей, характера и самой жизни, такъ что истина тутъ ни при чемъ. Въ Бразиліи онъ слышалъ и слушалъ пасторовъ-методистовъ. Они изъ кожи лѣзли вонъ, доказывая свою „истину". Говорили хорошо, но и сбирали тоже не дурно... И нельзя осуждать ихъ за это: это было ихъ ремесло, они этимъ жили. Но потомъ нѣкоторые изъ нихъ, собравъ деньги (проповѣдями наизусть), оставили „истину" и принялись за скупку кофе и хлопка. И забыли „истину"!

Разсуждая о Риверо, баронъ и Перкинсъ прибыли въ лагерь, гдѣ застали его пришивающимъ пуговицы къ своему длинному парусинному пальто, сидя на складной кровати въ палаткѣ.

Ужинали въ палаткѣ. Столъ чертежниковъ, т.-е. просто доски на деревянныхъ козлахъ, былъ недурно сервированъ, и красный свѣтъ лампы изъ-подъ большого абажура освѣщалъ серебро, безукоризненно чистые тарелки и стаканы. Салфетки и скатерть были сомнительной чистоты, а самое „menu" ужина было бѣдновато и состояло изъ жаренаго на вертелѣ мяса и почекъ быка, изъ вареного картофеля и жареной же какой-то длинноногой птицы съ страннымъ запахомъ не то смолы, не то мускуса. По словамъ барона, убившаго ее, она была гораздо красивѣе въ лѣсу на деревѣ, а на блюдѣ имѣла весьма непривлекательный видъ. Пирожное замѣняли плоды „черемойя" (cherемоуа) и небольшіе лѣсные ананасы. „Черемойя"—роскошный по вкусу и запаху плодъ—напоминаетъ наше яблоко, но темно-фіолетоваго, почти чернаго цвѣта. Бѣлая сочная мякоть, съ твердыми косточками, сладкая, напоминающая кремъ, пахнетъ ванилью. Такіе плоды не только не утоляютъ жажды, но скорѣе возбуждаютъ ее. Отъ избытка сахаристыхъ началъ, по скорости броженія, они не поддаются сохраненію и не достигаютъ Европы. Ананасы были роскошными и по аромату, и по вкусу. Въ винѣ не было недостатка, хотя оно было и теплымъ, и кислымъ уже.

Но цивилизаторы, точно по взаимному соглашенію, старались поддерживать хорошее расположеніе духа и ѣли, и пили отлично. Лучше всѣхъ чувствовалъ себя баронъ, понимая, что еще не-

много — и онъ уже безъ малѣйшаго для себя риска и неудобства, будетъ управлять созданнымъ имъ поселеніемъ, привлекая къ нему новыя силы, организуя факторію и развивая ея дѣятельность. Заговорили о колонизаціи этихъ пустынь, о будущемъ „Виллы Ванденъ", пока только означенной на планѣ. Баронъ подливалъ вина собесѣдникамъ. Риверо, обыкновенно молчаливый, вдругъ заговорилъ о дорогѣ черезъ болото, и баронъ отвѣчалъ ему въ совершенно дружескомъ тонѣ. Дорога будетъ проложена во что̀ бы то ни стало и скоро. Онъ понимаетъ семейное положеніе своего будущаго управителя, и, конечно, не оставитъ его съ семьей отрѣзаннымъ отъ міра въ этихъ лѣсахъ. Кончили ужинъ, рѣшивъ ускорить работы, чтобы успѣть убраться до дождей.

Въ палаткѣ было душно, и собесѣдники не безъ удовольствія оставили ее и расположились на открытомъ воздухѣ, въ складныхъ креслахъ, съ сигарами въ зубахъ. Ночь была темная, безлунная, съ миріадами звѣздъ и свѣтившимися полосами „млечнаго пути" на темномъ, почти черномъ небѣ. Несмотря на возвышенное положеніе, въ воздухѣ чувствовался удушливый зной, не прекратившійся съ закатомъ солнца. Риверо объяснялъ это близостью дождей и началомъ бурь передъ ними. Это опять навело разговоръ о дорогѣ. Риверо сказалъ, что надо ждать воды съ новолуніемъ. Перкинсъ ручался закончить постройки въ семь или восемь дней, и тогда можно будетъ, не разъединяя силъ ихъ лагеря, всѣмъ имъ приняться за дорогу. Но это не понравилось ни Риверо, ни барону. Дожди близки и могутъ остановить работы въ низкихъ мѣстностяхъ, неудобныхъ даже и теперь.

И точно желая удовлетворить Риверо и кончить разсужденія о дорогѣ, баронъ вынулъ изъ кармана свистокъ и рѣзко свистнулъ два раза. Снизу, изъ лагеря, изъ освѣщеннаго пространства костровъ, поднялась и пошла къ палаткѣ большая черная фигура. Въ двухъ шагахъ отъ сидѣвшихъ она остановилась, вытянувшись по-солдатски. Это былъ сержантъ Пена̀чо, высокій, сильно сложенный негръ, безбородый и съ довольно звѣрскимъ лицомъ. Баронъ, смотря куда-то въ сторону, медленно-важно спросилъ его, всѣ ли здоровы въ его отрядѣ.

— Всѣ, сеньоръ лейтенантъ!—хриплымъ басомъ отрапортовалъ Пена́чо, съ рукой у кепи.

— Хорошо. Опусти руку. Завтра съ утра ты отдѣлишь по своему усмотрѣнію десять человѣкъ, — наиболѣе понятливыхъ... Мнѣ и сеньору Риверо лошадей. Ты останешься, а они поѣдутъ съ нами, конечно вооруженными. Пусть возьмутъ восемь топо-

ровъ и четыре лопаты. Понялъ? Топоровъ восемь, а лопатъ четыре. Понялъ?

— Понялъ, сеньоръ. А насчетъ продовольствія?

— А-а... Да... Ты правъ. Котловъ не надо. Но мяса пусть возьмутъ на день. Понимаешь?

— Понимаю, мой лейтенантъ (mi teniente). Часового еще не прикажете поставить?

— Нѣтъ еще. Пусть подождетъ. Я дамъ сигналъ. Ступай.

Пожелавъ своимъ начальникамъ доброй ночи, Пена́чо отправился къ кострамъ, а баронъ приказалъ Гансу подать лимонаду. Оказалось, что благодѣтельнаго напитка осталось не болѣе пяти бутылокъ. Керосинъ, спички, сахаръ, мыло и т. п., все это было на исходѣ. Смѣясь надъ страхами Ганса остаться на индѣйскомъ положеніи, собесѣдники пили лимонадъ, находя его превосходнымъ отъ одной мысли, что его осталось уже мало. Вслѣдъ затѣмъ Риверо и Перкинсъ отправились спать, а баронъ остался въ креслѣ со своими думами. Желая лучше предаться этимъ думамъ, баронъ сѣлъ спиной къ лагерю, повернувъ кресло.

На завтра онъ ждалъ возвращенія „нарочнаго" съ бумагами отъ маіора и письмомъ отъ Люси... Ихъ разлукѣ приходитъ конецъ. Баронъ думалъ объ этомъ не безъ наслажденія, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что съ представленіемъ о Люси у него являлось представленіе о лучшей жизни, среди комфорта и удобствъ, которые онъ такъ цѣнилъ. А она являлась какъ что-то пріятно дополняющее эту жизнь. Въ письмахъ къ ней онъ всегда что-нибудь совѣтовалъ о домѣ, о садѣ, о ея здоровьѣ. Его предположеніе о томъ, что они *могутъ быть трое*,—къ его досадѣ, такъ и осталось предположеніемъ: на вопросъ объ этомъ, при всей деликатности его формы, Люси разсердилась и не хотѣла отвѣтить. Въ то же время, мысль о сынѣ давала ему пріятныя ощущенія. Но и въ своихъ письмахъ на этотъ счетъ Люси была нѣма, и ея манеру писать теперь вспомнилъ все только практически понимавшій баронъ. Писала она точно только отвѣчая, принужденно-холодно; въ ея письмахъ чувствовалась неуклюжесть слога не знающаго что̀ сказать человѣка. При этомъ ни разу не спросила она о его возвращеніи, не просила ускорить его. Баронъ объяснялъ это ея раздраженіемъ. Передъ отъѣздомъ онъ выпивалъ, несмотря на ея неудовольствіе. Въ его сборахъ и въ самой опасности предпріятія онъ забывалъ о ней, о ея любви женщины. „Вотъ что̀ оскорбило ее, и она пожалуй права, какъ женщина".

Но все это, конечно, благодаря этому проходимцу, этому Нисахъ-Керру́.

Мысль барона со злобой остановилась на индѣйцѣ, но теперь къ этой злобѣ примѣшалось и гордое пренебреженіе цивилизатора, сознающаго свою силу. Индѣецъ оказался совсѣмъ не такимъ опаснымъ, и разъ увидѣвъ, что его не боятся, онъ исчезъ со своими „керру́“. Теперь это уже ясно. Онъ давно могъ напасть, устроить побоище, отрѣзать имъ дорогу для провіанта, мѣшать строить. Но какъ и всѣ колдуны, этотъ индѣйскій принцъ просто обманываетъ и лжетъ. Бахчаръ-Итэ оказалось не въ Бразиліи и гораздо ближе. Теперь бояться уже нечего. Бараки хорошо устроены, и Риверо, изъ собственныхъ видовъ и выгодъ, съумѣетъ охранить поселеніе. Побѣда надъ пустыней совершена и надо идти впередъ. Впередъ!..

„А сколько было пережито тревогъ и страха!“—сознался онъ передъ самимъ собою, и ему припомнился призракъ индѣйца въ павильонѣ. Хорошо, что никто не знаетъ объ этой глупости... Конечно, призракъ существовалъ только въ его воображеніи: онъ порядочно выпилъ и призракъ былъ дѣломъ его настроенія.

Но тутъ же припомнилось ему, что призракъ *говорилъ*, угрожалъ... Конечно, это тоже была иллюзія... акустическая. И доказательствомъ *нереальности* явленія служитъ то, что, понимая и помня слова угрозы, ихъ значеніе, ихъ смыслъ, онъ не знаетъ, на какомъ языкѣ эти слова были сказаны. По-нѣмецки? По-испански? Рѣшительно не знаетъ! И, конечно, потому, что призраки, къ счастью, говорить не могутъ, когда ими не занимаются гг. спириты и тому подобный праздный людъ.

И, безсознательно для себя, баронъ старался сохранить въ себѣ это настроеніе отрицанія. Но это настроеніе слабѣло, и скоро призракъ началъ казаться ему чѣмъ-то *обособленнымъ* отъ него самого... И онъ останавливался на этой мысли съ досадой и тревогой, которую *хотѣлъ не сознавать*. Новая фаза мышленія явилась у него, частью изъ желанія обвинить ненавистнаго ему индѣйца, и частью отъ проскользнувшаго въ журналы случая какой-то *телепатіи*, или чего-то въ родѣ этого. Случай былъ помѣщенъ какъ „курьёзъ“ подъ заглавіемъ: „Дѣло гг. спиритовъ“, и сообщалъ о нѣкоемъ офицерѣ, появившемся съ угрозой застрѣлиться своему строгому командиру, державшему его подъ арестомъ. Баронъ рѣшилъ теперь внимательно прочесть этотъ „курьёзъ“, понимая, что для карьеры, для дѣла, нельзя совершенно игнорировать здѣсь эти вещи. Ему припоминалось

теперь, что въ одинъ изъ воскресныхъ дней, онъ засталъ свободнаго отъ работъ Перкинса за чтеніемъ „The book of the Master“ и какого-то журнала, подъ названіемъ „Light“ (свѣтъ), трактовавшаго о душахъ и т. п. Странно тутъ не то, что такія вещи печатаются, а то, что ихъ читаетъ такая умная, дѣловая крыса, какъ этотъ Перкинсъ! Да и вообще въ Америкѣ, въ обществѣ и въ прессѣ, онъ неясно, но какъ-то постоянно-назойливо слышитъ о спиритахъ, ихъ конференціяхъ, обществахъ и т. п. И въ ихъ кудахтаньяхъ слышно торжество успѣха!

Все это, конечно, только новая манера „de gagner le pain sans trop de peine“ (зарабатывать хлѣбъ безъ большого труда), не больше. Потому что всѣ эти спириты, при всемъ своемъ общеніи съ духами, заставляютъ не духовъ, а простыхъ смертныхъ платить за ихъ публикаціи и изданіе. Въ этомъ отношеніи они далеки отъ неба, но вѣдь *здѣсь* это понимаютъ не всѣ. Оттого ихъ здѣсь и больше. И съ запрокинутой назадъ головой онъ смотрѣлъ на поднимавшіяся передъ нимъ громады горъ, съ ихъ безмолвными, спавшими во тьмѣ, лѣсами. Черная ломанная линія вершинъ неясно различалась на фонѣ ночного неба. Глухіе, печальные крики совъ проносились надъ лѣсами, точно перекликаясь между собою. Большія летучія мыши безшумно летали надъ палаткой, ловя свѣтящихся въ воздухѣ насѣкомыхъ. Сзади него стихалъ говоръ лагеря, а изъ палатки доносился храпъ спящаго Перкинса. Отъ настоящаго его мысли перенеслись на будущее, въ воображеніи возставала природа Германіи, и ему припомнилось Гётевское:.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной.
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.

„Нѣтъ, здѣсь не то! — пронеслось у него въ умѣ. — *Тамъ* эта „тьма ночная“ полна грёзъ... мира... А здѣсь въ ней чувствуется опасность, борьба. Какой-нибудь шалопай найдетъ поэзію и здѣсь, но... увѣрившись прежде всего въ цѣлости своей шкуры и въ спокойствіи насчетъ желудка“...

Онъ вдругъ выпрямился, продолжая сидѣть, и затѣмъ всталъ съ кресла, вглядываясь. Прямо передъ нимъ и почти подъ черной линіей горныхъ вершинъ, т.-е. далеко на высотахъ, онъ увидѣлъ свѣтлое оранжевое пятно. Пятно свѣта, видное въ темнотѣ. Оно казалось неподвижнымъ и то меркло, почти исчезало, то свѣтилось опять. Баронъ не зналъ, чему приписать это явле-

ніе, и сперва объяснилъ его атмосферическими вліяніями. Но оно было неподвижно. Принеся изъ палатки бинокль, онъ долго наблюдалъ его, и, наконецъ, увидѣлъ, что по этому оранжевому пятну свѣта проходили, заслоняя его, темныя, тянувшіяся полосы. Онѣ-то и уменьшали его свѣтъ.

„Дымъ!—подумалъ баронъ.—Значитъ, тамъ, на этихъ высотахъ, есть огонь? Можетъ быть, это открывающійся вулканъ?! Отраженіе жерла?! Но этому предшествовалъ бы подземный гулъ, землетрясеніе. Ничего этого не было. Не можетъ, однако, быть, чтобы это были *они*, эти „керру́". Огонь костра былъ бы другимъ; съ такого разстоянія, черезъ слой воздуха онъ казался бы красной огненной точкой, въ родѣ конца зажженной папироски, что-ли. Онъ припомнилъ огни на военныхъ бивуакахъ и маневрахъ въ Германіи, и это свѣтящееся пятно казалось ему необъяснимымъ. Наблюдая его опять въ бинокль, онъ ясно видѣлъ тянувшійся дымъ. Значитъ, былъ огонь. Но огонь непонятностранный! И послѣ небольшого раздумья, онъ тихо свистнулъ два раза. Появившійся Пена́чо, уже заспанный и босикомъ, объяснилъ, что свѣтъ этотъ происходилъ отъ костра индѣйцевъ, но что это костеръ тайный, или „fuego de guardia".

— Что же это за тайный костеръ? — недоумѣвалъ баронъ.

Полудикій Пена̀чо объяснилъ европейцу-цивилизатору пріемъ скрытія огня. Для этого надо развести его въ ямѣ съ болѣе низкой, подвѣтренной стороны, и чѣмъ она глубже, тѣмъ это лучше. Отраженіе идетъ кверху, но оно почти незамѣтно и въ десяти шагахъ, тогда какъ пламя видно очень далеко. По словамъ Пена̀чо, индѣйцы въ войнахъ между собою и съ бѣлыми отлично умѣютъ скрывать свой лагерь, но теперь отраженіе ихъ костра видно по безвѣтренности и еще потому, что углубленіе неглубоко, по твердости грунта. Но *они* должны хорошо видѣть лагерь барона.

— А какъ далеко они будутъ отъ насъ? — спросилъ баронъ.

Пена́чо не умѣлъ объяснить этого по разстоянію, но по времени онъ думалъ, что индѣйцы могутъ спуститься къ нимъ въ полчаса. Но, конечно, они не спустятся: погромъ слишкомъ напугалъ ихъ. Ни баронъ, ни маіоръ не знаютъ его подробностей. На вопросы барона по этому поводу и на его обѣщанія „не разсердиться", Пена́чо сообщилъ, что санъ-педровскій отрядъ, подъ командой нѣкоего мулата Сильвіо да-Барво, выселяя индѣйцевъ огнемъ и мечемъ, не отказалъ себѣ въ удовольствіяхъ побѣдителей: женщинъ *потомъ* вернули индѣйцамъ, но двухъ дѣ-

вушекъ такъ и оставили въ городѣ, потому что онѣ были совсѣмъ еще молоденькія и красивыя.

Разсказъ этотъ возмутилъ и практическаго барона. „Скоты, звѣри!“—думалъ онъ, но молчалъ; показать свое отвращеніе къ этому скотскому насилію, заронить въ душу негра искру божію, цивилизаторъ не подумалъ. Для этого онъ былъ слишкомъ великимъ человѣкомъ, да и это „выселеніе“ затѣялъ онъ же самъ.

— И что̀ же эти дѣвушки... Онѣ сопротивлялись?—спросилъ, однакоже, баронъ.

Пенàчо выпучилъ глаза, не сразу понявъ вопросъ. Потомъ его ротъ растянулся улыбкой пасти.

— Разумѣется, онѣ сопротивлялись. Вырывались, пищали, прятались за деревья. Обѣ были молоденькія и обнаженныя. Но ихъ поймали. *Потомъ* ихъ связали руками, т.-е. руки одной съ руками другой, чтобы не убѣжали. Это было необходимо. Но бить ихъ—не били. Это правда.

— Понимаю. Скоты вы дикіе... Ну, а раненые были?

Оказалось, что были, хотя индѣйцы почти не сопротивлялись. Съ ними не было ихъ колдуна, Нисахъ-Керру̀. А то они бились бы до смерти, потому что они очень уважаютъ его и вѣрятъ.

— Они? Гм... Ну, а ты, что̀ о немъ думаешь?

— Я... я... ничего. Я съ нимъ дѣла не имѣю.

— Конечно. Но я спрашиваю, вѣришь ли и ты въ его колдовство?

Этотъ вопросъ Пенáчо понялъ тоже не сразу. Безсиліе мысли и суевѣрное почтеніе къ колдуну мѣшали ему остановиться надъ изслѣдованіемъ его колдовства; но оно было для него несомнѣнно, потому что очевидно; такъ что негру казалось невѣроятнымъ не колдовство индѣйца, а непризнаніе барономъ этого колдовства удивляло его.

Баронъ это понялъ изъ своего діалога съ Пенàчо, и такая убѣжденность озлобила его потому именно, что въ Пенàчо онъ видѣлъ не единицу, а типъ среды, въ которой Нисахъ-Керру̀ являлся силой. Пенàчо на этотъ счетъ сказалъ больше, чѣмъ въ сущности хотѣлъ, какъ разболтавшійся дикарь, и резюме́ его болтовни было то, что Нисахъ-Керру̀ хотя и колдунъ, но при этомъ полезный для бѣдноты, любимый ею и популярный. Еще немного, и онъ бы сказалъ, что и онъ любитъ его!

Баронъ рѣшилъ изслѣдовать... На разспросы его о *фактахъ* колдовства, Пенàчо, конечно, могъ бы говорить до самаго разсвѣта. Но баронъ требовалъ фактовъ, видѣнныхъ имъ самимъ, и

Пенàчо сообщилъ слѣдующее. Нисахъ-Керрў хотѣлъ пройти къ больнымъ арестантамъ, не слушая запрещенія солдатъ. Часовой ударилъ его прикладомъ въ грудь. Индѣецъ протянулъ передъ нимъ руку, и солдатъ упалъ плашмя съ ружьемъ на землю, лицомъ внизъ. Видя это, другой солдатъ, по приказанію Пенàчо, бросился на индѣйца съ ружьемъ „на перевѣсъ" и всякаго другого прокололъ бы штыкомъ насквозь, но тутъ и ему не удалось: вмѣстѣ съ ружьемъ онъ ткнулся въ стѣну и, упавъ, разбилъ себѣ носъ до крови. А индѣецъ прошелъ. Послѣ этого его уже не трогали, и онъ не слушался никого, даже и маіора. Другой случай. Индѣйцамъ запрещается оружіе. Караульный офицеръ казармы остановилъ по поводу этого Нисахъ-Керрў и, разсердясь, сбилъ съ него шляпу. Индѣецъ на это сбилъ его кепи. Тогда офицеръ вынулъ револьверъ и сталъ въ него стрѣлять, выстрѣлъ за выстрѣломъ, всѣ шесть зарядовъ,—и не только его не убилъ, но и раны не нанесъ, потому что всѣ шесть пуль оказались на землѣ, а индѣецъ ушелъ, смѣясь.

Баронъ слушалъ все это, блѣднѣя, не садясь, съ биноклемъ въ рукѣ, смотря вверхъ, думая, что тамъ, на этихъ высотахъ, враги, наблюдая за нимъ, можетъ быть, готовятъ нападеніе. Холодная злоба и тревога давили ему душу, но гордость цивилизатора заставила его скрывать свои ощущенія. Повернувъ опять кресло къ лагерю, онъ сѣлъ, повидимому спокойный, передъ стоявшимъ Пенàчо.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что сообщилъ это мнѣ, твоему начальнику. Начальникъ все долженъ знать. Потомъ, можетъ быть, узнаешь и наше колдовство... Ты телефонъ знаешь?

— Знаю, сеньоръ.

— Знаешь? Гдѣ же ты его видѣлъ?

— Въ Курумбѣ, въ прошломъ году. Но только онъ потомъ скоро умеръ.

— Телефонъ-то умеръ? Да чтò же это по твоему?

— А онъ былъ бразильскій генералъ при обмѣнѣ рекрутовъ на границѣ, сеньоръ.

— Гм... вотъ чтò!.. Ну, видишь ли, въ телефонѣ нѣтъ ничего ни генеральскаго, ни бразильскаго. Я хотѣлъ тебѣ этимъ сказать, что у бѣлыхъ есть тоже колдовство... И пожалуй страшнѣе. Но это потомъ, а теперь ты долженъ знать, что твой Нисахъ-Керрў просто плутъ. Ты его можешь бояться, но ты всетаки и меня долженъ бояться, потому что съ колдовствомъ или безъ колдовства, а я тебя дугой согну одной моей строкой на бумагѣ. Понялъ? И я тебѣ приказываю, строго,—и тебѣ, и всей

твоей черной сволочи (canalla negra)—при первомъ его приближеніи посылать ему пулю. И цѣлиться хорошо. И увидишь, что онъ свалится. Понялъ?

Пенàчо угрюмо молчалъ.

— Понялъ ли ты, чтò я тебѣ приказываю?—сдерживая раздраженіе, спросилъ баронъ.

— Понялъ, сеньоръ, но только онъ не будетъ...

И не докончивъ, онъ точно присѣлъ на растопыренныхъ ногахъ и разставивъ руки...

Внизу у костровъ вдругъ грянулъ выстрѣлъ, потомъ раздались голоса переполоха. Слышно было, какъ стая собакъ съ бѣшенымъ лаемъ неслась по лощинѣ внизъ по ручью. Потомъ эта гамма ихъ лая сразу пресѣклась, точно оборвалась... У костровъ раздались голоса ругавшихся людей и смѣхъ. Баронъ, по первому побужденію, схватился за револьверъ у пояса и остановился въ этомъ движеніи, слушая басъ ругавшагося Пенáчо, быстро сбѣжавшаго къ кострамъ.

— Вѣроятно опять какого-нибудь медвѣженка застрѣлили?—раздался изъ палатки недовольный голосъ разбуженнаго Перкинса.—Негры какъ дѣти—великіе охотники до стрѣльбы и шума.

— Да, это вѣрно. Но странно, какъ вдругъ замолчали собаки!—сказалъ и Риверо.

— Мы это сейчасъ узнаемъ,—сказалъ баронъ и, сѣвъ въ кресло, далъ два сигнальныхъ свистка.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи Пенàчо, къ сидѣвшему барону подошелъ и почтительно остановился, снявъ шляпу, „нарочный“ изъ рабочихъ, котораго онъ ждалъ только на слѣдующій день съ письмами и грузомъ изъ Санъ-Педро. Пожелавъ барону доброй ночи, онъ объяснилъ,—подавая барону запечатанный пакетъ,—что и синьора Люсія торопила его ѣхать по совѣту святыхъ отцовъ (santos padres).

— Чтò ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ озадаченный баронъ.

— Ваша супруга приказала мнѣ торопиться, потому что они такъ ей сказали, сеньоръ.

— То-есть, кто же это „они“?—не отставалъ, не понимая, баронъ, съ пакетомъ въ рукахъ.

— Святые отцы, сеньоръ.

— Да ты пьянъ, что-ли? Чтò значитъ: „святые отцы совѣтовали“ моей сеньорѣ?..

Въ палаткѣ раздавался смѣхъ. „Нарочный“—креолъ—злобно смотрѣлъ на барона.

— Ихъ было двое, сеньоръ. Я вчера ихъ самъ видѣлъ,— отвѣчалъ малый.

— Zum Teufel... Wildes Land!—выругался баронъ и обернулся къ палаткѣ: Господа̀, что̀ это значитъ: „святые отцы"?

— Это вѣроятно францисканцы-миссіонеры; другихъ здѣсь нѣтъ,—смѣясь, отвѣчалъ Риверо.

— А... а, да... Вотъ что̀!.. Мы это сейчасъ узнаемъ.—Ну, а грузъ привезъ?

Груза не оказалось. Сеньора торопила ѣхать, прося для груза, на завтра, другого „если ужъ нельзя обойтись". Значитъ, было что-то серьезное! Баронъ отпустилъ малаго, приказавъ Пена̀чо на завтра отправить другого „нарочнаго", а главное—не забыть его приказанія.

Смутно предчувствуя что-то непріятное, можетъ быть опасное, въ этой торопливости Люси, баронъ не вошелъ въ палатку, точно избѣгая товарищей. Приказавъ Гансу прибавить огня въ лампѣ и подвинувъ кресло къ открытому полотнищу палатки, онъ разорвалъ пакетъ и нашелъ въ немъ письма отъ Бромлеевъ, маіора и Люси. Начавъ читать это послѣднее, онъ чувствовалъ, что отъ волненія по бумагѣ проносятся пятна. Къ ея письму было приложено письмо настоятеля францисканской миссіи, отца Патриціо, и первое время возбужденное состояніе барона мѣшало ему читать сознательно.

Люси писала ему, что къ нимъ въ домъ пришелъ Нисахъ-Керру̀, и она должна была принять его. Онъ говорилъ страшныя вещи о разрушеніи индѣйскаго поселенія и звѣрствѣ негровъ, въ чемъ и винилъ маіора и его, барона. Онъ пришелъ предупредить, что оба они погибнутъ, если не оставятъ Бахчаръ-Итэ, что баронъ не создастъ ничего тамъ, гдѣ жили его жертвы. Онъ, Нисахъ-Керру̀, клянется именемъ Великаго Духа въ томъ, что не дастъ торжествовать бѣлымъ, что Бахчаръ-Итэ будетъ ихъ могилой, если они не оставятъ его. Она торопится сообщить это барону, умоляя его вернуться въ Санъ-Педро, а дѣло устроить потомъ по соглашенію съ индѣйцами. Она увѣрена, что они подготовляютъ страшное дѣло, потому что такъ же думаетъ и отецъ Патриціо, пріѣхавшій предупредить ее, и по ея просьбамъ онъ согласился написать барону, взявъ съ нея обѣщаніе, что письмо его баронъ не передастъ начальству, для большаго давленія на индѣйцевъ. Она увѣрена въ несчастіи. Помимо клятвъ Нисахъ-Керру̀ и предупрежденія отца Патриціо, она видѣла ужасный сонъ, или, лучше сказать, „видѣніе" смерти всѣхъ ихъ. Сперва она видѣла всѣхъ ихъ и ихъ палатки лагеря,

какъ будто днемъ... (При этомъ описала мѣстность). А потомъ свѣтъ потухъ и черная темнота какъ будто все окутала... Пріучивъ къ ней мало-по-малу свое зрѣніе, она видѣла, „какъ бились, поднимаясь кверху за твоей палаткой, люди, и страшный шумъ заглушалъ все"... Послѣ этого видѣнія, которое она имѣла днемъ, задремавъ въ павильонѣ, она и рѣшила—не посылая провизіи, послать „нарочнаго" немедленно же. Кончала она письмо опять мольбами о возвращеніи.

Письмо отца Патриціо по стилю было совсѣмъ другимъ. Показывая обдуманность выраженій, оно было скупо на сообщенія чего-либо, точно отецъ Патриціо говорилъ не все или гораздо меньше того, что̀ зналъ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ сообщалъ онъ о поступкахъ негровъ,—„поступкахъ, конечно, совершенно неизвѣстныхъ ни вамъ, ни достойному маіору Кортэсу и просвѣщенному (ilustrado) правительству Боливіи". Онъ считалъ необходимымъ успокоить возбужденіе индѣйцевъ, возвратить отнятыхъ индіянокъ, возстановить право семьи, удовлетворить и успокоить обиженныхъ.

И ни слова—объ опасностяхъ или угрозахъ... Конечно, потому что онѣ уже безсмысленны. Погубить всѣхъ ихъ, сдѣлать Бахчаръ-Итэ ихъ могилой... Но что̀ онъ собственно можетъ сдѣлать для этого, не рѣшаясь напасть?—Динамитомъ обрушить на нихъ горы? Но для этого надо и громадныя деньги, и знаніе. Очевидно, безсильный для борьбы, онъ ставитъ преграды путемъ интригъ съ монахами и пугая Люси. Но онъ успѣлъ только въ послѣднемъ, т.-е. онъ напугалъ Люси, и до того, что она видѣла несуществовавшее видѣніе темноты и какихъ-то *поднимавшихся* кверху людей. Но это поднятіе именно за его палаткой—*по почти прямой стѣнѣ* горной террасы—невозможно и показываетъ, что она не видѣла мѣстности, а знала ее смутно изъ разсказовъ „нарочныхъ", не больше!

Этотъ новый пріемъ индѣйца въ сущности не новъ: онъ не идетъ дальше угрозъ! Но оба эти письма до того овладѣли барономъ, что онъ не хотѣлъ читать другія, чувствуя потребность „разобраться" и обсудить важность ихъ, ихъ серьезность по участію въ дѣлѣ отца Патриціо. Надо запретить Люси принимать индѣйца и слушать его угрозы. И, конечно, скрыть ихъ отъ товарищей, не смутить ихъ и Риверо. Не вставая съ кресла, онъ спросилъ ихъ объ отцѣ Патриціо. Риверо, оказалось, зналъ его уже давно.

— Это очень образованный человѣкъ. Кажется, онъ русскій.

Онъ устроилъ здѣсь миссію и очень популяренъ между индѣйцами.—А позвольте узнать, чтò онъ отъ насъ желаетъ?

— А онъ, видите ли, жалуется на выселеніе индѣйцевъ. Но ничего особеннаго не проситъ,—замялся баронъ, не ожидавшій этого вопроса.—Пишетъ хорошо, но не хороши его пріемы.

— Чтò же это за пріемы?—сухимъ тономъ спросилъ, вмѣшавшись, Перкинсъ.

— Безтактные... Жалуясь на эту „Трою", въ которой тоже не обошлось безъ Елены, онъ могъ бы, какъ образованный человѣкъ, не мѣшать въ эти гадости мою интимную жизнь,—согласитесь! Могъ бы пріѣхать сюда, объясниться лично... А вмѣсто этого онъ напугалъ Люси, которая, благодаря ему, воображаетъ, что мы тутъ живемъ среди битвъ и сраженій! Вотъ чтò мнѣ досадно.

— Гм... Знаете, баронъ, я думаю, что напугалъ онъ вашу супругу вопреки своему желанію. Я въ этомъ увѣренъ. Въ сношеніяхъ же его съ вами черезъ нее, я вижу, напротивъ, глубокій тактъ... разсчетъ.

— Чтò вы хотите этимъ сказать?—ледянымъ тономъ спросилъ баронъ.

— Вы это поймете, глядя шире... обнимая большіе интересы личностей. Надо знать условія его жизни и дѣятельности. Онъ не имѣетъ опоры здѣшняго либеральнаго—на словахъ!—правительственнаго міра, и ораторы Чукизаки ему скорѣе враждебны. Здѣсь имѣютъ въ виду не цивилизовать индѣйцевъ, а добиваются эмиграціонныхъ европейскихъ силъ и капиталовъ. Бразилія гонитъ своихъ индѣйцевъ въ Боливію, а отсюда ихъ гонятъ въ Парагвай или въ Бразилію же. Индѣйцы это и знаютъ, и чувствуютъ, и сноситься съ вами лично для отца Патриціо было неудобно... Т.-е., по крайней мѣрѣ, теперь, пока...

— Хорошо; онъ, значитъ, не чуждъ дипломатическихъ пріемовъ. А чтò это за личность? Знаете?

— Я знаю его по его пріѣздамъ, или, лучше сказать, проѣздамъ черезъ Айкъ-Итэ. Онъ—русскій. Фамиліи его не знаю, да, кажется, и никто его здѣсь не знаетъ. Всѣ зовутъ его отцомъ Патриціо, или, по-испански, „бѣлокурымъ отцомъ"— „padre rubio". Онъ медикъ и, кажется, хорошій медикъ. Занимается ботаникой, химіей и, насколько его узналъ, живетъ аскетомъ. Человѣкъ идеи. Ему теперь около шестидесяти лѣтъ, но онъ еще очень крѣпокъ. При этомъ организаторъ, пропагандистъ и имѣетъ большое вліяніе на своихъ *обращенныхъ*, которые служатъ ему звеномъ и оплотомъ отъ дикихъ. Такъ что, управляя всѣми ими, онъ долженъ быть „простъ какъ голубь и мудръ какъ змѣя".

— Вы, кажется, его хорошо узнали... Но извините за вопросъ: не онъ ли далъ вамъ „Light"?

— Вы угадали—онъ. А почему это васъ интересуетъ?

— По... несовмѣстимости понятій: вы и этотъ русскій оба развитые люди труда и... иниціативы, а читаете и интересуетесь духами и т. п. Интересно это, а не „Light" конечно.

— И однакоже онъ стòитъ вниманія, хотя бы потому, что производитъ „несовмѣстимость понятій"!..

— Но я не думаю, чтобы спиритизмъ могъ имѣть серьезное значеніе,—медленно сказалъ Риверо.

— Не думаете... потому что вообще о немъ не думали еще! —сказалъ Перкинсъ, не безъ ироніи.

— Нѣтъ, не потому. А по самому его происхожденію,—съ прежней флегмой говорилъ Риверо.—Начался онъ съ того, что въ С.-Америкѣ какія-то „миссъ" Фуксъ и Куксъ услышали стуки духовъ. Такимъ образомъ появилась эта новость въ нашемъ совсѣмъ уже не новомъ мірѣ—и это, согласитесь, не рекомендуетъ спиритизма. Возьмемъ химію, астрономію, медицину. Эти знанія дополняются или, допустимъ, измѣняются, но они пережили вѣка, и не барышни ихъ затѣяли. Вотъ чтò не серьезно въ вашемъ спиритизмѣ,—согласитесь!

Баронъ разсмѣялся. Турниръ занималъ его не по самому вопросу, а по силѣ борющихся.

— Эта „не-серьезность" есть результатъ ненаблюдательности, —отвѣчалъ спокойно Перкинсъ.—Мы знаемъ изъ той же Библіи, что спиритизмъ старъ какъ міръ. Проявленія его были во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, т.-е. вездѣ и всегда. Но изолированныя, непонятыя или дурно понятыя, они не были собраны, оформлены и освѣщены наукой. Они кажутся новыми потому, что прежде, несмотря на цивилизованность—спорную или доказанную, это все равно,—человѣческихъ общинъ, между ними не было настоящаго единенія, или, проще сказать, быстроты и легкости сообщеній. Паръ и электричество, облетѣвъ землю, соединили—больше пока только мыслящее—человѣчество, а отсюда появилась и сплоченность прежде разрозненныхъ, неизвѣстныхъ и потому какъ бы не существовавшихъ прежде проявленій... Такимъ образомъ, они, эти проявленія, а не барышни составили спиритизмъ, сеньоръ!

Риверо не отвѣчалъ. Баронъ тоже молчалъ, но съ загадочной улыбкой на губахъ.

— Хорошо, Перкинсъ,—сказалъ онъ.—Все это очень убѣ-

дительно... Но скажите: этотъ русскій, отецъ Патриціо, хорошо знаетъ страну?

— То-есть, эту часть? Боливію онъ знаетъ меньше Бразиліи, думаю. Но все-таки здѣсь онъ уже около двѣнадцати лѣтъ, кажется; такъ что эту часть Боливіи онъ знаетъ хорошо.

— Вѣроятно. И далеко отсюда эта... его миссія?—спрашивалъ баронъ.

Свѣдѣнія объ этомъ далъ Риверо. Францисканская миссія была на противоположной сторонѣ горъ, у подножья которыхъ расположенъ лагерь барона, но въ пяти или шести миляхъ внизъ по ручью. Горы вверхъ по ручью идутъ на очень далекое разстояніе и кончаются, такъ сказать, упираясь или точно входя въ большое озеро, созданное горными потоками. Изъ этого озера и берутъ начало ручьи—какъ Бахчаръ-Итэ, такъ и ручей, текущій по сторонѣ францисканцевъ, превращающійся у ихъ миссіи уже въ рѣку и довольно быструю по наклонности ея русла, отъ сравнительной высоты озера. Отсюда и названіе Бахчаръ-Итэ, т.-е., „Высокая Вода". Что же до ихъ ручья, текущаго по лощинѣ, то прежде вмѣсто него была рѣка. Миссіонеры-іезуиты воспользовались ею, устроивъ плотину для орошенія рисовыхъ полей, и жили богато. По мнѣнію Риверо, не дурно было бы завязать сношенія съ францисканцами, проложивъ дорогу черезъ гору.

Перкинсъ молчалъ, но баронъ одобрилъ этотъ проектъ. Францисканцы могутъ быть полезны... Обращенные индѣйцы придутъ искать работы, могутъ оказать услуги при изученіи мѣстности... И конечно, чѣмъ они будутъ набожнѣе, тѣмъ это лучше. Разговоръ принялъ тонъ и направленіе, хорошо подѣйствовавшее на обоихъ прожектеровъ, но честный Перкинсъ, хмурясь, предложилъ спать, напомнивъ имъ предстоящіе труды и разъѣзды завтрашняго дня.

Это, однакоже, не удалось имъ. Несмотря на усталость, зной прогонялъ сонъ. По совѣту Риверо, рѣшили освѣжить температуру путемъ влажности. Опять на два свистка появился Пенѝчо и затѣмъ, подъ его надзоромъ, солдаты-негры принялись таскать ведрами воду изъ ручья, поливая и землю, и полотнища палатки. Дѣйствовали они такъ усердно, что Риверо съ барономъ едва успѣли спасти отъ воды свои чертежи. Произведенная влажность, дѣйствительно, понизила температуру, и точно холодкомъ повѣяло отъ земли, подъ поднятыми краями палатки.

Дыша свободнѣе и обрадованные этимъ, цивилизаторы заснули; но это былъ непріятно прерывающійся сонъ, и они часто про-

сыпались, обливаясь пòтомъ, заснувъ спокойно только передъ разсвѣтомъ.

Утро было не изъ пріятныхъ и зной не уменьшался. Риверо, однакоже, переносилъ его почти не замѣчая и ободрялъ обоихъ товарищей. Зной тяжело чувствуется первые три-четыре дня, и лучшей защитой отъ него является діэта или просто голодъ. По его наблюденіямъ надъ собой и надъ другими, сильно голодный человѣкъ почти не страдаетъ отъ зноя и, во всякомъ случаѣ, не страдаетъ головными болями; но воздержаніе необходимо, и воздержаніе отъ питья—самое лучшее дѣло: страдая отъ зноя, можно пить воду ведрами, до рвоты, но не погасивъ жажды, а усиливъ только выдѣленіе пота, почти до обливанія имъ. Утолить жажду можно только нагрѣтой или почти горячей водой.

Кофе пили безъ сахару, стоя и готовые къ отъѣзду. Внизу у палатокъ стояли уже осѣдланные мулы, отбиваясь отъ слѣпней и оводовъ. Появившійся „нарочный" напомнилъ барону о Люси, и онъ быстро набросалъ ей письмо по-нѣмецки, на этотъ разъ даже сантиментальное.

„Meine immer liebe Lussi,—писалъ онъ ей,—еще нѣсколько дней, можетъ быть недѣля, и я обниму тебя. Опасности никакой нѣтъ и быть не можетъ; оставь свои страхи, и тогда не будешь больше имѣть страшныхъ сновъ. Если не хочешь огорчить твоего Риччи, то гони, просто-таки гони этого индѣйскаго принца-авантюриста, ибо я положительно запрещаю тебѣ принимать этого негодяя и слушать его вздоръ". При этомъ, кланяясь отцу Патрицію, онъ не благодарилъ за его предупрежденія и, главное, просилъ немедленно же выслать грузъ провизіи на недѣлю.

Передъ отъѣздомъ посмотрѣли на термометръ, и, несмотря на ранній часъ утра, было 42° въ тѣни. Барометръ предсказывалъ „сухую погоду".

Баронъ и Риверо поѣхали во главѣ отряда, внизъ по ручью. При ѣздѣ разсѣкаемый воздухъ, казалось, уменьшалъ зной, и разговоръ давалъ хорошее настроеніе. Ѣхали, стараясь держаться тѣни горъ, но поднимавшееся солнце скоро стало просто жечь спины всадниковъ, и они рѣшили пустить въ галопъ, надѣясь на выносливость креольской лошади и муловъ. Къ одиннадцати часамъ, въ разгаръ палящаго зноя, въѣхали въ густую чащу лѣса уже у впадины болота.

И животныя, и всадники обливались пòтомъ; полумракъ чащи казался имъ самымъ отраднымъ мѣстомъ. Не теряя времени, баронъ приказалъ строить бивуакъ изъ жердей, для завтрака, и разсѣдлать животныхъ, привязавъ ихъ въ чащѣ.

Синіе клочья дыма потянулись вверху между деревьями; запахло жаренымъ на вертелѣ мясомъ. Баронъ и Риверо лежали на землѣ, опираясь локтемъ на сѣдло. Ѣсть имъ не хотѣлось, но они не отказались отъ стакана воды съ коньякомъ и съ наслажденіемъ курили.

Послѣ отдыха и завтрака немедленно принялись за работу. Чаща, спускавшаяся къ болоту, не имѣла, повидимому, протяженія болѣе двадцати-пяти саженъ, но наклонность почвы скрадывала разстояніе. Риверо съ тремя солдатами пошелъ внизъ, рубя ліаны, и, разставляя эшелоны, втыкалъ ихъ въ землю на размѣренныхъ разстояніяхъ. Впереди нихъ поставили значокъ съ бѣлымъ коленкоровымъ флагомъ, опредѣляя имъ направленіе.

— Въ топоры, ребята! Чередоваться, и безъ лѣни! Скорѣе кончимъ,—скорѣе на бокъ повалимся,—скомандовалъ баронъ.

Солдаты принялись за рубку. Сперва рубили всѣ десять негровъ, потомъ раздѣлились, не дожидаясь указаній барона: пятеро продолжали рубить, а другіе пять оттаскивали деревья и, обчищая сучья, приготовляли бревна. Баронъ видѣлъ, что работаютъ, понимая цѣль, и, переставъ наблюдать за ними, пошелъ съ Риверо на край болота.

По совѣщанію между ними, оказалась безполезность понтона. По изрытымъ краямъ оврага Риверо доказалъ барону, что въ дождливое время несомнѣнно наполняется водой вся впадина, и что понтонъ не устоитъ противъ напора теченія. Необходимъ мостъ, и при этомъ не менѣе двухъ метровъ вышины, чтобы противная сила воды не снесла помоста, разъ сваи и быки будутъ вкопаны достаточно глубоко. Построеніе его займетъ столько же времени, но оно совершенно и надолго обезпечитъ сообщеніе. При этомъ Риверо бралъ на себя и постройку моста.

Баронъ видѣлъ и правоту Риверо, и его знаніе страны. Туча заботы опять омрачила его: онъ понималъ, что сооруженіе не обойдется безъ скрѣпленія его желѣзными частями, приготовленіе которыхъ опять затянетъ ихъ лагерную жизнь.

Его сѣтованія на этотъ счетъ были вполнѣ разсѣяны дѣловымъ Риверо. Они смѣрятъ теперь же діаметръ самаго толстаго дерева, какъ образецъ бревенъ, которыя пойдутъ на вертикально вкопанные *быки*, соображая съ ними длину желѣзныхъ болтовъ и полукруглыхъ желѣзныхъ же скрѣпъ, съ винтами на оконечностяхъ. Приготовленіе ихъ изъ полосового желѣза займетъ не больше дня, но по спѣшности работы кузнецу пошлется одинъ изъ рабочихъ, и тогда въ день все будетъ готово. Но вмѣстѣ съ рабочимъ надо ѣхать кому-нибудь изъ нихъ, начальниковъ, какъ

для наблюденія за выковкой, такъ и „для авторитета“: съ рабочимъ кузнецъ будетъ медленнѣе.

Все это было просто, но продуманно. Баронъ просіялъ и, благодарно хлопнувъ по плечу Риверо, сказалъ, что съ мѣркой болтовъ и скрѣпъ онъ завтра же пошлетъ Перкинса въ Санъ-Педро. Что же до него, Риверо, то онъ назначаетъ его строителемъ моста, прося, главное, окончить его быстро. И они направились по лѣсу на стукъ топоровъ; достали ремень у негровъ и смѣрили толщину ствола.

Воздухъ въ чащѣ повато-росшаго лѣса былъ полонъ міазмами гніющихъ испаряющихся водъ болота, а временами чувствовался запахъ падали. Между стволами деревьевъ и изъ кустарниковъ, тамъ и сямъ, бѣлѣли обглоданные остовы животныхъ. Привычный глазъ Риверо различалъ на землѣ слѣды ягуаровъ, тапировъ и ланей, которыхъ выгналъ изъ чащи шумъ прибывшаго отряда. Змѣи и игуаны попадались почти на каждомъ шагу, и барона поражало это обиліе пресмыкающихся. Но голова его работала въ чисто практическомъ направленіи, и мысль объ огнѣ на высотахъ опять пришла на умъ, когда онъ замѣтилъ, что солнце, склоняясь на западъ, сквозитъ между деревьями.

Идя рядомъ съ Риверо, онъ рѣшилъ умолчать объ этомъ огнѣ. Риверо не знаетъ о немъ потому, что проснулся, какъ и Перкинсъ, разбуженный выстрѣломъ, т.-е. уже послѣ разговора объ этомъ съ Пенàчо... Теперь, пріѣхавъ, надо стараться скрыть отъ Риверо этотъ свѣтъ, если онъ опять появится, а на завтра устроить здѣсь бивуакъ до окончанія моста... Потомъ, съ дождями, если и будетъ этотъ огонь, Риверо, устроившись съ семьей въ баракахъ, войдетъ въ колею новой жизни и... останется. А теперь можетъ раздумать... пойти назадъ... а человѣкъ онъ нужный.

Работой негровъ оба они остались довольны. Просѣка была доведена почти до болота и срублены самыя толстыя деревья. Негры обливались пòтомъ, но рубили и таскали бревна усердно.

— Хорошо, ребята!—крикнулъ имъ баронъ.—Слушайте теперь, что̀ скажу. Теперь работа будетъ уже легче, но чтобы переѣздами не терять времени, съ завтрашняго дня вы будете здѣсь лагеремъ (campamento), подъ начальствомъ сеньора Риверо. Каждый изъ васъ будетъ внесенъ въ списокъ, и каждому я заплачу, и хорошо заплачу. Довольны?

— Довольны, сеньоръ лейтенантъ! Будемъ работать хорошо и *отблагодаримъ ваше сердце!*—заговорили негры, снимая свои кепи, съ жестами почтенія и благодарности.—Только отъ му-

ловъ просимъ освободить, сеньоръ, — чтобы не отвѣчать за нихъ! — раздавались голоса.

Баронъ вопросительно посмотрѣлъ на Риверо, и тотъ объяснилъ просьбы негровъ. Мулы будутъ тутъ и ненужны, и неудобны. Нельзя держать ихъ на привязи — они спадутъ съ тѣла. Не стоитъ и задаваться мыслью о загороди на время построенія моста. Къ тому же здѣсь, въ сырой чащѣ, не мало ядовитыхъ насѣкомыхъ и змѣй. Надо отправить муловъ въ „Виллу Ванденъ", оставивъ здѣсь для посылокъ за провизіей одного мула. Палатку надо одну, но большую. Риверо помѣстится вмѣстѣ съ ними, — „но отъ этого дисциплина не пострадаетъ".

— Хорошо, хорошо, — говорилъ баронъ. — Вы, дѣйствительно, умѣете себя держать съ этими черными воинами. И я думаю, ваша дѣятельность оставитъ историческій слѣдъ въ „Виллѣ Ванденъ". Этотъ вашъ мостъ мы занесемъ на планъ, конечно, и мѣстность получитъ ваше имя... Въ Венеціи есть „Мостъ Вздоховъ", въ Парижѣ „Мостъ Александра Третьяго", а въ „Виллѣ Ванденъ" будетъ „Мостъ дель Риверо" (Puente del Rivero).

Риверо оставался серьезнымъ, и „историческій слѣдъ" едва ли занималъ его умъ. Онъ предложилъ, чтобы не терять времени, теперь же взять съ собою всѣхъ муловъ, которыхъ и погонятъ передъ собой, связавъ ихъ поводами, двое солдатъ. Остальные останутся въ просѣкѣ, разведя огонь, т.-е. будутъ ночевать. Завтра на двухъ или, самое бо́льшее, на трехъ мулахъ перевезутся палатка съ ея частями, постель Риверо, пожитки солдатъ и котлы. Оставшіеся отдохнутъ въ волю и, во всякомъ случаѣ, не должны будутъ завтра идти сюда пѣшкомъ, т.-е. терять время и силы. Мяса у нихъ еще осталось на ужинъ. Но и безъ него они обойдутся: отсюда недалеко должна быть вода, и скоро къ ней на водопой пойдутъ и лани, и пекари́, и многія изъ нихъ оставятъ свои остовы въ чащѣ, какъ жертвы лѣсныхъ разбойниковъ; такъ что дичи много, и охота будетъ успѣшна. Но даже при неуспѣхѣ онъ, Риверо, вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что каждый изъ этихъ солдатъ охотно откажется отъ своей порціи мяса въ лагерѣ, если для этого надо будетъ на слѣдующій день идти сюда пѣшкомъ и, придя, приниматься за топоръ. Одинъ изъ близко стоявшихъ солдатъ вполнѣ согласился съ Риверо.

Баронъ не могъ не согласиться съ этими доводами, и, отдавъ приказанія двумъ солдатамъ гнать за ними муловъ, онъ и Риверо пустили въ галопъ лошадей по направленію къ лагерю.

Несмотря на зной, голодъ давалъ имъ себя чувствовать, и они торопились.

Лѣса оживлялись, какъ обыкновенно передъ захожденіемъ солнца, полетомъ птицъ. По бокамъ дороги, между стволами, пробѣгали граціозныя лани; по равнинѣ, распустивъ крылья, бѣжало стадо страусовъ. Солнце уже было низко надъ холмами, опускаясь въ багрово-фіолетовый туманъ, полосой тянувшійся у горизонта, когда они увидѣли дымъ изъ своего лагеря, уловивъ потомъ и смутный говоръ, и лай бѣжавшихъ къ нимъ чуткихъ собакъ.

Во время галопа дышалось легче, и разсѣкаемый воздухъ освѣжалъ лицо; но когда они сошли съ лошадей, зной опять охватилъ ихъ. Въ палаткѣ не было возможности дышать. Отъ стѣны террасы, еще недавно дававшей прохладу своей тѣнью, теперь несло жаромъ—такъ сильно накалилась она отъ заходившаго солнца. Баронъ немедленно же приказалъ смочить и палатку, и землю вокругъ нея.

Ужинали, однако, съ аппетитомъ, и на этотъ разъ отъ души хваля Ганса. Онъ приготовилъ только одно блюдо—холодное, съ уксусомъ и листьями лавра, ростущаго вдоль ручья, состоявшее изъ двухъ рыбъ. Это были mandobe—совершенно схожія съ нашими налимами, но желтыя, съ черными пятнами. Солдаты поймали ихъ въ ручьѣ обезсиленными и точно одурѣвшими отъ его воды—чуть-чуть не горячей.

Вслѣдъ за ужиномъ, по совѣту Риверо, поддержаннаго Перкинсомъ, рѣшили пить матэ (maté) [1], парагвайскій чай распространенный во всей Южной Америкѣ, до Техаса включительно, и въ Сѣверной Америкѣ. Напитокъ чисто креольскій, упраздняющій чашки, ложечки, салфетки, щипчики для сахара и т. п. Одна и та же трубочка служитъ всѣмъ „пьющимъ“ по очереди: пососетъ, напр., донъ Педро и отдастъ служанкѣ; та положитъ въ тыковку сахару, нальетъ горячей водой и дастъ доньѣ Изабеллѣ, послѣ которой тянетъ изъ тыковки граціозная сеньорита Марта и другія лица. Потомъ опять очередь дона Педро и такъ далѣе, пока не скажутъ служащей: „doy gracias“, т.-е. благодареніе и отказъ. И это среди праздной дружеской болтовни креоловъ, въ тѣни сада или на верандѣ.

---

[1]) Употребленіе maté своеобразно: чай этотъ не пьется, а *тянется* маленькими глотками черезъ металлическую трубочку (bombilla), вставленную въ пустую тыковку, въ которой этотъ чай заваривается горячей водой. Сахаръ сыплется или кладется кусочками въ тыковку же; она, разъ наполненная, можетъ быть выпиваема много разъ, стóитъ только подбавлять горячую воду и сахаръ.

Барону не нравилась maté по своему „креолизму“: одна и та же трубочка для многихъ ртовъ—это неприлично! Согласившись теперь съ товарищами тянуть maté, онъ сказалъ, что „по принципу“ maté все-таки—проявленіе дикости и свинства.

Риверо загадочно разсмѣялся, потомъ заговорилъ по своей манерѣ флегматично, но не безъ ѣдкости. У европейцевъ не мало „свинства“, и самаго разнообразнаго. Пить шампанское изъ башмачка красавицы—унизительно, и онъ, Риверо, не сдѣлалъ бы этого и для самой Венеры. Фракъ неприличенъ и, конечно, менѣе красивъ, чѣмъ, напр., плащъ креола, т.-е. его poncho. Монокль—шутовство, паясничество. Разные „petits-crevés“—съ извращенностью ихъ вкусовъ—жалки и вредны по создаваемой ими атмосферѣ. Такихъ типовъ нѣтъ у креоловъ. Цилиндръ дэнди нелѣпъ и, конечно, въ эстетичности уступаетъ широкополой sombrero креола. Что же касается до декольтэ дамъ европейскаго beau-monde'а, то мода эта,—не говоря уже о безнравственности ея,—грубо эгоистична: допустите, что, благодаря ей, должна „полуоткрыться“ сухощавая и дурно сложенная особа. Но мода эта, пожалуй, еще вреднѣе и хорошо сложеннымъ, и мужчинамъ, чего, однако, европейцы, кажется, не берутъ въ разсчетъ.

— Въ чемъ же вредъ?—спросилъ баронъ, интересуясь этой защитой креолизма.

— А это, видите ли, довольно серьезно въ сущности,—отвѣчалъ Риверо.—Дѣло въ томъ, что безъ этой моды хорошо-сложенная особа—въ понятномъ и, конечно, совсѣмъ не безнравственномъ, потому что естественномъ—стремленіи найти мужа, старалась бы быть умнѣе, симпатичнѣе, наконецъ, оригинальнѣе, напр., и т. п. Для этого стала бы читать больше, вдумываться въ типы и явленія жизни, и эти ея усилія были бы ей полезны,—до извѣстной степени и *ему*. А вѣдь стараясь произвесть впечатлѣніе своими выпуклостями, она отъ этого умнѣе не дѣлается,—ну, а человѣка одурить можетъ... И до брака даже,—допускаю!.. Но только благодаря этому и случается, что едва прошелъ медовый мѣсяцъ, какъ наступаютъ мѣсяцы и годы желчи. Креолы, и молодежь, и старики, въ дѣлѣ любви и нравственнѣе, и умнѣе, пожалуй.

— Умнѣе кого? европейцевъ?—спросилъ баронъ, сдерживая высокомѣрную улыбку и прищуриваясь.

— Да.

— Почему же это, позвольте узнать?

— А потому, что креолы менѣе искусственны. Здѣшніе

балконы и рѣшетки [1]) съ ихъ серенадами созданы самой жизнью и испанскими нравами, и старики умно дѣлаютъ, не борясь съ ними, допуская, благодаря имъ, молодые порывы съ ихъ надеждами и стремленіями. Сватовства здѣсь нѣтъ, а „по газетамъ“ здѣсь не женятся. Молодые люди отлично узнаютъ другъ друга, проводя у рѣшетки, ихъ надежно раздѣляющей, ночи до разсвѣта, но не предлагаются, какъ въ Парижѣ, по газетнымъ объявленіямъ или брачнымъ агентствамъ.

Баронъ возражалъ не безъ задней мысли лучше узнать своего будущаго соучастника, но въ душѣ—мнѣніе Риверо, да и вообще „мнѣнія“ не интересовали его своей метафизикой. Потягивая maté, заговорили о цивилизаціи, о расахъ, и Риверо опять удивилъ барона, заявивъ ему неожиданно о своемъ желаніи черезъ часъ ѣхать на болото.

— Теперь-то? И въ такую темную ночь? Да и почему не утромъ?—удивлялся баронъ.

— А потому, что если я выѣду утромъ, солнце застанетъ меня въ дорогѣ, и мулы, пожалуй, не дотащатъ палатки, т.-е. придется дѣлать привалъ, терять день и половину другого дня на возвращеніе муловъ. А теперь доѣдемъ свободно. Задамъ работу únграмъ и высплюсь днемъ въ жару.

— Хорошо, я вижу, что вы правы. Но въ такой темнотѣ не случилось бы чего.

— Мулы отлично видятъ въ темнотѣ. Да и темнота въ дорогѣ меньше.

— Почему же это?

— Отъ равномѣрнаго напряженія глазъ. Здѣсь мы поминутно смотримъ на огонь костровъ.

---

[1]) Рѣшетка (reja—рэха), т.-е. желѣзная рѣшетка въ амбразурѣ окна нижняго этажа, обыкновенно отворенная и рѣдко занавѣшенная. Въ Южной Америкѣ, за исключеніемъ Буэносъ-Айреса и другихъ немногихъ европейски-шумныхъ городовъ, дома большей частью одноэтажные, и „reja“ является лучшимъ и удобнымъ мѣстомъ rendez-vous, въ большинствѣ случаевъ съ согласія родителей, или, по крайней мѣрѣ, съ согласія матери дѣвушки. Положенный въ „reja“ какой-нибудь цвѣтокъ, платокъ, ленточка и т. п. увѣдомляютъ счастливца, что дѣвушка ждетъ его съ гитарой или безъ гитары въ такой-то часъ ночи. Въ провинціальныхъ городахъ зачастую до разсвѣта видны ночью прислоненныя къ рѣшеткамъ фигуры запоздалыхъ Ромео, и старикъ ночной сторожъ (sereno—сэрéно), проходя, „не замѣчаетъ“ счастливцевъ, крадущихъ у жизни ея лучшія минуты, не слышитъ и *ея* голосъ: „Погоди, останься... Нѣтъ, это еще не день, это еще не жаворонокъ!“.. *Серенады* даются уже *невѣстѣ* (novia), т.-е. поются, подъ аккорды гитары, дуэты или тріо. Поютъ стройно, переходя отъ одушевленія страсти къ ласкѣ и грусти, и этотъ оттѣнокъ дѣлаетъ ихъ невольно симпатичными.

— Это, пожалуй, вѣрно. Ну, а звѣрей вы не будете бояться?

— Нѣтъ, потому что *они насъ* будутъ бояться. И нашего шума больше, чѣмъ насъ.

— Хорошо. Дѣйствуйте какъ хотите. Но какъ мы сдѣлаемъ съ заказомъ болтовъ?

— Рѣшимъ о нихъ во время сборовъ... А теперь попрошу позвать Пенàчо.

На сигнальные свистки барона явился Пенàчо, и баронъ отдалъ его въ распоряженіе Риверо. Португалецъ передалъ ему приказанія дѣловымъ, лаконическимъ языкомъ. Четыре мула. Котелъ одинъ, но большой. Палатку на десять человѣкъ разобрать по частямъ. Веревки выбрать крѣпкія. Грузить между кострами, чтобы въ темнотѣ не нагрузить плохо и не возиться въ дорогѣ съ развязавшимся грузомъ. Отрядить четырехъ солдатъ. Потомъ спросилъ Пенàчо, на чемъ онъ спитъ. Пенàчо отвѣчалъ, что онъ спитъ въ холщевомъ гамакѣ.

— Ты мнѣ этотъ гамакъ одолжишь на нѣсколько дней, т.-е., пока строится мостъ. Я тебѣ за это заплачу *пэзо*. А теперь вы тянете „maté“, значитъ—горячая вода есть? Отпарь хорошенько гамакъ по швамъ... Съ обѣихъ сторонъ... И прикажи увязать... Понялъ?

— Понялъ, сеньоръ. А лошадь вашу теперь тоже сѣдлать?

— Теперь мнѣ осѣдлаешь тоже и мула. Когда все будетъ готово, приходи сказать. Ступай!

Риверо, закуривъ сигару, оперся руками въ колѣни и, щуря глазъ отъ струйки дыма, казалось, что-то соображалъ.

— Послушайте,—обратился къ нему недоумѣвающій баронъ: —я, конечно, благодарю васъ за дѣятельность и... и... компетентность, но не понимаю этого вашего приказанія о гамакѣ... Надо не мало мужества, чтобы лечь въ гамакъ этого чернаго скота, признаюсь!

— Вопросъ темперамента. Но дѣло тутъ не въ мужествѣ, а въ надобности, т.-е. въ разсчетѣ.

— Какая же надобность? Помилуйте! Вѣдь у васъ есть складная кровать съ постелью?

— Да, и я именно хочу уберечь ее отъ негровъ. Тюфякъ купилъ по настоянію жены, передъ отъѣздомъ. Стòитъ двадцать-два пэзо. Отпаривать его потомъ—значитъ портить. Вы видите—разсчетъ. А спать на землѣ неудобно по мѣстности: тамъ должно быть кромѣ змѣй не мало *нигуа* [1]).

---

[1]) *Nigua*—почти незамѣтное насѣкомое, забирающееся подъ ногти рукъ и, преимущественно, ногъ и кладущее тамъ яички. Не вынутыя вò-время, они производятъ

— Дѣйствительно, вы... пожалуй правы!.. Ну, а змѣй вы не боитесь?

— Не особенно. Все дѣло тутъ вѣдь въ знаніи.

— При чемъ же тутъ, собственно, знаніе?

— Какъ и вообще знанія опасности или зла, что-ли... Боятся, обыкновенно, больше *невѣдомаго* или—что̀ хуже—полусознаваемаго зла, потому что тогда оно кажется бо̀льшимъ.

— Полусознаваемаго—допускаю. Но какъ можно бояться невѣдомаго, т.-е. въ представленіи несуществующаго?

— Я подразумѣваю *явленіе*. Всякое невѣдомое явленіе для большинства людей есть и пугающее, т.-е. обыкновенно отъ него скорѣе ждутъ зла, чѣмъ добра. Что же до полусознаваемаго зла,—оно гораздо хуже сознаннаго. И примѣръ вамъ—змѣи. Ужасъ европейцевъ,—онѣ почти не страшны здѣшнему человѣку, потому что природа дала ему лекарство въ ней же самой, даже не заставляя прибѣгать къ противоядіямъ. Для этого надо, прежде всего, убить змѣю—и на этотъ разъ бояться ея уже нечего: она неядовита *послѣ* укушенія, спустивъ ядъ,—потомъ высосать ртомъ ранку, вытянуть изъ нея кровь, выплевывая. Потомъ мочиться на ранку: щелочи или соли мочи,—лучшее лекарство. Бываетъ, конечно, что губы или десна ранены; тогда это опасно, и высосать ранку долженъ другой. И тогда человѣкъ уцѣлѣетъ!

— А съ убитой змѣей что̀ дѣлаютъ?

— Ничего. Даже и не трогаютъ ее, но однакоже убить ее надо. Тутъ, кажется, тоже есть немного спиритизма... индѣйскаго. Индѣйцы полагаютъ, что оставленная змѣей жизненная сила сообщается человѣку и помогаетъ выздоровленію. Лично я этого не провѣрялъ, но знаю, что при жизни *спасшейся* змѣи человѣкъ страдаетъ больше, если не умираетъ.

— Но это, вѣроятно, отъ самовнушенія опасности или просто отъ опасеній.

— Можетъ быть. Но эта... жизненная сила, по моему, не вздоръ. Я наблюдалъ ее и у животныхъ, и у людей, т.-е. что убивающіе болѣе живучи. Возьмите травоядное, напр. лань. Она умираетъ даже отъ легкой раны. Тапиръ—сильный, а тоже умираетъ быстро. Ягуаръ—да и вообще кошки—страшно живучи, какъ и вообще плотоядныя.

— Это интересно... Ну, а люди?—заинтересовался баронъ.

тамъ цѣлую колонію насѣкомыхъ, вызывающихъ воспаленіе и гангрену пальца. Туземцы, однакоже, мало смущаются опасностью этого, и обыкновенно острой иглой кактуса, стоически выдерживая боль, вычищаютъ *nigua* изъ-подъ ногтя, не безъ насмѣшки надъ страхами европейца-новичка.

— Люди? Люди подтверждаютъ эту теорію. Возьмемъ медиковъ. Съ ихъ знаніемъ человѣческой машины и гигіены, по статистикѣ, они, однакоже, самый недолговѣчный людъ. Кажется, что при леченіи они мало-по-малу отдаютъ что-то отъ себя больнымъ, т.-е. въ ущербъ себѣ.

— Хорошо, но развѣ мало убиваютъ и они?

— Конечно, но это не намѣренно, не желая, такъ какъ это невыгодно. Да и притомъ все-таки убиваютъ немного, стараясь отойти во-время отъ неизлечимаго больного.

— Это вѣрно. Какіе же другіе убивающіе живутъ на счетъ силъ ихъ жертвъ?

— Напримѣръ, охотники. Большинство изъ нихъ, несмотря на опасности и на частое отступленіе отъ гигіены питанія и отдыха,—живучій народъ. Потомъ мясники. Я не видѣлъ между ними слабыхъ или больныхъ, а все это—народъ цвѣтущій здоровьемъ. Потомъ палачи... Съ этими дѣятелями цивилизаціи я лично не знакомъ, но по литературѣ у меня о нихъ представленіе какъ о силачахъ и здоровыхъ. Возьмите, напр., парижскаго Дейблера. Уже будучи дѣдушкой, совсѣмъ бѣлымъ отъ сѣдины, онъ еще... работалъ! О другомъ палачѣ—кажется, лондонскаго Ньюгета—я читалъ, что онъ за своей внучкой далъ богатое приданое, т.-е., значитъ, подходилъ уже къ правнукамъ.

— Однако вы... совсѣмъ энциклопедистъ! И столько у васъ обобщеній... Ну, а какъ узнали вы о гамакѣ?

— Я видѣлъ его, когда у негровъ открыты палатки.— Однако, рѣшимъ о болтахъ.

— Да, да, и по возможности скорѣе. Надо на этотъ счетъ рѣшить съ Перкинсомъ.

Перкинсъ, оставившій ихъ послѣ нѣсколькихъ очередныхъ „maté", занимался въ палаткѣ починкой своей рабочей блузы. Съ очками на носу и съ блестѣвшей отъ лампы лысиной, онъ казался совсѣмъ старикомъ. Несмотря на духоту палатки, баронъ и Риверо принялись за чертежи скрѣпъ и болтовъ съ гайками; а когда явившійся Пенàчо объявилъ, что мулы готовы,—по общему соглашенію рѣшили, что Перкинсъ ѣдетъ тоже, съ однимъ изъ рабочихъ; часть ночи проведетъ у бивуака, съ разсвѣтомъ ѣдетъ дальше. Все-таки съэкономизируетъ не-солнечное время, это главное, а черезъ два-три дня можетъ вернуться обратно. И мостъ будетъ законченъ.

Поддавшись настроенію товарищей въ ихъ торопливости, Перкинсъ не забылъ своего дѣла и назначилъ надсмотрщикомъ за себя креола Кàскара продолжать крытье бараковъ. Кàскара

обѣщалъ, и неожиданно для своихъ начальниковъ сказалъ, что есть другое дѣло, не менѣе спѣшное: запасъ сухихъ дровъ. Дожди близки и первое время могутъ идти безостановочно. Тогда не легко поддерживать костры или огонь, даже въ баракахъ или въ палаткахъ. Очевидно, онъ былъ правъ, но барону не понравилось это вмѣшательство „дикаря", и онъ сухо отослалъ совѣтчика. Риверо и Перкинсъ, однакоже, находили въ совѣтѣ Каскара много дѣльнаго. Рѣшили, что назначатъ двухъ дровосѣковъ, и сухія дрова сложатся въ одномъ изъ бараковъ.

На прощанье докончили послѣднія бутылки лимонада, и Риверо посовѣтовалъ барону употребленіе „maté". Оно утоляетъ жажду, парализуетъ голодъ и сохраняетъ силы. Неужели этого мало?—Конечно, въ Европѣ нѣтъ ничего подобнаго,—говорилъ онъ.—Европейцы не умѣютъ считать—это ясно.

Баронъ смѣялся, какъ бы не желая возражать, и слегка жмурясь. И не безъ тревоги, провожая отъѣзжавшихъ товарищей, смотрѣлъ онъ на высоты горъ...

Но на этотъ разъ тамъ не было видно ни малѣйшаго отраженія свѣта.

Н. Кларкъ.

„ВЗЫСКУЮЩІЙ ГРАДА“

ОЧЕРКЪ.

Лошади были уже поданы, и бубенчики позванивали за воротами, я была совсѣмъ готова къ отъѣзду и собиралась выходить, какъ вдругъ вошелъ ямщикъ, и по лицу его я сейчасъ же догадалась, что онъ хочетъ сообщить мнѣ что-то важное.

— Вещей выносить не надо?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Нѣтъ, вещей не будетъ.

— Да то-то... я вотъ насчетъ вещей и пришелъ,—не будетъ ли, молъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего не будетъ! Ты иди себѣ, я сейчасъ.

Но такъ какъ онъ пришелъ вовсе не „насчетъ вещей“, то и продолжалъ топтаться на одномъ мѣстѣ, перекладывая свою шапку изъ одной руки въ другую и видимо не рѣшаясь приступить къ настоящему дѣлу.

— Тамъ вамъ попутчикъ будетъ, — сказалъ онъ наконецъ.

— Какой-такой попутчикъ?

— Да кто его знаетъ. Видать, баринъ.

— Здѣшній?

— Да нѣтъ, то-то что не здѣшній! Изъ уѣзда, должно. Пришелъ давеча, проситъ до станціи его довезть. А у насъ всѣ лошади въ разгонѣ,—вотъ вамъ послѣднюю парочку подали. Ну, мы подумали-подумали... и того... отчего, молъ, не подвезть? И вамъ оно дешевле будетъ!..

Я поморщилась,—мнѣ было непріятно ѣхать двадцать верстъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ, да еще ночью. Ямщикъ замѣтилъ мое неудовольствіе и состроилъ самую умильную физіономію.

— Да вы не извольте безпокоиться, барышня!—продолжалъ онъ.—Все въ акуратѣ будетъ: телѣжечка у насъ просторненькая, соломки я вамъ подостлалъ мяконькой, доѣдете любёхонько. Главная вещь—лошади-то въ разгонѣ!..

Дѣлать было нечего,—пришлось согласиться, и мы вышли на крыльцо. Попутчикъ мой уже сидѣлъ въ телѣжкѣ и терпѣливо ждалъ, покуривая папиросу. Сидѣлъ онъ какъ-то неловко, бокомъ, точно мѣшокъ, и я видѣла только его широкую, сутуловатую спину, да донышко бѣлой фуражки, которая была надѣта у него на затылокъ и свѣтлымъ пятномъ вырѣзывалась въ голубоватомъ сумракѣ прозрачнаго майскаго вечера. Мое появленіе нисколько его не заинтересовало: онъ даже не перемѣнилъ позы и ни разу не обернулся въ мою сторону, когда я усаживалась, точно все происходившее вокругъ него ничуть его не касалось. Багажа у него, также какъ и у меня, не было.

Я расположилась поудобнѣе на шуршащей соломѣ, покрытой рядномъ, еще разъ обмѣнялась привѣтствіями съ провожавшими меня, и пара почтовыхъ дружно взяла экипажъ. Промелькнули мимо насъ сумрачныя кущи ветелъ на плотинѣ, пробѣжали ряды огоньковъ на пустынной площади, и городъ остался позади. Мы погрузились въ сумракъ и тишину; даже колокольчики наши стали звонить какъ-то глуше и робче, точно присмирѣли они, подавленные этой жуткой тишиною. Только копыта лошадей бодро и твердо отбивали по накатанному шоссе: „тра-тамъ, тра-тамъ, тра-тамъ“...

А ночь наступала, чудная, полная тайны и очарованія. Передъ закатомъ пронеслась гроза, и по небу еще скользили разорванные шлейфы уходящихъ тучъ, но позади насъ уже вставала луна, и ея блѣдное сіяніе несмѣло разливалось надъ полями. Небо, давеча грозное, мрачное, ревущее, теперь молчало и какъ будто задумалось, прислушиваясь къ голосамъ земли. Но и на землѣ все было тихо и задумчиво. Какія-то прозрачныя тѣни водили таинственный хороводъ въ серебристой дали; безшумно развертывались листья на мокрыхъ деревьяхъ, и теплый паръ, пропитанный бальзамическимъ запахомъ тополя, медленно поднимался надъ мокрою землей.

Спутникъ мой молчалъ, попрежнему сидя ко мнѣ спиной, и курилъ папиросу за папиросой. Я была очень рада, что онъ молчитъ: мнѣ не хотѣлось говорить; хотѣлось быть наединѣ съ этой ночью, съ этимъ небомъ и тишиной; хотѣлось слиться съ ними душой и понять тайну ихъ вѣчной красоты и очарованія. Чувствовалась какая-то странная отрѣшенность отъ собственнаго

„я“: казалось, что прошлаго никогда не было, настоящаго нѣтъ и будущаго не будетъ. Такъ бы вотъ ѣхать, ѣхать безъ конца и никогда никуда не пріѣзжать, и чтобы всегда была эта ночь и эта божественная тишина.

Вдругъ сосѣдъ безпокойно завозился, нѣсколько разъ оглянулся назадъ и сказалъ:

— Скажите... вамъ не кажется, что за нами кто-то гонится?

Я даже вздрогнула отъ неожиданности. Поразилъ меня не вопросъ его, нѣтъ; меня поразилъ звукъ его голоса: этотъ голосъ, мягкій, немного глуховатый, съ какой-то особою вибраціей, похожей на дрожаніе струнъ арфы, напомнилъ мнѣ одного молодого, трагически погибшаго писателя, который когда-то былъ кумиромъ молодежи и своими удивительными разсказами волновалъ юныя сердца. Я во всѣ глаза посмотрѣла на своего попутчика, но онъ уже отвернулся и закуривалъ новую папиросу.

— Гонится? — переспросила я съ недоумѣніемъ. — Кто гонится?

— А такъ... идетъ или ѣдетъ, не знаю. Впрочемъ, кажется, дѣйствительно никого нѣтъ. Вѣдь вы ничего не слышали?

— Рѣшительно ничего!

Мы замолчали, и нѣсколько мгновеній въ безконечномъ пространствѣ, полномъ таинственнаго молчанія, ничего не слышно было, кромѣ испуганныхъ вздрагиваній нашихъ колокольчиковъ и мѣрнаго топота копытъ. Но вотъ впереди что-то зачернѣло; сильнѣе запахло тополемъ и березовыми почками, и новые звуки, такіе же чарующіе, какъ эта чарующая ночь, заглушили безпокойное тренканье бубенцовъ и колокольчиковъ. Мы проѣзжали чрезъ небольшой лѣсокъ, раскинувшійся по оврагу, и изъ душистой глубины его неслось ликующее весеннее пѣніе соловьевъ. Сосѣдъ снова встревожился и началъ озираться по сторонамъ.

— А что́...—началъ онъ, медленно выговаривая слова, какъ будто ему было очень трудно говорить;—что́, васъ... не раздражаетъ... эта ночь?

— Какъ раздражаетъ?—спросила я, не понявъ вопроса.

— Ну... какъ... Волнуетъ, тревожитъ... ну, просто-на́-просто злитъ... Да. Меня, по крайней мѣрѣ, страшно бѣситъ эта ночь... и все... луна, соловьи, и эта безстыжая весенняя радость, разлитая въ природѣ...

— Право, не понимаю... Почему же?

— Ахъ, почему?.. Почему?... — повторилъ онъ съ усиліемъ, видимо стараясь собрать всѣ свои мысли и связать ихъ вмѣстѣ. —Постойте... я вамъ сейчасъ скажу... Читали ли вы когда-

нибудь одинъ маленькій отрывочекъ... не помню, чей... ну, стихотвореніе въ прозѣ что-ли, или какъ онъ тамъ называется... это, впрочемъ, все равно. А суть тамъ вотъ въ чемъ: одного муллу... или дервиша, не помню... его спрашиваютъ, что̀ такое жизнь? И въ отвѣтъ онъ разстегнулъ свою одежду и показалъ грудь, на которой зіяла отвратительная смрадная язва. А въ это же самое время въ Севильѣ благоухали розы и пѣли соловьи... Ну вотъ. Именно, это самое. Когда я въ первый разъ прочелъ эту штуку, я ничего не понялъ,—чортъ знаетъ, что̀ за ерунда, думаю! Причемъ тутъ розы... соловьи—и язва. Понялъ потомъ... послѣ. Вы помните это?

— Помню. Это Гаршина.

— Гаршина? Ну вотъ... Удивительно! Глубина-то какая... заглянуть страшно. Въ Севильѣ соловьи и розы... а человѣка разъѣдаетъ вонючая, гнойная язва... Зачѣмъ, почему, на кой чортъ? Розы отрицаютъ язву, а язва отрицаетъ розы... И существуютъ рядомъ... И это жизнь... Все само по себѣ, само для себя, и никому нѣтъ дѣла другъ до друга. Вотъ эта ночь... она хороша сама для себя, и ничего ей отъ меня не нужно, и я не нуженъ ей. Можетъ быть, вся душа моя на клочки разорвана, а луна кротко сіяетъ и соловьи поютъ свой гимнъ торжествующей любви. Кричи, плачь, зови, — никто тебѣ не откликнется, никто не придетъ на твой зовъ, и „равнодушная природа“ будетъ продолжать свою созидательную работу, съ одинаковой заботливостью творя и благоуханный розовый бутонъ, и отвратительнаго могильнаго червяка. Ей все нужно и никто не нуженъ. Все какъ будто связано и въ то же время страшно разъединено... И вотъ мы ѣдемъ вмѣстѣ съ вами, сидимъ рядомъ, и вамъ нѣтъ никакого дѣла до меня, а мнѣ—до васъ. Кто мы такіе, зачѣмъ ѣдемъ, куда ѣдемъ,—чортъ знаетъ что̀!..

Онъ разошелся и теперь говорилъ быстро, отрывисто, какъ бы спѣша поскорѣе выбросить волнующія его мысли. Я слушала его съ возростающимъ изумленіемъ, и жуткая мысль пришла мнѣ въ голову: „ужъ не сумасшедшій ли это, бѣжавшій изъ-подъ надзора?“... А онъ, точно угадавъ, что̀ я думала, вдругъ рѣзко оборвалъ свою безпорядочную рѣчь и засмѣялся тихимъ, больнымъ смѣхомъ. Этотъ смѣхъ снова напомнилъ мнѣ покойнаго писателя и больно ударилъ меня по сердцу.

— А признайтесь, — понизивъ голосъ, сказалъ мой спутникъ, — вы навѣрное думаете, что я немножко того... не въ своемъ умѣ? Вѣдь правда,—похожъ?

— Что̀ вы... я вовсе не думала!..—возразила я въ смущеніи.

— О, ничего, мнѣ совершенно все равно!—перебилъ онъ рѣзко.—Что-жъ... можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ съумасшедшій,—я самъ объ этомъ иногда думаю. Но не правда ли, на границѣ между безуміемъ и такъ называемымъ „здравымъ разсудкомъ“ человѣкъ иногда встрѣчается съ истиной, которую онъ прежде искалъ вездѣ и не находилъ? Помните, какъ Достоевскій описывалъ то состояніе, которое испытываютъ эпилептики передъ наступленіемъ припадка? Передъ ними открывается небо... и, можетъ быть, въ эту минуту они страшно близки къ познанію „тайны бытія“, которую напрасно стараются разгадать геніи и мудрецы. И устами безумцевъ иногда говоритъ истина... Но, постойте, что̀ такое я говорилъ? Да... жизнь — жестокая штука. Жизнь—мертвая пустыня, и люди—заблудившіеся въ ней странники. Они блуждаютъ по ней, испуганные ея грозной и непонятной красотой, и, встрѣчаясь другъ съ другомъ, въ ужасѣ отворачиваются, потому что не знаютъ другъ друга и не вѣрятъ одинъ другому. Иногда они бредутъ вмѣстѣ, но страхъ и недовѣріе не покидаютъ ихъ, и если одинъ споткнется, другой спѣшитъ уйти. „Жестоки никогда не падавшіе“, сказалъ Герценъ... А сколько упавшихъ, сколько боли и страданій затеряно въ этой пустынѣ,—и все-таки мы живемъ и идемъ. Послушайте,—вѣдь каждая минута вашей жизни оплачена чьими-нибудь страданіями—думали ли вы объ этомъ? Каждый вашъ вздохъ, каждое движеніе, каждая капля вашей крови сто̀итъ кому-нибудь жизни. Вы гуляете,—кто-нибудь растоптанъ. Вы питаетесь—кто-нибудь зарѣзанъ. Вы наслаждаетесь музыкой, — кто-нибудь умеръ съ голоду, потому что вамъ нужно было слушать эту музыку. А розы благоухаютъ и соловьи поютъ... Отвратительно!

— Но что̀-же дѣлать?—нерѣшительно замѣтила я.

— Ага, что̀ дѣлать?—съ злорадствомъ воскликнулъ онъ.— Вы не знаете, что̀ дѣлать, и я тоже не знаю, и никто не знаетъ. А между тѣмъ вотъ это нисколько не мѣшаетъ намъ куда-то ѣхать, мы спѣшимъ, ямщикъ нашъ покрикиваетъ на лошадей, лошади бѣгутъ, торопятся—зачѣмъ, для чего? Потомъ пріѣдемъ на станцію,—тамъ тоже суматоха: бѣгутъ, кричатъ, зажигаютъ огни; поѣзда мчатся туда и сюда, люди тоже спѣшатъ и куда-то ѣдутъ, и никто не знаетъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и дѣлаетъ только потому, что не знаетъ и никогда не думалъ, зачѣмъ все это ему нужно. И это жизнь...

— Ну, а еслибы думалъ?—спросила я.

— Еслибы думалъ... да, вѣроятно, дѣлалъ бы то же самое.

Что же еще? Вотъ я думаю... а ѣду все-таки. Я ѣду, а за мною кто-то гонится...

Съ этими словами онъ оглянулся, — оглянулась невольно и я. Но позади, въ огромномъ пространствѣ, наполненномъ холоднымъ луннымъ свѣтомъ, не было ни одной души, и только длинныя, уродливыя тѣни нашихъ лошадей, кривляясь, бѣжали рядомъ съ нами по дорогѣ. И наша телѣжка, и мы сами,—весь этотъ маленькій мірокъ, затерянный среди пустыни, показался мнѣ въ эту минуту такимъ жалкимъ, такимъ ничтожнымъ, что я почувствовала ужасъ, и мнѣ даже захотѣлось, чтобы за нами дѣйствительно кто-нибудь бѣжалъ или шелъ. Но никого не было.

Попутчикъ замѣтилъ мое движеніе и засмѣялся, въ первый разъ повернувшись ко мнѣ лицомъ. Луна теперь свѣтила прямо на него, и я могла хорошо разсмотрѣть его. Повидимому, ему было лѣтъ около сорока,—можетъ быть, больше, можетъ быть, меньше. Глубокія морщины прошли отъ краевъ носа къ угламъ губъ и рѣзко чернѣли на щекахъ, казавшихся мертвенно-блѣдными. Въ небольшой бородѣ, должно быть, бѣлокурой, какъ мнѣ показалось, было много сѣдины, и еслибы не темныя брови, сросшіяся надъ переносицей, и не глаза, въ которыхъ горѣлъ лихорадочный огонь, лицо было бы самое обыкновенное и простое. Но эти брови и эти глаза производили странное впечатлѣніе, и мнѣ невольно пришло на память, что людей съ сросшимися бровями въ народѣ считаютъ „несчастными“.

— А что̀?—сказалъ мой спутникъ, не переставая смѣяться. —Я и васъ, кажется, заразилъ своимъ бредомъ?

— Да, немножко,—созналась я.

— Ага... Но вѣдь никого нѣтъ, не правда ли?

— Вы же сами видѣли,—ни души.

— Ни души... И все-таки я слышу, чувствую, что кто-то или что-то есть. А знаете, кто это?

— Кто?—спросила я, начиная серьезно безпокоиться подъ его пристальнымъ, сверкающимъ взглядомъ.

— А это, видите ли, собственное „я“... Отъ него уже никуда не убѣжишь, сколько ни бѣгай. За тридевять земель ступайте, и оно побѣжитъ за вами. А случалось вамъ переживать такія минуты въ своей жизни, когда вы сами себѣ становитесь противны?

— Случалось.

— Ага, стало быть, вы меня поймете! Именно, именно собственное „я“ становится до противности противно! Всѣ ошибки, всѣ гадости, которыя когда-то дѣлалъ, всѣ скверныя мысли,

скверныя чувства,—вся это подлая мразь стоитъ передъ тобою, глядитъ на тебя безстыдными глазами и говоритъ: „смотри, вѣдь это *ты*, *ты самъ*,—полюбуйся, хорошъ"?.. И стонишь, и смотришь... Отъ всего можно уйти: отъ друга, отъ врага, отъ любимой женщины, а отъ своего „я"—никогда... Развѣ умереть... Но и то, кто знаетъ?—уйдешь ли. „А если сонъ видѣнья посѣтятъ"... А какъ бы хотѣлось уйти!— съ тоской воскликнулъ онъ и оглянулся.

Никто не отозвался на его вопль. Молчала свержающая весенняя ночь, въ таинственной тишинѣ которой зарождались тысячи тысячъ новыхъ жизней, сегодня еще никому невѣдомыхъ, но уже готовыхъ завтра выйти съ ликованіемъ на встрѣчу солнцу; молчала земля, погруженная въ творческую работу, совершавшуюся въ ея нѣдрахъ; молчали небеса и звѣзды, далекія, холодныя и страшныя въ своей загадочной красотѣ. Мы были одни, одни въ пустынѣ міра, чужіе для всѣхъ и другъ для друга... Я начинала понимать моего страннаго спутника, и уже не безотчетный страхъ, а болѣзненная жалость къ нему, къ себѣ, ко всѣмъ одинокимъ скитальцамъ, блуждающимъ по темнымъ дорогамъ жизни, наполнила мою душу.

Онъ между тѣмъ умолкъ, тяжело вздохнулъ и, снявъ фуражку, провелъ рукою по густымъ, но, кажется, совершенно сѣдымъ волосамъ. Повидимому это его освѣжило, и онъ заговорилъ спокойнѣе:

— А знаете, гдѣ я чувствовалъ себя хорошо? Въ тюрьмѣ и ссылкѣ... Можетъ быть, это покажется вамъ нелѣпостью, но никогда я не былъ такъ свободенъ, какъ въ то время, когда былъ лишенъ свободы. Странно, не правда ли? А между тѣмъ это такъ... Совершенно особенное состояніе! Сидишь и чувствуешь, что ты ни въ чемъ и ни передъ кѣмъ не виноватъ, потому что отдалъ все, что̀ имѣлъ. Самъ страдаешь—и потому меньше страдаешь за другихъ. Даже твое подлое и грязное „я" въ это время куда-то прячется, забивается въ самый отдаленный уголокъ души и не смѣетъ глядѣть на тебя своими наглыми глазами. Однимъ словомъ... хорошо! Какъ будто бы какой-то огромный долгъ заплатилъ или, лучше, получилъ индульгенцію на всѣ свои грѣхи.

— Да, это странно...—въ раздумьи проговорила я. — Мнѣ кажется, счастье заключается въ свободѣ... и въ борьбѣ, и я не могу понять, какъ можно чувствовать себя счастливымъ, сидя на цѣпи.

— Ага, мы это слыхали!—насмѣшливо вымолвилъ мой спут-

никъ.—Представьте, я и самъ такъ думалъ прежде. Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ былъ лишенъ свободы, и вотъ, когда меня везли по Литейному проспекту въ каретѣ со спущенными занавѣсками, и я не видѣлъ, но чувствовалъ за этими занавѣсками широкое теченіе жизни,—въ эту минуту страшное бѣшенство клокотало въ моей груди. Я представлялъ себѣ всѣ эти роскошные магазины и рестораны, эти яркіе вечерніе огни, несущіеся мимо экипажи съ веселыми, разодѣтыми людьми, и мнѣ казалось неестественнымъ, прямо невѣроятнымъ, что въ то время, какъ меня везутъ, точно звѣря въ клѣткѣ, неизвѣстно зачѣмъ и неизвѣстно куда,—жизнь идетъ своимъ чередомъ, и люди смѣютъ веселиться, пить, ѣсть, заниматься своими дѣлами, и никто не кричитъ, никто не возмущается, не заступается, и никому нѣтъ никакого дѣла до меня... Это было до такой степени нестерпимо, что я ринулся-было къ дверцѣ, чтобы отворить ее и закричать на весь Петербургъ... но чужая рука тихонько легла на мою руку, и я застылъ на своемъ мѣстѣ... Тутъ только я понялъ, что уже не принадлежу больше себѣ, что я теперь могу дѣлать не то, чего хочу, а то, чего хотятъ другіе, и что у меня во всемъ мірѣ нѣтъ ничего такого, чтò я могъ бы назвать своимъ...

— Ну, и что же, развѣ это не ужасно?—воскликнула я.

— О, да, это было ужасно... *тогда*,—прибавилъ онъ многозначительно. — Помню, когда меня привезли и оставили одного въ узенькой камерѣ съ холоднымъ, асфальтовымъ поломъ, — я что-то такое кричалъ тогда, ругался, стучалъ кулаками въ тяжелую дверь... даже плакалъ. Я казался самому себѣ такимъ маленькимъ, несчастнымъ, обиженнымъ человѣчкомъ... и мнѣ страстно хотѣлось, чтобы кто-нибудь услышалъ мои крики, пришелъ ко мнѣ, пожалѣлъ меня. Но никто не услышалъ, никто не пришелъ и не пожалѣлъ. Я былъ одинъ, и вокругъ меня была холодная, каменная громада, страшная въ своемъ гробовомъ молчаніи...

Онъ на минуту замолчалъ, взволнованный своими воспоминаніями.

— Ну... а потомъ?—спросила я съ нетерпѣніемъ.

Онъ обратилъ ко мнѣ свое просвѣтлѣвшее лицо, которое вдругъ показалась мнѣ совсѣмъ молодымъ.

— О, потомъ было совсѣмъ другое!—сказалъ онъ съ тихою усмѣшкой.—Не прошло и сутокъ, какъ я изъ маленькаго, жалкаго, плачущаго человѣчка превратился въ большого, сильнаго и гордаго человѣка, самому мнѣ до сихъ поръ совершенно не-

знакомаго. Началось съ того, что я, осматривая свою камеру, нашелъ въ углу на стѣнѣ полуистертую надпись, выцарапанную, должно быть, иголкой: „Здравствуй, товарищъ“!.. О, что̀ со мною было, когда я увидѣлъ эти крошечныя буквы, написанныя невѣдомо чьей рукою, но несомнѣнно рукою друга, такъ же, какъ и я, запертаго когда-то въ этой холодной, каменной клѣткѣ... Я не могу вамъ этого передать. Я упалъ на колѣни передъ стѣною, я цѣловалъ ее, я молился на нее... „Здравствуй, здравствуй, товарищъ“!.. Я былъ уже не одинъ, и я былъ гордъ, я былъ счастливъ, я ничего не боялся и ни о чемъ не жалѣлъ. Мнѣ казалось, что я страшно выросъ и стою на какой-то головокружительной высотѣ, откуда весь міръ представлялся мнѣ въ видѣ ничтожной песчинки. „А, думалъ я, меня заперли,—значитъ, меня боятся“... И эта гордая мысль наполняла меня сознаніемъ необыкновенной мощи и собственнаго величія. Я понялъ, что въ эту каменную могилу заключена только одна жалкая оболочка моего „я“, мое тѣло, а самъ „я“, т.-е. моя мысль, моя воля,—онѣ свободны и властвуютъ надъ міромъ, сливаясь со множествомъ другихъ такихъ же „я“, одушевленныхъ тою же свободною мыслью, тою же волей.—И я снова припадалъ къ холодной стѣнѣ и кричалъ въ восторгѣ: „Здравствуй, здравствуй, товарищъ“!..

Онъ такъ громко выкрикнулъ эти слова, что ямщикъ испуганно оглянулся и пріостановилъ лошадей.

— Вы чего это? Мнѣ что-ль?—спросилъ онъ, недовѣрчиво косясь на моего спутника.

— Ничего, ничего... поѣзжай!—сказала я и обратилась къ сосѣду: – Продолжайте...

— Ну... съ этого дня для меня началась какая-то двойная жизнь. Одно мое „я“, т.-е. мое тѣло, ходило изъ угла въ уголъ по тюремной камерѣ, принимало тюремную пищу, однимъ словомъ, выполняло обычный арестантскій режимъ; но зато другое „я“, свободное, сильное, смѣлое, оно жило жизнью всего міра, внѣ всякихъ законовъ и порядковъ, никому не подчиненное, ни отъ кого независящее. Этихъ четырехъ стѣнъ, которыя отдѣляли меня отъ всего живущаго, для меня не существовало: я ихъ не видѣлъ, совсѣмъ не замѣчалъ. Мысль моя работала страшно, и я никогда не думалъ и не чувствовалъ такъ сильно, бурно и ярко. Какіе грандіозные проекты созидались въ моей головѣ! Какіе диспуты я велъ съ воображаемыми оппонентами! Какія рѣчи произносилъ передъ всѣмъ человѣчествомъ!.. И мои тюремщики ничего объ этомъ не знали и не могли мнѣ помѣшать,—въ этомъ была моя гордость и мое торжество. Когда меня вы-

звали на допросъ, я не вымолвилъ ни одного слова; хотя мнѣ, въ сущности, и нечего было имъ сказать, но сознаніе, что никто и ничѣмъ не можетъ заставить меня говорить, никакая сила и власть никогда не проникнетъ въ мои помыслы, въ мое „святая святыхъ" безъ моего вѣдома и желанія,—это сознаніе дѣлало меня безмѣрно счастливымъ, какъ бываютъ счастливы лишь „боги въ небесахъ". Вернувшись къ себѣ домой, т.-е. въ камеру, я подошелъ къ стѣнѣ и сказалъ: „Здравствуй, товарищъ"! Стѣна молчала... но... я зналъ, я чувствовалъ, я вѣрилъ—вѣрю и теперь, что въ ту минуту мой невѣдомый товарищъ, гдѣ бы онъ ни былъ, на какой бы точкѣ земного шара ни находился,—онъ услышалъ мое привѣтствіе и откликнулся на него. Я не знаю, какъ... можетъ быть, онъ изнемогъ въ жизненной борьбѣ, готовъ былъ упасть—и мой далекій призывъ ободрилъ его, и онъ всталъ, и снова пошелъ впередъ... Можетъ быть, онъ сомнѣвался, терялъ вѣру въ самого себя и въ людей,—и вдругъ какой-то невѣдомый свѣтъ озарилъ его сознаніе, разсѣялъ его сомнѣнія, и онъ, заблудившійся въ потемкахъ жизни, опять вышелъ на дорогу къ вѣчной правдѣ... Почемъ я знаю? Развѣ вы не переживали въ своей жизни такихъ странныхъ моментовъ, когда въ обычный порядокъ вашего существованія вдругъ вторгалось что-то вамъ невѣдомое, пришедшее неизвѣстно откуда, и или останавливало васъ, или толкало впередъ? Вы не знаете, что̀ это такое было, но *это* было, и иногда одного такого момента достаточно для того, чтобы перевернуть вверхъ дномъ всю вашу жизнь. Однажды былъ со мною въ Сибири такой случай... Мы бѣжали съ однимъ поселенцемъ, черкесомъ, и плыли по Ангарѣ. Вдругъ разразилась буря,—весла у насъ сломались, лодку закрутило и потащило прямо на камни. Гибель была неизбѣжна, и мы ждали смерти. И вдругъ произошло чудо... Лодка наша запуталась въ корняхъ сломаннаго дерева, и мы, вмѣсто того, чтобы разбиться въ дребезги о камни, благополучно выбрались на берегъ. Мой черкесъ ликовалъ, плакалъ, какъ дитя, взывалъ къ Аллаху, и потомъ сказалъ: „А знаешь, добрый кунакъ у насъ былъ,—онъ за насъ молился въ тотъ часъ, когда смерть пришла за нами"... А кто знаетъ, можетъ быть, онъ былъ правъ... Человѣкъ одинъ, но не одинокъ, и жизнь его такъ тѣсно связана съ жизнью всего міра, что ни одна мысль его, ни одно дѣйствіе не проходятъ безъ того, чтобы не отразиться на судьбѣ другого, можетъ быть, совершенно неизвѣстнаго ему человѣка, кто бы онъ ни былъ,—другъ или врагъ...

— Да... жизнь сложна, но къ ней надо относиться просто,— замѣтила я.

— Т.-е., какъ это?—встрепенулся мой спутникъ.

— Брать все, что она даетъ, не задумываясь надъ тѣмъ,— нужно это или не нужно. Иначе вы рискуете всю жизнь свою провести надъ рѣшеніемъ этого вопроса, а когда рѣшите наконецъ и захотите жить—жизнь уже прошла...

— О, это уже черезчуръ просто!—съ ироническимъ смѣхомъ воскликнулъ онъ.—Брать то, что она даетъ... А если не даетъ?

— Ну... тогда добиваться.

— Чего?.. А если того, чего мнѣ надо, нѣтъ во всемъ мірѣ,—тогда какъ? Нѣтъ, все это не то... Жизнь дѣйствительно сложна и похожа на музыкальный инструментъ, въ которомъ, однако, больше диссонансовъ, чѣмъ консонансовъ. И вотъ одни принимаютъ эти диссонансы за божественную музыку, — такіе счастливы и довольны; другіе слышатъ каждый фальшивый звукъ— и страдаютъ. Я изъ такихъ... Ахъ, вездѣ, вездѣ я слышу только одни диссонансы, и они раздираютъ мою душу!—добавилъ онъ съ отчаяніемъ и схватился за голову.

— А помните... въ тюрьмѣ? Вы сейчасъ разсказывали...— осторожно напомнила я, желая вернуть его къ прерванному разсказу.

Онъ снова просвѣтлѣлъ.

— Ахъ, да... дѣйствительно... тамъ было что-то похожее на симфонію, или какъ она тамъ называется, не знаю. Но вѣдь это только тамъ и было, а потомъ опять пошла такая ужасная какофонія... Да вотъ я вамъ разскажу, если хотите. Вы еще не устали слушать?

— О, нѣтъ!.. пожалуйста говорите!—поспѣшно отвѣчала я.

— Ну, хорошо.—Черезъ шесть мѣсяцевъ я былъ выпущенъ на свободу,—это было раннею весной, кажется, въ началѣ мая, хорошенько не помню. Когда, послѣ всѣхъ формальностей, меня „при пакетѣ" препроводили въ участокъ, а оттуда на всѣ четыре стороны,—я совершенно одурѣлъ. Вечеръ былъ какой-то необыкновенный... или онъ показался мнѣ такимъ... Но помню, что меня особенно поразило тогда небо,—такое свѣтлое, огромное и... зеленое,—знаете, какое оно бываетъ только въ Петербургѣ весной, послѣ заката солнца? Я остановился посреди улицы и сталъ на него смотрѣть... Какъ будто раньше я никогда его не видѣлъ. И оно было такъ прекрасно, такъ чисто, такъ безмятежно, что я не могъ на него наглядѣться... и думалъ: „Вотъ въ чемъ счастье,—чтобы всегда, всю жизнь смотрѣть на это небо,

и вотъ въ чемъ ужасъ тюрьмы,—что тамъ его почти никогда не видишь“... Впрочемъ, не знаю, не помню, такъ ли я именно думалъ, но приблизительно, кажется, такъ. И вдругъ меня кто-то больно толкнулъ,—я кому-то помѣшалъ; меня выругали „разиней“ или что-то въ этомъ родѣ, и я опомнился, я почувствовалъ, что я на свободѣ и могу идти, куда хочу. Но куда? Я свернулъ съ Малой Итальянской на Литейный и пошелъ къ одному своему земляку и товарищу, съ которымъ мы были очень дружны и жили раньше вмѣстѣ. Я шелъ страшно быстро, почти бѣгомъ, съ какимъ-то особенно радостнымъ чувствомъ въ душѣ. Радостно мнѣ было не столько потому, что я былъ свободенъ и могъ дѣлать все, что̀ хотѣлъ, — нѣтъ, я радовался тому, что вотъ я теперь возвращаюсь къ своимъ друзьямъ не тѣмъ, чѣмъ я былъ прежде, что я пережилъ и знаю то, чего не знаютъ другіе; и вотъ я приду и разскажу то новое и важное, что̀ несу въ своей душѣ, и меня выслушаютъ съ восторгомъ, и начнется новая жизнь... Я съ умиленіемъ смотрѣлъ на каждаго прохожаго; я любилъ всѣхъ, несмотря на то, что меня толкали и ругали, когда я попадался кому-нибудь на дорогѣ, но особенно я любилъ все-таки небо, зеленое и тихое небо, которое всегда и вездѣ одно для всѣхъ и во всѣ времена принадлежало всѣмъ и каждому безраздѣльно... Но постойте,—я, кажется, опять отвлекся. Проклятая привычка — говорить вслухъ о томъ, о чемъ нужно думать про себя! Это—тюремная привычка...

На Литейномъ мосту я еще разъ остановился, чтобы посмотрѣть на небо, и потомъ помчался дальше. И вотъ, съ небесами въ душѣ, звоню, врываюсь, какъ буря, въ квартиру и спрашиваю охрипшимъ отъ долгаго молчанія голосомъ: „дома“? —„Дома“. Вхожу. Товарищъ былъ не одинъ, у него сидѣлъ другой нашъ землякъ, и оба они съ увлеченіемъ играли въ шахматы. Должно быть, я засталъ ихъ въ самомъ интересномъ моментѣ игры, потому что оба посмотрѣли на меня мутными глазами, и только черезъ минуту товарищъ узналъ меня и воскликнулъ съ удивленіемъ, но безъ особенной радости: „А, это ты“!.. Шахматы осторожно, чтобы не спутать ходовъ, были отставлены въ сторону, и начались обычные разспросы: „какъ, почему, гдѣ“ и т. д. Я что-то отвѣчалъ,—должно быть, не впопадъ, потому что они, разспрашивая, въ то же время смотрѣли на шахматы и, повидимому, горѣли желаніемъ снова начать прерванную игру. И я вдругъ понялъ, что они страшно далеки отъ того, что̀ я принесъ съ собою оттуда, и горячій свѣтъ, наполнявшій мою душу, тихо-тихо угасалъ... Потомъ появился само-

варъ и булки; мы пили чай и говорили объ экзаменахъ, а товарищъ разсказалъ смѣшной случай съ профессоромъ анатоміи, который срѣзалъ одного студента за то, что онъ искалъ какую-то glandula Pineales въ пяткѣ, между тѣмъ какъ она находится въ мозгу... И я слушалъ, я хохоталъ вмѣстѣ съ ними, я дѣлалъ видъ, что меня тоже очень интересуетъ glandula Pineales, а самъ думалъ: „а гдѣ же *то*... что̀ было“?.. И вдругъ я поднялся и пошелъ къ дверямъ. „Постой, куда же ты?“—сказалъ товарищъ съ удивленіемъ. „Вѣдь у тебя нѣтъ квартиры... гдѣ же ты ночуешь?“—Я пробормоталъ что-то неопредѣленное и, оглянувшись у порога, увидѣлъ, что они снова пододвинули шахматы, и товарищъ озабоченно спрашивалъ своего партнера: „Чей ходъ? Кажется, мой“?...

Выйдя на улицу, я долго не могъ сообразить, что̀ такое было со мною. Тюрьма, участокъ, зеленое небо, шахматы, glandula Pineales,—все перепуталось въ моей головѣ... Только на мосту я снова нашелъ самого себя, потому что увидѣлъ небо. Оно было еще зеленѣе, еще глубже, и сіяло какимъ-то загадочнымъ, страшнымъ сіяніемъ. Страшнымъ потому, что оно шло невѣдомо откуда и въ то же время было вездѣ. Въ немъ было что-то библейское, напоминавшее первые дни творенія. Солнца еще не было, не было земли, была только вѣчность... и „бысть свѣтъ“ ...Впрочемъ, это все не то... А „то“ было вотъ что̀: я стоялъ на мосту, и „бысть свѣтъ“, и въ этомъ свѣтѣ, не озаренная имъ, а какъ будто слившаяся съ нимъ, тихо мерцала Нева, и надъ нею смутно темнѣли безмолвныя громады домовъ. И тамъ, въ этихъ громадныхъ ящикахъ, копошились тысячи людей, этихъ маленькихъ, жалкихъ существъ, о которыхъ я такъ тосковалъ въ моемъ одиночествѣ и которыхъ такъ любилъ именно за то, что они такъ малы и жалки. И вотъ я пришелъ къ нимъ, и они меня не знаютъ, и я не знаю ихъ. И весь ихъ міръ былъ мнѣ чуждъ и страненъ, и въ громадномъ потокѣ жизни, который шумно мчался мимо меня, я былъ опять одинъ и никому не нуженъ. Зачѣмъ же было все то, что̀ было? И зачѣмъ я пришелъ?—Я снова вспомнилъ равнодушныя лица моихъ товарищей, шахматы, которыя интересовали ихъ больше, чѣмъ я, разговоры объ экзаменахъ,—и мнѣ захотѣлось уйти совсѣмъ и навсегда въ этотъ холодный, тихій, зеленый свѣтъ.—Развѣ жизнь не шла такъ, какъ она идетъ всегда, хотя въ ней меня и не было? И развѣ она не пойдетъ такъ же, когда меня не будетъ?

Вдругъ кто-то сзади тронулъ меня за плечо,—я оглянулся.

Передо мной стоялъ городовой и смотрѣлъ на меня сурово и недовѣрчиво.

— Вы тутъ чего это, господинъ?—спросилъ онъ подозрительно.

— Я ничего.

— А ничего, такъ и ступайте себѣ. Тутъ стоять вамъ нечего.

Я пошелъ. Мнѣ было все равно, куда ни идти, и я шелъ все прямо, куда несли меня ноги. Помню, какъ мимо меня промелькнулъ Невскій, весь въ огняхъ, веселый, смѣющійся, безстыдный. Помню шарканье ногъ, чьи-то наглыя лица, чей-то наглый хохотъ и обрывки пустыхъ и безстыдныхъ рѣчей. Все шло какъ всегда: одни покупали, другіе продавали; одни были сыты, и потому веселы; другіе хотѣли ѣсть и жадными глазами искали въ толпѣ того, кто могъ ихъ накормить, предлагая за это все, что̀ у нихъ было,—душу и тѣло. У каждаго была своя шахматная партія, и каждый желалъ сдѣлать ближнему своему шахъ и матъ. А я шелъ и думалъ, что навѣрное въ эту зеленую весеннюю ночь, въ этой многолюдной, пестрой толпѣ не было никого, кто бы вспомнилъ хоть на мгновеніе о тѣхъ одинокихъ и забытыхъ, которые среди своихъ четырехъ стѣнъ страдаютъ за всѣхъ и за вся и силятся поднять на свои слабыя плечи всю тягу земную. И я тогда же рѣшилъ, что если уже человѣчество обречено всю жизнь свою гоняться за обманчивыми призраками, то самый красивый изъ нихъ, — призракъ всеобщаго счастья и свободы, и за него сто̀итъ отдать свое личное счастье и свою свободу... Впрочемъ, всего этого не передашь, — все выходитъ на словахъ такъ скучно и такъ длинно. Какъ жаль, что люди не могутъ понимать другъ друга безъ словъ! Ну, развѣ вы поняли меня теперь? Развѣ перечувствовали со мною все то, что̀ чувствовалъ я тогда, блуждая по петербургскимъ улицамъ въ ту зеленую, фантастическую ночь?

— Мнѣ кажется, я васъ понимаю. Разсказывайте дальше.

— Что̀ было дальше, хотите вы знать? Да ничего особеннаго... Вѣдь суть-то не во внѣшнихъ событіяхъ моей жизни, а во мнѣ самомъ, и я хотѣлъ только разсказать вамъ, какъ въ тюрьмѣ я нашелъ самого себя, а на свободѣ—снова потерялъ. Тамъ было все такъ просто и ясно, а здѣсь—такъ темно и запутанно. Тамъ я чувствовалъ, что живу со всѣмъ міромъ, и міръ живетъ во мнѣ, а здѣсь я былъ одинокъ и никому не нуженъ. Потерянный, заблудившійся въ собственныхъ мысляхъ и чувствахъ, я шелъ, самъ не зная куда, и снова очутился на на-

бережной Невы, гдѣ-то около Дворцоваго моста. Ноги у меня нестерпимо ныли отъ ходьбы, и я присѣлъ на гранитную скамью у парапета. Вокругъ не было никого, и ночь была такъ же безмятежно свѣтла. Я засунулъ руки въ рукава своего тощаго пальтеца, пригрѣлся и задремалъ. И вотъ, среди сладкаго забытья, въ которое я уже началъ погружаться, я вдругъ почувствовалъ, что я не одинъ... что кто-то стоитъ надо мною и смотритъ на меня. Я вздрогнулъ и съ трудомъ открылъ отяжелѣвшія вѣки... Дѣйствительно, передъ мною стоялъ человѣкъ и пристально смотрѣлъ на меня. Нѣсколько минутъ мы молча разсматривали другъ друга безъ всякаго изумленія и испуга, вѣроятно потому, что намъ обоимъ нечего было бояться. Онъ былъ одѣтъ такъ же, какъ и я, въ рваное лѣтнее пальто, перепоясанное чѣмъ-то въ родѣ веревки, и также засунулъ руки въ рукава, чтобы согрѣться. На головѣ у него торчала сплюснутая фуражка, и изъ-подъ козырька выглядывало блѣдное, худое лицо,—такое худое, что на немъ можно было пересчитать всѣ кости. Щеки казались двумя черными ямами и на заостренномъ подбородкѣ росли рѣдкіе клочья волосъ. Но глаза на этомъ полумертвомъ лицѣ были живые, яркіе, острые и внимательные, какъ у дикаго звѣрка, изъза угла высматривающаго добычу. Онъ заговорилъ первый!

— Папиросочки нѣту, моншеръ?

Я сказалъ, что нѣтъ. Онъ присвиснулъ, разсмѣялся и съ какой-то особенной граціей почесалъ одну ногу о другую, обнаруживъ при этомъ совершенно протертыя подошвы своихъ сапогъ.

— Ну, и денегъ тоже, безъ всякаго сомнѣнія,—ни шиша?

— Нѣтъ, денегъ немного есть.

Глаза его сверкнули еще ярче, и онъ съ видимымъ интересомъ подсѣлъ ко мнѣ на скамью.

— Какъ же это вы такъ... Не опасаетесь?—спросилъ онъ, игриво подталкивая меня плечомъ въ плечо.

— Чего же опасаться?

— Ну, какъ чего? Темной ночи, злого дѣла... Оно, положимъ, ночь теперь не темная, но... злыя дѣла и свѣта не боятся. Да вы кто такой? Не изъ студентовъ?

— Былъ студентъ.

— Это похоже. Нашъ братъ, имѣя въ карманѣ парочку свѣтлячковъ, всегда найдетъ мѣстечко потеплѣе. А я, было, подумалъ сначала, что вы тоже изъ „стрѣлковъ“. Потому, во-первыхъ (онъ критически оглядѣлъ меня съ ногъ до головы)... одѣты вы „въ родѣ Володи“... А во-вторыхъ,—смотрю, сидитъ себѣ человѣкъ ночью на улицѣ—и не стѣсняется. Стало быть,

ничего при немъ нѣтъ этакого, чтобы, знаете, можно было, такъ сказать, „ампошё“ (онъ сдѣлалъ соотвѣтственный жестъ рукой)... А много у васъ денегъ, извините за нескромный вопросъ?

Я досталъ кошелекъ, пересчиталъ деньги,—было что-то около рубля,—и подалъ ему. Онъ тоже пересчиталъ и опять присвиснулъ.

— Немного! Но немного—это все-таки не то, что совсѣмъ ничего. Пойдемте, моншеръ!

— Куда?

— А тутъ недалеко, на Фонтанку. Къ моей сестрѣ. То-есть, она не то чтобы мнѣ была родная сестра, но это все равно. Проведемъ пріятно время.

Мы встали и пошли, и шаги наши гулко отдавались на пустынной набережной, отражаемые высокими стѣнами наглухо запертыхъ домовъ.

— А знаете что̀,—сказалъ мнѣ мой новый знакомый.—Все-таки это очень благопріятное „истеченіе“ обстоятельствъ, что вы проснулись. Не проснись вы, я бы, пожалуй, дерзнулъ...

— На что̀ дерзнули?

— Ну, какъ сказать... немножко бы поизслѣдовалъ... т.-е., одной рукой за горлышко, а другой—за донышко. И это было бы очень глупо. Во-первыхъ, нашелъ бы всего восемь гривенъ съ трюшникомъ, а во-вторыхъ,—лишился бы пріятнаго знакомства. Но что̀ дѣлать, моншеръ, бываютъ такія странныя комбинаціи! Въ человѣкѣ много свинства, особенно когда онъ хочетъ жрать,—понимаете?—Не кушать и даже не ѣсть, а именно—*жрать*!..

И для наглядности онъ даже зубами пощелкалъ и близко заглянулъ мнѣ въ лицо своими неестественно яркими, смѣющимися глазами.

— Но послушайте,—сказалъ я,—неужели вы могли бы меня даже... придушить?

Онъ какъ-то комично передернулъ своими костлявыми плечами.

— А что̀ же дѣлать, моншеръ!—безпечно воскликнулъ онъ.—Я человѣкъ не злой, но вѣдь все-таки... я человѣкъ! Ангелы не родятся въ грязной лужѣ,—не такъ ли?

Онъ что-то долго еще говорилъ въ этомъ родѣ, но я уже плохо его слушалъ, раздумывая о томъ, какой странный скачокъ сдѣлалъ я, попавъ прямо изъ крошечнаго четырехугольничка одиночной камеры на широкія улицы громаднаго города и изъ прекрасной области возвышенныхъ мечтаній шлепнувшись на самое дно „моря житейскаго“. Еще сегодня утромъ я, въ самоотверженномъ порывѣ, жаждалъ какъ можно скорѣе отдать свою

жизнь за человѣчество, а вотъ теперь иду неизвѣстно куда съ человѣкомъ, который самъ хотѣлъ лишить меня жизни... изъ-за чего? Изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ, на которыя только и можно выпить да закусить. Не чудовищно ли было это?.. и въ то же время не смѣшно ли до того, что весь міръ могъ треснуть по швамъ отъ хохота?

И вотъ мы шли одни по безмолвнымъ и пустымъ улицамъ,— такіе далекіе и въ то же время такъ страшно близкіе... Онъ— голодный, иззябшій въ своихъ лохмотьяхъ, весь дергающійся отъ злого смѣха и судорогъ въ желудкѣ; я—потерявшійся, съ опустѣвшею душой, съ больнымъ сердцемъ, которое не зналъ, кому отдать... Онъ пришелъ изъ самыхъ подонковъ жизни, гдѣ не ѣдятъ, а „жрутъ", гдѣ перегрызаютъ другъ другу горло изъ-за куска хлѣба; я спустился съ высочайшихъ вершинъ человѣческой мысли, гдѣ грезятъ о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ. И все-таки между нами была странная связь: мы оба были „отверженцы"; у обоихъ не было ничего, и оба мы были готовы на все, потому что намъ нечего было терять. А міръ, отвергнувшій насъ, враждебно и чутко спалъ, отгородившись отъ насъ каменною скорлупою домовъ, и сонъ его ревниво охранялся бдительною стражей общественнаго порядка и спокойствія. Снилось ли ему, какая великая ненависть и какая великая любовь къ нему бродятъ рядомъ въ этотъ глухой часъ за предѣлами его каменныхъ твердынь? И оба мы—мечтатель и босякъ,—были одинаково для него опасны...

Всѣ эти странныя мысли и странныя чувства свои въ то время я еще хотя и смутно, но припоминаю: зато все послѣдующее осталось въ моей памяти какъ нелѣпый сонъ. Помню, что мы пришли въ какой-то переулокъ на Фонтанкѣ и спустились въ подвалъ, гдѣ было очень сыро, очень душно и очень скверно пахло. Помню, что мы пили водку и ѣли какую-то „собачью радость", поджаренную на сковородѣ и распространявшую зловоніе мертвечины. И изъ-за этой мертвечины люди ссорились, дрались и вырывали другъ у друга куски изъ рукъ. Потомъ опять пили пиво, и сестра моего знакомца, молодая женщина съ чахоточнымъ румянцемъ на щекахъ, плясала дикій танецъ, а затѣмъ сидѣла у меня на колѣняхъ и плакала, надрываясь отъ кашля, и колотила себя въ грудь и кричала: „убейте меня, а то я сама себя убью"... Наконецъ, появились еще какія-то удивительныя личности, изъ которыхъ особенно хорошо запомнился мнѣ огромный, лысый старикъ съ перебитымъ носомъ. Онъ принесъ узелъ съ разнымъ тряпьемъ, должно быть,

краденымъ, и вся публика толпилась около этого узла, ссорилась, кричала и съ жаромъ обсуждала, сколько „подыметъ" пиджакъ, сколько дадутъ за юбку и по скольку „на рыло" придется вырученныхъ денегъ. И представьте себѣ, меня это тогда нисколько не коробило; напротивъ, все это мнѣ очень нравилось; я чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ у товарища на Выборгской; все для меня было здѣсь просто и понятно, и я самъ даже принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи вопроса о томъ, „сколько подыметъ пиджакъ". Въ заключеніе я отдалъ въ общее пользованіе свою жилетку, и очень радовался, когда лысый старикъ съ видомъ знатока объявилъ, что она „подыметъ двугривенный"... Такъ провелъ я первый день моей свободы... а ровно черезъ годъ я уже снова сидѣлъ въ пересыльной московской тюрьмѣ и ждалъ, когда меня „погонятъ" въ Сибирь...

— И долго вы прожили въ Сибири?—спросила я.

— Въ первый разъ недолго... года полтора... Я бѣжалъ.

— Разскажите пожалуйста... это, должно быть, очень интересно.

— Рѣшительно, ничего интереснаго... — пробормоталъ онъ отрывисто и оглянулся назадъ.—Если хотите, уже гораздо интереснѣе, какъ я снова вернулся.

— Вы сами вернулись или...

— Самъ... я былъ за границей... ну, и оказалось, что я не гожусь для Европы, а Европа не годится для меня. Т.-е., лучше сказать, я нашелъ, что вездѣ одинаково скверно и что отъ себя никуда не уйдешь.

Онъ началъ говорить неохотно, сквозь зубы, и все оглядывался. Мѣсяцъ поднялся еще выше и степь казалась еще глубже и пустыннѣе. Мы были точно заключены въ какомъ-то заколдованномъ кругу между небомъ и землею, гдѣ не было ни входа, ни выхода, и наше одиночество среди этой свѣтлой пустыни чувствовалось болѣзненнѣе и острѣе. Мой странный спутникъ видимо переживалъ какія-то жуткія ощущенія, и я рѣшила снова вовлечь его въ разговоръ.

— Все-таки, интересно, почему вамъ было плохо въ Европѣ, —начала я.—Тамъ личность свободнѣе, и потому, мнѣ думается, людямъ живется легче...

— Личность? — перебилъ меня онъ и рѣзко разсмѣялся.— Да какая же я, къ чорту, „личность", помилуйте?! Личность живетъ сама собою и для себя, а я всю свою жизнь только и старался отдѣлиться отъ самого себя и „раствориться въ человѣчествѣ". Ха, слышите, словцо-то какое? Но вышло недоразумѣ-

ніе: самъ себѣ я былъ ненуженъ, а человѣчеству ни на что не понадобился,—оно отлично существуетъ и безъ меня... вотъ я и витаю въ пространствѣ, „взыскуя града невѣдомаго"... Личность, какъ вы называете, она вездѣ найдется, вездѣ съумѣетъ себя устроить,—даже на Чукотскомъ-Носу. Сейчасъ отгородитъ себѣ кусочекъ земли въ нѣсколько квадратныхъ аршинъ, продѣлаетъ въ стѣнкахъ окошечки для „свѣту Божьяю", не забудетъ, конечно, и ставни придѣлать на всякій случай, чтобы „свѣтъ-то Божій" уже не очень безпокоилъ,—ну, занавѣсочки тамъ повѣситъ, цвѣточки на подоконникъ поставитъ,—и пошла жизнь какъ по маслу! Ну, а я такъ не могу... мнѣ подавай или весь шаръ земной, или... ничего не надо...

— Да, если такъ, то мнѣ понятно, почему въ Европѣ вамъ показалось тѣсно,—замѣтила я.

Онъ взглянулъ на меня блестящими глазами и опять оживился.

— Тѣсно? Да, пожалуй... именно тѣсно! Тѣ же каменные дома, тѣ же ставни на окнахъ, тѣ же перегородочки, — здѣсь мое, тамъ твое, я къ тебѣ не лѣзу, и ты ко мнѣ не суйся... И тамъ это даже еще опредѣленнѣе, еще свирѣпѣе, чѣмъ у насъ или на Чукотскомъ-Носу. А когда я въ первый разъ очутился на парижскихъ мостовыхъ, — Боже ты мой, что̀ я переживалъ, что̀ я перечувствовалъ! Я готовъ былъ упасть на колѣни и цѣловать каждый камень, можетъ быть, нѣкогда обрызганный кровью героевъ, отдавшихъ жизнь свою „за други"... Я съ умиленіемъ останавливался передъ каждымъ домомъ, на стѣнахъ котораго громадными буквами были написаны слова: „liberté, égalité, fraternité",—я весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, отъ восторга, глядя на парижскихъ гаменовъ въ полосатыхъ штанишкахъ, черныхъ фартучкахъ и шерстяныхъ беретахъ. Ахъ, эти гамены, —визгливые, юркіе, пускающіе вамъ прямо подъ ноги свои волчки и обручи, — они были вездѣ и всюду, они кишѣли на улицахъ, въ садахъ, на рѣкѣ, они заглушали своими криками уличный шумъ, и въ ихъ задорныхъ крикахъ мнѣ чудились побѣдные голоса великаго будущаго, когда всѣ народы сольются въ общемъ чувствѣ братской любви... Помню, одинъ изъ нихъ, пораженный, должно быть, моей странной, не-„европейской" фигурой, захохоталъ мнѣ въ лицо и пронзительно крикнулъ вслѣдъ какое-то словцо, — можетъ быть, бранное... Но я не обидѣлся; я самъ засмѣялся радостнымъ, счастливымъ смѣхомъ и готовъ былъ расцѣловать маленькаго сорванца въ беретикѣ,—вѣдь онъ былъ сынъ этого великаго народа, родной братъ Гавроша, и самъ,

можетъ быть, завтра же отдастъ свою жизнь и свою кровь за свободу, равенство и братство... А черезъ нѣсколько времени послѣ того я шелъ вечеромъ по Place de la République и чуть не въ сотый разъ остановился передъ величественной статуей женщины въ фригійской шапкѣ, возносящей надъ Парижемъ оливковую вѣтвь мира. Она была такъ прекрасна, и вся ея фигура была проникнута такой мощью, такимъ благодушнымъ величіемъ, что я никогда не могъ равнодушно пройти мимо нея, не полюбовавшись на нее и не перечитавъ великихъ словъ, начертанныхъ на пьедесталѣ. Остановился и тогда... Сентябрьскій вечеръ давно угасъ; наступала холодная, сырая ночь. По небу ползли черныя тучи, готовыя разразиться дождемъ, и парижане, которые не любятъ и боятся дождя, спѣшили укрыться подъ кровлю. Торопливо мчались фіакры и омнибусы, всюду мелькали бѣгущіе огоньки, щелкали бичи, отрывисто звучали рожки кондукторовъ, и этотъ непрерывный шумъ и грохотъ, это испуганное мельканіе огней еще болѣе увеличивали холодъ и темноту приближающейся дождливой ночи. Прохожихъ на площади было мало, да и тѣ торопились скорѣе уйти туда, гдѣ было свѣтло и тепло. Но на каменныхъ ступеняхъ у подножія статуи республики сидѣло нѣсколько человѣкъ, которые никуда не торопились и которымъ, должно быть, некуда было идти. Нѣкоторые изъ нихъ, скорчившись и засунувъ руки въ рукава, дремали; другіе покуривали дешевый „капораль" и перекидывались между собою короткими фразами; одинъ пріютился поближе къ фонарю и при свѣтѣ его читалъ обрывокъ какой-то газеты. Я обошелъ статую кругомъ нѣсколько разъ,—люди все сидѣли, а между тѣмъ уже началъ накрапывать дождь. Я подошелъ къ нимъ поближе,—одинъ изъ нихъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на меня. Это былъ старикъ, страшно худой, съ землистымъ лицомъ и большими, сверкающими глазами. И я узналъ этотъ сухой, горячій блескъ... я видѣлъ его не разъ въ Сибири у русскихъ переселенцевъ; я видѣлъ его у того „моншера", съ которымъ мы когда-то блуждали ночью по улицамъ Петербурга... это былъ блескъ голода и отчаянія, которому нѣтъ предѣловъ. Сердце мое больно сжалось... я присѣлъ рядомъ съ старикомъ,—онъ даже не пошевелился и продолжалъ сидѣть въ той же покорной и безучастной позѣ терпѣливой нищеты. „Monsieur,—сказалъ я тихо,—можетъ быть, вы нуждаетесь въ деньгахъ? Я могу съ вами подѣлиться".

Онъ устремилъ на меня свои сверкающіе, неподвижные глаза и, ни слова не говоря, протянулъ руку. Я торопливо досталъ кошелекъ и сталъ отсчитывать деньги; руки у меня, самъ не знаю

отчего, страшно дрожали, и нѣсколько монетъ со звономъ упали на мостовую. Этотъ звонъ привлекъ вниманіе другихъ; они поднялись съ своихъ мѣстъ и стали помогать собирать разсыпанныя деньги. „Давно мы не слыхали, какъ звенитъ серебро!“ — проворчалъ одинъ изъ нихъ съ угрюмымъ смѣхомъ. А старикъ все сидѣлъ съ протянутой рукой и ждалъ. Наконецъ, монеты были собраны, и я положилъ ихъ въ холодную, какъ ледъ, костлявую руку съ толстыми, узловатыми пальцами, — должно быть, много поработавшую на своемъ вѣку руку! Всѣ со вниманіемъ слѣдили за этой операціей, и у всѣхъ глаза свѣтились жаднымъ, голоднымъ блескомъ. „Плохія времена, monsieur! — сказалъ одинъ хриплымъ голосомъ.—Работы совсѣмъ нѣтъ, и наши акціи стоятъ очень низко на биржѣ труда. Каждый день на мостовую выбрасываются сотни здоровыхъ рукъ, которыя хотятъ работать, и сотни здоровыхъ желудковъ, которые хотятъ ѣсть, но имъ не даютъ ни того, ни другого. Чѣмъ же это кончится, monsieur“? Тогда другой, похожій на гнома, въ касеткѣ велосипедиста на огромной, уродливой головѣ, громко захохоталъ, и отъ этого смѣха въ груди у него что-то заскрипѣло и заскрежетало, точно разсохшееся колесо въ испорченной машинѣ. „О! — воскликнулъ онъ, растягивая свой огромный ротъ въ ужасную улыбку и обнаруживъ множество острыхъ и крупныхъ зубовъ. — О, гражданинъ, это всегда одинаково кончается; когда въ Парижѣ много свободныхъ рукъ, на улицахъ строятся баррикады“... „C'est ça, c'est ça!“ — одобрительно закричали всѣ эти мокрые, голодные люди, корчась отъ холода въ своихъ дырявыхъ блузахъ. Даже мой старичокъ вдругъ судорожно заёрзалъ на мѣстѣ, потеръ колѣнки обѣими ладонями и какимъ-то жалкимъ, точно застывшимъ голосомъ пролепеталъ: „О, да... это правда... когда люди черезчуръ жирѣютъ, имъ необходимо немножко пустить кровь“... Мнѣ стало холодно отъ этихъ словъ; я поднялся, чтобы уйти, и, по привычкѣ, еще разъ взглянулъ на прекрасную бронзовую женщину, все такъ же величаво вздымавшую надъ мокрымъ Парижемъ свою оливковую вѣтвь. Оборванцы переглянулись и засмѣялись, а гномъ въ касеткѣ, точно угадывая мою мысль, сказалъ съ своей дьявольской улыбкой: „О, да, monsieur, она очень красива... но это нисколько не улучшаетъ нашего положенія, — у насъ все-таки нѣтъ хлѣба“... Я поспѣшилъ съ ними проститься и пошелъ впередъ; скоро колоссальная статуя „Республики“ и жалкая кучка маленькихъ людей, пресмыкавшихся у ея ногъ, исчезли въ мокромъ туманѣ. Дождь разошелся и назойливо шлепалъ по асфальтовымъ тротуарамъ, гудѣлъ на аспидныхъ крышахъ домовъ, жа-

лобно всхлипывалъ и что-то лепеталъ въ изсохшихъ листьяхъ каштановъ. Казалось, небо плакало надъ Парижемъ, и всѣ звуки жизни слились съ этими безнадежными рыданіями въ одинъ тягучій и тоскливый стонъ. Парижъ задыхался въ объятіяхъ угрюмой, осенней ночи, а я шелъ, и мнѣ вспоминалась та свѣтлая и холодная ночь, когда я восторженнымъ мальчикомъ вышелъ въ міръ, неся ему всю свою душу, и встрѣтилъ на первыхъ шагахъ съ одной стороны—сытое равнодушіе, съ другой—голодную злобу. Но тогда надо мною сіяла зеленая, весенняя заря, въ которой было что-то зовущее, ободряющее, а теперь я брелъ въ потьмахъ, и небо плакало, обливая холодными, злыми слезами огромную, бездушную статую, — символъ мира и свободы. И я думалъ: сколько крови должны еще пролить маленькіе и большіе Гавроши для того, чтобы три великія слова, начертанныя на пьедесталѣ этой статуи, засіяли въ сердцахъ всѣхъ людей!..

Это было мое первое знакомство съ изнанкой Парижа, и потомъ я уже самъ съ болѣзненнымъ любопытствомъ искалъ въ немъ того, что̀ обыкновенно тщательно скрываютъ отъ постороннихъ глазъ. Я по цѣлымъ днямъ бродилъ по парижскимъ улицамъ, заглядывалъ въ рабочіе фобурги, въ дешевыя charcuteries и cabarets, заводилъ случайныя знакомства съ разными людьми, съ которыми потомъ не встрѣчался никогда. Я любилъ переходить отъ роскошныхъ бульваровъ, съ ихъ феерическими огнями, сверкающими эталажами, шумными ресторанами и веселою толпой, въ узкіе, кривые переулки, какъ бы нарочно созданные для баррикадъ, гдѣ за высокими каменными стѣнами, похожими на стѣны тюрьмы, угрюмо ворчатъ и пыхтятъ машины, гдѣ высокія трубы плюютъ въ лицо небу огнемъ и дымомъ, гдѣ воняетъ прокислыми кожами и курнымъ углемъ, гдѣ работаетъ, задыхается и отравляетъ себя абсентомъ свободный французскій народъ. Я любилъ слѣдить, какъ постепенно замираетъ яркая, показная жизнь буржуазнаго, веселаго и богатаго Парижа, и какъ начинается другая, темная, когда на мостовыя выползаетъ изъ своихъ гнойныхъ логовищъ все грязное, вонючее, больное и, дрожа отъ холода, изрыгая проклятія всему міру и матери, которая ихъ родила, толпится около отвратительныхъ кабаковъ, чтобы выпить свой „бокъ“. Я много могъ бы вамъ разсказать интереснаго изъ своихъ встрѣчъ, но это будетъ черезчуръ длинно... да, пожалуй, и не ново. Помню, разъ въ одномъ ресторанѣ на бульварѣ Монмартръ, куда я зашелъ поѣсть, меня приняли за анархиста, и испуганный гарсонъ съ помертвѣвшимъ лицомъ и съ вызывающей вѣжливостью попросилъ меня

„положить шляпу въ другомъ мѣстѣ“, т.-е., по просту говоря, выйти вонъ. А когда я шелъ къ выходу, передо мною почтительно разступались господа въ блестящихъ цилиндрахъ, точно я былъ коронованное лицо, и въ ихъ взглядахъ, которыми они меня провожали, свѣтился ужасъ смерти... Видали ли вы что-нибудь болѣе отвратительное, когда человѣкъ боится человѣка?.. Помню еще, когда однажды при мнѣ одна старуха-тряпичница изъ-за пустой сардиночной коробки, найденной въ кучѣ мусора, проломила крюкомъ голову другой старухѣ, своей товаркѣ, и какъ та, умирая, прижимала къ груди эту коробку и костенѣющимъ языкомъ твердила: „это мое“!.. Ахъ, много я тамъ видѣлъ такого, чего не видятъ тѣ, которые пріѣзжаютъ въ Парижъ любоваться на Венеру Милосскую и благоговѣйно падать ницъ передъ каменной поэмой Notre-Dame!.. А кстати: Венеру Милосскую я такъ и не видѣлъ, хотя и читалъ, какъ она „выпрямила“ у Глѣба Успенскаго изломанную душу какого-то россійскаго интеллигента. Да и выпрямила ли, полно? Помните, у Сюлли-Прюдома есть стихотвореніе: „Les Vénus“:

Les femmes de pierre ont des Louvres,
Les vivantes meurent de faim...

Ужъ если французскій жизнерадостный интеллигентъ завопилъ отъ отчаянія, выходя изъ очарованнаго дворца Венеры на улицу, гдѣ каждый день умираютъ съ голоду живые люди, то нашему русскому только и оставалось разбить себѣ голову у ногъ мраморной богини...

— Но почему же такъ?—спросила я.

— Да потому, что эта красота только подчеркиваетъ безобразіе жизни... Говорятъ, что она возвышаетъ душу, возбуждаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ идеалу... Не понимаю этого! Скажите, какое мнѣ дѣло до этой отвлеченной красоты, созданной воображеніемъ какого-нибудь геніальнаго мечтателя, если я не вижу воплощенія ея въ жизни и на каждомъ шагу натыкаюсь только на уродство? И будетъ ли кто-нибудь счастливѣе оттого, что тамъ, гдѣ-то наверху, сіяетъ нетлѣнной красотой лучезарный призракъ? Вѣдь внизу такъ темно и печально... и, кажется, еще темнѣе оттого, что передъ вами на минуту блеснулъ яркій свѣтъ. Отчего же свѣтло не вездѣ? Отчего нѣтъ красоты во всемъ, чтò создано руками Божьими? Горько это... и обидно до злости, до страданія. Вы, можетъ быть, думаете, что я изувѣръ и ненавистникъ всего прекраснаго?... О, еслибы вы знали, какъ я люблю красоту и преклоняюсь передъ ней!.. Я всю жизнь свою

искалъ красоты... и нигдѣ ея не нашелъ. Вотъ отчего я такъ несчастенъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и глубоко задумался, совершенно забывъ обо мнѣ.

— Послушайте,—напомнила я ему.—Вы хотѣли разсказать о своемъ возвращеніи въ Россію.

— Что̀? Ахъ, да... Какъ я вернулся... Это было очень просто. Я затосковалъ. Это было не то что тоска по родинѣ,—нѣтъ: мнѣ захотѣлось опять четырехъ стѣнъ, тишины, безмолвія,—и чтобы я былъ совсѣмъ одинъ... Я почти возненавидѣлъ Парижъ, который постоянно тащилъ меня на улицу, въ толпу, ревѣлъ у меня подъ окнами, будилъ по ночамъ и каждый день съ Мефистофелевскимъ хохотомъ бросалъ мнѣ въ лицо тысячу неразрѣшимыхъ загадокъ. Я былъ оглушенъ, разбитъ, измученъ этимъ проклятымъ городомъ—такимъ прекраснымъ и въ то же время такимъ отвратительнымъ,—какъ апокалипсическая блудница. Я чувствовалъ себя въ немъ ужасно маленькимъ, ничтожнымъ, гадкимъ червемъ и болѣзненно-страстно мечталъ—знаете, о чемъ? О русской степи... спокойной, молчаливой степи, которая не мучитъ, а ласкаетъ, и гдѣ чувствуешь себя не отверженнымъ пасынкомъ человѣчества, а любимымъ сыномъ земли. Впрочемъ, можетъ быть, это и называется „тоской по родинѣ“... Но мысль о степи не давала мнѣ покоя. Возвращаясь по Гласьеркѣ въ свою вонючую дыру на Boulevard d'Italie, я думалъ о ней; стоя на Аустерлицкомъ мосту и глядя на мутно-красное зарево заката, среди котораго, точно два грозные перста, вздымались къ небу готическія стрѣлы Notre-Dame,—я опять думалъ о ней, и мнѣ чудились шорохи травъ, могучіе вздохи вѣтра и запахъ земли,—горячей и нѣжной, какъ грудь матери. По ночамъ мнѣ снились странные сны... я видѣлъ громадныя поля, покрытыя высокой рожью, но въ ней не васильки цвѣли, а бѣлѣли ребячьи головы... тысячи, тысячи маленькихъ бѣлыхъ головокъ, и всѣ онѣ кивали мнѣ, смѣялись и звали меня къ себѣ. Я просыпался... и въ ушахъ моихъ еще звенѣли эти наивные, дѣтскіе голоса, но за окномъ уже рѣвелъ Парижъ, оглушительно грохотали фургоны, запряженные огромными першеронами, слышалась сухая дробь барабановъ и отрывистый топотъ марширующихъ солдатъ, уныло завывали торговцы и торговки: „des haricots, des haricots... cinq sous kilo“!.. и въ этихъ чуждыхъ звукахъ чужого города безслѣдно терялись призывы далекой родины.

Изрѣдка я заходилъ къ товарищамъ и разсказывалъ свои сны,—они смѣялись надо мною и называли меня сумасшедшимъ. Но я

видѣлъ, какъ разгорались ихъ глаза, когда я говорилъ о степи и о маленькихъ бѣлыхъ головкахъ во ржи; я подслушивалъ ихъ подавленные вздохи и думалъ: „Нѣтъ, братцы, я не сумасшедшій, а я говорю только вслухъ о томъ, что̀ вы тщательно прячете отъ самихъ себя. Не снятся ли и вамъ также бѣлыя головки"?.. Былъ между ними одинъ молодой человѣкъ,—еврей, южанинъ; онъ всегда жадно слушалъ мои разсказы, и вотъ однажды, когда я особенно разошелся,—онъ вдругъ какъ вскрикнетъ: „а тучки?.. а ковыль? а курганы"?.. и съ рыданіями выбѣжалъ изъ комнаты. Послѣ, я слышалъ, онъ тоже вернулся въ Россію и умеръ отъ чахотки въ какой-то провинціальной тюрьмѣ. „Любовь сильнѣе смерти"... Помните, у Тургенева?

Одинъ случай совсѣмъ меня доканалъ. Это произошло въ томъ отельчикѣ, гдѣ я жилъ. Отель былъ очень грязный, очень скверный, биткомъ набитъ разнымъ рабочимъ людомъ и сверху до низу пропитанъ особымъ запахомъ, о которомъ одинъ мой пріятель вульгарно выражался: „человѣчиной пахнетъ". Я жилъ въ самомъ темномъ закоулкѣ узенькаго коридорчика, между двумя номерами. Въ одномъ изъ нихъ ютился молодой рабочій, Марсель, съ своей сожительницей Терезой, и сквозь тоненькую стѣну, отдѣлявшую меня отъ нихъ, я слышалъ, какъ они то цѣловались, то дрались. Ссоры бывали очень бурны и часто кончались тѣмъ, что Тереза выбрасывала въ коридоръ все имущество своего друга. Пройдти въ это время по коридору было небезопасно, потому что вамъ въ лицо летѣли туфли Марселя, жилетки Марселя, праздничный цилиндръ Марселя и даже фиксатуаръ для усовъ,—прекрасныхъ черныхъ усовъ Марселя. Самъ Марсель относился къ своему изгнанію стоически и, располагаясь на ночлегъ въ коридорѣ, съ добродушнымъ юморомъ говорилъ проходящимъ: „Мы подождемъ,—вѣдь послѣ грозы всегда бываетъ прекрасная погода"!.. И дѣйствительно, его барометръ указывалъ вѣрно: на другой же день онъ снова водворялся со всѣми своими жилетками и подтяжками у Терезы, и снова начинались пламенные поцѣлуи.—Съ другой стороны у меня жила молоденькая дѣвушка, съ блѣднымъ лицомъ и большими дѣтскими глазами. Я изрѣдка встрѣчался съ ней на лѣстницѣ, и она всегда при этомъ пугливо жалась къ стѣнѣ, давая мнѣ дорогу. Ее почти совсѣмъ не было слышно, и только иногда по утрамъ изъ ея комнаты до меня доносился легкій шорохъ, точно тамъ возилась мышка. Ее такъ и называли въ коридорѣ: „la souriceau"... И вотъ однажды, подходя къ отелю, я увидѣлъ у входа громадную толпу народа, запрудившую весь тротуаръ. Тутъ

были рабочіе и работницы со всего квартала въ своихъ синихъ блузахъ и черныхъ затрапезныхъ платьяхъ; прачки въ полосатыхъ фартукахъ и чепцахъ à la Шарлотта Кордэ; лавочницы, торговки, гамены, случайные прохожіе и полицейскій сержантъ, немножко смущенный, но не утратившій чувства собственнаго достоинства. И всѣ эти люди кричали, жестикулировали, какъ это могутъ дѣлать только настоящіе парижане, и, поднявъ головы вверхъ, смотрѣли на окна нашего отеля. Хозяйка, вся въ слезахъ, стояла на порогѣ, и по тому, что она забыла даже вынуть папильотки изъ волосъ, видно было, что она сильно разстроена. „Что̀ случилось?“ — спросилъ я, но мнѣ никто не отвѣтилъ. Поднимаясь по лѣстницѣ, я встрѣтилъ Марселя, который сломя голову летѣлъ внизъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, и прекрасные усы его торчали во всѣ стороны, какъ у перепуганнаго кота. Я его остановилъ. „Скажите, что̀ здѣсь такое?“— „О!—воскликнулъ онъ, задыхаясь:—La souriceau... этотъ бѣдный ребенокъ, который никому не сдѣлалъ зла... Эта маленькая дѣвушка... она повѣсилась сегодня утромъ“...—„Моя сосѣдка?“ — спросилъ я.—„Да, да... и никто не знаетъ, почему!.. Она все молчала—pauvre petite souriceau... и сегодня весь день не выходила изъ своей комнаты. А вотъ нѣсколько минутъ тому назадъ моей Терезѣ понадобились нитки,—она пошла къ ней, но дверь не отворяется. Тереза позвала хозяйку; онѣ сломали замокъ, и представьте себѣ,—дѣвочка виситъ на дверномъ крюкѣ, и уже давно-давно похолодѣла... Съ Терезой сдѣлалось дурно... я бѣгу въ аптеку“... Онъ помчался внизъ, а я пришелъ къ себѣ и, не зажигая огня, легъ на кровать лицомъ къ стѣнѣ,— къ той самой стѣнѣ, за которою одиноко тосковала бѣдная souriceau и такъ же одиноко покончила свою жизнь. „И никто не знаетъ, почему“... сказалъ Марсель. Никто во всемъ домѣ и во всемъ этомъ огромномъ Парижѣ, который на каждомъ шагу кричитъ вамъ въ лицо: „братство, равенство, свобода“... А на улицѣ глухо гудѣла толпа, и мнѣ хотѣлось встать, подойти къ окну и крикнуть на весь Парижъ: „Каинъ, а гдѣ же братъ твой Авель“?.. Черезъ нѣсколько дней souriceau хоронили. Тереза стащила въ Mont de Piéte всѣ свои убогія драгоцѣнности и устроила похороны „comme tout le monde“. Погребальныя дроги были украшены грязными страусовыми перьями, и двѣ молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ кисейныхъ покрывалахъ, держа въ рукахъ длинныя бѣлыя ленты, привязанныя къ дрогамъ, шли за гробомъ, на которомъ лежалъ дешевенькій бисерный вѣнокъ. Опять всю улицу загромождала громадная толпа народа и молча раз-

ступалась передъ дѣвушками въ бѣлыхъ покрывалахъ, свѣженькими и хорошенькими, какъ и та, которая лежала теперь въ гробу.—Все это было, пожалуй, красиво и трогательно,—прибавилъ мой спутникъ съ злымъ смѣхомъ,—но какое до этого дѣло было маленькой souriceau? И за одну ея улыбку не стоило ли отдать всю эту красивую ложь, которою люди прикрываютъ свое бездушіе и эгоизмъ? Бѣдная дѣвочка... она никогда не улыбалась, и „никто не знаетъ, почему"... Да и не узнаетъ никогда. Ее увезли на кладбище; толпа мало-по-малу разошлась. Только два полицейскихъ сержанта долго еще разгуливали по тротуару, угощая другъ друга сигаретами, да торговцы надорванными голосами выкрикивали свое: „Des haricots, des haricots, cinq sous kilo"!.. А черезъ недѣлю я былъ уже далеко отъ Парижа, и поѣздъ мчалъ меня по грустнымъ сѣрымъ равнинамъ, надъ которыми грустно улыбалось блѣдное солнце. И въ эту минуту я былъ почти счастливъ... потому что здѣсь не было нарядной лжи, разубранной въ яркія лохмотья, здѣсь прямо мнѣ въ глаза смотрѣла жестокая, безобразная правда и говорила мнѣ: „иди"!..

— И вы пошли?

— Да... Съ тѣхъ поръ прошло уже не мало времени, и я снова успѣлъ побывать тамъ, гдѣ поетъ свою мрачную пѣсню вѣтеръ Ледовитаго океана. Теперь я вполнѣ легализированъ и въ качествѣ мирнаго гражданина посѣщаю могилы своихъ отцовъ и друзей. Кромѣ могилъ, у меня здѣсь почти ничего не осталось... потому что, пока я мыкался по свѣту въ поискахъ красоты, многіе уже умерли, и я теперь... совсѣмъ одинъ!

— Но... куда же вы ѣдете теперь?—спросила я.

— Куда?—сказалъ онъ съ загадочной усмѣшкой.—Не знаю... Вѣроятно, опять пойду искать...

Онъ замолчалъ. Впереди замелькали зеленые и красные огоньки желѣзной дороги; они выпрыгивали одинъ за другимъ изъ сверкающей глубины ночи, и холодное лунное сіяніе не могло побѣдить этихъ живыхъ огней земли. Безмолвная степь вдругъ ожила и повеселѣла; повеселѣли усталыя лошади и прибавили рыси. Кончилось жуткое одиночество пустыни: тамъ впереди ждала жизнь,—можетъ быть, мелкая, суетная, несовершенная, но все-таки жизнь. „А жить такъ хочется"!..

Когда мы подъѣхали къ станціи, поѣздъ уже пришелъ, и въ звучной тишинѣ ночи слышалось тяжелое пыхтѣнье паровоза. Я заторопилась, боясь опоздать, и въ хлопотахъ совершенно забыла о своемъ спутникѣ. Пока я брала билетъ и разыскивала

мѣсто въ вагонѣ, онъ затерялся въ толпѣ, и тогда только я вспомнила, что даже не успѣла съ нимъ проститься. Я побѣжала на станцію, прошла по платформѣ, заглядывая въ окна вагоновъ,—его уже не было нигдѣ. Куда онъ исчезъ?.. И, сидя въ вагонѣ среди богомоловъ и шибаевъ, толковавшихъ о цѣнахъ на гусиный пухъ и свиную щетину, я думала: „да не сонъ ли все это было—и эта прозрачная, голубая ночь, и мой странный спутникъ съ своими странными разсказами“? Но нѣтъ... Несомнѣнно, это былъ не сонъ: въ моей памяти еще сохранились звуки этого глухого, вздрагивающаго голоса и эта загадочная усмѣшка на блѣдномъ, измученномъ лицѣ. Онъ былъ... можетъ быть, есть и теперь, и все еще бродитъ по свѣту въ неустанныхъ поискахъ „града невѣдомаго“. Найдетъ ли онъ его?...

В. І. Дмитріева.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ
и
СПЕКУЛЯЦІЯ

I.

Рядъ тяжелыхъ и поучительныхъ впечатлѣній пришлось пережить намъ въ послѣдніе три года отъ такъ называемаго промышленнаго кризиса, выразившагося въ крушеніяхъ и разстройствѣ дѣлъ разныхъ промышленныхъ предпріятій. Многое изъ того, что̀ еще недавно было предметомъ похвальбы и выставлялось знаменіемъ нашего быстраго экономическаго прогресса, оказалось построеннымъ на пескѣ, и процессъ подобныхъ разоблаченій повидимому еще не завершился. Но пока наше вниманіе сосредоточивается на этой сторонѣ экономической жизни, выступаютъ признаки подготовки другого, тоже серьезнаго кризиса — земельнаго.

Предъ нами проходитъ непомѣрный ростъ земельныхъ цѣнъ, идущій не только быстро, но и рѣзкими скачка̀ми, притомъ какъ разъ въ то время, когда отовсюду слышатся общія жалобы на упадокъ земельной же доходности, причемъ иные увѣряютъ даже, будто выручка отъ помѣщичьяго хозяйства не окупаетъ его расходовъ. Казалось бы, паденіе доходности и возвышеніе цѣны ея источника — явленія настолько взаимно-противоположныя, что сочетаніе ихъ совсѣмъ неестественно; но наша жизнь, особенно въ послѣдніе годы, представляетъ такъ много страннаго и даже поразительнаго, что означенное явленіе, теряясь въ ряду про-

чихъ подобныхъ, не останавливаетъ на себѣ даже соотвѣтствующаго его серьезности вниманія. Между тѣмъ, необходимо заботливо разбираться въ подобныхъ загадкахъ не только въ интересахъ правильной оцѣнки современныхъ экономическихъ фактовъ, но и съ чисто практическими цѣлями. Надо во-время отличать естественныя явленія отъ искусственныхъ, не смѣшивая дѣлъ основательнаго разсчета съ увлеченіями и фокусами спекуляціи. Конечно, иныя явленія могутъ быть съ виду загадочными, но имѣть достаточное внутреннее основаніе, и въ такомъ случаѣ они нуждаются въ тщательномъ изслѣдованіи для выясненія ихъ незамѣчаемыхъ причинъ. Но они также могутъ быть плодомъ безразсчетнаго увлеченія или вредной спекуляціи—и тогда нужно выставлять ихъ дѣйствительную сущность какъ можно своевременнѣе, чтобы вызвать въ отношеніи къ нимъ всю возможную осторожность дѣйствій и сократить ихъ развитіе для предупрежденія новыхъ запоздалыхъ и дорогихъ расплатъ. Къ какому же именно разряду принадлежитъ быстрый подъемъ земельныхъ цѣнъ при паденіи доходности? Основателенъ ли онъ, искусственъ ли, или имѣетъ смѣшанный характеръ? Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься.

Самый фактъ рѣзкаго и прогрессивнаго дорожанія земель не подлежитъ сомнѣнію. О примѣрахъ болѣе и болѣе дорогой продажи ихъ приходится теперь слышать почти ежедневно. Кромѣ словесныхъ сообщеній провинціальныхъ наблюдателей, о нихъ появляется много извѣстій въ печати. То же говорятъ и отчеты банковъ, особенно крестьянскаго и дворянскаго. Нѣтъ еще, конечно, полнаго и точнаго цифрового матеріала, показывающаго размѣры и формы того, что̀ совершалось и совершается въ ближайшее къ намъ время и что̀ составляетъ удѣлъ будущей статистики; но и безъ громоздкой и точной разработки данный предметъ достаточно освѣщается хотя бы группировкою сообщеній, появлявшихся въ печати. Приведемъ нѣсколько характерныхъ образцовъ.

Изъ херсонской и таврической губерній сообщали о случаяхъ, какъ одна и та же земля (не въ рудномъ районѣ) въ теченіе одного года перепродавалась по два и по три раза, всякій разъ съ крупными надбавками въ цѣнѣ, и въ концѣ концовъ за наивысшую цѣну сбывалась крестьянамъ. По одному изъ газетныхъ извѣстій оттуда же, на торговлю землею обратились нѣкоторые капиталы, бывшіе помѣщенными въ питейномъ дѣлѣ и освободившіеся со введеніемъ винной монополіи, причемъ промышленники нашли себѣ въ земельной торговлѣ новый источникъ

барыша; но встрѣчаются также и прежніе землевладѣльцы, которые признали болѣе выгоднымъ, вмѣсто веденія хозяйства въ собственныхъ имѣніяхъ, сбывать послѣднія и на вырученныя суммы покупать чужія земли для перепродажи ихъ, причемъ конечный исходъ подобной операціи—передача земли въ крестьянскія же руки. Въ земской „Сельско-хозяйственной хроникѣ херсонской губерніи“ приводился рядъ примѣровъ покупки земли, показывавшихъ, что цѣна десятины въ александрійскомъ уѣздѣ не только по мелкимъ, но и по крупнымъ сдѣлкамъ, доходила до 150 и 180 рублей, т.-е. до небывалой въ восьмидесятыхъ годахъ высоты.—Въ степной части таврической губерніи, наиболѣе подверженной вліянію засухъ, продажныя подесятинныя цѣны превышали цѣны густо-населенной, плодородной и промышленной кіевской, а въ Бессарабіи—земли продавались дороже, чѣмъ въ подольской.—Изъ черниговской и полтавской губерній сообщали въ газеты, какъ имѣнія, купленныя всего годъ назадъ, перепродавались съ надбавкою къ прежней цѣнѣ 15 и 20 процентовъ. Въ переяславскомъ уѣздѣ (полт. губ.) одинъ земельный скупщикъ, купивъ два года назадъ имѣніе за 87 тысячъ рублей, недавно перепродалъ его крестьянамъ слишкомъ за 100 тысячъ.—Въ с. Панфилахъ, три года назадъ, одна часть имѣнія продана была по 140 рублей за десятину, а теперь другая—уже по 300 рублей. Въ прошломъ году изъ тѣхъ же мѣстностей приходили вѣсти о продажахъ по 400 и по 500 рублей за десятину. Промышленники, по словамъ корреспондентовъ, скупивъ имѣнія, оголяютъ ихъ и затѣмъ сбываютъ оголенную землю съ барышомъ, причемъ набавки продолжаются до продажи крестьянамъ, которые такимъ образомъ оплачиваютъ иногда наживу нѣсколькихъ промежуточныхъ спекулянтовъ.—Въ воронежской губерніи компанія спекулянтовъ оперируетъ надъ пришлыми крестьянами. Въ острогожскомъ уѣздѣ скуплено ею 17 тысячъ десятинъ, не дороже 60—75 руб. за десятину, и перепродано съ помощью крестьянскаго банка по цѣнѣ отъ 105 до 125 рублей; въ богучарскомъ куплено около 30 тысячъ десятинъ по 50—80 руб. и перепродано по цѣнѣ отъ 100 до 120 руб. за десятину. Одно имѣніе путемъ перепродажи принесло временному владѣльцу чистаго барыша 400 тысячъ.

Таковы сообщенія изъ южной полосы и изъ мѣстностей стараго густонаселеннаго среднерусскаго чернозема. Но не менѣе эффектны и приходящія съ востока. Въ самарскую и уфимскую губерніи идетъ колонизаціонное крестьянское движеніе изъ разныхъ мѣстностей, но спекулянты заранѣе скупаютъ мѣстныя

земли и перепродаютъ ихъ этимъ искателямъ насущнаго хлѣба съ колоссальнымъ барышомъ, отчего въ самое короткое время земельныя цѣны тамъ поднялись вдвое и выше. О подобнаго рода купеческихъ спекуляціяхъ заявлено было и въ самарскомъ земскомъ собраніи. Но особенною рельефностью отличается появившееся недавно въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ сообщеніе г. Пругавина, изображающее и подвиги скупщиковъ, и производимыя ими послѣдствія. Нѣкій З. охватилъ систематическою скупкою часть саратовской и южные уѣзды самарской губерній. Купивъ имѣніе по 25 рублей за десятину, онъ, черезъ двѣ-три недѣли, сбываетъ по 50 рублей, а одно имѣніе, пріобрѣтя по 16, сбылъ даже по 40 рублей, т.-е. получилъ 150 процентовъ барыша. Въ 1900 году имѣніе г. Веретенникова въ 2.200 десятинъ, купленное по 29 руб. десятина, черезъ двѣ недѣли перепродано по 43 рубля, т.-е. тутъ земля какъ будто разомъ вздорожала въ полтора раза. Въ бузулукскомъ уѣздѣ нѣкій Р. пріобрѣлъ, восемь лѣтъ назадъ, 7.500 десятинъ по 25 рублей, а теперь запродалъ крестьянамъ по 100 рублей. Имѣніе одного изъ самарскихъ нотаріусовъ (4.000 десятинъ), пріобрѣтенное одесскимъ скупщикомъ М. по 22 рубля, всего черезъ шесть мѣсяцевъ продано переселенцамъ по 47 рублей, т.-е. полугодовой барышъ спекулянта составилъ сто тысячъ рублей.

Можно бы, конечно, выписать изъ газетъ гораздо больше единичныхъ примѣровъ, но въ этомъ не представляется надобности, потому что, при всей разбросанности своей, подобныя вѣсти отличаются полною однородностью, совпадая съ тѣмъ, что̀ часто передается устно. Добавки фактовъ дадутъ нѣсколько новыхъ цифръ, но не увеличатъ эффекта приведенныхъ выше примѣровъ. Можетъ быть, иные примѣры допускаютъ какія-либо оговорки, особенныя поясненія, даже фактическія поправки, но все это потонетъ въ общей внушительной массѣ, говорящей одно и то же, и частныя поправки теряютъ интересъ еще потому, что никто не отрицаетъ сильнаго дорожанія земель. Напротивъ, объ этомъ вездѣ говорятъ, да и отчеты крестьянскаго банка прямо утверждаютъ, что „возростаніе покупныхъ цѣнъ на землю за послѣдніе *четыре* года замѣчается почти повсемѣстно въ Россіи“. Замѣтно только, что въ однихъ случаяхъ вліяніе спекуляціи выступаетъ слишкомъ грубо,—когда, напримѣръ, крупные куши срываются въ черезчуръ короткое время,—а въ другихъ подъемъ цѣнъ сказывается ровнѣе, въ рядѣ годовъ, хотя съ поражающею же прогрессивностью, давая просторъ болѣе сложнымъ объясненіямъ. Обратимся, однако, еще къ матеріалу, даваемому

банковыми отчетами, и извлечемъ нѣсколько новыхъ сопоставленій.

По отчету крестьянскаго банка за 1897 годъ, средняя покупная цѣна десятины была 71 рубль, тогда какъ ни въ одномъ изъ предыдущихъ годовъ она не поднималась выше 52 рублей. Въ 1899 году она поднялась еще на рубль, а въ 1900 году дошла до 76 рублей. Впрочемъ, такое общее сравненіе можетъ еще вызывать замѣчанія въ томъ смыслѣ, что въ одномъ году бо́льшій процентъ земель могъ быть покупаемъ въ лучшихъ, а въ другомъ—въ худшихъ мѣстностяхъ. Поэтому, не ограничиваясь валовыми выводами, сдѣлаемъ еще нѣсколько сравненій по отдѣльнымъ губерніямъ, отличающимся меньшимъ внутреннимъ разнообразіемъ достоинства земли, и притомъ за болѣе продолжительное время. Именно, сравнимъ подесятинныя продажныя цѣны по сдѣлкамъ, совершеннымъ въ началѣ дѣятельности крестьянскаго банка и—въ началѣ и концѣ послѣдняго его отчетнаго семилѣтія, присовокупивъ къ нимъ еще подесятинныя цѣны, по какимъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ губерній купилъ имѣнія самъ банкъ.

Губерніи.	Среднія покупныя цѣны на десятину.				
	А. По сдѣлкамъ крестьянъ съ продавцами.				Б. По покупкамъ самого банка.
	1884 г.	1894 г.	1899 г.	1900 г.	1899 г. [1]).
	руб.	руб.	руб.	руб.	руб.
Курская.	106	119	123	135	—
Полтавская	91	86	135	159	141
Саратовская	33 (отъ 25 до 60 р.)	65	78	81	86
Смоленская	28	34	65	68	—
Могилевская	17	34	51	63	54
Подольская	95	127	131	158	113
Херсонская	65	98	126	134	—
Таврическая	49	—	136	123	—

Отсюда видно, какъ быстро и сильно повышались продажныя цѣны. Только по курской губерніи подъемъ этотъ былъ не болѣе 25% за шестнадцать лѣтъ, хотя губернія эта—одна изъ лучшихъ, а по остальнымъ онъ вездѣ больше, чѣмъ въ полтора раза. Особенное же вниманіе обращаютъ на себя болѣе ровныя по качеству земли губерніи: смоленская, могилевская и херсонская, гдѣ различіе этого качества меньше другихъ могло отра-

---

[1]) Полнаго отчета за 1900 годъ у насъ еще нѣтъ, и относительно этого года мы довольствуемся извлеченіемъ, приведеннымъ въ „Вѣстн. Финансовъ“.

зиться на цѣнахъ и, слѣдовательно, явственнѣе выразилось само вздорожаніе. Тутъ цѣны выросли вдвое, въ $2^1/_3$ и $3^2/_3$ раза. Собственныя же покупки банка, за исключеніемъ подольской губерніи, оказались еще дороже современныхъ покупокъ по сдѣлкамъ крестьянъ съ продавцами.

Въ отчетахъ дворянскаго банка всего краснорѣчивѣе по данному вопросу свѣдѣнія о перезалогахъ имѣній, бывшихъ уже заложенными прежде, съ выдачею добавочныхъ ссудъ. Эти перезалоги и выдачи практикуются очень широко изъ года въ годъ. Такъ, въ 1898 году подъ вновь принятыя въ залогъ имѣнія было выдано $67^1/_2$ милліоновъ и добавочныхъ по перезалогамъ 53 милліона, въ 1899 г.—подъ новые залоги 37 милліоновъ и добавочныхъ $34^1/_2$ милліона, а въ 1900 г.—подъ новые залоги $35^1/_2$ милліоновъ и добавочныхъ по перезалогамъ $40^1/_2$ милліоновъ. Въ предшествовавшіе же четыре года, добавочныя ссуды даже постоянно превышали своимъ размѣромъ первоначальныя, такъ что вообще въ послѣдніе годы дѣятельность дворянскаго банка столько же выражалась въ пріемѣ новыхъ залоговъ, сколько въ увеличеніи долга прежнихъ заемщиковъ, путемъ возвышенія оцѣнки ихъ имѣній. Въ какой мѣрѣ чувствительны эти возвышенія—показываетъ то, что въ 1899 году 503 имѣнія, первоначально оцѣненныя въ 33.381.000 рублей, переоцѣнены были въ 49.816.000 р., а въ 1900 году 605 имѣній, оцѣненныхъ при выдачѣ первыхъ ссудъ въ 39.917.000 руб., переоцѣнены въ 59.463.000 р. Т.-е., въ оба года имѣнія признавались вздорожавшими въ полтора раза. Правда, причинъ такого возвышенія въ отчетахъ названо нѣсколько: увеличеніе состава заложенныхъ имѣній, включеніе въ оцѣнку лѣса и построекъ, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, увеличеніе доходности имѣній и улучшеніе ихъ. Но такъ какъ первая причина (увеличеніе состава) оказывается совершенно ничтожною (въ 1899 году на 718.403 десятины въ заложенныхъ имѣніяхъ прибавилось только 13.479, или менѣе 2%, а въ 1900 г. на 729.168 десятинъ—18.669, или $2^1/_2$%), то, очевидно, главнѣйшую причину добавочныхъ ссудъ составляетъ признаніе земель сильно вздорожавшими.

Приведеннаго сырого матеріала для нашей цѣли достаточно, такъ какъ задачу нашу составляетъ не подробная разработка большой цифровой массы, а обозначеніе общаго явленія, достигаемое при помощи группировки болѣе характерныхъ образцовъ. Послѣдніе ясно показываютъ и фактъ дорожанія земель, и крупные размѣры его, и формы. Ростъ цѣнъ очевидно теперь въ самомъ разгарѣ, и пертурбаціи, испытываемыя подесятинною цѣ-

ною, много напоминаютъ скачки, недавно совершавшіеся биржевыми цѣнами акцій тѣхъ промышленныхъ предпріятій, для которыхъ, послѣ широкой масляницы, вдругъ наступилъ великій постъ, т.-е. время сухояденія и исповѣданія грѣховъ.

II.

Въ чемъ же причина такой горячей скачки земельныхъ цѣнъ? Въ отношеніи къ подобному вопросу нельзя отдѣлываться общими фразами, поверхностными сужденіями, тенденціозными или уклончивыми толкованіями, а нуженъ отвѣтъ серьезный, обоснованный, аналитическій.

Подъемъ цѣнъ былъ бы вполнѣ естественъ, еслибы являлся прямымъ слѣдствіемъ постояннаго подъема земельной доходности. Сильно росли цѣны—хотя равномѣрнѣе—въ семидесятыхъ годахъ, особенно въ концѣ ихъ, но этому нечего было удивляться, потому что въ то время чувствительно поднимались хлѣбныя цѣны, при которыхъ и прежняя земельная производительность приносила прибавку денежнаго дохода, такъ какъ прежнее количество земельныхъ продуктовъ помножалось на возвысившуюся величину цѣны пуда или четверти. Ростъ доходности продолжался приблизительно до 1881 года, представлявшагося кульминаціоннымъ его моментомъ, а съ 1882 года стало чувствоваться уже обратное теченіе, и около времени рожденія дворянскаго банка слышались уже громкія жалобы на трудность положенія частнаго землевладѣнія. Около 1887 года послѣдовалъ новый скачокъ пониженія цѣнъ, уже затяжнòго, а потомъ появлялись дальнѣйшія повторенія того же явленія. Восьмидесятые годы, такимъ образомъ, были періодомъ регресса хлѣбныхъ цѣнъ, причемъ стали даже выступать эффектныя жалобы на трудность сбыта по какимъ бы то ни было цѣнамъ. Такія условія не имѣли уже ничего общаго съ бывшими въ концѣ семидесятыхъ годовъ; слѣдовательно, годившіяся для этихъ послѣднихъ годовъ объясненія потеряли свое значеніе. Между тѣмъ, что̀ ни говорить, нормальная земельная цѣна, по самой сущности своей, представляетъ капитализацію земельнаго дохода, такъ какъ покупающій имѣніе—покупаетъ доходъ отъ него. Доходъ же способенъ рости или отъ увеличенія урожайности, или отъ сокращенія хозяйственныхъ издержекъ, или отъ дорожанія произведеній земли. Когда повысился чистый доходъ—дороже становится и его источникъ;

а если понизился онъ—не видно резона дорожанію земли, или явился противоположный резонъ.

Не увеличилась ли у насъ въ девяностыхъ годахъ урожайность? На это нѣтъ утвердительныхъ указаній, кромѣ развѣ какихъ-либо отдѣльныхъ исключительныхъ примѣровъ, являющихся результатомъ усилій ограниченнаго числа лицъ, причемъ избытокъ урожая вознаграждаетъ собственно личный трудъ и умѣлость хозяевъ, а не отражается на цѣнѣ самой земли, которая въ другихъ рукахъ принесетъ совсѣмъ не то. Подобные примѣры продолжаютъ быть рѣдкими, не имѣя общаго значенія. Въ общемъ же, напротивъ, чаще стали неурожаи, а недостатокъ агрономическаго прогресса и истощеніе природныхъ силъ земли продолжаетъ служить предметомъ большихъ жалобъ.

Не уменьшились ли, въ качествѣ общаго явленія, хозяйственные расходы? И на это не слышится утвердительныхъ отвѣтовъ. Землевладѣльцы больше жалуются на обремененіе ихъ хозяйствъ, чѣмъ говорятъ о какихъ-либо облегчительныхъ условіяхъ.

Поправились ли послѣ восьмидесятыхъ годовъ цѣны произведеній земли? Тутъ отвѣтъ получается уже прямо отрицательный. Слишкомъ еще въ свѣжей памяти у насъ тѣ вопли о непомѣрной дешевизнѣ хлѣба, которые нѣсколько лѣтъ назадъ слышались отъ массы сельскихъ хозяевъ, наводняли печать, вызывали различныя хозяйскія ходатайства, волновали и дѣлили на партіи нашихъ экономистовъ, породили особую литературу, оффиціальную и неоффиціальную, были поводомъ къ учрежденію высшихъ коммиссій, издававшихъ свои труды, подвергались сенсаціоннымъ дебатамъ въ ученыхъ обществахъ, словомъ—занимали собою правительственное и общественное вниманіе, какъ дѣло первостепеннаго экономическаго значенія для страны. Если мнѣнія въ ту пору дѣлились, то лишь въ отношеніи къ вопросу—выгодно или невыгодно паденіе хлѣбныхъ цѣнъ для благосостоянія большинства населенія, или для кого именно выгодно и невыгодно, но никакъ не въ отношеніи къ самому факту этого паденія. Что цѣны всколебали положеніе хозяевъ—въ этомъ всѣ были согласны, и вотъ тогда-то пошли въ ходъ натянутыя утвержденія, будто дѣло дошло до того, что во множествѣ случаевъ упавшій валовой доходъ отъ земельнаго хозяйства пересталъ покрывать расходы, отчего хозяйство сдѣлалось чисто убыточнымъ и поддерживается лишь по традиціи. Словомъ, при всей очисткѣ хозяйскихъ показаній отъ преувеличеній и произвольныхъ примѣсей, можно было спорить только о томъ или другомъ размѣрѣ упадка доходности, но во всякомъ случаѣ—упадка, а не подъема. Споры

подобнаго рода потомъ затихли, но—отъ видимаго утомленія повтореніями одного и того же и отъ безрезультатности, а не отъ рѣшительной перемѣны положенія. Возможно, что теперь цѣны даже нѣсколько поправились противъ 1896 и 1897 годовъ, но далеко не такъ значительно, чтобы это напоминало какой-нибудь переломъ. Если же сравнить ихъ съ бывшими, напримѣръ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, то онѣ, конечно, окажутся не вернувшимися къ уровню послѣднихъ, а значительно низшими. Стало быть, тогда для оцѣнки земли надо было капитализировать бо̀льшую, а теперь—мѐньшую величину доходности.

Итакъ, говоря вообще,—нѣтъ основаній къ заключенію, чтобы совершающійся ростъ земельныхъ цѣнъ былъ слѣдствіемъ подъема доходности. Масса случаевъ, напротивъ, безусловно устраняетъ съ самаго начала возможность такого объясненія. Что̀ сказать, напримѣръ, о тѣхъ фактахъ, когда продажная цѣна одной и той же земли измѣняется при сдѣлкахъ въ самое короткое время, даже два-три раза въ годъ? Могла ли въ подобный періодъ такъ рѣзко перемѣниться доходность? Доходъ отъ земли опредѣляется одинъ разъ въ годъ, а не нѣсколько разъ,—слѣдовательно, при подобныхъ перепродажахъ не могли измѣниться даже основныя данныя для оцѣнки,—значитъ, вся совокупность нѣсколькихъ смѣнявшихся продавцовъ и покупщиковъ была въ состояніи учитывать одни и тѣ же урожаи и цѣны или, можетъ быть, даже одинъ послѣдній хозяйственный годъ. Рѣзкія перемѣны земельной цѣны могли бы находить объясненіе развѣ въ случайныхъ находкахъ, въ родѣ, напримѣръ, отысканія рудъ, но рудныя земли не переходятъ къ крестьянамъ, а между тѣмъ послѣ крупныхъ надбавокъ земли продавались именно этимъ послѣднимъ. Мудрено объяснять такіе факты и случайными недоглядками, и ошибками участниковъ сдѣлокъ, потому что предъ нами слишкомъ большая масса однородныхъ фактовъ. Если же означенные участники цѣнили одну и ту же землю такъ различно, то, конечно, имѣя въ виду не доходность, а нѣчто другое.

Если мѐньшій доходъ оцѣнивается дороже прежняго высшаго, то какъ будто выходитъ, что покупщики стремятся платить за уменьшеніе своей прибыли. Если же стать на точку зрѣнія утверждающихъ, будто земельное хозяйство сводится къ чистому убытку, то выводъ будетъ еще несообразнѣе: минусъ сталъ дороже плюса, и люди, не щадя средствъ, гонятся за правомъ на полученіе убытка.

Какія же объясненія приводятся для столь странныхъ, загадочныхъ положеній о томъ, что̀ можетъ поднимать цѣны помимо доход-

ности? Такихъ объясненій циркулируетъ въ публикѣ довольно, и есть не малая группа людей, силящихся оправдывать непомѣрное дорожаніе земель; но сколько ни прислушиваться къ подобнымъ толкамъ—большинство ихъ оказываются или пустыми фразами, или такими натянутыми соображеніями, которыя нисколько не удовлетворяютъ серьезной пытливости. Указываютъ, между прочимъ, что покупщикъ, пріобрѣтая землю, цѣнитъ не одну только ея доходность, но и возможность получить для себя пріютъ, а также соединенныя съ земельнымъ владѣніемъ политическія права̀, напримѣръ—право участія въ земскомъ представительствѣ. Пусть, однако, эти предметы дѣйствительно важны,—хотя мудрено приравнивать ихъ къ опредѣленному количеству рублей или допустить, чтобы рядовой покупщикъ жертвовалъ на нихъ бо̀льшую часть своего дохода,—но вѣдь обстоятельство это нисколько не ново. Объясненіе годилось бы, еслибы означенные пріютъ и права̀ не пріобрѣтались вмѣстѣ съ землею прежде, а стали пріобрѣтаться только въ послѣднее время,—однако ничего подобнаго нѣтъ. Все это соединялось съ землевладѣніемъ и въ былую пору болѣе дешевыхъ покупокъ и высшей прибыли, слѣдовательно вполнѣ учитывалось въ старыхъ, мѐньшихъ цѣнахъ. Говорятъ еще, что пріобрѣтатель имѣнія принимаетъ въ разсчетъ не только настоящую доходность, но и шансы будущаго ея прироста; однако и это обстоятельство бывало на лицо при всѣхъ прежнихъ покупкахъ. Значеніе его нисколько не увеличилось, а скорѣе даже поколебалось, потому что въ прежнее время ростъ доходовъ и хлѣбныхъ цѣнъ шелъ хотя равномѣрнѣе, но все въ одну сторону, къ подъему, сбиваясь съ этого пути лишь на короткое время, подъ вліяніемъ видимыхъ случайностей урожая, а съ восьмидесятыхъ годовъ и особенно въ девяностыхъ онъ сталъ давать внушительные примѣры затяжно̀го регресса помимо зависимости отъ урожаевъ,—стало быть, если его прежній покупщикъ разсчитывалъ на подъемъ той или другой медленности, то нынѣшній долженъ принимать во вниманіе бо̀льшую вѣроятность невыгодныхъ сюрпризовъ, даже неяснаго для него происхожденія.

Въ качествѣ болѣе серьезнаго объясненія не разъ приводилось совершившееся пониженіе доходности процентныхъ бумагъ и вообще уменьшеніе процента въ области коммерческаго кредита. Конверсіи,—говорили,—уменьшили привлекательность помѣщенія капиталовъ въ процентныя бумаги. Когда послѣднія приносили 5 процентовъ, владѣлецъ капитала могъ довольствоваться своимъ положеніемъ; но когда этотъ процентъ упалъ до 4%, то многіе находятъ подобное условіе для себя невыгод-

нымъ, и естественно стали искать другихъ способовъ помѣщенія, обѣщающихъ сравнительно бо̀льшую прибыль. При появившемся обиліи денегъ процентъ сталъ тоже понижаться и въ частныхъ кредитныхъ сдѣлкахъ, такъ что пониженіе доходности денежныхъ капиталовъ сдѣлалось общимъ явленіемъ. Съ такою крупною перемѣною,—говорили,—нельзя не считаться; масса капиталовъ должна была измѣнить свое прежнее назначеніе и отъ покупки бумагъ и частнаго кредита обратилась къ землѣ, усиливъ спросъ на нее и поднявъ ея цѣну. Полученіе прежнихъ пяти процентовъ могло быть выгоднѣе помѣщенія въ землю, но когда пришлось выбирать между этимъ послѣднимъ и четырьмя процентами, то земля стала интереснѣе. Понятно,—говорятъ,—что если цѣна земли представляетъ капитализацію ея доходности, то съ установившимся въ экономической жизни измѣненіемъ процента неминуемо долженъ былъ измѣниться и способъ капитализаціи,—т.-е., если прежде капитализировали доходность изъ процента близкаго къ пяти, то послѣ пониженія надо уже капитализировать изъ болѣе низкаго, напримѣръ—близкаго къ 4%. Результатъ—возвышеніе капитальной земельной цѣны, сглаживающее вліяніе уменьшенной доходности. Когда процентъ по бумагамъ и сдѣлкамъ понизится еще больше—слѣдуетъ ожидать и дальнѣйшаго роста земельныхъ цѣнъ.

Такое толкованіе, конечно, представляетъ больше благовидности, чѣмъ упомянутыя выше, такъ какъ оно полагаетъ въ основаніе дѣловой разсчетъ, и притомъ отрицать значенія держащагося на практикѣ процента во всякомъ случаѣ невозможно. Тѣмъ не менѣе, анализъ фактовъ показываетъ, что какъ бы ни вліяли конверсіи и колебанія коммерческаго процента, они способны имѣть болѣе ограниченное, чѣмъ полагаютъ, практическое значеніе и, во всякомъ случаѣ, не въ состояніи объяснить того, что̀ происходило и теперь происходитъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что если существуетъ зависимость земельной цѣны отъ пониженія процента, то между ними—если дѣло стоитъ на почвѣ разсчета—должна быть и извѣстная соразмѣрность. Объясненное выше измѣненіе способа капитализаціи, само по себѣ, способно было бы поднять цѣну не болѣе, какъ на пятую или четвертую часть, послѣ чего эта цѣна должна бы пріостановиться на достигнутомъ уровнѣ, а между тѣмъ земля дорожала—какъ показали примѣры—гораздо сильнѣе, быстрѣе и безъ всякой остановки. Покупщики, избѣгавшіе сбавки своего дохода до 4%, искали бы доходности во всякомъ случаѣ не ниже этого послѣдняго процента, однако на дѣлѣ земельная доходность даетъ зна-

чительно меньше на уплачиваемыя за нее увеличенныя суммы, а перекупщики не затрудняются идти еще на дальнѣйшее уменьшеніе дохода съ затрачиваемаго капитала, такъ что получается новая загадка: какимъ образомъ разсчетливые люди, тяготясь недостаточностью вполнѣ обезпеченнаго 4-хъ-процентнаго дохода, охотно предпочитаютъ ему земельный 3-хъ-процентный или даже меньшій, да еще не вѣрный, а соединенный съ рискомъ разнообразныхъ хозяйственныхъ случайностей? Откуда возникаетъ такая мудреная математическая комбинація: 4 < 3 или 2?

Но еще сильнѣйшее возраженіе встрѣчается въ томъ, что и пониженіе процента, и обиліе денегъ, отошли уже въ область прошлаго. Четырехпроцентныхъ займовъ уже нѣтъ, а четыхпроцентныя бумаги упали ниже pari настолько, что, покупая ихъ, можно помѣщать капиталъ значительно выгоднѣе, чѣмъ прежде. Обратное теченіе еще чувствительнѣе сказывается въ промышленной и коммерческой жизни. Давно уже слышатся жалобы на недостатокъ денегъ для серьезныхъ нуждъ, на трудность добыванія ихъ, на сильное повышеніе заемнаго процента и на то, что иногда нельзя достать денегъ, даже за высокій процентъ. Словомъ, въ экономической жизни явилось и продолжаетъ развиваться нѣчто совершенно противоположное тому, что̀ было еще недавно. Слѣдовательно, стоя на почвѣ разбираемаго толкованія, надо бы заключить о наличности дѣятельныхъ причинъ, не повышающихъ, а понижающихъ земельныя цѣны. Однако, ничего этого нѣтъ: дорожаніе земель идетъ по прежнему, не подчиняясь новымъ условіямъ, но совершая чуть ли не еще болѣе рѣзкіе скачки впередъ. Спрашивается послѣ этого—можно ли считать конверсіи и пониженіе коммерческаго процента причиною того, что̀ идетъ въ одномъ и томъ же направленіи какъ при упадкѣ процента, такъ и при повышеніи его,—какъ при обиліи денегъ, такъ и при недостаткѣ ихъ? Не правильнѣе ли сказать, что если колебанія этого процента и сказывались въ земельныхъ цѣнахъ, то настолько ограниченно, что вліяніе ихъ тонуло въ массѣ дѣйствія болѣе сильныхъ причинъ?

Также нисколько не удовлетворяютъ соображенія объ обращеніи на земельныя покупки капиталовъ, освободившихся изъ питейнаго дѣла, вслѣдствіе введенія винной монополіи. Вѣдь и освобожденные капиталы не бросаются зря, а помѣщаются съ разсчетомъ,—слѣдовательно, одно освобожденіе не въ состояніи объяснить, отчего предпочтеніе отдается полученію отъ земли меньшаго дохода, чѣмъ какой можно получать при самомъ надежномъ помѣщеніи капитала, безъ риска и хлопотъ.

Говорятъ еще, что земля вообще должна дорожать съ теченіемъ времени отъ прироста населенія и увеличивающейся тѣсноты. Да, это совершенно вѣрно, такъ какъ при подобныхъ условіяхъ въ общей массѣ земельнаго продукта возростаетъ доля „ренты" за счетъ прочихъ элементовъ. Только нельзя упускать изъ вида, что приростъ населенія совершается медленно, постепенно, безъ рѣзкихъ скачковъ, тогда какъ нынѣшній ходъ земельныхъ цѣнъ представляетъ совсѣмъ противное и объясненія требуетъ именно *быстрота дорожанія*, т.-е. слѣдующіе одинъ за другимъ крупные скачки. Значитъ, и обычная тенденція цѣнъ къ подъему очень недостаточна для объясненій.

Итакъ, разсмотрѣніе всѣхъ приведенныхъ предположеній оставляетъ дѣло неяснымъ. Противъ каждой указываемой причины возникаютъ очень вѣскія возраженія. Что же допустить еще? Изъ того, что слышится отъ мѣстныхъ наблюдателей и вообще людей, сколько-нибудь задумывающихся надъ даннымъ вопросомъ, остается немногое, именно — вліяніе банковъ и крестьянскія покупки.

Какъ землѣ не дорожать,—говорятъ,— когда сами банки цѣнятъ ее все выше и выше? Развѣ могутъ оставаться безъ вліянія тѣ цѣны, какія даютъ за нее крестьяне? Пусть доходность земли и плоха, но какъ только существуетъ масса готовыхъ платить за нее отъ часу дороже — общій подъемъ цѣнъ неизбѣженъ, особенно когда покупная операція при помощи крестьянскаго банка расширяется быстро и банкъ прогрессивно увеличиваетъ свои подесятинныя ссуды. Наличность на земельномъ рынкѣ такого тароватаго, щедраго покупщика и кредитора не можетъ не имѣть рѣшающаго вліянія на дѣло. Въ виду его, каждый продавецъ запрашиваетъ больше и больше, будучи въ своемъ разсчетѣ правъ: если другіе не дадутъ требуемой цѣны, то крестьяне дадутъ.—При каждомъ серьезномъ разговорѣ о данномъ предметѣ, ссылка на крестьянъ и банки является одною изъ первыхъ.

Вотъ тутъ мы точно подходимъ къ дѣйствительной причинѣ. Широкія операціи дворянскаго и крестьянскаго банковъ, распространяясь на огромную массу земель различныхъ мѣстностей и руководясь возвышенными оцѣнками, вполнѣ способны поднимать общій уровень цѣнъ, и такою причиною уже безъ труда объясняются явленія, кажущіяся съ перваго взгляда загадочными. Если дворянскій банкъ, выдавъ болѣе полумилліарда рублей и

крайне снисходительно относясь къ невзносу заемщиками текущихъ платежей, даетъ еще, путемъ переоцѣнокъ, крупныя дополнительныя ссуды, то онъ фактически открываетъ возможность, не платя, разсчитывать на новыя полученія, и подобное положеніе, конечно, придаетъ имѣніямъ добавочную цѣнность, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Но еще болѣе вліятеленъ въ этомъ отношеніи банкъ крестьянскій, такъ какъ онъ прямо устроиваетъ „покупки" и, изъ году въ годъ расширяя ссудныя операціи при такомъ же возвышеніи оцѣнокъ, еще самъ дорого покупаетъ имѣнія за собственный капиталъ.

За первыя пятнадцать лѣтъ своего существованія, крестьянскій банкъ выдалъ въ ссуды на покупку земель 110 милліоновъ рублей, что въ среднемъ выводѣ составляетъ немного болѣе 7 милліоновъ на годъ. Но съ 1897 года широта этой операціи вдругъ пошла такимъ усиленнымъ ходомъ, какого прежде не бывало и какой еще ускоряется прогрессивно. Въ одномъ этомъ году ссудъ выдано было на 20.895.000 рублей, въ слѣдующемъ —на 36.473.000 руб., въ 1899 г.—уже 44.569.000 руб. и въ 1900 г.—53.515.000 руб. Такимъ образомъ, въ три только послѣдніе года выдано больше, чѣмъ въ предшествующіе пятнадцать, и размахъ еще усиливается. При помощи банка, земля вдругъ обратилась въ такой ходкій товаръ, за который въ пору торговой горячки платятъ безъ оглядки, вѣруя въ дальнѣйшее дорожаніе.

За свой собственный капиталъ крестьянскій банкъ накупилъ земель въ 1896 году на 4 милліона, въ 1897 г.—на $5^1/_2$ милл., въ 1898 г.—слишкомъ на 6 милл., въ 1899 г.—болѣе чѣмъ на 4 милл. и въ 1900 г.—на 6 милл. рублей; да еще раньше имъ было, въ видѣ изъятія, куплено на $1^1/_2$ милліона. Но гораздо неуспѣшнѣе идетъ сбытъ этихъ земель крестьянамъ. Такъ, въ 1898 году, когда у банка уже накоплено было земли на 10 милліоновъ, онъ при новой 6-милліонной покупкѣ успѣлъ продать только на 4 милліона (и притомъ не однимъ крестьянамъ, но и постороннимъ людямъ). Лишь въ 1899 году продажа превысила покупки на милліонъ, но къ концу этого года изъ общей массы сдѣланныхъ прежде пріобрѣтеній на 21.312.000 рублей оставалось несбытыхъ на 9.913.000 рублей. А въ 1900 году продано было на $5^1/_2$ милліоновъ, т.-е. опять меньше, чѣмъ куплено, и въ общемъ результатѣ вышло, что, за все время покупной операціи банка, куплено на $27^1/_2$ милліоновъ, а продано на 16 милліоновъ, т.-е. осталось несбытой земли слишкомъ на 11 милліоновъ. Такимъ образомъ, банкъ постоянно по-

купаетъ больше, чѣмъ въ состояніи сбыть, идя къ накопленію остающихся за нимъ земель. Принимая же во вниманіе, что значительная часть пріобрѣтаемой на крестьянскій капиталъ земли еще достается не крестьянамъ, приходится заключить, что около половины всѣхъ пріобрѣтеній не идетъ съ рукъ по назначенію, служа для опытовъ банковаго хозяйства и, частью, для устройства чужихъ интересовъ.

Размѣръ подесятинныхъ ссудъ слѣдовалъ за тѣмъ ростомъ продажныхъ цѣнъ, о которомъ объяснялось выше, какъ это показываютъ процентныя отношенія ссудъ къ продажнымъ суммамъ. Въ 1897—1900 годахъ ссуды, въ среднемъ выводѣ, составляли отъ 79 до 82 процентовъ цѣны, т.-е. почти то же, что и въ первые годы дѣятельности банка. Значитъ, подесятинныя ссуды увеличивались не отъ бо̀льшаго облегченія покупщиковъ въ уплатахъ, а отъ усиленія терпимости къ продажнымъ цѣнамъ.

Не мудрено, что когда на земельный рынокъ выходитъ тароватый и съ большими средствами покупщикъ, готовый покупать на 60 милліоновъ въ годъ, легко уступающій натиску запросовъ въ цѣнѣ и въ своихъ предложеніяхъ не смущающійся быстротою повышенія такихъ запросовъ, то его вліяніе на цѣны всего могущественнѣе и служитъ наиболѣе основательнымъ объясненіемъ наблюдаемаго дорожанія. Если одному продавцу удалось взять за землю преувеличенную цѣну, то другой, видя это, естественно пытается запросить еще бо̀льшую, а когда тароватость дастъ и эту послѣднюю, то мотивы запроса идутъ дальше и дальше. Коль скоро простое усиленіе запросовъ принимаютъ за доказательство естественнаго дорожанія земли и считаются съ нимъ въ видѣ уступокъ—земельная торговля можетъ доходить до своего рода горячки и стать поприщемъ широкой спекуляціи. Замѣчательно, что рѣзкое расширеніе банковыхъ операцій совершалось въ тѣ самые четыре года, относительно которыхъ отчетъ банка свидѣтельствуетъ о возростаніи цѣнъ. Тутъ вполнѣ становится объяснимымъ и такое явленіе, какъ перепродажи одной и той же земли нѣсколько разъ въ теченіе года по возвышающимся цѣнамъ. Первый продавецъ находитъ достаточно выгоднымъ отдать свою землю за такую-то цѣну; покупщикъ разсчитываетъ перепродать ее сейчасъ же еще дороже; а слѣдующій за нимъ покупщикъ надѣется, что крестьяне дадутъ ему еще больше. Никому тутъ нѣтъ дѣла до доходности, каждый норовитъ схватить перепродажную разницу, — словомъ, происходитъ то же, что̀ недавно дѣлалось на биржѣ съ бумажными цѣнностями, временные владѣльцы которыхъ, не задаваясь вопросами о судьбѣ

представляемыхъ ими предпріятій, имѣли въ виду одинъ выгодный сбытъ. Если и частные земельные банки основываются на такихъ искусственныхъ цѣнахъ, то они, подчиняясь вздутію послѣднихъ, содѣйствуютъ ему въ свою очередь. Словомъ, одни оглядываются на другихъ, ссылаются другъ на друга, а всѣ вмѣстѣ считаются съ собственнымъ созданіемъ.

III.

Стало быть, предъ нами несомнѣнный разрывъ связи между доходностью земли и ея цѣною. Вмѣсто дохода, цѣна регулируется надеждами и мечтами спекуляціи. Но разрывъ этотъ является настолько противнымъ природѣ вещей, что при видѣ его неизбѣжно возникаютъ вопросы: можетъ ли онъ поддерживаться безъ риска дорогой расплаты, и какими цѣлями способна руководиться его поддержка? Конечно, благопріятствованіе непомѣрному дорожанію земли можетъ быть слѣдствіемъ простой близорукости, мѣшающей видѣть глубже поверхности явленій, доискиваться ихъ коренныхъ причинъ и заглядывать въ будущее дальше завтрашняго дня; но оно можетъ быть руководимо также болѣе сознательными соображеніями, съ точки зрѣнія которыхъ допущеніе крупной ненормальности окупается пріобрѣтеніемъ болѣе важныхъ выгодъ. Разумѣется, главный интересъ могутъ представлять эти послѣднія соображенія, и потому надо поискать, въ фактическомъ матеріалѣ, разъясненій—приноситъ ли содѣйствіе повышенію цѣнъ подобныя выгоды?

Крупность банковыхъ земельныхъ операцій даетъ имъ, — какъ было уже раньше сказано, — могущественное вліяніе на цѣны, но пользованіе этимъ вліяніемъ можетъ быть различно. Можно сдерживать цѣны въ предѣлахъ необходимой осторожности и можно распускать ихъ безъ оглядки, напоминая тѣмъ распущеніе парусовъ во время бури. Какъ ни серьезно значеніе вспомоществуемаго банкомъ крестьянскаго спроса на землю, но если банкъ строго придерживается содѣйствія только выгоднымъ для покупщиковъ сдѣлкамъ, не допуская рѣзкаго преувеличенія цѣнъ, то онъ неминуемо ограничиваетъ силу запросовъ. Сами крестьяне не только не въ состояніи на собственныя средства совершать массу дорогихъ пріобрѣтеній, но едва ли и пошли бы на слишкомъ дорогія сдѣлки, разсчитываясь своими деньгами, а при банковой расплатѣ, послѣдствія которой для нихъ часто даже неясны, дѣла подобнаго рода устроиваются гораздо легче.

Слѣдовательно регулированіе цѣнъ зависитъ почти исключительно отъ банка. При осторожности послѣдняго, конечно, часть сдѣлокъ могла бы не состояться, но это въ массѣ случаевъ едва ли и было бы настоящею потерею, потому что каждая обременительная сдѣлка заключаетъ въ себѣ опасный зародышъ несостоятельности: покупщики лишаются всей выгодности покупки и подвергаются большому риску принудительной продажи земли за недоимки, теряя въ послѣднемъ случаѣ и понесенныя на покупку затраты. Разстройство такихъ сдѣлокъ чаще всего было бы только фиктивною потерею, но сдерживающее руководство банка положило бы цѣнамъ близкій къ естественному предѣлъ, охранивъ дѣйствительныя пользы тѣхъ покупщиковъ, которымъ банкъ выдаетъ ссуды, и оградивъ будущихъ покупщиковъ отъ непомѣрной требовательности обладающихъ сильными аппетитами продавцовъ, такъ какъ у этихъ послѣднихъ упала бы увѣренность въ будущемъ преувеличеніи цѣнъ. Если бы число покупокъ вышло и меньшее, то онѣ были бы нормальнѣе, выгоднѣе и прочнѣе,— отпали бы только убыточныя. Кромѣ того, есть еще основаніе полагать, что даже уменьшеніе численности сдѣлокъ не оказалось бы слишкомъ значительнымъ, такъ какъ очень многіе изъ сбывшихъ теперь землю дорого, при серьезной банковой критикѣ цѣнъ, только подержались бы нѣкоторое время и затѣмъ продали бы за болѣе нормальную цѣну, не соблазняя и сосѣдей успѣхомъ своихъ запросовъ. Вѣдь другихъ покупщиковъ, разсчитывающихъ не на крестьянъ, а на собственное хозяйство, не ахти-какъ много, а тароватыхъ еще меньше. Таковы свойства сдержанности. Послѣдствія же распущенности цѣнъ приходится наблюдать теперь на практикѣ. Что именно полезнаго приносятъ они?

Самымъ выдающимся преимуществомъ банковыхъ операцій послѣдняго времени является увеличеніе количества земли, переходящей въ крестьянскія руки. Такихъ размѣровъ перехода дѣйствительно прежде не бывало, и онъ всецѣло можетъ быть поставленъ на счетъ снисходительности къ цѣнамъ. Не зачѣмъ искать для него мудреныхъ объясненій, въ родѣ перемѣны банковаго устава, улучшенія внутренней организаціи, ускоренія дѣлопроизводства и т. п., когда все гораздо проще и естественнѣе объясняется однимъ повышеніемъ оцѣнокъ. Предложите землевладѣльцу самую настоящую, даже нѣсколько увеличенную стоимость его имѣнія—онъ, если почему-либо дорожитъ своимъ владѣніемъ, откажется отъ продажи, но предложите двойную цѣну —онъ большею частью соблазнится и продастъ. Повысьте цѣну

еще—и найдутся новые продавцы. Прислушайтесь къ голосамъ изъ провинціи, и вы услышите, какъ многіе помѣщики мечтаютъ о продажѣ своихъ имѣній банку, находя, что никто иной не даетъ такихъ „хорошихъ“ цѣнъ, и сколько ихъ жалуется на неудачи въ этомъ отношеніи, толкуя по обычаю, будто и для продажи нужна особая протекція. Великъ соблазнъ цѣнъ, а усовершенствуй банкъ свою организацію до самой высокой степени, но будь сдержанъ въ цѣнахъ—такого развитія операцій не будетъ. Служитъ ли, однако, ростъ этихъ операцій достаточнымъ оправданіемъ излишней тароватости?

Нѣтъ, онъ далеко не убѣждаетъ, что можно повышать цѣны безъ оглядки, что въ этомъ найденъ секретъ дѣйствительно плодотворнаго увеличенія крестьянскаго землевладѣнія и предѣлъ безопасныхъ покупокъ не переходится при достиженіи разрыва между доходомъ и цѣною. Росту крестьянскихъ покупокъ можно бы отъ всей души порадоваться, еслибы онъ совершался по дѣйствительно нормальнымъ цѣнамъ (конечно, при подходящемъ составѣ покупщиковъ), но онъ получаетъ далеко не то значеніе, когда пріобрѣтается средствомъ, парализующимъ самую выгодность покупокъ. Что сдѣлокъ совершается „числомъ поболѣе“—вознаграждается тѣмъ, что онѣ качествомъ похуже. Вѣдь весь интересъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія состоитъ въ томъ, чтобы крестьяне, обработывая большее количество не обремененной непосильно платежами собственной земли, получали оттого въ качествѣ хозяевъ бо̀льшія выгоды, находясь въ меньшей зависимости отъ случайностей сторонняго заработка. Но крупное возвышеніе цѣнъ, требуя отъ покупщиковъ излишнихъ жертвъ, исчерпываетъ именно всю выгодность пріобрѣтенія и способно приносить имъ добавочныя потери, такъ что иныя покупки получаютъ характеръ данайскихъ даровъ. Нужна большая недоглядка для упущенія изъ виду столь коренного обстоятельства, и надо проникать очень недалеко въ будущее, чтобы видѣть успѣхъ дѣла только въ скорѣйшей скупкѣ возможно бо̀льшей массы земель, не задумываясь надъ тѣмъ, что̀ именно выйдетъ на дѣлѣ изъ этихъ покупокъ, уцѣлѣютъ ли онѣ и принесутъ ли какую-нибудь пользу покупщикамъ. Важно вѣдь не число *какихъ бы то ни было* пріобрѣтеній,—какія, можетъ быть, еще пойдутъ на аукціонъ,—а число фактически *удержанныхъ*, выгодныхъ покупокъ; но при слишкомъ дорогихъ и непрочныхъ—подрубается корень всей цѣнности оказываемой крестьянамъ помощи. Что̀ лучше—устроить меньше покупокъ, но выгодныхъ, полезныхъ и прочныхъ, или торопливо совершить ихъ большую

массу, но убыточныхъ, значительная часть которыхъ обѣщаетъ скоро развалиться? Отвѣтомъ тутъ можетъ служить поговорка: лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ. Между тѣмъ, легкость допущенія высокихъ цѣнъ, поднимая общій уровень ихъ, портитъ качество не только достигаемаго избытка сдѣлокъ, но и того меньшинства ихъ, которое при сдержанности могло бы состояться на гораздо лучшихъ условіяхъ.

Стремленіе доставить крестьянамъ какъ можно бо̀льшую площадь владѣнія, безъ заботы о цѣнѣ, дѣлаетъ средство дороже цѣли и этимъ отчасти напоминаетъ тѣ благія намѣренія, какими вымащивается адъ. Желая не отстать отъ роста цѣнъ, банкъ,— коль скоро этотъ ростъ его же созданіе,—цѣли не достигнетъ, потому что его уступчивость порождаетъ дальнѣйшіе запросы. Иначе сказать, онъ гонится за собственною тѣнью, успѣха въ чемъ никто не достигалъ. Тѣнь не поймается, а зайти при этомъ можно далеко. Обременительная покупка—то же, что̀ выжатый лимонъ или орѣхъ безъ зерна. Сокъ и зерно достались продавцу, но груда выжатыхъ лимоновъ не сто̀итъ нѣсколькихъ полныхъ, и мѣшокъ пустыхъ орѣховъ не сто̀итъ горсти здоровыхъ.

Перейдемъ къ другимъ сторонамъ дѣла. Законодательствомъ сдѣлано было нѣсколько шаговъ, чтобы увеличить выгодность покупокъ для крестьянъ. Уменьшался платимый послѣдними процентъ по ссудамъ и, кромѣ того, для бо̀льшей помощи, назначено въ пользу банка ежегодное отчисленіе по нѣскольку милліоновъ рублей изъ поступающихъ отъ всей крестьянской массы выкупныхъ платежей. Послѣдняя мѣра, выражая прямую жертву казны для облегченія вспомоществуемаго земледѣльческаго сословія, заслуживаетъ по принципу полной симпатіи. Но во что̀ обращается ея примѣненіе? Такъ какъ съ уменьшеніемъ платежнаго процента возвышались покупныя цѣны и ссуды, то вышло, что крестьяне-покупщики должны взносить хотя и *меньшій* процентъ, но съ *бо̀льшихъ* суммъ, т.-е. въ результатѣ—платить не меньше или даже больше, чѣмъ платили за такую же землю прежніе покупщики. Выиграть могли только старые покупщики, напр. восьмидесятыхъ годовъ, у которыхъ всѣ разсчеты по сдѣлкамъ были уже кончены, а масса новыхъ пріобрѣтателей никакого облегченія не получаетъ и для нея попечительная мѣра не отражается на дѣлѣ ничѣмъ. Пониженіе платежнаго процента становилось даже самостоятельнымъ толчкомъ къ возвышенію цѣнъ, такъ какъ при разрѣшеніи ссудъ и оцѣнкѣ условій земельныхъ покупокъ выступилъ мотивъ капитализировать предполагаемыя выгоды владѣнія изъ вновь пониженнаго процента,

т.-е. увеличивать капитальную сумму. Одинъ изъ предсѣдателей мѣстныхъ отдѣленій крестьянскаго банка, полемизируя съ непріязненными банку частными землевладѣльцами, даже прямо высказывалъ въ печати, что эти землевладѣльцы плохо понимаютъ свои собственныя выгоды, не видя, что уменьшеніе крестьянскаго платежнаго процента увеличиваетъ оцѣнку *ихъ* земли, открывая имъ возможность *продавать* ее дороже прежняго. Вотъ какіе взгляды на способы утилизированія облегчительныхъ мѣръ выступаютъ въ банковой практикѣ. Такимъ образомъ, въ общемъ результатѣ „облегченія" получается слѣдующее: крестьяне платятъ то же, что и прежде, или больше; банкъ, выдавая бо̀льшія ссуды, принимаетъ на себя большій рискъ; а фактическая выгода достается продавцамъ, въ видѣ прибавки къ цѣнамъ сбываемой ими земли. Пособіе назначалось крестьянамъ, но у нихъ бо̀льшая часть его только „по усамъ пробѣжала", обратившись въ пособіе продавцамъ. Интересная метаморфоза.

Сходное явленіе представляетъ и судьба производимыхъ въ пользу банка отчисленій изъ выкупныхъ платежей, вносимыхъ всѣми разрядами крестьянъ: бывшими крѣпостными, государственными и т. д. Отчисляемыя суммы назначены на покупку земель самимъ банкомъ у частныхъ владѣльцевъ для переуступки крестьянамъ, и польза отъ такой операціи можетъ быть двоякая: во-первыхъ, крестьяне, имѣя дѣло непосредственно съ банкомъ, могли бы избавляться отъ явныхъ и тайныхъ прижимокъ со стороны продавцовъ, которые, независимо отъ видимыхъ тяжелыхъ условій сдѣлокъ, нерѣдко еще маскируютъ дѣйствительныя условія предъ банкомъ, выторговывая отъ покупщиковъ разныя скрытыя обязательства; а во-вторыхъ, банкъ пріобрѣтаетъ новый крупный денежный источникъ, за счетъ котораго можно дѣлать крестьянамъ разныя необходимыя облегченія. Когда банкъ только содѣйствуетъ своими ссудами сдѣлкамъ крестьянъ съ частными лицами, то онъ долженъ для пріобрѣтенія ссудныхъ денегъ, выпускать бумаги, на оплату процентовъ по которымъ беретъ съ крестьянъ срочные платежи, слѣдовательно вынужденъ заботиться, чтобы платежей этихъ хватало на упомянутую оплату. Напротивъ, отчисленія изъ выкупныхъ платежей достаются банку даромъ, и, покупая на нихъ землю, онъ не нуждается въ выпускѣ бумагъ, а слѣдовательно и въ оплатѣ получаемыхъ суммъ процентами; значитъ, уступая эту землю крестьянамъ какъ угодно дешево и взимая съ послѣднихъ какіе бы то ни было платежи, банкъ получаетъ ихъ какъ чистую, даровую прибыль, которую можно, въ случаѣ надобности, обращать на облегченіе всякихъ

его кліентовъ. Казенная жертва въ пользу банка, поэтому, способна помогать не одному расширенію крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній, но и льготности условій пріобрѣтенія и владѣнія. Что же выходитъ изъ этого на дѣлѣ при тенденціи возвышенія цѣнъ? Дорогая покупка на отчисляемыя суммы прежде всего даетъ продавцамъ увеличеніе получаемыхъ ими цѣнъ, крестьяне пріобрѣтаютъ землю подъ условіемъ взноса высшихъ платежей и даже зѐмли пріобрѣтаются банкомъ, въ большей части случаевъ, не тѣ, какія крестьянамъ нужны. Если банкъ накупилъ земель на 27 милліоновъ, а продалъ ихъ только на 16 (каждый годъ покупая больше, чѣмъ продаетъ), причемъ и часть проданной земли досталась не крестьянамъ, то не выходитъ ли, что почти половина затратъ изъ крестьянскаго капитала устроила интересы продавцовъ, а не крестьянъ, другая же половина возвысила послѣднимъ платежи? У банка масса земель остается безъ сбыта, потому что крестьяне ее не спрашиваютъ, но въ то же время его покупки нисколько не стѣсняютъ широкихъ операцій спекулянтовъ, продолжающихъ срывать крупные куши на перепродажѣ тѣхъ земель, какія дѣйствительно ищутся крестьянами. Словомъ, дѣло принимаетъ видъ такого распредѣленія: крестьянскій капиталъ обращается на зѐмли, которыя хотятъ сбыть продавцы, а для крестьянъ землю доставляютъ спекулянты, стоящіе по прежнему въ отношеніи къ нимъ лицомъ къ лицу, и въ эту область банкъ съ своимъ посредническимъ участіемъ не поспѣваетъ. Конечно, неуспѣшный сбытъ купленныхъ банкомъ имѣній отчасти зависитъ отъ недостатковъ самой организаціи, такъ какъ созданный близорукою экономіею слабый составъ мѣстныхъ отдѣленій имѣетъ слишкомъ крупные районы, при которыхъ не обладаетъ достаточными силами ни для розыска покупщиковъ, ни даже для внимательнаго осмотра земель,—отчего на многое долженъ глядѣть только сквозь бумагу; но это—вопросъ особый, не входящій въ рамку настоящей статьи, главный же интересъ представляетъ фактъ, каковъ онъ есть и отчего бы ни происходилъ. Во всякомъ случаѣ, оказывается въ итогѣ, что бо́льшая часть казенной жертвы снова попадаетъ не по адресу: выигрываютъ избранные продавцы, а у массы крестьянъ-покупщиковъ, для которыхъ эта жертва назначалась, она по усамъ бѣжала, да въ ротъ не попала.

Наконецъ, одною изъ самыхъ важныхъ сторонъ разсматриваемаго вопроса представляется то, что какъ бы ни силились оправдать возвышеніе цѣнъ примѣрами изъ области спекулятивнаго земельнаго рынка, сколько бы ни пренебрегали разрывомъ

между доходностью и капитальною цѣною земли—слишкомъ существенна разница между положеніями спекулянта или сходнаго съ нимъ и—мужика. Первый можетъ не смущаться упомянутымъ разрывомъ, соображая, что если доходность и мала, то все-же землю можно перепродать, по бывшимъ примѣрамъ, съ барышомъ или безъ убытка, а мужикъ покупаетъ не для перепродажъ, а для собственнаго пользованія, значитъ, для него вся суть —въ производительности, въ доходности. *Съ нею*-то ему придется считаться на практикѣ, *она*-то составляетъ самый источникъ его платежей; слѣдовательно, если покупную цѣну опредѣлять по спекулятивнымъ сдѣлкамъ, то на платежи не хватитъ источника, и тогда что̀ выйдетъ?... Постоянная убыточность? Несостоятельность владѣнія?... Вотъ тутъ-то и дастъ себя почувствовать противоестественность разрыва между доходностью и цѣною. Скажутъ, пожалуй, что нельзя примѣнять цѣны только къ крестьянскому положенію, но вѣдь изъ-за крестьянъ-то и идетъ раздуваніе цѣнъ взапуски! Устраните разсчеты на крестьянъ—отъ непомѣрнаго роста цѣнъ останется не больно много.

Въ сказанномъ выше—бо̀льшая часть отвѣта на поставленный вопросъ: окупается ли дорожаніе земли достиженіемъ какихъ-либо болѣе важныхъ цѣлей? Видно, что̀ достигается на самомъ дѣлѣ.

IV.

Теперь спрашивается—можно ли безопасно и безпрепятственно продолжать идти въ поддержкѣ высокихъ цѣнъ нынѣшнимъ усиленнымъ маршемъ?

Мудрено дать на это утвердительный отвѣтъ. Помимо общихъ соображеній о невозможности обращенія увлеченій въ постоянное жизненное условіе, т.-е. о невозможности безпрерывнаго подавленія природы вещей искусственностью, трудно думать, чтобы остановка прежняго хода или замѣна его обратнымъ теченіемъ не были вызваны самою силою вещей. Постоянная покупка предметовъ дороже ихъ стоимости приноситъ тѣмъ или другимъ большія потери, а средства на покрытіе подобныхъ потерь ни у кого не могутъ быть безграничны. Мы находимся теперь въ періодѣ своего рода горячки, мѣшающей оглядываться на основательность и будущность дорогихъ покупокъ, но промышленныя горячки имѣютъ свойство проходить, смѣняясь охлажденіемъ и разочарованіемъ. Дороговизну поддерживаетъ, главнымъ образомъ, спекуляція земельныхъ барышниковъ. Содѣйствуютъ ей и по-

купки людей не спекулирующихъ, но рѣшающихся помѣщать свои средства въ землю безъ достаточной обдуманности и опытности, при излишнемъ довѣріи къ основательности поднятыхъ цѣнъ,—только роль этого рода покупщиковъ больше пассивная, зависимая, такъ какъ они подчиняются условіямъ, созданнымъ другими. Подобными покупщиками нерѣдко бываютъ чиновники, иногда торговцы и др. лица,—вообще, люди, заходящіе въ міръ сельско-хозяйственныхъ интересовъ извнѣ, послѣ чего имъ предоставляется провѣрить свои надежды участью собственныхъ интересовъ. Но спекуляціи барышниковъ развиваются до тѣхъ поръ, пока имъ благопріятствуетъ поддержка черезчуръ выгодныхъ перепродажъ. Стоитъ пріостановиться этому благопріятствованію —и устранится главный мотивъ барышничества съ его послѣдствіями, а тогда снова усилится значеніе регулировки цѣнъ доходностью, какъ естественнымъ мѣриломъ. Какъ только возвратится преобладаніе покупокъ, разсчитанныхъ на дѣйствительную выгодность хозяйства—выростутъ большіе шансы приведенія земельныхъ цѣнъ къ болѣе натуральному уровню. Если обжегшійся на дорогой покупкѣ частный владѣлецъ самъ не вывернется изъ убытка, то примѣръ его способенъ сдѣлаться предостереженіемъ для другихъ, отразившись уменьшеніемъ спроса и цѣнъ. Да и разсчетъ на крестьянъ не можетъ быть безпредѣльнымъ, коль скоро покупныя жертвы не оплачиваются выгодностью владѣнія. Теперь покупочная горячка у крестьянъ поддерживается ихъ малоземельностью и вообще такими видами безвыходности положенія, которые, по жуткости своей, толкаютъ ихъ идти на дорогія покупки очертя голову, не давая имъ возможности внимательно взвѣшивать шансы будущаго и возбуждая представленіе, что искомый выходъ—предъ ними. Но отрезвленіе вѣроятно принесетъ самый опытъ пользованія покупками. Какъ ни заманчивы въ началѣ земельныя пріобрѣтенія, но когда покупщики почувствуютъ, что въ условіяхъ покупки они нашли не настоящій выходъ, а лишь замѣну одного труднаго положенія другимъ, не менѣе труднымъ, когда способы удержанія пріобрѣтенной земли потребуютъ непосильныхъ жертвъ, которыхъ почерпнуть не откуда—пріобрѣтенія могутъ утратить всю привлекательность, сокращаться и разрушаться. Возникаетъ опасность недоимокъ, отказовъ отъ купленной земли, массового выпуска земель на аукціонъ, а кое-гдѣ тяжелый опытъ пожалуй и крестьянъ научитъ сдержанности въ предложеніи цѣнъ. Трудно думать, чтобы массовыя покупочныя неудачи обошлись безъ широкаго разочарова-

нія и не вызывали замѣны покупочной горячки исканіемъ какихъ-нибудь иныхъ исходовъ.

Наконецъ, объясненныя трудности способны вызвать къ себѣ и усиленное вниманіе самого крестьянскаго банка, на который такъ надѣются дѣятели земельной торговли. Если опасность ихъ теперь мало замѣчается и перспектива возможно бо̀льшаго расширенія покупокъ продолжаетъ заслонять перспективу того, что̀ изъ нихъ выходитъ, то умноженіе неблагопріятныхъ послѣдствій, ведущихъ къ чувствительнымъ расплатамъ, такъ или иначе, внушительно напомнитъ объ опасности игры въ цѣны, и понадобится разобраться въ значеніи послѣднихъ. Положимъ, острые моменты можно отдалять переоцѣнками, перезалогами, отсрочками и т. под. пріемами, для чего у банка есть средства въ видѣ капиталовъ и даже казеннаго ручательства по его обязательствамъ, но всѣ эти средства примѣнимы до извѣстнаго времени, а не безгранично.

Воздерживаясь отъ подробныхъ гаданій, какимъ именно процессомъ сократится земельно-торговая горячка, какія формы расплаты станутъ отражаться на цѣнахъ раньше и какія позже,—мудрено, во всякомъ случаѣ, вѣрить, чтобы дѣло могло обойтись безъ подобнаго кризиса, такъ какъ въ наличномъ положеніи имѣется крупный зародышъ его. Конечно, кризисъ этотъ можетъ выступить не такъ внезапно, какъ потрясенія бумажныхъ цѣнностей, сосредоточенныхъ на нѣсколькихъ биржахъ, гдѣ рѣзкая ломка ихъ совершается иногда въ одинъ-два дня. Акты земельной торговли распредѣляются на огромномъ пространствѣ; отдѣльные примѣры ихъ не получаютъ такой быстрой огласки, какъ биржевыя сдѣлки; покупщики дѣйствуютъ раздѣльно, по угламъ, да еслибы и крестьянскій банкъ, спохватясь, что цѣны заведены слишкомъ далеко, рѣшился прекратить благопріятствованіе ихъ возвышенію, то ему трудно было бы подтянуть ихъ сразу, рѣзко останавливая массу поощренныхъ прежнею практикою сдѣлокъ. Все это увеличиваетъ шансы растяжки кризиса на болѣе продолжительный періодъ, однако—касается лишь времени и формы его, а не конечныхъ послѣдствій. Остается вопросъ—какъ распредѣлятся эти послѣдствія?

Частныя лица, купившія землю для собственнаго хозяйства, могутъ поплатиться тѣмъ, что пріобрѣтенный ими доходъ не будетъ соотвѣтствовать затраченному на пріобрѣтеніе капиталу. Напр., имѣніе, купленное за 80 тысячъ, дастъ такой доходъ, какой приноситъ капиталъ въ 50 тысячъ. Для такихъ пріобрѣтеній подобное положеніе фактически будетъ равняться потерѣ

части состоянія. Если же покупка совершена съ капитальнымъ долгомъ, принятымъ или сдѣланнымъ въ разсчетѣ на преувеличенную цѣну, то стоимость ихъ владѣнія способна даже приближаться къ нулю, такъ какъ проценты по долгу унесутъ почти весь не оправдавшій надеждъ доходъ. А кредиторы землевладѣльцевъ понесутъ ущербъ на обезпеченіи своихъ долговыхъ суммъ.

Покупавшіе для выгодной перепродажи, съ исчезновеніемъ или сокращеніемъ готовыхъ къ крупнымъ набавкамъ перекупщиковъ, ошибутся въ основномъ разсчетѣ. Если первые покупщики-спекулянты успѣютъ сбыть пріобрѣтенную землю, то это будетъ лишь переложеніемъ расплаты съ одного лица на другое, а отсутствіе дальнѣйшихъ выгодныхъ покупателей оборвется на комъ-нибудь изъ промежуточныхъ барышниковъ, которому придется или довольствоваться очень умѣреннымъ доходомъ, или продать дешевле, чѣмъ купилъ. Конечно, барышниковъ не жаль, но ликвидированіе ихъ аферъ способно колебать и нормальный уровень цѣнъ, вредя тѣмъ, кому нужно продать по основательной необходимости.

Объ интересахъ дворянскаго банка распространяться нечего, такъ какъ льготы и индульгенціи—основная черта его политики, онъ уже пользуется казенною субсидіею и будущее его не представляетъ особенной загадочности. Крестьянскому банку, кромѣ уклоненія отъ прямого его назначенія — оказыванія крестьянству дѣйствительной помощи—грозятъ усиленіе недоимокъ по выданнымъ высокимъ ссудамъ и увеличеніе недовыручекъ при продажѣ земель съ торговъ. Изъ частныхъ же банковъ могутъ потерпѣть тѣ, которые излишне считались съ цѣнами спекулятивнаго рынка, не входя въ солидную ихъ критику.

Но наиболѣе чувствительныя потери могутъ понести купившіе черезчуръ дорого землю крестьяне. И приплачивать къ земельному доходу въ теченіе десятилѣтій, и лишаться земли съ потерею всего затраченнаго на доплаты изъ собственныхъ средствъ, на покупочные расходы, постройки, поднятіе залежей и т. под., при необходимости исканія новыхъ способовъ своего устройства—для нихъ одинаково разорительно.

Совокупность такихъ затрудненій, конечно, можетъ имѣть большое вліяніе. Не вдаваясь здѣсь въ соображенія ни о будущемъ ихъ размѣрѣ, ни о моментѣ ихъ наступленія, ни о шансахъ своевременнаго ихъ предупрежденія, надо во всякомъ случаѣ прибавить, что чѣмъ дольше затянется искусственное преувеличеніе цѣнъ, тѣмъ дороже можетъ обойтись расплата.

Высказавъ изложенное, нисколько не думаемъ, чтобы имъ исчерпывалось все, что̀ можетъ быть сказано по поводу искусственности земельной дороговизны, и, вѣроятно, иныя стороны этого вопроса остались незатронутыми. Но пользоваться намъ можно было тѣмъ матеріаломъ, какой уже выступилъ наружу, сильно напоминая о серьезности положенія. Въ жизненной практикѣ могутъ найтись еще мало замѣчаемые факторы, вѣсти о которыхъ не проникали въ печать и не вошли въ обращеніе. Въ такомъ случаѣ необходимо вызвать на свѣтъ и этотъ добавочный матеріалъ, усиливъ для того мѣстную наблюдательность. Возможно также, что нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ явленій допускаютъ еще иныя точки зрѣнія, иныя объясненія, разсмотрѣніе которыхъ приведетъ къ болѣе полнымъ и твердымъ заключеніямъ, но—появится ли что-нибудь новое, или только подтвердится старое—необходимо во всякомъ случаѣ подвинуть изслѣдованіе даннаго вопроса. Такое крупное экономическое явленіе, какъ широкая торговля землею, сопровождаемая выдающимися взаимными противорѣчіями фактовъ, представляетъ большой научный и практическій интересъ, къ которому нельзя относиться безучастно. Выясненіе его нужно всестороннее, внимательное и, главное, безпристрастное, почему нельзя не желать, чтобы ему пособили серьезные люди, видящіе дѣло на мѣстѣ со всею его обстановкою и способные оцѣнивать факты по существу, не поддаваясь предвзятымъ или скороспѣлымъ мнѣніямъ. Есть не мало очень заинтересованныхъ въ поддержкѣ земельной дороговизны, силящихся настаивать на ея законности и даже негодующихъ на самыя сомнѣнія въ ней; есть относящіеся къ данному предмету слишкомъ легко и шаблонно; но не ихъ отзывы тутъ цѣнны, и существованіе подобныхъ тенденцій только возвышаетъ требованія на безпристрастіе и солидность. Серьезно помочь дѣлу способенъ только спокойный и внимательный анализъ возможно полнаго фактическаго матеріала. Пусть же мѣстные наблюдатели займутся тѣми данными, какія у нихъ подъ рукою въ большомъ обиліи. Между прочимъ, особенно любопытны практическіе примѣры, показывающіе послѣдствія дорогихъ покупокъ,—т.-е., къ чему пришли совершавшіе эти покупки для собственнаго хозяйства, въ какой мѣрѣ они встрѣчали оправданіе своихъ разсчетовъ и въ какой—разочарованія и потери. При такомъ анализѣ легче будетъ разобраться, гдѣ граница между законнымъ и незаконнымъ ростомъ земельныхъ цѣнъ.

Ѳ. Воропоновъ.

ШАТКІЯ ОСНОВЫ

ЭСКИЗЪ

— Wilhelm v. Polenz. „Wurzellocker", Roman in zwei Bänden.

I.

Лѣто приходило къ концу. Погода стояла жаркая и душная. Ни малѣйшій вѣтерокъ не разгонялъ дыма, выходившаго изъ безчисленныхъ трубъ и застилавшаго весь городъ блѣдно-сѣрой пеленой. Солнце припекало безпощадно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Оно быстро выпивало небольшую долю прохлады, приносимую оскудѣвшими желтоватыми волнами рѣки, придавая листьямъ деревьевъ на аллеяхъ табачный оттѣнокъ и превращая почву въ сухую массу, похожую на прогнившій трутъ. На улицахъ дышалось съ трудомъ, воздухъ былъ пропитанъ пылью и дымомъ. Люди толпами стремились за городъ. Всѣхъ объединяло одно желаніе: хоть немного подышать свѣжимъ воздухомъ.

Отъ общей толпы отдѣлились трое людей, двое мужчинъ и дѣвушка. Они не послѣдовали за остальными, направившимися по указанію путеводнаго столба съ протянутой рукой, отыскивать красивый видъ, кегель-банъ, пиво, кофе и прочія великолѣпія, а пошли по песчаной тропинкѣ въ лѣсъ. Дѣвушка была очень хороша собой. Въ ея ясной красотѣ не было ничего загадочнаго, демоническаго или мистическаго, но чувствовалась молодая, здоровая чувственность. Видно было, что ея полосатое лѣтнее платье сшито ея собственными руками, а шляпа съ слишкомъ большимъ количествомъ искусственныхъ цвѣтовъ и яркій зонтикъ, съ которымъ она не умѣла свободно справляться,

обнаруживали въ ней дѣвушку простого происхожденія, желавшую быть принятой за даму.

Звали ее Альма Луксъ.

Старшій изъ ея спутниковъ былъ очень скромно одѣтъ, какъ бы не желая подчеркивать красивымъ костюмомъ своего безобразія. Кудрявые волосы и борода, носъ съ большими подвижными ноздрями и добрые, выразительные глаза дѣлали его похожимъ на умнаго пуделя.

Товарищъ его былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. На всемъ его существѣ, начиная съ прекраснаго, тонкаго лица и стройной фигуры и кончая хорошо сшитымъ, хотя и поношеннымъ костюмомъ, лежалъ отпечатокъ благороднаго происхожденія. Старшаго звали докторъ Лемфинкъ, младшаго—Фрицъ Бертингъ. Они познакомились нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ, гдѣ имъ приходилось встрѣчаться въ литературныхъ кружкахъ. Съ тѣхъ поръ Лемфинкъ старался не терять изъ виду своего юнаго друга и былъ очень радъ, что снова встрѣтилъ его въ большомъ городѣ, куда обоихъ занесла судьба.

У Лемфинка былъ очень широкій взглядъ на любовь, и поэтому онъ отнесся къ присутствію Альмы какъ къ чему-то вполнѣ понятному, не задавалъ никакихъ вопросовъ и не старался узнать, какъ молодые люди встрѣтились и какіе планы у нихъ были на будущее. Онъ подыскалъ имъ меблированную квартиру и такъ заинтересовалъ одного крупнаго издателя разсказами о литературномъ талантѣ Бертинга, что тотъ выдалъ молодому человѣку за еще неначатый романъ сто марокъ впередъ.

Нѣсколько первыхъ недѣль Фрицъ Бертингъ посвятилъ осмотру города. Надо было придти въ извѣстнаго рода настроеніе, прежде чѣмъ взяться за перо. Издателю онъ больше не показывался на глаза, а передъ другомъ оправдывался тѣмъ, что въ такую жару невозможно было серьезно заниматься. Лемфинкъ могъ бы возразить ему, что при той же самой температурѣ исполнялъ изо дня въ день обязательную работу, но онъ не сдѣлалъ этого возраженія, такъ какъ ему и въ голову не приходило сравнивать свою дѣятельность съ дѣятельностью Бертинга. А послѣдній бродилъ по городу, разсматривалъ магазинныя выставки, изучалъ физіономіи и манеры обывателей, забавлялся ихъ говоромъ, карикатурой верхне-германскаго нарѣчія, заходилъ въ рестораны и кофейныя, читалъ газеты, прихлебывая замороженный кофе, а вечеромъ отправлялся въ увеселительные сады.

Альма между тѣмъ сидѣла одна въ пустой квартирѣ. Сначала она занялась тѣмъ, что привела въ порядокъ гардеробъ

свой и Бертинга, а когда это было окончено, то стала искать себѣ работы. Всего проще ей было бы поступить въ какой-нибудь модный магазинъ, въ качествѣ „пробирфрейлейнъ", какъ она и служила прежде, но Бертингъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Тогда Альма вспомнила, что когда то, еще до поступленія въ модный магазинъ, она занималась шитьемъ галстуховъ. Она принялась искать работы въ разныхъ заведеніяхъ этого рода, и ей стали давать заказы на домъ. Ей очень хотѣлось имѣть швейную машину, но Бертингъ отказалъ ей наотрѣзъ. Непрерывный стукъ машины въ ихъ маленькой квартирѣ страшно мѣшалъ бы ему. Альма, привыкшая во всемъ согласоваться съ его желаніями, безропотно покорилась и стала шить свои галстухи руками.

Въ этотъ вечеръ Лемфинкъ пригласилъ обоихъ на прогулку, чтобы показать имъ красивыя окрестности города. Бесѣду ихъ нельзя было назвать особенно оживленною. Говорилъ главнымъ образомъ Лемфинкъ.

Бертингъ уже нѣсколько дней былъ въ дурномъ настроеніи духа. Было ли это вызвано невыносимой жарой, неблагопріятнымъ отзывомъ о его стихахъ, попавшимся ему въ газетахъ, или же наконецъ открытіемъ, что деньги, данныя издателемъ, таяли съ каждымъ днемъ, какъ убывающая луна,—неизвѣстно. Какая бы ни была причина, только Фрицъ видѣлъ все въ мрачномъ свѣтѣ и не старался скрывать своего настроенія отъ окружающихъ.

Лемфинкъ говорилъ по обыкновенію о литературѣ. Въ юности онъ самъ мечталъ о писательскихъ лаврахъ, но позднѣе нужда заставила его сдѣлаться журналистомъ и писать фельетоны въ одной политической газетѣ. Ему приходилось трактовать обо всемъ: и о театрѣ, и о новыхъ книгахъ, и о научныхъ вопросахъ. Основательное образованіе пришлось ему очень кстати, но художественный вкусъ часто ставилъ его въ затруднительное положеніе, не позволяя удовлетворять банальнымъ требованіямъ публики.

Фрицъ Бертингъ слушалъ своего друга разсѣянно. Гораздо больше заинтересованной казалась Альма. Образованіе свое она получила въ городской школѣ, писала съ ошибками, и литературныя ея познанія ограничивались романами, продаваемыми разносчиками, но на нее, какъ на большинство женщинъ, дѣйствовало не столько содержаніе разговора, сколько личность говорившаго. Докторъ Лемфинкъ очень интересовалъ ее. Еще никогда въ жизни она не видывала такого человѣка, и хотя мно-

гое изъ того, что̀ онъ говорилъ, было ей непонятно, тѣмъ не менѣе она съ удовольствіемъ слѣдила за его рѣчью, думая о томъ, какъ было мило со стороны такого ученаго господина разговаривать съ нею. Къ этому чувству благодарности присоединялось еще безсознательное чувство увѣренности въ его порядочности. Въ свои девятнадцать лѣтъ она уже знала по опыту, что это—очень рѣдкое качество у мужчинъ.

Они пересѣкли долину, поросшую рѣдкимъ лѣсомъ, и поднялись, шагая по глубокому песку, на небольшую обнаженную возвышенность, откуда открывался широкій видъ. За лѣсомъ виденъ былъ городъ. Онъ заполнялъ своими домами всю долину рѣки и тянулся до противоположныхъ холмовъ. Сквозь дымку пыли все-таки можно было разглядѣть безчисленныя крыши, трубы, башенки, купола, стеклянную крышу вокзала и квадратное зданіе казармъ. Лемфинкъ сталъ объяснять, гдѣ что̀ находилось, называя главныя зданія и улицы, освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. Глядя на эту пеструю, разнообразную картину, Бертингъ невольно оживился. Онъ былъ пораженъ: столько времени сидѣлъ онъ въ тѣсной, неопрятной квартирѣ и, задыхаясь отъ пыли и дыма, проклиналъ столько разъ этотъ городъ, и вдругъ теперь увидалъ его совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ городъ очень красивъ!—воскликнулъ онъ.

— Да, Бертингъ, сидя въ городѣ, замѣчаешь слишкомъ много подробностей и не схватываешь общей физіономіи,—отвѣчалъ Лемфинкъ.—Только отсюда, съ птичьяго полета, видно и начало, и конецъ, и окружающее; только здѣсь начинаешь понимать смыслъ и значеніе всего.

— Ну да, и такъ какъ истый нѣмецъ успокоивается не иначе какъ найдя причину и цѣль всякой вещи, то и я только здѣсь нахожу оправданіе существованія этого города, примиряюсь съ нимъ и понимаю его.

Фрицъ усмѣхнулся немного насмѣшливо и снова погрузился въ свои думы.

Лемфинкъ хотѣлъ продолжать свои объясненія, но Фрицъ перебилъ его:

— Пощади, ради Бога, Лемфинкъ!—довольно всякихъ именъ и вообще исторіи. Когда мнѣ подробно начинаютъ объяснять какую-нибудь картину, она теряетъ для меня всякую прелесть. Я думаю о томъ, какъ хорошо было бы взглянуть такъ же съ высоты на нашу жалкую землю. Можетъ быть, тогда стало бы понятно настоящее значеніе и цѣна жизни. Все дѣло—въ раз-

стояніи. Это моя мечта: найти такой высокій пунктъ, съ котораго можно было бы создать картину жизни, захватывающую своей правдивостью и поразительную по своей естественности. Какое удивительное произведеніе искусства можно было бы создать, еслибы найти такую сторожевую башню и съ нея взглянуть на весь безконечный міръ!

— Такъ создай же это произведеніе!—съ живостью воскликнулъ Лемфинкъ.—Напиши намъ такую книгу!

— Надо изобразить городъ, какъ символъ совмѣстной жизни людей, всего человѣчества. Ахъ, еслибъ можно было открывать крыши и разсматривать людей въ ихъ комнатахъ и помѣщеніяхъ, видѣть, какъ они спятъ, ѣдятъ и что̀ дѣлаютъ, когда думаютъ, что за ними никто не наблюдаетъ; еслибы можно было проникнуть взоромъ сквозь всю ложную шелуху, которой люди прикрываютъ свою настоящую натуру, называя эту шелуху общественностью, семьей, закономъ и нравами! Но собрать человѣческіе документы, настоящіе, подлинные—очень трудно. Легче подсмотрѣть и подслушать звѣря, чѣмъ вѣчнаго актера, человѣка.

Фрицъ вздохнулъ.

— А въ сущности зачѣмъ тебѣ эти документы, еслибъ тебѣ и удалось ихъ собрать?—возразилъ Лемфинкъ.—Ты не обогатилъ бы ими сокровищницу вѣчной истины. Предоставь собираніе такихъ маленькихъ мгновенныхъ истинъ наукѣ. Зачѣмъ тебѣ копаться въ кучѣ сора, когда ареной для твоей дѣятельности служитъ весь міръ?

— Да, но вѣдь душа находится въ тѣлѣ, и то, какъ люди думаютъ, чувствуютъ и поступаютъ, зависитъ отъ того, какъ они ѣдятъ, пьютъ и спятъ. У насъ есть воспріимчивость, настроеніе, фантазія, но этого далеко не достаточно для того, чтобы написать большой экспериментальный романъ, уже существующій за границей, но о которомъ мы еще не имѣемъ понятія. Современная жизнь велика и могуча, но ея впечатлѣнія остаются у насъ только на сѣтчатой оболочкѣ глаза. Мы до такой степени смущены и оглушены всѣмъ, что̀ въ ней есть новаго, что никому еще ни разу не удалось переработать ее въ художественный образъ, да едва ли и удастся.

— Я не понимаю твоей безнадежности,—произнесъ, подумавъ, Лемфинкъ.—Развѣ это несчастье для художника, если матеріалъ огроменъ и требуетъ переработки? Ученаго такая работа можетъ испугать, потому что онъ долженъ входить во всѣ мельчайшія подробности безконечно разнообразныхъ явленій, но свободный художникъ, одаренный способностью созерцанія, дол-

женъ дать намъ услышать ему одному доступную гармонію, примиряющую и разрѣшающую всѣ жизненные диссонансы. Мнѣ ли говорить это тебѣ, Бертингъ!

— Хорошо ты говоришь, но забываешь одно: мы, современные писатели, прикованы къ дѣйствительности желѣзными скрѣпами. Нашимъ предшественникамъ легко было улетать на крыльяхъ фантазіи: чѣмъ дальше они залетали, тѣмъ большій вызывали восторгъ. Но наука пробудила ихъ отъ заоблачныхъ сновъ къ ясному сознанію дѣйствительности. Теперь все съ крикомъ требуетъ фактовъ. Во всемъ мы ушли впередъ, одерживая безчисленныя побѣды,—только въ литературѣ остались позади всѣхъ. Ты отлично знаешь, Лемфинкъ, за что боремся мы, молодые писатели. Съ насъ довольно сладкихъ любовныхъ стиховъ, выточенныхъ профессорскихъ романовъ и драмъ, представляющихъ собою неудачное подражаніе Шиллеру. Долой все это! Если возможна справедливая, необходимая и даже святая революція, то именно та, къ которой мы стремимся.

Фрицъ замолчалъ и сталъ задумчиво смотрѣть на городъ, на всю долину, полную жизни, движенія и труда. Докторъ Лемфинкъ могъ бы многое возразить ему, но не захотѣлъ отвлекать его отъ его тайныхъ мыслей. Онъ видѣлъ, что въ душѣ Бертинга созрѣвало какое-то рѣшеніе, и это очень радовало его. Альма робко поглядывала сбоку на Фрица. Когда онъ такъ глубоко задумывался и такъ серьезно смотрѣлъ, она особенно ясно начинала чувствовать существовавшую между ними разницу и раздѣлявшее ихъ разстояніе. Въ такія минуты ей бывало очень грустно. Бертингъ бросилъ послѣдній взглядъ на городъ и съ чувствомъ удовлетворенія кивнулъ головой.

II.

Дойдя до города, докторъ Лемфинкъ разстался съ своими друзьями. Ему надо было по дѣлу въ редакцію. Альма повисла на рукѣ Фрица. Она немного устала отъ непривычной прогулки. Медленно шли они по улицамъ,—торопиться было некуда. Ихъ ждала душная комната, скудный ужинъ и жесткая постель, на которой только къ разсвѣту удавалось забыться тяжелымъ сномъ.

Фрицъ не всегда позволялъ Альмѣ такъ виснуть на его рукѣ. Онъ вообще не любилъ „фамиліарностей на улицѣ“, какъ онъ называлъ обыкновенно проявленіе нѣжности при постороннихъ. Альма же, напротивъ, какъ большинство дѣвушекъ въ ея поло-

женіи, хотѣла бы, чтобы весь свѣтъ зналъ, что они принадлежатъ другъ другу. Она очень гордилась имъ и съ уваженіемъ относилась къ его молчанію, довольствуясь возможностью пожимать ему отъ времени до времени руку.

На стѣнѣ, мимо которой они шли, была приклеена огромная розовая афиша, гласившая, что въ одномъ изъ увеселительныхъ садовъ будетъ данъ сегодня вечеромъ концертъ-монстръ двухъ оркестровъ военной музыки при „волшебномъ освѣщеніи".

Альма остановилась и стала читать афишу отъ начала до конца, но Фрицъ оттащилъ ее за руку, проговоривъ: — Вотъ ужасъ-то!

Альма съ сожалѣніемъ отошла отъ афиши, произведшей на нее глубокое впечатлѣніе. „Волшебное освѣщеніе" и „концертъ-монстръ" казались ей верхомъ великолѣпія и изящества, и ей такъ хотѣлось повеселиться именно сегодня, послѣ долгихъ скучныхъ недѣль.

Она ничего ни сказала, но Фрицу самому вдругъ пришло въ голову провести вечеръ въ этомъ саду.

— Хоть музыка будетъ и мучительная, — сказалъ онъ, — Вагнеръ въ безобразномъ исполненіи и „Венгерская рапсодія", исполненная въ видѣ военнаго марша, но все-таки мы хоть подышемъ свѣжимъ воздухомъ. Кромѣ того, мнѣ страшно надоѣла любская колбаса, которой насъ каждый вечеръ кормитъ фрау Клиппель, и мы можемъ кутнуть разочекъ.

Альма была въ восторгѣ.

Они рѣшили все-таки пойти сначала домой, такъ какъ еще не было семи часовъ, а концертъ былъ назначенъ въ девятомъ. Дорога ихъ шла улицами, выходившими въ открытое поле, потомъ они вышли на площадь, въ глубинѣ которой вытянулось фабричное зданіе, и затѣмъ опять пошли по улицамъ съ безобразными сѣро-желтыми домами и высокими голыми стѣнами. Обитатели этого квартала вели жизнь свободную и непринужденную. Мужчины въ однѣхъ жилеткахъ, съ сигарой въ зубахъ, и женщины въ блузахъ довольно легкомысленнаго фасона выглядывали изъ оконъ, облокотившись на подоконники. Цѣлыя семьи преспокойно ужинали, удобно размѣстившись на улицѣ. Дѣти устроивали шумныя игры и бѣгали съ визгомъ и крикомъ. Дѣвушки, одѣтыя по модѣ, съ неряшливой прической и грязными руками, перешептывались, хихикая, прогуливались по улицѣ и поглядывали, какъ будто случайно, на группу молодыхъ людей, стоявшихъ на углу, засунувъ руки въ карманы и сдвинувъ шапки на затылокъ. Всевозможные специфическіе запахи струились изъ

дверей домовъ и погребныхъ оконъ. Витрины магазиновъ были, казалось, спеціально созданы для мухъ. Онѣ облѣпили стекла и рамы, какъ черныя изюмины, не давая возможности разсмотрѣть выставленный товаръ, что, впрочемъ, было и къ лучшему, потому что едва ли бы онъ могъ привлечь покупателей.

Въ другое время Фрицъ Бертингъ поспѣшилъ бы какъ можно скорѣе избавиться отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, но сегодня онъ замедлилъ шаги, присматриваясь ко всему окружающему съ любовнымъ интересомъ. Казалось, и люди, и дома, и вся улица сообщали ему какія-то важныя тайны. Альма не могла понять, почему онъ вдругъ останавливался и внимательно разглядывалъ самые незначительные предметы, но не задавала ему никакихъ вопросовъ, зная, что иногда неосторожное слово съ ея стороны, усмѣшка или замѣчаніе могли вывести его изъ себя.

Альма боялась всякихъ сценъ, не изъ трусости, а потому что догадывалась смутно, что каждая лишняя размолвка уменьшала запасъ любви и нѣжности, этотъ общій капиталъ, увеличивать который была способна она одна.

Когда они пришли домой, то фрау Клиппель, ихъ квартирная хозяйка, сообщила Фрицу, что у него былъ какой-то господинъ и оставилъ записку, и кромѣ того ему принесли письмо съ почты. Письмо это оказалось отъ сестры Фрица, сообщавшей, что мужъ ея получилъ повышеніе и переведенъ въ Берлинъ, куда они и переѣхали. Съ перемѣной мѣста г-нъ Веднеръ получилъ также бо̀льшій окладъ, что̀ очень радовало его жену, и единственнымъ темнымъ пятномъ въ ея жизни была размолвка, вышедшая у брата съ ея мужемъ. Однако это не могло влiять на ея отношеніе къ брату. При этомъ, какъ бы мимоходомъ, сестра сообщала ему, что фрейлейнъ Марихенъ Паули все еще не вышла замужъ.

Фрицъ усмѣхнулся, читая эти строки. Констанція была неизмѣнна и все еще не теряла надежды сдѣлать изъ него, съ помощью брака, солиднаго бюргера.

Для полной типичности письма недоставало только увѣщаній, но и они оказались подъ конецъ. Веднеръ прочелъ въ какой-то газетѣ разсказъ Фрица и нашелъ, что это—„издѣвательство надъ всѣмъ, что̀ есть святого". Женѣ онъ газеты и въ руки не далъ, но тѣмъ не менѣе она спрашивала Фрица, зачѣмъ онъ писалъ подобныя вещи? Или онъ совсѣмъ забылъ, что происходитъ изъ хорошей семьи? Что̀ было бы съ отцомъ, такъ дорожившимъ своимъ добрымъ именемъ!

Письмо кончалось вопросомъ, состоитъ ли все еще Фрицъ въ

близкихъ отношеніяхъ съ „той особой", съ которой они его встрѣчали въ Берлинѣ. Подобный образъ жизни долженъ былъ ему обходиться очень дорого, а на родныхъ онъ не долженъ былъ разсчитывать.

Фрицъ сложилъ письмо и спряталъ его въ ящикъ стола, чтобы оно не попалось Альмѣ, потомъ взялъ записку неизвѣстнаго господина и подошелъ съ нею къ окну.

Нѣкій Кароль приглашалъ его придти сегодня вечеромъ въ одну пивную, съ обозначеніемъ стола, за которымъ онъ будетъ его ждать. Кароль зналъ Бертинга по его сочиненіямъ и горѣлъ желаніемъ познакомиться съ собратомъ по перу. Онъ былъ увѣренъ, что они преслѣдовали одну и ту же цѣль, и было бы поэтому интересно поговорить съ глазу на глазъ. Тонъ письма не понравился Бертингу,—слишкомъ въ немъ чувствовалось большое самомнѣніе,—но все-таки этотъ Кароль могъ имѣть вліяніе въ литературныхъ сферахъ, и было бы неблагоразумно отказаться отъ свиданія.

Въ эту минуту изъ спальной вышла Альма въ своемъ самомъ нарядномъ платьѣ.

— Надѣть мнѣ бархатную шляпу?—спросила она:—или съ маками?

— Извини, дорогая,—отвѣчалъ Фрицъ, — мы не можемъ идти въ концертъ: я долженъ отправиться къ одному господину, который мнѣ оставилъ записку.

Сіяющее лицо Альмы сразу омрачилось. Слезы выступили у нея на глазахъ, она хотѣла что-то сказать, но удержалась и отвернулась къ окну.

Фрицъ сталъ ей объяснять, какъ важно было для него знакомство съ Каролемъ, но она не вѣрила и чувствовала себя глубоко оскорбленной. Стоило какому-то неизвѣстному господину написать ему, и вотъ ужъ онъ забылъ данное ей обѣщаніе. Она собиралась очень веселиться на концертѣ, но еслибы онъ сказалъ ей: „я напишу отказъ этому человѣку, а ты откажись отъ своего концерта, и проведемъ вечеръ дома вдвоемъ", то она съ восторгомъ согласилась бы на это предложеніе. Ей не такъ важенъ былъ концертъ, какъ время, проведенное съ нимъ, и безумно было жаль потерянныхъ счастливыхъ часовъ.

Бертингъ подошелъ къ ней, потрепалъ ее по щекѣ и обѣщалъ послѣ-завтра пригласить Лемфинка и пообѣдать втроемъ за городомъ, но это обѣщаніе нисколько не утѣшило Альму.

III.

Фрицъ Бертингъ и Альма Луксъ встрѣтились первый разъ въ Берлинѣ слишкомъ годъ тому назадъ. Семья Альмы была очень велика, отецъ рано умеръ, и мать вышла замужъ за молодого человѣка, жившаго у нихъ въ домѣ, въ качествѣ нахлѣбника. Поступокъ матери возмутилъ Альму, и она рѣшила уйти отъ нея, чтобы искать самостоятельной работы. Ей посовѣтовали поѣхать въ Берлинъ, и она дѣйствительно очень скоро нашла себѣ хорошее мѣсто въ большомъ модномъ магазинѣ. Но жить ей было нелегко: одинъ приказчикъ сталъ преслѣдовать ее своими ухаживаніями, а товарки смѣялись надъ ея недоступностью. Встрѣтившись съ Фрицемъ, Альма отлично поняла, что онъ не собирался на ней жениться, но зато его и нельзя было сравнить со всѣми ея прежними ухаживателями. Онъ былъ настоящій, и она полюбила его первой, настоящей любовью.

Фрицъ потребовалъ, чтобы она отказалась отъ своего мѣста въ магазинѣ. Тогда у него еще были деньги, и онъ имѣлъ возможность наряжать ее, какъ настоящую даму. Она не знала, чѣмъ собственно занимался Бертингъ, и когда онъ объявилъ ей, что онъ—поэтъ, то она приняла это за шутку и повѣрила только тогда, когда ей въ руки попался сборникъ его стиховъ, съ именемъ автора на обложкѣ. Съ любопытствомъ принялась она перелистывать книгу, но Фрицъ отнялъ у нея сборникъ, сказавъ, что она, все равно, ничего не пойметъ. Тогда она съ гордостью заявила, что еще въ школѣ учила стихи наизусть, и начала-была декламировать, но Фрицъ зажалъ уши и закричалъ, что она его уморитъ своимъ Уландомъ.

Альма познакомилась съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ вращался Бертингъ, и совершенно не знала, какъ себя держать съ этими удивительными людьми. Особенно поражали ее дамы: какъ онѣ одѣвались и о чемъ говорили! Она пробовала поддерживать съ ними разговоръ, но на нее смотрѣли какъ на существо изъ другого міра, или же начинали смѣяться надъ ея выговоромъ, и она видѣла, какъ непріятно это было Фрицу. Она пробовала оправдываться передъ нимъ наединѣ, ссылаясь на свою необразованность, но Бертингъ возражалъ, что дѣло тутъ не въ отсутствіи образованія, а въ отсутствіи вкуса. Образованіе можно пріобрѣсти, но вкусъ и тактъ должны быть прирожденные. Ей было такъ невыносимо сознаніе, что Фрицъ стыдится ея передъ своими друзьями, что она стала совсѣмъ удаляться отъ ихъ обще-

ства и жила въ полномъ одиночествѣ. Для нея существовалъ только одинъ Фрицъ. Иногда онъ бывалъ очень милъ и добръ къ ней, особенно въ счастливыя минуты ихъ совмѣстной жизни, но иногда становился рѣзокъ, холоденъ и въ его отношеніи къ ней появлялось даже что-то враждебное. Она знала, что иногда онъ бывалъ озабоченъ своими денежными дѣлами, и приписывала этой заботѣ перемѣну въ его настроеніи. Онъ самъ никогда не говорилъ ей о своихъ дѣлахъ, и когда она разъ рѣшилась спросить его, то онъ отвѣчалъ, что въ Германіи на все есть спросъ и все оплачивается, кромѣ стиховъ. Тогда она посовѣтовала ему писать что-нибудь другое, что̀ приносило бы доходъ. Онъ горько разсмѣялся и назвалъ ее „Евой". Какъ разъ въ это время Бертингъ былъ увлеченъ поисками новаго искусства и рѣшилъ на собственный счетъ поставить на сцену свою драму „Тихій сонъ", такъ какъ всѣ театры отказались принять эту пьесу. Онъ употребилъ на постановку свои послѣднія деньги. Съ семьей онъ разошелся. Отецъ не могъ простить ему, что онъ бросилъ юридическую карьеру и сталъ писать стихи и пьесы, которыхъ нигдѣ не хотѣли ставить. Сборникъ его стиховъ не остался незамѣченнымъ среди знатоковъ, но не приносилъ ему никакого дохода.

Драмы онъ началъ писать еще въ ранней юности, увлекаясь сначала Лессингомъ, Шиллеромъ, Кернеромъ и Лаубе, но всѣ эти авторитеты померкли передъ новымъ свѣтиломъ, проникшимъ и въ нѣмецкую литературу,—передъ Ибсеномъ. Подъ вліяніемъ его удивительныхъ драмъ, Бертингъ и написалъ свой „Тихій сонъ". Въ немъ онъ хотѣлъ показать, что для тонкаго сознанія современныхъ людей человѣкъ становится негодяемъ не тогда, когда нарушаетъ законы дешевой ходячей морали, но когда совершаетъ гораздо болѣе тонкія погрѣшности, не преслѣдуемыя государствомъ: становится нравственнымъ трусомъ и отказывается отъ смѣлыхъ поступковъ.

Въ драмѣ было мало внѣшняго движенія, но, какъ казалось автору, ему удалось обнажить въ ней нѣкоторыя скрытыя стороны духовной жизни человѣка.

Представленіе не имѣло успѣха. Публики собралось мало. Актеръ, предназначавшійся для главной роли, внезапно уѣхалъ, и его замѣнилъ второстепенный трагикъ, причемъ игравшая съ нимъ актриса была вдвое выше его ростомъ. Это обстоятельство вызывало среди скучающей публики не подходящее для драмы веселое настроеніе. Когда занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, то друзья автора начали усиленно апплодировать, но остальная публика заставила ихъ замолчать энергическимъ шиканьемъ. На-

канунѣ Бертингъ, еще увѣренный въ успѣхѣ, пригласилъ своихъ друзей отъужинать съ нимъ послѣ спектакля. Ужинъ состоялся; несмотря на провалъ пьесы, всѣ старались казаться веселыми, и Максимиліанъ Накеде, товарищъ Фрица по университету и по перу, произнесъ утѣшительную рѣчь. Но бѣдный авторъ чувствовалъ себя отвратительно. Подъ утро трое пошатывающихся друзей доставили Фрица на его квартиру. Проснувшись къ полудню, онъ увидалъ возлѣ себя Альму, не присутствовавшую на представленіи. Безъ его приглашенія, она перебралась къ нему на квартиру и съ тѣхъ поръ не разставалась съ нимъ.

Фрицъ не возражалъ ей. Послѣ сильнаго возбужденія послѣднихъ недѣль, на него напало глубокое равнодушіе ко всему окружающему. Къ этому тяжелому состоянію присоединился еще недостатокъ въ деньгахъ. Со всѣхъ сторонъ ему предъявлялись счеты, а платить было нечѣмъ. Выйти изъ этого положенія ему помогла неожиданная анонимная присылка нѣсколькихъ сотъ марокъ. Онъ догадался, что это былъ подарокъ его друга Накеде, и хотя тяжело было принимать его, но эти деньги спасли его отъ полной нищеты.

Въ это же время Фрицъ послалъ письмо другому своему товарищу, барону Михаилу Шубскому, писавшему ему изъ Парижа, что это—единственный городъ, въ которомъ человѣкъ съ умомъ и вкусомъ можетъ чего-нибудь добиться. Бертингъ сообщилъ товарищу о своей неудачѣ и о намѣреніи переѣхать въ Парижъ, но въ необыкновенно быстро полученномъ отвѣтѣ Шубскій усиленно ему это отсовѣтовалъ. Нѣмецкому населенію, по его словамъ, въ Парижѣ дѣлать было нечего, и самъ онъ собирался ѣхать въ Англію. Во всемъ письмѣ чувствовался страхъ, что ему придется устроивать товарища и возиться съ нимъ.

Въ этотъ печальный періодъ жизни Бертинга понялъ онъ впервые, какимъ сокровищемъ обладалъ въ лицѣ Альмы. Ея милая болтовня отвлекала его отъ мрачныхъ мыслей, и онъ даже сталъ находить, что ея замѣчанія не лишены наблюдательности и остроумія. Преслѣдовавшія его неудачи дали ей возможность доказать ему свою любовь. Ей хотѣлось безраздѣльно завладѣть его душой и заставить его полюбить такъ же сильно, какъ любила она сама.

Въ одинъ прекрасный день, его посѣтилъ его зять Веднеръ, съ предложеніемъ денежной помощи. При этомъ онъ ставилъ три условія: Бертингъ долженъ былъ бросить занятіе литературой, разойтись съ Альмой и вернуться къ юридической карьерѣ.

Это предложеніе родственника подѣйствовало на Фрица какъ

ударъ хлыста. Онъ излилъ все свое негодованіе въ цѣломъ рядѣ эскизовъ, бичевавшихъ современную семью, ея ложь и ея гнилую нравственность. Эскизы эти были напечатаны въ нѣсколькихъ газетахъ, и онъ пріобрѣлъ ими большую популярность въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, чѣмъ всѣми своими прежними произведеніями, вмѣстѣ взятыми. Вмѣшательство родственника въ его личную жизнь имѣло и еще другое послѣдствіе: Фрицъ еще больше оцѣнилъ Альму и привязался къ ней еще сильнѣе.

IV.

Налѣво, у второго столика отъ входа въ пивную, сидѣлъ писатель Кароль и обдумывалъ тѣ пріятныя для авторскаго самолюбія слова, которыя готовился сказать Фрицу Бертингу.

Отецъ Кароля (настоящее имя его было Зильберъ) былъ изъ польскихъ евреевъ и переселился изъ Польши въ Германію. Старшій сынъ, Зигфридъ, посѣщалъ реальную школу и отецъ готовилъ его въ купцы, но мальчикъ рано сталъ увлекаться литературой. Въ школѣ онъ узналъ о Клопштокѣ, Лессингѣ, Виландѣ, Гердерѣ, Шиллерѣ и Гёте, какъ о великихъ представителяхъ нѣмецкой литературы, но самъ онъ думалъ совсѣмъ иначе. Для него существовалъ только одинъ писатель—Генрихъ Гейне. Остальныхъ онъ признавалъ въ качествѣ звѣздъ второй величины.

Случайно ему попала въ руки брошюра Лассаля и произвела на него глубокое впечатлѣніе, а отъ Лассаля онъ перешелъ къ болѣе благоразумному и менѣе геніальному Карлу Марксу и сдѣлался краснымъ интернаціоналистомъ.

Политическія и литературныя стремленія сына были совершенно чужды старику Зильберу. Единственной его политикой было желаніе жить со всѣми въ ладу, а литературу считалъ онъ занятіемъ, не приносящимъ денегъ, а слѣдовательно безполезнымъ. Зигфридъ, окончивъ школу, разстался съ отцомъ и отправился искать по свѣту счастья. Жизнь его была не изъ легкихъ; литературные и политическіе кружки охотно принимали его къ себѣ въ члены и съ удовольствіемъ слушали его зажигательныя рѣчи, но денегъ ему это не давало, и онъ зачастую голодалъ. Отъ отчаянія его спасалъ только свойственный его расѣ оптимизмъ и способность чувствовать себя вездѣ какъ на родинѣ. На человѣчество онъ смотрѣлъ какъ на матеріалъ для своихъ плановъ, и чутьемъ понялъ, что именно въ этомъ большомъ городѣ ему удастся привести эти планы въ исполненіе. Прежде

всего ему нужно было обзавестись литературными знакомствами, и уже многіе писатели получали отъ него такое приглашеніе, какое онъ оставилъ Бертингу. Однако далеко не всѣ являлись на свиданіе, и поэтому Кароль былъ въ восторгѣ, увидавъ у входа въ пивную стройную фигуру бѣлокураго молодого человѣка, нерѣшительно оглядывавшагося кругомъ. Онъ быстро всталъ и пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Вы господинъ Бертингъ? Я—Кароль.

Фрицъ оглядѣлъ его съ удивленіемъ. Ему и въ голову не приходило, что Кароль былъ еврей.

Кароль былъ некрасивъ, но у него, какъ у всякаго типичнаго представителя своей расы, было очень интересное и не лишенное привлекательности лицо.

— Я уже давно хотѣлъ познакомиться съ авторомъ „Тихаго сна",—началъ Зигфридъ Зильберъ, когда они усѣлись за столикомъ.—И вотъ случай... или нѣтъ, не случай! Въ духовномъ родствѣ случаевъ не бываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не удивительно ли это? Я стремлюсь съ вами познакомиться, но не хочу дѣлать этого письменно, потому что письмо такъ безсильно и такъ мало передаетъ,—и вдругъ узнаю, что вы живете въ одномъ городѣ со мною, что вы, какъ и я, бѣжали сюда, спасаясь отъ людского непониманія. Не сочтите это за нескромность, господинъ Бертингъ, но я увѣренъ, что не только въ нашихъ произведеніяхъ, но и въ нашей судьбѣ есть что-то общее, родственное.

Въ такомъ родѣ продолжалъ онъ и дальше, разсказалъ Фрицу всю свою біографію и, къ удивленію Бертинга, при первомъ же знакомствѣ открылъ ему всѣ „раны своего сердца" и ввелъ его въ свою „святую святыхъ".

Чтобы прекратить этотъ неизсякаемый потокъ краснорѣчія, Фрицъ принужденъ былъ взглянуть на часы и заявить, что у него есть еще дѣло на сегодняшній вечеръ.

Тогда въ Каролѣ произошла неожиданная перемѣна. Онъ пододвинулся поближе къ Бертингу и заговорилъ дѣловымъ тономъ, точно сталъ другимъ человѣкомъ.

Бертингъ, насколько было извѣстно Каролю, недавно только пріѣхалъ въ городъ и, конечно, нуждался въ работѣ. Единственнымъ средствомъ для литератора стать извѣстнымъ и зарабатывать деньги было сотрудничество въ газетахъ, и Кароль предлагалъ ему помочь найти работу.

Фрицъ возразилъ, что въ этомъ случаѣ ему всего скорѣе могъ помочь его другъ, докторъ Лемфинкъ. При этомъ имени

въ лицѣ Зильбера появилось удивленное и далеко не обрадованное выраженіе.

— Достойнѣйшій человѣкъ г-нъ Лемфинкъ, — произнесъ онъ,—но не находите ли вы, что въ немъ есть что-то старомодное, и его взгляды, какъ политическіе, такъ и литературные, —немного отсталые. Такой тонкій наблюдатель, какъ вы, не можетъ этого отрицать.

Бертингъ отвѣчалъ уклончиво и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Зильберъ осмотрѣлся кругомъ, какъ бы боясь, что его подслушаютъ, и сталъ усиленно уговаривать Бертинга принять работу въ извѣстной политической газетѣ, нуждавшейся въ это время въ талантливомъ сотрудникѣ.

Фрицъ, уже понявшій, къ какой партіи принадлежалъ Зильберъ, возразилъ, что не чувствуетъ себя способнымъ работать въ политическихъ органахъ и зависѣть отъ главнаго редактора и преобладающей партіи. Вообще, политика казалась ему всегда очень скучной, и онъ не понималъ, какъ люди съ тонко развитымъ вкусомъ могли увлекаться ею. Что же касается художественнаго творчества, то онъ думалъ, что политическія тенденціи убиваютъ всякое художественное произведеніе въ самомъ зародышѣ, ибо основаніе всякаго искусства прежде всего—свобода.

— Свобода!—воскликнулъ Зильберъ и театрально поднялъ руки.—Въ современной Германіи свободы не существуетъ!

И опять онъ заговорилъ очень пространно о печальномъ положеніи интеллигента въ современномъ обществѣ. Повидимому, это было его больное мѣсто,—онъ увлекался все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ говорилъ; глаза его сверкали страстной ненавистью и все худое тѣло дрожало отъ волненія. Теперь онъ гораздо больше сталъ нравиться Фрицу, чѣмъ вначалѣ. Въ немъ говорило возмущеніе человѣка, желающаго пробиться сквозь толпу и возвыситься надъ нею, и котораго эта толпа удерживаетъ и не пускаетъ. Сколько долженъ былъ переиспытать человѣкъ, чтобы дойти до такой ненависти къ людямъ!

Въ эту минуту изъ внутренняго помѣщенія ресторана вышелъ толстый господинъ въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ и подошелъ къ столу, за которымъ они сидѣли. Это былъ издатель, Вейсблейхеръ.

Онъ попросилъ позволенія сѣсть за ихъ столъ и, не дожидаясь отвѣта, грузно опустился на стулъ и бросилъ на середину стола свою шляпу. Эта встрѣча была непріятна Фрицу; онъ уже давно обѣщалъ издателю тотчасъ же приступить къ роману, и до сихъ поръ не начиналъ писать его.

Вейсблейхеръ, какъ и слѣдовало ожидать, освѣдомился о томъ, „что подѣлываетъ нашъ романъ“, и узнавъ, что онъ еще очень мало подвинулся впередъ, поглядѣлъ сбоку на Фрица и замѣтилъ:

— Докторъ Лемфинкъ сказалъ мнѣ, что вы легко и много пишете.

Бертингъ хотѣлъ возразить, что дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ, но вспомнилъ про свой долгъ и скромно обѣщалъ поторопиться съ работой.

— Да, ужъ вы поторопитесь, — сказалъ Вейсблейхеръ, — чтобы можно было книжку выпустить къ Рождеству. Я попробую пустить васъ въ ходъ. Посмотримъ, не съумѣемъ ли мы проложить дорогу и для васъ, молодыхъ. Я вѣдь это дѣлаю изъ интереса къ новому движенію. Доходовъ это мнѣ не принесетъ.

Фрицъ уже зналъ, насколько можно было довѣрять словамъ этого господина. Лемфинкъ называлъ его не иначе, какъ „необходимымъ зломъ“.

Благосклонно кивнувъ Бертингу, Вейсблейхеръ всталъ и, уже уходя, повернулся и произнесъ.

— A propos, г-нъ Кароль! Такъ, кажется, васъ зовутъ, молодой человѣкъ?

Зигфридъ Зильберъ поспѣшно отвѣтилъ, что это—его псевдонимъ.

— Я сейчасъ только вспомнилъ, что у насъ находится ваша рукопись. Я заглянулъ въ нее недавно, но она не подходитъ къ нашему издательству. У васъ нѣтъ недостатка въ наблюдательности, но содержаніе романа слишкомъ печально, слишкомъ тяжело дѣйствуетъ. Публика такихъ сюжетовъ не любитъ. Вы можете получить рукопись обратно, г-нъ Кароль.

Фрицъ замѣтилъ, какъ блѣдное лицо Зильбера стало еще блѣднѣе и онъ проводилъ взглядомъ, полнымъ ненависти, уходившаго издателя, не соблаговолившаго даже попрощаться съ нимъ. Но онъ быстро овладѣлъ собою и проговорилъ съ нервной усмѣшкой:

— Вамъ повезло съ Вейсблейхеромъ. У него и деньги есть, и извѣстность, и онъ—очень ловкій дѣлецъ.

V.

Фрицъ Бертингъ чувствовалъ, что ему не заснуть въ эту ночь. Подъ предлогомъ усталости, онъ разстался съ Зигфридомъ

Зильберомъ и пошелъ бродить по улицамъ. Въ эту душную лѣтнюю ночь городъ казался даже болѣе оживленнымъ, чѣмъ днемъ.

Ярко освѣщенные увеселительные сады были биткомъ набиты посѣтителями; по широкимъ, обсаженнымъ большими деревьями, аллеямъ прогуливались рабочіе, прислуга и всѣ тѣ, кто днемъ не имѣетъ времени показаться на улицу. Здѣсь, среди медленно прогуливавшейся молодежи, попадалось особенно много приказчиковъ и учениковъ, съ сигарой въ зубахъ и съ тросточкой въ рукахъ. Юноши старались изо всѣхъ силъ казаться настоящими мужчинами, и это имъ удавалось главнымъ образомъ при помощи благодѣтельныхъ сумерекъ. На всѣхъ скамейкахъ, а въ особенности на тѣхъ, которыя были подальше отъ фонарей, сидѣли влюбленныя парочки, и нѣжность ихъ проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе было освѣщеніе. Изъ увеселительнаго заведенія, помѣщавшагося на другомъ берегу рѣки, доносились по временамъ звуки вальса, и эта музыка, усиливая нѣжность влюбленныхъ сердецъ, возбуждала въ молодежи непреодолимую охоту потанцовать.

Фрицъ Бертингъ отдавался теченію толпы безъ всякаго опредѣленнаго плана. Его не тянуло домой, хотя онъ и зналъ, что Альма его ждетъ. Въ томъ настроеніи, которое вдругъ захватило его, онъ больше всего нуждался въ полномъ одиночествѣ, и Альма въ такія минуты теряла для него всякое значеніе. Онъ самъ еще неясно понималъ то новое, что̀ сначала смутно и неясно закопошилось въ его душѣ, а теперь уже настойчиво и упорно требовало для себя жизни и о̀бразовъ. Ему хотѣлось остаться одному, совсѣмъ одному съ этими все еще пока туманными, зарождавшимися мыслями. Онъ волновался и трепеталъ, какъ трепещетъ женщина, чувствуя приближеніе своего возлюбленнаго, и въ этомъ трепетѣ была стыдливость, страхъ и восторгъ ожиданія.

Ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ широкихъ и людныхъ аллей, и онъ поторопился выйти на длинную и довольно пустынную улицу. Въ тишинѣ его шаги зазвучали по тротуару особенно громко. Уличные фонари вытянулись передъ нимъ длинной блестящей линіей, уходя вдаль и превращаясь въ крошечныя блестящія точки. Онъ вышелъ на площадь какъ разъ въ ту минуту, когда часы на колокольнѣ старой церкви пробили полночь. Затѣмъ, онъ углубился въ лабиринтъ маленькихъ темныхъ улицъ и переулковъ. Полицейскій, стоявшій здѣсь на своемъ посту, подозрительно покосился, замѣтивъ хорошо одѣтаго господина—явленіе довольно непривычное для этихъ мѣстъ. Какая-то женщина, которой Фрицъ не могъ разсмотрѣть въ темнотѣ,

поспѣшно прошептала ему слова, въ смыслѣ которыхъ нельзя было ошибиться. Но вотъ, наконецъ, кончилась узкая, пропитанная удушливыми запахами улица, и Фрицъ почувствовалъ свѣжее дуновеніе. Рѣка была близко; она несла свои воды съ горъ, изъ луговъ и лѣсовъ, и въ душномъ городѣ уже ясно чувствовалось ея свѣжее дыханіе.

Для Фрица стала сразу ясна цѣль его странствованій. Ему захотѣлось какъ можно скорѣе выбраться изъ тѣсноты и пойти куда-то далеко вдоль по рѣкѣ; въ эту минуту она представлялась ему самымъ близкимъ существомъ; ему казалось, что она, подобно ему, жаждетъ одиночества. За городомъ, гдѣ рѣка катилась между плоскихъ береговъ, было любимое мѣсто Фрица. Онъ набрелъ на него случайно, во время одной вечерней прогулки съ Альмой.

Онъ направился туда. Темнота скрадывала безобразіе сараевъ, огромныхъ кучъ наваленнаго угля, фабрикъ и копоти. Наконецъ онъ выбрался на незастроенное мѣсто и пошелъ вдоль длинной каменной набережной.

Ночь была лунная. Противоположный берегъ вырисовывался неясными очертаніями, точно въ туманѣ. Все кругомъ было тихо, но въ этой тишинѣ чувствовалась какая-то таинственная, полная движенія жизнь. Природа не засыпаетъ въ лѣтнюю ночь. Изъ ивовыхъ кустовъ вдоль набережной слышался сонный крикъ какой-то водяной птицы; въ травѣ трещали кузнечики, а вокругъ него носились ночныя бабочки. Фрицъ быстро подвигался впередъ. Городъ уже далеко остался позади, и передъ нимъ по обѣ стороны рѣки потянулись поля. Онъ вздохнулъ полной грудью. Наконецъ-то онъ одинъ! Въ послѣднее время онъ полюбилъ одиночество больше всего на свѣтѣ.

Фрицъ Бертингъ принадлежалъ къ числу художниковъ, не умѣющихъ творить, когда они окружены людьми. Его творческая сила точно слабѣла подъ взглядомъ чужихъ глазъ, а беззастѣнчивое присутствіе въ комнатѣ какого-нибудь посторонняго лица невыносимо тяготило его, убивая въ зародышѣ всякую мысль. Альма раздражала его въ такія минуты даже тогда, когда не произносила ни слова. Его смущала ея близость, смущало одно сознаніе, что она здѣсь, подлѣ него. Дѣвушка знала эту его особенность, и старалась быть насколько возможно тихой и незамѣтной. Но и это не помогало. Онъ раздражался ея молчаніемъ, и всѣми нервами ждалъ той минуты, когда она опять помѣшаетъ ему. Когда же эта минута наступала, онъ осыпалъ ее упреками, говорилъ, что, благодаря ей, теряетъ нить мыслей.

Въ такіе дни обыкновенно онъ бросалъ работу и больше не принимался за нее.

Сегодня ночью онъ вдругъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ состоянія бездѣйствія, тяготившаго его уже въ продолженіе многихъ недѣль. Уже днемъ, когда Лемфинкъ обратилъ его вниманіе на великолѣпный городъ, онъ почувствовалъ, какъ что-то пробуждается и оживаетъ въ его душѣ. Безпокойное, жуткое и въ то же время радостное чувство завладѣло имъ. Въ продолженіе цѣлаго дня онъ думалъ о постороннихъ вещахъ, встрѣчался и разговаривалъ съ людьми, получалъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, но не забывалъ ни на минуту, что все это не есть главное. Важнѣе всего было то, что̀ происходило внутри него и чего онъ еще былъ не въ силахъ выразить словами, но что̀ росло и крѣпло почти помимо него въ тайникахъ его души. Онъ все шелъ впередъ, думая подъ немолчный шумъ волнъ, и въ этомъ шумѣ было что-то возбуждающее и ободряющее. Онъ думалъ о своей жизни, о своемъ прошломъ...

Какъ только Фрицъ Бертингъ выработалъ въ себѣ сознательное отношеніе къ самому себѣ и къ жизни,—а это случилось съ нимъ на двадцать-шестомъ году,—самымъ дорогимъ и радостнымъ для него стало сознавать себя поэтомъ. Но раньше чѣмъ отдаться этому любимому дѣлу, Фрицу пришлось пройти довольно тяжелый путь и порвать со всѣмъ его окружавшимъ и близкимъ.

Отъ дѣтства у него сохранились неясныя и довольно сбивчивыя воспоминанія, не связанныя ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ, такъ какъ отецъ его былъ чиновникомъ, и, по волѣ начальства, его часто переводили изъ одного города въ другой. Но, несмотря на эти частыя перемѣны мѣстъ, все въ домѣ совѣтника, начиная съ неуклюжей и неудобной мебели, которую перевозили за собой съ одного конца Германіи на другой, кончая самой ничтожной привычкой разъ заведеннаго хозяйственнаго строя, все оставалось неизмѣннымъ, какимъ-то тусклымъ, безжизненнымъ, лишеннымъ красокъ и освѣщенія. Въ ихъ домѣ всегда и повсюду было что-то напоминавшее канцелярію, что-то сухое, деревянное, размѣренное и необыкновенно скучное.

Часто впослѣдствіи Фрицъ думалъ о томъ, какъ могло зародиться въ немъ стремленіе къ поэзіи. Конечно, онъ унаслѣдовалъ это не отъ отца. Мать свою онъ помнилъ очень мало; она умерла, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькимъ, и онъ не могъ представить себѣ ни ея лица, ни фигуры, хотя хорошо помнилъ, что она пѣла ему дѣтскія пѣсенки и разсказывала

чудесныя сказки. Были у Фрица двѣ сестры гораздо старше его, но отношенія между ними сложились болѣе чѣмъ равнодушныя. Сестры тяготились мальчикомъ и считали его помѣхой для ихъ замужества. Онѣ даже не старались скрыть своего отношенія къ брату и воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ выйти замужъ и оставить родительскій домъ. Старый совѣтникъ и маленькій Фрицъ остались вдвоемъ.

Фрицъ, переѣзжая съ отцомъ изъ города въ городъ, постоянно мѣнялъ школы, учителей и товарищей; неизмѣннымъ оставалось только одно, что̀ объединяло всѣ эти учебныя заведенія и учебный персоналъ: заколачиваніе учениковъ древними языками и, какъ противовѣсъ этому, полное пренебреженіе къ родному языку.

Наконецъ, старый Бертингъ получилъ спокойное и почетное назначеніе въ одномъ изъ большихъ провинціальныхъ городовъ. Тамъ былъ хорошій театръ, и Фрицъ сдѣлался ярымъ театраломъ. Новый, неожиданный міръ вдругъ открылся передъ нимъ, и онъ съ жадностью, безъ всякой критики, упивался его впечатлѣніями. Къ этому времени относится и его первая любовь. Онъ полюбилъ театральную героиню, женщину съ пышно развитыми формами и выразительнымъ лицомъ, типичную представительницу подмостковъ. Она была вдвое старше Фрица, была замужемъ, имѣла дѣтей. Но развѣ это могло имѣть какое-нибудь значеніе для влюбленнаго юноши! Г-жа Корсевская была для него не земнымъ созданіемъ, а существомъ изъ какого-то другого, заоблачнаго міра. Онъ поклонялся и благоговѣлъ передъ нею.

Онъ писалъ ей письма и не получалъ отвѣтовъ, но вдругъ въ одинъ прекрасный день къ старику Бертингу явился мужъ актрисы, отставной офицеръ, и попросилъ его посовѣтовать сыну не тратиться на марки, въ виду того, что первыя письма еще смѣшили адресатку, а теперь просто надоѣли ей.

Нѣжное, стыдливое чувство было безжалостно смято грубыми руками. Въ этотъ критическій моментъ, Фрицъ нашелъ въ своемъ отцѣ, вмѣсто друга, скучнаго и довольно безжалостнаго наставника. Совѣтникъ надоѣдалъ сыну своими родительскими высоконравственными проповѣдями, и мысль о томъ, что Фрицъ болѣе нуждается въ утѣшеніи, чѣмъ въ наставленіи, ни разу не пришла въ его старую голову. Въ это время отецъ лишился навсегда возможности пріобрѣсти довѣріе сына.

Это происшествіе довольно скоро было забыто, но у Фрица, несмотря на весь запасъ еще нетронутыхъ молодыхъ силъ, все-

таки осталась въ душѣ какая-то болѣзненная ссадина, недовѣріе къ отцу и несвойственное въ его годы отчужденіе отъ людей.

Посѣщеніе театра было ему строго запрещено, но онъ довольно скоро примирился съ этимъ лишеніемъ, найдя утѣшеніе у толстой, веселой кёльнерши. Первая идеальная любовь умерла, и на мѣстѣ ея выросла совершенно реальная, грубая любовная связь. Долги, ссора съ соперникомъ и, наконецъ, негодованіе отца, которому поспѣшили донести о поведеніи сына, были послѣдствіями этой черезчуръ ранней любовной интриги.

Совѣтникъ Бертингъ скорбѣлъ о безнравственномъ поведеніи своего единственнаго сына, но ему и въ голову не приходило, что онъ самъ хоть сколько-нибудь способствовалъ дурной славѣ юноши.

Между тѣмъ, подошло время выпускного экзамена. Фрицъ выдержалъ испытаніе и, заручившись дипломомъ, отправился въ Берлинъ, гдѣ и поступилъ въ университетъ, на юридическій факультетъ. Онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія къ юридическимъ наукамъ, но отецъ его выразилъ желаніе, чтобы онъ избралъ именно эту карьеру. Разсуждать же о какомъ бы то ни было призваніи съ несовершеннолѣтнимъ юношей тайный совѣтникъ находилъ, по меньшей мѣрѣ, глупымъ и несвоевременнымъ.

Въ это время, занятое изученіемъ наукъ и довольно необузданными развлеченіями, Фрицъ, благодаря одному изъ своихъ товарищей, познакомился съ музыкой, узналъ Рихарда Вагнера, и мощный голосъ творца „Тристана" заглушилъ въ его душѣ всѣ остальные звуки. Почти одновременно съ увлеченіемъ Вагнеромъ, Фрицъ подпалъ подъ вліяніе Шопенгауера, такъ много говорившаго его уже зараженной пессимизмомъ душѣ. Въ то время какъ Вагнеръ пробуждалъ въ немъ стремленіе къ мощной, необузданной стихійности и мистицизму, Шопенгауеръ училъ его презирать свѣтъ и стремиться къ нирванѣ. Отъ Шопенгауера Фрицъ перешелъ къ Гартману, Фогту, Молешотту и Бюхнеру. Проникнувъ, такимъ образомъ, въ самыя нѣдра философскаго матеріализма, онъ сталъ искать въ естественныхъ наукахъ дополненія къ выработавшемуся въ немъ міросозерцанію. И вотъ Дарвинъ, съ его научной системой, явился для Фрица новымъ источникомъ свѣта.

Весьма понятно, что человѣкъ, дававшій столько пищи своему уму, не находилъ достаточно времени, чтобы подготовиться къ государственному экзамену, особенно принимая во вниманіе, что ни гражданское право, ни всевозможные уголовные процессы

никогда не внушали ему ни малѣйшаго интереса. Между тѣмъ отецъ упорно настаивалъ на экзаменѣ. Онъ, по своему обыкновенію, старался быть болѣе строгимъ къ своему сыну, чѣмъ былъ когда бы то ни было къ самому себѣ. Для Фрица все яснѣе и яснѣе становилось, что между ними образовалась непреодолимая преграда. Семидесятилѣтній старикъ уже кончилъ свой путь, а юноша пускался въ дорогу, конца которой еще никто не могъ предвидѣть.

Фрицъ не имѣлъ ничего общаго со студенческими ферейнами и корпораціями. Его тяготили всякія обязательныя отношенія, и онъ сдѣлался членомъ клуба, образовавшагося изъ лицъ всевозможныхъ классовъ общества и всякихъ профессій. Въ этомъ клубѣ засѣданія бывали два раза въ недѣлю. Два раза въ недѣлю, по вечерамъ, тамъ собирались члены, обсуждали различныя явленія общественной жизни, говорили о новыхъ произведеніяхъ въ области литературы и науки, спорили и горячились за кружкой пива, съ сигарой въ зубахъ. Здѣсь встрѣчались художники всевозможныхъ направленій, люди различныхъ религіозныхъ убѣжденій и люди, не имѣвшіе ровно никакой религіи. Въ политикѣ здѣсь брали перевѣсъ радикалы, но это нисколько не стѣсняло соціаль-демократовъ, евреевъ и даже анархистовъ. Были здѣсь и вѣчные студенты и журналисты. Всѣхъ этихъ разнообразныхъ людей сближала между собой вѣра въ идеалъ и въ будущее. Они мечтали о грандіозныхъ преобразованіяхъ въ различныхъ областяхъ, старались разрушить настоящее и возлагали большія надежды на будущее. Противъ существующаго порядка вещей они боролись исключительно словомъ. Въ одинъ вечеръ они низводили въ прахъ заслуженныхъ гражданъ, ихъ критика сокрушала самые прочные устои, разбивала теоріи и системы, державшіяся цѣлыми вѣками. Они составляли проекты для изданія газетъ, которымъ никогда не было суждено увидѣть свѣтъ, мечтали о коренномъ преобразованіи театра для постановки пьесъ еще несуществующихъ драматическихъ писателей. И во всемъ, что̀ они говорили, чувствовался могучій протестъ юности противъ старыхъ, установившихся, но уже обветшалыхъ формъ. Единственнымъ средствомъ для борьбы они считали слово и широко пользовались имъ для проведенія своихъ взглядовъ. Нѣкоторые изъ членовъ клуба выражали въ стихахъ свое настроеніе, другіе писали романы, повѣсти и разсказы; были и такіе, которые выражали свой протестъ въ драматической формѣ.

Фрицъ Бертингъ выдѣлялся довольно рѣзко среди членовъ этого клуба. Ни наружность его, ни манеры, ни разговоръ, не

подходили къ окружавшей его богемѣ, но любовь къ свободѣ, къ самостоятельности и стремленіе найти надлежащее примѣненіе своимъ силамъ притягивали его къ этой пестрой толпѣ и роднили съ нею.

Между тѣмъ, отношенія между отцомъ и сыномъ становились все хуже и хуже. Отецъ настаивалъ, чтобы Фрицъ не оставлялъ намѣченной ему карьеры, а сынъ чувствовалъ, что, повинуясь отцу, совершаетъ нравственное самоубійство.

Фрицъ окончательно разошелся и съ отцомъ, и съ товарищами, послѣ появленія перваго же сборника своихъ стихотвореній. Всѣ его бывшіе товарищи по школѣ, сдѣлавшіеся за это время офицерами или чиновниками, стали чуждаться его и относиться къ нему съ какой-то подозрительностью. Они не могли простить ему измѣны традиціямъ извѣстнаго общественнаго положенія и его причастности къ литературѣ. Отецъ же написалъ сыну письмо, съ угрозой лишить его наслѣдства, если только онъ не перестанетъ бывать въ подозрительномъ обществѣ и будетъ писать неприличныя книги. На эту отцовскую угрозу Фрицъ отвѣтилъ тѣмъ, что, спустя немного времени, выпустилъ второй сборникъ стихотвореній, подчеркнувъ и еще усиливъ то, что̀ было въ первомъ.

Такимъ образомъ порвалась его послѣдняя связь съ семьей. Годъ спустя, тайный совѣтникъ умеръ, оставивъ сыну только законную часть наслѣдства. Затѣмъ потянулись годы безплодныхъ странствованій по всевозможнымъ книжнымъ издателямъ, драматургамъ и театральнымъ агентамъ, которымъ Фрицъ Бертингъ тщетно предлагалъ свои драмы. Ихъ клубъ окончательно распался. Нѣкоторые изъ его членовъ взяли мѣста въ редакціяхъ; другіе, измученные нуждой, ухватились за первое сносное предложеніе какой бы то ни было работы, а очень многіе исчезли безъ слѣда въ бурныхъ волнахъ жизни большого города. У Фрица появились новыя знакомства. Благодаря деньгамъ, онъ не имѣлъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ подругахъ.

Иногда, обдумывая свое положеніе и соображая, что средства его постепенно истощаются, а стихотворенія имѣютъ весьма посредственный успѣхъ, онъ задавалъ себѣ вопросъ, не было ли бы съ его стороны болѣе благоразумнымъ слѣдовать совѣтамъ покойнаго отца. Онъ не могъ не признавать, что въ такомъ случаѣ ему жилось бы и легче, и удобнѣе, и онъ давно уже считался бы полезнымъ членомъ общества. Но, несмотря на все это, онъ никогда не могъ серьезно рѣшиться измѣнить свое положеніе. Онъ былъ увѣренъ, что только на избранномъ имъ пути

ему удастся создать что-нибудь настоящее и что нѣтъ на землѣ болѣе высокаго и благороднаго призванія, какъ быть писателемъ.

Луна уже давно зашла, бѣлый туманъ поднялся надъ рѣкой, а на восточной сторонѣ неба показалась розовая полоса. Воздухъ замѣтно посвѣжѣлъ и трава стала мокрой отъ росы. Короткая лѣтняя ночь кончилась.

Фрицъ повернулъ назадъ къ городу. Его пробирала дрожь отъ безсонной ночи и свѣжаго утренняго воздуха, но онъ все-таки чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ.

Эта ночь такъ много дала ему! То, что̀ онъ чувствовалъ въ эту минуту, было уже не преходящее настроеніе. Нѣтъ, теперь онъ больше не сомнѣвался, что нашелъ самое главное; это главное стояло у него передъ глазами, и ему стоило только протянуть руку, чтобы взять его!

Теперь онъ навѣрное зналъ, что̀ именно должно было быть основной мыслью его романа. Еслибы онъ захотѣлъ выразить эту мысль словами, то не могъ бы ей подыскать иного названія, какъ значеніе пола и рода въ жизни людей.

Его смущали предстоявшія ему трудности. Не легко было написать произведеніе на такую исключительную тему, зато онъ надѣялся, что въ этомъ случаѣ сама природа придетъ ему на помощь.

Но въ эту минуту Фрицъ старался не останавливаться мыслями на предстоящихъ ему затрудненіяхъ; ему хотѣлось только наслаждаться, какъ наслаждается путникъ, измученный странствованіемъ по ущельямъ и вдругъ завидѣвшій безконечную даль. Тема, выбранная имъ для романа, казалась ему неисчерпаемой. Соединяя духовное съ физическимъ, она приближала человѣка къ животному и въ то же время роднила его съ Божествомъ. Ею одной исчерпывались вся сила и слабость, все горе и счастье, вся любовь и ненависть, смерть, паденіе, наивысшее проявленіе геройства, самая низкая степень разврата, расцвѣтъ и увяданіе не только отдѣльной личности, но и цѣлой семьи, цѣлаго общества, цѣлаго народа. При подобномъ освѣщеніи становились ясными и понятными не только поступки, но и скрытыя побужденія, ими управлявшія.

Раздумывая надъ поразительными открытіями, сдѣланными за послѣднее столѣтіе въ сферѣ естественныхъ наукъ, Фрицъ Бертингъ ясно видѣлъ, что весь прогрессъ въ этой области достигнутъ исключительно благодаря примѣненію эмпирическаго метода, и онъ остановился на мысли примѣнить этотъ же самый методъ въ области литературы. Онъ надѣялся, что фантазія и

созерцаніе, соединенныя съ точнымъ наблюденіемъ и анализомъ, откроютъ совершенно новые горизонты, создадутъ небывалую картину и поведутъ искусство по новому пути къ еще невѣдомымъ вершинамъ.

Но раньше всего и прежде всего онъ считалъ необходимымъ освободиться отъ всего, что̀ принято называть нравственностью, уродствомъ и противоестественностью. Натуралисты и философы уже давнымъ-давно покончили съ этимъ ненужнымъ хламомъ, а литература все еще гибла отъ этого мусора. Необходимо было найти въ себѣ мужество сбросить старую, обветшалую одежду и во имя правды и надежды на лучшее будущее—показать человѣка въ его неприкрашенномъ, естественномъ видѣ.

Фрицъ Бертингъ вполнѣ раздѣлялъ взглядъ Шопенгауера на половое влеченіе, какъ на самый могучій, жизненный рычагъ. Этотъ рычагъ приводилъ въ движеніе все физическое и духовное и въ то же время дѣйствовалъ какъ самый искусный художникъ, подъ невидимыми пальцами котораго все пріобрѣтало окраску и формы. Только подъ властью полового влеченія люди сбрасывали съ себя непроницаемый панцырь, сотканный изъ всевозможныхъ условностей, и становились сами собою.

Фрицъ Бертингъ поставилъ себѣ задачей разработать этотъ естественный законъ и облечь его въ плоть и кровь въ художественномъ произведеніи. Въ эту минуту онъ почти не сомнѣвался, что это ему удастся. Онъ добрался до своей квартиры только къ десяти часамъ утра, и ему удалось, не разбудивъ Альмы, улечься въ постель. Онъ заснулъ какъ убитый и проснулся послѣ полудня, чувствуя себя сильнымъ, бодрымъ и способнымъ работать.

VI.

Прежде чѣмъ приступить къ работѣ, Фрицу Бертингу было необходимо сдѣлать кое-какія измѣненія въ своей квартирѣ. Они занимали съ Альмой всего двѣ комнаты. Обыкновенно Альма сидѣла съ своимъ шитьемъ въ чистой комнатѣ, гдѣ стоялъ письменный столъ Фрица. Фрицъ имѣлъ обыкновеніе во время работы вскакивать изъ-за своего письменнаго стола и бѣгать по комнатѣ, а потому онъ вошелъ въ соглашеніе съ квартирной хозяйкой, и та позволила Альмѣ сидѣть съ работой въ ея собственной комнатѣ, на другомъ концѣ квартиры. Альма давно мечтала о швейной машинѣ, и Фрицъ поторопился теперь исполнить ея желаніе, потому что стукъ машины изъ хозяйской ком-

наты не былъ ему слышенъ. Дѣвушка радовалась машинѣ, но еще больше радовалась она хорошему настроенію своего Фрица, хотя и не понимала его причины.

Фрицъ Бертингъ цѣлыми днями сидѣлъ за своимъ маленькимъ шаткимъ письменнымъ столомъ. Онъ былъ такъ поглощенъ работой, что Альма даже стѣснялась звать его къ столу.

Онъ работалъ съ лихорадочной поспѣшностью, едва успѣвая набрасывать на бумагу то, что̀ создавала его, казалось, неистощимая творческая сила. До сихъ поръ онъ писалъ почти исключительно лирическія произведенія и былъ новичкомъ въ романѣ. Его новая работа была несравненно сложнѣе и труднѣе всѣхъ прежнихъ. Здѣсь было уже недостаточно прислушиваться къ собственнымъ ощущеніямъ, подстерегать мимолетныя настроенія или ловить неясную мечту. Нѣтъ, ему теперь предстояла гораздо болѣе серьезная задача. Онъ долженъ былъ разобраться въ матеріалѣ, почерпнутомъ изъ воспоминаній и собственнаго опыта, и положить въ основаніе всего фундаментъ, заложенный на строгихъ научныхъ данныхъ. Одна изъ самыхъ главныхъ трудностей состояла въ томъ, чтобы матеріалъ не только не затемнилъ основной мысли, но подчеркнулъ бы и усилилъ ее.

Мѣстомъ дѣйствія для своего романа онъ выбралъ отдаленный отъ центра кварталъ большого города, очень похожій на ту мѣстность, въ которой онъ жилъ.

Здѣсь участки земли были дешевы, и на нихъ, какъ грибы, повсюду выскакивали фабрики, чередуясь съ унылыми сѣрыми постройками, гдѣ помѣщался рабочій людъ. По вечерамъ сюда являлись солдаты изъ сосѣднихъ казармъ, ихъ встрѣчали какъ желанныхъ гостей, и мѣстные кабачки часто не закрывались цѣлую ночь.

Необходимая ему обстановка была у него подъ рукой. Ему стоило распахнуть окно, и онъ слышалъ протяжный фабричный гудокъ, лепетъ невидимыхъ дѣтей, напоминавшій птичье чириканье, женскій говоръ и шарманку съ аккомпаниментомъ собачьяго воя. Всѣ эти звуки уже вызывали въ немъ извѣстное настроеніе. Кромѣ того, его кварталъ былъ очень удобенъ для наблюденій. Многое такое, что̀ принято скрывать, происходило здѣсь на глазахъ у всѣхъ, при раскрытыхъ дверяхъ и распахнутыхъ окнахъ. Онъ долженъ былъ только имѣть глаза и уши—и рѣшительно все было къ его услугамъ. Даже запахи, и притомъ далеко не всегда пріятные, выдавали ему тайны домовъ и привычки ихъ обитателей.

Квартира его тоже представляла хорошій матеріалъ, начиная

съ хозяйки, г-жи Клиппель. Ея мужъ служилъ на желѣзной дорогѣ, и почти цѣлыми днями его не было дома.

Г-жа Клиппель съ утра до ночи бѣгала по дому въ распашной блузѣ, съ непричесанной головой и въ войлочныхъ туфляхъ. О настоящемъ обѣдѣ она никогда не думала, и семья, благодаря ея лѣни, питалась хлѣбомъ съ масломъ, пирожками и кофе. Въ квартирѣ повсюду была грязь, несмотря на то, что хозяйка по нѣскольку разъ въ день влетала въ комнату своихъ жильцовъ съ пыльной тряпкой въ рукахъ.

Фрицъ вначалѣ предостерегалъ Альму отъ сближенія съ хозяйкой, но когда швейная машина была поставлена у нея въ комнатѣ, то Альмѣ волей-неволей пришлось проводить много времени въ обществѣ г-жи Клиппель.

Обыкновенно, восхищаясь работой и прилежаніемъ Альмы, хозяйка надолго задерживалась у швейнаго столика, по своему обыкновенію не выпуская изъ рукъ пыльной тряпки. Она любила посплетничать, и никто лучше ея не зналъ всѣхъ новостей квартала. Она разсказывала самыя невозможныя исторіи о сосѣдяхъ. Ея фантазія въ этомъ направленіи была неистощима, и все, что̀ она говорила, имѣло такъ или иначе прямое отношеніе къ темѣ, избранной Фрицемъ Бертингомъ. Во всѣхъ повѣствованіяхъ г-жи Клиппель главную роль играли взаимныя отношенія половъ; они варьировались ею до безконечности, на нихъ зиждились всѣ ея разсказы. Конечно, Фрицъ Бертингъ не могъ пользоваться въ сыромъ видѣ разсказами своей квартирной хозяйки, но все-таки и она способствовала его работѣ. Нѣсколько разъ онъ пытался заговаривать съ Альмой о своей книгѣ, разсказывалъ ей планъ романа, читалъ отдѣльныя сцены и интересовался узнать ея мнѣніе. Онъ зналъ, что Альма очень мало свѣдуща въ подобныхъ вещахъ, но его интересовала не критика, а нѣчто совсѣмъ другое, чего онъ хотѣлъ отъ нея добиться.

Многіе физіологи, съ ученіемъ которыхъ Фрицъ познакомился, разсматривали женщину какъ наиболѣе типичную представительницу пола, и видѣли въ этомъ главный источникъ ея огромнаго физическаго и мистическаго вліянія. Фрицъ находилъ, что эта теорія имѣетъ свое основаніе, но ему хотѣлось дополнить ее свѣдѣніями, добытыми отъ самой женщины.

Но Альма упорно уклонялась отъ какихъ бы то ни было разговоровъ на эту тему; на всѣ его разспросы она молчала и только краснѣла, смущалась и старалась перевести разговоръ на что-нибудь другое. Когда же онъ настаивалъ, чтобы получить отвѣтъ, она принималась плакать.

Фрицъ понялъ, что въ ней говоритъ непобѣдимое чувство женской стыдливости. Она боялась словами говорить о томъ, что̀ было насущнымъ хлѣбомъ ихъ отношеній. Онъ оставилъ ее въ покоѣ, но своимъ молчаніемъ она дала ему больше, чѣмъ могла бы дать словами. Она приподняла ему завѣсу, скрывавшую тайники женской души, и освѣтила ему многое.

VII.

Единственнымъ развлеченіемъ для Фрица Бертинга во время этой усиленной работы были свиданія съ Лемфинкомъ. Они встрѣчались днемъ въ кофейной, а по вечерамъ въ пивной, куда Бертингъ приводилъ съ собою и Альму.

Молодая дѣвушка часами должна была слушать споры двухъ друзей, всячески подавляя зѣвоту, которой Фрицъ не выносилъ. Лемфинкъ, едва замѣчалъ по глазамъ Альмы, что она устала, тотчасъ же начиналъ собираться уходить подъ предлогомъ собственной усталости.

Фрицъ зналъ, что его другъ былъ воплощенной честностью. Стѣ̀ило ему немножко поступиться своими убѣжденіями, и онъ занялъ бы, благодаря всесторонней образованности, начитанности и прилежанію, совсѣмъ другое мѣсто и въ журналистикѣ, и въ литературѣ, а между тѣмъ онъ бралъ самую разнообразную работу, чтобы имѣть чѣмъ жить, и результаты этой работы далеко не соотвѣтствовали количеству потраченныхъ силъ.

Фрицъ зналъ, что Лемфинкъ отсылалъ часть своего гонорара матери и сестрѣ, существовавшимъ скудной пенсіей, оставшейся послѣ отца, и кромѣ того началъ еще выплачивать Бертингу долгъ, сдѣланный еще въ Берлинѣ. Фрицъ охотно бы отказался отъ этихъ денегъ, зная, какъ трудно они доставались его другу, но Лемфинкъ былъ очень щепетиленъ, и его легко было обидѣть отказомъ.

Докторъ Лемфинкъ родился въ небольшомъ городѣ въ Швабіи. Отецъ его былъ титулярный совѣтникъ и велъ жизнь необыкновенно скромную, но хотѣлъ во что бы то ни стало дать образованіе своему сыну. Старанія отца увѣнчались успѣхомъ: маленькій Генрихъ обнаружилъ большія способности къ ученью и въ классѣ былъ первымъ. Кромѣ того, онъ увлекался литературой и очень много читалъ. Окончивъ университетъ и основательно изучивъ древніе и новые языки, онъ рѣшилъ сдѣлать путешествіе и побывать въ Берлинѣ. Этотъ городъ сначала

произвелъ на молодого человѣка отталкивающее впечатлѣніе, но когда онъ осмотрѣлъ зданія, учрежденія и памятники, то совершенно перемѣнилъ мнѣніе. Ему уже не захотѣлось вернуться на родину. Чтобы угодить отцу, онъ сдалъ экзаменъ на доктора, но въ то же время лелѣялъ въ душѣ очень смѣлую мечту: ему хотѣлось написать эпическую поэму. Героемъ ея долженъ былъ явиться Бисмаркъ, которымъ онъ очень увлекался. Понадобился цѣлый годъ самаго усиленнаго и отчаяннаго труда, прежде чѣмъ Лемфинкъ убѣдился, что, при самомъ горячемъ увлеченіи и самомъ богатомъ матеріалѣ, никогда не создать поэтическаго произведенія, если не обладаешь качествами, необходимыми для поэта. Онъ признался себѣ въ этомъ съ полной откровенностью, хотя ему ужасно было жаль потеряннаго труда и несбывшейся мечты. Къ этому времени какъ разъ небольшой капиталъ, назначенный его отцомъ для образованія сына, совершенно истощился, и онъ долженъ былъ самъ добывать средства къ существованію. Скоро отецъ его умеръ, и Лемфинкъ уѣхалъ на родину, къ матери и сестрѣ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ Берлинъ и взялъ мѣсто младшаго учителя въ родномъ городѣ, но не выдержалъ долго подобнаго существованія. Слишкомъ много онъ видѣлъ и узналъ,— его тянуло въ большой городъ, гдѣ жизнь кипѣла и шумѣла вокругъ, гдѣ было такъ много новаго и живого.

Вернувшись послѣ годового отсутствія въ Берлинъ, онъ сдѣлался журналистомъ. Работа эта, особенно вначалѣ, давалась ему не легко. Приходилось путешествовать изъ редакціи въ редакцію въ поискахъ работы и подчиняться требованіямъ и взглядамъ, совершенно не совпадавшимъ съ его собственными убѣжденіями. Берлинъ, при всемъ культурномъ богатствѣ и процвѣтаніи, былъ очень бѣденъ въ смыслѣ искусствъ и литературы. Все, что появлялось въ печати или на сценѣ, было или подражаніемъ французамъ, или же составлялось по разъ признанному шаблонному рецепту. А пресса хвалила и восхищалась господствующимъ искусствомъ. Однако оппозиція уже готовилась. Молодые люди, принадлежавшіе къ самымъ разнообразнымъ партіямъ, сходились только въ одномъ: необходимо было замѣнить старое новымъ. Въ одномъ изъ такихъ обществъ и состоялось знакомство Лемфинка съ Фрицемъ Бертингомъ. Члены общества предполагали начать издавать газету на новыхъ началахъ и искали себѣ сильныхъ сотрудниковъ. Эти сотрудники нашлись въ лицѣ Лемфинка и Бертинга, и только благодаря имъ было выпущено около десяти нумеровъ газеты. Затѣмъ изданіе прекратилось, такъ какъ большая публика не заинтересовалась новой газетой,

какъ не интересуется никакимъ серьезнымъ предпріятіемъ, а юные издатели относились къ своей газетѣ въ высшей степени серьезно, и для Лемфинка закрытіе ея было настоящимъ горемъ. Онъ освободился отъ разныхъ обязательствъ, занявъ небольшую сумму денегъ у Бертинга, и покинулъ такъ обманувшій всѣ его надежды Берлинъ. На родину возвращаться ему все-таки не хотѣлось, и онъ уѣхалъ въ тотъ городъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени, къ его большой радости, снова встрѣтился съ своимъ товарищемъ Бертингомъ. Къ тому чувству дружбы, которое Лемфинкъ испытывалъ къ Фрицу, присоединялось иногда невольное чувство безобидной и грустной зависти: у Бертинга было все, что представлялось Лемфинку необходимымъ для счастья. Онъ былъ поэтъ, т.-е. обладалъ даромъ, о которомъ Лемфинкъ такъ горячо мечталъ и отъ котораго навсегда отказался. Кромѣ того, Фрицъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ. Не безъ горечи задавалъ себѣ иногда Лемфинкъ вопросъ, находясь въ обществѣ Бертинга и Альмы: чѣмъ собственно этотъ человѣкъ заслужилъ, чтобы его такъ любили?

Лемфинкъ поклонялся женщинамъ. Ему удалось сохранить цѣломудренную душу и совершенно чистый взглядъ на женщинъ. Про него можно было сказать, что онъ зналъ и понималъ женщину, именно потому, что не зналъ женщинъ.

По мнѣнію Лемфинка, Альма была настоящая женщина, способная составить счастье мужчины, и поэтому самое совершеннѣйшее существо въ мірѣ. Съ тайнымъ неудовольствіемъ видѣлъ онъ, что Бертингъ недостаточно цѣнилъ это сокровище. Для Лемфинка не играло никакой роли то обстоятельство, что Альма была простого происхожденія; это не мѣшало ей имѣть любящее сердце и материнскую доброту, составляющую отличительное качество всякой истинной женщины. То, что Фрицъ жилъ съ дѣвушкой внѣ брака, не возмущало Лемфинка, но онъ не могъ понять той легкости, съ какой молодой человѣкъ относился къ взятой на себя отвѣтственности. Иногда ему становилось страшно, когда онъ думалъ о Фрицѣ и Альмѣ. Въ жизни каждаго художника любовь играетъ очень важную роль, потому что вліяетъ на его творчество. Если любовь основана главнымъ образомъ на чувственности и художникъ слишкомъ предается ей, то это, конечно, пагубно повліяетъ на его произведенія. Но безъ любви творчество почти невозможно, потому что оно есть еще глубже прочувствованное и еще ярче выраженное проявленіе той же любви.

VIII.

Романъ Фрица Бертинга быстро подвигался впередъ и принималъ размѣры, неожиданные для самого автора. Днемъ и ночью, за ѣдой или за прогулкой, онъ всегда и повсюду работалъ надъ своимъ произведеніемъ. Иногда онъ вскакивалъ ночью, весь потрясенный какой-нибудь новой мыслью, явившейся ему во снѣ изъ таинственной области безсознательнаго, и долго раздумывалъ, радуясь своему открытію и въ то же время терзаясь соображеніями, какимъ путемъ ввести это неожиданное пріобрѣтеніе въ уже готовый и сложившійся матеріалъ.

Иногда случайная встрѣча съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, чье-нибудь подслушанное слово, или долетѣвшій обрывокъ фразы, открывали передъ нимъ цѣлую сокровищницу новыхъ ббразовъ и представленій, и ему приходилось уже бороться противъ наплыва этихъ новыхъ впечатлѣній, такъ какъ всякое произведеніе искусства должно умѣщаться въ извѣстныхъ рамкахъ. Онъ много разъ возвращался къ уже написанному, внимательно просматривалъ его, кое-что вычеркивалъ, сокращалъ, измѣнялъ, кое-что добавлялъ, переносилъ въ другое мѣсто цѣлыя сцены, разрабатывая ихъ еще тщательнѣе и подробнѣе.

Издатель Вейсблейхеръ усиленно торопилъ Фрица. Ему хотѣлось получить рукопись какъ можно скорѣе. Срокъ, къ которому Бертингъ обѣщалъ представить романъ, уже давно прошелъ, и теперь не оставалось никакой надежды, что книга выйдетъ къ Рождеству. Вейсблейхеръ былъ раздраженъ и укорялъ Бертинга за то, что тотъ безконечно копается надъ своимъ романомъ. По его мнѣнію, публика совсѣмъ не нуждается въ чемъ-нибудь художественно-законченномъ, она только требуетъ новаго, блестящаго и неожиданнаго.—Ни на что другое читатели не имѣютъ терпѣнія. Онъ находилъ, что долгая и внимательная работа надъ произведеніемъ—это только потеря времени и силъ. Обращаться съ матеріаломъ слѣдовало необыкновенно бережно, и для построенія романа вполнѣ достаточно было какой-нибудь одной, сравнительно новой мысли,—другія же надо было беречь для слѣдующей работы. Вотъ въ чемъ, по его мнѣнію, состоялъ весь секретъ большей или меньшей производительности автора. Только путемъ разумной экономіи своихъ силъ писатель могъ пріобрѣсти имя и дѣлался популярнымъ. Роль издателя сводилась къ рекламѣ. Умѣлая реклама обезпечивала успѣхъ, и писатель, шутя, пріобрѣталъ цѣлую кучу денегъ.

Вопросъ о деньгахъ не былъ безразличенъ для Фрица Бертинга. Именно теперь онъ находился въ очень стѣсненномъ положеніи. Онъ задолжалъ кругомъ, а впереди еще предстояли новые платежи, нужно было вносить деньги за квартиру. Но, несмотря на это, одна мысль писать изъ-за денегъ казалась ему ужасной, убивала его творчество и свободу. Но гораздо болѣе вопроса о деньгахъ мучила Бертинга жажда литературной славы. Это чувство съ нѣкоторыхъ поръ постоянно сверлило и глодало его душу. Мысленно пробѣгая уже пройденный имъ путь, онъ не могъ не сознавать, что успѣхъ его весьма сомнителенъ и очень мало кто знаетъ о существованіи поэта Фрица Бертинга. Вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ его стихотвореній, кое-кто одобрительно отозвался о нихъ въ печати и призналъ у автора небольшой лирическій талантъ. Но этимъ его успѣхи и ограничились. О своей злополучной драмѣ онъ старался даже и не вспоминать.

А между тѣмъ ему приходилось не разъ читать объ успѣхахъ другихъ. Сколько поэтовъ было прославлено за это время, сколько произведеній признано за выдающіяся! Почти каждую недѣлю въ Берлинѣ открывали какого-нибудь новаго генія.

Бертингъ хорошо зналъ, какимъ путемъ создавалась эта литературная слава; онъ прекрасно понималъ, почему однихъ хвалили, а другихъ смѣшивали съ грязью,—но минутами ему все-таки бывало горько на душѣ, и онъ утѣшался мыслью, что судьба была къ нему милостивѣе, чѣмъ къ другимъ несчастливцамъ. Она слегка помяла его,—а сколько людей были окончательно ею раздавлены!

Наступили холода, и жизнь Фрица и Альмы стала еще болѣе однообразной, безъ привычныхъ долгихъ прогулокъ и рѣдкихъ поѣздокъ куда-нибудь за городъ. Они вставали рано и послѣ чашки жидкаго кофе принимались каждый за свою работу: онъ садился за письменный столъ, она—за швейную машину. Такъ работали они безъ перерыва до самаго обѣда. Кушанье они получали изъ ближайшаго ресторана и ѣли его почти простывшимъ. Потомъ Фрицъ отправлялся въ кофейную, чтобы встрѣтиться съ Лемфинкомъ. По возвращеніи, онъ опять на нѣсколько часовъ усаживался за работу, а когда она ему не удавалась, то бросался съ сигарой на диванъ и лежалъ, обдумывая свой романъ или впадая въ немилосердную хандру.

По вечерамъ они уже не могли отправляться въ какой-нибудь перворазрядный ресторанъ, какъ дѣлали это раньше, по-

тому что касса ихъ была въ очень жалкомъ положеніи. Приходилось выбирать одну изъ ближайшихъ пивныхъ, гдѣ ихъ знали и могли въ крайнемъ случаѣ оказать кредитъ.

Вначалѣ Фрица Бертинга коробило отъ непривычной обстановки, его тошнило отъ смѣшаннаго запаха пива, кушаній и дешевыхъ сигаръ, его смущалъ черезчуръ непринужденный тонъ посѣтителей и ему рѣзала глазъ грязь всего окружающаго. Но постепенно онъ привыкъ ко всему этому и даже находилъ, что именно здѣсь онъ можетъ получить подходящій матеріалъ для своихъ наблюденій.

Цѣлыми вечерами въ этомъ ресторанчикѣ, носившемъ громкое названіе „Городъ Парижъ“, раздавались фальшивые звуки жалкаго оркестріона. Обычные посѣтители не слышали въ нихъ ничего каррикатурнаго, а Фрицъ, отличавшійся музыкальностью, до такой степени привыкъ къ этой музыкѣ, что скучалъ, когда ея почему-нибудь не было.

У Фрица и Альмы было свое опредѣленное мѣсто. Они никогда ни съ кѣмъ не разговаривали, но знали въ лицо всѣхъ привычныхъ посѣтителей ресторана и развлекались, наблюдая за ними. Здѣсь они постоянно встрѣчали влюбленную парочку, всегда молча, но съ блаженной улыбкой удовлетворявшую свой молодой аппетитъ. Ихъ смѣшилъ юный приказчикъ, съ прилизанными и напомаженными волосами, въ неизмѣнномъ пестромъ галстухѣ, съ громадной булавкой изъ чистѣйшаго стекла. Онъ постоянно прихорашивался и вытягивалъ свои манжеты каждый разъ, какъ мимо него проходила кёльнерша. Былъ здѣсь и старикъ, съ виду походившій на рабочаго, источникъ постояннаго раздраженія для хозяина заведенія и всей прислуги. Онъ сидѣлъ цѣлыми вечерами надъ единственной кружкой пива, читалъ газеты и никогда больше ничего не требовалъ.

Альма умѣла схватывать все интересное въ окружающей ее обстановкѣ, и Фрицъ часто удивлялся ея способности наблюдать. Дѣвушка вела довольно скучную жизнь. Цѣлый день у нея проходилъ за работой и въ хозяйственныхъ хлопотахъ, а вечерами ея единственнымъ развлеченіемъ было часами сидѣть за столикомъ въ накуренной комнатѣ. Но, къ счастью, она имѣла способность во всемъ находить свою хорошую сторону. Трудно было удержаться отъ улыбки, когда она смѣялась, показывая свои великолѣпные зубы. Она не была требовательна къ жизни, и ея бодрое настроеніе невольно передавалось Фрицу. Онъ говорилъ, что она „умѣетъ жить“, т.-е. умѣетъ приноравливаться къ обстоятельствамъ и наслаждаться каждой хорошей минутой.

Всѣ посѣтители ресторана знали хорошо Альму и Фрица. Фрицъ привыкъ видѣть, что на его подругу очень многіе посматривали съ удовольствіемъ и съ завистью, и это не только не вызывало въ немъ раздраженія, а было ему даже лестно. Но одинъ разъ онъ вдругъ возмутился поведеніемъ одного изъ гостей. За однимъ изъ дальнихъ столиковъ сидѣлъ впервые появившійся въ этой пивной молодой человѣкъ и не спускалъ глазъ съ Альмы. Когда же освободился столикъ по близости, то онъ поспѣшилъ пересѣсть къ нему.

По своему внѣшнему виду человѣкъ этотъ походилъ на рабочаго. Онъ былъ очень высокаго роста, съ узкой, впалой грудью, и во всѣхъ его движеніяхъ была какая-то нервная торопливость, раздражавшая Фрица. Незнакомецъ видимо чувствовалъ себя неуютно на новомъ мѣстѣ. Онъ опускалъ темные, глубоко посаженные глаза, каждый разъ, какъ на него смотрѣли, но потомъ снова поднималъ ихъ и устремлялъ горящій взглядъ на Альму. Фрицу пришло въ голову, что онъ имѣетъ дѣло съ больнымъ. Лицо у незнакомца было истощенное, съ синеватой блѣдностью, и весь онъ имѣлъ видъ человѣка, недавно выпущеннаго изъ больницы.

Поведеніе юноши, наконецъ, начало привлекать всеобщее вниманіе. Альма, обыкновенно довольно равнодушная къ подобнымъ приключеніямъ, на этотъ разъ видимо взволновалась и сидѣла вся красная.

Фрицъ уже собирался обратиться къ хозяину, чтобы тотъ удалилъ назойливаго посѣтителя, но Альма стала его умолять ничего не предпринимать, и они поспѣшили уйти изъ пивной.

Съ той поры имъ не пришлось больше ни разу встрѣчаться съ страннымъ незнакомцемъ, и Фрицъ скоро совсѣмъ забылъ объ этомъ маленькомъ приключеніи.

IX.

Въ одинъ прекрасный день къ Фрицу Бертингу явился писатель Кароль и принесъ огромный пакетъ. Онъ былъ видимо взволнованъ, но изъ всѣхъ силъ старался казаться спокойнымъ и ничѣмъ не обнаруживать свойственнаго ему любопытства.

Фрицъ былъ очень радъ, что Альма съ своей машиной была въ это время въ хозяйской комнатѣ. Ему очень не хотѣлось посвящать этого случайнаго гостя въ подробности своей интимной жизни.

Онъ предложилъ Зильберу сѣсть. Тотъ сталъ усиленно извиняться за свой визитъ, говорилъ, что будетъ въ совершенномъ отчаяніи, если помѣшаетъ Фрицу. Онъ, по собственному опыту, хорошо зналъ, какъ это бываетъ тяжко, когда что-нибудь вдругъ прерветъ творческую фантазію... Но все, что̀ онъ проговорилъ, нисколько не помѣшало ему занять предложенное мѣсто и не оставлять его довольно продолжительное время. Онъ былъ въ такомъ восторгѣ, что наконецъ-то можетъ поговорить наединѣ съ г-мъ Бертингомъ!..

Фрицъ сразу понялъ, почему именно Зильберъ такъ подчеркивалъ эту возможность поговорить съ нимъ наединѣ. Ему часто приходилось встрѣчать Кароля въ той самой кофейной, гдѣ онъ обыкновенно видѣлся съ докторомъ Лемфинкомъ. Какъ-то разъ Зильберъ безъ всякаго приглашенія присѣлъ къ ихъ столу, но ему дали понять, что онъ—совершенно лишній.

Фрицъ Бертингъ находилъ, что тогда они поступили съ Зильберомъ уже черезчуръ грубо, но Лемфинкъ бралъ всю вину на себя и на всѣ возраженія Фрица повторялъ, что этотъ господинъ ему въ высшей степени непріятенъ.

— У этого Зигфрида Зильбера и душа-то репортерская,— говорилъ Генрихъ Лемфинкъ. — Ты только взгляни хорошенько на его глаза, Бертингъ! Вотъ человѣкъ, который и безъ записной книжки съумѣетъ прекрасно записать все, что̀ ему потребуется.

И когда Фрицъ пытался что-то возражать, онъ перебилъ его словами:

— Ахъ, пустяки! Этого Зильбера я отлично знаю. Теперь онъ драпируется въ красную мантію и лѣзетъ вонъ изъ кожи, чтобы заполучить мученическій вѣнецъ, но это нисколько не помѣшаетъ ему впослѣдствіи купаться въ золотѣ.

И вотъ теперь, когда Зигфридъ Зильберъ сидѣлъ передъ Фрицемъ въ благоговѣйномъ восхищеніи, Фрицу совершенно невольно вспомнились слова Лемфинка, и онъ почти соглашался съ своимъ другомъ. Зигфридъ Зильберъ и на него производилъ довольно странное и подозрительное впечатлѣніе.

Между тѣмъ, Зигфридъ Зильберъ не умолкалъ ни на минугу. Онъ разсказывалъ о своихъ литературныхъ взглядахъ, о планахъ насчетъ просвѣщенія народа, упоминалъ о какомъ-то союзѣ рабочихъ, въ которомъ онъ игралъ роль духовнаго центра. И все это въ перемежку съ вопросами относительно взглядовъ своего собесѣдника, отвѣты котораго онъ ловилъ съ какой-то жадностью.

Наконецъ Зильберъ спохватился, что онъ засидѣлся. Онъ быстро вскочилъ и снова сталъ извиняться. Онъ подчеркнулъ еще разъ, до какой степени ему было пріятно поговорить съ близкимъ по духу человѣкомъ. Это счастье такъ рѣдко выпадало ему на долю. Затѣмъ онъ развязалъ пакетъ, котораго онъ такъ и не выпускалъ изъ своихъ тонкихъ, безпокойныхъ рукъ, и положилъ на столъ рукопись. Это былъ его романъ: „Въ Гетто". Ему хотѣлось знать мнѣніе г-на Бертинга. Онъ оставилъ Фрицу рукопись, сказавъ, что съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать его приговора.

У Фрица Бертинга не было свободнаго времени, чтобы заниматься изученіемъ чужихъ рукописей. Цѣлую недѣлю романъ пролежалъ у него на столѣ, раньше чѣмъ онъ случайно не подвернулся ему подъ руку въ минуту, когда собственная работа у него почему-то не клеилась. Онъ разсѣянно сталъ перелистывать „Гетто", выхватывая мѣстами по нѣскольку строкъ, и вдругъ, совершенно неожиданно для себя, сильно заинтересовался имъ. Онъ сталъ читать со вниманіемъ и покончилъ съ романомъ къ ночи, когда наконецъ дочиталъ послѣднюю строчку.

Въ романѣ описывалась судьба современнаго еврея. Это былъ бѣднякъ, собственными силами пробившій себѣ дорогу и ставшій богачомъ, но богатство не принесло ему ничего кромѣ горя. Люди преклонялись передъ его деньгами, боялись его, но никто его не любилъ, а между тѣмъ онъ жаждалъ любви. Онъ пошелъ въ среду народа и тамъ старался добиться стать близкимъ, своимъ человѣкомъ, но и здѣсь, какъ вездѣ, онъ встрѣтилъ одно недоброжелательство, ненависть и презрѣніе. Христіанская дѣвушка, на которой онъ хотѣлъ жениться, отвергла его любовь. Его лучшій другъ, аристократъ по рожденію, спасенный имъ отъ банкротства, обманулъ его самымъ низкимъ образомъ. Онъ дѣлалъ добро для страны, замѣнившей ему родину, но и тамъ оставался чуждымъ. У него брали деньги и отказывали ему въ какомъ бы то ни было общественномъ положеніи.

Романъ заканчивался тѣмъ, что герой становился наконецъ тѣмъ, чѣмъ его сдѣлало христіанское общество. Изъ него выработался самый безжалостный гонитель, вампиръ, сосущій чужую кровь, или, короче говоря, современный еврей.

Чувствовалось, что въ этомъ романѣ было много личнаго, много такого, что̀ авторъ самъ пережилъ и перечувствовалъ. Въ „Гетто" попадались слабыя и даже комичныя мѣста. Напримѣръ, описаніе такъ называемаго „высшаго общества", съ которымъ авторъ былъ знакомъ только по наслышкѣ, не только не выдер-

живало критики, но вызывало неудержимый смѣхъ. Самымъ удачнымъ въ романѣ было изображеніе настроенія героя, раздвоенности его души, борьбы между ненавистью и тяготѣніемъ ко всему нѣмецкому, его любви къ собственному народу въ цѣломъ и инстинктивное отвращеніе отъ отдѣльныхъ личностей, жалкихъ порожденій рабства и угнетенія. Въ общемъ, такая правдивая и яркая характеристика современнаго еврейства могла удаться только писателю, вышедшему изъ его среды и близкому ей по духу.

Бертингъ не ожидалъ ничего подобнаго отъ Зильбера. Лемфинкъ могъ, сколько ему было угодно, нападать на Зильбера, называть его плагіаторомъ и жалкимъ репортеромъ, но въ этомъ романѣ много страницъ были написаны кровью сердца и дышали настоящей, жизненной правдой.

Фрицъ Бертингъ самъ пошелъ отнести рукопись. Зигфридъ Зильберъ занималъ довольно жалкую комнату въ четвертомъ этажѣ. Воздухъ въ ней былъ отвратительный, и вся обстановка такая неприглядная, что, по сравненію, собственное помѣщеніе показалось Фрицу и элегантнымъ, и комфортабельнымъ. Въ комнатѣ было холодно, и Зильберъ объяснилъ, что желѣзная печь такъ дымитъ, что онъ избѣгаетъ ее топить. Самъ онъ былъ въ зимнемъ пальто, изъ-подъ котораго выглядывала рубашка довольно сомнительной свѣжести. Фрицъ засталъ его за работой. На шаткомъ столикѣ лежала рукопись; рядомъ съ нею стоялъ самоваръ и чернильница; здѣсь же лежала щетка для волосъ, нѣсколько галстуховъ, масленка и кусокъ хлѣба. Единственной роскошью въ этой убогой комнатѣ была полка, на которой помѣщалось новое изданіе энциклопедическаго словаря, и одинъ томъ его лежалъ раскрытымъ, рядомъ съ рукописью.

Фрицъ положилъ рукопись на постель, а самъ сѣлъ на единственный въ комнатѣ стулъ. Авторъ „Гетто“ пришелъ въ такой восторгъ отъ посѣщенія Бертинга, что принялся бѣгать по тѣсной комнатѣ, между тѣмъ какъ Фрицъ подробно разбиралъ его романъ.

Когда онъ кончилъ, Зигфридъ театральнымъ жестомъ протянулъ ему руку и принялся разсыпаться въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ своей благодарности. Онъ увѣрялъ, что теперь ему безразлично, будетъ ли напечатанъ его романъ, или нѣтъ, такъ какъ ничто не можетъ сравниться съ удовлетвореніемъ, полученнымъ имъ отъ одобренія одного изъ близкихъ ему по духу. Теперь его цѣль была достигнута, и болѣе чѣмъ когда-либо его пугала мысль выступить съ романомъ передъ профанами.

Фрицъ старался всѣми силами направить разговоръ на другую тему и уклониться отъ слишкомъ пылкихъ проявленій симпатіи своего новаго знакомаго. Но это было не такъ-то легко. Зигфридъ забросалъ своего гостя вопросами относительно отдѣльныхъ частей романа, хотѣлъ точно знать, что̀ именно произвело на него наибольшее впечатлѣніе и что̀ думаетъ онъ о томъ или другомъ изъ дѣйствующихъ лицъ. Всякое, самое ничтожное, замѣчаніе Фрица онъ подхватывалъ налету, съ свойственной ему комичной стремительностью.

Фрицъ Бертингъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда наконецъ очутился на улицѣ.

Дня два спустя, Фрицъ получилъ отъ Зигфрида Зильбера письмо, въ которомъ тотъ приглашалъ его на свой рефератъ о Генрихѣ Гейне. Рефератъ предназначался для одного изъ рабочихъ союзовъ. Фрицъ не имѣлъ никакого желанія воспользоваться полученнымъ приглашеніемъ. Онъ старался избѣжать сближенія съ Зильберомъ и его нисколько не интересовалъ тотъ классъ людей, для которыхъ предназначался рефератъ. Кромѣ всего этого, онъ чувствовалъ слишкомъ много любви и благодарности къ творцу „Книги пѣсенъ", чтобы относиться равнодушно къ весьма возможной профанаціи его памяти. Онъ написалъ Зильберу благодарственное письмо и сообщилъ, что не можетъ воспользоваться приглашеніемъ.

Во время этого обмѣна писемъ они встрѣчались почти ежедневно въ кофейной и издали раскланивались другъ съ другомъ. Зильберъ больше не отваживался подходить къ столу, за которымъ сидѣлъ Лемфинкъ, но его острые глаза очень часто съ нескрываемымъ любопытствомъ слѣдили за Фрицемъ и его другомъ.

Однажды, когда Лемфинкъ почему-то раньше ушелъ изъ кофейной, Зильберъ подошелъ къ Фрицу и попросилъ позволенія присѣсть къ его столу. Это былъ какъ разъ день, назначенный для реферата, и Зильберъ сталъ убѣждать Фрица придти его послушать. Онъ принялся съ жаромъ доказывать, почему именно необходимо знакомить народъ съ литературой и искусствомъ. Вѣдь въ концѣ концовъ соціальный вопросъ не есть только вопросъ хлѣба, и неудержимое стремленіе къ свѣту низшихъ слоевъ общества составляетъ его существеннѣйшую часть. Долгъ интеллигенціи заключается въ томъ, чтобы сдѣлать доступной для всѣхъ желающихъ область искусства. Необходимо внушить народу, что кромѣ борьбы за существованіе есть еще цѣлый міръ высокихъ духовныхъ интересовъ.

Юркій, маленькій человѣчекъ былъ, положительно, неистощимъ въ своемъ краснорѣчіи. Фрицъ Бертингъ подсмѣивался въ душѣ надъ его ловкостью и своей уступчивостью. Кончилось тѣмъ, что онъ обѣщалъ быть на рефератѣ.

Въ девятомъ часу онъ отправился въ ресторанъ, гдѣ назначено было собраніе рабочихъ, не ожидая особеннаго удовольствія отъ этого вечера.

По срединѣ небольшой комнаты стоялъ длинный столъ, за которымъ и помѣстилось около тридцати человѣкъ. По первому поверхностному взгляду ихъ было трудно принять за рабочихъ. Не было ничего рѣзкаго въ ихъ манерахъ, никакой грубости въ голосахъ, ничего пыльнаго и грязнаго, ничего такого, что̀ составляетъ отличительную черту пролетаріевъ. Всѣ они старались выражаться необыкновенно правильно, и въ каждомъ ихъ словѣ сказывалось усиленное стараніе избѣжать ошибокъ, чтобы не прослыть за людей необразованныхъ.

Зигфридъ Зильберъ занялъ мѣсто на верхнемъ концѣ стола. Предсѣдатель собранія произнесъ нѣсколько вступительныхъ словъ и засѣданіе было открыто. Началось чтеніе реферата.

Зильберъ говорилъ очень гладко и ловко. Рѣчь его лилась неудержимымъ потокомъ и производила пріятное впечатлѣніе на слушателей, внушая имъ увѣренность, что ораторъ—знатокъ своего дѣла. Въ видѣ вступленія онъ сказалъ нѣсколько словъ о теченіи литературы за послѣднія два столѣтія, упомянулъ нѣсколько громкихъ именъ, въ родѣ Лессинга, Гёте, Гердера, за тѣмъ коснулся слегка исторіи, а также и философіи. Слушатели были поражены. Съ необычайной быстротой, точно картины волшебнаго фонаря, мелькали и исчезали передъ ними самыя разнообразныя представленія. Слушатели съ возростающимъ интересомъ слѣдили за этимъ блестящимъ фейерверкомъ, выражая по временамъ свое одобреніе невольными апплодисментами и подчеркивая значительными улыбками свое полное пониманіе.

Фрицъ Бертингъ, для котораго рефератъ самъ по себѣ не представлялъ ничего особенно интереснаго, разсматривалъ слушателей. Онъ видѣлъ вокругъ себя вполнѣ интеллигентныя лица, съ выраженіемъ усиленнаго вниманія, съ отпечаткомъ твердой воли. Ни на одномъ изъ этихъ лицъ онъ не видѣлъ скуки или переутомленія. Это не были равнодушные отъ пресыщенія люди,— нѣтъ, всѣ до одного они испытывали здоровый голодъ,—ихъ томило любопытство, въ лучшемъ значеніи этого слова.

Зигфридъ Зильберъ былъ созданъ для нихъ. Онъ пересыпалъ свой рефератъ всевозможными сравненіями, подчеркиваніями и

анекдотами, и съумѣлъ сдѣлать чисто-литературную тему доступною даже для непосвященныхъ. Цитаты, стихи, отрывки прозы, все это поддерживало интересъ слушателей и мѣшало имъ утомляться.

Фрицъ не могъ удержаться отъ улыбки, видя, съ какой смѣлостью Зильберъ обращался съ матеріаломъ, чтобы какъ можно болѣе захватить слушателей своимъ докладомъ. Онъ разсматривалъ Генриха Гейне главнымъ образомъ какъ автора „Зимней сказки“ и „Атта Тролль“, и почти не упоминалъ объ его „Книгѣ пѣсенъ“ и „Новыхъ пѣсняхъ“. Онъ выставилъ Гейне мученикомъ идеи, терпѣвшимъ гоненія за свои убѣжденія отъ нѣмецкихъ государей, духовенства и буржуазіи и кончившимъ жизнь въ изгнаніи. Онъ изобразилъ Гейне народнымъ вождемъ, выдающимся политическимъ дѣятелемъ и страстнымъ борцомъ за свободу мысли. Рефератъ не производилъ фальшиваго впечатлѣнія, потому что самъ Зигфридъ Зильберъ слѣпо вѣрилъ въ величіе Гейне. Для него онъ былъ прежде всего несравненнымъ выразителемъ его собственныхъ чувствъ и страданій.

Никогда еще Зильберъ не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія на Фрица, какъ въ этотъ вечеръ, когда онъ говорилъ передъ собраніемъ нѣмецкихъ рабочихъ.

X.

Фрицъ Бертингъ все еще работалъ надъ своимъ романомъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ духовныхъ и физическихъ силъ. Все, что не имѣло отношенія къ его книгѣ, потеряло для него интересъ, и его болѣзненно раздражало всякое ненужное вторженіе внѣшняго міра. Малѣйшій шумъ, какое-нибудь громкое слово, непріятный запахъ въ квартирѣ или звукъ, долетѣвшій съ улицы, всего этого было совершенно достаточно, чтобы вывести его изъ душевнаго равновѣсія. Случалось, что какой-нибудь незначительный вопросъ прерывалъ теченіе его мыслей и лишалъ его надолго способности продолжать работу.

Альмѣ приходилось переживать тяжелое время. Она не совсѣмъ ясно понимала душевное настроеніе Фрица, но видѣла ежедневно и ежечасно его ненормальное состояніе. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы она не заливалась слезами отъ какой-нибудь его рѣзкой и несправедливой выходки.

Она рѣшила, что онъ боленъ, и старалась помочь ему, какъ когда-то помогла ему въ Берлинѣ перенести тяжелый жизнен-

ный ударъ. Ей захотѣлось окружить его своей любовью, заставить позабыть все мучительное и тяжелое. Она стала къ нему еще болѣе внимательной и нѣжной, но въ Фрицѣ, въ его настроеніи, ея поведеніе вызывало какое-то брезгливое чувство и производило впечатлѣніе беззастѣнчивой навязчивости.

Ему казалось, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, сойдясь съ Альмой. Онъ считалъ себя лишеннымъ свободы и связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Онъ не былъ женатымъ человѣкомъ, но ему приходилось нести на себѣ всю тяжесть, всѣ неудобства семейной жизни. Вѣдь каждый, хотя бы даже и незаконный союзъ налагаетъ тяжелыя цѣпи, каждая самая мимолетная связь оставляетъ слѣдъ въ душѣ и въ воспоминаніяхъ, а близость такой женщины, какъ Альма Луксъ, несомнѣнно могла повліять на цѣлую жизнь.

И даже если то, что въ данную минуту привязывало его къ Альмѣ, было больше всего привычкой, то и она уже лишала его свободы. Слишкомъ много знали они другъ о другѣ, чтобы сознавать себя свободными. Ея признанія, ея показная любовь, ея снисходительность—все это были только цѣпи. Альма не была продажной дѣвушкой, и онъ не могъ деньгами расплатиться съ нею. Отказать ей, какъ уже ненужной прислугѣ, онъ тоже не могъ.

Онъ сознавалъ, что съ каждымъ днемъ она занимаетъ все больше и больше мѣста въ его жизни. Это его тревожило; его пугала возможность жениться на Альмѣ. И безъ женитьбы онъ уже достаточно тяготился взятыми на себя обязательствами. Онъ прекрасно зналъ, что Альма никогда не требовала и никогда не потребуетъ, чтобы онъ женился на ней. Раздумывая надъ своимъ положеніемъ, онъ приходилъ къ тому заключенію, что для него, въ сущности говоря, и не имѣло смысла—жениться. Такая женщина, какъ Альма, не нуждалась въ стѣснительныхъ узахъ брака. Онъ вѣрилъ въ ея честность и чистоту, и не боялся измѣны съ ея стороны.

Въ ихъ положеніи, отличавшемся отъ брака только тѣмъ, что оно не было оформлено, были свои темныя стороны. Фрицъ часто замѣчалъ, что окружающіе относятся съ недостаточнымъ уваженіемъ къ нему и къ Альмѣ. Когда онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, явился со своими бумагами въ полицію, чиновникъ спросилъ его о паспортѣ „горничной“ и пробормоталъ что-то неясное по поводу „незаконнаго сожительства“. Чиновникъ податныхъ сборовъ, недѣлю спустя посѣтившій Фрица, чтобы освѣдомиться насчетъ его средствъ къ существованію, оказался болѣе учтивымъ,

но все-таки не могъ удержаться, чтобы не нахмуриться и не покачать довольно значительно головою. Писатель, не имѣющій опредѣленнаго заработка, и магазинная барышня безъ мѣста показались ему въ высшей степени подозрительными. Онъ былъ того мнѣнія, что эта сомнительная парочка нуждается въ полицейскомъ надзорѣ. По своему рожденію и по образованію Фрицъ привыкъ къ свободѣ и независимости, и подобное непривычное отношеніе произвело на него подавляющее впечатлѣніе.

Но еще непріятнѣе было выносить постоянное любопытство со стороны окружающихъ, лавочниковъ, прислуги, рабочихъ — однимъ словомъ, со стороны тѣхъ, съ кѣмъ приходилось встрѣчаться ежедневно. Гдѣ бы ни появлялись Фрицъ съ Альмой, ихъ повсюду встрѣчали улыбками, на нихъ постоянно оборачивались. Это даже была не грубость, а просто какое-то полное отсутствіе всякой деликатности и уваженія. Фрицъ какъ-то получилъ анонимное письмо неприличнаго содержанія съ каррикатурами на него и на Альму. Отъ всего этого Фрицъ страдалъ гораздо болѣе Альмы. Минутами онъ чувствовалъ себя совсѣмъ раздавленнымъ и униженнымъ.

Дружба съ хозяйкой стала принимать тоже довольно непріятный оттѣнокъ. Г-жа Клиппель принадлежала къ тѣмъ людямъ, которымъ если протянуть палецъ, то они захватятъ и цѣлую руку. Фрицъ старался держаться отъ нея какъ можно дальше, но безуспѣшно. Изученіе нравовъ при помощи г-жи Клиппель обходилось ему не дешево.

Онъ нисколько не сомнѣвался, что г-жа Клиппель, перемывавшая передъ нимъ грязное бѣлье цѣлаго квартала, не особенно стѣсняется относительно его и Альмы. Весьма возможно, что насмѣшливое любопытство и презрительное отношеніе окружающихъ было вызвано именно ея невѣроятными сплетнями. Большого труда стоило Фрицу удержаться, чтобы не схватить за горло эту особу, когда она врывалась къ нему съ цѣлымъ залпомъ всевозможныхъ новостей. Даже крючокъ на дверяхъ не всегда останавливалъ г-жу Клиппель. Фрица безпокоило и то обстоятельство, что за послѣднее время Альма какъ будто еще больше сошлась съ хозяйкой. Фрицъ часто не обѣдалъ дома, и она въ эти дни обыкновенно обѣдала у хозяевъ. Ей казалось это удобнымъ, потому что отнимало меньше времени и ей не нужно было одѣваться, чтобы идти за обѣдомъ.

Однако эта незначительная услуга обошлась, въ концѣ концовъ, довольно дорого. Г-жа Клиппель представила Фрицу невозможный счетъ за содержаніе Альмы.

Фрицъ уплатилъ по счету, но не удержался, чтобы не выразить своего удивленія относительно поставленныхъ цѣнъ. Г-жа Клиппель возразила ему, что она беретъ еще очень дешево, если принять во вниманіе всѣ неудобства и непріятности отъ жильцовъ, про которыхъ болтаютъ слишкомъ много лишняго. Фрицъ просилъ ее замолчать, но она не унималась. Г-жѣ Клиппель было достаточно открыть клапанъ, чтобы обдать всѣхъ потоками грязной воды.

Г-жа Клиппель принялась усиленно увѣрять Фрица, что она вполнѣ порядочная женщина и считаетъ въ высшей степени неприличнымъ водить за носъ сразу двухъ мужчинъ. О, этого съ ней никогда не случалось! Но вотъ если г-нъ Бертингъ вѣритъ, что барышня Луксъ водитъ знакомство только съ нимъ однимъ, то онъ жестоко ошибается.

Альма сидѣла въ это время въ сосѣдней комнатѣ и слышала весь разговоръ. Она вбѣжала вся блѣдная отъ негодованія и съ совершенно несвойственнымъ ей неистовствомъ налетѣла на сплетницу. Та не уступала, и обѣ женщины чуть не вцѣпились другъ въ друга. Фрицу пришлось ихъ почти разнимать.

Онъ увелъ Альму въ свой кабинетъ, заперъ дверь и всячески старался ее успокоить. Наконецъ ея волненіе разразилось цѣлымъ потокомъ слезъ. Фрицъ утѣшалъ ее, увѣряя, что не вѣритъ ни единому слову г-жи Клиппель.

Она бросилась ему на шею и шепнула ему на ухо, что должна ему кое-что сказать.

Фрицъ вздрогнулъ. Онъ подумалъ, что она собирается ему сказать, что будетъ матерью. Одна мысль о томъ, что ихъ связь можетъ имѣть такія послѣдствія, приводила его въ ужасъ. Онъ почувствовалъ большое облегченіе, когда оказалось, что онъ ошибся.

Альма призналась ему, что за послѣднее время ей случилось раза два поговорить съ однимъ изъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который такъ пристально разсматривалъ ее въ „Городѣ Парижѣ“. Черезъ день она встрѣтилась съ нимъ на улицѣ, и какъ-то, когда Фрица не было дома, онъ зашелъ къ ней на квартиру. Онъ оставался очень недолго и она могла поклясться всѣмъ на свѣтѣ, что между нимъ и ею не было ровно ничего дурного. Она кончила и, не отрываясь, глазами, полными страха, смотрѣла на своего возлюбленнаго. Она боялась его гнѣва, но Фрицъ не казался даже особенно взволнованнымъ и довольно спокойно спросилъ ее, какъ давно знаетъ она этого человѣка.

Она отвѣтила, что знала Людвига Глюка еще тогда, когда дѣвочкой ходила въ школу. Ихъ родители жили въ одномъ домѣ. Людвигъ былъ штукатуромъ. Ихъ дружба началась съ того, что онъ ей мастерилъ что-нибудь изъ дерева, глины или картона. Онъ это дѣлалъ очень искусно, такъ какъ былъ въ своемъ родѣ настоящимъ художникомъ. Позднѣе, когда она уже кончила ученье, онъ много разъ намекалъ, что любитъ ее, просилъ выйти за него замужъ, но она никакъ не могла согласиться принять его предложеніе, несмотря на то, что всѣ ея близкіе очень желали этого. Людвигъ очень страдалъ отъ ея отказа и ушелъ изъ дому. Потомъ обстоятельства сложились такъ, что ей и самой пришлось уйти изъ семьи. Она уѣхала въ Берлинъ.

Въ этомъ году она въ первый разъ послѣ разлуки встрѣтилась съ Людвигомъ. Онъ разсказалъ ей, что ему жилось не особенно хорошо. Болѣзнь совсѣмъ извела его. Нѣсколько мѣсяцевъ ему пришлось пролежать въ больницѣ, и теперь онъ искалъ работы.

Фрицъ спросилъ, нѐ писалъ ли ей Людвигъ Глюкъ какихъ-нибудь писемъ. Альма отвѣтила не сразу. Послѣ нѣкотораго молчанія она сказала, что одно время онъ довольно часто писалъ ей. Читая его письма, она часто смѣялась надъ глупыми мужчинами. Стоило терять время, приставая къ дѣвушкѣ, которая его знать не хочетъ! Она и отвѣтила ему только для того, чтобы посовѣтовать выбросить изъ головы всю эту дурь.

Фрицъ спросилъ, сохранила ли она письма. Она опять замялась и проговорила, что гдѣ-то у нея валяются какія-то два письма. Она умоляла Фрица не читать ихъ. Они были такія же смѣшныя, какъ и самъ Людвигъ Глюкъ.

Фрицъ подумалъ, что письма могутъ оказаться очень интересными, и онъ настаивалъ на томъ, чтобы прочесть ихъ. Альма наконецъ рѣшилась и пошла ихъ отыскивать. Этихъ писемъ набралась цѣлая, довольно объемистая пачка.

Фрицъ нашелъ въ нихъ много такого, чего не нашла или, вѣрнѣе, въ чемъ не хотѣла признаться Альма. Прежде всего ему бросилось въ глаза настоящее и глубокое страданіе. То, что̀ Альма называла „смѣшнымъ“, было не что̀ иное, какъ мученія и тоска нераздѣленной любви. Во всѣхъ письмахъ не было ни одной фальшивой строчки, ни одного придуманнаго слова. Все въ нихъ до послѣдней буквы было настоящей правдой. Нѣкоторыя страницы дышали поэзіей. Любовь вызывала все великое и сильное изъ нѣдръ души человѣка, и все это онъ сложилъ къ ногамъ любимой женщины.

Альма съ безпокойствомъ слѣдила за выраженіемъ лица Фрица. Онъ читалъ, и по мѣрѣ того, какъ читалъ, заинтересовывался все больше и больше. Для него эти письма были прекрасными выразителями сильнаго чувства. Нѣкоторыми выраженіями онъ наслаждался какъ художникъ. Благодаря этимъ документамъ, отношенія двухъ людей представлялись ему необычайно ясно. Онъ только несовсѣмъ понималъ, почему именно Альма отвергла человѣка, любившаго ее такъ горячо и преданно.

Онъ собралъ письма и, крѣпко прижавъ къ себѣ дѣвушку, спросилъ самымъ ласковымъ голосомъ, желая отогнать отъ нея всякую тѣнь боязни:

— Этотъ Глюкъ представляется мнѣ очень хорошимъ человѣкомъ. Мнѣ хотѣлось бы знать, почему ты не хотѣла выйти за него замужъ?

Но вмѣсто всякаго отвѣта Альма принялась плакать. Она не понимала, какъ это Фрицу могла придти въ голову мысль, что у нея могъ быть какой-то другой мужъ. Ея слова прерывались всхлипываніями, но она все-таки продолжала говорить. Она увѣряла, что, кромѣ жалости, Людвигъ Глюкъ никогда не вызывалъ въ ней ровно ничего.

— Этотъ человѣкъ, просто, мое несчастье! — вскричала она внѣ себя. — Я такъ хотѣла, чтобы все было покончено наконецъ между мною и имъ. Я писала ему изъ Берлина, что люблю другого, что ему не на что больше надѣяться, что онъ, какъ честный человѣкъ, долженъ оставить меня въ покоѣ. Я думала, что онъ наконецъ успокоится. Но, вотъ, онъ опять здѣсь! Не понимаю, что̀ ему отъ меня нужно. Никогда я не подавала ему никакой надежды. Еще недавно я прямо ему въ лицо сказала, что онъ мнѣ противенъ. О, хоть бы куда-нибудь сгинулъ этотъ ужасный человѣкъ! Ужъ я бы его не пожалѣла! Я просто испугалась, когда онъ уставился на меня тогда въ „Городѣ Парижѣ". Я не могла глазъ сомкнуть цѣлую ночь. Я все думала, Фрицъ, что ты что-нибудь подозрѣваешь. А когда онъ явился сюда ко мнѣ, весь ободранный и еще болѣе похудѣвшій, я подумала, что это выходецъ съ того свѣта. Онъ всегда страшно пугалъ меня. И только подумать, что я могла съ такимъ... и въ особенности послѣ того, какъ я узнала тебя! Вѣдь онъ совсѣмъ другой, чѣмъ ты, совсѣмъ даже и не похожъ на тебя. Такого другого, какъ ты, во всемъ свѣтѣ нѣтъ!

Она крѣпко обняла Фрица и чуть не задушила его своими страстными поцѣлуями.

XI.

Всю зиму Фрицъ Бертингъ такъ усердно работалъ надъ своимъ романомъ, что къ Пасхѣ у него образовалась довольно объемистая рукопись. Написавъ послѣднюю фразу послѣдней главы, онъ отложилъ въ сторону перо и вздохнулъ съ облегченіемъ; но онъ отлично зналъ, что его работа еще далеко не окончена. Онъ медленно перечелъ все съ начала, стараясь относиться къ своему роману критически, какъ къ произведенію другого. Его ожидали неожиданности и разочарованія. Сцены, отъ которыхъ онъ ждалъ многаго и которыя писалъ съ большимъ воодушевленіемъ, оказались слабыми, а другія, почти забытыя имъ, поразили его своею силой. Многое надо было перемѣнить, сгладить, усилить, сократить. Онъ передѣлывалъ и переписывалъ до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что больше ничего сдѣлать не можетъ. Остались только слишкомъ свойственные ему недостатки и ошибки; отъ нихъ избавиться онъ не былъ въ состояніи, и безъ нихъ произведеніе пожалуй утратило бы своеобразный характеръ. Онъ завязалъ рукопись и отнесъ ее къ издателю. Вейсблейхеръ, давно ея дожидавшійся, объявилъ, что тотчасъ же приступитъ къ печатанію. Слѣдовало торопиться, чтобы книга была готова, по крайней мѣрѣ, къ лѣтнему сезону купаній и путешествій.

Отдавъ свое произведеніе, Фрицъ испыталъ такое чувство, какъ будто разстался съ возлюбленной. Жизнь вдругъ показалась безцѣльной и пустой. О новомъ произведеніи нечего было и думать. Надо было отдохнуть, и онъ рѣшилъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль ничего не дѣлать и только наблюдать окружающую жизнь. Онъ сталъ ходить въ театръ, съ удовольствіемъ изучая публику, состоявшую главнымъ образомъ изъ дамъ. Каждая изъ нихъ увлекалась какимъ-нибудь актеромъ, причемъ искусство далеко не всегда играло главную роль въ этомъ увлеченіи.

Во всѣ эти тайны посвятилъ Фрица Зигфридъ Зильберъ. Отъ него же Бертингъ узналъ, что, по окончаніи спектакля, ежедневно у театральнаго подъѣзда, предназначеннаго для актеровъ, происходила еще дополнительная юмористическая сцена. Влюбленныя дамы окружали своихъ кумировъ, осыпая ихъ цвѣтами, подарками, пожимая имъ руки и даже цѣлуя ихъ.

Самымъ красивымъ изъ актеровъ, исполнявшимъ обыкновенно героическія роли, былъ Вальдемаръ Гесловъ. Онъ обладалъ прекрасной внѣшностью, стройной, мускулистой фигурой и очень

пріятнымъ голосомъ, но всегда очень плохо училъ свои роли и еще хуже передавалъ ихъ. Да ему этого было и не нужно. Стоило ему только надѣть трико и красивый плащъ, заговорить своимъ обаятельнымъ голосомъ, бросить на публику томный взглядъ и сдѣлать патетическій жестъ,—и его успѣхъ былъ обезпеченъ. Если имя Вальдемара Геслова стояло на афишѣ, то кассиръ зналъ, что всѣ билеты будутъ разобраны.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ представленія, Фрицъ Бертингъ пошелъ къ актерскому подъѣзду, чтобы посмотрѣть на оваціи. Публика стояла въ два ряда, оставивъ по серединѣ свободный проходъ. Всѣ взоры были устремлены на маленькую запертую дверь. Сначала изъ нея появилось нѣсколько женскихъ фигуръ; онѣ исчезли незамѣченными. Потомъ появился старый толстый комикъ и вѣжливо раскланялся, но никто не протянулъ ему руки. Наконецъ, вышелъ и герой дня. Дамы тотчасъ же окружили его, стараясь подойти какъ можно ближе къ своему кумиру. Вальдемаръ съ снисходительной улыбкой выслушивалъ и принималъ всѣ выраженія восторга. Сдвинувъ немного на бокъ мягкую фетровую шляпу и придерживая рукою накинутый на плечи плащъ, онъ поворачивался то къ одной, то къ другой дамѣ, но вдругъ остановился и проговорилъ:

— Позвольте, mesdames, пропустите!

Такъ какъ эти слова не произвели желаемаго дѣйствія, то онъ довольно энергично отстранилъ своихъ поклонницъ и, выйдя изъ толпы, остановился передъ молодой дѣвушкой въ подбитой мѣхомъ накидкѣ, съ блестящимъ шолковымъ шарфомъ на шеѣ. Она стояла въ сторонѣ отъ другихъ и на нее падалъ яркій свѣтъ лампы. Гесловъ снялъ передъ нею шляпу, подалъ ей руку и у нихъ начался оживленный разговоръ. Глаза всѣхъ дамъ ревниво и съ завистью устремились на счастливую избранницу, предпочтенную имъ всѣмъ. Еще разъ, уже на прощанье, снялъ Вальдемаръ передъ дѣвушкой шляпу, нагнулся и поцѣловалъ ей руку, а она довольно небрежно кивнула ему головой. Фрицъ пристально посмотрѣлъ на незнакомку въ ту минуту, какъ она подняла голову, разговаривая съ актеромъ, который былъ выше ея ростомъ, и ея лицо произвело на него очень сильное впечатлѣніе. Въ этомъ лицѣ не было яркой красоты, но оно было удивительно интересно. На видъ дѣвушкѣ было не болѣе семнадцати лѣтъ. Какимъ образомъ она могла попасть сюда? Что общаго могло у нея быть съ Вальдемаромъ Гесловымъ? У нея былъ слишкомъ изящный и интеллигентный видъ для поклонницы актера.

Дѣвушка отвернулась отъ него, и онъ потерялъ ее въ толпѣ. Сидя въ общественной каретѣ, увозившей театральную публику, онъ перебиралъ въ памяти все только-что видѣнное, и не могъ освободиться отъ чувства глупой ревности при воспоминаніи объ актерѣ и молодой дѣвушкѣ. Чѣмъ заслужилъ этотъ пошлый Вальдемаръ такое счастье? Вдругъ онъ поднялъ голову, и его взглядъ упалъ на блестящій индійскій шарфъ, изъ-подъ котораго выглядывалъ тоненькій носъ оригинальной поклонницы Геслова. Рядомъ съ нею, въ углу кареты, сидѣла просто одѣтая особа, очевидно горничная, провожавшая ее изъ театра. Фрицъ могъ теперь на свободѣ разглядѣть молодую дѣвушку и понялъ, что̀ въ ней такъ поразило и понравилось ему: во всемъ ея существѣ чувствовалась породистость. Дѣвушка взглянула въ сторону Фрица. Онъ увидалъ небольшіе глаза съ тяжелыми вѣками, принявшіе при встрѣчѣ съ его взглядомъ острое, пронизывающее выраженіе, такъ что ему показалось, что онъ почувствовалъ прикосновеніе стали. Тонкія крылья ея носа дрогнули, а возлѣ узкихъ губъ легла насмѣшливая складка. Она спокойно вынесла его пристальный взглядъ, только насмѣшливая мина сдѣлалась еще рѣзче. Во время слѣдующей остановки она встала и вышла изъ кареты вмѣстѣ съ своею горничной.

Фрицъ Бертингъ также всталъ, еще не отдавая себѣ отчета, для чего это дѣлаетъ. Равнодушіе, съ какимъ молодая дѣвушка выдержала его взглядъ, возбудило въ немъ желаніе узнать, что̀ именно скрывалось за такимъ увѣреннымъ видомъ.

Пройдя немного, она остановилась передъ домомъ, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ садомъ. Въ то время какъ горничная возилась, отпирая калитку, Фрицъ прошелъ совсѣмъ близко мимо молодой дѣвушки и посмотрѣлъ ей въ лицо. Что-то звало и удерживало его въ ея взглядѣ, но тотчасъ же появилось прежнее насмѣшливое выраженіе въ ея лицѣ, какъ будто говорившее: „А заговорить со мной ты все-таки не посмѣешь“!

Пройдя нѣсколько времени по улицѣ, онъ повернулъ назадъ и, проходя мимо дома въ саду, увидалъ, какъ въ нижнемъ этажѣ освѣтились два окна.

Фрицъ былъ недоволенъ собой, хотя не могъ найти настоящей причины своего неудовольствія. Съ тѣхъ поръ онъ часто сталъ встрѣчать оригинальную молодую дѣвушку въ театрѣ. Она всегда сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ, въ глубинѣ ложи бенуара. Фрицу хотѣлось знать, не привлекалъ ли ее въ театръ исключительно Вальдемаръ Гесловъ, но не могъ этого рѣшить, потому

что она бывала и на тѣхъ представленiяхъ, въ которыхъ красивый трагикъ не участвовалъ.

Она никогда не апплодировала и вообще ничѣмъ не выражала своего восторга. Быть можетъ, это была просто театральная ученица.

XII.

Вейсблейхеръ раздѣлялъ всѣ издаваемые имъ романы на три сорта. Къ первому сорту принадлежали романы, покупаемые родителями для своихъ подростающихъ дѣтей, ко второму—романы, раскупаемые на желѣзнодорожныхъ станцiяхъ, и, наконецъ, къ третьему—самыя интересныя произведенiя, литературные лакомые кусочки, представляющiе собою запретный плодъ для молодыхъ дѣвицъ и не разрѣшаемые цензурой къ продажѣ на станцiяхъ.

Опытный издатель, съ довольной улыбкой на обрюзгшемъ лицѣ, отложилъ въ сторону, по прочтенiи, рукопись Бертинга. Надо было подыскать подходящее имя для новаго дѣтища. Названiе, поставленное Фрицемъ, Вейсблейхеръ находилъ совершенно неподходящимъ и не вызывающимъ интереса. Заглавiе книги должно было бросаться въ глаза.

— Много обѣщающее заглавiе есть уже треть успѣха,— замѣтилъ издатель, и назвалъ новый романъ „Жизнь рода".

Заботясь объ успѣхѣ новаго романа, Вейсблейхеръ рѣшилъ, что молодой авторъ долженъ былъ завести свѣтскiя знакомства, что̀ особенно было удобно для Фрица: онъ происходилъ изъ хорошей семьи и обладалъ привлекательной внѣшностью,—этимъ надо было воспользоваться, — съ отеческой заботливостью объявилъ Вейсблейхеръ и повезъ Фрица въ домъ нѣкой г-жи Гильшiусъ. У нея былъ открытый салонъ, единственное мѣсто, по словамъ издателя, гдѣ можно было услышать серьезные разговоры о литературѣ. Г-жа Гильшiусъ имѣла дочь отъ перваго брака и сына—отъ второго. Всѣ думали, что она выйдетъ и въ третiй разъ за господина, дравшагося на дуэли съ ея вторымъ мужемъ, но этотъ бракъ не состоялся. Огорченная вдова утѣшилась тѣмъ, что написала романъ подъ псевдонимомъ. Вейсблейхеръ подъ секретомъ далъ его прочесть Бертингу, сказавъ, что это произведенiе „написано кровью сердца" и представляетъ собою интереснѣйшiй „человѣческiй документъ". Фрицъ прочелъ и былъ пораженъ бездарностью, нескромностью и претенцiозностью романа. Онъ составилъ себѣ извѣстное представленiе объ авторѣ

и былъ очень удивленъ, когда Вейсблейхеръ представилъ его старой, толстой дамѣ, наружность которой не допускала и мысли о любовныхъ приключеніяхъ. Въ салонѣ г-жи Гильшіусъ было человѣкъ двадцать гостей. Хозяйка представила его всѣмъ, повторивъ нѣсколько разъ:

— Фрицъ Бертингъ, извѣстный писатель, авторъ „Тихаго сна“. Большой его романъ „Жизнь рода“ скоро будетъ изданъ нашимъ милѣйшимъ Вейсблейхеромъ.

Фрицъ смутился-было отъ всѣхъ этихъ эпитетовъ, но скоро успокоился, услыхавъ, какія прилагательныя расточала г-жа Гильшіусъ и по адресу всѣхъ другихъ своихъ гостей.

Всѣ были или „геніальны“, или „выдающіеся“, или, по меньшей мѣрѣ, „извѣстные“. И всѣ принимали эти слова какъ нѣчто должное. Двое молодыхъ людей, съ длинными, небрежно причесанными волосами, критически приподнявъ брови, осмотрѣли Фрица, и онъ тотчасъ же догадался, что это были „собратья по перу“. Среди гостей было нѣсколько молодыхъ дамъ и дѣвицъ, производившихъ впечатлѣніе довольно глупенькихъ. По увѣренію хозяйки дома, одна изъ нихъ была геніальной художницей, другая—талантливой піанисткой, а третья—поэтессой, подающей самыя блестящія надежды.

Послѣдняя, довольно миловидная молодая особа, съ лицомъ фарфоровой куколки, заговорила съ Фрицемъ. Она сообщила ему, что „сочиняетъ“ стихи и уже издала сборникъ подъ названіемъ „Плющъ“. Узнавъ, что и у Фрица былъ сборникъ стиховъ, она предложила ему обмѣняться книжками.

— Ахъ, какъ чудесно писать стихи,—воскликнула она со вздохомъ,—но только это такъ дорого стоитъ!—На удивленный вопросъ Фрица, почему же ей дорого стоили ея стихи, она объяснила, что сборникъ не только не давалъ ей никакого дохода, но что она еще должна была выплатить Вейсблейхеру за его изданіе значительную сумму денегъ.—Г-нъ Вейсблейхеръ сказалъ мнѣ, что всѣ поэты такъ дѣлаютъ,—заключила она.

Фрицъ познакомился съ дочерью хозяйки, молодой, кокетливой женщиной, съ темными глазами и вызывающей улыбкой, и сталъ разспрашивать ее о всѣхъ присутствовавшихъ.

— Моя мать добрѣйшее существо,—болтала Анни Эшауеръ.— Вѣдь изъ всѣхъ ея гостей одна половина является къ ней ради ужина, а другая—изъ любопытства и для сплетенъ, но моя добрѣйшая мать увѣрена, что сколько носовъ въ ея салонѣ, столько и геніевъ.

— Ну, а меня къ какой же категоріи вы причисляете?— съ улыбкой спросилъ Фрицъ.

— Ахъ, вы—совсѣмъ другое дѣло,—поспѣшно отвѣчала она:—иначе вѣдь я не стала бы такъ съ вами разговаривать.

Въ эту минуту ее позвала мать, и обѣ скрылись въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находился буфетъ. Объ этомъ можно было безошибочно заключить по страстнымъ взглядамъ длинноволосыхъ поэтовъ, направленнымъ въ ту сторону.

Къ Бертингу подошелъ юноша съ безбородымъ лицомъ и представился, какъ сынъ хозяйки дома, Теофиль-Алоизъ Гильшіусъ. Непосредственно за этимъ онъ сообщилъ Фрицу, что написалъ драму „Сулла", но ни одинъ антрепренеръ не рѣшается ее поставить.

— Отчего же?—спросилъ Фрицъ:—вѣроятно очень трудная постановка?

— Нѣтъ, слишкомъ сложная психологія, — съ важностью отвѣчалъ восемнадцатилѣтній юноша.—Впрочемъ, я не буду вамъ заранѣе разсказывать содержаніе. Вы сами услышите сегодня мою драму,—ее будутъ читать.

Въ это время къ нимъ подошла Анни Эшауеръ съ тарелочкой сластей въ одной рукѣ и стаканомъ пунша въ другой. Она протянула стаканъ и тарелочку Фрицу и пригласила его съ собою въ маленькій будуаръ возлѣ гостиной, гдѣ можно было удобно усѣсться и поболтать. Брата она попросила принести ей конфектъ и потомъ услала его къ юной поэтессѣ, автору „Плюща", искавшей, по ея словамъ, „родственную душу".

Фрицъ спросилъ Анни Эшауеръ, гдѣ учился ея братъ, и узналъ, что онъ готовился сдавать экзаменъ зрѣлости, по окончаніи котораго мать разрѣшила ему „сдѣлаться поэтомъ".

— Ахъ, несчастный!—невольно воскликнулъ Фрицъ.

— Значитъ, и вы поэтъ?

— Именно потому я и жалѣю вашего брата,—нелегко все это дается.

Анни Эшауеръ посмотрѣла на него серьезно и пристально.

— Знаете, г-нъ Бертингъ,—проговорила она, понизивъ голосъ:—вы совсѣмъ не похожи на тѣхъ поэтовъ, которые въ эту минуту наслаждаются въ буфетѣ. Я терпѣть не могу этого отвратительнаго Вейсблейхера, но за то, что онъ васъ привелъ сюда—я ему очень благодарна.

Фрицъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

„Что̀ значили эти слова?"—Онъ не успѣлъ хорошенько задуматься надъ этимъ вопросомъ, такъ какъ въ комнату вошли

три дамы, двѣ пожилыя и одна молодая. Взглянувъ на послѣднюю, Фрицъ почувствовалъ, какъ сердце его ускоренно забилось.

— Кто эта барышня?—быстро спросилъ онъ и прибавилъ, боясь, что Анни Эшауеръ замѣтитъ его волненіе:—она такъ похожа на одну мою знакомую.

— Это Гедвига фонъ-Лаванъ. Теофиль безумствуетъ по ней,—отвѣчала фрау Эшауфъ.—У моего братца недурной вкусъ, не правда ли?

— А кто эти старыя дамы съ нею?

— Гедвига круглая сирота, и эти старушки ее воспитывали. Онѣ сестры, зовутъ ихъ Ида и Аманда Китшхенъ. Одна изъ нихъ была невѣстой отца Гедвиги, но онъ умеръ, не успѣвъ извѣдать съ нею счастья. Пойдемте, я васъ представлю имъ.

Фрицъ почувствовалъ смущеніе. Узнаетъ ли его фрейлейнъ фонъ-Лаванъ?

Но молодая дѣвушка посмотрѣла на него очень спокойно и произнесла:

— Мы, кажется, съ вами встрѣчались въ театрѣ,—и при этихъ словахъ на лицѣ ея появилась свойственная ей насмѣшливая улыбка.

Они заговорили о театрѣ, и Фрицъ невольно обдумывалъ каждое слово, чего совсѣмъ не дѣлалъ, разговаривая передъ этимъ съ Анни Эшауеръ. Какъ эти двѣ женщины были мало похожи другъ на друга! Въ сравненіи съ роскошно развитой фигурой фрау Эшауеръ, Гедвига, съ своей плоской грудью и худой фигурой, напоминавшей мальчика, казалась какимъ-то безполымъ существомъ.

Они стали говорить о французскихъ романахъ, и оказалось, что оба одинаково увлекались Гюи де-Мопассаномъ. Золà она ставила гораздо выше Додè, находя послѣдняго скучнымъ, слащавымъ и неправдивымъ.

Оказалось, что Гедвига совсѣмъ не читала Бальзака. Фрицъ предложилъ ей принести нѣсколько томовъ, такъ какъ у него было полное собраніе сочиненій этого автора, и спросилъ ея адресъ.

— Я живу въ первомъ этажѣ, г-нъ Бертингъ; домъ, если не ошибаюсь, вамъ извѣстенъ.

Фрицъ покраснѣлъ, смѣшался и, чтобы скрыть свое смущеніе, заговорилъ снова о сходствѣ съ его знакомой, такъ поразившемъ его, будто бы, въ лицѣ Гедвиги; но она смотрѣла на него съ улыбкой, ясно говорившей, что она не вѣритъ ни единому его слову.

Это стало раздражать его, и ему даже захотѣлось сказать ей какую-нибудь колкость.

Въ это время въ гостиной всѣ задвигались, дамы вытянули шеи по одному направленію, кто-то крикнулъ:—„это онъ!"— и въ дверяхъ показалась внушительная фигура красавца Вальдемара Геслова.

— Вы знаете, кто это, фрейлейнъ фонъ-Лаванъ?—спросилъ Бертингъ, пристально глядя ей въ лицо и стараясь уловить перемѣну выраженія въ немъ.

— Да, это г-нъ Вальдемаръ Гесловъ,—отвѣчала она совершенно спокойно.

— Вы съ нимъ знакомы?

— Конечно; онъ бываетъ у моихъ тетушекъ.

— Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ актеровъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, нисколько, г-нъ Бертингъ! Я, откровенно, нахожу его очень слабымъ, какъ актера. Онъ мнѣ столько ролей испортилъ!

Вальдемаръ Гесловъ прежде всего направился въ столовую, такъ какъ послѣ спектакля всегда бывалъ страшно голоденъ. Его окружили дамы и стали ему прислуживать съ счастливыми улыбками, а онъ пилъ и ѣлъ за обѣ щеки.

Подкрѣпивъ себя, онъ объявилъ, что теперь можетъ приступить къ чтенію „Суллы". Мать автора обошла всѣхъ гостей, объявляя имъ о предстоявшемъ счастливомъ событіи, и всѣ направились въ гостиную, гдѣ за столикомъ уже возсѣдалъ Вальдемаръ Гесловъ, освѣщенный двумя серебряными канделябрами. Рукопись, лежавшая передъ нимъ, напугала Бертинга своею толщиною. Прослушавъ болѣе часа совершенно неискусное чтеніе Геслова, онъ не выдержалъ и ушелъ въ курильную комнату. Тамъ онъ нашелъ двухъ длинноволосыхъ поэтовъ, сидѣвшихъ, положивъ ноги на сосѣдніе стулья, и съ наслажденіемъ куривших дорогія хозяйскія сигары.

— Умеръ, что-ли, Сулла?—освѣдомился одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ Фрицъ:—ему осталось жить два акта съ половиной.

— Жаль, больше пунша нѣтъ,—замѣтилъ другой поэтъ.— Нечего дѣлать, пойдемте въ пивную. Не хотите ли и вы съ нами?

И всѣ трое тайкомъ обратились въ бѣгство.

П—на С—ва.

РУССКІЙ КИТАЙ

Наша первая колонія на Дальнемъ Востокѣ.

Болѣе трехъ лѣтъ мы владѣемъ Квантуномъ; много нашихъ милліоновъ затрачено уже на эту отдаленную область имперіи; много милліоновъ потребуетъ она въ будущемъ; много нашихъ отбыло изъ центра Россіи на эту далекую азіатскую окраину для водворенія нашей власти и насажденія русской культуры на этомъ малонаселенномъ, непривѣтливомъ, мало плодородномъ и вовсе не благопріятномъ въ климатическомъ отношеніи полуостровѣ азіатскаго материка. Несмотря на этотъ достаточно уже продолжительный срокъ обладанія нами новой Квантунской областью, до сихъ поръ у насъ не появлялось обстоятельнаго труда по исторіи и этнографіи этой первой русской колоніи на Дальнемъ Востокѣ, а между тѣмъ этотъ русскій Китай по своему нынѣшнему значенію представляетъ большой интересъ не только для однихъ синологовъ и спеціалистовъ, но вообще для всѣхъ образованныхъ людей, для всей соціальной и промышленной Россіи. Насъ, русскихъ, соединяютъ съ китайцами историческія и этнографическія узы, русская государственная граница соприкасается съ границею Срединной имперіи на протяженіи болѣе восьми тысячъ верстъ; наконецъ, наши политическіе и торговые интересы тѣсно связаны съ интересами китайскими, а между тѣмъ очень мало мы, русскіе образованные люди, знаемъ нашего великаго сосѣда и вновь пріобрѣтенную нами область—Квантунъ.

Подъ руководствомъ перваго русскаго начальника Квантунскаго полуострова, генерала Д. И. Суботича, за первые три года русскаго управленія на Квантунѣ, собрано генераломъ и

его помощниками, офицерами генеральнаго штаба, драгоцѣнныя свѣдѣнія объ этомъ новомъ для насъ краѣ. На основаніи этихъ оффиціальныхъ данныхъ въ настоящемъ очеркѣ мы и постараемся познакомить нашихъ читателей, конечно вкратцѣ, съ нашей первой колоніей на Дальнемъ Востокѣ,—говоримъ—„колоніей“, ибо занятая нами территорія, хотя и представляетъ собой важное въ политическомъ, военномъ, торговомъ и экономическомъ отношеніяхъ пріобрѣтеніе, собственно въ смыслѣ экономическомъ долго еще, а вѣрнѣе—всегда будетъ только колоніей. Задача наша—поднять ея благосостояніе и разумно эксплоатировать ее. Будущее покажетъ, съумѣемъ ли мы справиться со взятой на себя задачей.

Теперь, конечно, трудно предвидѣть, что̀ будетъ дальше; одно только неоспоримо, что это будетъ зависѣть отъ насъ самихъ въ гораздо большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Если мы съумѣемъ справиться съ нашей задачей, то намъ не будетъ страшна конкурренція ни Англіи, ни Германіи, ни Америки, ни Японіи. Собственно же какъ страна, новая территорія не представляетъ большой цѣнности, развѣ что золото подниметъ ее,—но это еще гадательно. Пока это есть только голова, или „тэтъ-де-понъ“, прикрывающій великій рельсовый путь.

I.

Географическое положеніе.—Пространство.—Рельефъ.—Воды.—Климатъ.—Населеніе: численность, племенной составъ, сословія, бытъ.—Хунгузы.

Наши владѣнія на Квантунскомъ полуостровѣ раздѣляются узкимъ Цзиньчжоускимъ перешейкомъ на двѣ части: сѣверную—Ляодунъ и южную—собственно Квантунъ. Занятая нами, по конвенціи съ Китаемъ 15 марта 1898 года, территорія расположена между 38°20 и 39°25 сѣверной широты (т.-е. на одной параллели за Зарявшанскою долиною и съ Ленкоранскимъ краемъ) и 138°28 и 140°53 восточной долготы. Она занимаетъ площадь около 2.885 квадратныхъ верстъ, включая въ то число 28 населенныхъ островозъ, составляющихъ до 146 квадратныхъ верстъ.

Поверхность русскаго Квантуна имѣетъ характеръ гористый. Равнины тамъ рѣдки и размѣры ихъ незначительны. Онѣ расположены, главнымъ образомъ, по долинамъ рѣкъ. Наибольшія изъ нихъ: долина рѣчки Тученцы и довольно обширная

низменность у селенія Инченцы. Омывающіе нашу территорію съ востока, юга и запада, Корейскій и Ляодунскій заливы образовали чрезвычайно извилистую береговую линію (на подобіе финляндскихъ шхеръ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ) протяженіемъ въ 503 версты, со многими бухтами, но неудобными для якорныхъ стоянокъ; исключеніе составляютъ два залива, Таліенванскій и Портъ-Артурскій, первый—какъ будущій портъ у города Дальняго, а второй—какъ стоянка нашего военнаго флота.

Особенностью занятой территоріи въ гидрографическомъ отношеніи является скудость текучихъ водъ, что зависитъ отъ продолжительнаго, почти девяти-мѣсячнаго, періода сухого времени года, отсутствія лѣсовъ и высокихъ горъ, малой длины и значительнаго паденія руселъ рѣчекъ. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ обильные дожди переполняютъ русла водой, лишь частью впитывающейся въ почву; главная же масса уносится въ море. Отъ ливня на низменныхъ мѣстахъ страдаютъ хлѣба и деревья и портятся дороги.

Несмотря на незначительное количество текучихъ водъ, нельзя сказать, чтобы территорія была вовсе бѣдна водою; насыщенная водою почва питаетъ во всѣ девять мѣсяцевъ колодцы, устраиваемые въ руслахъ рѣчекъ и вблизи нихъ. Этого колодезнаго запаса воды не хватаетъ, если весенніе дожди запаздываютъ, а для населенныхъ мѣстностей запасъ воды колодезной совершенно недостаточенъ. Въ Портъ-Артурѣ мы пользуемся устроеннымъ еще китайцами водопроводомъ, проведеннымъ изъ рѣчки Лунхэ, вода которой не высокаго качества, и притомъ ея мало для разростающагося города.

Изысканія подземныхъ водоносныхъ, глубоко лежащихъ слоевъ для добычи артезіанской воды, не привели къ благопріятнымъ результатамъ. Вторая мѣра по обезпеченію Портъ-Артура водой состоитъ въ устройствѣ опрѣснителей, изъ которыхъ одинъ на 1.200 ведеръ въ сутки, а другой на 20.000 ведеръ, и оба они уже дѣйствуютъ. Озеръ на Квантунѣ почти нѣтъ. Единственное, болѣе значительное озеро Далаоцзы находится къ сѣверу отъ Викторіа-бей, но къ концу періода засухи оно пересыхаетъ, и жители пользуются водой изъ колодца, вырытаго на серединѣ озера. Благодаря запрудѣ, близъ Портъ-Артура также образовалось небольшое прѣсноводное озеро. Климатъ нашихъ владѣній всецѣло зависитъ отъ направленія дующихъ вѣтровъ и имѣетъ много общаго съ климатомъ южно-уссурійскаго края. Зимой господствуютъ сѣверные и сѣверо-восточные вѣтры, иногда

сопровождаемые снѣжной пургой, продолжающейся около трехъ сутокъ; затѣмъ, на нѣкоторое время устанавливается ясная, сухая погода, по ночамъ всегда холодная, днемъ же, при отсутствіи вѣтра, теплая, такъ какъ солнце сильно грѣетъ. Во время вѣтра температура сильно понижается и морозы доходятъ до десяти градусовъ. Стоячія воды покрываются слоемъ льда, выносящимъ тяжесть человѣка, но море не замерзаетъ. По разсказамъ китайцевъ, внутренній бассейнъ портартурской бухты въ суровыя зимы покрывается тонкимъ слоемъ льда. Въ общемъ, зима мягкая, съ небольшими морозами съ середины декабря до конца марта. Снѣжная пурга наблюдается пять, шесть разъ въ зиму.

Лѣтомъ дуютъ влажные южные и юго-западные вѣтры; также часты туманы и дожди. Воздухъ настолько насыщается водяными парами, что многіе предметы въ жилыхъ помѣщеніяхъ покрываются плесенью. Во время засухъ бываетъ плохой урожай хлѣбовъ и сѣна; появляется червякъ, съѣдающій всю чумизную и отчасти кукурузную и гаолянную солому. Лѣтняя температура очень высока, но въ 1899—1900 гг. не было сильныхъ жаровъ. Военная портартурская метеорологическая станція и наблюденія въ городѣ Дальнемъ показали наивысшую температуру въ тѣни 25°,2. Съ середины августа жара понемногу ослабѣваетъ и наступаетъ лучшее время года—осень, съ ясной тихой погодой и изрѣдка перепадающими дождями. Весенніе мѣсяцы, мартъ и начало апрѣля, по своему характеру приближаются къ зимнимъ, а конецъ апрѣля и май—къ лѣтнимъ мѣсяцамъ. Въ Портъ-Артурѣ учреждены двѣ метеорологическія станціи, изъ которыхъ одну на берегу бухты устроило морское вѣдомство, и снабдило инструментами главной физической обсерваторіи; вторая же устроена военнымъ вѣдомствомъ въ полуверстѣ отъ моря, на высотѣ 70 ф. отъ уровня моря, и снабжена инструментами изъ топографическаго отдѣла штаба приамурскаго военнаго округа. Этой станціей завѣдуетъ врачъ, г. Тищенко. Въ Дальнемъ съ марта 1899 г. тоже производятся метеорологическія наблюденія врачомъ гарнизона, г. Крюковымъ.

Точныхъ свѣдѣній о численности туземнаго населенія на Квантунѣ и на относящихся къ нему островахъ въ настоящее время не имѣется и не можетъ быть дано безъ производства переписи. Для выясненія съ приблизительной точностью дѣйствительной цифры населенія Квантуна были сдѣланы рекогносцировки генеральнаго штаба подполковниками Ильинскимъ и Самойловымъ и данными имъ въ помощь строевыми офицерами: штабсъ-капитаномъ Горскимъ 2-мъ, поручикомъ Калантаевскимъ,

сотникомъ Семеновымъ и корпуса топографовъ штабсъ-капитаномъ Гавриловымъ, безъ переводчиковъ; впрочемъ, въ этомъ отношеніи большую услугу оказалъ поручикъ Россовъ, основательно изучившій китайскій языкъ. Опредѣлены были всѣ населенные пункты, число дворовъ въ нихъ, и семействъ въ каждомъ изъ послѣднихъ,—такъ какъ часто подъ одной кровлей проживаетъ нѣсколько семействъ,—и, наконецъ, выведено среднее число душъ въ каждой семьѣ. Записаны точно китайскія названія пунктовъ—деревень, селъ, рѣкъ, горъ, долинъ и проч. При этомъ выяснилось, что число душъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ колеблется между 7 и 10 человѣками въ семьѣ. По такому исчисленію туземное населеніе занятой нами части Квантуна, вмѣстѣ съ островами, достигаетъ 274.945 душъ обоего пола. Изъ нихъ 247.272 человѣка проживаютъ на материкѣ въ 1.908 населенныхъ пунктахъ, а остальные 27.673 человѣка—на островахъ. Средняя густота населенія нашей территоріи на материкѣ, составляющей 2.739 кв. верстъ,—90 человѣкъ, и на островахъ, занимающихъ 146 кв. верстъ,—189 человѣкъ на одну квадратную версту. По плотности населеніе Квантуна превышаетъ Кѣлецкую губернію (86 человѣкъ).

На материкѣ проживаетъ пришлыхъ китайскихъ рабочихъ, преимущественно въ Портъ-Артурѣ, Дальнемъ и на линіи строящейся китайской восточной желѣзной дороги (собственно на Квантунѣ), до 10.000 душъ. Русское населеніе Квантуна, безъ войскъ, доходитъ до 1.500 человѣкъ, иностранцевъ—европейцевъ до 400 человѣкъ и японцевъ около 200 человѣкъ. Несмотря на войну, цифры эти почти не измѣнились, а въ послѣднее время, напротивъ, даже увеличились относительно китайцевъ, что̀ доказываетъ разумное отношеніе русской администраціи къ китайскому населенію.

Въ городѣ Цзиньчжоу числится до 15.000 жителей. Города̀ Портъ-Артуръ (5.000 человѣкъ), Дальній, Цзиньчжоу, а также Бицзиво, относятся къ наиболѣе населеннѣйшимъ пунктамъ на Квантунѣ. Затѣмъ идутъ селенія, имѣющія нѣкоторое торговое значеніе на восточномъ побережьи: Лунвантанъ, Сяопиндо, Лаохутань, Дагушань, Шицао, Цзыньчанъ, Ляогуаньцзуй, Хунтуяй, Туаньшаньцзы, Ляншуйхэцзы и Шахэкау, и на западномъ побережьи: Шуандао, Янтоува, Мэйяо, Сангуанмяо, Сяомцзы и Яхуцзуй.

Южная часть поселенія населена гуще—105 человѣкъ на квадратную версту. Затѣмъ слѣдуетъ сѣверная часть—82 человѣка на квадратную версту. Менѣе же населены юго-восточный

и сѣверо-западный участки Квантуна, что зависѣло отъ болѣе скудной почвы и отдаленности этихъ мѣстностей отъ значительныхъ торговыхъ пунктовъ Цзиньчжоу и Бицзыво. Но въ настоящее время уже замѣчается измѣненіе густоты населенія, увеличивающееся къ Портъ-Артуру и Дальнему, которые все болѣе и болѣе привлекаютъ къ себѣ туземное и пришлое рабочее и торговое населеніе.

По Іакинфу Бичурину и „Трудамъ пекинской духовной миссіи", населеніе Квантуна образовалось изъ выходцевъ сосѣднихъ провинцій Китая—Шаньдуна, Шаньси (провинція, въ которой прежде находился китайскій императоръ), Чжилійской—и изъ аборигеновъ страны манчжурскаго племени. Въ настоящее время различныя племена полуострова настолько смѣшались, что населеніе представляетъ, безъ всякихъ оригинальныхъ расовыхъ чертъ, одинъ общій китайскій типъ. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, сказалась въ полной мѣрѣ поразительная ассимилирующая способность китайскаго племени. Единственный языкъ на Квантунѣ—китайскій, съ незначительными уклоненіями отъ Чжилійской равнины, которыя внесены въ него шаньдунскимъ говоромъ.

На Квантунѣ проживаютъ двѣ группы населенія, отличающіяся по отношенію другъ къ другу соціальнымъ положеніемъ, административнымъ устройствомъ и нѣкоторыми подробностями семейнаго и общественнаго быта. Одна изъ нихъ носитъ названіе: „минъ". Она образовалась изъ китайскихъ выходцевъ, спасавшихся отъ политическихъ неурядицъ на родинѣ, бѣжавшихъ преступниковъ, добровольныхъ колонистовъ и туземныхъ манчжурскихъ пастушескихъ племенъ. Связующимъ цементомъ для этихъ разнородныхъ элементовъ была общность цивилизаціи. Мины—простолюдины Квантуна. Другая группа—„ци"—составляетъ знаменное населеніе, которое образовалось изъ войскового сословія, учрежденнаго императорами Минской династіи (въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка), и получившаго законную организацію при родоначальникахъ овладѣвшей сѣверо-восточною частью Китая Дайцинской династіи. Знаменные при своей первоначальной организаціи, оставшейся безъ измѣненія по настоящее время, были раздѣлены на восемь знаменъ, каждое изъ трехъ отрядовъ, образованныхъ изъ людей одинаковыхъ народностей: манчжуръ, монголовъ и китайцевъ. Знаменные соотвѣтствуютъ нашему казачьему сословію, съ тѣмъ различіемъ, что не имѣютъ опредѣленной въ странѣ территоріи, а живутъ смѣшанно съ простолюдинами. Въ предѣлахъ Квантуна знаменное населеніе сгруппировалось около

города Цзиньчжоу, образовавъ съ прилегающими фучжоускимъ и сюянскимъ округами фудутунство, и около селенія Шуйшинъ, въ пяти верстахъ къ сѣверу отъ Портъ-Артура, гдѣ находилось управленіе селина, т.-е. начальника крыла, помощника фудутуна. Кромѣ того, поселенія знаменныхъ тянутся полосой вдоль почтовой дороги Гуандао изъ Портъ-Артура черезъ Цзиньчжоу и Фучжоу на Инькау. Дорога эта у русскихъ носитъ названіе „мандаринской". Знаменнымъ были даны обширныя конскія пастбища, нынѣ распаханныя на нивы и частью занятыя минами. Привилегіи знаменныхъ, по сравненію съ простолюдинами, заключаются въ значительно большемъ земельномъ надѣлѣ, меньшемъ окладѣ податей, льготахъ при конкурсныхъ экзаменахъ на ученую степень и преимуществахъ въ служебныхъ кандидатурахъ. Ци обязаны военной службой, но во время службы получаютъ содержаніе серебромъ и зерномъ. Сословіе ци наслѣдственно, но это званіе могутъ получить и простолюдины путемъ усыновленія или за особыя заслуги. Несмотря на различный племенной составъ лицъ, образовавшихъ знаменное населеніе, въ настоящее время въ бытовомъ отношеніи оно ничѣмъ не отличается отъ простолюдиновъ. Только у женщинъ замѣчаются нѣкоторыя отличія въ одеждѣ, а также отсутствуетъ обычай уродованія ногъ, распространенный между всѣми женщинами сословія минъ. Лицъ, принадлежащихъ къ другимъ привилегированнымъ сословіямъ Китая — императорскому дому и весьма многолюдному дворянству, — на Квантунѣ не имѣется, а ученые и купцы особыхъ сословій въ Китаѣ не составляютъ.

Бытъ китайцевъ выработался въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій обособленной жизни. Съ незапамятныхъ временъ семейное начало было положено у китайцевъ въ основаніе всѣхъ житейскихъ отношеній и, покровительствуемое религіей, закономъ и традиціей, нисколько не утратило своего значенія по сію пору. Съ первыхъ проблесковъ своего сознанія китаецъ чувствуетъ тѣснѣйшую связь между собою, окружающими его лицами и длиннымъ рядомъ своихъ предковъ. Занявши, такимъ образомъ, уготованное ему судьбой мѣсто, китаецъ бо̀льшею частью проводитъ свою жизнь на этомъ мѣстѣ, выходя лишь въ исключительныхъ случаяхъ изъ опредѣленныхъ рамокъ міросозерцанія своихъ близкихъ, точно опредѣляющаго его общественныя и семейныя отношенія. Каждый китаецъ, членъ семьи и зачастую многочисленной, состоитъ въ полномъ подчиненіи главы и старшихъ членовъ ея. Нерѣдки семьи въ 30—40 человѣкъ, но встрѣчаются семьи и болѣе многочисленныя. Съ ростомъ семьи уве-

личивается число работниковъ, и благосостояніе ея возростаетъ; поэтому, каждое приращеніе семейства встрѣчается съ радостью. Старшій членъ семьи, если только болѣзнь или дряхлость не лишаетъ его бодрости, руководитъ всѣми дѣлами и является въ семейныхъ ссорахъ и неурядицахъ судьей и примирителемъ. Обращеніе къ властямъ съ жалобой на домашнихъ было бы позоромъ для семьи и самого жалобщика. Примѣры непочтительнаго отношенія къ родителямъ и старшимъ крайне рѣдки и навлекаютъ на себя осужденіе общества и преслѣдованіе по закону.

Китайская женщина лишена всякой самостоятельности и всегда находится подъ опекой мужчины: отца, мужа, брата, сына и проч.; замужнія сестры считаются исключенными изъ семьи. Такъ какъ семьи живутъ бо̀льшею частью нераздѣльно, или дѣлятся еще при жизни отца, то судьба вдовы и ея дочерей послѣ смерти главы нисколько не мѣняется. Главой семьи становится старшій сынъ. Китайская женщина проводитъ почти все свое время дома; кромѣ работъ по хозяйству, она исполняетъ менѣе трудныя полевыя работы, собираетъ топливо и проч. Въ болѣе зажиточныхъ семьяхъ всѣ труднѣйшія домашнія работы исполняются слугами, преимущественно мужчинами, а на долю женщинъ остается надзоръ, шитье, вышиваніе и уходъ за дѣтьми. Въ бѣдныхъ же семьяхъ женщины трудятся въ полѣ наравнѣ съ мужчинами, причемъ изуродованныя ноги имъ менѣе мѣшаютъ, чѣмъ это можетъ казаться. Не имѣя, наконецъ, дѣлъ внѣ семьи и домашняго хозяйства, китайскимъ женщинамъ нѣтъ никакой надобности входить въ сношеніе съ посторонними людьми; поэтому, разговоръ съ мужчиной, не-родственникомъ, а тѣмъ болѣе его посѣщеніе, какъ ничѣмъ не оправдываемое, считается очень неприличнымъ поступкомъ. Хотя женщина безправна въ семьѣ и обществѣ, но судьба ея вовсе не горестна. Обыкновенно китайская семья живетъ дружно, и если женщина сама не вооружаетъ домашнихъ противъ себя капризами и строптивостью, то ее никто не обижаетъ, а мужъ почти всегда относится къ ней съ участіемъ и заботливостью.

Частое хожденіе въ гости обычаемъ не одобряется. Этикетъ требуетъ, чтобы китаянка, выходя изъ дому, бѣлилась, румянилась и подкрашивала себѣ губы и брови. Кромѣ почтенія къ старшимъ, главнѣйшія женскія добродѣтели составляютъ—супружеская вѣрность и цѣломудріе до замужества. Нарушительницы подвергаются строжайшимъ наказаніямъ; напротивъ, женщины безупречныя окружаются почетомъ, а въ особыхъ случаяхъ, когда ихъ добродѣтели высказались ярко, имена ихъ въ назиданіе по-

томству, вывѣшиваются въ храмахъ. Сами китаянки участью своей не тяготятся; несмотря на сидячій образъ жизни, онѣ пользуются бо́льшей частью хорошимъ здоровьемъ и доживаютъ до глубокой старости.

Обычай уродованія ногъ у китайскихъ женщинъ—весьма давняго происхожденія и имѣетъ, несмотря на неодобрительное отношеніе манчжурской династіи, большое распространеніе. Какъ уже упоминалось, онъ не встрѣчается среди женщинъ сословія ци.

Сговоръ молодыхъ людей производится въ очень раннемъ возрастѣ, но свадьба совершается въ періодъ возмужалости брачущихся, чаще всего между 18 и 24 годами; но иногда случается, что возрастъ жениха и невѣсты не превышаетъ 13 лѣтъ. При бракѣ взаимная склонность въ разсчетъ не принимается, и часто молодые люди, до брака, другъ друга не видятъ. Приданаго мужу новобрачная не приноситъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ семья невѣсты принимаетъ на себя свадебные расходы. Свадьба—самое большое торжество въ жизни китайца; поэтому онъ старается отпраздновать ее возможно шумнѣе и веселѣе.

Многоженство не запрещается ни религіей, ни закономъ, но мало распространено по чисто-практическимъ соображеніямъ. На Квантунѣ оно встрѣчается какъ исключительное явленіе. Въ большихъ, нераздѣльно живущихъ семьяхъ многоженство одного лица нарушаетъ интересы другихъ членовъ, почему встрѣчаетъ съ ихъ стороны противодѣйствіе. Въ виду имущественныхъ неудобствъ, связанныхъ со вторичнымъ и прочими браками, законныя жены охотнѣе даютъ свое согласіе на открытое сожительство ихъ мужей съ наложницами, потомство которыхъ никакихъ правъ на имущество отца не имѣетъ. Дѣти отъ второго брака пользуются мéньшей долей при наслѣдованіи имущества, чѣмъ дѣти отъ третьяго брака.

Рожденіе перваго ребенка, особливо сына, встрѣчается съ большой радостью и сопровождается пиршествомъ. Стать дѣдомъ, дядей и вообще старшимъ родственникомъ—считается китайцами очень почетнымъ. Благодаря раннимъ бракамъ, можно встрѣтить семьи въ четыре, пять и даже шесть поколѣній. Имя, данное ребенку при рожденіи, не остается неизмѣннымъ во всю жизнь. Дѣвушекъ при замужествѣ называютъ другимъ именемъ мужья или ихъ родственники. Собственныя имена въ оффиціальныхъ случаяхъ не употребляются, а замѣняются соотвѣтственными названіями по отношенію къ отцу, мужу, брату и проч.; дочь такого-то, сестра такого-то. У мальчиковъ дѣтское

имя остается до вступленія въ школу, гдѣ дается новое имя, затѣмъ вновь мѣняется при женитьбѣ, поступленіи на государственную службу и полученія ученой степени. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ имена указываютъ на служебныя и ученыя достоинства вновь наименованнаго лица.

Кромѣ именъ, большинство китайцевъ имѣютъ прозвища („хао“), которыя употребляются въ дружескихъ бесѣдахъ и неоффиціальныхъ сношеніяхъ. Прославившіяся на какомъ-нибудь поприщѣ—ученомъ, служебномъ, или какъ художники и поэты, получаютъ еще особыя наименованія („цзыръ“), ихъ характеризующія,—напримѣръ, Конфуцій имѣетъ наименованіе „Нике“, т.-е. пекущійся объ исполненіи долга.

Какъ ни важна для китайца брачная церемонія, обрядъ погребенія имѣетъ для него еще бо̀льшее значеніе. Многіе приготовляютъ гробъ заранѣе и откладываютъ деньги на свои похороны. Всегда бережливый китаецъ не считаетъ мотовствомъ затратить большія деньги на гробъ. По отношенію къ умершему всѣ родственники заботятся, чтобы съ полной корректностью выполнить свой долгъ. Покойника послѣ смерти одѣваютъ въ лучшія одежды, сами облекаются въ траурныя платья (бѣлаго цвѣта) и громко проявляютъ свою печаль. Иногда для этой цѣли нанимаются плакальщицы. Затѣмъ идутъ возжигать куренія въ кумирню, молясь богамъ о покровительствѣ душѣ покойнаго. На третій или четвертый день кладутъ его въ гробъ, надъ которымъ читаетъ молитвы монахъ, при ударахъ гонга; у богатыхъ чтеніе молитвъ сопровождается заунывной музыкой. Бо̀льшая или мѐньшая пышность похоронъ зависитъ отъ достатка умершаго. Послѣ пяти—семи дней гробъ несутъ на носилкахъ подъ балдахиномъ на кладбище, при оглушительныхъ завываніяхъ, плачѣ, громѣ ракетъ и хлопушекъ, музыкѣ и ударахъ въ гонгъ.

Для души, считающей своимъ долгомъ проводить до могилы тѣло, въ которомъ она жила, несутъ особый паланкинъ. При опусканіи гроба въ могилу, шумъ усиливается до крайнихъ предѣловъ. Послѣ этого всѣ возвращаются для трапезы въ домъ покойнаго. Въ богатыхъ семьяхъ гробъ до погребенія оставляютъ на время около года въ самомъ домѣ, на дворѣ или улицѣ.

Сынъ и ближайшіе родственники покойнаго носятъ трауръ; время и порядокъ его ношенія опредѣляются особыми положеніями, несоблюденіе которыхъ не только порицается обществомъ, но и вызываетъ оффиціальное преслѣдованіе. Трауръ налагаетъ извѣстныя обязательства на лицо, его носящее: ученый не можетъ экзаменоваться на ученую степень, чиновникъ—

исполнять свои обязанности; неприлично также участіе въ празднествахъ.

У европейцевъ, судящихъ по извѣстной имъ жизни въ большихъ портовыхъ городахъ, составилось мнѣніе о крайней развращенности китайской женщины. При болѣе основательномъ знакомствѣ съ Китаемъ—приходятъ къ совершенно обратному заключенію. Дома терпимости встрѣчаются только въ посѣщаемыхъ европейцами портовыхъ городахъ, въ которыхъ скучено также много пришлаго рабочаго туземнаго населенія, перебивающагося изо дня въ день и не имѣющаго возможности думать о семейной жизни. Проститутки вербуются среди бѣднѣйшихъ классовъ городского населенія, гдѣ гнѣздится страшная нужда, и гдѣ для многихъ женщинъ развратъ есть единственный исходъ, чтобы избѣгнуть голодной смерти. Европейцы часто возмущаются тѣмъ, что нѣкоторыя изъ проститутокъ имѣютъ мужа и дѣтей, и это обстоятельство принимается за развратъ, господствующій въ семейной жизни китайца. Въ большинствѣ случаевъ такая женщина оказывается вдовой, живущей съ сожителемъ, который въ то же время—ея слуга и приказчикъ. Кромѣ того, часть проститутокъ поставляется покупщиками дѣтей. Такая позорная продажа воспрещается закономъ, но обычай относится къ ней снисходительно. При продажѣ родители обыкновенно желаютъ избавить своихъ дѣтей отъ бѣдности и обольщаются покупщикомъ, увѣряющимъ, что онъ пристроитъ ихъ ребенка прислугой, а можетъ быть, и отдастъ замужъ.

Изъ глубоко проникнувшаго въ жизнь китайца семейнаго начала вытекаютъ многія его достоинства и недостатки. Неустанно онъ трудится на своемъ клочкѣ земли, чтобы добыть пропитаніе семьѣ, и достигаетъ своимъ трудомъ замѣчательныхъ результатовъ. Отказывая себѣ во всемъ, что не составляетъ удовлетворенія его первѣйшихъ потребностей, китаецъ копитъ деньги, которыя употребляетъ на постройку дома для молодыхъ, на покупку рабочаго скота, и если денегъ скопилось достаточно, то онъ прикупитъ участокъ земли. Живущая нераздѣльно, большая китайская семья имѣетъ общую кассу, куда поступаютъ всѣ заработанныя членами семьи деньги. При такихъ качествахъ характера китайца и при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ, китайскія семьи нерѣдко достигаютъ зажиточности. Китаецъ въ работѣ крайне медлителенъ, но акуратенъ. Малая производительность труда китайца, по сравненію съ европейцемъ, неоспорима и зависитъ отчасти отъ меньшей мускульной силы и энергіи, что, въ свою очередь, объясняется плохимъ питаніемъ. Въ

работѣ проявляется характерная особенность китайцевъ, стремящихся замѣнить соображеніе сноровкой. Семейная жизнь дѣлаетъ китайца эгоистомъ и скопидомомъ; поэтому соблазнъ получить лишнюю копѣйку часто побуждаетъ его къ обману.

Культъ предковъ, относя идеалы китайца къ прошлому, является причиной крайняго консерватизма, побуждающаго его относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ новшествамъ и высокомѣрно ко всему иноземному. Крайнее невѣжество, господствующее въ массѣ населенія, способствуетъ легковѣрію, съ какимъ принимаются толпою всякіе нелѣпые разсказы, особенно если они касаются иностранцевъ, и недовѣрчивому отношенію къ незнакомымъ, а тѣмъ болѣе иностранцамъ. Ко всѣмъ, кто кажется китайцу опаснымъ и имѣетъ къ нему какое-нибудь дѣло, онъ относится съ лукавствомъ и недовѣріемъ; подозрѣвая опасность для себя или своихъ близкихъ, онъ увѣряетъ, что ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ. Только мѣры строгости дѣлаютъ его болѣе правдивымъ и откровеннымъ. Убѣдившись, что опасности для него не существуетъ, китаецъ дѣлается услужливымъ, и, если его не остановить, переходитъ въ фамильярность, а иногда и въ наглость. Въ общемъ, китаецъ представляетъ собою смѣсь добродушія съ нахальствомъ и задорностью. Если онъ получаетъ увѣренность, что ему не намѣрены дѣлать непріятностей, нарушать обычаевъ и посягать на его достояніе, и если онъ видитъ, что надъ нимъ стоитъ крѣпкая власть, то съ нимъ легко установить самыя дружелюбныя и мирныя отношенія, каковыя и установились теперь у насъ на Квантунѣ.

Китаецъ—большой лакомка на вкусную пищу, но далекъ отъ мотовства, въ виду сильно развитого чувства бережливости; китаецъ не обнаруживаетъ склонности къ вину, особенно въ молодые годы, а запой для него совершенно непонятное явленіе. Зато у многихъ китайцевъ развита привычка къ куренію опіума. Только богатые люди, курящіе высшіе его сорта, не такъ вредно дѣйствующіе на организмъ, относятся къ куренію опіума съ хладнокровіемъ любителей дорогихъ сигаръ. У большинства же курильщиковъ, втянувшихся въ эту привычку, куреніе опіума дѣлается постепенно непреоборимой страстью, ради удовлетворенія которой курильщикъ ни предъ чѣмъ не остановится. Злоупотребленіе опіумомъ доводитъ часто до полнаго умственнаго и физическаго разслабленія. Общественное мнѣніе относится къ этой привычкѣ съ неодобреніемъ, и курильщики не любятъ сознаваться въ своей слабости. Куренію опіума предаются въ осо-

быхъ заведеніяхъ, число которыхъ въ разныхъ притонахъ портовыхъ и вообще большихъ городовъ—значительно. Европейскіе наблюдатели въ Китаѣ, видя многихъ курильщиковъ въ заведеніяхъ, приходятъ къ ложному заключенію о чрезвычайномъ распространеніи этой страсти среди китайцевъ вообще. На самомъ же дѣлѣ, среди сельскаго населенія куреніе опіума мало распространено. Съ прибытіемъ въ Квантунъ ген.-маіора Д. И. Суботича, перваго начальника Квантунскаго полуострова, имъ было сдѣлано распоряженіе о воспрещеніи привоза опіума въ предѣлы занятой нами территоріи, причемъ были уничтожены большія партіи опіума, которыя пытались ввести контрабандою, и были закрыты всѣ заведенія для куренія. Можно предположить, что, при недостаточности чиновъ полицейскаго надзора, куреніе опіума все-таки производится въ тайныхъ притонахъ, временно ускользающихъ отъ надзора мѣстнаго начальства.

Несмотря на отрицательное отношеніе закона и общественнаго мнѣнія къ азартнымъ играмъ, онѣ очень распространены даже среди бѣднѣйшей части населенія, такъ какъ китаецъ—игрокъ отъ природы. Особенно губительной по своимъ результатамъ представляется для населенія игра въ банкъ, такъ называемая „банковка“, которая ютится въ тайныхъ игорныхъ домахъ. Жертвами игры являются бѣдные классы и рабочіе, нерѣдко оставляющіе въ рукахъ банкометовъ весь свой заработокъ. Въ игорныхъ домахъ встрѣчаются самые худшіе элементы общества, хотя иногда оказываются увлеченными игрой и представители состоятельныхъ классовъ. Игорные дома на территоріи Квантуна преслѣдуются наравнѣ съ заведеніями для куренія опіума.

Театръ считается развлеченіемъ очень полезнымъ и достойнымъ уваженія. Драматурги и композиторы прославляются наравнѣ съ учеными, но на актеровъ смотрятъ съ пренебреженіемъ. Обыкновенно ихъ обучаютъ съ малолѣтства. Содержатели труппъ пріобрѣтаютъ ребенка покупкой или похищаютъ. Особенно предосудительнымъ кажется китайцамъ исполненіе женскихъ ролей мужчинами, что̀, однако, практикуется всюду въ сѣверномъ Китаѣ. Постоянный театръ на Квантунѣ существовалъ только въ Портъ-Артурѣ. Въ настоящее время въ немъ помѣщается матросская чайная, а взамѣнъ его выстроенъ мѣстнымъ предпринимателемъ новый театръ. Обыкновенно представленія даются въ населенныхъ мѣстахъ во временныхъ театрахъ, причемъ на̀скоро устроивается изъ циновокъ (рогожъ) открытая сцена. Для сцены часто пользуются портиками кумиренъ. Теа-

тральныя декораціи примитивны, а сценическіе пріемы отличаются такой условностью, что непривычный зритель не понимаетъ происходящаго на сценѣ. Представленія идутъ безостановочно, днемъ и ночью; они должны быть непремѣнно оперныя, подъ аккомпаниментъ оркестра; разговоры допускаются только въ комическихъ мѣстахъ. Главную роль въ оркестрѣ играютъ: гонгъ, тарелка, котлообразный барабанъ и инструменты въ родѣ скрипокъ, флейты и большія дудѣлки. Въ патетическихъ мѣстахъ оркестръ ускоряетъ темпъ и дѣлается оглушительнымъ, причемъ какофонія становится невыносимой. Театръ въ Китаѣ въ полномъ смыслѣ слова общедоступенъ. Весьма часто богатые китайцы, желая сдѣлать пріятное своимъ согражданамъ, выписываютъ за свой счетъ труппу, которая даетъ безплатныя представленія; и каждый, улучивъ свободное время, идетъ посмотрѣть представленіе.

Игра въ шахматы пользуется большимъ уваженіемъ и имѣетъ распространеніе даже среди простолюдиновъ. Китайцы говорятъ, что боги постоянно развлекаются этой игрой и научили ей государей глубокой древности, къ которымъ относились очень дружелюбно.

Несмотря на большое разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ, музыка у китайцевъ не получила развитія и не пользуется особымъ уваженіемъ. Только одинъ инструментъ „цинъ", родъ лютни, пользуется почетомъ; виртуозы встрѣчаются только на этомъ инструментѣ. Распѣвать стихи подъ аккомпаниментъ цина для ученаго считается большимъ достоинствомъ. Изъ другихъ инструментовъ болѣе распространены: флейта, „пиба" (родъ цитры) и „хуцинъ" (родъ скрипки, употребляемой для аккомпанимента при пѣніи); но главное мѣсто въ оркестрѣ занимаютъ гонгъ, волынка и барабанъ. Пѣніе, кромѣ театральнаго речитатива, мало распространено среди населенія. Мужчины рѣдко поютъ; если поютъ нѣсколько человѣкъ, то непремѣнно въ унисонъ. Умѣніе пѣть фальцетомъ признается большимъ достоинствомъ. Встрѣчаются довольно разнообразныя мелодіи, но большинство ихъ непонятны и не особенно пріятны для европейскаго слуха. На торжественные обѣды считается очень соотвѣтственнымъ приглашать профессіональныхъ пѣвицъ, развлекающихъ своимъ пѣніемъ почетныхъ гостей.

Поэзія въ Китаѣ особенно уважается. Поэты считаются избранниками небесъ. Въ китайскихъ поэтическихъ произведеніяхъ отсутствуетъ риѳма; стихосложеніе основывается на періодическомъ чередованіи звуковъ и тоновъ, замѣняющихъ удареніе въ сло-

вахъ, большею частью односложныхъ или составныхъ. Считается также большимъ искусствомъ такое чередованіе словъ, чтобы въ соотвѣтственныхъ стихѣ и мѣстѣ они согласовались между собой по внутреннему смыслу. Напр., если китайскій іероглифъ означаетъ „небо“, то ему могутъ соотвѣтствовать іероглифы „земля“, „адъ“ и т. д. Въ виду такихъ требованій теоріи поэзіи, искусство стихосложенія доступно лишь лицамъ, основательно знакомымъ съ іероглифической письменностью, изящной словесностью, а потому знакомство со стихами считается признакомъ образованности. Въ знатныхъ семействахъ даже дѣвушки заучиваютъ стихи наизусть. Стихи читаются нараспѣвъ съ условной дикціей и тонированіемъ, производящимъ на слушателя, въ особенности если чтеніе сопровождается игрой на цитрѣ, своеобразное, не лишенное пріятности впечатлѣніе.

Китайская живопись отличается своею условностью и преимущественно черпаетъ свое содержаніе изъ исторіи или изображаетъ пейзажи, цвѣты, растенія и животныхъ. Жанровой живописи совсѣмъ нѣтъ. Лубочныя картины въ большомъ распространеніи, такъ какъ китайцы любятъ украшать ими свои дома. Картины рисуются сепіей или акварелью; масляныя краски и пастель извѣстны китайскимъ художникамъ.

Скульптура существуетъ въ формѣ кумировъ, орнаментальныхъ украшеній для зданій и маленькихъ статуэтокъ. Этого искусства, какъ художественнаго выраженія мысли, не существуетъ.

Зодчество въ настоящее время находится у китайцевъ на низкой степени развитія. Въ предѣлахъ Квантуна, кромѣ нѣсколькихъ кумиренъ, никакихъ достойныхъ вниманія образцовъ не существуетъ. Дома строятся по шаблону. Двери и бумажныя окна обыкновенно обращены на югъ; стѣны—глухія. Половину каждой комнаты занимаетъ „канъ“—теплая лежанка, на которой въ зимнее время спятъ. Часто впереди входныхъ дверей стоятъ (особливо у знаменныхъ) стѣнки съ украшеніями или іероглифами „фу“—счастье. Эти стѣнки препятствуютъ злымъ духамъ проникнуть въ домъ. Строятъ китайцы чрезвычайно непрочно.

По понятіямъ китайцевъ, девять знаній имѣютъ божественное происхожденіе и дарованы людямъ съ небесъ: конфуціанская доктрина, медицина, искусство опредѣлять „фыншуй“ (условія, благопріятствующія человѣку), даръ отгадывать судьбу человѣка, умѣнье рисовать сепіей, умѣнье рисовать красками, буддійское ученіе, даосизмъ, игра на цинѣ и въ шахматы.

Любовь къ родному очагу заглушаетъ въ китайцѣ чувство патріотизма, которое народной массой понимается весьма смутно. Напротивъ того, въ странѣ очень жива идея національности, что̀ зависитъ отъ сознанія родственныхъ связей семействъ между собою. Китай, какъ государство, не имѣетъ постояннаго названія, а именуется родовой фамиліей царствующей династіи. Популярно названіе „Чжунго“—срединное государство; литературное его названіе „Хуаго“—цвѣтущее государство, а въ высокомъ слогѣ „Тьенся“—поднебесное. Отечество отождествляется въ сознаніи китайцевъ не съ представленіемъ о государствѣ и его верховной власти, а какъ о родинѣ, мѣстопребываніи семьи и могилъ предковъ. Отношенія китайца къ императору не выходятъ за предѣлы повиновенія по долгу вѣрноподданности и оффиціальнаго чувства уваженія, какъ главѣ старшей изъ семей, составляющихъ націю. По своимъ понятіямъ китаецъ прежде всего долженъ быть почтительнымъ сыномъ и хорошимъ отцомъ, а затѣмъ уже вѣрноподданнымъ. Такое мнѣніе онъ основываетъ также и на отечественной исторіи, которая показываетъ, что государства, престолы и династіи рушатся, а семья стоитъ незыблемо.

Такое равнодушное отношеніе китайцевъ къ своимъ государству и престолу, конечно, не могли выработать у нихъ воинственныхъ наклонностей. Китаецъ не смотритъ на войну какъ на національное дѣло, а какъ на вражду своего правительства съ правительствомъ другого государства, причины которой ему неизвѣстны, а результаты безразличны. Если же тѣ, которыхъ называютъ врагами, не обижаютъ семей, не нарушаютъ обычаевъ страны и расплачиваются за услуги, то китайцы безъ колебанія предпочтутъ ихъ своимъ всячески притѣсняющимъ солдатамъ. Но трусами китайцевъ считать нельзя. Они, напримѣръ, отважные моряки; хорошо руководимые, они не отстаютъ отъ своего начальника. Въ мѣстечкѣ Бицзиво, увлеченные примѣромъ полицейскаго пристава, китайцы бросились преслѣдовать вооруженнаго разбойника, который нанесъ имъ довольно тяжелыя раны. За этотъ подвигъ бывшій начальникъ Квантунскаго полуострова, ген.-лейт. Д. И. Суботичъ, наградилъ ихъ серебряными медалями и часами; своими наградами они чрезвычайно гордятся и вызываютъ чувство зависти въ товарищахъ.

Китайское населеніе, кромѣ жителей крупныхъ административныхъ центровъ, не имѣло увѣренности въ полной безопасности своего существованія. Власти часто были не въ силахъ справиться съ бродячими, безпокойными элементами, промышляю-

щими грабежемъ и разбоемъ. Обстановка въ этомъ отношеніи очень неблагопріятствовала Квантунскому полуострову со времени японско-китайской войны, до занятія его русскими. Цѣлыя шайки изъ бѣглыхъ или отпущенныхъ китайскихъ солдатъ бродили по странѣ и наводили такой страхъ на жителей, что прошло не мало времени, пока они увѣрились въ безсиліи хунгузовъ передъ русскою властью, перестали скрывать ихъ отъ преслѣдованія и своими указаніями способствовали ихъ уничтоженію и водворенію безопасности въ странѣ. Появляющіяся отъ времени до времени шайки формируются въ нейтральной полосѣ, куда и скрываются послѣ набѣга.

II.

Религія.—Женскіе монастыри.—Празднованіе новаго года.—Почитаніе предковъ.—Магометанство, католичество, протестантство и православіе на Квантунѣ.—Высшая власть на Квантунѣ.—Волостное и сельское управленіе.—Учрежденіе гражданскаго управленія. — Тормазы для всякой нашей дѣятельности; переводчики.—Китайское образованіе.—Учрежденіе Пушкинскихъ школъ.

Религія китайскаго народа образовалась изъ смѣси трехъ признанныхъ въ Китаѣ вѣроученій: конфуціанизма, буддизма и даосизма. Почитаніе ихъ въ чистомъ видѣ сохраняется въ Китаѣ среди особыхъ общинъ, но поклоненіе памяти Конфуція считается оффиціальною обязанностью. Въ каждомъ крупномъ административномъ центрѣ — въ занятой нами части Квантуна, въ городѣ Цзиньчжоу — построенъ въ честь его храмъ, гдѣ старшій изъ гражданскихъ чиновниковъ совершаетъ служеніе I-го и II-го числа каждаго мѣсяца и въ началѣ 2-ой и 8-ой луны, въ „счастливые дни", опредѣляемые астрологическимъ приказомъ. Культъ Конфуція во всей его полнотѣ составляетъ достояніе только однихъ ученыхъ. Послѣдователи ученія Лаоцзы (даосы) и буддисты группируются въ немногочисленныхъ монастыряхъ. Даосы имѣютъ родъ бѣлаго духовенства („даоши"), живущаго въ бракѣ. Въ Китаѣ существуютъ также женскіе монастыри, но въ предѣлахъ занятой нами территоріи ихъ нѣтъ. Большая часть кумиренъ на Квантунѣ, въ особенности въ сѣверной части, принадлежитъ къ буддійскому вѣроученію, остальныя—къ даоскому. Большія кумирни въ Портъ-Артурѣ и Таліенванѣ, занятыя нами по найму, были даосскими и пользовались большой извѣстностью. Празднованіе новаго года должно продолжаться весь первый мѣсяцъ. Съ особеннымъ оживленіемъ празднуется 18-е число въ

честь богини Шэнмуняннянъ, подательницы благосостоянія и покровительницы дѣторожденія. Въ этотъ день къ празднованію допускаются и женщины. Почитаніе предковъ у китайцевъ находится въ тѣсной связи съ вѣрованіемъ въ загробную жизнь и переселеніе душъ. Для исполненія священнаго долга моленій потомства о судьбѣ предковъ въ каждомъ домѣ имѣется алтарь. Культъ предковъ требуетъ совершенія поминальныхъ праздниковъ, устроиваемыхъ ежегодно одинъ или два раза въ каждой изъ кумиренъ. Среднее мѣсто между праздниками и буднями занимаютъ дни поминовенія усопшихъ. Неприсутственныхъ дней въ Китаѣ немного. Кромѣ дней, посвященныхъ памяти Конфуція, неприсутственными днями признаются „дни многолѣтія особъ царствующаго дома". Вступленіе на престолъ, дни рожденій императрицъ, супруги и матери, празднуются не населеніемъ, а чиновниками, учеными, вообще всѣми состоящими при правительственныхъ учрежденіяхъ. Въ эти дни въ особыхъ помѣщеніяхъ совершаются чиновниками моленія предъ таблицами съ именами царствующихъ лицъ. Магометанъ на Квантунѣ очень мало. Въ предѣлахъ русской части Квантуна имѣется небольшое число католиковъ, обращенныхъ дѣятельностью мукденской французской миссіи, которая разсматриваетъ всю южную и среднюю Манчжурію какъ епископство, а занимаемую нами территорію причисляетъ къ Сюянскому приходу. Кромѣ того, въ Портъ-Артурѣ со времени японско-китайской войны проживаетъ датская протестантская миссія, насчитывающая нѣсколько десятковъ обращенныхъ туземцевъ. Въ настоящее время долженъ быть разрѣшенъ вопросъ о позволеніи католическимъ и протестантскимъ миссіямъ въ предѣлахъ Квантуна пріобрѣтать земельную собственность и т. д. Существующая неопредѣленность въ отношеніяхъ русской власти къ иновѣрческимъ религіознымъ миссіямъ можетъ клониться лишь ко вреду нашихъ интересовъ. Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей православнаго населенія первоначально былъ приспособленъ для церкви одинъ изъ портовыхъ сараевъ. Позже генералъ Суботичъ распорядился постройкою церкви во имя св. Николая, которая и была освящена 9-го мая 1899 года.

До прихода русскихъ, высшая власть надъ Ляодунскимъ полуостровомъ и Квантуномъ принадлежала проживающему въ городѣ Мукденѣ цзянь-цзюню и его ямыню, мѣстное же управленіе нынѣшней русской части Квантуна находилось въ городѣ Цзиньчжоу. Оно раздѣлялось, въ зависимости отъ принадлежности населенія къ двумъ сословіямъ, на двѣ части: на управленіе „знаменнымъ" населеніемъ, или войсковое (ци), и на управленіе

гражданское, вѣдавшее простолюдинами (минами). Военная власть и управленіе знаменными сосредоточивались въ рукахъ фудутуна, въ чинѣ генерала, и его ямыня, находившихся въ городѣ Цзиньчжоу. Главное управленіе страной со времени поднятія русскаго флага въ Портъ-Артурѣ принадлежало бывшему командующему тихо-океанской эскадрой контръ-адмиралу Дубасову, которому подчинялся временно-командующій войсками Квантунскаго полуострова генералъ-маіоръ Волковъ, завѣдывавшій также гражданскими дѣлами страны. Для непосредственнаго управленія гражданскими дѣлами назначенъ былъ драгоманъ пекинской дипломатической миссіи, г. Колесовъ, который занимался, кромѣ того, исполненіемъ дипломатическихъ порученій, и при такомъ положеніи дѣла въ наше управленіе поступили фактически лишь города Портъ-Артуръ и Таліенванъ, гдѣ были учреждены полицейскія управленія. Вся же остальная страна находилась въ полномъ вѣдѣніи прежнихъ китайскихъ властей, продолжавшихъ свое дѣло, какъ будто не было никакой перемѣны управленія. Въ концѣ 1898 г. состоялось учрежденіе по временному штату окружного гражданскаго управленія въ составѣ начальника округа, его помощника, дѣлопроизводителя и двухъ приставовъ. Округъ былъ раздѣленъ на два приставства, сѣверное и южное, раздѣленныя границею по Цзиньчжоускому перешейку. Мѣстами пребыванія приставовъ были избраны: сѣвернаго—г. Бицзиво, южнаго—подъ стѣнами Цзиньчжоу. Волостное и сельское управленія оставлены были нетронутыми; для руководства волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ изданы были на китайскомъ языкѣ инструкціи, составленныя кратко, примѣняясь къ русскимъ законоположеніямъ, а самимъ начальствующимъ лицамъ были выданы наружные знаки ихъ званія, въ видѣ бляхъ съ надписями по-русски и по-китайски. Окружной начальникъ и пристава начали постепенно забирать въ свои руки управленіе населеніемъ, оттѣсняя шагъ за шагомъ цзиньчжоускаго фудутуна и пристава, которые напрягали всѣ силы къ сохраненію своей власти. Борьба эта была очень трудная. Съ одной стороны стояли коренные, національные правители, весьма многочисленные, которые держали въ своихъ рукахъ жизнь и смерть, и которымъ населеніе вѣками привыкло повиноваться безпрекословно. Съ другой стороны были нѣсколько заморскихъ пришельцевъ, не знающихъ даже языка и, очевидно для всѣхъ, съ малой властью, такъ какъ не могли казнить. Высшую степень напряженія глухая борьба эта достигла 23-го и 24-го января 1899 г., когда, подъ вліяніемъ цзиньчжоускихъ властей, произошло вооруженное столкно-

веніе населенія съ войсками у селенія Ліуцзяцзянь. Послѣ этого дѣло цзиньчжоусцевъ было проиграно: они „потеряли лицо" передъ населеніемъ. Въ февралѣ того же года учреждено было по временному же штату гражданское отдѣленіе штаба въ составѣ начальника отдѣленія, его помощника и дѣлопроизводителя, на которое, съ прибытіемъ въ апрѣлѣ чиновъ его, и были возложены дѣла гражданской канцеляріи. Крупнымъ тормазомъ всякой дѣятельности на Квантунѣ было и остается незнаніе нами китайскаго языка и вытекающая изъ того необходимость обращаться къ переводчикамъ. Дабы подготовить контингентъ лицъ, знающихъ китайскій языкъ, генералъ Суботичъ вошелъ съ ходатайствомъ о періодическомъ командированіи въ Пекинъ нѣсколькихъ офицеровъ на срокъ, достаточный для усвоенія разговорнаго, а отчасти и письменнаго языка, съ тѣмъ, чтобы лица эти впослѣдствіи могли занять штатныя мѣста не только переводчиковъ, но главнымъ образомъ по администраціи исполнительной. Чаще же приходилось довольствоваться переводчиками-китайцами, на которыхъ нельзя было вполнѣ полагаться. Войска являлись долгое время единственными представителями русской гражданственности и интеллигенціи на Квантунѣ.

И теперь многіе военные чины несутъ самыя разнообразныя гражданскія обязанности, часто не оставляя при этомъ и своихъ прямыхъ. Такое положеніе не можетъ, конечно, считаться нормальнымъ, но, вѣроятно, еще пройдетъ не мало времени, пока гражданское управленіе, какъ правительственное, такъ и общественное, получитъ окончательную организацію. Китайское образованіе заключается, какъ извѣстно, въ изученіи іероглифической письменности и образцовъ словесности. Оно составляетъ почти исключительно удѣлъ мужчинъ,—на всемъ пространствѣ русской части Квантуна не найдется двухъ-трехъ десятковъ полуграмотныхъ женщинъ. Первоначальное обученіе китайскихъ учениковъ производится въ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ школахъ. Жалованье учителя получаютъ, въ зависимости отъ своей учености, отъ 150 руб. и болѣе въ годъ. Школьный возрастъ учениковъ—между 7-ю и 15-ю годами. Плата за ученіе производится сообразно средствамъ родителей: богатые платятъ 10 руб. въ годъ, бѣдные—2 руб. въ годъ. Въ предѣлахъ русскаго Квантуна имѣются во многихъ мѣстахъ частныя школы, дающія элементарное образованіе. Число всѣхъ школъ на Квантунѣ опредѣляется приблизительной цифрой 50, а число учениковъ—800. Черезъ каждые три года въ г. Мукденѣ производятся публичныя испытанія учениковъ, желающихъ получить по конкурсному экза-

мену первую ученую степень „сіуцая“ („расцвѣтающаго таланта“); сверхъ того, нѣкоторая часть изъ лучшихъ конкуррентовъ получаетъ званіе „ишэнъ“ („отличнаго студента“). Имѣющихъ степень „сіуцай“ въ русской части Квантуна не болѣе сотни. Слѣдующая ученая степень достигается по экзамену въ Пекинѣ; она называется „цзюйжень“, что̀ означаетъ человѣка поднявшагося (къ достиженію истины). Число лицъ этого званія на Квантунѣ не превышаетъ десяти. Затѣмъ слѣдуютъ степени „цзинша“, т.-е. вошедшій въ I-й классъ ученыхъ, и, наконецъ, „ханьлинь“—академикъ,—которыя достигаются съ большимъ трудомъ.

Первая русская школа была открыта 27-го іюня 1899 года въ Бицзиво на городскія средства. Курсъ ея двухлѣтній, обученіе безплатное, съ выдачею безплатно же всѣхъ учебниковъ. Открытіе ея произошло при торжественной обстановкѣ. Мѣстнымъ населеніемъ учрежденіе этой школы было встрѣчено весьма сочувственно, и число учениковъ нынѣ болѣе 60-ти; новымъ желающимъ приходится отказывать, за недостаткомъ мѣста и средствъ. Кромѣ русскаго языка, ученики обучаются китайской письменности, безъ знанія которой переводчикъ не могъ бы исполнять своей обязанности. Учительскій составъ состоялъ изъ исправляющаго должность мѣстнаго пристава поручика Рависъ-Пиглевскаго, одного нижняго чина, окончившаго двухъ-классное училище, а также преподавателя-китайца. На городскія средства, а также на деньги, вырученныя при празднованіи памяти А. С. Пушкина, построена въ Портъ-Артурѣ безплатная школа имени поэта для малолѣтнихъ дѣтей всѣхъ сословій на 40 учениковъ и ученицъ, и при ней отдѣленіе для китайскихъ дѣтей на 30 человѣкъ. Кромѣ того, при китайскомъ отдѣленіи школы открыты вечерніе курсы для взрослыхъ китайцевъ. Нужда въ школѣ для русскаго населенія была удовлетворена въ Портъ-Артурѣ учрежденіемъ по частной инициативѣ Пушкинской начальной школы. Затѣмъ послѣдовало распоряженіе высшаго военнаго начальства открыть въ Портъ-Артурѣ подготовительную школу вѣдомства военнаго министерства. Общее число русскихъ дѣтей школьнаго возраста было въ 1900 году 86 человѣкъ обоего пола.

III.

Климатическія условія.—Врачебная помощь, болѣзни, нечистоплотность китайцевъ.—Первыя русскія больницы, амбулаторія и военные госпитали.—Почва и удобреніе.—Заселеніе и земельные надѣлы.—Двѣ жатвы въ годъ, обработка земли, посѣвъ, уборка и молотьба хлѣбовъ.—Народное продовольствіе.—Огородничество.—Садоводство.—

Климатическія условія на Квантунѣ не могутъ быть названы благопріятными для здоровья. Высокая лѣтняя температура вызываетъ случаи солнечныхъ ударовъ, а въ связи съ обильными осадками способствуетъ разложенію органическихъ веществъ и служитъ причиной разнаго рода желудочныхъ, эпидемическаго характера, заболѣваній. Рѣзкія смѣны температуры днемъ и ночью въ осеннее время года, неожиданно налетающія снѣжныя бури и сѣверо-восточные вѣтры, поднимающіе обильную пыль, зимою развиваютъ горловыя и грудныя болѣзни. Врачебная помощь у китайцевъ до занятія Квантуна русскими, въ видѣ какого-либо правительственнаго или общественнаго учрежденія, не существовала вовсе. При заболѣваніяхъ туземцы обращались къ знахарямъ, лечившимъ народными средствами; лекарства продавались въ довольно многочисленныхъ аптечныхъ лавочкахъ. Тамъ же часто и давались совѣты. За время занятія нами Квантуна среди мѣстнаго населенія не замѣчалось заболѣваній, носящихъ характеръ эпидеміи. Тѣмъ не менѣе, смертность отъ тифа и дезинтеріи была довольно велика. Нерѣдки были также заболѣванія натуральной оспой, не имѣющей, впрочемъ, злокачественныхъ формъ.

Крайняя нечистоплотность китайцевъ служитъ значительной причиной распространенія глазныхъ и накожныхъ болѣзней. Въ настоящее время для медицинскихъ нуждъ мѣстнаго населенія имѣется нѣсколько небольшихъ больницъ и амбулаторій въ Портъ-Артурѣ, Таліенванѣ и Бицзиво. Сверхъ того, производится пріемъ частныхъ лицъ на излеченіе въ портъ-артурскій и таліенванскій полевые военные госпитали. Первоначально китайское населеніе съ большою недовѣрчивостью относилось къ нашему амбулаторному и особливо больничному леченію, но отношеніе это измѣнилось впослѣдствіи, благодаря китайцамъ, лечившимся въ больницахъ: сдержанность, подозрительность и недовѣріе уступили мѣсто привѣтливости и чувству признательности. Особенно это было замѣтно въ больницѣ въ Бицзиво, устроенной спеціально для китайцевъ. Часты случаи заявленій выздоровѣвшихъ китайцевъ о желаніи посвятить себя уходу за больными. Русскимъ

управленіемъ приняты были также мѣры къ санитарному надзору въ городахъ, упорядоченію проституціи, къ надзору за убоемъ скота, къ устройству новыхъ и имѣвшихся сточныхъ городскихъ канавъ, къ перенесенію китайскихъ кладбищъ на болѣе отдаленныя отъ города мѣста и къ обязательству китайцевъ зарывать трупы глубже въ землю. Вліяніе климата и обстановки Квантуна на русское населеніе еще менѣе благопріятно, чѣмъ на китайское. Въ 1898 году войска перенесли эпидеміи тифа и дезинтеріи, причемъ первый господствовалъ въ Таліенванѣ, а вторая — въ Портъ-Артурѣ. Эти эпидеміи возобновились и въ слѣдующихъ годахъ. По словамъ нашего бывшаго агента въ Китаѣ, полковника Вогака, воспріимчивость иностранцевъ и вообще пришельцевъ къ мѣстнымъ эпидеміямъ тифа и дезинтеріи увеличивается въ послѣдующіе годы ихъ пребыванія, пока они не акклиматизируются.

Скудная почва Квантуна, истощаемая ежегодными посѣвами, не могла бы давать удобренія безъ урожаевъ. На удобреніе земли китайцами употребляются всевозможные отбросы. Величина земельныхъ участковъ въ настоящее время у жителей Квантуна весьма разнообразна. Въ прежнее время, когда полуостровъ заселялся добровольнымъ переселеніемъ или путемъ принудительной ссылки, каждый переселенецъ получалъ отъ казны надѣлъ земли величиною приблизительно около шести съ половиною десятинъ, каковая составляла собственность переселенца и носила названіе „хунцеди". Впослѣдствіи приливъ переселенцевъ увеличился, запасъ свободной пахатной земли истощился, и казна не могла уже каждому давать надѣлъ хорошей земли, а затѣмъ и совсѣмъ перестала отводить участки, почему многіе изъ вновь прибывшихъ стали арендовать землю у прежнихъ владѣльцевъ. Съ теченіемъ времени земля стала переходить въ собственность лицамъ болѣе богатымъ, такъ что нынѣ существующіе земельные участки по своей величинѣ вовсе не соотвѣтствуютъ размѣрамъ надѣла, даннаго казною первоначальнымъ переселенцамъ Квантуна. Земля измѣряется на Квантунѣ: у китайцевъ на „му"—мѣру, равную приблизительно 1/17 русской десятины, а у манчжуръ—на „жи", равную шести „му". Му въ свою очередь дѣлится на десять „фынь", фынь—на десять „ли", а ли—на десять „хао" (нѣсколько больше квадратнаго аршина). Дробность дѣленія показываетъ, насколько цѣнится земля у туземцевъ. Въ податныхъ спискахъ часто можно видѣть, что у мелкаго землевладѣльца числится лишь столько-то „хао". Благодаря климатическимъ условіямъ, землевладѣльцы снимаютъ на Квантунѣ двѣ

жатвы въ годъ; для этого весною сѣется кукуруза, мицза или гуцза (родъ проса), послѣ жатвы которыхъ осенью, въ концѣ сентября, засѣвается озимая пшеница, поспѣвающая лѣтомъ будущаго года, а затѣмъ снова идетъ посѣвъ бобовъ, мицзы и другихъ злаковъ, сборъ которыхъ бываетъ тою же осенью. Для обработки земли и уборки полей у китайцевъ существуетъ много изготовляемыхъ на мѣстѣ орудій самаго примитивнаго устройства.

Полевыя работы на Квантунѣ начинаются въ концѣ марта или началѣ апрѣля мѣсяца. Первоначально землю два раза перепахиваютъ сохой, затѣмъ, убравъ лишніе камни, начинаютъ боронить обыкновенной бороной съ желѣзными зубьями. Остающіеся послѣ боронованія комки земли и неровности выравниваются орудіемъ, сходнымъ съ бороною и сдѣланнымъ изъ прутьевъ. Послѣ этого начинается посѣвъ. Ручной небольшой сохой прокладывается рядъ параллельныхъ бороздъ, глубиною до четырехъ вершковъ, каковыя и засѣваются при помощи пустой тыквы, наполненной зерномъ, которое по желобку изъ камыша, равномѣрно высыпаясь, ложится въ борозды. Вслѣдъ за сѣятелемъ идетъ другой рабочій съ корзиной удобренія, и ровнымъ слоемъ засыпаетъ зерно, а для того, чтобы вѣтромъ не разнесло удобренія и зерна, засѣянныя канавки идущимъ вслѣдъ третьимъ рабочимъ прокатываются каменнымъ вальком, отчего образуется плотный слой, подъ которымъ земля дольше сохраняетъ влагу. По достиженіи всходами извѣстной величины, начинаютъ полку и осыпаніе. Осыпаніе дѣлаютъ два-три раза въ лѣто при помощи особой сапки, или же обыкновенной сохой, запряженной парой животныхъ, идущихъ между полосами всходовъ. Большинство весеннихъ посѣвовъ созрѣваетъ въ концѣ іюля мѣсяца, а въ августѣ начинается жатва; при этомъ употребляется небольшой прямой серпъ безъ зубьевъ, которымъ и срѣзываютъ стебли колосьевъ. Затѣмъ весь сжатый хлѣбъ связываютъ въ снопы и увозятъ къ особо приготовленнымъ токамъ, гдѣ складываютъ въ скирды. Уборка полей совершается очень тщательно; на эту работу выходитъ буквально вся семья, начиная съ трехлѣтнихъ нагихъ ребятишекъ до сѣдыхъ стариковъ. Обыкновенно, мужчины жнутъ, женщины и старики вяжутъ въ снопы, а маленькія дѣти заняты собираніемъ отдѣльныхъ колосьевъ и стеблей соломы. По снятіи всего, что̀ было на поверхности земли, начинается очистка полей отъ корней, которые идутъ на топливо. Послѣ уборки нива запахивается для озимаго посѣва пшеницы или огородныхъ овощей, могущихъ созрѣть до зимы, какъ-то: лука, рѣдьки или особаго рода салада, замѣняющаго собою нашу капусту. Дальнѣйшая обработка

собранной жатвы производится уже вблизи фанзы. Для этого устроивается токъ, укатанный каменнымъ валькомъ, затѣмъ отдѣляютъ колосъ отъ стеблей соломы, и начинается молотьба при помощи каменныхъ вальковъ съ острыми гранями, которые приводятся въ движеніе животными или людьми, бѣгающими по току. Вымолоченное зерно провѣиваютъ, и оно поступаетъ на мельницы или крупорушки. Смотря по сорту хлѣба, обдираютъ на крупу или же мелютъ муку посредствомъ небольшихъ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе ослами. Каждая такая мельница можетъ смолоть въ день около пяти-шести пудовъ зерна и имѣется почти въ каждомъ хозяйствѣ.

Главнѣйшіе виды воздѣлываемыхъ хлѣбовъ слѣдующіе: 1) такъ называемая въ Уссурійскомъ краѣ чумиза, которая, собственно, имѣетъ два особыя названія: „мицза", обыкновенное просо, и „гуцзо", родъ проса. Мицза употребляется какъ въ пищу, такъ и для приготовленія пива. Солома названныхъ злаковъ идетъ въ кормъ для скота, который охотно ее ѣстъ въ видѣ сѣчки. Какъ мицза, такъ и гуцза обыкновенно сѣются весной и составляютъ первую жатву. 2) Пшеница, называемая по-китайски „майцза", сѣется преимущественно озимая и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ яровая. 3) Кукуруза, по-китайски „боами", идетъ въ пищу людямъ, а также на кормъ для скота. 4) „Гаолянъ",—что значитъ въ переводѣ „высокій стебель"—въ Южно-Уссурійскомъ краѣ извѣстенъ подъ названіемъ индѣйскаго проса, сѣется въ большомъ количествѣ. Зерно гаоляна идетъ на пищу людямъ, а также на кормъ для скота, а высокій—до 4 1/2—5 аршинъ—и толстый стебель служитъ топливомъ, а также употребляется на крыши и заборы. Кромѣ того, зерно идетъ на приготовленіе китайской водки, называемой „шаопзю". 5) Бобы „доуцза" бываютъ до двадцати сортовъ, изъ коихъ одни идутъ въ пищу людямъ, а другіе на кормъ скоту или же для выжимки масла, которое во всеобщемъ употребленіи у китайцевъ; изъ нѣкоторыхъ сортовъ выдѣлываютъ родъ вермишели, называемой „финь тяопза" и составляющей немаловажный предметъ торговли. 6) Ячмень, „дамайцза", сѣется въ небольшомъ количествѣ и даетъ плохіе урожаи, употребляется въ пищу людямъ и для корма скота, а солома идетъ на топливо. 7) Рисъ „даоми" на Квантунѣ встрѣчается весьма рѣдко и сѣется въ очень незначительномъ количествѣ на моважинахъ или же на искусственныхъ болотахъ. Кромѣ того, разводится еще конопля, называемая „ма", изрѣдка овесъ, гречиха, кунжутъ и „чжима", изъ котораго выдѣлываютъ масло.

Урожай зависитъ, главнымъ образомъ, отъ количества своевре-

менно выпадающихъ дождей. Въ сухіе годы весь громадный, затраченный земледѣльцемъ, трудъ пропадаетъ безусловно. На каждаго человѣка въ годъ для пропитанія,—принимая во вниманіе, что мясная пища весьма рѣдко употребляется,—требуется около 23 пудовъ всякаго зерна, и такимъ образомъ на семью въ 7—8 человѣкъ потребуется около 110—120 пудовъ; если же къ этому количеству, которое лишь съѣдается, прибавить еще столько же на другія необходимыя потребности, какъ-то: одежду, взносъ налоговъ и другіе расходы, то количество зерна потребуется около 220—240 пудовъ на каждую семью. Кромѣ того, на прокормленіе необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ, употребляемыхъ для обработки земли, принявъ въ среднемъ для семьи три головы (оселъ, два быка), нужно еще прибавить около 120—130 пудовъ, что̀ составитъ всего около 360 пудовъ. Цифра сравнительно небольшая, но если принять во вниманіе, что средняя урожайность вообще всѣхъ хлѣбныхъ злаковъ будетъ 60 пудовъ на десятину, то на каждую семью потребуется около 6-ти десятинъ пахатной земли, т.-е. 100 му. Между тѣмъ величина земельныхъ участковъ на Квантунѣ весьма разнообразна: хотя встрѣчаются участки въ 9, 12 и болѣе десятинъ, но преобладаютъ участки въ 2—2½ десятины; нерѣдки и такіе владѣльцы, которые имѣютъ только ½ десятины земли. При такихъ условіяхъ земля не обезпечиваетъ существованія земледѣльца; поэтому бѣднѣйшая часть населенія вынуждена обращаться къ заработкамъ на сторонѣ. Ежегодно поздней осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, многіе нанимаются къ болѣе богатымъ землевладѣльцамъ или же поступаютъ въ артели рабочихъ въ населенныхъ центрахъ: Бицзиво, Таліенванѣ и Портъ-Артурѣ. Своего хлѣба на Квантунѣ не хватаетъ даже для мѣстныхъ жителей. Этотъ недостатокъ въ хлѣбѣ пополняется ввозомъ пшеницы изъ Инькоу, Фучжоу, Сахэкоу (устье рѣки Ялу) и отчасти изъ Шандуна. Кромѣ того, привозится довольно много американской. Весь пришлый элементъ, въ томъ числѣ и войска, должны питаться привознымъ хлѣбомъ. Огородничество на Квантунѣ служитъ большимъ подспорьемъ для населенія. Огороды содержатся образцово и всѣ посадки дѣлаются въ замѣчательномъ порядкѣ. Каждый клочокъ земли воздѣланъ: вдоль каменныхъ заборовъ посажена фасоль, идутъ рядами подсолнечники, а кругомъ фанзъ, на узкой полосѣ свободной земли, посажены тыквы „юйгуа“, вьющійся стебель которыхъ высоко всползаетъ на крышу, гдѣ созрѣваетъ и самый плодъ. На грядахъ между овощами посажены цвѣты и макъ. Все это очень красиво и

чисто, и во всемъ видны забота и трудъ. Разводятся огурцы, редиска, лукъ, чеснокъ, морковь, свекла, рѣпа, брюква, баклажаны, помидоры, тыквы, арбузы, дыни, укропъ, саладъ, перецъ стручковый, перецъ красный, сельдерей, петрушка и фасоль. Сверхъ того, на Квантунѣ разводятся еще девять сортовъ съѣдобныхъ травъ, неизвѣстныхъ въ Европейской Россіи. Второй сортъ овощей, сажаемыхъ на поляхъ послѣ жатвы и сохраняемыхъ на зиму въ квашенномъ или соленомъ видѣ, состоитъ изъ бѣлой рѣдьки, крупнаго салада и сладкаго картофеля. Обыкновенный же картофель, называемый по-китайски „дидань", разводится въ весьма небольшомъ количествѣ, и то только со времени нашего водворенія на Квантунѣ. Вся собранная рѣдька засаливается въ глиняныхъ чанахъ, и въ такомъ видѣ сохраняется до будущаго года. Саладъ „дабэйцай" ростетъ большими пучками, на подобіе кочней нашей капусты. Квашенный саладъ во всеобщемъ употребленіи у китайцевъ и отчасти замѣняетъ нашу квашенную капусту. Къ числу огородныхъ растеній можно отнести и табакъ, называемый по-китайски „янь", но его разводится мало, такъ какъ его много идетъ изъ Ньючуана, который славится своимъ табакомъ по всему сѣверному Китаю. Затѣмъ разводятъ немного маку, для добыванія опіума, а также растеніе „бима", изъ бобовъ котораго выжимаютъ масло, употребляемое на лекарство.

Садоводство на Квантунѣ почти не существуетъ. Въ этомъ отношеніи Квантунъ много отсталъ отъ Шандуна. На Шандунѣ, въ городѣ Фушань, встрѣчаются прекрасные фруктовые сады. Шандунскій виноградъ извѣстенъ и на всемъ Дальнемъ Востокѣ. На Квантунѣ у большинства жителей имѣются небольшіе садики или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ, но правильнаго ухода за ними нѣтъ, и получаемые плоды деревянисты и грубы на вкусъ. Изъ плодовыхъ деревьевъ болѣе распространены: груша, абрикосъ, персикъ, вишня и нѣкоторые ягодные кусты. Изъ мѣстныхъ фруктовъ замѣчателенъ родъ финика, называемаго по-китайски „цзяцзяо"; плоды этого дерева—продолговатой формы, съ твердой косточкой внутри,—мучнисты на вкусъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчается виноградъ, но онъ плохого качества и служитъ больше для украшенія дворовъ.

Квантунскій полуостровъ очень бѣденъ древесною растительностью. Мѣстные жители пользуются всѣми болѣе удобными мѣстами, негодными для хлѣбопашества, для посадки деревьевъ. Такимъ образомъ, всѣ песчаные берега рѣчекъ, заливаемые водой, засажены тополемъ и ивой, крутые скаты горъ—сосной, дубнякомъ. Распредѣленіе лѣсной растительности на полуостровѣ неодинаково.

Въ южной части сплошныя заросли попадаются лишь въ горныхъ долинахъ и ущельяхъ, покрывая крутые, негодные для хлѣбопашества скаты горъ; въ низинахъ же, гдѣ вся поверхность занята полями, только селенія окружены болѣе или менѣе значительными насажденіями, а русла рѣкъ окаймлены иногда посадками тополей. На сѣверѣ растительность богаче. Тамъ на скатахъ горъ появляются сосновыя посадки, принявшія уже видъ довольно значительныхъ рощъ, и поросли дубняка; въ долинахъ же, гдѣ рѣки своими разливами образовали песчаные участки, попадаются значительныя, по величинѣ, заросли ивы и тополя. Лѣсныя площади на Квантунѣ принадлежатъ большею частью частнымъ собственникамъ, хотя имѣются и казенныя. Весь лѣсъ, необходимый для городскихъ построекъ, укрѣпленій и сооруженій желѣзной дороги, доставляется изъ порта Дадунгоу, лежащаго у устья рѣки Ялу, пограничной между Кореей и Манчжуріей, изъ Владивостока и даже Америки. Пользованіе мѣстнымъ лѣсомъ весьма значительно, такъ какъ мѣстное населеніе на топливо употребляетъ солому гаоляна и кукурузы, въ городахъ же большею частью жгутъ каменный уголь. Вѣтки, сучья и уголь продаютъ на фунты.

IV.

Морскіе промыслы.—Скотоводство.—Ископаемыя богатства: золото, каменный уголь, соль.

По всему побережью Квантуна и на островахъ встрѣчаются по бухтамъ отдѣльныя фанзы, поселки и довольно большія селенія, жители которыхъ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, невыгодныхъ для обработки земли, занимаются морскими промыслами. Рыба ловится какъ сѣтями, такъ и на крючокъ. Вся добываемая рыба по способу ея изготовки и употребленія можетъ быть раздѣлена на двѣ категоріи: въ первой относятся тѣ породы рыбъ, которыя добываются въ большомъ количествѣ и солятся, и въ такомъ видѣ вывозятся въ порты Китая; ко второй категоріи— тѣ породы, уловъ которыхъ незначителенъ, и которыя употребляются въ свѣжемъ видѣ и составляютъ предметъ мѣстной торговли. Главнѣйшими видами рыбы, которая ловится въ большомъ количествѣ и служитъ предметомъ вывоза, являются: 1) Ножъ-рыба, длинная, тонкая рыба (около 1 аршина), съ очень мелкой чешуей совершенно серебристаго цвѣта, отчего вся рыба кажется точно вылитою изъ металла. Стоимость ея на мѣстѣ въ

соленомъ видѣ около 1 рубля за пудъ. По количеству вывоза ей принадлежитъ первое мѣсто. 2) Родъ корюшки: рыбу эту не солятъ, а сушатъ на пескѣ въ теченіе 5—6 дней, послѣ чего собираютъ въ мѣшки или соломенные кули и въ такомъ видѣ вывозятъ бо̀льшею частью въ Чифу: противъ первой цѣнится вдвое дороже. 3) Треска,—ловятъ ее крючками (переметами). Рыба эта приходитъ и отходитъ отъ береговъ вмѣстѣ съ морскимъ приливомъ и отливомъ, чѣмъ и пользуются мѣстные рыбаки, отправляясь въ море съ отливомъ и возвращаясь съ приливомъ. 4) Родъ сельди. По словамъ рыбаковъ, рыба эта большими стадами идетъ изъ Восточно-Китайскаго моря. Стоимость ея на мѣстѣ около 35 коп. за пудъ. Ею питается мѣстное населеніе и отчасти вывозятъ ее въ Шанхай. 5) Доска-рыба—солится, сушится и въ такомъ видѣ вывозится въ Шанхай. На мѣстѣ сто̀итъ около 1 р. 50 коп. за пудъ. 6) Родъ угря,—встрѣчается въ небольшомъ количествѣ и въ соленомъ видѣ вывозится за предѣлы полуострова.

Кромѣ перечисленныхъ, возлѣ Квантуна ловится много другихъ породъ рыбъ, которыя появляются въ продажѣ въ незначительномъ количествѣ и лишь на мѣстныхъ рынкахъ. Жители прибрежныхъ селеній, кромѣ рыболовства, занимаются добычей всевозможныхъ раковинъ, морскихъ животныхъ, водорослей и морскихъ съѣдобныхъ травъ, составляющихъ лакомыя блюда китайцевъ; при этомъ китайцы собираютъ рѣшительно все, что̀ только можно взять отъ моря; малѣйшая раковина, слизнякъ или водоросль,—все идетъ въ дѣло. Изъ добываемыхъ животныхъ первое мѣсто занимаетъ трепангъ. Устрицы по своимъ качествамъ считаются лучшими на Дальнемъ Востокѣ; добывается ихъ много, но вывоза почти не существуетъ, не считая небольшого количества, высылаемаго въ Чифу и Шанхай въ свѣжемъ видѣ, по особымъ заказамъ. Медузы употребляются въ пищу мѣстными китайцами, для вывоза же ихъ сушатъ, для чего ихъ разрѣзываютъ на полосы и раскладываютъ на солнцѣ. Обыкновенно въ дѣло идутъ бѣлые и голубые виды медузъ, достигающіе до аршина въ діаметрѣ. Морскія блохи представляютъ пріятную закуску для китайцевъ и въ сушеномъ видѣ часто встрѣчаются въ мѣстной продажѣ. Осьминоги добываются въ небольшомъ количествѣ и въ сушеномъ видѣ идутъ на мѣстную продажу и вывозятся въ Чифу. Въ зимнее время въ воды Квантуна заходятъ стадами нерпы, которыми промышляютъ ради жира и кожъ. Затѣмъ собирается довольно много разныхъ водорослей и травъ, въ томъ числѣ немного и морской капусты „хайцай“, которая на Квантунѣ весьма плохого качества.

Въ виду отсутствія на Квантунѣ выгонныхъ земель и луговъ, скотоводства, какъ промысла, не существуетъ. Въ отдѣльныхъ зажиточныхъ хозяйствахъ скотъ разводятъ, какъ необходимую при разработкѣ полей рабочую силу и какъ средство получить хорошее удобреніе. При обработкѣ полей нерѣдко можно видѣть различныхъ животныхъ и даже человѣка, запряженныхъ вмѣстѣ. Мѣстная порода рогатаго скота представляетъ выродившуюся породу сѣвернаго Ляодуна, или, вѣрнѣе, Монголіи. Молочность его очень слабая. Туземное населеніе не употребляетъ молока и его продуктовъ въ пищу. Въ продажу на убой скота поступаетъ мало. Только крайняя нужда заставляетъ поселянина продавать скотъ мясоторговцамъ. Лошадей на Квантунѣ почти не разводятъ: большая ихъ часть приведена изъ Манчжуріи и имѣетъ хорошія природныя качества, но изнурительныя работы значительно ихъ понижаютъ. Лошадей въ краѣ около 1.400 штукъ; тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ для края довольно велико, какъ производителей муловъ. Туземное китайское населеніе по этой части достигло прекрасныхъ результатовъ, выработавъ типъ рабочаго животнаго, очень выносливаго и вполнѣ соотвѣтствующаго мѣстнымъ условіямъ. Ростъ мула, выведеннаго на Квантунѣ, колеблется отъ 1 аршина 12 вершк. до 2 арш. 2 вершк.; тѣло его крѣпкое, мускулистое, ноги тонкія, съ крѣпкими сухожиліями и небольшими копытами. Выносливость муловъ замѣчательна, несмотря на скудость корма. Вслѣдствіе прекрасныхъ качествъ муловъ и ихъ стойкости по отношенію къ эпизоотіямъ, войска въ большомъ количествѣ замѣнили обозныхъ лошадей мулами, и въ будущемъ предположено произвести замѣну въ обозѣ всѣхъ лошадей мулами. Оселъ—самое распространенное рабочее животное въ краѣ. Онъ является незамѣнимымъ особенно въ горныхъ участкахъ, гдѣ единственными путями сообщенія служатъ узкія тропы, съ крутыми подъемами и спусками. Ослами пользуются преимущественно подъ вьюкъ. Всѣ сельскіе продукты, дрова, сѣно доставляются въ населенные пункты вьюкомъ на ослахъ. Овцы разводятся преимущественно въ зажиточныхъ семьяхъ стадами въ 30—40 штукъ въ гористыхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются хоть небольшія пастбища; онѣ принадлежатъ къ курдючной породѣ, по размѣрамъ же значительно уступаютъ забайкальскимъ и сибирскимъ. Мясо ихъ довольно хорошаго качества и употребляется въ пищу какъ европейскимъ, такъ и туземнымъ населеніемъ. Козы ничѣмъ не отличаются отъ породы, встрѣчаемой въ Европейской Россіи. Свиньи разводятся тоже въ довольно значительномъ количествѣ. Мясо ихъ счи-

тается у китайцевъ лакомымъ блюдомъ; по внѣшнему виду оно хорошаго качества, но часто бываетъ заражено финами и трихинами и для употребленія требуетъ тщательнаго микроскопическаго изслѣдованія. Мѣстныя свиньи принадлежатъ къ особой породѣ: длинное туловище посажено на короткихъ ногахъ, морда длинная, уши большія, шерсть черная. Изъ щетины выдѣлываютъ на мѣстѣ щетки и сита. Изъ другихъ домашнихъ животныхъ туземные жители употребляютъ въ пищу въ незначительномъ количествѣ собакъ и кроликовъ, разводятъ большое количество куръ и немного утокъ и гусей.

Ископаемыя богатства Квантуна до настоящаго времени еще очень мало изслѣдованы. Прежде всего, вскорѣ послѣ занятія полуострова, обратили на себя наше вниманіе мѣсторожденія золота, встрѣчающіяся въ разныхъ мѣстахъ. Разработка ихъ была вообще запрещена китайскимъ правительствомъ. Ранѣе разработывалась прежнимъ начальникомъ Портъ-Артура, китайскимъ генераломъ Гу, розсыпь у деревни Полянцза, но была брошена, какъ дававшая убытокъ. Слѣды же работъ хищниковъ видны были во многихъ мѣстахъ. Эти обстоятельства обратили на себя вниманіе бывшаго начальника края, контръ-адмирала Дубасова, запретившаго добычу золота на Квантунѣ. Для выясненія промышленнаго значенія квантунскихъ мѣсторожденій золота, по соглашенію министровъ морского и земледѣлія былъ командированъ горный инженеръ Богдановичъ, произведшій предварительныя развѣдки золота. По разсмотрѣніи результатовъ въ связи съ заключеніями другихъ инженеровъ, опытныхъ въ золотопромышленномъ дѣлѣ, министерство земледѣлія пришло къ убѣжденію о невозможности немедленной разработки золота на Квантунскомъ полуостровѣ. Свѣдѣнія о залежахъ каменнаго угля въ предѣлахъ занятой нами территоріи получались администраціей неоднократно, но почти всегда они оказывались невѣрными. За каменный уголь принимались смолистые, чернаго цвѣта сланцы. Только вблизи желѣзнодорожной станціи Вафаньянъ имѣются угольныя копи, которыя пріобрѣтены и уже разработываются китайской желѣзной дорогой. Въ настоящее время на Квантунѣ эксплуатируются изъ ископаемыхъ богатствъ лишь строительные матеріалы: камень, известь, глина и песокъ. Одинъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ на Квантунѣ составляетъ добываніе соли. Всѣ соленыя варницы расположены въ мелководныхъ морскихъ бухтахъ. По размѣрамъ добычи на первомъ мѣстѣ стоитъ Бицзиво, на варницахъ котораго, тянущихся на протяженіи почти десяти верстъ по берегу бухты, добыча соли можетъ быть до-

ведена до 1.460.000 пудовъ. Добываніе производится весьма примитивнымъ способомъ: оно заключается въ выпариваніи, при посредствѣ солнечныхъ лучей, морской воды, проведенной въ неглубокіе квадратные водоемы. Въ настоящее время цѣны на соль стоятъ слѣдующія, а именно: первый сортъ 3 коп. за пудъ, второй и третій сорта—по 1 1/2 коп. за пудъ. Главнѣйшими мѣстами вывоза соли служатъ китайскіе порта Шахэ-цзы, Хаунщуганъ, Лунванйяо, Дадунгоу, Тагусанъ, Шанхай, Чифу и др., занятая нами территорія Квантуна и Корея. Перевозка соли производится на парусныхъ китайскихъ джонкахъ разныхъ размѣровъ въ насыпную. Цѣны на соль во Владивостокѣ—60—80 к.; въ Хабаровскѣ—1 р. 10 к.—1 р. 60 коп.; въ Благовѣщенскѣ —1 р. 60 к.—2 р. за пудъ.

V.

Фабрично-заводская промышленность.—Сухопутное сообщеніе.—Водные пути.—Телеграфы.—Китайская восточная дорога. — Пароходное сообщеніе Портъ-Артура съ Таліенваномъ.

Фабрично-заводская промышленность на Квантунѣ почти вовсе отсутствуетъ. Только одно маслобойное производство, въ видѣ добыванія бобоваго масла и полученія жмыховъ, какъ побочнаго при этомъ продукта, приняло значительные размѣры. Оно сосредоточилось въ городѣ Бицзиво, куда на имѣющіеся тамъ двѣнадцать заводовъ свозятся бобы изъ ближайшихъ мѣстностей русской части Квантуна и нейтральной зоны. Техническое состояніе заводовъ находится на весьма низкой степени. Бобовое масло употребляется въ пищу китайцами и вывозится въ значительномъ количествѣ сухимъ путемъ въ Манчжурію и моремъ въ города Портъ-Артуръ, Чифу, Шанхай, Тянь-цзинь и пр.

Мукомольное производство ограничивается въ настоящее время одной, недавно построенной, паровой мельницей, въ Портъ-Артурѣ, принадлежащей русско-подданному китайцу Тифонтаю. Работаетъ она исключительно для интендантскихъ надобностей. Годовая выработка ея составляетъ до 300.000 пудовъ. Вся потребность въ хорошаго качествѣ русской мукѣ удовлетворяется привозомъ ея изъ Одессы и Владивостока. Американская мука привозится изъ Чифу и Шанхая. Туземные жители размалываютъ зерно на маленькихъ мельницахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе животными. Мука при этомъ получается, конечно, низкаго достоин-

ства, но производство вполнѣ удовлетворяетъ неприхотливые вкусы туземцевъ. Изъ другихъ производствъ, о которыхъ не говорилось ранѣе, заслуживаетъ упоминанія лишь кожевенное. На кожевенныхъ заводахъ въ г. Бицзиво выдѣлывается кожа для домашняго обихода туземцевъ — сѣделъ, сбруи и пр., но въ случаѣ поступившихъ требованій, по спеціальнымъ заказамъ, изготовляются кожи болѣе высокихъ сортовъ.

Въ г. Бицзиво имѣется небольшой чугуно-литейный заводъ, на которомъ изготовляются земледѣльческія орудія туземныхъ типовъ и принадлежности для заводовъ, добывающихъ бобовое масло. Въ Портъ-Артурѣ также возникаютъ подобныя техническія учрежденія, находящіяся пока въ подготовительномъ періодѣ.

Въ 1899 г. открыта первая табачная фабрика. Другихъ заведеній, имѣющихъ характеръ фабрично-заводской промышленности, на Квантунѣ нѣтъ, и въ настоящее время не существуетъ условій для ихъ возникновенія. Трудно предвидѣть, чтобы въ этомъ отношеніи могли измѣниться обстоятельства въ ближайшемъ будущемъ, хотя урегулированіе условій по пріобрѣтенію земельныхъ участковъ въ собственность можетъ дать толчокъ и этому дѣлу.

Сухопутныя сообщенія производятся въ настоящее время по грунтовымъ дорогамъ, проложеннымъ для телѣгъ, и многимъ тропинкамъ, годнымъ для вьючныхъ животныхъ и пѣшеходовъ. Единственной болѣе удобной колесной дорогой представляется такъ называемая „мандаринская“ дорога, соединяющая Портъ-Артуръ съ Цзиньчжоу, отъ которой близъ послѣдняго пункта отходитъ вѣтка на Таліенванъ. Отъ Таліенвана дальше идутъ двѣ колесныя дороги: на портъ Адамсъ и Бицзиво. Кромѣ этихъ главныхъ дорогъ, пересѣкающихъ полуостровъ въ продольномъ направленіи, есть нѣсколько боковыхъ поперечныхъ, соединяющихъ болѣе важные пункты. Большинство этихъ путей настолько худо, что по нимъ почти невозможно движеніе даже двуколокъ. Въ гористыхъ участкахъ полуострова единственными путями сообщенія являются узкія тропинки. Масса пыли въ сухое время года, невылазная грязь въ періодъ дождей и обиліе камней по дорогамъ весьма затрудняютъ проѣздъ, приводятъ экипажи въ полную негодность и портятъ ноги упряжнымъ животнымъ. Всѣ вообще дороги прокладывались безъ всякаго плана, имѣя первоначально цѣлью соединить близлежащія селенія; — по этой причинѣ большія дороги извилисты, дѣлаютъ много ненужныхъ своротовъ и отклоняются отъ прямого направленія,

проходя черезъ встрѣчныя деревни. Состояніе дороги зависитъ отъ свойства почвы, по которой она пролегаетъ. Дорога, проходящая по мягкой глинѣ, постепенно приняла углубленную профиль, колеи глубоко врѣзались, и во время дождей она представляетъ собою корыто, наполненное жидкой грязью. На скатахъ горъ встрѣчаются каменистыя мѣста съ массою торчащихъ камней, а въ низинахъ попадаются участки—версты 2—3—рыхлаго песку. Но все-же самыми худшими участками дороги являются тѣ, гдѣ грунтъ состоитъ изъ камня и глины, размываемой во время дождей водой, на дорогѣ образуется рядъ выбоинъ и рытвинъ, а оголенные камни высоко торчатъ надъ полотномъ дороги, представляя серьезное препятствіе для экипажа и лошадей. Ширина дорогъ весьма неравномѣрна, отъ трехъ саженей до узкой канавы, по которой съ трудомъ можетъ проѣхать одна телѣга. Вообще всѣ дороги возлѣ селеній и у устья долинъ довольно широки, но чѣмъ дальше втягиваются въ горы, тѣмъ становятся ўже и къ перевалу, обыкновенно, переходятъ въ узкія тропы. Горныя тропинки также очень затруднительны для движенія, будучи усѣяны камнями и имѣя массу крутыхъ подъемовъ и спусковъ. Ремонтъ здѣшнихъ дорогъ никогда не производился и никто не заботился объ ихъ улучшеніи. Въ особенности большія неудобства для движенія являются во время дождей, длящихся съ конца іюня до сентября мѣсяца. Въ такое время глубокая, липкая грязь толстымъ слоемъ покрываетъ дорогу, колеи превращаются въ цѣлые каналы жидкой грязи, на каждомъ шагу попадаются выбоины и острые камни, колеса то-и-дѣло уходятъ въ грунтъ, а передняя ось зачастую волокомъ идетъ по грязи, наталкиваясь на камни; лошади скользятъ, спотыкаются и часто падаютъ, не будучи въ состояніи вытащить засѣвшій въ грязь экипажъ. Крайне неудовлетворительное состояніе дорогъ на полуостровѣ объясняется сравнительно небольшой поверхностью его, обладаніемъ длинной береговой линіи, которая, хотя и не всюду удободоступна, но, тѣмъ не менѣе, допускаетъ возможность постояннаго сообщенія между прибрежными пунктами при помощи судовъ мѣстнаго типа. Вслѣдствіе этого не было большой необходимости въ проведеніи по полуострову хорошихъ дорогъ для движенія торговыхъ обозовъ, которые и въ настоящее время совсѣмъ не встрѣчаются. Устройство предполагаемой новой военной дороги изъ Портъ-Артура въ Портъ-Адамсъ, а тѣмъ болѣе строящаяся желѣзная дорога, значительно улучшатъ средства сообщенія. Проведеніе поперечныхъ колесныхъ путей въ

краѣ является желательнымъ, какъ въ административномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ.

Средствами передвиженія грузовъ и людей на Квантунѣ являются особаго рода мѣстныя телѣги и вьюки. Телѣги раздѣляются по числу упряжныхъ животныхъ и количеству поднимаемаго груза на три рода: въ телѣги перваго рода запрягаютъ отъ 7 до 9 животныхъ, т.-е. муловъ, лошадей и ословъ, избѣгая быковъ; эти телѣги поднимаютъ отъ 90 до 120 пудовъ груза, но въ сухое время года, во время дождей или распутицы грузъ значительно убавляется; онѣ служатъ спеціально для перевозки кладей на болѣе дальнія разстоянія и даже за предѣлы полуострова до Чиньчжоу, Фучжоу, Инькоу и даже Мукдена. Второго рода телѣги запрягаются 4—5 животными, служатъ большею частью для перевозки грузовъ между мѣстными торговыми пунктами, а также нанимаются въ работу въ городахъ, для подвоза строительныхъ матеріаловъ. Запряжка ихъ не такъ аккуратна, какъ первыхъ; въ эти телѣги часто впрягаютъ быковъ; подъемная ихъ сила отъ 40 до 70 пудовъ. Наконецъ, третій родъ телѣгъ—мѣстныя сельскія, запряжка которыхъ состоитъ изъ 3—4 животныхъ, имѣющихся въ хозяйствѣ, отчего нерѣдко можно видѣть въ одной упряжкѣ мула, корову, лошадь и осла. Служатъ эти телѣги для сельскихъ работъ и подвоза въ городъ разныхъ предметовъ хозяйства; поднимаютъ онѣ 30—40 пудовъ. Всѣ телѣги принадлежатъ къ одному типу и совершенно сходны по устройству, разница лишь въ размѣрахъ. Телѣга мѣстнаго производства двухколесная, весьма тяжела и неповоротлива. Основаніемъ ея служитъ деревянная рама, къ которой наглухо прикрѣплены двое короткихъ оглобель и тяжелый дощатый кузовъ. Два низшихъ колеса тоже соединены толстой деревянной осью, вращающейся вмѣстѣ съ ними. Самыя колеса устроены изъ дощатыхъ полукруговъ, которые вмѣсто спицъ соединяются двумя толстыми перекладинами. Ободъ обтянутъ составной желѣзной шиной, въ которую заколочено много гвоздей, скрѣпляющихъ шину съ колесомъ. Сбоку обода тоже посаженъ цѣлый рядъ гвоздей съ толстыми шляпками и заклепками, образующими какъ бы сплошную оковку. Рама съ кузовомъ кладется поверхъ оси и удерживается особыми полумуфтами, сдѣланными въ толстой деревянной накладкѣ, прикрѣпленной къ рамѣ. Запряжка обыкновенно состоитъ изъ коренника въ короткихъ оглобляхъ и пристяжекъ на уносахъ. Въ общемъ, все это неповоротливо, грубо и массивно. Благодаря громадной тяжести и узкимъ острымъ колесамъ, китайская телѣга страшно портитъ дороги,

глубоко врѣзываясь въ землю; колеса образуютъ колеи, изъ которыхъ трудно выбраться. Наша форменная двуколка, по сравненію съ китайской, легка на ходу, поворотлива и прочна, хотя имѣетъ и свои слабыя стороны. Главное неудобство ея при движеніи по здѣшнимъ испорченнымъ дорогамъ—это сравнительно широкій ея ходъ, отчего одно колесо идетъ по колеѣ, а другое все время катится по верху, наклоняя повозку на бокъ; другимъ неудобствомъ являются непомѣрно длинныя оглобли, повидимому разсчитанныя на большую, рослую лошадь, а не на мелкихъ, короткихъ забайкальскихъ и уссурійскихъ лошадокъ, отчего во время спуска съ горъ концы оглобель бьютъ лошадей по головѣ и мѣшаютъ имъ при поворотахъ. Во всякомъ случаѣ, наша двуколка, со всѣми ея недостатками, болѣе пригодна, нежели неуклюжая китайская телѣга, нашедшая себѣ многихъ сторонниковъ, благодаря своей прочности и на основаніи мнѣнія, что всякая телѣга туземнаго типа, выработаннаго долголѣтнимъ опытомъ, должна быть болѣе приспособлена къ мѣстнымъ условіямъ. Но въ Китаѣ на каждомъ шагу встрѣчается масса такихъ несообразностей, которыя объясняются лишь рутиной и косностью китайца.

Кромѣ телѣгъ, для перевозки грузовъ встрѣчаются небольшія телѣжки съ крытымъ кузовомъ; спеціально для пассажировъ онѣ также на двухъ колесахъ, но значительно легче, и колеса не прикрѣплены къ осямъ. Запряжка такихъ телѣжекъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ муловъ: одного коренника и пристяжки на уносѣ впереди его. Въ городахъ для перевозки тяжестей употребляются тачки на одномъ колесѣ, возимыя людьми; такихъ тачекъ сравнительно мало, онѣ перешли къ намъ съ Шандуна. Тачка поднимаетъ около 15—17 пудовъ и довольно легка на ходу. Горные участки полуострова, гдѣ не можетъ пройти телѣга, пользуются исключительно вьюкомъ. Сѣдло и вьючныя приспособленія очень просты и легки. Сѣдло состоитъ изъ деревяннаго ленчика, на который кладется грузъ въ корзинахъ или же въ мѣшкахъ; мягкій грузъ, какъ-то мука и зерно, возится зачастую прямо безъ сѣдла, на спинѣ животнаго, хотя такой способъ нельзя признать удобнымъ при дальнихъ переходахъ. Животныя, употребляемыя для перевозки,—исключительно мѣстной породы мулы, лошади, ослы и быки; первые три идутъ какъ въ запряжкѣ, такъ и подъ вьюкъ, и подъ верхъ; быки же (а также и коровы)—исключительно лишь въ упряжи. Всѣ перечисленныя животныя, кромѣ быковъ, куются. Для этого употребляются гладкія, тонкія подковы безъ шиповъ; послѣдніе замѣняются большими

острыми шляпками подковочныхъ гвоздей. Способъ ковки довольно своеобразенъ: животное спутываютъ и устанавливаютъ между двумя столбами, соединенными перекладиной, на которой приподнимаютъ его слегка, а затѣмъ уже приступаютъ къ ковкѣ, употребляя для этого большею частью холодныя подковы. Мелкихъ животныхъ, какъ-то ословъ, путаютъ и куютъ, сваливши на землю. Подъ вьюкъ употребляются обыкновенно мулы и ослы, причемъ мулъ можетъ поднять на себя отъ 6 до 7 пудовъ, а оселъ—около 4 до 5 пудовъ. При своей подвижности, выносливости и неприхотливости въ пищѣ, ослы являются незамѣнимыми животными на Квантунѣ, и они могутъ быть съ пользой употребляемы при движеніи отрядовъ по горной мѣстности, гдѣ они съ успѣхомъ могутъ слѣдовать всюду, гдѣ прошелъ человѣкъ.

Количество перевозочныхъ средствъ, т.-е. число телѣгъ и животныхъ, годныхъ для упряжки и подъ вьюкъ, по отношенію численности населенія, незначительно. Распредѣленіе перевозочныхъ средствъ неравномѣрное: въ гористыхъ участкахъ телѣгъ нѣтъ совсѣмъ; онѣ сгруппированы у большихъ дорогъ и въ мѣстности, допускающей колесное движеніе. Вслѣдствіе рѣдкаго населенія въ горахъ, рабочаго скота тамъ очень мало. Приблизительно на 100 дворовъ приходится около 25—30 телѣгъ, что̀ составитъ всего около 7.000 телѣгъ на Квантунскій полуостровъ, причемъ большинство изъ нихъ приходится на сѣверную часть полуострова. Упряжныхъ и вьючныхъ животныхъ, въ случаѣ необходимости, можно собрать значительное количество, но это тяжело отозвалось бы на населеніи и его хозяйствѣ, такъ какъ излишка скота на Квантунѣ безусловно нѣтъ, и его хватаетъ лишь на мѣстныя надобности.

Нѣсколько горныхъ кряжей, со своими многочисленными отрогами, дробятъ Квантунскій полуостровъ на множество мелкихъ долинъ и ущелій, не давая возможности образоваться большимъ судоходнымъ или даже сплавнымъ рѣкамъ; существующія рѣчки, имѣющія большею частью видъ горныхъ потоковъ, даже въ своихъ низовьяхъ не пригодны для плаванія мелкосидящихъ лодокъ.

Въ Портъ-Артуръ и Таліенванъ приходитъ довольно значительное количество китайскихъ парусныхъ джонокъ, которыя доставляютъ грузы изъ китайскихъ портовъ: Шанхая, Чифу, Ньючжуана и Дадунгоу, причемъ изъ послѣдняго вывозится главнымъ образомъ лѣсъ, идущій на инженерныя и желѣзно-дорожныя постройки. При взглядѣ на карту Квантунскаго полуострова казалось бы, что по очертанію береговъ и, сравнительно съ его поверхностью, громадной береговой линіи, онъ долженъ бы

обладать хорошими морскими сообщеніями; но вслѣдствіе мелководья большинства бухтъ, а главнымъ образомъ за отсутствіемъ надобности, пароходное сообщеніе, въ настоящее время, существуетъ лишь между портами Артуромъ и Таліенваномъ. Остальные порта, за исключеніемъ Бицзиво, имѣютъ лишь мѣстное значеніе и служатъ для стоянки джонокъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ и каботажемъ.

Китайскія парусныя суда по величинѣ и устройству бываютъ двухъ родовъ: такъ называемыя джонки „минъ-чуанъ“ и „сампань“. Джонки поднимаютъ отъ 30 до 35 тысячъ пудовъ груза, и сообразно этому бываютъ одно-, двухъ- и трехъ-мачтовыя. Конструкція ихъ совершенно одинакова, за малыми видоизмѣненіями. Весь остовъ—изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, а обшивка—изъ плахъ, скрѣпленныхъ между собою желѣзными скобами и болтами. Дно совершенно плоское, съ приподнятой кормой и носомъ; палуба закрытая, съ нѣсколькими люками, запирающимися наглухо во время волненія. Нѣкоторыя изъ джонокъ бываютъ раздѣлены непроницаемыми переборками на нѣсколько отдѣленій. Грузъ помѣщается въ трюмахъ, а также и на палубѣ, а перевозимыя бревна или брусья привязываются по обоимъ бортамъ джонки, чѣмъ выигрывается помѣстительность судна, но зато весьма замедляется его ходъ. По виду джонки неуклюжи, но въ дѣйствительности обладаютъ хорошими морскими качествами. Китайскіе моряки, хорошо ознакомленные съ качествами своихъ судовъ и существующими въ этихъ широтахъ вѣтрами, не задумываясь, пускаются за нѣсколько сотъ миль въ море, гдѣ оріентируются по звѣздамъ и компасу, съ которымъ вполнѣ ознакомлены. Благодаря плоскому дну, джонки имѣютъ доступъ почти во всѣ бухты, гдѣ онѣ остаются въ ожиданіи прилива, съ которымъ и уходятъ обратно. На случай штиля, а также для выхода изъ узкой гавани, заполненной судами, на каждой джонкѣ имѣется нѣсколько длинныхъ веселъ, выдвигаемыхъ съ бортовъ и съ кормы. Этими веслами не гребутъ, какъ обыкновенными, а вращаютъ изъ стороны въ сторону на прочномъ шпенькѣ, укрѣпленномъ въ борту, вслѣдствіе чего ихъ кривыя лопасти дѣйствуютъ на подобіе винта; къ весламъ прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ дѣйствовать ими весьма тяжело. При большихъ джонкахъ имѣются небольшія плоскодонныя лодки для съѣзда на берегъ; во время хода онѣ обыкновенно подтягиваются на блокахъ и укрѣпляются на кормѣ. Экипажъ джонокъ состоитъ изъ 9—18 человѣкъ и помѣщается въ особыхъ, небольшихъ каютахъ, устроенныхъ въ трюмѣ; здѣсь же

имѣется очагъ для приготовленія пищи; на палубѣ укрѣплена большая бочка съ запасомъ воды. Снаряженіе джонокъ состоитъ изъ 2 или 3 четырехугольныхъ парусовъ, сдѣланныхъ изъ грубой ткани, а иногда изъ циновокъ. Второй видъ китайскихъ судовъ носитъ мѣстное названіе „сампань“: это—плоскодонныя лодки, поднимающія отъ 90 до 100 пудовъ груза, и бываютъ двухъ сортовъ: однѣ представляютъ собой небольшія лодки, служащія обыкновенно для перевозки пассажировъ съ берега на суда, а также для ловли устрицъ и рыбы вблизи береговъ; подъемная ихъ сила не болѣе 40—45 пудовъ. Ко второй категоріи относятся довольно большія лодки, на которыхъ производится рыбный промыселъ, для чего приходится иногда выѣзжать верстъ до 15 – 20 въ море; при каждой такой лодкѣ имѣется мачта и парусъ, а также два весла на случай штиля. Устройство лодокъ обоихъ родовъ почти одинаковое: дно плоское, носъ слегка приподнятъ, имѣется палуба съ прорубленнымъ люкомъ, который у лодокъ перваго типа довольно большой, съ устроенными сидѣніями, а у вторыхъ—гораздо меньше и, въ случаѣ непогоды, можетъ закрываться наглухо, чтобы его не заливало водой. Сидятъ онѣ въ водѣ, благодаря плоскому дну, лишь нѣсколько вершковъ, отчего могутъ всюду приставать.

Единственнымъ національнымъ средствомъ сообщенія Квантуна съ Европейскою Россіей служатъ пароходы „Общества добровольнаго флота“. Хотя многіе, въ особенности болѣе состоятельные люди предпочитаютъ пользоваться пароходами иностраныхъ линій, но главная масса русскихъ людей, ѣдущихъ моремъ, слѣдуетъ на судахъ „добровольнаго флота“, на которыхъ доставляются и всѣ россійскіе грузы. Портъ-артурское торговое сословіе, собиравшееся на сходы въ городской коммиссіи, неоднократно подавало заявленія и просьбы объ улучшеніи постановки дѣла „добровольнымъ флотомъ“ на мѣстѣ. Жалуются на чрезмѣрную продолжительность слѣдованія грузовъ изъ Одессы, вслѣдствіе невыгоднаго росписанія, по которому многіе пароходы минуютъ Портъ-Артуръ и завозятъ грузы во Владивостокъ, — на частыя неправильности въ сортировкѣ грузовъ, вслѣдствіе чего они завозятся въ чужіе портà,—на отсутствіе въ Портъ-Артурѣ спеціальной агентуры общества, завѣдываніе которой мѣстнымъ отдѣленіемъ русско-китайскаго банка не достигаетъ удовлетворительныхъ результатовъ; на высокую плату за выгрузку товаровъ, при дешевизнѣ чернорабочаго труда въ Портъ-Артурѣ; на неправильное взиманіе дополнительнаго сбора за

храненіе и за взысканіе полежалаго за грузы, не взятые своевременно получателемъ по винѣ самого агентства, и проч.

Мѣстное сообщеніе Квантуна съ портами Дальняго Востока поддерживается, болѣе или менѣе правильно, морскимъ пароходствомъ „Общества китайско-желѣзной дороги“, обществомъ пароходства „Шевелевъ и К°“ и нѣсколькими иностранными пароходами подъ германскимъ и норвежскимъ флагомъ, фрахтуемыми владивостокскою фирмою Кунстъ и Альберсъ. Сверхъ того, содержалъ правильные рейсы зафрахтованный военнымъ вѣдомствомъ пароходъ „Русскаго общества пароходства и торговли“— „Корниловъ“. Кромѣ этихъ срочныхъ пароходовъ, Портъ-Артуръ посѣщаютъ время отъ времени грузовые пароходы разныхъ флаговъ и китайскіе военные транспорты, занимающіеся коммерческими перевозками.

Пароходство китайской желѣзной восточной дороги начало свои операціи въ сентябрѣ 1898 года, работая исключительно для нуждъ желѣзной дороги. Въ мартѣ 1899 года учреждено было отдѣльное отъ администраціи дороги управленіе этимъ пароходнымъ предпріятіемъ, и общество стало содержать шанхайскую и владивостокскую срочныя линіи, съ заходомъ въ Чифу, Тцинтай (Кіао-чао) и Нагасаки, и, кромѣ того, мѣстные рейсы, довольно частые, между Артуромъ и Чифу, между Артуромъ и Таліенваномъ, а также несрочные рейсы въ Иньксу. Вначалѣ пароходы ходили подъ китайскимъ флагомъ, но впослѣдствіи, съ 18 марта 1899 года, подняли какъ подобаетъ, русскій флагъ. Пароходовъ имѣется восемь. Пароходное предпріятіе китайской восточной желѣзной дороги—дѣло новое и не могло еще стать въ надлежащее, крѣпкое положеніе въ смыслѣ организаціи срочнаго, вполнѣ правильнаго сообщенія, а потому не избѣжало нареканій на нерегулярность движенія, неустроенность, высоту фрахтовъ (напр. за тонну изъ Шанхая въ Портъ-Артуръ восемь долларовъ) и пр., но во всякомъ случаѣ, появленіе пароходовъ общества весною 1899 года значительно оживило морскія сообщенія, въ особенности съ ближайшимъ портомъ Чифу и съ Таліенваномъ. Общество пароходства китайской восточной желѣзной дороги оказало большую помощь въ трудную минуту экстреннаго передвиженія 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка изъ Таліенвана въ Портъ-Артуръ, и притомъ безплатно.

Сообщеніе Портъ-Артура съ Таліенваномъ морскимъ путемъ весьма удобно, но долгое время невозможно было установить правильные рейсы. Весь 1898 годъ сообщеніе это поддерживалось военнымъ портовымъ судномъ „Силачъ“, возившимъ почту

пассажировъ безплатно. Затѣмъ старались установить срочное коммерческое пароходство, и дѣйствительно удалось поставить на эту линію небольшой пароходъ гонконгской фирмы „Бисмаркъ и К°", подъ китайскимъ флагомъ. Но предпріятіе это не увѣнчалось успѣхомъ и вскорѣ прекратилось. Тутъ-то и явилось пароходство китайской восточной желѣзной дороги, небольшіе пароходы котораго стали держать довольно частые и правильные рейсы между Портъ-Артуромъ и Таліенваномъ и случайные между Портъ-Артуромъ и Дальнимъ, Таліенваномъ и Дальнимъ. Тогда же „Силачъ" прекратилъ свои рейсы.

Пароходы общества „Шевелевъ и К°" содержатъ довольно рѣдкіе рейсы между Владивостокомъ и Шанхаемъ, съ заходомъ въ Портъ-Артуръ и попутные японскіе и корейскіе портà.

Въ связи съ пароходствомъ находится вопросъ о пользованіи портомъ, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. о мѣстахъ для причала пароходовъ и судовъ вообще. Въ Портъ-Артурѣ, единственномъ портѣ Квантуна, въ которомъ сосредоточена вся торговля и всѣ сообщенія морскимъ путемъ, береговая полоса со всѣми сооруженіями состоитъ въ вѣдѣніи морского вѣдомства, которое и смотритъ на портъ какъ на учрежденіе военно-морское, гдѣ коммерческое пароходство лишь терпимо. На этомъ основаніи впускъ срочныхъ и несрочныхъ коммерческихъ пароходовъ въ восточный бассейнъ обусловленъ разрѣшеніемъ, каждый разъ, портоваго начальства, причемъ, на основаніи опубликованныхъ правилъ, самый входъ въ портъ, къ пристани, постороннимъ лицамъ воспрещенъ безъ особаго каждый разъ разрѣшенія. Такой порядокъ несомнѣнно отражается вредно на торговыхъ дѣлахъ Портъ-Артура, и мѣстное купечество, на сходѣ 12 іюня прошлаго года, заявило претензію, что только пароходы „Добровольнаго флота" и „Компаніи Шевелева" имѣютъ преимущество пользованія пристанью въ восточномъ бассейнѣ; другіе же пароходы, на которыхъ желательно полученіе грузовъ, не допускаются къ ошвартовыванію, въ виду чего купечество ходатайствовало объ отводѣ городу пристаней, каковое ходатайство поддержано было городской коммиссіей. Пароходство китайской восточной желѣзной дороги пользуется небольшою пристанью внѣ бассейна, почему и находится, сравнительно, въ лучшихъ условіяхъ, хотя пристань эта слишкомъ мала для потребностей общества, и управленіе неоднократно заявляло о неудобствахъ, сопряженныхъ съ запрещеніемъ хотя бы временной выгрузки и временнаго склада желѣзно-дорожнаго груза на портовой территоріи, чѣмъ создано крупное затрудненіе для дѣла постройки желѣзной дороги. Хотя Портъ-Артуръ есть

и будетъ портъ по преимуществу военный, но жизнь требуетъ своихъ правъ, и казалось бы настоятельно необходимымъ придти на помощь мѣстнымъ потребностямъ единственнаго пока—и на продолжительное еще время—коммерческаго порта Квантуна и дать ему нормальную коммерческую организацію, урегулировавъ отношенія къ военному порту.

Длина линіи китайской восточной желѣзной дороги на территоріи русскаго Квантуна составляетъ 106 верстъ, не считая портовой вѣтви въ Артурѣ, протяженіемъ въ $2^1/_2$ версты, строящейся вѣтви къ порту Дальнему, протяженіемъ въ 17 верстъ, и вѣтви къ старому Таліенвану, въ $5^1/_2$ верстъ. 11-го октября былъ сомкнутъ путь между Таліенваномъ и Инькоу-Ляояномъ, а 13-го ноября—путь между Таліенваномъ и Портъ-Артуромъ; 14-го ноября вышелъ изъ Портъ-Артура первый сквозной поѣздъ. Путь еще не балластированъ и мѣстами линія проложена временно. Для поддержанія порядка между рабочими по линіи строящейся дороги, въ предѣлахъ Квантуна, была учреждена, по просьбѣ начальника южнаго отдѣленія, особая полицейская стража изъ китайцевъ, которая, подчиняясь общему вѣдѣнію гражданской администраціи полуострова, находится въ непосредственномъ распоряженіи начальства постройки и содержится на счетъ дороги.

Почтовая контора открыта въ Портъ-Артурѣ въ апрѣлѣ 1898 года, причемъ первые дни пріемъ производился во дворикѣ фанзы, подъ открытымъ небомъ; затѣмъ для конторы было отведено военнымъ вѣдомствомъ временное помѣщеніе, приспособленное для означенной цѣли. До конца февраля прошлаго года вся почтовая операція на всемъ Квантунскомъ полуостровѣ производилась однимъ начальникомъ портъ-артурской конторы, при помощи двухъ почтальоновъ и командированныхъ двухъ писарей. Для разноски корреспонденціи назначаются и нынѣ посыльные отъ гарнизона. Не дожидаясь разрѣшенія возбужденнаго вопроса объ изысканіи болѣе скорыхъ направленій для отправки и полученія въ Портъ-Артурѣ корреспонденціи отъ почтоваго начальства, а основываясь на обмѣнѣ соображеній начальника конторы съ начальниками русскихъ почтовыхъ конторъ въ Чифу и Шанхаѣ о возможности отправлять корреспонденцію на иностранныхъ судахъ въ Европейскую Россію, таковая направлялась изъ Портъ-Артура чрезъ Чифу и Шанхай на Одессу. Корреспонденція изъ Европейской Россіи получается въ Портъ-Артурѣ въ 35—42 дня, между тѣмъ какъ чрезъ Владивостокъ корреспонденція получается черезъ 62—80 дней, а денежная—и до 97 дней. Дѣятельность почтовой конторы по отправкѣ и полученію коррес-

понденціи, за время съ 16-го апрѣля 1898 года по сентябрь мѣсяцъ прошлаго года, выразилась слѣдующими цифровыми данными: отправлено корреспонденцій 172.797, на сумму 2.289.257 руб. Въ виду постоянныхъ заявленій жителей о необходимости денежныхъ переводовъ по почтѣ и о принятіи денегъ на храненіе, таковыя операціи и были открыты въ Портъ-Артурѣ. Развитію сберегательной кассы сильно препятствуетъ невозможность получать вклады тотчасъ же по заявленію, и необходимость ожиданія высылки денегъ изъ Владивостока. Относительно телеграфнаго сообщенія дѣятельность почтовой конторы выразилась въ пріемѣ телеграммъ и отправленіи ихъ почтой во Владивостокъ, со всякимъ отходящимъ туда пароходомъ, для дальнѣйшаго отправленія по телеграфу, что̀ очень удешевило жителямъ Квантуна телеграфное сообщеніе, которое, при пользованіи китайскимъ телеграфомъ, было сильно затруднено крайне высокой платой—по 1 руб. 20 коп. за слово. За время съ марта по сентябрь мѣсяцъ отправлено 1.015 телеграммъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ въ штатъ почтовой конторы въ Портъ-Артурѣ прибыли три чиновника и два почтальона, но все-таки пришлось оставить прикомандированныхъ нижнихъ чиновъ, ибо штата этого далеко не достаточно. Дѣятельность начальника конторы Поспѣлова выше всякой похвалы. Въ Таліенванѣ открыта почтовая контора 1-го мая прошлаго года, причемъ туда были назначены два чиновника, три почтальона и даны въ помощь военнымъ вѣдомствомъ одинъ писарь и одинъ посыльный. Вскорѣ послѣ открытія этой конторы было возбуждено ходатайство о разрѣшеніи пріема телеграммъ, съ пересылкою ихъ почтою во Владивостокъ, и введенія ссудо-сберегательной операціи. Главную работу таліенванской почтовой конторы доставлялъ возникающій городъ Дальній, и въ меньшей степени Таліенванъ. Въ виду предстоящаго вывода изъ Таліенвана большей части войскъ при перенесеніи кордонной линіи къ югу, оставленіе въ немъ почтовой конторы теряло значеніе, а потому она была переведена по другую сторону бухты, въ г. Дальній, гдѣ и окажется внутри кордонной линіи.

Больнымъ мѣстомъ для Квантуна является крайняя дороговизна телеграфнаго сообщенія по проводамъ иностранныхъ компаній, которыми, по необходимости, приходится пользоваться, если нежелательно избѣжать значительной проволочки во времени при передачѣ депешъ почтой во Владивостокъ. Легко себѣ представить тяжелое нравственное положеніе людей, имѣющихъ дорогихъ и близкихъ лицъ или серьезные интересы въ Россіи, при условіи, что ничтожная, въ нѣсколько словъ, телеграмма

стоитъ десятки рублей, а пересылка дешевыхъ телеграммъ черезъ Владивостокъ требуетъ цѣлыхъ недѣль, а иногда мѣсяца и болѣе. Надежда на улучшеніе этихъ условій, при посредствѣ телеграфа китайской восточной дороги, можетъ осуществиться еще не такъ скоро, хотя работа въ этомъ направленіи, попутно съ другими желѣзно-дорожными работами, ведется весьма энергично.

Къ сооруженію телеграфа китайской восточной желѣзной дороги приступлено въ концѣ сентября 1898 года, въ предѣлахъ Квантуна. Работы начались отъ бухты Викторія-бей и поведены одновременно въ двухъ направленіяхъ: на югъ—къ Портъ-Артуру и на сѣверъ—на Инькоу. Нѣсколько позже, а именно въ концѣ октября, начата постройка телеграфа отъ порта Иньков на сѣверъ, по направленію къ Харбину. 16-го апрѣля 1899 года, около города Чантафу, произошла смычка иньковусской и харбинской партій построекъ, а черезъ нѣсколько дней открылось дѣйствіе телеграфа. Въ предѣлахъ Квантуна телеграфъ восточной желѣзной дороги проходитъ на протяженіи 106 верстъ, не считая боковыхъ вѣтокъ на Викторія-бей, протяженіемъ 17 верстъ, и на Таліенванъ, протяженіемъ всей телеграфной линіи съ воздушнымъ переходомъ чрезъ рѣку Сунгари — около 900 верстъ, безъ вѣтокъ. При большомъ, затрудняющемъ надзоръ протяженіи линіи и не всегда благожелательномъ настроеніи туземныхъ жителей,—въ особенности въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Хайчена, за предѣлами русскаго Квантуна,—процентъ поврежденій, происходящихъ отъ умышленной порчи, довольно высокъ. Пріемъ частной корреспонденціи допускается за плату, временно, только отъ лицъ, служащихъ въ обществѣ китайской восточной желѣзной дороги. Первое время по открытіи дѣйствій телеграфа, ощущался недостатокъ въ телеграфистахъ, и генералъ Суботичъ командировалъ девять телеграфистовъ изъ состава саперной роты, находящихся и нынѣ на желѣзно-дорожной службѣ; этимъ дѣлу была оказана важная помощь. Для работъ переноса, ремонта и оборудованія линіи въ предѣлахъ Квантуна было командировано двадцать стрѣлковъ, изъ которыхъ нынѣ, по заявленію телеграфнаго начальства, выработались десятники, весьма полезные для надзора за китайскими рабочими, способные вполнѣ основательно показать и объяснить неопытному рабочему, что̀ отъ него требуется.

А. Хвостовъ.

ТРИЛОГІЯ гр. А. К. ТОЛСТОГО

как

НАЦІОНАЛЬНАЯ ТРАГЕДІЯ

Прошло то время, когда мы, засматриваясь на литературныя богатства нашихъ сосѣдей, испытывали оскорбительное для нашего самолюбія, острое чувство зависти. Конечно, и въ наше время мы все еще перелистываемъ Шекспира, Гёте, Байрона, Шиллера, съ сердцемъ не совсѣмъ отъ этого чувства свободнымъ; но стòитъ намъ только вспомнить, съ какимъ уваженіемъ у насъ произносятся теперь имена Тургенева, Толстого, Достоевскаго,—и сознаніе одержанной нами культурной побѣды должно смягчить то ощущеніе зависимости, которое почти всегда сопровождаетъ нашу мысль о Западѣ.

Надо помнить, однако, что несмотря на всѣ комплименты, какіе намъ расточаютъ подчасъ наши сосѣди, они въ душѣ считаютъ насъ все еще варварами,—правда, даровитыми варварами, которымъ иногда снятся удивительно поэтичные сны, и которымъ случается иной разъ высказать очень глубокія мысли. И дѣйствительно, поэтическое чувство и порой глубокая мысль—единственное оружіе, которымъ наша русская культура прокладываетъ себѣ дорогу на Западъ,—оружіе, не подверженное случайной порчѣ и оружіе мирное. Мы начали этотъ мирный захватъ Европы, той самой Европы, которая всегда такъ опасалась нашихъ военныхъ захватовъ.

Между нами и сосѣдями начинаетъ теперь устанавливаться все бòльшая и бòльшая нравственная и умственная солидарность, и наши писатели, отражая въ своихъ произведеніяхъ рус-

скую жизнь, въ то же время становятся истолкователями общемірового смысла жизни. Романъ изъ русской жизни сталъ теперь важной страницей всеобщей исторіи, тогда какъ еще недавно онъ былъ лишь разсказомъ о томъ, что̀ творилось въ одномъ малозамѣтномъ и маловультурномъ уголкѣ человѣческой жизни.

Но если нашъ романъ за послѣднее полстолѣтіе поднялся на такую высоту, при которой отраженная имъ жизнь пріобрѣтаетъ общемірoвое значеніе, то объ иныхъ формахъ нашего художественнаго творчества нельзя сказать того же. Въ особенности бросается въ глаза то второстепенное значеніе, какое въ развитіи міровой литературы имѣетъ наша драма и, главнымъ образомъ, наша трагедія.

Наша драма отстала значительно отъ романа; въ ней нѣтъ того глубокаго философскаго, психологическаго и общественнаго смысла, которымъ такъ силенъ нашъ романъ, и театральные подмостки на серьезныя волненія нашего ума и сердца отзываются очень глухо. Быть можетъ, въ этомъ виновата случайность, т.-е. отсутствіе сильнаго таланта; быть можетъ, виноваты внѣшнія стѣсненія, для театра гораздо болѣе чувствительныя, чѣмъ для печатной книги; быть можетъ, театръ самъ по себѣ не допускаетъ такой полноты отраженія жизни и такого проникновенія въ ея глубь, какъ повѣсть, въ которой писатель и описываетъ, и изображаетъ, и разсуждаетъ—но фактъ несомнѣненъ: наша драма, для Запада не существующая, представляетъ и въ нашей жизни культурную и соціальную силу наименьшаго значенія и размаха.

Еще болѣе знаменателенъ тотъ фактъ, что наша русская жизнь не произвела ни одной истинно великой трагедіи—трагедіи съ общечеловѣческимъ смысломъ. Объяснять отсутствіе такой трагедіи причинами случайными едва ли возможно; есть нѣчто въ общемъ ходѣ нашей жизни, что̀ не позволило нашимъ талантамъ стать на ту высоту трагическаго міропониманія, которой достигали подчасъ избранные умы и геніи, вышедшіе изъ иной среды, чѣмъ наша. Такимъ именамъ, какъ Эсхилъ, Софоклъ, Данте, Кальдеронъ, Шекспиръ, Гёте, намъ противопоставить некого. У насъ, правда, есть художники, которые, какъ таковые, могутъ претендовать на духовное родство съ этими міровыми геніями, и Пушкинъ по силѣ объективнаго возсозданія жизни тотъ же Шекспиръ, т.-е. всѣ его типы столь же жизненны, какъ и типы Шекспира, и столь же общечеловѣчны; не отнимемъ мы такого художественнаго общемірового значенія и

смысла и у тѣхъ историческихъ и современныхъ образовъ, съ которыми мы такъ сжились въ эпопеяхъ Л. Толстого, и, наконецъ, мы будемъ близки къ истинѣ, если скажемъ, что религіозно-мистическое міровоззрѣніе Достоевскаго по своей глубинѣ и своему художественному воплощенію роднитъ нашего писателя, какъ мыслителя и поэта, и съ Данте, и съ Кальдерономъ. Во всякомъ случаѣ, мы ясно показали, какую глубь и широту поэтическаго міросозерцанія способенъ иной разъ обнаружить нашъ геній, и если мы видимъ, что въ этомъ міросозерцаніи нѣкоторыя стороны жизни неполно поняты или слабо выражены, то причина этого кроется не въ слабости духовныхъ силъ народа.

Къ числу тѣхъ сторонъ человѣческой жизни, которыя очень слабо оттѣнены и обобщены въ нашемъ поэтическомъ міросозерцаніи, относится и трагическій смыслъ бытія вообще—тотъ самый смыслъ, который издавна тревожилъ человѣческій умъ и фантазію и который находилъ себѣ художественное выраженіе въ истинной „высокой“ трагедіи—философской, религіозной и символической. Трагическое пониманіе міропорядка, которое раскрывается передъ нами въ „Прометеѣ“, въ „Орестейѣ“, въ „Божественной Комедіи“, въ драмѣ „Жизнь есть сонъ“, въ „Гамлетѣ“, въ „Фаустѣ“, нами, конечно, такъ же усвоено, какъ усвоено многое, чему мы у сосѣдей учились. Но этотъ скорбный итогъ мірового процесса, итогъ не безнадежный, а только лишь трагичный, для насъ пока—предметъ изученія и удивленія; въ немъ нѣтъ ничего нашего, ничего такого, что̀ вытекло бы изъ историческаго нашего опыта, было бы нами продумано, прочувствовано и, главное, выстрадано. Поэтому до созданія истинной трагедіи нашъ поэтическій геній и не возвысился, хотя трудно найти національный характеръ и народный образъ мыслей, болѣе склонный оттѣнять въ жизни именно ея печальную сторону, чѣмъ умъ и темпераментъ русскій. Сто̀итъ бросить хотя бы самый бѣглый взглядъ на исторію нашего самосознанія, какъ оно отразилось въ нашей словесности, чтобы увидать, насколько въ общемъ сознаніе зла, страхъ передъ нимъ и скорбь о немъ перевѣшиваютъ въ насъ довольство той наличной суммой добра, которую мы вокругъ себя находимъ. Тоска по лучшему, разочарованіе въ настоящемъ, безпощадный самоанализъ и самоосужденіе, разныя формы скептицизма—все это нами извѣдано и испытано не хуже другихъ, и если, въ силу нѣкоторыхъ особенностей нашей гражданской жизни, мы во внѣшнемъ выраженіи этихъ печальныхъ, а частью гнѣвныхъ чувствъ, обязаны

соблюдать извѣстную мѣру, то такое воздержаніе въ словахъ не наноситъ ущерба глубинѣ самаго чувства и мысли.

Какъ бы то ни было, но въ нашемъ характерѣ и умѣ достаточно печали и грусти: на нихъ можно было бы построить цѣлое философское міросозерцаніе и народный геній могъ бы найти въ себѣ силу втѣснить это міросозерцаніе въ рамки художественной символической трагедіи.

Но такой трагедіи наша фантазія не создала, хотя мы къ этого рода творчеству не оставались равнодушны. Мы ревностно переводили греческую трагедію и передѣлывали ее; мы заимствовали у Франціи ея классическую трагедію и рядили ее также въ русскіе костюмы. Переводили мы прилежно и драмы Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона; не жалѣли труда и на переводы произведеній второстепенныхъ драматурговъ,—однимъ словомъ, мы обнаружили большую любовь къ драматическому и трагическому въ искусствѣ, въ особенности во времена пылкаго романтизма. Но самимъ намъ не удалось создать истинной трагедіи высокаго стиля. Этотъ пробѣлъ не заполненъ и понынѣ.

Надо думать, что время для такой философской трагедіи русской еще не наступило, и не наступило потому, что мы пока еще не обогатили исторію ни одной истинно трагической страницей, которая освѣтила бы съ новой стороны драму міровой жизни. Слишкомъ много у насъ еще впереди, чтобы останавливаться въ раздумьи передъ общимъ смысломъ того, чтò есть жизнь въ ея конечномъ цѣломъ, и какой цѣной она покупается.

Во всей печали и грусти, которой бываетъ иногда такъ переполнено наше сердце, гораздо больше негодованія, чѣмъ смиренія передъ зломъ, гораздо больше затаенной надежды, чѣмъ отказа отъ нея, и гораздо больше вѣры въ себя, чѣмъ покорности передъ неизбѣжностью. Все это вполнѣ понятно въ народѣ, который цѣлые вѣка только готовился къ сознательной жизни и потомъ съ необычайной быстротой сталъ усвоивать то, надъ чѣмъ другіе народы цѣлые вѣка думали. Очень многое— въ формѣ ли умозрительной истины, или въ формѣ облеченнаго въ образъ чувства, далось намъ безъ труда, почти что даромъ. Цѣна, которой такія мысли и чувства оплачиваются, осталась намъ неизвѣстна, и намъ самимъ еще не пришлось быть свидѣтелями или участниками событій, которыя своимъ трагизмомъ навели бы насъ на эти мысли и пробудили бы въ насъ эти чувства. Дѣйствительно, нужно было изжить цѣлую блестящую цивилизацію, вѣками слагавшуюся, сочетавшую необычайно тонко развитое эстетическое чувство съ глубокой философской мыслью.

и съ эстетической религіей, цивилизацію, богатую самыми разнообразными формами гражданскаго и политическаго порядка,— надо было изжить такую цивилизацію, чтобы создать „Прометея“ или „Эдипа царя“, и въ этихъ трагедіяхъ показать, какими страданіями искупается каждый шагъ прогресса и какъ ничтоженъ человѣкъ даже въ тѣ минуты, когда мнитъ себя всемогущимъ. Надо было выстрадать всю трагедію христіанства, присутствовать при крушеніи античнаго міра, преклониться передъ подвигами и самоистязаніемъ новой вѣры и, наконецъ, увидать все то же всемогущее зло, какъ оно въѣлось въ міровой порядокъ,—надо было все это испытать, чтобы въ „Божественной Комедіи“ Данте или въ драмахъ Кальдерона символизировать единоборство добра и зла и утѣшать людей—какъ утѣшалъ ихъ и авторъ „Прометея“—картиной конечнаго торжества того, что̀ они считаютъ и добрымъ, и святымъ, и справедливымъ. Такъ же точно нужно было быть свидѣтелемъ торжества критической свободной мысли, подо все подкапывающейся, не останавливающейся передъ традиціями религіозными, нравственными и философскими; нужно было испытать на себѣ власть свободнаго чувства, чтобы создать „Гамлета“ и въ этой интимной исповѣди признаться, какъ все-таки скованы и чувство, и умъ, и воля человѣка. Чтобы сдѣлать то же признаніе въ „Фаустѣ“, съ безпощаднымъ разоблаченіемъ вѣчной неудовлетворенности человѣческаго ума и сердца, чтобы изобразить эти истинно Танталовы муки человѣческаго духа и въ концѣ концовъ опять сказать ободряющее слово—для этого нужно было прожить XVIII-ый вѣкъ, содрогнуться передъ самохвальствомъ человѣческаго ума, понять всю тщету минутнаго удовлетворенія и сгорѣть отъ любви къ человѣку—слабому и ограниченному въ средствахъ, но неудержимо стремящемуся къ высшей цѣли. Наконецъ, чтобы имѣть и право, и силу, сказать людямъ, насколько они далеки отъ того идеала, ради котораго они готовы всѣмъ пожертвовать, насколько опрометчива ихъ вѣра въ свой умъ и свое доброе сердце, какъ легко для нихъ паденіе съ высоты въ грязь, какъ они слабы, жалки, ничтожны и презрѣнны,—чтобы сказать все это не голословно, а рѣчью карающаго и плачущаго пророка,—для этого нужно было выстрадать всю великую трагедію конца XVIII вѣка и видѣть воочію, какъ временно погасъ ореолъ, окружающій святое имя человѣка.

Мы, русскіе, ничего подобнаго не видали, не испытали, не передумали и не выстрадали. Все это великое и трагическое въ жизни человѣчества было намъ пересказано и истолковано,

какъ быль изъ жизни иныхъ временъ и иныхъ народовъ, для насъ чуждыхъ. Когда эти народы проходили через самые критическіе моменты своего развитія и когда на ихъ исторіи можно было учиться трагизму жизни, мы были еще варвары или полуцивилизованные люди: жить одной жизнью съ Европой мы начали лишь сравнительно очень недавно.

Мы были, такимъ образомъ, лишь отдаленными зрителями великой міровой драмы. Что же касается нашего собственнаго историческаго опыта за всю нашу жизнь, то особенно выдающихся моментовъ, оттѣняющихъ идейный трагическій смыслъ бытія, въ немъ почти что не было. Правда, мы пережили долгіе годы борьбы, труда и лишеній; но все это были годы такой напряженной и несложной будничной работы надъ самими собой и для себя самихъ, которая оставляла мало времени для раздумья надъ вопросомъ, каковъ конечный философскій смыслъ совершающагося историческаго процесса.

Но если эта повседневная малоидейная работа помѣшала намъ обнаружить скорбную, но примиряющую мудрость, какой проникнута философская трагедія античная, средневѣковая и новая, то все-же и въ нашей жизни могли найтись минуты грозныя и возвышенныя, и онѣ могли послужить художнику матеріаломъ если не для общеміровой трагедіи, то по крайней мѣрѣ для трагедіи національной.

На Западѣ мы имѣемъ очень много примѣровъ такихъ трагедій съ чисто національнымъ содержаніемъ. Къ ихъ числу надо, напримѣръ, отнести почти весь репертуаръ античнаго театра, всѣ эти драматизированныя эпопеи, миѳы, легенды и страницы исторіи; всѣ историческія хроники Шекспира относятся къ этому роду творчества; сюда же можно зачислить и французскій классическій театръ, поскольку онъ является не простымъ подражаніемъ, а отраженіемъ современной французской жизни; драмы Гёте „Гецъ“ и „Эгмонтъ“, „Разбойники“, „Телль“ и „Валленштейнъ“ Шиллера, драмы Альфьери, Сильвіо Пеллико, Казиміра Делавиня, романтическій театръ Гюго и Дюма-отца могутъ быть также отнесены къ числу этихъ трагедій, въ которыхъ зритель сталкивался со своими предками и современниками въ самыя трагическія минуты ихъ личной и преимущественно національной жизни.

Наши русскіе писатели дѣлали также неоднократныя попытки создать такую національную трагедію. Сюжеты для нея поставляла наша древняя исторія, нерѣдко народныя преданія или историческія легенды. Но въ этой старинѣ, какъ мы знаемъ,

истиннаго трагизма было не много, и потому приходилось его выдумывать. Вотъ почему въ нашей національной трагедіи придуманное и присочиненное всегда преобладало надъ истинно-народнымъ, вычитаннымъ художниками изъ самой жизни. Начиная съ трагедій Сумарокова, этихъ первыхъ попытокъ найти трагическое въ русской жизни, кончая въ наше время сочиненными историческими драмами, условность и подражаніе—отличительныя черты такихъ произведеній. Ни глубокой самобытной русской идеи, ни вѣрныхъ типовъ, ни народныхъ чувствъ съ ихъ національными особенностями не встрѣтимъ мы въ этихъ трагедіяхъ, изъ которыхъ немногія имѣютъ, впрочемъ, извѣстныя, но чисто внѣшнія достоинства.

Историкъ русскаго театра долженъ, однако, остановиться на двухъ попыткахъ, сдѣланныхъ въ этотъ родѣ, и, пожалуй, единственныхъ, въ которыхъ трагическое въ нашей національной жизни уловлено болѣе или менѣе вѣрно.

Первая изъ нихъ при своемъ появленіи возбудила большой восторгъ—то былъ „Борисъ Годуновъ" Пушкина, увидѣвшій свѣтъ въ самые романтическіе годы нашей словесности, когда мы такъ желали имѣть самобытную трагедію съ яркой печатью истинной народности. Этимъ требованіямъ „Борисъ Годуновъ" удовлетворялъ лишь отчасти. Что изъ всѣхъ нашихъ трагедій эта была самая художественно законченная—объ этомъ не можетъ быть спора. Она выдѣлялась своими литературными достоинствами, и планировкой сценъ, и живостью діалога, и языкомъ, въ которомъ такъ удачно новое слито съ архаическимъ. „Борисъ Годуновъ" можетъ быть съ полнымъ правомъ названъ драматизированной эпопеей старины. Но эта драма все-таки трагедія изъ жизни единичнаго лица, а не трагедія жизни народной. Художникъ стремился не столько выразить трагическую идею нашей жизни въ эпоху царствованія Бориса, сколько занятъ былъ душой преступника, для котораго наступалъ день возмездія. Такая постановка драматическаго дѣйствія можетъ быть очень трагична, и въ „Борисѣ" трагизма много, но личность преступника какъ-то совсѣмъ заслоняетъ собой личность царя и ту идею власти, которую онъ воплощаетъ.

Итакъ, драму Пушкина едва ли можно признать за вполнѣ удавшійся опытъ русской національной трагедіи, т.-е. такой, въ которой національныя черты характера и народное міросозерцаніе давали бы себя чувствовать. Если предъявлять національной трагедіи именно эти требованія, то во всей нашей драма-

тической литературѣ только одна „Трилогія“ А. К. Толстого можетъ—до извѣстной степени—имъ отвѣтить.

„Трилогія“, какъ вообще многое, что писано А. Толстымъ, совсѣмъ не оцѣнена по достоинству. Критика неохотно бралась за ея оцѣнку, и когда на это рѣшалась, то въ большинствѣ случаевъ выносила приговоръ очень строгій.

Отыскать слабыя стороны въ драмахъ А. Толстого—не трудно. Но если на эти же драмы посмотрѣть, какъ на первый опытъ и притомъ рѣшительный и смѣлый опытъ художника, не имѣвшаго ни предшественниковъ, ни сотрудниковъ въ своей работѣ, то „Трилогію“ А. Толстого придется признать однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ явленій нашей словесности, несмотря на многое неоригинальное въ драматическихъ положеніяхъ ея дѣйствующихъ лицъ. Но при оцѣнкѣ историческаго значенія „Трилогіи“, и при опредѣленіи того единственнаго въ своемъ родѣ мѣста, которое она занимаетъ въ нашемъ драматическомъ репертуарѣ,—нѣтъ необходимости особенно подробно вникать въ ея техническія несовершенства и ошибки, неизбѣжныя при всякомъ трудѣ надъ новымъ матеріаломъ или надъ новымъ способомъ его обработки.

Авторъ не пріискивалъ, впрочемъ, новаго матеріала. Онъ взялъ старый, достаточно уже разработанный,—взялъ не затѣмъ, чтобы облегчить себѣ работу, а потому, что во всей нашей исторіи, древней и новой, этотъ историческій матеріалъ представлялся наиболѣе интереснымъ и удобнымъ для обработки въ формѣ трагедіи. На эпоху царя Ивана Васильевича Грознаго, на царствованіе Годунова и на Смутное время было издавна обращено вниманіе нашихъ писателей. Еще задолго до А. Толстого вся фактическая сторона этихъ тревожныхъ лѣтъ нашей исторіи была использована въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ, написанныхъ и въ классическомъ, и въ сентиментальномъ, и въ романтическомъ стилѣ. Но никто до А. Толстого не давалъ этому матеріалу такого идейнаго освѣщенія, и никто, обработывая его, не съумѣлъ такъ выдвинуть на первый планъ одну изъ самыхъ трагическихъ идей нашей русской жизни.

Дѣйствительно, эпоха царствованія Іоанна Грознаго и послѣдующіе за ней смутные годы—самая драматичная эпоха нашей исторической жизни. Трудно найти другую, въ которой было бы столько движенія и, главное, разнообразія въ движеніи, и которая была бы такъ богата типами со столь рѣзкой инди-

видуальностью, какъ почти всѣ дѣятели этой эпохи. Это—періодъ очень сильнаго соціальнаго броженія въ нашемъ обществѣ и потому эпоха довольно откровеннаго обнаруженія національныхъ самобытныхъ чувствъ и понятій.

Въ богатомъ и разнообразномъ матеріалѣ, который давали эти годы драматургу, А. Толстой остановилъ свое вниманіе на одной, едва ли не на самой трагической идеѣ нашей жизни, именно на идеѣ царской власти, проявляющейся въ единой внѣшней формѣ, при всемъ разнообразіи внутреннихъ формъ, какія ей придаетъ индивидуальность властителя. „Трилогія“ можетъ назваться настоящей національной трагедіей именно потому, что ея „паѳосъ“, если такъ можно выразиться, заключенъ въ изображеніи трагической судьбы одной идеи, выразившейся у насъ въ наиболѣе характерной и полной формѣ и, кромѣ того, проникавшей собою русскую жизнь, какъ никакая другая идея. Если „Трилогію“ А. Толстого понять именно какъ трагедію царской власти, какъ драму, въ которой главное дѣйствующее лицо не человѣкъ, а идея, которую онъ собой выражаетъ, или которую онъ долженъ выражать,—то тогда можно смотрѣть сквозь пальцы на многіе недочеты трагедіи, недочеты, быть можетъ, даже невольные и неизбѣжные.

Въ своей „Трилогіи“ А. Толстой остался вѣренъ общимъ романтическимъ пріемамъ своего творчества: для него не столько была важна реальная правда внѣшняя, сколько общая мысль его поэтическаго замысла. При такомъ пріемѣ творчества, удаленіе отъ житейской правды въ область символическаго обобщенія было неизбѣжно. Съ другой стороны, желаніе создать трагедію непремѣнно національную обязывало поэта позаботиться о „мѣстномъ колоритѣ“. Удержать этотъ мѣстный колоритъ въ основныхъ фигурахъ, въ которыхъ символизировалась сама идея трагедіи, было крайне трудно, и за исключеніемъ царя Ѳедора Ивановича, въ которомъ автору удалось сочетать идейный символъ съ живой плотью, и который поэтому отлился въ истинно художественный типъ, остальныя главныя дѣйствующія лица, царь Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ—наполовину отвлеченные ббразы, а не люди. Густыми мѣстными, иногда грубо-реальными красками пришлось вырисовывать поэтому характеры второстепенныхъ лицъ, а также сцены изъ народной жизни, почему въ „Трилогіи“ и получилось негармоничное смѣшеніе подчеркнутаго реализма въ деталяхъ съ символизмомъ главныхъ фигуръ. Царь Иванъ и царь Борисъ разсуждаютъ и говорятъ совсѣмъ не въ духѣ своего времени и рѣчью самого А. Толстого,

тогда какъ всѣ окружающія лица силятся во что бы то ни стало подогнать свой образъ рѣчи и мысли подъ міросозерцаніе и языкъ XVI—XVII вѣка.

Помимо такого смѣшенія реальныхъ (или подъ археологическій реализмъ подогнанныхъ) деталей съ символическими образами главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ „Трилогіи" попадается не мало чисто романтическихъ условностей и эффектовъ, которые на новизну претендовать не могутъ. Въ драматической литературѣ Запада эти эффекты встрѣчаются въ изобиліи. Когда мы присутствуемъ при бесѣдѣ Іоанна съ волхвами, при таинственномъ разговорѣ этихъ волхвовъ съ Годуновымъ, съ которымъ они говорятъ той же загадочной рѣчью, какой нѣкогда говорили вѣдьмы съ Макбетомъ; когда мы слушаемъ ядовитыя издѣвательства шута надъ Грознымъ и на мгновеніе забываемъ, кто передъ нами— король Лиръ или царь Иванъ; когда затѣмъ ночью мы видимъ царя Бориса передъ пустымъ престоломъ, на которомъ ему чудится призракъ Дмитрія, и онъ, какъ лэди Макбетъ, блуждаетъ по палатамъ въ полусомнамбулическомъ состояніи; когда затѣмъ мы присутствуемъ при словесномъ турнирѣ герцога Христіана Датскаго и царевича Өедора, на глазахъ неземной, нѣжной, сентиментальной Ксеніи; когда, наконецъ, мы слышимъ разговоръ царя Бориса съ царевичемъ Өедоромъ, который, подозрѣвая отца въ убійствѣ, какъ трагическій герой Шиллера или Виктора Гюго, щеголяетъ своимъ благородствомъ и отказывается принять державу, —то всѣ эти положенія, діалоги и монологи кажутся намъ чѣмъ-то очень знакомымъ и заимствованнымъ изъ стараго романтическаго репертуара. Но строго осуждать эти невольныя или вольныя заимствованія было бы несправедливо. Не въ нихъ — суть „Трилогіи"; она—въ основной трагической идеѣ, для бо́льшаго выясненія которой они придуманы; и если эти эффекты стары, они свое назначеніе все-таки выполняютъ; они держатъ зрителя въ повышенномъ, патетическомъ настроеніи.

Трагическая идея царской власти представлена А. Толстымъ въ трехъ ея разновидныхъ проявленіяхъ, и во всѣхъ этихъ трехъ видахъ она умираетъ смертью высоко-трагичной. Она носитъ сама въ себѣ свое осужденіе, и авторъ, развертывая передъ нами картину ея агоніи, даетъ намъ ясно понять, что не въ этихъ формахъ,—въ которыхъ она дѣйствительно проявлялась въ нашемъ національномъ прошломъ — должна она выражаться, если желаетъ избѣгнуть катастрофы. Въ „Трилогіи" передъ нами самъ авторъ—убѣжденный рыцарь монархической идеи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, такъ много думавшій о

возможности соглашенія принципа единой власти съ потребностями все болѣе и болѣе подроставшаго тогда общества.

Современная поэту общественная мысль могла продиктовать ему основную идею его „Трилогіи“. А такъ какъ эта идея была одною изъ руководящихъ идей нашей національной жизни, то и „Трилогія“ А. Толстого является трагедіей національной, пока единственной, въ которой освѣщена не какая-нибудь случайность нашей исторической жизни, а показанъ въ дѣйствіи одинъ изъ важнѣйшихъ рычаговъ, приводившихъ эту жизнь въ движеніе.

Идея власти является въ „Трилогіи“ въ слѣдующихъ своихъ видахъ: въ „Смерти Іоанна Грознаго“—какъ жестокій и темный деспотизмъ при религіозной санкціи; въ „Царѣ Өедорѣ“—какъ власть, опирающаяся на одно лишь религіозное и нравственное чувство, безъ поддержки воли и ума,—и, наконецъ, въ „Царѣ Борисѣ“—какъ просвѣщенный деспотизмъ ума, безъ санкціи моральной. Во всѣхъ этихъ трехъ видахъ идея власти приводитъ своихъ носителей или къ гибели, или къ сознанію неисполненной задачи.

Въ драмѣ „Смерть Іоанна Грознаго“ грозный царь—откровенный апологетъ единой власти. Царь Іоаннъ—фанатикъ ея; она вполнѣ отождествляется въ немъ съ его личностью: онъ можетъ сдѣлать со своимъ правомъ что̀ хочетъ, и даже отдать его кому хочетъ,—какъ, напр., въ минуту каприза онъ отдалъ его боярской думѣ. Онъ, правда, готовъ каяться передъ своими холопами, — но не потому, что онъ въ этомъ покаяніи именно передъ ними нуждался. Для всѣхъ людей у него есть только одно чувство — презрѣніе, презрѣніе даже къ тѣмъ, которыхъ онъ, повидимому, даритъ своей дружбой и довѣріемъ, а также и своей любовью, какъ, напр., женщинъ. Судьи его дѣламъ нѣтъ, потому что нѣтъ судьи Богу, въ которомъ источникъ всякой власти. Нѣтъ для него и совѣтчика. Онъ одинъ одаренъ орлинымъ взглядомъ; у другихъ—куриное око; онъ одинъ провидитъ, что̀ вдали, и вся заслуга его помощниковъ лишь въ томъ, что они исправно вершатъ его волю. Интересъ и выгода родины—и тѣ совпадаютъ въ его представленіи съ его собственной личностью: когда комета возвѣстила ему смерть, и когда онъ передъ кончиной спѣшитъ заключить невыгодный миръ съ внѣшними врагами, и ему напоминаютъ объ униженіи русской чести, онъ не признаетъ права на это чувство ни за кѣмъ, когда онъ—владыко—самъ добровольно унижается. А между тѣмъ не онъ ли въ наставленіи сыну даетъ самые гуманные совѣты? „Цари съ любовью, и съ благочестіемъ, и съ кротостью; не клади

напрасно ни на кого ни казни, ни опалы; не мсти по мнѣ моимъ врагамъ; блюди и милуй мачиху и будь за одинъ съ братомъ"... Такое наставленіе въ устахъ Іоанна очень характерно: оно показываетъ, что онъ признаетъ возможность совсѣмъ иной личной и государственной морали, и что если онъ придерживается своей, то не потому, что это единственная ему доступная и понятная мораль, а потому, что такова въ данномъ случаѣ его личная воля. Личная воля, личный произволъ—вотъ вся несложная государственная мудрость, которой придерживается этотъ властитель.

Психическій міръ настоящаго историческаго Іоанна былъ, конечно, болѣе сложенъ, чѣмъ тотъ тайный міръ души истиннаго деспота, образъ котораго нарисовалъ нашъ художникъ; но трагическая идея самовластья, идея деспотизма, при религіозной санкціи, безъ санкціи моральной,—часто проявлявшаяся въ нашей жизни,—схвачена поэтомъ вѣрно въ ея сущности, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрно воплощена именно въ данномъ историческомъ лицѣ. Но драма А. Толстого была не столько трагедіей лица, сколько трагедіей именно идеи—исторической и національной, и въ этомъ смыслѣ заключительныя слова боярина Захарьина, съ которыми онъ обращается къ мертвому Іоанну и къ Борису, забравшему власть въ свои руки: „вотъ самовластья кара"—эти слова выражаютъ весь тайный смыслъ нашей символической драмы. Сила въ такомъ ея обнаруженіи,—хотѣлъ сказать авторъ,—своего назначенія не исполнила; она, несмотря на свой гигантскій размахъ, не внесла никакого порядка въ жизнь, и въ минуту своего крушенія предоставила государство во власть новымъ случайностямъ.

Та же идея власти, но только совсѣмъ въ иномъ проявленіи, обрисована въ драмѣ „Царь Ѳедоръ Іоанновичъ". Носитель этой идеи въ данномъ случаѣ — прямая противоположность деспота-владыки. Источникъ его власти—та же религіозная санкція, и кромѣ того санкція моральная, но безъ поддержки ума и воли, которые были такъ сильны въ Іоаннѣ. У Ѳеодора пониманіе своего назначенія построено исключительно на томъ, что̀ ему подскажетъ его христіанское сердце. Онъ самъ признается въ этомъ очень откровенно. Своему первому совѣтнику онъ говоритъ: „вѣдай ты, какъ знаешь, государство—но когда надо вѣдать сердце человѣка, то здѣсь я больше смыслю. Меня во всѣхъ дѣлахъ сбить съ толку и обмануть не трудно; но когда нужно избрать межъ тѣмъ, что̀ бѣло и что̀ черно, то въ этомъ я не обманусь, и мудрости не нужно тамъ, гдѣ приходится дѣлать по

совѣсти". Вся государственная программа Θеодора сведена къ одному—къ мягкости и прощенію. Враговъ внутреннихъ для него нѣтъ, такъ какъ онъ не желаетъ ихъ видѣть; онъ самъ готовъ взять на себя даже государственное преступленіе Шуйскаго, лишь бы не быть обязаннымъ налагать за это преступленіе кару. Для него не существуетъ ни хитрости, ни дипломатіи. Въ его душѣ,—говоритъ Годуновъ,—открытой недругу и другу, живетъ любовь, и благость, и молитва,—но для чего вся эта благость и вся святость, когда у нихъ нѣтъ никакой иной опоры? И хитрый дипломатъ правъ, какъ государственный человѣкъ, для котораго благополучіе государства—первая задача всякой власти.

И Θеодора тяготитъ эта власть, когда она требуетъ отъ него хотя малѣйшаго напряженія воли. А между тѣмъ онъ отнюдь не индифферентно относится къ своей задачѣ: онъ страдалецъ, минутами пессимистъ-мыслитель въ родѣ Гамлета, у котораго онъ заимствуетъ даже одну фразу. Княжнѣ Мстиславской,— потерявшей жениха, онъ говоритъ: „Да, княжна, да, постригись! уйди, уйди отъ міра! Въ немъ правды нѣтъ! Я отъ него и самъ бы хотѣлъ уйти—мнѣ страшно въ немъ"!

Быть можетъ, и этотъ образъ не соотвѣтствуетъ историческому лицу,— но зато основная трагическая идея получаетъ въ немъ новое освѣщеніе. Самъ авторъ, говоря о трагической винѣ Θеодора, думаетъ, что она заключалась въ исполненіи власти при совершенномъ нравственномъ безсиліи. Вѣрнѣе было бы сказать: при безсиліи воли,—такъ какъ Θеодоръ силенъ все-таки сознаніемъ своей нравственной правоты, а это въ его глазахъ—вмѣстѣ съ религіей—было единственной санкціей его власти. Онъ готовъ отречься отъ своей власти, и если держится за нее, то въ силу сознанія своей обязанности стоять на указанномъ ему Богомъ мѣстѣ. Онъ, какъ и его отецъ, своего рода рыцарь идеи самовластія, но только не воинствующій фанатикъ, а рыцарь кающійся и молящійся. И что же? Вся эта нравственная чистота,—что дала она для тѣхъ людей, надъ которыми, облеченная властью, поставлена? Какъ при царѣ Грозномъ благо государства отступало на задній планъ передъ личностью самого властителя, такъ и при Θеодорѣ, ангельски чистомъ и невинномъ, это благо—главная забота и оправданіе власти—не нашло себѣ осуществленія. Власть печалилась о неустройствѣ государства, но была безсильна сдѣлать что-нибудь для его оздоровленія.

Нужна была другая власть, сильная, энергичная и прогрессивная власть, которая отождествляла бы свою силу съ силой государства, шла бы на встрѣчу назрѣвшимъ требованіямъ минуты,

власть сильная умомъ и волей. А. Толстой изобразилъ намъ носителя такой власти въ царѣ Борисѣ. Ему придалъ онъ всѣ качества, отсутствіе которыхъ привело къ гибели его предшественниковъ, но зато онъ лишилъ эту власть одной изъ главныхъ опоръ—опоры нравственной санкціи. Погрѣшилъ ли А. Толстой противъ исторіи, признавъ въ Борисѣ убійцу и похитителя престола въ прямомъ смыслѣ, это—вопросъ спорный и къ развитію основной трагической идеи не относящійся. Сама идея могла имѣть такое обнаруженіе, и драматургъ былъ правъ.

Уже въ драмѣ „Царь Ѳедоръ" личность Бориса обрисована вполнѣ ясно. Она — самая величественная фигура всей драмы, но пока еще не трагическая. Борисъ — единственный прогрессивный человѣкъ среди стараго московскаго режима. Онъ—врагъ всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ „жизни новой свѣтлое теченіе отвлечь въ старое русло". Онъ готовъ чтить въ своихъ врагахъ гражданскую доблесть, но не прощаетъ имъ того, что они идутъ избитою тропой, и того, что они—рабы преданія. Онъ понимаетъ, что при Ѳедорѣ, подъ сѣнью его пассивной и косной власти, такая традиція старины равносильна общественному застою. И Борисъ жестокъ въ своей борьбѣ съ врагами. Для него нѣтъ недозволенныхъ средствъ при той цѣли, которую онъ себѣ ставитъ. Эта цѣль двоякая: и личная, и государственная. Въ драмѣ „Царь Ѳедоръ" личный интересъ Бориса тѣсно слитъ съ его общественными планами, но затѣмъ, когда Борисъ сталъ царемъ, этотъ личный интересъ просвѣщеннаго властителя отступаетъ совсѣмъ на второй планъ. И тѣмъ не менѣе, эта разумная и сильная власть обречена на гибель. И гибель эта высоко трагична потому, что жертвой ея становится человѣкъ, который во всѣхъ иныхъ смыслахъ, кромѣ нравственнаго, могъ бы по праву быть торжествующимъ героемъ. Властитель рѣдкаго политическаго ума и такта, какимъ онъ является въ знаменитой сценѣ пріема пословъ, царь Борисъ—просвѣщенный и либеральный слуга государства. Онъ побѣдилъ. Никто — думаетъ онъ — не можетъ осудить его теперь за то, что онъ шелъ къ цѣли не прямой дорогой; никто не упрекнетъ его за то, что онъ заплатилъ за величіе Россіи чистотой своей души. Онъ совершилъ грѣхъ не даромъ и можетъ теперь идти стезею чистой; для правды и добра держитъ онъ теперь свой скипетръ — такъ разсуждаетъ онъ, не видя того врага, который долженъ разрушить всѣ его великіе замыслы. А замыслы эти, дѣйствительно, велики, судя по тому реформаторскому духу, какимъ они оживлены. Порядокъ

внутри, порядокъ справедливый, направленный на выгоду всей земли, а не одного какого-нибудь сословія, порядокъ по тѣмъ временамъ даже гуманный, щадящій раба, насколько возможно,— вотъ чтò желалъ осуществить этотъ узурпаторъ престола. Второй его заботой было связать съ Западомъ молодую Россію, которая должна стать рядомъ со своими сосѣдями, а въ будущемъ опередить ихъ. Онъ самъ подаетъ примѣръ такого единенія съ культурнымъ міромъ, онъ, который настолько либераленъ, что отказывается преслѣдовать людей за помыслы, уважаетъ чужую вѣру и въ свою собственную семью готовъ принять иностранца на правахъ сына.

И всѣ эти помыслы и начинанія не приносятъ никакого плода, и государство вновь гибнетъ, отданное во власть смутѣ и случайностямъ, и гибнетъ потому, что во всемъ этомъ величіи власти есть внутренняя ложь—нравственный грѣхъ, лежащій на душѣ властителя. Преступникомъ въ глазахъ народа царь не можетъ быть,—говоритъ Борисъ, начиная сознавать силу врага, который его одолѣваетъ; чистъ и безгрѣшенъ долженъ явиться царь, чтобы не только воля его вершилась безъ препинанія, но чтобы она жила въ послушныхъ сердцахъ, какъ святыня. „Господь караетъ ложь: отъ зла лишь зло родится — все едино: себѣ ли мы служить хотимъ, иль царству",— говоритъ затравленный и умирающій царь, вступившій подъ конецъ жизни, изъ личныхъ и государственныхъ цѣлей, вновь на дорогу пытокъ и казней.

Въ такихъ послѣдовательныхъ обнаруженіяхъ представилъ А. Толстой въ своей „Трилогіи" трагическую идею власти. Сама идея этими тремя формами, конечно, не исчерпана; но тотъ, кто знакомъ съ нашей исторіей, согласится, что изъ всѣхъ идей, управлявшихъ нашей жизнью, эта идея вмѣстѣ съ религіозной, тѣсно съ ней связанной, была до сихъ поръ идеей доминирующей, и, дѣйствительно, воплощалась нерѣдко въ тѣхъ формахъ, какія А. Толстой придалъ ей въ своей исторической хроникѣ. Поэтому-то „Трилогія" А. Толстого и можетъ быть названа нашей первой національной трагедіей, въ которой дѣйствующимъ лицомъ является наша самобытная жизнь, представленная въ формѣ развитія одной изъ главнѣйшихъ идей, руководившихъ этой жизнью. Новый, дальнѣйшій шагъ національной трагедіи уже сдѣланъ во „Власти тьмы" гр. Л. Н. Толстого, и нашъ простой народъ показанъ намъ въ минуту его трагической борьбы съ религіозно-нравственной задачей жизни.

Но пока „Трилогія" А. Толстого остается, какъ національная

трагедія, явленіемъ единичнымъ въ исторіи нашего театра, памятникомъ творческой силы автора, и вмѣстѣ съ тѣмъ памятникомъ его общественной мысли: дѣйствительно, кто же, читая эту трагедію и слѣдя за развитіемъ ея основной идеи, не вспомнитъ о тѣхъ годахъ, когда „Трилогія“ была написана (1865—1870), о годахъ, когда власть вовсе не была деспотична, обладала твердою волей и стремилась направить жизнь въ новое русло, искупая этимъ вовсе не свои личные грѣхи, а грѣхи исторіи...

Н. Котляревскій.

У МОРЯ

МАЯКЪ.

Давно ль морская даль, а съ нею небеса,
Сливаясь, таяли въ лазоревомъ и аломъ?
Но вотъ уже они подернулись опаломъ
И блѣднымъ золотомъ. Заката полоса
Блѣднѣетъ, въ сумракѣ вечернемъ догорая.
Еще мгновеніе—сойдетъ на землю мракъ,
И слабой искрою затеплится маякъ.

Не такъ же ль, медленно и скорбно замирая,
Надежды, мужество—порою гаснутъ въ насъ,
И страшнымъ кажется грядущій темный часъ,
Какъ это темное невѣдомое море,
Гдѣ волны пѣнятся и плещутъ на просторѣ?
Но пусть тяжелый мракъ ползетъ со всѣхъ концовъ—
Свѣтящійся маякъ—отрада для пловцовъ.
Какъ ни грозили бъ имъ, какъ волны бъ ни шумѣли—
Плывя на свѣтъ его, пловцы избѣгнутъ мели,
Презрѣвъ опасности, сомнѣнья разгоня,
И встрѣтятъ пѣснею зарю иного дня.

СТАРОЕ ДЕРЕВО.

Узловатый, искривленный стволъ!
Онъ стоитъ—оголившійся остовъ.
Сколько пятенъ и темныхъ наростовъ!
Исполинъ въ разрушенье пришелъ.

Одряхлѣла краса вѣковая,
Но, печальныя раны скрывая,
Старый стволъ, на подобье плаща,
Обвиваютъ гирлянды плюща.
Гдѣ повѣяло смертью суровой,
Безнадежностью мертвой тоски—
Жизни лучшей, могучей и новой,
Пробиваются смѣло ростки.

НА БЕРЕГУ.

Съ зарей волна казалась изумрудной,
Прибой валовъ гремѣлъ, какъ дальній громъ,
И пѣна бѣлая на прàзелени чудной
Живымъ сверкала серебромъ.

Съ полудня даль спокойно-лучезарна,
Но эта тишь—надолго ли она?
Волна ли, какъ любовь, коварна,
А можетъ быть, любовь кòварна, какъ волна?

У ПУШКИНСКАГО ДОМИКА.

Онъ умеръ, говорятъ. Для чуждыхъ, малодушныхъ,
Лишь голосу молвы подвластныхъ и послушныхъ,
Чье имя—легіонъ, онъ нé жилъ никогда,
И ихъ толпа была ему чужда.

И здѣсь, близъ домика великаго поэта,
Гдѣ вѣетъ памятью священною для всѣхъ—
Звучатъ ихъ голоса, ихъ неумѣстный смѣхъ,
На то, что̀ здѣсь живетъ—въ ихъ сердцѣ нѣтъ отвѣта:
Что̀ арфа чудная бездушнымъ и глухимъ?
И дѣти бѣгаютъ въ тѣни его платана,
Но изъ гуляющихъ никто не скажетъ имъ,
Чѣмъ былъ онъ, и чего народъ лишился съ нимъ,—
Никто не назоветъ поэзіи титана.
И тутъ на деревѣ мы видѣли съ тоской
Слова—начертаны кощунственной рукой,
Безстыдныя слова... И сердце сжалось болью.

А море, какъ въ быломъ, шумѣло здѣсь внизу
И радовалось все весеннему приволью.
И плющъ вокругъ окна обвилъ свою лозу,
И море искрилось отъ края и до края,
На солнцѣ пѣною серебряной играя.
Казалось, что во всемъ поэта духъ разлитъ,
Что онъ у берега въ волнѣ шумящей плещетъ,
Въ полуденныхъ лучахъ сверкаетъ и трепещетъ
И что-то свѣтлое, могучее сулитъ.

ФОНТАНЪ „ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ“.

Жеманный вѣкъ веселья и затѣй,
Вѣкъ пудры, фижмъ и шитаго кафтана—
Какъ живо ты, въ лицѣ двоихъ дѣтей,
Представленъ группой бронзовой фонтана!
Дождь начался, и юный кавалеръ,
Домашнюю предупреждая драму,
Подъ зонтикомъ ведетъ малютку-даму,
Беря съ другихъ вздыхателей примѣръ.
А дѣвочка, надувъ серьезно губки
И подобравъ края́ короткой юбки,
Касается слегка его плеча
Головкою. Съ ихъ зонтика, журча,
Бѣжитъ вода, какъ струйки дождевыя,
Черты дѣтей сіяютъ, какъ живыя,
И кажется: въ лицѣ играетъ кровь,
Блестятъ глаза... О, первая любовь!

А на скамьѣ, отъ группы недалеко,
Два зрителя сидѣли одиноко.
Надъ дамою сѣдою антука
Раскрылъ старикъ, сіянье дня желая
Смягчить для глазъ. И дама пожилая,
Съ улыбкою взглянувъ на старика,
Державшаго надъ нею зонтикъ въ клѣткахъ,
На усъ его, сѣдѣющую бровь,
Со вздохомъ взоръ остановивъ на дѣткахъ,
Задумалась... Послѣдняя любовь!

О. Михайлова.

Гурзуфъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
ВТОРОЙ ИМПЕРІИ

Histoire du Second Empire, par Pierre de La Gorce. Tomes IV et V. Paris, 1899—1901.

II *).

Окончаніе.

Внѣшняя политика Наполеона III существенно отличалась отъ внутренней, хотя имѣла съ нею общіе источники и мотивы. Какъ во внутреннихъ дѣлахъ интересы народа и государства подчинялись заботамъ о могуществѣ и авторитетѣ носителей правительственной власти, такъ и въ международной дипломатіи соображенія о популярности и престижѣ имперіи стояли впереди національныхъ выгодъ и потребностей Франціи. Политическая жизнь страны была какъ бы парализована; внутренніе вопросы сводились къ слухамъ и сплетнямъ относительно высшихъ сановниковъ и министровъ, соперничавшихъ между собою при дворѣ при помощи закулисныхъ интригъ.

„Персиньи, раздраженный своей отставкой,—говоритъ Пьеръ де-Ла-Горсъ, — видѣлъ кругомъ только мелкихъ честолюбцевъ и взяточниковъ, почти измѣнниковъ, и рѣзко нападалъ на чрезмѣрную довѣрчивость императора, который, по его словамъ, слишкомъ легко поддается разнымъ случайнымъ вліяніямъ; съ осо-

*) См. выше: сентябрь, стр. 286.

беннымъ усердіемъ Персиньи преслѣдовалъ министра финансовъ Фульда, а потомъ Руэра. Такая же вражда существовала между Руэромъ и графомъ Валевскимъ. Генералъ Флери, стремившійся къ роли фаворита, подкапывался подъ Руэра, который въ свою очередь стремился къ роли перваго министра. Друэнъ де-Люисъ и де-Ла-Валеттъ относились непріязненно другъ къ другу, хотя большею частью сдерживали свои взаимныя чувства. Простой префектъ по своему званію, но пользовавшійся особымъ положеніемъ и не выносившій надъ собою контроля, устроитель и начальникъ Парижа, Оссманъ ссорился поочередно со всѣми министрами внутреннихъ дѣлъ; онъ также открыто осуждалъ государственнаго министра за недостаточно рѣшительную защиту его распоряженій въ законодательномъ корпусѣ. Путаница увеличивалась неудовольствіемъ тѣхъ, которые, достигнувъ виднаго мѣста, оттѣснялись потомъ на задній планъ. Наиболѣе обиженнымъ считалъ себя бывшій полицейскій префектъ де-Мопа̀: какъ участникъ государственнаго переворота, онъ не сомнѣвался въ томъ, что былъ однимъ изъ основателей императорскаго режима. Удаленный въ сенатъ, онъ пускался въ разсужденія о конституціонномъ правѣ и отыскивалъ въ немъ мотивы для борьбы противъ лицъ, успѣвшихъ добраться до высшихъ ступеней государственнаго управленія. Это безпощадное соперничество проявлялось въ разнообразныхъ закулисныхъ формахъ въ тюльерійскомъ дворцѣ, въ сенатѣ, въ законодательномъ корпусѣ и въ министерствахъ. Слабый, жаждавшій спокойствія, часто больной, монархъ всего менѣе способенъ былъ справиться съ взаимными счетами и интригами окружающихъ. Онъ, впрочемъ, охотно выслушивалъ наговоры и нападки однихъ противъ другихъ, чтобы имѣть возможность поддерживать равновѣсіе въ этой борьбѣ самолюбій".

Отголоски этой непрерывной конкурренціи изъ-за вліянія и почета доходили до публики въ видѣ неясныхъ извѣстій о томъ, что такой-то министръ лишился довѣрія и долженъ будетъ вѣроятно выйти въ отставку, что другому удалось утвердиться, или что появился новый совѣтникъ, съумѣвшій открыть себѣ доступъ къ уму и сердцу повелителя въ ущербъ прежнимъ приближеннымъ. Обыкновенно, всѣ сановники, устраняемые отъ активной служебной дѣятельности, находили убѣжище въ сенатѣ; только въ 1868 году министръ внутреннихъ дѣлъ Пинаръ, при своемъ увольненіи, отказался отъ предложеннаго ему щедро оплачиваемаго знанія сенатора и предпочелъ скромно записаться въ адвокаты въ Парижѣ, и этотъ фактъ, по мнѣнію де-Ла-Горса, свидѣтельствовалъ уже объ упадкѣ вѣры въ будущность имперіи

даже среди ея преданныхъ слугъ. При такихъ условіяхъ внутренняя политика представляла очень мало заманчиваго для Наполеона, и скудость ея содержанія онъ думалъ возмѣстить широкими международными предпріятіями, которыя не только давали больше простора его фантазіи, но и удовлетворяли наклонность французовъ къ чисто-внѣшнимъ успѣхамъ и эффектамъ. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, предъ лицомъ Европы, онъ могъ свободно слѣдовать внушеніямъ своей мечтательной натуры и выступать защитникомъ высшихъ началъ справедливости и гуманности, которыя заглушались или забывались имъ по отношенію къ собственному народу; въ то же время онъ всегда разсчитывалъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, укрѣпить и возвысить династію новыми военными лаврами, завоеваніями и пріобрѣтеніями.

Самымъ фантастическимъ предпріятіемъ Наполеона III была, безъ сомнѣнія, мексиканская экспедиція. Еще въ 1846 году, находясь въ заключеніи въ крѣпости Гамъ, онъ придумалъ проектъ созданія новаго культурнаго государства въ Центральной Америкѣ, въ связи съ сооруженіемъ соединительнаго канала между Великимъ и Атлантическимъ океанами; въ изданной по этому предмету брошюрѣ онъ указывалъ даже мѣсто для прорытія перешейка—въ республикѣ Никарагуа, и подробно изображалъ будущее процвѣтаніе пустынныхъ нынѣ областей, которымъ предстоитъ „провиденціальная роль"—служить однимъ изъ главныхъ путей всемірной торговли, на границѣ между Сѣверною Америкою, принадлежащею англо-саксонской или германской расѣ, и Южною Америкою, населенною народами латинской расы; тамъ возникнетъ „новый Константинополь", подобно древней Византіи, выросшей на границѣ между Европою и Азіею. „Тѣ, которые водворятся въ этомъ пунктѣ земного шара, могутъ положить основаніе американскому равновѣсію, оживляя съ одной стороны ослабѣвшую латинскую расу и сдерживая, съ другой стороны, напоръ англо-саксонской расы". Эта оригинальная идея, явившаяся у Наполеона вѣроятно во время его пребыванія въ Америкѣ въ тридцатыхъ годахъ, возродилась въ новой формѣ, когда правительство второй имперіи впервые встрѣтилось съ вопросомъ о вмѣшательствѣ въ мексиканскія дѣла, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

Въ Мексикѣ происходили жестокія междоусобія, отъ которыхъ сильно страдали торговые интересы иностранныхъ и въ томъ числѣ французскихъ подданныхъ; мѣстныя власти часто позволяли себѣ разныя насилія надъ европейцами, и заступничество дипломатовъ не приводило въ этихъ случаяхъ ни къ ка-

кому результату. Многіе выдающіеся дѣятели и богатые туземные коммерсанты должны были бѣжать за границу; нѣкоторые изъ нихъ поселились въ Парижѣ, гдѣ нашли сочувственный пріемъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ тюльерійскомъ дворцѣ. Въ концѣ 1860 года Бенито Хуарецъ, одержавъ окончательную побѣду надъ своимъ соперникомъ, генераломъ Мирамономъ, сдѣлался единственнымъ законнымъ правителемъ мексиканской республики и своими первыми распоряженіями возбудилъ крайнее неудовольствіе иностранной дипломатіи; между прочимъ, для поправленія государственныхъ финансовъ, онъ наложилъ арестъ на суммы, подлежавшія выдачѣ европейскимъ кредиторамъ. Въ октябрѣ 1861 года подписана была въ Лондонѣ конвенція, заключенная между кабинетами Англіи, Франціи и Испаніи, съ цѣлью охраны ихъ интересовъ въ Мексикѣ при помощи военной экспедиціи; но видимое согласіе державъ нарушалось уже въ первоначальныхъ инструкціяхъ, данныхъ начальникамъ ихъ вооруженныхъ силъ: тогда какъ англичане имѣли въ виду ограничиться занятіемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ портовъ, въ смыслѣ воздѣйствія на мексиканское правительство, французы собирались идти внутрь страны, чтобы въ случаѣ надобности завладѣть столицей и способствовать „перемѣнѣ политическихъ учрежденій". Мѣстный представитель Франціи, Дюбуа де-Салиньи, усердно подготовлялъ почву для осуществленія плановъ, которые пока еще не выражались вполнѣ опредѣленно. Мексиканскіе эмигранты утверждали, что въ странѣ существуетъ вліятельная консервативная партія, которая поднимется въ пользу монархіи при первомъ появленіи европейскихъ войскъ; французское правительство приняло эти увѣренія за безспорные факты и строило на нихъ всѣ свои дальнѣйшіе разсчеты. Въ надеждѣ на общее революціонное движеніе туземныхъ монархистовъ Франція послала въ Мексику лишь незначительный военный отрядъ, который потомъ приходилось постепенно увеличивать присылкою подкрѣпленій; а по мѣрѣ того какъ выяснялись французскія намѣренія, становился все болѣе замѣтнымъ разладъ между союзными державами. Въ апрѣлѣ 1862 года союзъ былъ фактически расторгнутъ, и французы самостоятельно приступили къ военнымъ дѣйствіямъ для низверженія президента Хуареца, при предполагаемомъ участіи могущественной монархической партіи. Но отыскать эту партію не удалось, и до конца она оставалась какимъ-то миѳомъ, отъ котораго упорно не хотѣли отказаться французы.

Послѣ крупныхъ неудачъ и пораженій, экспедиціонный отрядъ былъ доведенъ до состава цѣлаго корпуса и въ іюнѣ 1863 года

вступилъ, наконецъ, въ Мексику; вслѣдъ затѣмъ объявлено было отъ имени мѣстныхъ нотаблей о возстановленіи монархіи и о предложеніи короны брату австрійскаго императора, эрцгерцогу Максимиліану, съ которымъ раньше уже велись переговоры при посредствѣ французской дипломатіи. Главнокомандующимъ назначенъ былъ генералъ Базэнъ, и мысль объ основаніи новой имперіи подъ французскимъ протекторатомъ перешла въ сферу практической политики. Въ октябрѣ 1863 года эрцгерцогъ Максимиліанъ въ своемъ замкѣ Мирамаръ принялъ мексиканскихъ делегатовъ и обѣщалъ имъ „направлять Мексику по пути порядка, свободы и прогресса"; онъ не усомнился въ томъ, что мексиканскій народъ, въ лицѣ самозванныхъ нотаблей, дѣйствительно ввѣрилъ ему свою судьбу, и вполнѣ серьезно взялъ на себя роль императора, полагаясь на поддержку и покровительство Наполеона III. Немногіе представители оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ тщетно указывали на опасности предпринятаго дѣла: французскіе министры были непоколебимы въ своемъ оптимизмѣ, и покорное имъ большинство съ нетерпѣніемъ выслушивало пророческія увѣщанія Тьера. Франція обязывалась держать въ Мексикѣ не менѣе двадцати тысячъ войска до 1867 года, чтобы дать Макимиліану время для организаціи собственной національной арміи; взамѣнъ налагался на новую имперію колоссальный долгъ для покрытія французскихъ расходовъ и убытковъ. Въ маѣ 1864 года злополучный эрцгерцогъ прибылъ къ берегамъ Мексики, и началось трагическое недоразумѣніе, которое при упорствѣ молодого принца должно было неизбѣжно привести къ катастрофѣ. Максимиліанъ твердо держался своего фиктивнаго трона, среди немногихъ приближенныхъ, не смущаясь ни явною враждою своихъ „подданныхъ", ни двусмысленнымъ поведеніемъ своего оффиціальнаго защитника, маршала Базэна. Иллюзія имперіи сохранялась только тамъ, гдѣ стояли французскія войска и небольшіе мѣстные отряды „императора"; значительнѣйшая часть страны признавала по прежнему власть президента Хуареца. Междоусобная война получила весьма щекотливый характеръ, когда Соединенные Штаты, избавившись отъ тяжелаго внутренняго кризиса, высказались рѣшительно противъ Максимиліана и поддерживавшей его Франціи.

Пьеръ де-Ла-Горсъ обстоятельно излагаетъ всѣ подробности печальныхъ мексиканскихъ событій, но не находитъ ошибки въ самомъ проектѣ Наполеона III. „Недовольный, разстроенный неудачами,—говоритъ онъ,—императоръ обвинялъ иногда маршала Базэна и большею частью осуждалъ Максимиліана, объ умѣ и энергіи котораго составилъ себѣ преувеличенное мнѣніе. Оба

императора считали себя взаимно великими людьми; ошибка была двойная, и оба признавали ее одновременно. Послѣдствіемъ этихъ разочарованій было странное чувство утомленія, крайнее нежеланіе говорить о чемъ бы то ни было, относящемся къ Мексикѣ. Великая идея царствованія, какъ выражались прежде, превратилась въ тягостное неудобство. Въ этомъ Наполеонъ былъ несправедливъ къ своимъ собственнымъ планамъ: мысль ничего не потеряла въ своемъ величіи; только для удачнаго выполненія ея требовались другія обстоятельства, другія средства, другого рода выдержка и постоянство, и особенно другія орудія, начиная съ самого императора французовъ". Въ обществѣ усиливались нареканія на правительство по поводу безплодно принесенныхъ жертвъ и затраченныхъ милліоновъ. Въ январѣ 1866 года, при открытіи палатъ, Наполеонъ возвѣстилъ свое рѣшеніе очистить Мексику къ назначенному сроку. Максиміліану предоставлялось на волю—или оставаться въ странѣ, или удалиться подъ прикрытіемъ французскихъ войскъ, послѣ того какъ организовано будетъ новое правительство, съ избраніемъ президента республики. Максиміліанъ предпочелъ остаться, не теряя надежды удержать за собою свой эфемерный тронъ; его супруга, императрица Шарлотта, уѣхала въ Европу, чтобы лично добиться согласія Наполеона на дальнѣйшую военную помощь. Эта послѣдняя попытка совпала съ событіями, вынуждавшими Францію бросить всякую заботу о Мексикѣ: Австрія была побѣждена Пруссіею, и французское правительство должно было сосредоточивать свои силы для предстоявшей борьбы за гегемонію въ Европѣ. Въ августѣ 1866 года императрица Шарлотта имѣла аудіенцію у Наполеона, хлопотала передъ министрами, но напрасно,—дѣло было безвозвратно проиграно. Въ сентябрѣ, находясь въ Римѣ для переговоровъ съ папою, несчастная императрица въ самомъ зданіи Ватикана подверглась припадку умственнаго разстройства, которое вскорѣ сдѣлалось хроническимъ. Максиміліанъ не поколебался, однако, въ своей idée fixe: онъ по прежнему былъ убѣжденъ, что долгъ чести не позволяетъ ему отречься отъ мнимой власти надъ страною, которая не желала имѣть его своимъ повелителемъ. Съ непонятнымъ ослѣпленіемъ онъ разошелся съ Базэномъ и ждалъ удаленія французскихъ войскъ, чтобы на собственный страхъ продолжать военныя дѣйствія противъ возроставшей народной арміи, предводимой президентомъ Хуарецомъ. Въ маѣ 1867 года, осажденный съ небольшимъ отрядомъ въ Керетаро, онъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми приближенными. Назначенъ былъ военный судъ надъ „Фердинан-

домъ-Максимиліаномъ Габсбургскимъ, именующимъ себя императоромъ Мексики". Законы, на основаніи которыхъ онъ былъ преданъ суду, предвѣщали смертную казнь. Представители великихъ державъ, и во главѣ ихъ прусскій посланникъ, баронъ Магнусъ, обратились къ Хуарецу съ настойчивою просьбою отпустить эрцгерцога или по крайней мѣрѣ подвергнуть его другому суду, не военному; президентъ отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, ссылаясь на интересы правосудія и государственной безопасности. „Справедливо ли будетъ,—говорили дипломатамъ министры Хуареца,—преслѣдовать возставшихъ мексиканцевъ и оставить безнаказаннымъ главнаго виновника, бывшаго вождемъ возстанія"? Максимиліанъ и его сообщники, генералы Мирамонъ и Мехія, были единогласно приговорены судомъ къ смерти. Дипломаты умоляли президента о помилованіи, но получили тотъ же отрицательный отвѣтъ; защитники осужденныхъ лично отправились въ резиденцію Хуареца и ночью добились у него аудіенціи;—Хуарецъ спокойно объяснилъ имъ, что мѣры строгости необходимы для спасенія республики и для устрашенія ея враговъ, и что послѣ наказанія главныхъ виновныхъ легче будетъ проявлять милосердіе по отношенію къ остальнымъ. Казнь состоялась 19 іюня 1867 года; тѣло Максимиліана было выдано австрійскимъ делегатамъ только въ концѣ того же года, послѣ формальнаго о томъ ходатайства вѣнскаго кабинета.

Извѣстіе о кровавомъ концѣ мексиканской имперіи пришло въ Парижъ во время увеселеній и празднествъ всемірной выставки. Въ законодательномъ корпусѣ, 9 іюля, Тьеръ напомнилъ, что въ Мексикѣ погибло болѣе шести тысячъ французскихъ солдатъ и потеряно до шестисотъ милліоновъ франковъ: „сдѣланный опытъ приводитъ только къ одному заключенію,—что долженъ быть установленъ болѣе дѣятельный контроль, при которомъ немыслимо было бы повтореніе подобныхъ произвольныхъ и разорительныхъ предпріятій". Въ сущности мексиканская экспедиція была типическимъ образцомъ внѣшней политики бонапартовской Франціи: безотчетное стремленіе къ грандіознымъ замысламъ, систематическое невѣжество относительно чужихъ странъ и народовъ, къ которымъ эти замыслы относятся, и легкомысленная увѣренность въ неотразимомъ превосходствѣ французскихъ военныхъ силъ и способовъ дѣйствія—соединяются здѣсь съ темными финансовыми разсчетами и съ полною беззаботностью насчетъ реальныхъ политическихъ интересовъ собственной націи. Основаніе новой имперіи въ Центральной Америкѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Соединенными Шта-

тами, было чистѣйшею фантазіею; но фантазіею было и многое изъ того, что удавалось Наполеону III и что до сихъ поръ превозносится его историками. Крымская война была столь же мало нужна Франціи, какъ и завоеваніе Мексики. Смѣсь мечтательности съ жаждою первенства характеризуетъ вообще дипломатію второй имперіи; у нея не было ни точно опредѣленныхъ, сознательныхъ цѣлей, ни трезваго пониманія общаго международнаго положенія. Въ 1863 году, при самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ европейской политики, Наполеонъ выступилъ съ проектомъ созыва международнаго конгресса для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ, какъ бы упуская изъ виду, что въ основѣ каждаго изъ нихъ лежитъ непримиримый антагонизмъ интересовъ,—и онъ долженъ былъ по этому предмету выслушать отъ Англіи цѣлую дипломатическую лекцію, противъ которой ничего нельзя было возразить. Безпочвенныя бонапартовскія мечтанія легко вырождались въ порывы мелочного династическаго своекорыстія, и эта послѣдняя черта доходила до какой-то болѣзненности въ періодъ неожиданнаго возвышенія Пруссіи. Бисмаркъ первый разгадалъ Наполеона III и смѣло воспользовался своимъ открытіемъ для прусско-германскихъ политическихъ цѣлей; онъ убѣдился, что императоръ французовъ не уменъ, или что „умъ у него слабѣе сердца“, по мягкому выраженію германскаго канцлера въ его воспоминаніяхъ. Недостатокъ яснаго ума, замѣченный когда-то Тьеромъ, не помѣшалъ—и быть можетъ, напротивъ, помогъ Луи-Наполеону достигнуть власти во Франціи, а сдѣлавшись императоромъ, ему не трудно было уже пріобрѣсть въ Европѣ репутацію политическаго мудреца и оракула. Каждое слово его или даже молчаніе могло имѣть важныя практическія послѣдствія, и потому принимало видъ необыкновеннаго глубокомыслія. Иллюзія продолжалась до тѣхъ поръ, пока различныя неудачи не разоблачили дѣйствительной скудости идей и стремленій французскаго повелителя, и никто въ такой мѣрѣ не способствовалъ этому разоблаченію, какъ Бисмаркъ.

Въ изложеніи Пьера де-Ла-Горса Бисмаркъ является лукавымъ искусителемъ Наполеона III, сознательно направлявшимъ его мысли въ сторону рискованныхъ территоріальныхъ проектовъ, чтобы сначала усыпить его соперничество, а потомъ нанести ему заранѣе задуманный ударъ. Въ концѣ 1863 года, послѣ конференцій въ Копенгагенѣ, прусскій министръ-президентъ велъ секретныя бесѣды съ прибывшимъ въ Берлинъ довѣреннымъ лицомъ французскаго императора, генераломъ Флери. Бисмаркъ говорилъ о конгрессѣ, о польскомъ возстаніи, о не-

возможности для Пруссіи допускать обсужденіе вопроса о Познани, и затѣмъ прибавилъ: „я скорѣе уступилъ бы наши рейнскія провинціи, чѣмъ Познань“. Флери тотчасъ же телеграфировалъ въ Парижъ: „слово о рейнскихъ провинціяхъ было сказано,—надо ли настаивать“? Наполеонъ отвѣчалъ: „не говорите о Рейнѣ и успокойте насчетъ Познани“,—и въ той же депешѣ высказался отчасти въ пользу Пруссіи въ ея конфликтѣ съ Даніею. Намекъ на рейнскія провинціи побудилъ его коснуться и вопроса о прусской гегемоніи въ Германіи; онъ ничего не имѣлъ противъ преобразованія германскаго союза въ этомъ смыслѣ, если Пруссія будетъ дѣйствовать по соглашенію съ Франціею. Недовольный лондонскимъ кабинетомъ, отклонившимъ его планъ конгресса и заступавшимся энергически за Данію, онъ далъ себя увлечь перспективою будущаго выгоднаго союза съ Берлиномъ. Бисмаркъ поддерживалъ его въ этихъ предположеніяхъ и надеждахъ, въ то время какъ прусскія и австрійскія войска распоряжались въ Шлезвигъ-Голштиніи и переходили въ предѣлы датской территоріи. Пьеръ де-Ла-Горсъ предполагаетъ, что Франція обязана была тогда поднять свой голосъ противъ вопіющаго насилія по отношенію къ маленькой Даніи и могла бы своевременнымъ протестомъ измѣнить ходъ событій, оградивъ господство права въ будущемъ. Французскіе патріоты вообще увѣрены, что право войны незаконно, когда оно примѣняется другими державами, кромѣ Франціи, и что употребленіе грубой силы въ международныхъ спорахъ впервые введено въ практику Пруссіею и ея жестокимъ канцлеромъ. И тотъ же авторъ, которому кажется вполнѣ естественнымъ французское нападеніе на Мексику, возмущается военными дѣйствіями пруссаковъ и навязываетъ Наполеону III роль какого-то охранителя права и справедливости въ Европѣ,—Наполеону III, завоевавшему свое положеніе насильственнымъ переворотомъ и считавшему себя наслѣдникомъ величайшаго военнаго дѣятеля новыхъ временъ! Авторъ наивно сожалѣетъ о томъ, что императоръ французовъ не взялъ на себя этой благодѣтельной роли въ нужный моментъ и позволилъ Пруссіи возвѣстить новый, будто бы, принципъ первенства силы передъ правомъ. „Богъ не далъ этой предусмотрительности нашему монарху,—говоритъ онъ,—и напротивъ, затемнилъ его взоръ неясными образами, порожденными воображеніемъ. Фатальная идея соблазняла его—идея о союзѣ съ тѣми, которыхъ слѣдовало обуздать. Прусскіе правители осыпали французскихъ дипломатовъ комплиментами, и эти любезности имѣютъ въ себѣ нѣчто ужасное. Европа была наружно спокойна, миръ

еще сохранялся, но это былъ миръ непрочный, не имѣвшій ничего общаго съ порядкомъ. Одинъ только торжествуетъ—Бисмаркъ. Онъ положилъ руку на сердце Франціи и считалъ его замедленныя біенія. Онъ взвѣсилъ бездѣйствіе Англіи, держитъ Россію воспоминаніями о Польшѣ и влечетъ за собою бѣдную Австрію"...

Очевидно, предусмотрительность Наполеона заключалась бы не въ защитѣ права и справедливости,—что было ему совсѣмъ не къ лицу,—а въ болѣе достойномъ, независимомъ отношеніи къ тѣмъ обманчивымъ обѣщаніямъ, которыми постоянно подкупалъ его Бисмаркъ. Эти косвенныя обѣщанія вырывались какъ бы нечаянно, въ пылу откровенности, и были спеціально разсчитаны на слабость противника къ незаконнымъ пріобрѣтеніямъ. Въ августѣ 1864 года, прусскій министръ-президентъ, въ разговорѣ съ герцогомъ Грамономъ, передалъ ему содержаніе своей бесѣды съ британскимъ посланникомъ, разсуждавшимъ о вѣроятномъ сближеніи съ Франціею для совмѣстныхъ дипломатическихъ дѣйствій противъ Пруссіи. „Что можете вы предложить Наполеону?—говорилъ онъ представителю Англіи:—Развѣ только позволеніе вести разорительную и ожесточенную войну, чтобы отнять у насъ рейнскія провинціи. Но тотъ, кто владѣетъ рейнскими провинціями, можетъ отдать ихъ Франціи. Когда настанетъ время, мы можемъ вѣрнѣе кого бы то ни было сойтись съ французами, давъ имъ не обѣщаніе, но залогъ вознагражденія за содѣйствіе". И опять французскій дипломатъ телеграфируетъ въ Парижъ о необычайно важномъ намекѣ, и это сообщеніе доставляетъ обычное удовольствіе императору. Въ октябрѣ 1865 года Бисмаркъ провелъ нѣсколько дней въ Біаррицѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе и Наполеонъ; тамъ прусскій министръ [1]) раскрывалъ свои смѣлые планы и доказывалъ пользу обоюдной дружбы, при которой увеличенное могущество Пруссіи было бы выгодно и для Франціи. Императоръ благосклонно внималъ разнообразнымъ доводамъ Бисмарка и высказывалъ ему свое сочувствіе и одобреніе. Позднѣе онъ способствовалъ заключенію союза между Италіею и Пруссіею противъ Австріи, и такимъ образомъ ускорилъ начало войны, которая, по его предположенію, должна была дать ему случай вмѣшаться и получить извѣстную долю добычи. Въ разговорахъ съ прусскимъ посланникомъ, фонъ-Гольцемъ, онъ не разъ возвращался къ во-

---

[1]) Бисмаркъ тогда не былъ еще канцлеромъ, какъ ошибочно называетъ его Пьеръ де-Ла-Горсъ въ разсказѣ о переговорахъ въ Біаррицѣ (т. IV, стр. 561).

просу о вознагражденіи за сочувственный нейтралитетъ, обсуждалъ различныя возможныя комбинаціи, но не рѣшался точно опредѣлить предметъ желательной уступки въ пользу Франціи. Только однажды, въ маѣ 1866 года, Наполеонъ, сообщивъ Гольцу о сдѣланныхъ Австріею предложеніяхъ, сказалъ послѣ нѣкотораго молчанія: „взоры моей страны обращены къ берегамъ Рейна". Онъ не спѣшилъ заручиться какимъ-нибудь положительнымъ обязательствомъ, желая сохранить свободу дѣйствій на случай, если австро-прусская борьба затянется и не приведетъ къ рѣшенію спора; въ то же время онъ склонялся къ попыткамъ предупрежденія грознаго взрыва, и съ этою цѣлью вновь обратился къ державамъ съ своимъ любимымъ проектомъ европейскаго конгресса,—но опять безъ успѣха, такъ какъ ограничительныя условія, поставленныя Австріею, не могли быть приняты другими кабинетами. Передъ выступленіемъ въ походъ, Бисмаркъ, обезпокоенный насчетъ намѣреній Наполеона, въ послѣдній разъ допытывался у его посланника Бенедетти, какая „компенсація" потребуется для Франціи, и съ своей стороны выразилъ готовность уговорить короля отдать область верхняго Мозеля вмѣстѣ съ Люксенбургомъ. Въ этотъ моментъ Франція еще могла обезпечить себѣ территоріальное расширеніе; но моментъ былъ пропущенъ въ надеждѣ на то, что ходъ войны позволитъ Наполеону сдѣлать болѣе значительный захватъ, въ качествѣ вершителя судебъ или примирителя обѣихъ германскихъ державъ.

Между тѣмъ военный разгромъ Австріи совершился съ небывалой быстротою: черезъ десять дней послѣ перехода австрійской границы, 3-го іюля, пруссаки одержали рѣшительную побѣду при Садовой. Французскія услуги были уже ненужны, и требовать за нихъ платы отъ побѣдителей было бы слишкомъ наивно; однако эту наивность обнаружилъ Наполеонъ. Предварительныя условія мира не были еще подписаны въ Никольсбургѣ, когда тамъ получена была депеша, напоминавшая объ „умѣстности и справедливости компенсаціи" путемъ соотвѣтственнаго увеличенія французской территоріи. Нѣкоторое время спустя, присланъ былъ въ Берлинъ проектъ секретнаго договора, въ которомъ впервые точно изложены оффиціальныя требованія Франціи. Дѣло шло объ уступкѣ лѣваго берега Рейна, со включеніемъ Майнца. Французскій посланникъ Бенедетти сообщилъ копію проекта Бисмарку вмѣстѣ съ своимъ письмомъ и на слѣдующій день явился для переговоровъ. Прусскій отвѣтъ можно было предвидѣть заранѣе. Берлинъ готовился тогда къ торже-

ственной встрѣчѣ своего побѣдоносаго короля; радостное національное возбужденіе охватило Пруссію и Германію, и въ такую минуту было совершенно нелѣпо думать о добровольной отдачѣ части прусскихъ земель Наполеону III. „Не дѣлайте себѣ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій,—сказалъ Бисмаркъ французскому дипломату:—если вы будете настаивать на своихъ требованіяхъ, мы тотчасъ же и во что бы то ни стало устроимъ окончательный миръ съ Австріею и направимъ всѣ свои силы къ Рейну. Не сомнѣвайтесь въ этомъ и поторопитесь объяснить всю правду императору". Бенедетти заговорилъ о необходимости сохранить престижъ династіи,—какъ будто династическіе интересы Бонапартовъ должны были озабочивать прусскаго министра; Бисмаркъ отвѣчалъ, что династія гораздо больше рискуетъ въ случаѣ войны, чѣмъ при сохраненіи мира. Копія секретнаго проекта, легкомысленно оставленная въ рукахъ Бисмарка, послужила для него важнымъ документомъ, который помогъ ему добиться скорѣйшаго заключенія военныхъ конвенцій съ южно-германскими государствами и возбудить недовѣріе къ Франціи въ Петербургѣ.

Наполеонъ III не понялъ урока, даннаго ему въ Берлинѣ, и возобновилъ свою попытку въ другой, еще худшей формѣ. Онъ поручилъ своему представителю потребовать прирѣзки пограничной полосы, съ городами Саарбрюкеномъ, Саарлуи и Ландау, и, въ случаѣ отказа, представить проектъ союзнаго соглашенія, которое уполномочивало бы Францію присоединить Люксенбургъ и завоевать Бельгію при содѣйствіи Пруссіи. Король прусскій долженъ былъ „оказать Франціи поддержку всѣми своими сухопутными и морскими силами противъ всякой державы, которая объявила бы ей войну по поводу занятія Бельгіи". Предлагая Пруссіи заключить такое обязательство, Франція взамѣнъ обязывалась признать всѣ новѣйшія прусскія завоеванія и допустить присоединеніе южно-нѣмецкихъ государствъ къ сѣверогерманскому союзу, т.-е. признать и допустить то, что̀ уже въ сущности не нуждалось въ дозволеніи Франціи. Бисмаркъ вторично отвергъ всякую мысль объ уступкѣ нѣмецкихъ земель, но не возражалъ прямо противъ французскихъ мечтаній относительно чужихъ территорій; онъ пустился даже въ обсужденіе отдѣльныхъ статей проекта, и по его указаніямъ посланникъ Бенедетти дѣлалъ въ нихъ редакціонныя поправки, послѣ чего переписалъ весь текстъ собственноручно и передалъ его прусскому министру-президенту, для представленія королю. Это было въ августѣ 1866 года, когда дѣло германскаго объединенія подъ главенствомъ Пруссіи находилось еще въ періодѣ созиданія.

Представитель Франціи на этотъ разъ снабдилъ противника документомъ, оглашеніе котораго возмутило бы противъ нея общественное мнѣніе всей Европы, и Бисмаркъ опять имѣлъ въ рукахъ весьма цѣнное оружіе, которымъ могъ воспользоваться въ случаѣ надобности. По объясненію Пьера де-Ла-Горса, французская дипломатія поступала столь довѣрчиво лишь въ силу присущей ей необыкновенной предупредительности и любезности въ сношеніяхъ съ дружескими кабинетами; но, кромѣ любезности, здѣсь было и нѣчто другое, близкое къ глупости и къ беззастѣнчивому цинизму. Бисмаркъ дѣйствовалъ, будто бы, на основаніи того правила Фридриха Великаго, что всегда полезно „заручиться чѣмъ-нибудь написаннымъ"; но для этого нужно было, чтобы ему добровольно давали что-нибудь написанное и, притомъ, чтобы это написанное было постыдно или неудобно для написавшихъ.

Планъ хищническаго насильственнаго захвата мирной нейтральной страны, въ центрѣ западной Европы, выработался и созрѣлъ въ умѣ Наполеона III—какъ увѣряетъ авторъ—исключительно подъ вліяніемъ внушеній Бисмарка. „Извиненіемъ, единственнымъ извиненіемъ для императора французовъ было это воздѣйствіе прусскаго министра. Комбинація была въ концѣ концовъ предложена Франціею, но послѣ столь многочисленныхъ и настойчивыхъ внушеній Пруссіи, что на нее же падаетъ главная отвѣтственность". Во всемъ виноватъ коварный Бисмаркъ; онъ отклонилъ стараго повелителя Франціи отъ пути добродѣтели и заставилъ его выступать съ проектами откровеннаго международнаго грабительства, которые самъ же затѣмъ категорически отвергалъ. Стараясь оправдать Наполеона, Пьеръ де-Ла-Горсъ невольно доходитъ до предположенія, что французскій монархъ неспособенъ былъ самостоятельно обдумывать свои дѣйствія, взвѣшивать ихъ возможные результаты и отвѣчать вообще за свои намѣренія и проекты; но и тогда остается непонятнымъ, почему за него долженъ считаться отвѣтственнымъ иностранный министръ, не состоявшій вовсе въ числѣ его совѣтниковъ и фаворитовъ. Условія франко-прусскаго союза, предложенныя Франціею, были сами по себѣ таковы, что ихъ могъ сочинить только человѣкъ, ни предъ кѣмъ не отвѣтственный, привыкшій руководствоваться лишь внушеніями своей фантазіи и ставить себя внѣ и выше не только предписаній общественной совѣсти, но и соображеній простого здраваго смысла. Такъ какъ Пруссія не имѣла ни малѣйшаго повода отдавать Франціи свои военныя силы для обезпеченія ея будущаго владычества надъ Бельгіею,

то проектъ секретнаго договора не удостоился даже серьезнаго обсужденія въ Берлинѣ, и разговоры Бисмарка съ французскимъ посланникомъ все более принимали оттѣнокъ скрытой ироніи.

Разочарованный въ своихъ надеждахъ, Наполеонъ III на время примирился съ „совершившимися фактами" и пытался въ особомъ дипломатическомъ циркулярѣ объяснить тѣ возвышенные принципы, которымъ онъ, будто бы, слѣдовалъ по отношенію къ національнымъ движеніямъ Италіи и Германіи; но онъ чувствовалъ упадокъ своего личнаго авторитета, въ виду испытанныхъ неудачъ, и не относился уже съ прежнимъ спокойствіемъ къ молчаливому общественному мнѣнію страны. Принудительное молчаніе печати казалось ему враждебнымъ или угрожающимъ; повсюду ему слышалось недовольство, ожидавшее только случая, чтобы прорваться наружу. Онъ все еще вѣрилъ, что можетъ поправить свое положеніе при помощи какой-нибудь искусственной политической комбинаціи, способной удовлетворить національное самолюбіе французовъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Франціею нашлась небольшая область, не имѣющая могущественныхъ покровителей, какъ Бельгія, и представляющая не менѣе интересную добычу, чѣмъ Савойя,—великое герцогство Люксенбургское. Будучи номинально отдѣльнымъ независимымъ государствомъ, Люксенбургъ связанъ былъ личной уніею съ Нидерландами и входилъ въ составъ стараго германскаго союза; главный городъ того же имени имѣлъ значеніе союзной германской крѣпости и въ этомъ качествѣ занятъ былъ прусскимъ гарнизономъ. События 1866 года, уничтоживъ прежнюю германскую федерацію, оставили Люксенбургъ внѣ новаго устройства Германіи, и судьба великаго герцогства зависѣла уже только отъ короля нидерландскаго. Голландское правительство, встревоженное военными успѣхами Пруссіи, вздумало искать защиты и поддержки у Наполеона III, на случай какихъ-нибудь прусско-германскихъ посягательствъ; въ февралѣ 1867 года оно обратилось къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу де-Мутье, съ конфиденціальнымъ запросомъ о томъ, какъ поступитъ Франція, если Нидерланды подвергнутся нападенію Германіи. Голландскіе дипломаты, очевидно, принимали за чистую монету громкія слова французскихъ государственныхъ дѣятелей о свободѣ и правахъ чужихъ національностей; поэтому они были крайне озадачены и испуганы, когда получили замысловатый дипломатическій отвѣтъ Франціи. Въ депешѣ къ французскому представителю въ Гаагѣ, маркизъ де-Мутье объяснилъ, что главная опасность для Голландіи заключается въ великомъ герцог-

ствѣ Люксенбургскомъ, включенномъ актами вѣнскаго конгресса въ германскій союзъ; присутствіе прусскаго гарнизона въ люксенбургской крѣпости создаетъ извѣстныя точки соприкосновенія съ честолюбивымъ сосѣднимъ государствомъ и ставитъ великаго герцога, короля нидерландскаго, въ щекотливое положеніе; отсюда возможенъ одинъ только благопріятный выходъ—присоединеніе великаго герцогства къ французской имперіи. Голландія боялась будущихъ завоевательныхъ намѣреній Пруссіи и неожиданно наткнулась на весьма реальные хищные замыслы Франціи. Французскій министръ предлагалъ вступить въ непосредственные переговоры съ берлинскимъ кабинетомъ по вопросу объ очищеніи люксенбургской крѣпости отъ прусскихъ войскъ. „Прусское правительство, стремящееся поддерживать болѣе тѣсныя отношенія съ Франціею,—писалъ де-Мутье,—не станетъ, вопреки всякому праву, сохранять внѣ своихъ границъ и такъ близко отъ насъ гарнизонъ, безполезный въ смыслѣ естественной защиты Пруссіи и въ то же время имѣющій характеръ наступательный преимущественно по отношенію къ намъ. Можно даже допустить, что, принимая безъ протеста фактъ присоединенія великаго герцогства къ Франціи, берлинскій кабинетъ считалъ бы свою благосклонность дѣломъ искусной политики и охотно предоставилъ бы намъ воспользоваться нравственнымъ и матеріальнымъ удовлетвореніемъ, которое, тѣснѣе сблизивъ обѣ націи, упрочило бы миръ въ Европѣ“. Нѣтъ недостатка въ хорошихъ фразахъ для прикрытія жалкой основной мысли; не только Пруссія должна быть довольна присоединеніемъ Люксенбурга къ Франціи, но и Европа выиграетъ отъ этого, и всеобщій миръ утвердится, и самъ великій герцогъ избавится отъ лишней обузы. Этимъ актомъ, т.-е. отдачей Люксенбурга подъ власть французовъ, король-великій герцогъ, какъ увѣрялъ де-Мутье, доставитъ удовольствіе своимъ голландскимъ подданнымъ, вполнѣ сознающимъ опасность дуализма, и сдѣлаетъ пріятное люксенбургцамъ, вовсе не желающимъ быть поглощенными Германіею. Назначенъ будетъ плебисцитъ, для того, чтобы вопросъ разрѣшился согласно волѣ населенія. Франція брала на себя устраненіе всѣхъ препятствій, какія могли возникнуть въ Берлинѣ.

Дѣло сразу начато было съ тѣмъ же легкомысленнымъ апломбомъ, съ какимъ предпринимались прежнія попытки этого рода. Въ Люксенбургъ посланъ былъ французскій чиновникъ съ цѣлью узнать настроеніе жителей и оживить ихъ симпатіи къ Франціи. Нидерландское правительство протестовало противъ подобнаго

вмѣшательства въ свои дѣла; въ Парижѣ поспѣшили отречься отъ посланнаго чиновника: онъ поѣхалъ въ Люксенбургъ по своимъ семейнымъ дѣламъ, и, быть можетъ, въ дорогѣ собиралъ разныя свѣдѣнія, но политическихъ полномочій не имѣлъ. „Естественно,—говорилъ французскій министръ,—что люксенбургцы хотятъ сохранить свою автономію подъ властью Оранскаго дома; но, при неизбѣжности перемѣны, народное предпочтеніе будетъ всецѣло отдано Франціи. Императоръ сильно желаетъ присоединенія, которое сдѣлалось для него необходимымъ послѣ недавнихъ событій; въ вознагражденіе за уступку, онъ обезпечитъ Голландію отъ всякаго посягательства со стороны Пруссіи. Если же Франціи будетъ отказано въ этомъ удовлетвореніи, то возбужденіе народа дойдетъ до войны, а война по всѣмъ признакамъ окончится на счетъ малыхъ государствъ, такъ что король-великій герцогъ можетъ потерять при этомъ одновременно и Лимбургъ, и Люксенбургъ". Нидерландскій король на первыхъ порахъ отклонилъ всякіе секретные переговоры, безъ участія Пруссіи, но поддался соблазну денежныхъ обѣщаній, въ виду разстройства своихъ финансовъ, и согласился продать великое герцогство Наполеону; обѣ стороны обмѣнялись заявленіями въ этомъ смыслѣ, и предстояло только подписать актъ уступки. Прежде чѣмъ выразить свое формальное согласіе, король счелъ долгомъ заручиться одобреніемъ Берлина и сообщилъ всѣ подробности дѣла представителю Пруссіи; секретное предпріятіе Наполеона перешло тогда на почву оффиціальной политики и подняло цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ совершенно забыла французская дипломатія. Положеніе Люксенбурга опредѣлялось международною конвенціею 1839 года, и оно могло быть измѣнено только при участіи державъ, подписавшихъ эту конвенцію; достигнуть же общаго соглашенія было далеко не такъ легко, какъ представлялось это тюльерійскому двору. Сдѣлка съ Нидерландами предполагала удаленіе прусскаго гарнизона изъ люксенбургской крѣпости; но условливаться объ этомъ помимо Пруссіи, полагаясь лишь на вѣроятное согласіе Бисмарка, было болѣе чѣмъ странно. Въ прусскихъ военныхъ кругахъ были крайне раздражены безцеремонностью, съ какою Наполеонъ III рѣшалъ судьбу прусскаго гарнизона въ Люксенбургѣ безъ предварительнаго формальнаго соглашенія съ прусскимъ правительствомъ; кромѣ дипломатіи, здѣсь имѣла голосъ и военная власть, которая могла и разойтись во взглядахъ съ канцлеромъ. Самый способъ уступки Люксенбурга за деньги, предназначенныя въ личную пользу великаго герцога, противорѣчилъ современнымъ условіямъ междуна-

роднаго права, и предположенное народное голосованіе заранѣе превращалось въ пустой и лживый обрядъ. Сдѣлка принадлежала вообще къ числу тѣхъ, которыя не выносятъ свѣта и уничтожаются сами собою при гласномъ обсужденіи; и въ то же время она требовала непремѣннаго участія постороннихъ державъ и, слѣдовательно, не могла избѣгнуть ни огласки, ни критики. Сдѣлать пріобрѣтеніе Люксенбурга „совершившимся фактомъ", путемъ секретнаго договора съ Нидерландами, немыслимо было уже потому, что это пріобрѣтеніе могло осуществиться только съ уходомъ прусскихъ войскъ, надъ которыми нидерландское правительство не имѣло никакой власти. Люксенбургскій вопросъ горячо обсуждался въ нѣмецкой печати, вызвалъ патріотическія рѣчи въ сѣверо-германскомъ сеймѣ и настолько возстановилъ противъ Франціи общественное мнѣніе Германіи, что объ уступкѣ нельзя было и думать; съ своей стороны, нидерландское правительство, убѣдившись, что французскій проектъ не одобряется другими державами, взяло назадъ свое согласіе и оффиціально мотивировало свой отказъ тѣмъ соображеніемъ, что Франція не исполнила своего обязательства подготовить соглашеніе съ Берлиномъ.

Добыча ускользнула изъ рукъ Наполеона III;—„даже эта скудная добыча,—какъ выражается Пьеръ де-Ла Горсъ,—показалась слишкомъ крупною для Франціи", что̀ ясно свидѣтельствовало объ ея постепенномъ униженіи. Французскій авторъ видитъ прискорбное, несправедливое униженіе въ невозможности для Франціи пріобрѣсть въ мирное время какую-то ничтожную чужую область, съ населеніемъ въ двѣсти тысячъ человѣкъ; и этотъ же авторъ находитъ, что Франція призвана охранять идеи права въ Европѣ и заступаться за слабыхъ противъ сильныхъ, и что во имя этой высокой миссіи она обязана была остановить первыя насилія Пруссіи по отношенію къ маленькой Даніи. Не получивъ Люксенбурга, вопреки намекамъ и косвеннымъ обѣщаніямъ Бисмарка, Наполеонъ III, по мнѣнію Пьера де-Ла-Горса, имѣлъ право считать себя жертвою мистификаціи или ловушки,—хотя никакой Бисмаркъ не въ силахъ былъ бы исполнить то, что̀ не допускалось единодушнымъ голосомъ германской націи и ея сознательными интересами, нравственными и политическими. Наполеонъ III былъ органически неспособенъ понимать мотивы и интересы нравственнаго порядка, и оттого онъ такъ часто обманывался въ своихъ чисто-внѣшнихъ комбинаціяхъ и разсчетахъ. Если же современные французскіе патріоты, въ родѣ Пьера де-Ла-Горса, не могутъ отрѣшиться отъ международныхъ взгля-

довъ и мечтаній второй имперіи, то это явленіе представляетъ мало утѣшительнаго для Франціи.

Пьеръ де-Ла-Горсъ восхваляетъ французскую дипломатію за ея искусное отступленіе въ люксенбургскомъ вопросѣ. Несмотря на шумъ, поднятый въ Германіи, „парижскій кабинетъ съумѣлъ до конца сохранить самообладаніе, сдерживая свои самыя законныя требованія и соблюдая всѣ правила благоразумія“. Министръ иностранныхъ дѣлъ заявлялъ, что Франція не стремится къ завоеваніямъ и не нуждается въ нихъ; „если великое герцогство отдалось бы намъ,—говорилъ онъ далѣе,—мы охотно приняли бы народное желаніе; но пріобрѣтеніе не состоялось, и этотъ фактъ настолько незначителенъ, что изъ-за него не стóитъ ссориться державамъ. Франція можетъ отказаться отъ сдѣлки, безъ особеннаго для себя ущерба; однако, не заботясь о расширеніи своей территоріи, она по крайней мѣрѣ считаетъ себя обязанною обезпечить ея безопасность“. Поэтому французское правительство, отрекаясь отъ Люксенбурга, потребовало, чтобы и Пруссія съ своей стороны удалила оттуда свой гарнизонъ. Какъ ни обидно было для пруссаковъ выводить свои войска изъ крѣпости, которую они занимали пятьдесятъ лѣтъ, но эта уступка была необходима для избѣжанія войны, и благодаря посредническимъ усиліямъ вѣнскаго кабинета удалось достигнуть мирнаго соглашенія. По предложенію Россіи созвана была международная конференція, для урегулированія спорнаго вопроса, и послѣ четырехдневныхъ совѣщаній, происходившихъ въ Лондонѣ, въ маѣ 1867 года, обѣ стороны вышли изъ критическаго положенія съ одинаковымъ чувствомъ взаимной вражды.

Съ тѣхъ поръ Франція и Пруссія стали молча готовиться къ роковой борьбѣ, чисто-династической для Наполеона III и вполнѣ національной для Бисмарка. Безпристрастная исторія этой борьбы еще не написана, и всего менѣе она можетъ быть написана французомъ, для котораго разгромъ второй имперіи есть въ то же время великое пораженіе Франціи. Въ трудѣ Пьера де-Ла-Горса изложеніе событій доведено пока до того періода, когда французское правительство колебалось между двумя противоположными направленіями и, вступивъ на путь широкихъ внутреннихъ реформъ, не покидало и стараго пути съ его пагубными традиціями и иллюзіями.

Л. Слонимскій.

ПЕРВЫЙ БАНКЪ

для

КУСТАРЕЙ

Кустарная выставка и съѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности въ Петербургѣ вызвали нѣсколько изданій, посвященныхъ нашей кустарной промышленности и связаннымъ съ ней учрежденіямъ, въ томъ числѣ „Очеркъ дѣятельности пермскаго кустарно-промышленнаго банка за время его существованія“ (1894—1901 гг.) [1]. Банкъ этотъ есть единственное въ своемъ родѣ учрежденіе въ Россіи и уже по этому одному заслуживаетъ, чтобы на него было обращено вниманіе. Изданный же банкомъ очеркъ его дѣятельности содержитъ, кромѣ того, нѣкоторые факты, характерные въ соціально-бытовомъ, такъ сказать, отношеніи. Мы намѣреваемся, поэтому, остановиться на этомъ изданіи и познакомить читателя съ характеромъ дѣятельности банка и нѣкоторыми обстоятельствами его учрежденій и послѣдующаго развитія.

Читатель не забылъ, быть можетъ, рѣчи одного губернатора при открытіи земскаго собранія, рѣчи, въ которой онъ предостерегалъ земцевъ противъ чрезмѣрнаго подчиненія земскихъ дѣлъ вліянію служащихъ въ земствѣ по найму, сильныхъ своей интеллигентностью и идейностью и способныхъ, будто бы, благодаря этому, увлечь земство на путь рискованныхъ и непрактическихъ мѣропріятій.

Рѣчь эта была интересна въ томъ отношеніи, что ею оффиціально констатируется наличность факта замѣтнаго идейнаго вліянія на земскія дѣла со стороны посторонняго элемента, призваннаго, повидимому, лишь

---

[1]) Пермскій кустарно-промышленный банкъ губернскаго земства. Пермь. 1902.

къ простому выполненію извѣстныхъ службъ въ рамкахъ, опредѣляемыхъ земскими собраніями и управами, а въ дѣйствительности являющагося иниціаторомъ нововведенія, вдохновителемъ земскихъ дѣятелей къ борьбѣ за лучшую постановку земскаго дѣла. Всего яснѣе проявляется вліяніе этого элемента, кажется, въ земской медицинѣ и земской статистикѣ. Въ большинствѣ случаевъ именно земскіе врачи являются иниціаторами преобразованія дѣйствующей организаціи медицинской части; имъ приходится подчасъ очень долго и упорно бороться съ земцами за лучшую постановку земскаго же дѣла, вступать въ конфликты съ земскими собраніями и управами, лишаться иногда мѣста, но въ концѣ концовъ все-таки побѣждать, потому что въ данномъ случаѣ они являются представителями идеи гуманности и общественнаго интереса. Еще съ бо̀льшимъ приближеніемъ къ истинѣ можно сказать, что образцовыя изслѣдованія земской статистики явились у насъ благодаря тому, что земство допустило въ среду своихъ дѣятелей многихъ интеллигентныхъ лицъ и не воспрепятствовало имъ повести соотвѣтствующія изслѣдованія на пути, указываемомъ широкимъ научно-общественнымъ интересомъ. Что отношенія между земствомъ и его служащими не были отношеніемъ только нанимателей къ наемникамъ, что это были сплошь и рядомъ отношенія характера принципіальнаго и общественнаго, отношенія двухъ силъ, часто солидарныхъ, по временамъ враждебныхъ—косвенно доказывается столкновеніями земскихъ собраній и управъ съ земскими врачами, или статистиками, столкновеній, разыгрывавшихся на почвѣ принципіальной и имѣвшихъ иногда слѣдствіемъ поголовное оставленіе служащими своихъ мѣстъ, сожженіе трудовъ земскихъ статистиковъ и другія проявленія настоящей партійной борьбы.

Было бы очень интересно разъяснить, почему именно въ земствѣ (провинціальномъ), а не въ городскомъ управленіи, обнаруживается замѣтное прогрессивное вліяніе посторонняго служебнаго элемента. Не останавливаясь, однако, на этомъ вопросѣ въ настоящій моментъ, мы замѣтимъ, что не обошлось безъ такого вліянія и дѣло организаціи кредита для кустарей въ пермской губерніи.

Въ 1876 г., на должность статистика пермскаго губернскаго земства былъ приглашенъ Е. И. Красноперовъ, и это приглашеніе—по словамъ правленія пермскаго кустарно-промышленнаго банка—„въ исторіи развитія пермскаго кустарничества составило эпоху. Неутомимый труженикъ, Е. И. Красноперовъ (умеръ въ 1897 г.) шагъ за шагомъ въ продолженіе двадцати лѣтъ развертывалъ картину экономическаго положенія кустарей; шагъ за шагомъ выяснялась вся ихъ

безпомощность въ борьбѣ съ капиталомъ. Чутко прислушиваясь къ нуждамъ кустарей, приглядываясь къ тѣмъ формамъ, въ какія они организовались въ борьбѣ съ капиталомъ, этотъ передовой знатокъ кустарничества пришелъ къ мысли, что единственнымъ modus vivendi кустаря является кооперативная форма производства и сбыта, создать которую путемъ учрежденія дешеваго кредита, артелей и кустарныхъ складовъ призвано земство" („Пермскій кустарно-промышл. банкъ губ. земства", стр. 4)... Пермское земство первоначально учредило уѣздные и губернскіе „комитеты для содѣйствія сельскому хозяйству, кустарной и другимъ отраслямъ промышленности", главной цѣлью которыхъ было содѣйствіе именно кустарному производству. Но такъ какъ безъ кредита эти учрежденія не могли оказать кустарямъ существенной помощи, то Красноперовъ поставилъ себѣ задачей добиться организаціи мелкаго кредита кустарямъ.

Фактомъ, приблизившимъ осуществленіе его идеи, была сибирско-уральская научная выставка въ Екатеринбургѣ въ 1887 году. „Ея кустарный отдѣлъ во-очію показалъ, какое важное значеніе имѣетъ кустарная промышленность въ краѣ... Наглядно постигая эту важность, всѣ знали, что кустари работаютъ въ тяжелыхъ условіяхъ бѣдности, изъ-за куска хлѣба, безъ всякой помощи со стороны научной техники и капитала. Всѣ сходились въ мысли—чѣмъ-нибудь помочь кустарямъ, но чѣмъ именно—это было вопросомъ, требовавшимъ рѣшенія. Создавалось, такимъ образомъ, въ интеллигентной средѣ извѣстное настроеніе, горячо поддерживаемое мѣстной прессой, напряженность котораго обезпечивала отзывчивость общественнаго мнѣнія на всякій проектъ искомой помощи, лишь бы онъ заключалъ въ себѣ нѣчто реальное, а не обычныя благожелательныя фразы. Чувствовалась потребность не въ книгѣ, испещренной цифрами, а въ живомъ словѣ, убѣжденной, компетентной рѣчи, которая освѣтила бы вопіющія нужды кустарей и указала бы на возможныя средства къ посильному ихъ удовлетворенію. Отвѣтомъ на эту потребность послужили публичныя лекціи прибывшихъ на выставку съ разныхъ концовъ лицъ"... Гг. Тарасовъ, Китаевъ и Арсеньевъ выяснили широкое распространеніе кустарной промышленности въ Россіи и указали на мѣры воспособленія, принимавшіяся нѣкоторыми дѣятелями. Послѣдняя же лекція--Красноперова—„явилась синтезомъ предъидущихъ. Всѣ средства воспособленія кустарной промышленности вошли въ эту лекцію, какъ части въ цѣлое". Спеціальнымъ же ея предметомъ былъ вопросъ объ учрежденіи для кустарей земскаго банка.

Красноперовъ не ограничился однимъ развитіемъ идеи земскаго кредитнаго учрежденія. Онъ указалъ и на средства для осуществле-

нія этого предпріятія, предложивъ обратить на него капиталъ, образованный пермскимъ губ. земствомъ въ 1881 г., въ память почившаго императора Александра II, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала употреблялись на какое-либо полезное для населенія учрежденіе. Въ виду ограниченныхъ размѣровъ капитала (60.000 руб.), земское собраніе положило дать ему какое-либо назначеніе, послѣ того какъ онъ наростетъ до 300.000 руб. Это постановленіе служило, казалось, непреодолимымъ препятствіемъ осуществленію проекта Красноперова, но благодаря тому, что его идея вызвала горячее сочувствіе предсѣдателя губернской земской управы, К. Я. Пермякова, упомянутое формальное препятствіе было устранено, составленный Красноперовымъ проектъ устава банка внесенъ въ губернское земское собраніе и послѣ нѣкоторыхъ его измѣненій, осенью 1888 г., представленъ на утвержденіе правительства. Утвержденіе это послѣдовало только черезъ пять лѣтъ, да и этотъ сравнительно благопріятный исходъ правленіе пермскаго банка приписываетъ содѣйствію петербургскаго общества для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности и его предсѣдателя А. А. Исаева, а также члена совѣта министра государственныхъ имуществъ Ф. Н. Королева.

Не особенно участливо отнеслись къ банку оффиціальныя петербургскія сферы и въ томъ случаѣ, когда, предвидя быстрое истощеніе собственнаго капитала (114.000 руб.), кустарно-промышленный банкъ, поддержанный земскимъ собраніемъ, возбудилъ въ 1894 г. ходатайство о разрѣшеніи ему кредитоваться въ государственномъ банкѣ на условіяхъ спеціальнаго текущаго счета въ суммѣ 172.000 руб. по пониженному проценту (3%). Государственный банкъ, какъ то случается въ отношеніяхъ съ мелкими кліентами, тянулъ дѣло цѣлыхъ два года и въ концѣ-концовъ отвѣтилъ на ходатайство отказомъ. Только благодаря протекціи предсѣдателя кустарнаго комитета министерства земледѣлія, графа А. А. Бобринскаго, пермскому банку открытъ былъ небольшой кредитъ на посредническихъ основаніяхъ изъ 5%.

Но если оффиціальныя сферы по отношенію къ кустарно-промышленному банку играли по преимуществу ограничительную роль, то такъ-называемый посторонній элементъ въ земствѣ, классъ земскихъ служащихъ, формально никакого отношенія къ банку не имѣющихъ, проявилъ горячее участіе къ его судьбѣ и играетъ немаловажную роль въ правильномъ ходѣ его дѣлъ. Дѣло въ томъ, что, имѣя цѣлью оказывать кредитъ именно кустарямъ и исключительно на оборотныя средства, ставя себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ задачей поддерживать самостоятельныхъ производителей, а не эксплоататоровъ чужого труда, и стремясь къ тому, чтобы ссуда попала въ руки лицъ кредитоспособныхъ, земскій банкъ можетъ удовлетворить требованіе ссудъ не иначе, какъ

по тщательномъ изслѣдованіи хозяйственнаго состоянія просителей и подъ условіемъ наблюденія за правильностью расходованія полученныхъ кустаремъ средствъ. „Еслибы производство мѣстныхъ изслѣдованій лежало на обязанности правленія банка, какъ то первоначально предполагалось, то даже при самомъ дѣятельномъ участіи земскихъ управъ и служащихъ земства, развитіе операцій банка было бы невозможно, такъ какъ расходы на поѣздки не окупались бы процентами, взимаемыми по ссудамъ". Дѣйствительно, при среднемъ размѣрѣ ссуды изъ пермскаго банка въ 83 руб., проценты составляютъ 6 руб. 64 коп. въ годъ; поѣздка же на мѣсто даже только за 60—70 верстъ стоитъ 7—8 руб. Земскій банкъ избѣжалъ этого расхода тѣмъ, что обратился къ мѣстнымъ жителямъ съ предложеніемъ сдѣлаться безвозмездно агентами банка и исполнять за него необходимыя функціи на мѣстахъ. Въ первый же годъ на призывъ банка откликнулось 208 лицъ, а въ настоящее время банкъ имѣетъ на мѣстахъ 230 агентовъ, бо̀льшая половина которыхъ состоитъ изъ учителей, врачей, агрономическихъ смотрителей и другихъ лицъ, состоящихъ на службѣ земства. Эти агенты „популяризировали среди населенія задачи банка, привлекали заемщиковъ, доставляли свѣдѣнія о рабочей организаціи промысловъ и имущественномъ положеніи просителей, наблюдали за правильнымъ употребленіемъ полученныхъ ссудъ и, главное, являлись постоянными посредниками между банкомъ и тѣмъ населеніемъ, ради благосостоянія котораго учрежденъ былъ и самый банкъ. А потому, безъ преувеличенія можно сказать, что если кустарному банку удалось развить свои операціи и сдѣлать кредитъ доступнымъ для кустарей и недорогимъ, то этимъ онъ обязанъ прежде всего дѣятельности агентовъ и тому сердечному отношенію къ дѣлу,—въ сущности весьма сложному и кропотливому,—какое они проявляютъ" (стр. 35—36)...

Объ успѣхѣ же дѣятельности банка можно судить потому, что уже на второй годъ его существованія спросъ на ссуды превысилъ вдвое его капиталъ; что съ 1898 г. онъ развилъ свои операціи до максимальнаго предѣла, допускаемаго уставомъ; что онъ не несетъ почти потерь отъ неисправности заемщиковъ и въ теченіе семи лѣтъ увеличилъ свой капиталъ съ 114.000 руб. до 128.000 руб., т.-е. почти на 12%.

Важнымъ препятствіемъ на пути дальнѣйшаго расширенія операцій банка служитъ § 6 его устава, согласно которому „общій итогъ обязательствъ банка (вкладовъ и займовъ) не долженъ превышать основной и запасной капиталы банка болѣе, чѣмъ въ полтора раза". Ограниченіе это введено въ уставъ, повидимому, вопреки предположеніямъ земства, въ проектѣ котораго, представленномъ на утвер-

жденіе подлежащихъ сферъ, отношеніе вкладочнаго и заемнаго капиталовъ къ капиталамъ банка опредѣлялось какъ 5 : 1. Быстрое истощеніе средствъ банка, обусловленное этимъ параграфомъ, и было причиной возбужденія въ 1894 г. ходатайства о разрѣшеніи пермскому банку кредитоваться въ банкѣ государственномъ на условіяхъ спеціальнаго текущаго счета въ суммѣ до 172.000 руб. Ходатайство это, какъ сказано выше, получило отказъ, и земскому банку былъ открытъ только посредническій кредитъ въ суммѣ 10.000 руб., затѣмъ 15.000 руб. и, наконецъ, въ 1901 г.—въ суммѣ 25.000 руб. Что касается операцій за счетъ собственнаго капитала банка, то уже въ 1898 г. онѣ достигли предѣла, допускаемаго уставомъ. Собственный капиталъ банка равнялся въ это время 122.000 руб.; вклады и займы, по уставу, не могли превосходить 183.000 руб.; всѣ оборотныя средства банка составляли поэтому около 300.000 руб., а спросъ новый на ссуды въ этомъ году достигъ 338.000 руб. Дальнѣйшее расширеніе дѣятельности банка могло происходить лишь за счетъ естественнаго роста его собственныхъ капиталовъ и соотвѣтствующаго увеличенія капиталовъ заемныхъ, что̀ составляетъ по приблизительному разсчету возростаніе оборотныхъ средствъ на 5.625 руб. въ годъ. Требованіе же ссудъ ростетъ гораздо быстрѣе. Составляя въ 1895 г. 230.000 руб., оно поднялось въ 1896 г. до 247.000 руб., равнялось въ 1897 г.—281.000 руб., въ 1898 г.—338.000 руб., въ 1899 г. (недородъ)—427.000 руб. и въ 1900 г.—345.000 руб. Удовлетвореніе получало нѣсколько болѣе половины этихъ требованій, а за семь лѣтъ дѣятельности банка 8.736-ти кустарямъ выдано было въ займы 1.092.000 руб. Въ 1900 г. оборотъ по выдачѣ ссудъ превышалъ 500.000 руб.: за заемщиками состояло 274.000 руб., а уплачено и отсрочено было 247.000 руб.

Указанное напряженіе оборотныхъ средствъ банка неизбѣжно выдвигало на очередь вопросъ о томъ, какой политики держаться банку въ теченіе его послѣдующей дѣятельности: „дать ли возможность, путемъ выдачъ повторныхъ ссудъ, твердо стоять на ногахъ, тѣмъ кустарямъ, которымъ первая ссуда помогла подняться, или же оказывать помощь новымъ просителямъ, безъ твердой увѣренности, что кредитъ банка окажетъ существенную пользу“. Банкъ рѣшился на послѣднее и принялъ вообще мѣры къ тому, чтобы ссуда выдавалась возможно бо̀льшему числу просителей. Въ этихъ видахъ ему пришлось сократить сроки ссудъ и раздроблять по возможности самыя ссуды, т.-е. удовлетворять преимущественно наиболѣе мелкихъ производителей. И дѣйствительно, средній размѣръ ссуды изъ года въ годъ уменьшается и составлялъ 122.000 руб.; въ 1894 г. онъ опустился до 75.000 руб., или до 58% первоначальной суммы въ 1900 г. Испрашиваемая ссуда превышаетъ выданную, въ среднемъ, почти въ 1½ раза.

Соотвѣтственно сокращенію средняго размѣра ссуды, увеличивалось число мелкихъ и уменьшалось число крупныхъ выдачъ. Число ссудъ не выше 50 руб. съ 18% общаго количества ссудъ въ 1895 г. возросло до 48%, въ 1900 г. увеличилось (съ 33 до 40%) и число ссудъ отъ 50 до 100 руб.; болѣе же крупныя ссуды значительно сократились, въ томъ числѣ ссуды выше 200 руб. съ 15% общаго числа выдачъ уменьшились до 0,7%; а выдача въ однѣ руки болѣе 400 руб. съ 1897 г. вовсе прекратилась. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы около половины выдаваемыхъ кустарнымъ банкомъ ссудъ не превышаютъ 50 руб.; $^2/_5$ ссудъ колеблются между 50 и 100 руб.; $^1/_9$ не превосходитъ 200 руб., и 0,7% имѣютъ размѣры отъ 200 до 400 руб.

Этой классификаціей по размѣру выдаваемыхъ банкомъ ссудъ мы подходимъ къ вопросу о томъ, какіе типы кустарей—по признаку трудовой ихъ организаціи и по хозяйственной состоятельности—поддерживаетъ, преимущественно, кустарный банкъ. Вопросъ этотъ представляетъ тѣмъ бо̀льшій интересъ, что въ литературѣ циркулируетъ уже мнѣніе о томъ, что пермскій кустарный банкъ способствуетъ, будто бы, капиталистической метаморфозѣ мелкихъ промысловъ—и выводится изъ этого заключеніе о тщетномъ усиліи поддержать кредитомъ типическихъ мелкихъ производителей.

По уставу пермскаго кустарнаго банка ссуда выдается артелямъ и отдѣльнымъ кустарямъ, ведущимъ производство силами своихъ семей или обращающимся къ наемному труду лишь въ случаяхъ, гдѣ это представляется необходимымъ по роду промысла (напр., наемный дувальщикъ у кузнеца, погонщикъ лошадей у маслобоя и т. п.). Такъ какъ въ пермской губерніи значительное распространеніе имѣютъ промыслы послѣдняго рода, то въ числѣ кліентовъ банка состоитъ довольно значительное число кустарей, работающихъ при помощи наемнаго труда. 10.431 кустарей (не считая артелей), воспользовавшихся ссудою изъ банка въ теченіе семи отчетныхъ лѣтъ, по трудовой организаціи предпріятія, распадаются на слѣдующія группы: 67% заемщиковъ не примѣняютъ вовсе наемнаго труда; 5% имѣютъ учениковъ; 21% прибѣгаютъ временно къ найму рабочихъ, и 6,6% пользуются наемнымъ трудомъ постоянно. Въ суммѣ, наемный элементъ составляетъ $^1/_4$ часть общаго числа участниковъ въ производствѣ, а $^3/_4$ послѣднихъ принадлежатъ членамъ семей кустарей. Въ послѣдніе годы число заемщиковъ, примѣняющихъ въ производствѣ наемный трудъ, сокращается, и въ 1897—1899 гг. участвующіе въ производствѣ только рабочими силами своихъ семей составляли 73$^1/_4$%. Такой же почти процентъ кустарей (73%), обходящихся безъ наемнаго труда,

перепись 1894—1895 гг. обнаружила въ средѣ мелкихъ производителей пермской губерніи вообще.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно кустарныхъ единицъ съ однимъ, двумя, тремя и четырьмя наемными рабочими: въ числѣ кліентовъ банка такихъ кустарей въ суммѣ на $^1/_2$% (общаго числа кустарей) меньше, нежели среди пермскихъ кустарей вообще, а предпріятій съ 5—10 рабочими и болѣе—на $^1/_2$% больше. Принимая, однако, во вниманіе, что заемщики послѣдней категоріи составляютъ всего 1,84% общаго числа кредитующихся въ банкѣ лицъ, мы можемъ безъ колебаній заключить, что, по трудовой организаціи промысла, кліенты банка не отличаются существенно отъ остальныхъ кустарей пермской губерніи; что, смотря на вопросъ съ практической точки зрѣнія. слѣдуетъ считать, что земскій кустарный банкъ въ послѣдніе годы приходилъ на помощь типическому (по экономической организаціи) кустарю пермской губерніи.

Если же отнестись къ вопросу не практически, а совершенно абстрактно, то, основываясь на фактѣ, что наиболѣе крупныхъ производителей (имѣющихъ 5 рабочихъ и болѣе) среди кліентовъ банка относительно на $^1/_3$ больше, нежели среди всѣхъ кустарей пермской губерніи (1,84% противъ 1,40%), можно—при желаніи—придти къ заключенію, что пермскій банкъ поощряетъ преимущественно полукапиталистическія кустарныя предпріятія. Съ той же абстрактной, а не практической точки зрѣнія, мыслимо привести и прямыя доказательства того, что пермскій кустарный банкъ содѣйствуетъ капиталистической метаморфозѣ промысла. Доказательство этого можно усмотрѣть въ трудовомъ составѣ предпріятій кустарей, прибѣгающихъ къ повторнымъ займамъ. Тогда какъ лица, пользующіяся (въ 1898 г.) банковой ссудой въ первый разъ—при среднемъ составѣ своихъ предпріятій въ 2,72 трудящихся—нанимали, въ среднемъ, по 0,52 рабочихъ, — кустари, занимающіе второй, третій и т. д. разъ, имѣли больше и больше наемныхъ рабочихъ, а тѣ изъ нихъ, которые воспользовались ссудой въ пятый разъ—при среднемъ составѣ мастерской въ четыре человѣка—содержали 2,14 наемныхъ рабочихъ. Выходитъ, такимъ образомъ, какъ будто бы каждая слѣдующая банковая ссуда даетъ кустарю возможность увеличить наемный персоналъ своего предпріятія и при пятой ссудѣ довести его до размѣровъ, превышающихъ въ четыре раза участіе въ производствѣ наемнаго элемента въ моментъ первой ссуды. Основываясь на этихъ данныхъ, одинъ изъ докладчиковъ съѣзда дѣятелей по кустарной промышленности въ г. Полтавѣ (лѣтомъ прошлаго года) объявилъ, что самымъ виднымъ результатомъ дѣятельности пермскаго кустарнаго банка является воспособленіе капиталистической эволюціи мелкой промышленности.

Заключеніе это, къ которому по первому впечатлѣнію присоединится, быть можетъ, и читатель, грѣшитъ, однако, въ двоякомъ отношеніи. Оно принимаетъ за доказанное, что къ повторнымъ ссудамъ безразлично прибѣгаютъ представители всѣхъ промысловъ; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности весьма можетъ быть, что за повторными ссудами обращаются, преимущественно, кустари болѣе сложныхъ промысловъ, гдѣ, по техническимъ условіямъ работы, требуется участіе бо̀льшаго числа трудящихся. Если вѣрно это послѣднее соображеніе, то возростаніе наемнаго элемента, при повтореніи займовъ, могло бы въ среднихъ выводахъ получаться въ томъ случаѣ, когда въ дѣйствительности элементъ этотъ сокращается.

Но еслибы даже повтореніе займовъ способствовало дѣйствительно возростанію участія наемнаго труда въ соотвѣтствующихъ предпріятіяхъ, то все-таки нельзя было бы сказать, что самымъ виднымъ результатомъ дѣятельности пермскаго банка является капиталистическая метаморфоза кустарныхъ промысловъ.

Для такого заключенія слѣдовало бы еще показать, что оборотныя средства банка обращаются преимущественно на повторныя ссуды. Въ трудѣ, которымъ мы пользуемся, нѣтъ свѣдѣній о томъ, какая часть этихъ средствъ идетъ на первичныя и какая—на повторныя ссуды. Но мы узнаемъ изъ него, что за все время дѣятельности банка на 8.736 кустарей, воспользовавшихся его услугами, приходится 13.027 ссудъ, что̀ дастъ, въ среднемъ, 1$^1/_2$ ссуды на одного заемщика. Это значитъ, что всѣ повторныя ссуды въ совокупности составляютъ $^1/_3$ часть общаго числа ссудъ. Повторныя ссуды чаще выдавались въ первые годы дѣятельности банка, и выдача ихъ сократилась въ послѣднее время, когда банкъ сталъ испытывать недостатокъ оборотныхъ средствъ.

Никто не станетъ, конечно, сомнѣваться въ томъ, что при помощи льготнаго кредита можно содѣйствовать превращенію мелкихъ индивидуальныхъ кустарныхъ предпріятій въ болѣе крупныя. Пермскій кустарный банкъ преслѣдуетъ, однако, цѣль поощренія по возможности чистыхъ трудовыхъ организацій. Кажется поэтому нѣсколько непонятнымъ—почему онъ выдаетъ ссуды предпріятіямъ съ 4—10 и болѣе наемными рабочими, и почему число такихъ кліентовъ банка съ 2,10% въ 1895 г. возросло до 2,94% въ 1899 г. Явленіе это представляется тѣмъ менѣе понятнымъ, что оборотныя средства банка не соотвѣтствуютъ спросу на ссуды, и что банкъ стремится удовлетворить по возможности требованія лицъ менѣе состоятельныхъ.

Выводить, однако, изъ этого факта заключеніе о томъ, что кредитъ не въ состояніи поддержать мелкаго самостоятельнаго производителя и что организація льготнаго кредита для кустарей только

ускоряеть процессъ капиталистической его метаморфозы, было бы правильно въ томъ случаѣ, еслибы мелкіе промышленники оказались, вообще говоря, некредитоспособными, и банку оставалось бы выбирать между прекращеніемъ дѣятельности и поощреніемъ предпріятій, эксплоатирующихъ наемный трудъ. Обстоятельства даннаго случая, однако, не таковы. Кліенты пермскаго банка очень исправны въ выполненіи своихъ обязательствъ; принудительно взыскиваются съ нихъ какіе-нибудь 200—300 руб. въ годъ, безнадежные долги банку выражаются сотыми долями процента, а число заемщиковъ, ведущихъ производство исключительно силами своихъ семей, не только не уменьшается, а даже увеличивается и съ 70% въ 1895 г. возросло до $73^1/_2$% въ 1899 г. Банковыя средства, поэтому, идутъ, главнымъ образомъ, на поддержаніе чисто трудовыхъ предпріятій, а если вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается поощреніе и полукапиталистическихъ мастерскихъ, то это будетъ уже побочнымъ результатомъ дѣятельности банка, которому можно дать бо̀льшее или ме́ньшее развитіе.

Выше приведены были данныя, свидѣтельствующія о томъ, что, по трудовой организаціи предпріятій, кліенты банка не отличаются существенно отъ прочихъ кустарей пермской губерніи. Иное слѣдуетъ сказать относительно хозяйственной состоятельности производителей; по количеству скота и по размѣрамъ посѣва кліенты банка оказываются стоящими значительно выше средняго кустаря пермской губерніи. Безлошадныхъ домохозяевъ среди кустарей вообще 29%, а среди заемщиковъ—около 12%; безкоровныхъ въ первомъ случаѣ—17%, во второмъ—3,5%; площадь посѣва у средняго пермскаго кустаря 6,3 десятины, а у банковаго кліента—8,8 десятины и такъ далѣе. Эти сопоставленія не даютъ, однако, полнаго понятія о сравнительной состоятельности тѣхъ и другихъ кустарей, во-первыхъ, потому, что свѣдѣнія о заемщикахъ банка гораздо болѣе точны, а неточныя данныя о чьей-либо состоятельности, какъ извѣстно, грѣшатъ, вообще, въ сторону ея преуменьшенія; во-вторыхъ, что распредѣленіе заемщиковъ банка по территоріи губерніи, опредѣляясь преимущественно разстояніемъ даннаго района отъ мѣстопребыванія кредитнаго учрежденія, не соотвѣтствуетъ распредѣленію кустарей; и потому различія между тѣми и другими въ отношеніи ихъ сельскаго хозяйства, до извѣстной степени могутъ опредѣляться хозяйственными условіями районовъ, а не состоятельностью производителей.

Какъ бы, однако, ни было, можно во всякомъ случаѣ утверждать, что главною причиной отказа кустарямъ въ ссудѣ были не обстоятельства ихъ хозяйственнаго положенія, потому что по отношенію къ

этому признаку получившіе ссуду и встрѣтившіе отказъ не представляютъ рѣзкихъ между собою различій. Такъ, процентъ домохозяевъ, не имѣющихъ пахатной земли, лошадей и коровъ среди кустарей, не получившихъ ссуды, превышаетъ соотвѣтствующій процентъ среди кліентовъ банка. Но, во-первыхъ, число такихъ домохозяевъ даже въ первой группѣ вообще незначительно (безкоровныхъ—7,4%, безлошадныхъ—14%, безъ пахатной земли—14,8%); во-вторыхъ, по другимъ признакамъ хозяйственной состоятельности, получившіе ссуду почти вовсе не отличаются отъ не получившихъ ея. Такъ, пахатной земли въ первой группѣ кустарей оказывается 8,83 десятины на дворъ, во второй—9,45 десятины, лошадей — 1,95 и 1,87, коровъ—2,75 и 2,62. Даже кустари, которымъ было отказано въ ссудѣ по причинѣ ихъ некредитоспособности, получили такую репутацію въ глазахъ банка, главнымъ образомъ, за свои личныя качества, а не за капитальныя, такъ сказать, условія хозяйства, по отношенію къ которымъ они не отличаются существенно отъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей. Такъ, приходится:

	На одного домохозяина: заемщика:	получившаго отказъ:
земли	12,8 десят.	15,4 десят.
лошадей	1,95 „	1,68 „
коровъ	2,75 „	2,37 „
страховая оцѣнка построекъ	238 руб.	303 руб. [1].

Кромѣ единичныхъ кустарей, пермскій банкъ выдаетъ ссуды артелямъ и кустарно-торговымъ складамъ. Соотвѣтственныя операціи банка развиты, однако, довольно слабо. За семь лѣтъ въ банкѣ кредитовались, на сумму 51.630 рублей, 221 артель въ составѣ 1.060 участниковъ, съ общимъ числомъ рабочихъ 2.400, въ числѣ коихъ 21% приходятся на долю наемныхъ. Артельный кредитъ развивается медленно, и что главное—прогрессируютъ только кредитныя артели, производительныя же сокращаются (9 получившихъ ссуду въ 1896 г. и 2—въ 1900 г.), а сырьевыя рѣзко колеблются въ количествѣ (въ 1898 г. получили ссуду 9 артелей, въ 1899 г.—1, въ 1900 г.—10). Въ 1900 г. получили ссуду въ 16.870 рублей 61 артель: 2—производительныхъ (6 членовъ), 10—сырьевыхъ (71 членъ) и 49—кредитныхъ (183 члена). „Такимъ образомъ, наиболѣе жизненною формою артели является ссудное товарищество; члены его, нуждающіеся въ кредитѣ, сговариваются взять ссуду за круговой порукой и, получивши ее, дѣлятъ между собою. Эта форма кредита является средствомъ для наиболѣе

[1]) Пермскій кустарно-промышленный банкъ (стр. 107, 108, 127, 128, 130).

бѣдныхъ кустарей получить ссуду, не представляя сторонних поручителей". Что же касается остальныхъ артелей, то если къ сказанному выше о рѣдкихъ случаяхъ кредита „добавить, что ни одна изъ артелей не просуществовала болѣе четырехъ лѣтъ, то станетъ очевиднымъ, что для существованія производительныхъ и сырьевыхъ артелей имѣются какія-то препятствія".

Еще менѣе удачна была дѣятельность банка по развитію операціи кустарныхъ складовъ. Первоначально предполагалось, что уѣздные кустарно-торговые склады будутъ играть роль филіальныхъ отдѣленій банка; но предположенія эти не оправдались, и открытые при нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ управахъ склады скоро прекратили требованія кредита. Обстоятельно выяснены причины неудачи одного кунгурскаго склада, созданнаго исключительно на средства банка. Причины эти—неопытность завѣдующихъ и отсутствіе ассигновокъ на складъ со стороны открывшаго его уѣзднаго земства, вслѣдствіе чего ему пришлось дѣлать безвозвратные расходы изъ капитала, за который онъ уплачивалъ банку 6%.

По даннымъ неполной, впрочемъ, переписи кустарей, въ срединѣ истекшаго десятилѣтія въ пермской губерніи насчитывалось 12.500 семей кустарей; ссуды же въ послѣдніе годы получали, въ среднемъ, 2.700 человѣкъ, или $^1/_5$ часть кустарей. Считая, что на повторныя ссуды падаетъ $^1/_4$—$^1/_3$ часть этого числа—получимъ, что первичными ссудами ежегодно пользуются около 1.800 — 2.000 кустарей, или $^1/_6$—$^1/_7$ часть общаго числа послѣднихъ. Это значитъ, что, при настоящемъ развитіи дѣятельности банка, каждый кустарь можетъ воспользоваться ссудою изъ него одинъ разъ въ 5—6 лѣтъ. Этого, очевидно, недостаточно, и потому закончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы пермскій кустарный банкъ поскорѣе избавился отъ § 6 своего устава, ограничивающаго его рессурсы полуторной нормой займовъ и вкладовъ противъ собственныхъ капиталовъ банка.—В. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1902.

Слова, произнесенныя въ Курскѣ Государемъ Императоромъ.—Труды уѣздныхъ комитетовъ по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Новые законы: объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій, о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи, о церковныхъ школахъ, объ артеляхъ, о водопроводныхъ сооруженіяхъ на чужихъ земляхъ, о распубликованіи сенатскихъ рѣшеній, о созывѣ чрезвычайныхъ земскихъ собраній.—Post-scriptum. Бесѣда г. министра внутреннихъ дѣлъ съ представителями курскаго земства.

Государь Императоръ, при проѣздѣ черезъ Курскъ, 29-го августа, на большіе маневры, изволилъ обратиться къ собравшимся въ залѣ вокзала дворянамъ со слѣдующими словами:

„Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ своихъ Монарховъ за вѣрную и самоотверженную службу Престолу. Незабвенный Отецъ Мой, довершая славныя дѣла Моего Дѣда, призвалъ васъ къ руководству крестьянскимъ управленіемъ; на этомъ поприщѣ вы служите Мнѣ не за страхъ, а за совѣсть. Благодарю васъ за эту службу".

Громкое, единодушное „рады стараться" было отвѣтомъ дворянъ на милостивыя слова Государя. Его Величество продолжалъ:

„Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія. Дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время; есть неустройства и въ крестьянскомъ; для устраненія послѣднихъ, по Моему повелѣнію, соображаются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ необходимыя мѣры. Къ участію въ этихъ трудахъ будутъ призваны въ свое время губернскіе комитеты, съ участіемъ дворянства и земства. Что же касается помѣстнаго землевладѣнія, которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то его укрѣпленіе будетъ Моею непрестанною заботою".

Восторженные клики покрыли заключительныя слова Монарха. Обращаясь къ представителямъ земства курской губерніи, Государь сказалъ:

„Благодарю васъ за привѣтствіе и пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Земское хозяйство—дѣло первѣйшей важ-

ности, и Я надѣюсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы. Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устроительство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ Моемъ къ вамъ благоволеніи".

Эти милостивыя слова Монарха были покрыты восторженнымъ, долго несмолкавшимъ „ура".

По повелѣнію Его Императорскаго Величества, 1 сентября, въ день посѣщенія Государемъ Императоромъ города Курска, въ губернаторскомъ домѣ были собраны нѣкоторые волостные старшины и сельскіе старосты губерній: курской, полтавской, харьковской, черниговской, орловской и воронежской. Его Императорское Величество изволилъ обратиться къ нимъ со слѣдующими словами:

„Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полтавской и харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство съумѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего Батюшки, сказанныя Имъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на Царство: „Слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ". Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божіимъ. Передайте въ точности все, что̀ Я вамъ сказалъ, вашимъ односельчанамъ, а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды Я не оставлю Своимъ попеченіемъ".

Въ печати появилось, за послѣднее время, довольно много извѣстій о работахъ уѣздныхъ комитетовъ, учрежденныхъ по инициативѣ Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Общее впечатлѣніе, производимое этими извѣстіями, весьма благопріятно: оно подтверждаетъ надежду, выраженную нами, два мѣсяца тому назадъ, по поводу перваго засѣданія суджанскаго уѣзднаго комитета. Замѣчателенъ, прежде всего, составъ многихъ комитетовъ. Въ Торжкѣ, въ Темниковѣ, въ Рузѣ, въ Грязовцѣ, въ Лохвицѣ, къ участію въ занятіяхъ комитета приглашены всѣ уѣздные гласные. Темниковскій уѣздный предводитель дворянства, мотивируя эту мѣру, выразилъ убѣжденіе, что „единственнымъ компетентнымъ о̀рганомъ для разработки вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе комитета, является въ уѣздѣ уѣздное земское собраніе"; не имѣя возможности обратиться къ нему, онъ хотѣлъ, „чтобы по крайней мѣрѣ составъ комитета совпалъ съ составомъ земскаго собранія". Число приглашен-

ныхъ въ нѣкоторыхъ комитетахъ весьма велико; въ Лохвицѣ, напримѣръ, ихъ болѣе шестидесяти—въ томъ числѣ агрономы, представители судебнаго вѣдомства, чиновники, профессора, народные учителя, крестьяне. Предсѣдатель арзамасскаго комитета, при самомъ его открытіи, выразилъ намѣреніе пригласить къ участію въ слѣдующихъ засѣданіяхъ двадцать-пять крестьянъ. Дѣятельное участіе крестьяне принимаютъ въ комитетахъ хвалынскомъ, вольскомъ и многихъ другихъ. На разсмотрѣніе комитетовъ (напр. смоленскаго, рузскаго, темниковскаго, лохвицкаго, грязовецкаго) часто вносятся обширныя записки. Надъ разработкой отдѣльныхъ вопросовъ трудятся особыя коммиссіи и земскія управы. О равнодушномъ отношеніи къ дѣлу мы встрѣтили до сихъ поръ только три сообщенія, касающіяся уѣздовъ дмитріевскаго (курской губерніи), уфимскаго и балахнинскаго. Весьма рѣдко проявлялось стремленіе предсѣдателя ограничить кругъ занятій комитета. Не часто, повидимому, встрѣчаются и случаи узкаго пониманія самими комитетами предстоящей имъ задачи (въ чернскомъ комитетѣ работа приняла то направленіе, какого слѣдовало ожидать отъ его предсѣдателя, г. Сухотина; въ староконстантиновскомъ комитетѣ на первый планъ выдвинулась жалоба одного изъ крупныхъ землевладѣльцевъ на порубки и потравы, совершаемыя крестьянами). Одною изъ главныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе народной массы, большинство комитетовъ, о дѣятельности которыхъ появлялись свѣдѣнія въ печати, считаютъ юридическую неполноправность крестьянъ. „Прежде всего"—читаемъ мы въ докладѣ предсѣдателя темниковскаго комитета,—„слѣдуетъ поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самодѣятельности, а для этого нужно уравнять его съ лицами другихъ сословій въ правахъ личныхъ и гражданскихъ, подчинить общей администраціи и общимъ судебнымъ установленіямъ". „Вмѣстѣ съ ростомъ всей нашей общественности и распространеніемъ образованія въ народной средѣ"—говоритъ предсѣдатель смоленскаго уѣзднаго комитета,—„растетъ и личность крестьянина,—развивается его общественное сознаніе и потребность въ самоопредѣленіи. Но всѣ стремленія этого рода встрѣчаютъ на своемъ пути многочисленныя и тяжелыя препятствія. Самодѣятельности и почину крестьянина негдѣ проявиться: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ пользованіи своей надѣльной землей крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица, не говоря уже о томъ, что и такія явленія, какъ семейные раздѣлы и уходъ членовъ семьи на сторону, подлежатъ контролю. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о подъемѣ хозяйственной дѣятельности крестьянина. Самодѣятельность,

починъ, широкій кругозоръ, смѣлая иниціатива и увѣренность въ своихъ силахъ,—всѣ эти условія, столь необходимыя для развитія хозяйственной дѣятельности, могутъ ли они имѣть мѣсто при современномъ положеніи вещей? Немалыя препятствія встрѣчаютъ и стремленія населенія къ разнаго рода коопераціямъ. Для полученія разрѣшенія на открытіе какого-нибудь общества, товарищества, библіотеки и т. п. приходится производить массу совершенно излишнихъ хлопотъ, притомъ очень часто оказывающихся безрезультатными. Да и въ случаѣ полученія разрѣшенія дѣятельность обществъ ставится зачастую въ такія рамки, которыя лишаютъ ее серьезнаго значенія"... Аналогичныя мысли высказаны въ комитетахъ казанскомъ, грязовецкомъ, новоторскомъ, рузскомъ, хвалынскомъ, духовщинскомъ, нижегородскомъ, арзамасскомъ, александровскомъ (екатериносл. губ.), новомосковскомъ, ветлужскомъ, епифанскомъ, козловскомъ, рязанскомъ и др.

Другое обстоятельство, на которомъ часто останавливаются комитеты—недостаточное распространеніе народнаго образованія. Типичными, въ этомъ отношеніи, можно признать слѣдующія слова предсѣдателя темниковскаго комитета: „такъ какъ при современныхъ условіяхъ жизни успѣхъ во всѣхъ видахъ промышленности (въ томъ числѣ и сельско-хозяйственной) зависитъ отъ степени просвѣщенія народа, то необходимо предоставить общественнымъ учрежденіямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія общедоступности народнаго образованія и облегчить распространеніе внѣ-школьнаго просвѣщенія". Предсѣдатель смоленскаго комитета подтверждаетъ ту же мысль фактической справкой: переписью 1897-го года въ смоленскомъ уѣздѣ обнаружено *сто девять* селеній, въ которыхъ совершенно не было грамотныхъ дѣтей...

Въ комитетахъ лохвицкомъ, духовщинскомъ, грязовецкомъ, нижегородскомъ шла рѣчь о перемѣнахъ къ лучшему въ положеніи земства. „Воспособленіе сельской промышленности на мѣстахъ" — говоритъ въ своемъ докладѣ предсѣдатель темниковскаго комитета, „возложено на обязанность земскихъ учрежденій. Для того, чтобы они могли успѣшно ее исполнить, необходимо, чтобы земское представительство населенія было организовано внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; чтобы земскія учрежденія были приближены къ сельскому хозяйству и населенію; чтобы земскимъ учрежденіямъ были обезпечены необходимыя имъ устойчивость и самостоятельность, безъ которыхъ они не могутъ быть удовлетворительными органами государственнаго управленія". Лохвицкій комитетъ высказался за привлеченіе къ земскому обложенію промышленныхъ предпріятій сообразно съ ихъ чистой доходностью; за обращеніе въ пользу земства гербоваго сбора съ арендныхъ контрактовъ и съ договоровъ о продажѣ

сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, а также нѣкоторой доли крѣпостныхъ пошлинъ; за освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ; за отмѣну фиксаціи земскаго обложенія, застигшей лохвицкое земство какъ разъ въ то время, когда его бюджетъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, былъ развитъ весьма слабо. Вопросъ о созданіи мелкой земской единицы поднятъ въ комитетахъ козловскомъ, арзамасскомъ, лохвицкомъ, грязовецкомъ [1]).

Большое вниманіе обращаютъ комитеты и на матеріальное положеніе крестьянъ. Лохвицкій комитетъ, выслушавъ, между прочимъ, заявленіе крестьянъ объ отяготительности для нихъ выкупныхъ платежей, высказался за значительное пониженіе этихъ платежей (большинствомъ 23 голосовъ противъ 19, стоявшихъ за полную ихъ отмѣну), а также за отмѣну нефтяного акциза и за установленіе прогрессивнаго подоходнаго налога. Въ пользу этого налога раздались голоса и въ смоленскомъ уѣздномъ комитетѣ. Въ арзамасскомъ комитетѣ участвующіе въ немъ крестьяне указали на непосильное податное обложеніе и на малоземелье, какъ на главныя причины, задерживающія развитіе крестьянскаго хозяйства. Весьма характерна бесѣда крестьянъ съ предводителемъ дворянства и земскимъ начальникомъ [2]) въ вольскомъ уѣздномъ комитетѣ („Новое Время", № 9495). Предводитель, указывая на то, что въ помѣщичьихъ экономіяхъ лучше ведется хозяйство и хлѣбъ родится лучше, спрашиваетъ, не мѣшаетъ ли община усовершенствованію крестьянскаго хозяйства? Ему отвѣчаютъ:—„Въ экономіяхъ остались лучшія земли. А у насъ какая земля-то? Нѣтъ ея хуже. — *Предводитель.* Ну, это не потому; вы пашете вашъ паръ къ Петрову дню, а въ экономіяхъ пашутъ въ маѣ.—*Зыковъ* (крестьянинъ). У насъ къ маю-то не успѣетъ скотина поправиться: она послѣ весенняго сѣва да послѣ зимы чуть ноги передвигаетъ.—*Предводитель.* Кормите.—*Зыковъ.* Нечѣмъ кормить: за зиму и такъ всю солому съѣдятъ. Развѣ легко и зиму, и лѣто въ конюшнѣ держать? Сѣнокосовъ у насъ нѣтъ.—*Земскій начальникъ.* Отчего плохо улучшается крестьянскій скотъ?—*Зыковъ*, Земли мало.—*Зеленовъ* (также крестьянинъ). Негдѣ пасти и этотъ скотъ (тотъ же Зеленовъ высказывается противъ двѣнадцатилѣтняго срока передѣловъ и за передѣлъ черезъ два года въ третій).—*Предводитель.* Не лучше ли было бы плохому крестьянину, еслибы онъ въ городъ ушелъ и тамъ чѣмъ другимъ занялся?—*Зеленовъ.* Мы всѣ привыкли сидѣть на землѣ; на сторону не привыкли ходить"... Одинаково характеристичны здѣсь и вопросы, и отвѣты. Во-

[1]) За утвердительное разрѣшеніе этого вопроса высказался недавно ярославскій губернскій земскій экономическій совѣтъ.

[2]) Въ рузскій комитетъ не явился никто изъ земскихъ начальниковъ, чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ свободу рѣчи крестьянъ.

просы предводителя были, повидимому, направлены отчасти противъ общиннаго владѣнія; отвѣты крестьянъ свидѣтельствуютъ о томъ, что они не считаютъ его для себя вреднымъ. За сохраненіе общиннаго владѣнія высказался единогласно грязовецкій комитетъ.

Чрезвычайно интересна записка о необходимости преобразованія крестьянскаго суда, внесенная однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ въ суджанскій уѣздный комитетъ („Спб. Вѣдомости", № 207). По словамъ автора записки, должность волостныхъ судей изъ числа избранныхъ сельскимъ населеніемъ кандидатовъ всегда занимаютъ тѣ именно лица, которыя на руку старшинѣ и писарю и будутъ слѣдовать по ихъ направленію. Происходитъ это отъ того, что при утвержденіи кандидатовъ судьями земскіе начальники руководствуются указаніемъ волостныхъ старшинъ и писарей, и утверждаютъ тѣхъ изъ нихъ, кого укажутъ послѣдніе. Вслѣдствіе такого положенія, въ волостной судъ входятъ лица, въ большинствѣ случаевъ, рѣшительно не отвѣчающія своему назначенію. Личный составъ волостныхъ судовъ лишенъ всякой самостоятельности, вслѣдствіе непреоборимаго сторонняго вліянія и вслѣдствіе слишкомъ широкой компетенціи волостныхъ судовъ. Старшина, писарь, дѣлопроизводитель и волостные судьи, въ большинствѣ случаевъ, при разрѣшеніи дѣлъ, разсѣкаютъ судебный гордіевъ узелъ такъ: чья изъ двухъ, просителя и отвѣтчика, чаша съ деньгами, продуктами и водкой тяжелѣе потянетъ, тотъ и выиграетъ дѣло. Подсудность волостного суда, если принять во вниманіе общую бѣдность крестьянства, по истинѣ громадна. Неправильность рѣшенія волостного суда не всегда удается апелляціонной инстанціи выяснить, а кассаціонному суду это совершенно невозможно, особенно при полномъ отсутствіи у народа самыхъ элементарныхъ познаній о своихъ юридическихъ правахъ и обязанностяхъ. Земскіе начальники вліянія на упорядоченіе веденія дѣлъ въ волостныхъ судахъ не оказали: ревизіи и указанія ихъ оставались на бумагѣ, безъ всякаго фактическаго примѣненія къ дѣлу. Уѣздные съѣзды при разсмотрѣніи дѣлъ волостныхъ судовъ совершенно игнорируютъ то, что крестьянскій судъ построенъ на неписанномъ правѣ, обычаѣ, особенномъ укладѣ крестьянской жизни и внутреннемъ убѣжденіи судей. Навязывая крестьянамъ общегражданскіе законы, разбиваютъ весь строй и укладъ крестьянской жизни, нанося тѣмъ страшный вредъ крестьянамъ. Губернскія присутствія разсматриваютъ лишь кассаціонные поводы, не вникая въ сущность дѣла, но, такъ же какъ и съѣзды, стоятъ не за укладъ крестьянской жизни, а за примѣненіе къ ней противныхъ духу ея общегражданскихъ и общеуголовныхъ законовъ. Въ составъ губернскаго присутствія входятъ только два лица съ юридическимъ образованіемъ, которое для остальныхъ членовъ не обязательно; между тѣмъ, оно

является кассаціонной инстанціей для громаднаго количества дѣлъ. Рѣшенія губернскихъ присутствій, въ большинствѣ случаевъ, противорѣчатъ другъ другу и, вслѣдствіе этого, вносятъ вредную путаницу въ толкованіе законовъ. Уѣздные съѣзды для разбора дѣлъ въ мѣсяцъ назначаютъ два дня, а на самое слушаніе дѣлъ, въ дѣйствительности, употребляютъ за два дня отъ 6 до 8 часовъ и за это время разрѣшаютъ отъ 100 до 200 дѣлъ судебныхъ, да отъ 20 до 40 административныхъ. Возможно ли въ какихъ-нибудь 6—8 часовъ разобрать 200 дѣлъ? Конечно, нѣтъ: въ тѣ $1^1/_2$ минуты, которыя имѣются у съѣзда на каждое дѣло, возможно развѣ только вызвать къ судейскому столу сторонъ и свидѣтелей. Бòльшая часть этихъ дѣлъ — важная, такъ какъ заключаетъ въ себѣ споры по поземельному устройству, уголовныя—о кражахъ, мошенничествѣ и т. п. Всѣ эти дѣла—болѣе или менѣе сложныя и требуютъ для своего разрѣшенія не полутораминутнаго разсмотрѣнія, а менѣе спѣшнаго и болѣе толковаго. Спѣшное и невнимательное разсмотрѣніе дѣлъ членами уѣздныхъ съѣздовъ объясняется тѣмъ, что они отправляютъ обязанности правосудія не по призванію, а какъ бы повинность какую, и повинность тяжелую, нежелательную для нихъ. Имъ все равно, въ какую бы сторону ни рѣшить дѣло, лишь бы рѣшить, такъ какъ необходимо дѣло сдать съ рукъ. А право ли оно рѣшено, или нѣтъ—имъ дѣла нѣтъ, и на свою совѣсть они этого не принимаютъ. Губернскія присутствія приблизительно за такое же, если не меньшее время, разсматриваютъ дѣлà въ еще бòльшемъ количествѣ, чѣмъ уѣздные съѣзды... Общій выводъ автора записки заключается въ томъ, что крестьянское судопроизводство поставлено въ условія, имѣющія мало общаго съ правосудіемъ. Новаго въ запискѣ сказано немного—но важно то, что она идетъ изъ крестьянской среды, и притомъ въ такое время, когда поставленъ на очередь вопросъ объ улучшеніи быта сельскаго населенія. Трудно сомнѣваться въ томъ, что однимъ изъ средствъ къ достиженію этой цѣли является измѣненіе судебныхъ порядковъ, такъ рельефно и правдиво изображенныхъ суджанскимъ крестьяниномъ—и свойственныхъ, конечно, не одному суджанскому уѣзду. Вотъ, напримѣръ, чтò говоритъ по этому поводу предсѣдатель смоленскаго уѣзднаго комитета: „функціонирующій у насъ волостной судъ, съ волостнымъ писаремъ во главѣ, не имѣетъ ничего общаго съ юриспруденціей. Взяточничество въ волостныхъ судахъ и усмотрѣніе должностныхъ лицъ въ камерахъ земскихъ начальниковъ стали весьма обыденнымъ явленіемъ и породили въ населеніи убѣжденіе, съ одной стороны, въ томъ, что можно добиться всего за взятку, а съ другой—что должностныя лица пользуются полнѣйшей безнаказанностью и всемогуществомъ“.

Чѣмъ шире комитеты понимаютъ свою задачу, тѣмъ менѣе благо-

склонно относятся къ нимъ нѣкоторые органы печати. „Гражданинъ“ (№ 65) подходитъ къ вопросу не прямо: онъ старается возбудить сомнѣніе въ достижимости цѣли, которую поставило себѣ совѣщаніе, и этимъ путемъ съузить и обезцвѣтить дѣятельность комитетовъ. „Отчего,—спрашиваетъ онъ, — всѣ попытки, не разъ уже сдѣланныя со временъ покойнаго Валуева, концентрировать реформаторскую работу по сельскому хозяйству въ Петербургѣ, оказывались непроизводительными и ни къ чему не приводили, какъ только къ обостренію аппетитовъ къ политической болтовнѣ? Оттого, что такая задача безусловно невыполнима, вслѣдствіе слишкомъ большого разнообразія мѣстныхъ условій нашей сельской жизни, при которыхъ не только каждый уѣздъ, но разныя мѣстности каждаго уѣзда требуютъ особыхъ мѣръ удовлетворенія той или другой жизненной нужды. Физически невозможно, чтобы совѣщаніе, желая быть добросовѣстнымъ, концентрировало нѣсколько тысячъ мѣстныхъ способовъ разрѣшить извѣстную задачу. Чтобы совѣщаніе могло послужить къ дѣйствительному улучшенію нашего сельскаго хозяйства, оно должно заняться вопросомъ, какъ сдѣлать, чтобы всю работу изысканія мѣръ къ улучшенію сельскаго хозяйства передать въ вѣдѣніе каждой губерніи и каждаго уѣзда, совсѣмъ ее децентрализируя и оставляя за министерствомъ земледѣлія главный руководительный надзоръ за мѣстною работою“. Но развѣ самый вопросъ о децентрализаціи, о ея желательности, о ея предѣлахъ, не требуетъ предварительнаго обсужденія на мѣстахъ? Развѣ рѣчь идетъ о томъ, чтобы установить, общимъ для всей Россіи актомъ, всѣ многоразличные способы и формы содѣйствія сельскому хозяйству? Настоящій умыселъ газеты ясенъ: она видитъ, что съ учрежденіемъ комитетовъ неизбѣжно выдвигаются на первый планъ нѣкоторые общіе вопросы, самой постановки которыхъ боятся наши газетные реакціонеры—и старается заглушить ихъ въ зародышѣ, оспаривая правильность пути, избраннаго совѣщаніемъ. Откровеннѣе поступаетъ авторъ письма въ редакцію, напечатаннаго въ № 9519 „Новаго Времени“. Смѣло утверждая, что „*большинство* комитетовъ совѣтуетъ вылечить всѣ бѣды однимъ ударомъ — уравненіемъ правъ крестьянина съ правами другихъ сословій“, онъ обвиняетъ ихъ въ нежеланіи работать, въ стремленіи отдѣлаться отъ трудной задачи одной трескучей фразой. „Развѣ равноправность крестьянъ“—восклицаетъ онъ, обращаясь къ комитетамъ,—„рѣшаетъ общій вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности? Развѣ это отвѣтъ на то, о чемъ васъ спрашиваютъ“? Проповѣдуя „логическую постепенность“ и „умѣнье считать на счетахъ“, онъ рекомендуетъ „уравненіе густоты населенія“, путемъ переселенія туляковъ и орловцевъ въ губерніи новгородскую, псковскую, тверскую, съ введеніемъ въ нихъ „лѣсоистребительнаго,

а не лѣсоохранительнаго закона", и оплакиваетъ избытокъ табельныхъ дней, поощряющій лѣнь чиновничества и крестьянства. Одинаково слабы обѣ части этой аргументаціи: положительная—потому что количество праздниковъ, по крайней мѣрѣ въ деревнѣ, не можетъ быть ограничено однимъ почеркомъ пера [1]), а массовое переселеніе требуетъ громаднѣйшихъ расходовъ; отрицательная—потому что ни одинъ комитетъ не сводитъ рѣшеніе сельско-хозяйственнаго вопроса исключительно къ равноправности крестьянъ съ остальными сословіями. Рядомъ съ нею предлагается многое другое, отчасти общее, отчасти частное. Предложенія общаго характера вытекаютъ изъ той простой мысли, что въ народной жизни первостепенную роль играетъ умственный и нравственный уровень населенія: умственный — достигаемый образованіемъ, школьнымъ и внѣшкольнымъ, и нравственный—обусловливаемый, между прочимъ, привычкой къ самостоятельности, сознаніемъ своего достоинства и своихъ правъ, увѣренностью въ томъ, что законная дѣятельность не можетъ встрѣтить внѣ-законныхъ препятствій или стѣсненій. Указывая на необходимыя предпосылки всякой частной реформы, комитеты исполняютъ, такимъ образомъ, свою прямую обязанность. Не гоняясь за „трескучими фразами", они подчеркиваютъ то, что̀ чувствуется всѣми безпристрастными наблюдателями современной дѣйствительности. Далеко не лишено значенія то обстоятельство, что во многихъ комитетахъ (Суджа, Смоленскъ, Арзамасъ, Темниковъ) постановка „общихъ вопросовъ" исходитъ отъ предсѣдателя, т.-е. отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

О дѣятельности губернскихъ комитетовъ мы имѣемъ пока очень мало свѣдѣній; нужно предположить, что они, послѣ первыхъ распорядительныхъ засѣданій, отложили продолженіе своихъ занятій до окончанія работъ уѣздныхъ комитетовъ. Кіевскій губернскій комитетъ прямо постановилъ поставить на первую очередь ознакомленіе съ трудами уѣздныхъ комитетовъ. Изъ числа этихъ комитетовъ четыре—каневскій, липовецкій, звенигородскій и таращанскій—признаютъ необходимымъ введеніе земства, съ выборными управами, для проведенія въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію сельско-хозяйственнаго промысла. Тѣ же комитеты высказались за широкое развитіе народнаго образованія, общаго и спеціальнаго; за измѣненіе правовыхъ условій, въ смыслѣ уравненія сельскаго населенія съ остальными сословіями; за уменьшеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, падающихъ на сельское населеніе. Въ не-земскихъ губерніяхъ выражаются, такимъ образомъ, тѣ же пожеланія, что и въ земскихъ—и въ этомъ

[1]) Припомнимъ, что̀ говорилъ А. Н. Энгельгардтъ, въ своихъ извѣстныхъ „Письмахъ изъ деревни", о причинахъ возникновенія многихъ деревенскихъ праздниковъ.

нельзя не видѣть новаго доказательства тому, что они не навѣяны извнѣ, а вытекаютъ изъ требованій жизни.

Кромѣ закона о внѣбрачныхъ дѣтяхъ, разсмотрѣннаго нами въ августовскомъ внутреннемъ обозрѣніи, въ теченіе минувшаго лѣта обнародовано еще нѣсколько новыхъ узаконеній, болѣе или менѣе важныхъ. Два изъ нихъ касаются дворянства: одно имѣетъ цѣлью усовершенствованіе дворянскихъ учрежденій, другимъ организуются губернскія дворянскія кассы взаимопомощи. Главныя нововведенія, внесенныя въ устройство и функціи дворянскихъ учрежденій, заключаются въ томъ, что дворянству разрѣшается избирать, въ случаѣ надобности, помощника уѣзднаго предводителя дворянства, которому послѣдній можетъ поручать исполненіе тѣхъ или другихъ изъ числа своихъ обязанностей, а на мѣсто дворянскаго депутатскаго собранія ставится собраніе предводителей и депутатовъ, съ болѣе широкимъ кругомъ дѣйствій. Учрежденіе должности помощника уѣзднаго предводителя совершенно понятно: пока предводитель сохраняетъ ту роль, которая создана для него цѣлымъ рядомъ постановленій, обязанности его такъ многочисленны и разнообразны, что одному лицу справиться съ ними нелегко, и раздѣленіе труда несомнѣнно можетъ сдѣлать его болѣе серьезнымъ и производительнымъ. Ничего нельзя сказать и противъ возложенія на собраніе предводителей и депутатовъ приготовительныхъ работъ по дворянскому собранію, т.-е. предварительнаго обсужденія дѣлъ и вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію собранія, а также всѣхъ приносимыхъ дворянствомъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ и адресовъ. Въ послѣднемъ случаѣ новый законъ (ст. 18 пун. 3) требуетъ участія въ собраніи всѣхъ предводителей губерніи или лицъ ихъ замѣняющихъ и считаетъ постановленіе состоявшимся лишь при принятіи его большинствомъ не менѣе двухъ третей наличнаго состава собранія. Для насъ не совсѣмъ ясно значеніе этого правила. Можетъ случиться, что въ засѣданіе, непосредственно предшествующее открытію дворянскаго собранія, не явятся ни предводитель какого-либо уѣзда, ни его замѣститель—не явятся вслѣдствіе независящихъ отъ нихъ причинъ, безусловно неустранимыхъ; неужели это должно служить препятствіемъ къ внесенію въ собраніе ходатайства, возбуждающаго, быть можетъ, вопросъ первостепенной и неотложной важности? Необходимо ли, чтобы по каждому ходатайству высказались непремѣнно предводители *всѣхъ* уѣздовъ, и высказались, притомъ, именно въ собраніи предводителей и депутатовъ, а не въ дворянскомъ собраніи? Нѣтъ основанія предполагать, что мнѣніе предводителя по данному предмету совпадаетъ съ мнѣніемъ большинства

дворянъ его уѣзда; нѣтъ, слѣдовательно, повода придавать особенное значеніе участію предводителя въ предварительномъ обсужденіи вопроса, о которомъ будутъ происходить пренія въ дворянскомъ собраніи—пренія, въ которыхъ со всею полнотою можетъ выясниться настроеніе каждаго уѣзда. Какъ понимать, далѣе, правило, обусловливающее дѣйствительность постановленія большинствомъ двухъ третей голосовъ? Слѣдуетъ ли отсюда, что проектъ ходатайства, не получившій такого большинства, вовсе не вносится въ дворянское собраніе? Едва ли. Собраніе предводителей и депутатовъ не замѣняетъ собою дворянскаго собранія: оно не рѣшаетъ, а только подготовляетъ дѣла, подлежащія вѣдѣнію послѣдняго. Проектъ ходатайства, за который въ собраніи предводителей и депутатовъ выскажется простое большинство—или хотя бы меньшинство, хотя бы даже одинъ голосъ,—всетаки долженъ быть разсмотрѣнъ дворянскимъ собраніемъ, только безъ той презумпціи въ его пользу, которую создало бы принятіе его значительнымъ большинствомъ предводителей и депутатовъ. Въ настоящее время инициативу ходатайства можетъ взять на себя любой членъ дворянскаго собранія; одобренное простымъ большинствомъ собранія, оно получаетъ дальнѣйшее движеніе. Можно ли допустить, что въ будущемъ оно должно считаться какъ бы отклоненнымъ, если за него не окажется двухъ третей голосовъ въ собраніи предводителей и депутатовъ? Толковать законъ такимъ образомъ, значило бы видѣть въ немъ умаленіе правъ дворянства—а онъ направленъ къ ихъ расширенію. Болѣе чѣмъ достаточной гарантіей противъ ходатайствъ, выходящихъ за предѣлы вѣдомства дворянскихъ собраній, служитъ дискреціонная власть его предсѣдателя—губернскаго предводителя дворянства.

Дворянскому собранію издавна принадлежитъ право исключить изъ своей среды дворянина, опороченнаго судомъ, или такого, „котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы онъ судимъ не былъ“. Оставляя въ силѣ это право, новый законъ возлагаетъ предварительное разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ на собраніе предводителей и депутатовъ, требуя, притомъ, такого же состава собранія и такого же большинства голосовъ, какъ и для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ ходатайствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собранію предводителей и депутатовъ предоставляется такая дисциплинарная власть, какой не имѣло до сихъ поръ ни депутатское, ни дворянское собраніе. Губернскій предводитель дворянства, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о несовмѣстномъ съ достоинствомъ дворянскаго званія поступкѣ входящаго въ составъ мѣстнаго дворянскаго общества дворянина, предлагаетъ эти свѣдѣнія собранію предводителей и депутатовъ дворянства. Собраніе предводителей и депутатовъ назначаетъ

дворянину, о коемъ производство возбуждено, срокъ для представленія объясненій по дѣлу и приглашаетъ его въ засѣданіе, въ коемъ дѣло назначено къ слушанію. По разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла, переданнаго на его обсужденіе, собраніе имѣетъ право разъяснить дворянину неправильность совершеннаго имъ поступка или сдѣлать ему предостереженіе. Постановленное рѣшеніе немедленно приводится въ исполненіе губернскимъ предводителемъ дворянства. Дворянинъ, подвергшійся взысканію, можетъ, въ случаѣ нарушенія установленнаго для производства сихъ дѣлъ порядка, обжаловать рѣшеніе, въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія, Правительствующему Сенату (по первому департаменту). При разсмотрѣніи подобныхъ дѣлъ требуется (какъ и въ случаяхъ, упомянутыхъ нами выше) непремѣнное участіе всѣхъ предводителей губерніи или лицъ, ихъ замѣняющихъ, и постановленія почитаются состоявшимися въ случаѣ принятія ихъ большинствомъ не менѣе двухъ третей голосовъ наличнаго состава собранія.

Въ какой степени и какъ собранія предводителей и депутатовъ будутъ пользоваться своимъ новымъ правомъ—покажетъ время; теперь можно только отмѣтить несомнѣнно опасныя его стороны. Корпоративный судъ чести понятенъ и полезенъ тогда, когда у членовъ корпораціи есть общая дѣятельность, допускающая установленіе общихъ правилъ, развитіе общеобязательныхъ обычаевъ. Такова, напримѣръ, корпорація присяжныхъ повѣренныхъ, òрганы которой—совѣты—вырабатываютъ адвокатскую этику и преслѣдуютъ отступленія отъ нея; таково общество офицеровъ даннаго полка или другой войсковой части; таково, до извѣстной степени, врачебное сословіе или совокупность лицъ, профессіонально занимающихся литературнымъ трудомъ. Совершенно инымъ является положеніе дворянскаго общества; лица, входящія въ его составъ, не объединены ни однородностью занятій, ни одинаковостью призванія, ни сходствомъ взглядовъ. Понятіе о томъ, что̀ совмѣстно или несовмѣстно съ достоинствомъ дворянскаго званія, отличается, поэтому, крайнею неопредѣленностью; трудно или, лучше сказать, невозможно вывести изъ него демаркаціонную черту, нарушеніемъ которой оправдывалось бы возбужденіе дисциплинарнаго производства. Этимъ, по всей вѣроятности, объясняется законъ, въ силу котораго поводомъ къ *исключенію* дворянина изъ дворянскаго собранія могъ—и можетъ—служить только поступокъ *явно безчестный*. Честь—одна и та же для всѣхъ; что̀ противно ея требованіямъ—это опредѣлить сравнительно нетрудно. Изъ того, что честный образъ дѣйствій признается *особенно обязательнымъ для дворянина*, еще не вытекаетъ существованіе особой *дворянской чести*. Исключается дворянинъ не за то, что онъ уклонился

отъ предписаній этой особой чести, а за то, что онъ не остался вѣренъ *общимъ правиламъ чести*, обязывавшимъ его—если руководствоваться девизомъ: noblesse oblige,—и какъ человѣка, и какъ дворянина. Новый законъ идетъ гораздо дальше: говоря о поступкахъ, несовмѣстныхъ съ *достоинствомъ дворянскаго званія*, онъ какъ бы создаетъ представленіе объ особой дворянской чести, безгранично эластичное и допускающее безконечное разнообразіе толкованій. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что рѣчь идетъ только о *поступкахъ*, а не о мнѣніяхъ, не о настроеніяхъ. Усерднымъ не по разуму сторонникамъ „дворянскаго принципа“ хотѣлось бы вооружить дворянство дисциплинарною властью надъ „несогласно мыслящими“ дворянами. Съ особенною ясностью это желаніе выразилось въ статьѣ: „Мысли дворянина“, напечатанной въ №№ 50—52 „Гражданина“: она рекомендуетъ „сортировку дворянъ по убѣжденіямъ“, путемъ исключенія изъ дворянскаго общества какъ дворянъ, не являющихся въ дворянскія собранія, такъ и дворянъ „либеральныхъ“. Дворянинъ,—восклицаетъ проповѣдникъ единомыслія,—„дворянинъ не смѣетъ быть либераленъ; позволять себѣ малѣйшую критику существующаго порядка дворянину не приличествуетъ... Критика и протестъ противъ правительства со стороны дворянъ, не служилыхъ и служилыхъ, преступна; это измѣна присягѣ, мундиру, завѣщаніямъ предковъ и всему государству. Критика безсмысленна, такъ какъ правительство есть то же дворянство, и всякій протестъ есть самоосужденіе“ (!). Нужно надѣяться, что такіе взгляды не найдутъ отголоска въ собраніяхъ предводителей и депутатовъ; иначе редакція новаго закона оказалась бы недостаточной гарантіей для дворянъ, заподозрѣнныхъ въ „либерализмѣ“. Сказанныя или напечатанныя ими *слова* нетрудно было бы возвести на степень *поступковъ*, несовмѣстныхъ съ „достоинствомъ дворянскаго званія“.

Возвращаемся къ правиламъ, регулирующимъ возбужденіе дисциплинарнаго производства. Обязательно ли оно каждый разъ, когда губернскій предводитель сообщитъ собранію предводителей и депутатовъ „дошедшія до него свѣдѣнія о поступкѣ, несовмѣстномъ съ достоинствомъ дворянскаго званія“? Буква закона говоритъ скорѣе въ пользу утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ; но едва ли онъ былъ бы согласенъ съ смысломъ закона. Представимъ себѣ, что свѣдѣнія, сообщенныя губернскимъ предводителемъ, будутъ найдены собраніемъ не заслуживающими, по самому своему источнику, никакого довѣрія, или самый поступокъ, котораго они касаются—не заключающимъ въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ достоинствомъ дворянскаго званія; неужели производство, всегда крайне тяжелое и непріятное для обвиняемаго, все-таки должно быть начато, неужели собраніе не въ правѣ

прямо отклонить явно неосновательное обвиненіе? Сословное учрежденіе, облеченное дисциплинарною властью, соединяетъ въ себѣ, въ силу своего назначенія, функціи обвинительной камеры и функціи суда; прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ, оно должно исчерпать первыя, т.-е. должно признать, что есть достаточный поводъ къ возбужденію преслѣдованія. Другой вопросъ, не разрѣшаемый закономъ, заключается въ томъ, въ правѣ ли лицо, осужденное собраніемъ предводителей и депутатовъ, просить дворянское собраніе о пересмотрѣ рѣшенія? Жалоба сенату можетъ касаться только нарушенія формъ производства—и это совершенно понятно, потому что призваніе сената не имѣетъ ничего общаго съ призваніемъ сословнаго дисциплинарнаго суда; но дворянскому собранію, какъ инстанціи высшей по отношенію къ собранію предводителей и депутатовъ и въ то же время съ нимъ однородной, слѣдовало бы предоставить повѣрку рѣшенія по существу, во избѣжаніе пристрастія, всегда возможнаго со стороны небольшой коллегіи. Нѣкоторой гарантіей служитъ требованіе присутствія въ засѣданіи всѣхъ предводителей (или лицъ ихъ замѣняющихъ) и большинства двухъ третей голосовъ—но оно недостаточно обезпечиваетъ обвиняемыхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ возникаетъ вопросъ принципіальнаго значенія. Только дворянское собраніе, притомъ, можетъ считаться авторитетнымъ выразителемъ взглядовъ, господствующихъ въ мѣстномъ дворянскомъ обществѣ; не даромъ же право исключенія дворянъ остается за дворянскимъ собраніемъ, а не передается собранію предводителей и депутатовъ... Замѣтимъ, въ заключеніе, что къ дѣламъ дисциплинарнымъ едва ли примѣнимо то правило новаго закона, которымъ губернскому предводителю дворянства предоставлено приглашать въ засѣданія собранія предводителей и депутатовъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, старѣйшихъ и почетнѣйшихъ дворянъ губерніи. Участіе такихъ лицъ можетъ быть полезно при обсужденіи общихъ вопросовъ, но оно было бы совершенно неумѣстно въ дѣлахъ личныхъ, рѣшеніе которыхъ должно зависѣть исключительно отъ полноправныхъ и вслѣдствіе того отвѣтственныхъ членовъ коллегіи.

Губернскія дворянскія кассы взаимопомощи, устройство которыхъ предоставлено усмотрѣнію дворянскихъ собраній, имѣютъ цѣлью оказывать мѣстнымъ потомственнымъ дворянамъ-землевладѣльцамъ содѣйствіе въ платежахъ по долгамъ, обезпеченнымъ залогомъ ихъ имѣній, а также по случаю разныхъ бѣдственныхъ событій. Основной капиталъ кассы образуется, между прочимъ: 1) изъ единовременнаго, при открытіи кассы, ассигнованія изъ суммъ государственнаго казначей-

ства, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по непосредственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества; 2) изъ дворянской складки, устанавливаемой въ обыкновенномъ или именно для того созываемомъ чрезвычайномъ дворянскомъ собраніи, по постановленію не менѣе двухъ третей присутствующихъ въ собраніи дворянъ, и 3) изъ ежегоднаго, въ теченіе десяти лѣтъ, пособія отъ казны въ размѣрѣ дѣйствительнаго поступленія въ кассу за предшествовавшій годъ вышеуказанной дворянской складки. Запасной капиталъ кассы составляется изъ чистыхъ прибылей ея. Ссуды на покрытіе платежей могутъ быть выдаваемы какъ подъ залогъ имѣнія, такъ и за поручительствомъ двухъ благонадежныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ (не состоящихъ заемщиками кассы); въ первомъ случаѣ ссуда можетъ быть выдана лишь тогда, если вмѣстѣ съ нею задолженность имѣнія не превыситъ 90% его оцѣнки. Размѣръ ссуды не долженъ превышать 20% общей суммы всѣхъ обезпеченныхъ залогомъ имѣнія долговъ. Наибольшій срокъ возврата ссуды, выданной на покрытіе платежей—пятилѣтній, ссуды по случаю бѣдственнаго событія—двухгодовой. Ссуды послѣдняго рода выдаются изъ средствъ запасного капитала кассы. При выдачѣ ссуды подъ залогъ имѣнія касса или установляетъ надзоръ за его управленіемъ, или же принимаетъ его въ свое управленіе впредь до погашенія долга кассѣ. По ходатайству кассы, въ управленіе ея могутъ также быть передаваемы имѣнія, заложенныя въ государственномъ дворянскомъ банкѣ и назначенныя имъ въ продажу съ публичнаго торга; для этого требуется постановленіе совѣта дворянскаго банка, состоявшееся по большинству двухъ третей головъ, и согласіе управляющаго банкомъ. Недоимки, лежащія на имѣніи, должны быть, въ этомъ случаѣ, пополнены кассой въ теченіе шести лѣтъ; иначе, а также при невзносѣ текущаго полугодового платежа, имѣніе назначается въ продажу съ публичнаго торга. При недостаточности доходовъ съ принятаго въ управленіе имѣнія касса можетъ отсрочить взысканіе двухъ слѣдующихъ въ ея пользу взносовъ. На расходы по управленію имѣніемъ могутъ быть обращаемы, кромѣ доходовъ съ имѣнія, средства запасного капитала кассы. Касса можетъ пріобрѣтать, по ходатайству заемщиковъ, заложенныя въ дворянскомъ банкѣ имѣнія, но не иначе, какъ по соглашенію съ другими кредиторами, претензіи которыхъ обезпечены залогомъ имѣнія или лежащимъ на немъ запрещеніемъ. Кассѣ предоставлено также оставлять за собою заложенныя въ ней имѣнія, если не состоятся торги или высшей предложенной на нихъ цѣною не покрывается долгъ кассѣ. Въ обоихъ случаяхъ пріобрѣтенное кассой имѣніе должно быть продано ею въ теченіе пяти лѣтъ, въ полномъ составѣ или по частямъ, по вольной цѣнѣ или съ торговъ. Дѣлами кассы завѣдуетъ—подъ наблюденіемъ и при извѣстномъ уча-

стіи дворянскаго собранія, собранія предводителей и депутатовъ и губернскаго предводителя дворянства—правленіе кассы, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, избираемыхъ дворянскимъ собраніемъ на три года, утверждаемыхъ губернаторомъ и пользующихся всѣми преимуществами службы по выборамъ дворянства.

По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", вновь организуемыя дворянскія кассы лишь по имени приближаются къ существующимъ учрежденіямъ взаимопомощи; онѣ имѣютъ не профессіональный, а исключительно сословный характеръ, пользуются щедрыми субсидіями со стороны государственнаго казначейства и оказываютъ помощь не только въ случаѣ смерти или болѣзни, не только при хозяйственныхъ бѣдствіяхъ, но и при затрудненіяхъ въ уплатѣ процентовъ по займамъ, обременяющимъ имѣніе. Главная функція кассъ—это, если можно такъ выразиться, кредитъ для поддержанія кредита, дополнительный кредитъ, привитый къ первоначальному, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опека надъ неумѣлыми хозяевами изъ среды дворянъ-землевладѣльцевъ. Трудно предположить, чтобы исполненіе этой функціи привело къ желанной цѣли. Если льготный кредитъ, созданный для дворянъ учрежденіемъ дворянскаго земельнаго банка, принесъ помѣстному дворянству, по общему признанію, больше вреда, чѣмъ пользы, увеличивъ задолженность дворянскихъ имѣній безъ соотвѣтствующаго улучшенія ихъ хозяйства, то къ аналогичнымъ результатамъ можетъ привести и новый видъ кредита, поощряющій неисправность заемщиковъ и тѣмъ самымъ увеличивающій шансы конечной, безнадежной ихъ несостоятельности. Разсчетъ на помощь кассы слишкомъ легко можетъ уменьшить заботливость о срочныхъ уплатахъ дворянскому и другимъ земельнымъ банкамъ; стимулы къ осторожности и аккуратности, и теперь не особенно сильные, могутъ ослабѣть еще больше. А между тѣмъ, должна же наступить, рано или поздно, минута расплаты; отсрочкамъ есть предѣлъ, постоянное отодвиганіе котораго далеко не выгодно для заемщика. Предполагать, что правленіе кассы, принявъ имѣніе въ свое завѣдываніе, поправитъ дѣла владѣльца, было бы крайне рискованно. Не такъ блистательна дѣятельность дворянскихъ опекъ и назначаемыхъ ими опекуновъ, чтобы можно было возлагать большія надежды на аналогичное учрежденіе, призванное опекать взрослыхъ владѣльцевъ и, притомъ, опекать ихъ при обстоятельствахъ мало благопріятныхъ, среди затрудненій всякаго рода. Допустимъ, что дворянскому собранію удастся найти трехъ лицъ, готовыхъ и способныхъ взять на себя исполненіе тяжелой задачи; но вѣдь имъ нельзя же будетъ лично завѣдывать всѣми имѣніями, взятыми въ управленіе кассы. Придется искать честныхъ и умѣлыхъ управляющихъ, найти которыхъ не легко даже землевладѣльцамъ, лично ведущимъ свое хо-

зяйство. Контроль правленія будетъ далекъ и мало дѣйствителенъ; контроль владѣльца, если онъ останется въ имѣніи, легко можетъ повлечь за собою рядъ конфликтовъ, еще болѣе усложняющихъ положеніе управляющаго. Чего не достигъ самъ владѣлецъ, прямо заинтересованный въ увеличеніи доходовъ и уменьшеніи расходовъ, того едва ли достигнутъ посторонніе лица, временные и неполноправные хозяева имѣнія. Неизбѣжно будетъ увеличиваться число имѣній, остающихся за кассой—и ихъ обязательная продажа сдѣлается источникомъ убытковъ, трудно вознаградимыхъ. Правда, правленію кассы предоставляется покрывать недочетъ въ доходахъ изъ средствъ запасного капитала кассы—но вѣдь всѣ подобныя затраты будутъ производиться за счетъ владѣльца, увеличивая его долгъ кассѣ и уменьшая вѣроятность уплаты долга. Подобныя позаимствованія изъ запасного капитала тѣмъ менѣе желательны, что только изъ него могутъ быть выдаваемы ссуды по поводу бѣдственныхъ событій. Чѣмъ бо̀льшая часть запасного капитала будетъ обращена на покрытіе расходовъ по управленію имѣніями, тѣмъ меньше останется суммъ для того вида помощи, который составляетъ наиболѣе симпатичную функцію кассы. Запасные капиталы кассъ едва ли, притомъ, достигнутъ значительныхъ размѣровъ; они будутъ составляться исключительно изъ чистыхъ прибылей, которыя, какъ видно изъ всего сказаннаго нами выше, едва ли будутъ велики.

Къ какимъ бы фактическимъ результатамъ ни привела дѣятельность дворянскихъ кассъ взаимопомощи, несомнѣнно одно: помѣстному дворянству, какъ общественному классу, и дворянамъ, какъ отдѣльнымъ землевладѣльцамъ, онѣ даютъ возможность сохранить и упрочить свое положеніе. Государственная власть, такъ много сдѣлавшая для дворянъ и раньше, предоставила имъ еще одно громадное преимущество; нѣтъ такого затруднительнаго положенія, изъ котораго они не могли бы выйти съ помощью ссудъ, больше чѣмъ на половину имѣющихъ характеръ правительственнаго пособія. Если сотрудникъ „Гражданина", въ статьѣ: („Мысли дворянина"), цитированной нами выше, могъ воскликнуть, три мѣсяца тому назадъ: „просить (дворянству) больше не о чемъ—дано все", если, по его словамъ, „въ новыхъ серіяхъ (дворянскихъ) собраній не будутъ и не должны болѣе обсуждаться принципіальные вопросы бытія, нуждъ и общихъ желаній дворянства"—не должны обсуждаться потому, что они всѣ уже разрѣшены,—то что̀ же сказать теперь, послѣ обнародованія закона о дворянскихъ кассахъ взаимопомощи? Не ясно ли, что если распродажа дворянскихъ имѣній будетъ продолжаться въ большихъ размѣрахъ, несмотря на всѣ льготы, прежнія и новыя, то это нужно будетъ приписать неумѣнью или нежеланію владѣльцевъ удержать за собою свои помѣстья? Неужели не прекра-

тится, наконецъ, походъ реакціонной печати противъ крестьянскаго банка, виновнаго только въ томъ, что онъ покупаетъ или помогаетъ покупать имѣнія, которыхъ не хотятъ или не могутъ удержать за собою ихъ владѣльцы? Неужели тою же печатью по прежнему будетъ проводиться мысль о необходимости искусственнаго закрѣпленія дворянскихъ имѣній за владѣльцами и ихъ потомствомъ? Кто, встрѣчая со всѣхъ сторонъ могущественную поддержку, все-таки тяготится имѣніемъ и ищетъ только выгоднаго покупателя, тому незачѣмъ закрывать выходъ изъ обстановки, въ которой онъ не можетъ быть полезенъ ни государству, ни сословію, ни собственной семьѣ.

Значительно понизились, въ послѣднее время, тѣ надежды, которыя не столько сами дворяне, сколько ихъ газетные адвокаты возлагали на законъ 8-го іюня 1901 года, направленный къ насажденію частнаго (преимущественно дворянскаго) землевладѣнія въ Сибири. Въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ (тобольской, томской, енисейской и иркутской) найдено возможнымъ отвести подъ частныя владѣнія всего 118 тысячъ десятинъ, чтò достаточно для удовлетворенія требованій *сорока* только лицъ. До крайности оскудѣлъ запасъ земли, предназначаемой для крестьянъ-переселенцевъ—и это уже само по себѣ полагаетъ предѣлъ искусственному распространенію въ Сибири крупнаго землевладѣнія. Другое препятствіе, указываемое знатоками мѣстныхъ условій [1]), заключается въ томъ, что въ Сибири, съ проведеніемъ желѣзной дороги и развитіемъ промышленности, все труднѣе и труднѣе становится пріисканіе сельскихъ рабочихъ, даже крестьянскими хозяйствами, нуждающимися въ наемномъ трудѣ.

Когда, восемнадцать лѣтъ тому назадъ, вниманіе высшей власти было обращено въ первый разъ на роль духовенства въ распространеніи начальнаго образованія, поставленный на очередь вопросъ былъ разрѣшенъ внѣ общеустановленнаго законодательнаго порядка: правила о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты были утверждены (13-го іюня 1884-го года) помимо государственнаго совѣта, по докладу оберъ-прокурора св. синода. Такимъ же путемъ были изданы и правила 4-го мая 1891-го года о школахъ грамоты. Эта аномалія устранена „Положеніемъ о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія“, прошедшимъ черезъ государственный совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ 1-го апрѣля и распубликованнымъ въ іюлѣ текущаго года. Оффиціально признано существованіе, рядомъ съ начальными церковно-приходскими школами и школами

[1]) См. статью г. В—ва въ № 135 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

грамоты, школъ учительскихъ—второклассныхъ, имѣющихъ задачей подготовлять учителей и учительницъ для школъ грамоты, и церковно-учительскихъ, исполняющихъ ту же функцію по отношенію къ церковно-приходскимъ школамъ. Довершается, такимъ образомъ, сближеніе—съ точки зрѣнія системы и строя—школъ духовнаго вѣдомства съ школами свѣтскими. Первоначально предполагалось, что первыя будутъ дѣйствовать при условіяхъ сравнительно простыхъ, при требованіяхъ менѣе строгихъ. Курсъ ученья въ церковно-приходскихъ школахъ проектировался двухлѣтній (въ двухклассныхъ—четырехлѣтній), т.-е. значительно сокращенный; преподаваніемъ въ нихъ должны были заниматься преимущественно члены клира; для преподавателей въ школахъ грамоты признавалась излишней педагогическая подготовка. Практика скоро доказала невозможность оставаться при такомъ порядкѣ—и законъ 1-го апрѣля только санкціонируетъ перемѣны, произведенныя силою вещей. Курсъ ученья въ церковно-приходскихъ школахъ установляется такой же какъ и въ школахъ свѣтскихъ—трехлѣтній для школъ одноклассныхъ, пятилѣтній для школъ двухклассныхъ. Учащіе въ церковно-приходскихъ школахъ избираются изъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе учителя или окончившихъ курсъ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеній; отступленія отъ этого правила допускаются лишь при недостаткѣ подходящихъ кандидатовъ. Церковно - учительскія школы соотвѣтствуютъ правительственнымъ учительскимъ семинаріямъ и земскимъ учительскимъ школамъ; съ послѣдними онѣ имѣютъ и ту общую черту, что учреждаются какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Особенностью организаціи церковныхъ школъ являются только второклассныя школы, предназначенныя для подготовки учащихъ въ школахъ грамоты—и это вполнѣ понятно, такъ какъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія нѣтъ ничего аналогичнаго школамъ грамоты. Сосредоточеніе этихъ школъ исключительно въ духовномъ вѣдомствѣ, не отмѣняемое и новымъ закономъ, мы продолжаемъ считать серьезной преградой на пути широкаго развитія начальнаго образованія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что школъ грамоты было бы больше и преподаваніе въ нихъ было бы поставлено лучше, еслибы право открытія ихъ принадлежало и земствамъ, и городамъ, и другимъ учрежденіямъ, и частнымъ лицамъ, подъ контролемъ свѣтскаго учебнаго начальства. Не пріостановилось бы тогда начинавшееся въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ сближеніе между школами грамоты и правильно организованной начальной школой [1]); меньше было бы

[1]) См. Внутреннія Обозрѣнія въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1884-ый и № 3 за 1886-ой годъ.

школъ грамоты, числящихся только на бумагѣ или влачащихъ жалкое существованіе, безъ всякой поддержки и внѣ реальнаго надзора; раньше начался бы постепенный подъемъ уровня школъ грамоты, сглаживающій различіе между ними и школами высшаго типа. Конкуренція привела бы и здѣсь къ такимъ же полезнымъ результатамъ, какъ и въ области школъ церковно-приходскихъ и земскихъ; не будь послѣднихъ, не такъ быстро обнаружилась бы, напримѣръ, недостаточность двухлѣтняго курса, установленнаго сначала для одноклассной церковно-приходской школы.

Церковныя школы—читаемъ мы въ новомъ законѣ—предназначаются для лицъ православнаго исповѣданія, безъ различія состояній. Въ школы грамоты и церковно-приходскія, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея, могутъ быть принимаемы и дѣти лицъ инославнаго или иновѣрнаго исповѣданія, а также раскольниковъ и сектантовъ. Не исповѣдующія православной вѣры дѣти принимаются въ школы не иначе, какъ по изъявленіи на то согласія ихъ родителей или лицъ, на попеченіи которыхъ они находятся. Эта послѣдняя оговорка заставляетъ предполагать, что дѣти не-православныхъ родителей, вступивъ въ школу грамоты или церковно-приходскую школу, не освобождаются отъ обученія закону Божію по правиламъ православнаго исповѣданія. Понятно, что это можетъ удержать многихъ родителей отъ отдачи своихъ дѣтей въ школу духовнаго вѣдомства; возможно также, что пріемъ ихъ въ такую школу встрѣтитъ препятствія со стороны начальства. Мы видимъ въ этомъ самый сильный аргументъ въ пользу допущенія школъ грамоты, не подчиненныхъ духовному вѣдомству. Нельзя лишать раскольниковъ, сектантовъ и иновѣрцевъ возможности заботиться о начальномъ обученіи своихъ дѣтей, дешевомъ и для всѣхъ доступномъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ немыслимо ставить школы, учреждаемыя раскольниками для раскольниковъ, иновѣрцами для иновѣрцевъ, подъ начальство православнаго духовенства. Не разрѣшенъ закономъ 1-го апрѣля и другой вопросъ, важный не только для иновѣрцевъ, но и для многихъ православныхъ (финновъ, эстовъ, латышей, грековъ, молдаванъ, болгаръ, грузинъ, татаръ и т. п.)—вопросъ о преподаваніи въ церковныхъ школахъ ихъ природнаго языка, на которомъ для нихъ совершается богослуженіе. Оно могло бы быть введено для ихъ дѣтей въ замѣнъ ненужнаго имъ церковно-славянскаго языка.

Ничего не измѣняетъ новый законъ и въ положеніи, принадлежащемъ священнику въ церковно-приходской школѣ. Каждая такая школа находится въ завѣдываніи приходскаго священника; другими словами, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ состоитъ учительница или учитель (преподаваніе закона Божія, за рѣдкими исключеніями, лежитъ на самомъ завѣдующемъ школою). Не-

удобства этого порядка были указаны нами еще при разборѣ правилъ 13-го іюня 1884-го года [1]). „Особенно самостоятельнымъ"—говорили мы тогда—„положеніе учащаго не можетъ быть названо и въ свѣтской начальной школѣ—но все-таки онъ имѣетъ извѣстную свободу дѣйствій, уже потому, что многочисленные его начальники и наблюдатели стоятъ поодаль отъ школы и не вмѣшиваются, ежедневно и ежечасно, въ подробности преподаванія. Отвѣтственнымъ и непосредственнымъ распорядителемъ свѣтской начальной школы является самъ преподаватель; законоучитель стоитъ рядомъ съ нимъ и отвѣчаетъ только за свой предметъ; попечитель школы не имѣетъ начальническихъ правъ; инспекторъ народныхъ училищъ и члены училищнаго совѣта соединяютъ въ своихъ рукахъ завѣдываніе многими школами, не управляя прямо ни одною изъ нихъ. Совершенно иною представляется роль учителя въ церковно-приходской школѣ: онъ дѣйствуетъ постоянно на глазахъ своего начальника (священника), нисходя на степень простого исполнителя его приказаній. Съ сознаніемъ отвѣтственности часто исчезаетъ одно изъ главныхъ побужденій къ усиленной работѣ надъ самимъ собою и надъ своей задачей. Одно изъ двухъ: или священникъ можетъ посвятить значительную часть своего времени и своихъ силъ занятіямъ въ церковно-приходской школѣ—въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ взять на себя преподаваніе въ ней; или онъ слишкомъ поглощенъ другими приходскими дѣлами—въ такомъ случаѣ распорядителемъ церковно-приходской школы слѣдовало бы признать преподавателя. Оставаясь законоучителемъ, священникъ имѣлъ бы полную возможность слѣдить за ходомъ дѣла въ церковно-приходской школѣ и сохранилъ бы, по отношенію къ ней, ту степень вліянія, которая принадлежитъ ему въ свѣтской начальной школѣ". Въ настоящее время, какъ намъ кажется, эти соображенія имѣютъ еще бо́льшую силу, такъ какъ образовательный цензъ большинства учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ значительно выше, чѣмъ прежде. Замѣтимъ еще, что въ новомъ законѣ ничего не сказано о порядкѣ назначенія и увольненія учащихъ въ начальныхъ церковно-приходскихъ школахъ [2]). Чѣмъ важнѣе роль, которую, de facto, играетъ при этомъ завѣдующій школою, тѣмъ больше, конечно, зависимость учащихъ. Напомнимъ, по этому поводу, что въ земскихъ и городскихъ начальныхъ школахъ *выборъ* учащаго предоставленъ учрежденію, содержащему школу; инспектору при-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1884 г.

[2]) Этотъ пробѣлъ тѣмъ больше бросается въ глаза, что порядокъ назначенія учащихъ въ второклассныхъ и церковно-учительскихъ школахъ точно опредѣленъ закономъ.

надлежитъ *допущеніе* его къ преподаванію, училищному совѣту—*утвержденіе* его въ учительскомъ званіи.

При самомъ изданіи правилъ 13-го іюня 1884-го года было разъяснено, что въ мѣстностяхъ, гдѣ уже есть школы одного вѣдомства, школы другого вѣдомства не должны быть открываемы безъ предварительныхъ взаимныхъ сношеній, „такъ какъ для достиженія полнаго успѣха въ просвѣщеніи народа потребно единодушіе между всѣми лицами и учрежденіями, призванными къ служенію этому дѣлу". Это не помѣшало, однако, множеству столкновеній и недоразумѣній, приведшихъ къ тому, что въ однихъ селеніяхъ существуютъ рядомъ, безъ дѣйствительной въ томъ надобности, школы обоихъ вѣдомствъ, а въ другихъ школы нѣтъ вовсе. Откуда исходили, бо̀льшею частью, отступленія отъ установленнаго начала—это извѣстно читателямъ нашего журнала; перевѣсъ, во всякомъ случаѣ, оставался обыкновенно не за земствомъ, а за другою стороною, болѣе вліятельною и властною. Новымъ закономъ опредѣленіе порядка и условій открытія начальныхъ школъ одного вѣдомства въ мѣстностяхъ, гдѣ уже имѣетъ свои школы другое, предоставлено соглашенію оберъ-прокурора св. синода и министра народнаго просвѣщенія. Имъ же, совмѣстно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, поручено сообразить вопросъ объ объединеніи дѣятельности вѣдомствъ въ области народнаго обученія и предположенія свои по этому предмету внести въ государственный совѣтъ. Объединительныя мѣры намѣчаются двоякія: однѣ—могущія послѣдовать по соглашенію вѣдомствъ, другія—требующія разрѣшенія законодательной власти. Къ числу первыхъ принадлежитъ предоставленіе должностнымъ лицамъ одного вѣдомства права посѣщать школы другого, съ цѣлью пріобрѣтенія, путемъ сравненія, полезныхъ свѣдѣній,—а также устройство періодическихъ совѣщаній, въ которыхъ участвовали бы члены учительскаго персонала обоихъ вѣдомствъ. Не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, могли бы быть учреждены общіе мѣстные совѣщательные о̀рганы для всѣхъ народныхъ школъ, къ какому бы вѣдомству онѣ ни принадлежали. Мы слышали, что въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія собираются мнѣнія по этому предмету губернскихъ училищныхъ совѣтовъ. Привѣтствовать, какъ намъ кажется, можно было бы все то, что̀, сохраняя самостоятельность и самодѣятельность каждой категоріи начальныхъ школъ, полагало бы конецъ попыткамъ вмѣшательства въ чужую область и благопріятствовало бы дружному стремленію къ одной общей цѣли. Разсматривая, съ этой точки зрѣнія, устройство общихъ мѣстныхъ совѣщательныхъ о̀рганов, мы не видимъ въ немъ ничего противорѣчащаго интересамъ начальной школы, лишь бы только проектируемое учрежденіе на самомъ дѣлѣ ограни-

чивалось исключительно *совѣщательными* функціями, а рѣшающая власть оставалась въ рукахъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Поясниъ нашу мысль примѣромъ. На основаніи ст. 10-ой закона 1-го апрѣля преподаваніе въ церковныхъ школахъ производится по учебникамъ и руководствамъ, одобреннымъ по предмету Закона Божія—св. синодомъ, а по прочимъ предметамъ—училищнымъ при св. синодѣ совѣтомъ; въ воскресныхъ школахъ преподаваніе можетъ происходить также и по учебникамъ и руководствамъ, одобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Для всѣхъ церковныхъ школъ, кромѣ воскресныхъ, одобреніе министерства народнаго просвѣщенія признается, такимъ образомъ, недостаточнымъ. Нельзя не видѣть въ этомъ нѣкоторую аномалію, устранить или уменьшить которую могло бы совмѣстное обсужденіе учебниковъ уполномоченными обоихъ вѣдомствъ, соединенными въ одномъ совѣщательномъ органѣ. Постановленія его не имѣли бы обязательной силы, но способствовали бы, безъ сомнѣнія, сближенію взглядовъ и объединенію методовъ и пріемовъ преподаванія. Въ составъ мѣстныхъ совѣщательныхъ органовъ—именно потому, что они только совѣщательные,—могли бы быть беспрепятственно и съ большою пользою для дѣла введены представители обоихъ учительскихъ персоналовъ.

Разбросанныя, устарѣлыя и крайне недостаточныя правила о трудовыхъ артеляхъ уступили, наконецъ, мѣсто общему закону, устанавливающему главныя начала устройства и дѣятельности этихъ товарищескихъ союзовъ. Подробное ихъ развитіе предоставляется, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, уставу артели (если она дѣйствуетъ не на основаніи договора между ея членами). Уставы артелей утверждаются губернаторомъ; если онъ встрѣтитъ при этомъ какое-либо сомнѣніе, то представляетъ его, въ теченіе одного мѣсяца, министру финансовъ, разрѣшающему его по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. Такой порядокъ значительно облегчаетъ и ускоряетъ устройство артелей, до сихъ поръ, за немногими исключеніями, зависѣвшее отъ центральной власти. Еще меньше затрудненій оно будетъ встрѣчать тогда, когда министромъ финансовъ, по предоставленному ему закономъ праву, будутъ изданы образцовые уставы для отдѣльныхъ видовъ трудовыхъ артелей. Невелико, далѣе, и минимальное число лицъ (пять), требуемое для учрежденія артели. Артелямъ предоставляются права юридическаго лица. Артель управляется общимъ собраніемъ ея членовъ, избирающимъ изъ своей среды непосредственныхъ распорядителей дѣлами артели. Членскіе взносы должны быть одинаковы для всѣхъ участниковъ артели. Если артельное имущество окажется недостаточнымъ для покрытія причитающихся съ артели

суммъ, ея члены отвѣтствуютъ, за круговою порукою, всѣмъ личнымъ ихъ имуществомъ, неограниченно или въ предѣлахъ, указанныхъ уставомъ артели. Всѣ эти постановленія вполнѣ практичны и цѣлесообразны; пожалѣть можно только о томъ, что къ числу способовъ прекращенія существованія артели отнесено требованіе губернатора, мотивированное несогласіемъ ея дѣйствій съ ея уставомъ или съ общими законами. Иначе этотъ вопросъ разрѣшался коммиссіею, составляющею гражданское уложеніе [1]). „Можно усомниться"—сказано въ объяснительной ея запискѣ, — „въ достаточной ли мѣрѣ осторожно предоставлять закрытіе товариществъ административной власти. Мѣстная губернская власть въ большинствѣ случаевъ должна считаться вполнѣ компетентной для рѣшенія вопроса, противорѣчитъ ли дѣятельность товарищества общественной безопасности или нравственности; напротивъ, для правильнаго заключенія о томъ, представляются ли извѣстныя дѣйствія товарищества выходящими изъ предѣловъ предоставленныхъ ему по уставу полномочій, во многихъ случаяхъ требуются обстоятельныя юридическія познанія, которыми губернаторъ, по свойству возложенныхъ на него общихъ обязанностей, можетъ и не обладать... Закрытіе товарищества не только причиняетъ значительные убытки всѣмъ товарищамъ, изъ которыхъ, можетъ быть, многіе невиновны въ неправильныхъ дѣйствіяхъ руководителей товарищества, но и въ значительной степени отражается на интересахъ третьихъ лицъ, съ которыми товарищество находится въ дѣловыхъ отношеніяхъ". Поэтому составители проекта пришли къ убѣжденію, что всѣ затрогиваемые прекращеніемъ товарищества интересы будутъ въ достаточной степени ограждены лишь въ томъ случаѣ, если прекращеніе товарищества будетъ послѣдствіемъ не распоряженія администраціи, а постановленія суда... По справедливому замѣчанію „Русскихъ Вѣдомостей", пробѣломъ закона является отсутствіе постановленій о порядкѣ разрѣшенія союзовъ артелей, составляющихъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ укрѣпленія и развитія дѣятельности трудовыхъ товариществъ [2]).

Весьма важное экономическое значеніе имѣютъ Высочайше утвержденныя 20-го мая правила объ устройствѣ канавъ и другихъ водопроводныхъ сооруженій на чужихъ земляхъ для осушительныхъ, оро-

---

[1]) Въ основаніе закона о трудовыхъ артеляхъ положенъ не трудъ коммиссіи, а проектъ, составленный министерствомъ финансовъ.

[2]) Обстоятельный разборъ закона о трудовыхъ артеляхъ можно найти въ №№ 30 и 31 „Права" (статья І. В. Гессена) и въ №№ 204, 205 и 215 „Русскихъ Вѣдомостей".

сительныхъ и обводнительныхъ цѣлей. Они значительно двигаютъ впередъ водное право, развитое въ Россіи (за исключеніемъ нѣкоторыхъ окраинъ) чрезвычайно слабо. Соглашеніе между сосѣдями относительно пользованія водою можетъ быть достигнуто далеко не всегда; необходимо установить порядокъ, который позволялъ бы, въ случаѣ надобности, регулировать отношенія владѣльцевъ вмѣшательствомъ правительственной власти. Къ созданію такого порядка и направлены правила 20-го мая. Они опредѣляютъ, прежде всего, чего именно, въ какихъ случаяхъ и при какихъ условіяхъ можетъ домогаться владѣлецъ, нуждающійся въ водѣ или, наоборотъ, страдающій отъ ея избытка; затѣмъ идетъ перечень правъ и обязанностей обоихъ владѣльцевъ—того, въ чью пользу устраиваются сооруженія, и того, на чьей землѣ они устраиваются; остальная часть правилъ посвящена организаціи и дѣятельности учрежденій, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Эти учрежденія—уѣздныя и губернскія коммиссіи, аналогичныя, по своему смѣшанному составу, другимъ присутствіямъ и комитетамъ, вѣдающимъ разныя стороны уѣзднаго и губернскаго управленія: во главѣ уѣздныхъ и губернскихъ коммиссій стоятъ предводители дворянства, членами ихъ являются представители администраціи и земства. Жалобы на уѣздныя коммиссіи разрѣшаются окончательно губернскими коммиссіями, постановленія которыхъ подлежатъ обжалованію сенату только въ случаѣ нарушенія закона; но споры о размѣрахъ и условіяхъ вознагражденія могутъ быть предметомъ судебнаго разбирательства. Юридическій интересъ правилъ 20-го мая заключается въ томъ, что они еще разъ обнаруживаютъ неосновательность доктрины, признающей за частной собственностью абсолютный характеръ, отрицающей закономѣрность ограниченія ея предписаніями положительнаго закона. Давно поколебленная наукой, эта доктрина все еще имѣетъ немало сторонниковъ въ практической жизни; мы помнимъ, напримѣръ, какъ въ одномъ изъ губернскихъ земскихъ собраній, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, предложенію ходатайствовать о расширеніи сосѣдскихъ правъ на пользованіе водою противопоставлялась именно ссылка на безусловность правъ собственника, на принадлежащее ему jus utendi et abutendi. Вмѣстѣ съ лѣсоохранительнымъ закономъ, правила 20 мая являются наиболѣе краснорѣчивымъ опроверженіемъ подобныхъ взглядовъ.

12-го іюня 1902-го года Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ оглашеніи опредѣленій перваго и второго департаментовъ, департамента герольдіи и перваго общаго собранія сената содержащихъ въ себѣ разъясненіе точнаго смысла дѣйствующихъ за-

коновъ. Сборникъ такихъ опредѣленій будетъ выходить періодически; сверхъ того изданъ будетъ сборникъ ихъ за прежнее время. Относительно печатанія опредѣленій, состоявшихся по дѣламъ министерствъ и главныхъ управленій, министръ юстиціи входитъ въ сношеніе съ подлежащими министрами и главноуправляющими. Непредъявленіе вѣдомствами, въ теченіе мѣсяца со времени послѣдовавшаго сношенія, возраженій противъ напечатанія опредѣленія не останавливаетъ распоряженія министра юстиціи по этому предмету. Важность введенія гласности въ такую сферу, куда она до сихъ поръ проникала только случайно, очень хорошо выставлена на видъ въ „Правѣ" (№ 33, статья г. Н. И. Л.). „При разрозненности и несогласованности нашихъ административныхъ законовъ" — говоритъ юридическая газета, — „при обиліи въ нихъ пробѣловъ по самымъ существеннымъ вопросамъ, толкованія сената получаютъ такое значеніе, что безъ знакомства съ ними пониманіе многихъ законовъ становится совершенно невозможнымъ. Безъ всякой натяжки можно сказать, что самое установленіе дѣйствующаго административнаго права, не говоря уже о научной его разработкѣ, дѣлается возможнымъ лишь послѣ того, какъ по данному вопросу станетъ извѣстною практика сената". Не совсѣмъ точная редакція новаго закона можетъ, къ сожалѣнію, подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Авторъ статьи „Права" думаетъ, что министру юстиціи предоставлено опредѣлять, какія изъ числа рѣшеній, разъясняющихъ точный смыслъ законовъ, подлежатъ включенію въ сборникъ. Намъ кажется, наоборотъ, что печатанію подлежатъ всѣ рѣшенія, содержащія въ себѣ разъясненіе закона; слова: „по распоряженію министра юстиціи" едва ли уполномочиваютъ министра оставлять въ безгласности, по его усмотрѣнію, тѣ или другія опредѣленія, подходящія подъ дѣйствіе закона. Всего лучше было бы принять за правило, что вопросъ о томъ, имѣется ли въ данномъ опредѣленіи разъясненіе закона, разрѣшается самимъ сенатомъ, при постановленіи опредѣленія; но изъ того, что рѣшеніе этого вопроса предоставлено министру юстиціи, еще не слѣдуетъ, что отъ него зависитъ недопущеніе къ печатанію опредѣленія, несомнѣнно разъясняющаго законъ. Возможенъ, далѣе, споръ о послѣдствіяхъ возраженій, заявленныхъ министерствами или главными управленіями. За отсутствіемъ въ законѣ точныхъ на этотъ счетъ указаній, слѣдуетъ, какъ намъ кажется, признать, что возраженія вѣдомствъ необязательны для министра юстиціи и что они могутъ касаться только вопроса о томъ, заключается ли въ данномъ опредѣленіи разъясненіе закона. Трудно допустить, чтобы оглашеніе или неоглашеніе разъясненій, исходящихъ отъ высшаго административнаго суда, могло зависѣть отъ чьей бы то ни было дискреціонной власти.

До сихъ поръ чрезвычайныя земскія собранія разрѣшались министромъ внутреннихъ дѣлъ; теперь, въ силу Высочайше утвержденнаго 10-го іюня мнѣнія государственнаго совѣта, они будутъ разрѣшаться губернаторомъ. Отказать, собственною властью, въ созывѣ чрезвычайнаго земскаго собранія губернаторъ не въ правѣ; если онъ встрѣтитъ затрудненія въ разрѣшеніи созыва, то представляетъ о томъ министру внутреннихъ дѣлъ. Большого значенія это нововведеніе не имѣетъ: при существованіи телеграфа, необходимость испросить разрѣшеніе министра особенной медленности за собой повлечь не могла. Выигрываетъ отъ новаго порядка не столько земство, сколько администрація, освобождаемая отъ излишней переписки.

Post-scriptum.—Наше обозрѣніе было уже закончено, когда мы узнали изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 243, корреспонденція изъ Курска), что министръ внутреннихъ дѣлъ, въ бесѣдѣ съ представителями курскаго земства, коснулся вопроса о мелкой земской единицѣ. В. К. фонъ-Плеве замѣтилъ, что разрѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ вѣроятно устранило бы затрудненія для земскихъ управъ въ дѣлѣ подъисканія благонадежныхъ служащихъ, такъ какъ со введеніемъ мелкой земской единицы работы въ губернской и уѣздныхъ управахъ упростились бы и сократилось бы число служащихъ. Министръ просилъ прислать ему докладъ щигровской уѣздной земской управы, гдѣ всесторонне обсуждается мысль о необходимости введенія мелкой земской единицы и доказывается необходимость осуществленія ея, а также докладъ по этому вопросу курской уѣздной земской управы, высказавшейся противъ введенія мелкой земской единицы. Слѣдуетъ надѣяться, что это сниметъ запретъ, наложенный въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ земскими собраніями и ихъ коммиссіями.

УЧИТЕЛЬСКІЕ КУРСЫ И ПРАВИЛА О КУРСАХЪ.

Письмо въ Редакцію.

Въ прошломъ году въ нѣсколькихъ журналахъ появились сообщенія объ общеобразовательныхъ лекціяхъ въ Тамбовѣ [1]). Курсы, въ составъ которыхъ входили эти лекціи, слагались изъ двухъ частей—педагогической и общеобразовательной; программа общеобразовательной части была раздѣлена на два года, такъ что курсы 1901 г. давали лишь половину болѣе или менѣе законченнаго круга знаній. Предполагалось, что тѣ же самые слушатели въ нынѣшнемъ году снова явятся на курсы, чтобы закончить работу, начатую на первыхъ курсахъ, и затѣмъ уступятъ мѣсто новому контингенту учителей и учительницъ для новаго двухгодичнаго цикла лекцій и занятій. Опытъ прежнихъ лѣтъ познакомилъ устроителей курсовъ со многими мелями и подводными камнями, среди которыхъ приходится лавировать при согласованіи требованій жизни съ правилами 1875 года и съ практикою органовъ министерства народнаго просвѣщенія. Казалось, что эта недешево пріобрѣтенная опытность можетъ служить гарантіей успѣха. Были предусмотрѣны, повидимому, всевозможныя препятствія. Такъ какъ раньше чаще всего приходилось сталкиваться съ неутвержденіемъ лекторовъ и руководителей, то на эту сторону было обращено особенное вниманіе: были приглашены исключительно лица, состоящія на педагогической службѣ. Ходатайство о курсахъ было направлено не за три мѣсяца до начала курсовъ, какъ того требуютъ правила 1875 года, а за четыре. Чтобы движеніе „дѣла" гдѣ-нибудь не остановилось, наводились возможно частыя справки и посылались напоминанія. И несмотря на все это, чрезъ девять дней послѣ предположеннаго начала курсовъ губернской управѣ пришлось извѣщать телеграммами учителей и уѣздныя управы о томъ, что курсы „по независящимъ обстоятельствамъ" не состоятся.

Исторія тамбовскихъ курсовъ такъ характерна для тѣхъ условій, при которыхъ совершается въ настоящее время работа по народному образованію, что на ней, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ остановиться

---

[1]) См., напр., „Вѣстникъ Воспитанія" 1901 г., II, стр. 60—70; „Сарат. Земск. Недѣля", 1901 г., № 30—33, стр. 102—117.

подробно и начать при этомъ съ перваго звена длинной цѣпи экспериментовъ, чрезъ которые пришлось пройти вольно или невольно тамбовскому земству.

Извѣстно, что начало семидесятыхъ годовъ было временемъ весьма частаго устройства курсовъ почти во всей земской Россіи. Устроивало курсы, или, какъ тогда ихъ называли, съѣзды, и тамбовское губернское земство. Курсы происходили одновременно въ нѣсколькихъ городахъ—для сѣверныхъ, центральныхъ и южныхъ уѣздовъ отдѣльно; въ качествѣ руководителей приглашались извѣстные педагоги того времени; на курсахъ въ Липецкѣ кромѣ педагогическихъ предметовъ читалась гигіена: „для ознакомленія учителей съ народною гигіеною",— говорится въ отчетѣ,—„былъ приглашенъ докторъ медицины Горелейченко". На курсахъ 1873 г. въ Тамбовѣ было 118 человѣкъ учителей и „нерѣдко находились и постороннія лица". Въ Моршанскѣ было 50 человѣкъ, въ томъ числѣ 13 вольнослушателей. По тогдашнимъ временамъ и тогдашнему числу школъ эти цифры несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ курсовъ. И губернская земская управа, и коммиссія собранія, признавали учрежденіе курсовъ „чуть ли не полезнѣйшимъ дѣломъ къ улучшенію народныхъ училищъ", и съ 1870 г. по 1878 г. включительно мы встрѣчаемъ ежегодно ассигнованіе на курсы въ губернской земской смѣтѣ. Однако, уже тогда путь къ открытію курсовъ былъ далеко не гладкимъ. Въ 1871 году предполагалось устроить курсы при помощи преподавательскаго персонала мѣстнаго учительскаго института, но совѣтъ института не нашелъ удобнымъ командировать своихъ преподавателей въ уѣзды, а вознагражденіе руководителей, „проектированное губернской управой совмѣстно съ директоромъ института, призналъ недостаточнымъ". Дѣло разстроилось, но въ слѣдующемъ году губернская управа постаралась „изыскать другихъ педагоговъ помимо учительскаго института"; курсы состоялись въ Тамбовѣ и Шацкѣ, но не состоялись въ Липецкѣ, какъ говорится въ докладѣ, „по независящимъ отъ губернской управы обстоятельствамъ и по воздвигнутымъ въ началѣ дѣла со стороны инспектора народныхъ училищъ препятствіямъ по исполненію нѣкоторыхъ формальностей". Въ 1874 г., состоялось распоряженіе тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого, съ пожеланіемъ, чтобы „учительскіе съѣзды или, что̀ то же, краткосрочные педагогическіе курсы устроивались, по мѣрѣ возможности, при мѣстныхъ учительскихъ семинаріяхъ; чтобы руководителями или преподавателями были наставники семинарій и учителя начальныхъ при нихъ училищъ, при участіи директоровъ оныхъ; чтобы программы и распредѣленіе занятій на съѣздахъ были составляемы педагогическими совѣтами семинарій, и чтобы деньги, назначаемыя обыкновенно учредителями

съѣздовъ на вознагражденіе руководителей оныхъ, по соглашенію съ учредителями, распредѣлялись между должностными лицами семинаріи". Мы уже говорили выше о неудачной попыткѣ тамбовской губернской земской управы воспользоваться для курсовъ силами мѣстнаго учительскаго института и о рѣшеніи приглашать „другихъ" педагоговъ; губернское собраніе, несмотря на пожеланіе министра, нашло болѣе удобнымъ держаться прежняго порядка и устроивать курсы независимо отъ института. Какъ мы уже упоминали, средства на курсы ассигновались вплоть до 1878 года, но ни въ 1874-мъ, ни въ ближайшіе слѣдующіе годы курсы не состоялись, несмотря на старанія земства. Въ 1878 году губернская управа докладывала собранію, что „въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ курсы не могли состояться, по независящимъ отъ губернскаго земства причинамъ, и назначаемая по смѣтамъ губернскихъ повинностей сумма въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на расходы по учительскимъ съѣздамъ оставалась за все время безъ всякаго употребленія, увеличивая только собою опредѣляемые по смѣтамъ расходы". Собраніе постановило „пособіе на съѣзды болѣе въ смѣту не вносить". Такимъ образомъ, какъ разъ тогда, когда составлялись подробныя правила о курсахъ и послѣ того, какъ они были изданы, устройство курсовъ фактически оказалось невозможнымъ, несмотря на наличность добраго желанія у „учредителей".

Прошло двадцать-три года прежде, чѣмъ педагогическіе курсы возобновились въ тамбовской губерніи. Ихъ устроило на этотъ разъ на свои средства тамбовское уѣздное земство. Руководителемъ былъ приглашенъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ педагоговъ—Н. Ф. Бунаковъ; на курсы было командировано земствомъ 80 учителей, но въ дѣйствительности собралось по оффиціальному отчету 168; были пріѣзжіе не только изъ другихъ уѣздовъ, но и изъ другихъ, иногда очень далекихъ губерній, однако огромное большинство составляли пріѣхавшіе на земскій или на свой счетъ учителя тамбовскаго уѣзда: очевидно, потребность въ курсахъ была велика. Между тѣмъ, незадолго до курсовъ разработывались матеріалы школьной статистики по тамбовскому уѣзду, и при этомъ выяснилось, что во всемъ уѣздѣ есть только одинъ учитель, бывавшій на педагогическихъ курсахъ: это было шестидесятилѣтній старикъ, служившій въ той же самой школѣ еще съ начала семидесятыхъ годовъ. Если въ нѣкоторыхъ другихъ учительскихъ отвѣтахъ встрѣчались указанія: „былъ на курсахъ", то изъ дальнѣйшихъ разъясненій обнаруживалось, что рѣчь идетъ о курсахъ гимнастики, пѣнія и огородничества, пользовавшихся въ тѣ времена поощреніемъ и одобреніемъ педагогическаго начальства. Въ одномъ отвѣтѣ упоминалось даже о командировкѣ учителя для изученія огнестойкихъ построекъ; учитель, помѣстившій этотъ отвѣтъ подъ рубрикою: „былъ ли кто-либо

изъ учащихъ на учительскихъ курсахъ", не задумался, перечисляя наглядныя пособія, поставить, рядомъ съ глобусами и картинами по русской и священной исторіи, барабанъ и барабанныя палки для преподаванія военной гимнастики—обстоятельство, свидѣтельствующее не меньшей мѣрѣ о нѣсколько странномъ направленіи педагогическихъ взглядовъ учителей тамбовскаго уѣзда, слушавшихъ курсы по многимъ спеціальностямъ, кромѣ педагогической.

Итакъ, потребность въ курсахъ была велика и они были устроены. Но сколькихъ усилій это стоило! Отвѣтъ о разрѣшеніи курсовъ пришелъ въ тотъ самый день, на который было назначено ихъ открытіе, послѣ трехмѣсячнаго ожиданія. До разрѣшенія инспекція воспротивилась разсылкѣ учителямъ программы курсовъ и приложеннаго къ ней списка вопросовъ и темъ для письменныхъ сообщеній, которыя должны были дать матеріалъ бесѣдъ на курсахъ. Учителя явились неподготовленными, и весь планъ работъ руководителя былъ нарушенъ. Стремленіе охранить курсы отъ кого-то и отъ чего-то было такъ велико, что во входномъ билетѣ было отказано бывшему городскому головѣ, вотировавшему въ земскомъ собраніи кредитъ на курсы, на томъ основаніи, что онъ болѣе не городской голова и не членъ земскаго собранія, а слѣдовательно и не состоитъ въ числѣ „учредителей" [1]). Послѣднее обстоятельство—мелочь, но мелочь характерная для той обстановки, въ которой приходится дѣйствовать „учредителямъ" курсовъ.

На курсахъ 1897 года учителя просили, чтобы „тамбовское земство устроивало почаще педагогическіе курсы и чтобы въ составъ ихъ входило общеобразовательное чтеніе по предметамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ учебно-воспитательному дѣлу". На встрѣчу этому желанію пошло губернское земство. Въ 1899 году состоялось постановленіе устроить курсы лѣтомъ 1900 г., и было ассигновано для этой цѣли 5.000 руб. Какъ только постановленіе собранія было утверждено, управа вступила въ переговоры съ руководителями; нѣсколько лицъ были уже заняты; наконецъ, 3-го марта 1900 г. руководитель, выразившій свое согласіе, былъ представленъ на утвержденіе. Это былъ одинъ изъ служащихъ земства, занимавшій видную педагогическую должность; ранѣе онъ руководилъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ курсами въ новгородской, черниговской и костромской губерніяхъ и только-что получилъ оффиціальную благодарность попечителя учебнаго

---

[1]) Надо замѣтить, что за годъ до курсовъ, по иниціативѣ этого общественнаго дѣятеля, земское собраніе обратило вниманіе на частое перемѣщеніе инспекціей учителей, производившее впечатлѣніе игры въ свои сосѣди, и потребовало точнаго исполненія закона, въ силу котораго такія перемѣщенія должны происходить съ вѣдома и согласія земской управы.

округа за послѣдніе курсы, на которыхъ выступалъ руководителемъ. Казалось, не было мѣста сомнѣніямъ. Однако, прошло два съ половиной мѣсяца и незадолго до предположеннаго начала курсовъ выяснилось, что приглашенный руководитель не будетъ утвержденъ. Надо было отыскивать другого, и на этотъ разъ управѣ посчастливилось заручиться согласіемъ одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ спеціалистовъ по вопросамъ начальнаго обученія. Гарантіей успѣха, повидимому несомнѣнной, было то обстоятельство, что это лицо уже было утверждено въ то же самое лѣто въ другомъ городѣ того же самаго учебнаго округа. Курсы были отложены на осень, бумага съ представленіемъ пошла по инстанціямъ, учителя и представители земства ждали, радуясь заранѣе, что увидятъ на курсахъ столь извѣстнаго педагога. Однако, прошло достаточно времени, чтобы сдѣлать новые поиски руководителя, а слѣдовательно и самые курсы—невозможными, и снова получился отвѣтъ, изъ котораго явствовало, что возможное въ одномъ городѣ невозможно въ другомъ, хотя отвѣтъ долженъ былъ бы исходить въ конечномъ счетѣ, повидимому, отъ одного и того же органа власти, какъ для Тамбова, такъ и для Курска. Земство не теряло энергіи: было рѣшено добиваться курсовъ снова въ 1901 году; губернское собраніе ассигновало на этотъ разъ 6.000 руб., одно изъ уѣздныхъ—1.455 руб. Общеобразовательные курсы 1901 года были подробно описаны, и потому мы не будемъ останавливаться на ихъ исторіи, а коснемся лишь одной стороны, которая въ прошломъ году была сравнительно мало затронута. Предполагалось, что курсы будутъ не только общеобразовательными, но и педагогическими, и на педагогическую сторону было обращено не меньше вниманія, чѣмъ на общеобразовательную. Исходя изъ опыта предъидущихъ неудачъ, рѣшили выбрать такое лицо, которое имѣло бы за собою примѣръ утвержденія не только въ другихъ городахъ, хотя бы того же харьковскаго учебнаго округа, но и въ самомъ Тамбовѣ, и которое, слѣдовательно, удовлетворяло бы не только болѣе или менѣе извѣстнымъ общимъ, но и предполагаемымъ спеціальнымъ мѣстнымъ требованіямъ. Такимъ лицомъ былъ Н. Ф. Бунаковъ, руководившій курсами въ Тамбовѣ въ 1897 г., десятки лѣтъ извѣстный всѣмъ, выступавшій ежегодно на курсахъ вплоть до 1900 г., авторъ одобренныхъ министерствомъ учебниковъ. Самый возрастъ почтеннаго педагога, повидимому, исключалъ всякую возможность перемѣны въ немъ, а слѣдовательно и въ отношеніяхъ къ нему со стороны администраціи за короткій срокъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступалъ въ послѣдній разъ на курсахъ въ Тамбовѣ, Павловскѣ, Ярославлѣ и Одессѣ. Опять пошло по инстанціямъ „представленіе“ и опять черезъ три мѣсяца выяснилось существованіе непреодолимыхъ препятствій, для которыхъ въ русскомъ языкѣ изобрѣтенъ особый

эвфемистическій терминъ: „независящія обстоятельства“. Чтобы спасти курсы (приглашеніе руководителя по русскому языку явилось непремѣннымъ условіемъ ихъ разрѣшенія), управа пригласила рекомендованнаго ей преподавателя одной изъ мѣстныхъ гимназій, бывшаго преподавателя учительской семинаріи. Онъ былъ очень быстро утвержденъ, но, какъ сообщалось еще въ прошломъ году, еще скорѣе прекратилъ начатыя занятія, а послѣ курсовъ въ отчетѣ, представленномъ въ моршанскую уѣздную управу, учителя-курсисты писали: „спеціально дидактическая часть была весьма неудовлетворительна... образцовые уроки наглядно показали, какъ не слѣдуетъ вести занятія въ школѣ“...

Общеобразовательная часть курсовъ и организованныя въ связи съ курсами бесѣды имѣли огромный успѣхъ, засвидѣтельствованный въ весьма горячихъ выраженіяхъ тѣмъ же самымъ отчетомъ моршанскихъ учителей, который такъ печально отзывается о дѣятельности руководителя по русскому языку. О томъ же свидѣтельствуютъ отзывы учителей изъ другихъ уѣздовъ, отзывы нѣкоторыхъ чиновъ инспекціи и предсѣдателей уѣздныхъ управъ, которымъ пришлось наблюдать работу тѣхъ же самыхъ учителей до и послѣ курсовъ. Этотъ успѣхъ позволялъ забыть невозможныя трудности и неудачи; онъ вознаграждалъ за мучительно тяжелую работу въ условіяхъ полной неопредѣленности и неизвѣстности и заставлялъ сосредоточивать всѣ мысли и все вниманіе на будущемъ, на продолженіи и дальнѣйшемъ развитіи того, что̀ оказалось удачнымъ, на новомъ выполненіи того, что̀ было невыполнено или выполнено неудачно. Настойчивыя пожеланія самихъ учителей, ихъ надежды явиться въ будущемъ году съ сознательными и ясно формулированными запросами, съ подготовленнымъ матеріаломъ и планомъ работъ—все это побуждало дорожить моментомъ и стараться использовать приподнятое настроеніе. Зимою 1902 года опять началась обычная работа. На этотъ разъ были приглашены руководителями и лекторами исключительно лица, состоящія на педагогической службѣ, были получены благопріятные отзывы ихъ начальства, и, слѣдовательно, препятствій не могло быть съ этой обыкновенно самой опасной стороны. Программа лектора по русской литературѣ, г. Сакулина, и программа руководителя по методикѣ русскаго языка, Н. И. Ахутина, разосланныя учителямъ, возбудили огромный интересъ и вызвали множество запросовъ. Между тѣмъ время шло, отвѣта не получалось, начались запросы о судьбѣ курсовъ, и въ концѣ концовъ дѣло свелось къ перепискѣ, которая могла бы дать поводъ для извѣстнаго разсказа Чехова „Много бумаги“. Впрочемъ, тамбовскій варіантъ разсказа слѣдовало бы озаглавить: „Много телеграммъ“.

Ходатайство о курса̀хъ было послано 10 марта. 30 апрѣля управа просила попечителя округа телеграммою о его судьбѣ. Отвѣтъ гла-

силъ: ходатайство отослано въ министерство 3 апрѣля. Какъ извѣстно, правила о курсахъ предоставляютъ окончательное рѣшеніе вопроса самому попечителю. Слѣдующій телеграфный запросъ былъ направленъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Отвѣтная телеграмма сообщала: „Ожидается отзывъ ученаго комитета". Несмотря на успокоительныя статьи г. Георгіевскаго въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", репутація комитета въ смыслѣ быстроты его дѣятельности не стоитъ особенно высоко въ глазахъ провинціальныхъ дѣятелей и учрежденій, не имѣющихъ возможности наблюдать работу комитета вблизи, но судящихъ о ней лишь по ея результатамъ. Кромѣ того приближалось время курсовъ, надо было начинать подготовительныя работы, и 16 мая въ комитетъ была также послана телеграмма, а 18 мая получена телеграмма изъ Петербурга безъ подписи, но носящая несомнѣнный характеръ отвѣта на запросъ, обращенный въ комитетъ: „Курсы разрѣшены, кромѣ исторіи литературы и исторіи земли". Оставалось воспользоваться тою частью, которая очевидно была разрѣшена, т.-е. методикою русскаго языка и школьною гигіеной, но для этого требовалось получить отвѣтъ отъ начальства, указаннаго въ правилахъ 1875 г., т.-е. отъ попечителя учебнаго округа. На новую телеграмму попечитель отвѣчалъ: „До полученія округомъ отвѣта министерства вопросъ о курсахъ не можетъ считаться рѣшеннымъ". Затѣмъ была еще одна телеграмма попечителю отъ 4 іюня и новый отвѣтъ: „Сегодня снова сдѣлалъ запросъ департаменту"; новая телеграмма управы 10 іюня, и наконецъ 18 іюня, черезъ восемь дней послѣ предположеннаго начала курсовъ и четыре слишкомъ мѣсяца послѣ начала переписки, былъ полученъ заключительный, устранявшій всякія сомнѣнія отвѣтъ—тоже по телеграфу: „Ходатайство о курсахъ отклонено".

Въ настоящее время въ литературѣ [1]) и въ докладахъ земскихъ управъ накопилось много указаній на необходимыя измѣненія въ дѣйствующихъ правилахъ о курсахъ. Резюмируя ихъ, можно установить слѣдующія главнѣйшія требованія:

1) Необходимо, чтобы учредителямъ курсовъ, каковыми въ настоящее время являются губернскія и уѣздныя земства, было предоставлено право самимъ приглашать лекторовъ и руководителей, намѣчать программы курсовъ и отдѣльныхъ предметовъ, количество слушателей, ихъ составъ и продолжительность. На практикѣ въ большинствѣ случаевъ все это и дѣлается самими земствами, потому что

---

[1]) Укажемъ здѣсь только двѣ недавнія статьи: въ „Вѣстникѣ Воспитанія", № 4, 1902 г., статью Е. Звягинцева: „Учительскіе курсы" и въ „Саратовской Земской Недѣлѣ" 1901 г., № 42—45; статью В. П. Вахтерова: „Курсы для учителей и учительницъ".

вполнѣ естественно, что лица и учрежденія, дающія деньги, желають быть увѣренными, что деньги пойдуть именно для той цѣли, которую они имѣли въ виду. Дѣйствующія правила, подтвержденныя недавнимъ циркуляромъ министерства народнаго просвѣщенія объ обязанности дирекціи приглашать руководителей, какъ извѣстно, гласятъ иное, но не трудно было бы рядомъ примѣровъ доказать, къ какимъ послѣдствіямъ должно повести строгое исполненіе правилъ и циркуляра, передающихъ самую важную часть въ организаціи курсовъ въ исключительное вѣдѣніе лицъ, озабоченныхъ главнымъ образомъ, чтобы все обстояло благополучно въ глазахъ начальства, и очень мало заинтересованныхъ въ томъ, какъ будутъ израсходованы земскія средства. Мы упоминали выше о плачевной неудачѣ педагогической части на тамбовскихъ курсахъ, вслѣдствіе замѣны неутвержденнаго Бунакова весьма быстро и охотно утвержденнымъ лицомъ, образцовые уроки котораго, по отзыву учителей, могли служить примѣромъ, какъ не слѣдуетъ давать уроковъ. Въ газетахъ сообщалось о неутвержденіи въ Тулѣ Тихомирова и Бунакова и о томъ, что взамѣнъ послѣдняго дирекція, согласно циркуляру, рекомендовала мѣстнаго инспектора, о которомъ имѣется совершенно тождественный съ предъидущимъ отзывъ оффиціальнаго лица, наблюдателя за болховскими курсами орловской губерніи [1]).

2) Правила о курсахъ должны быть формулированы такъ, чтобы въ ихъ рамки укладывалось все разнообразіе выдвинутыхъ жизнью просвѣтительныхъ средствъ, организуемыхъ въ связи съ курсами: занятія по методикѣ первоначальнаго обученія; обсужденіе новыхъ теченій въ области педагогики, новыхъ пріемовъ обученія, новыхъ пособій, учебниковъ, руководствъ и книгъ для внѣкласснаго чтенія; бесѣды объ организаціи внѣ-школьнаго образованія, систематическое ознакомленіе съ существующей дѣтской и народной литературой, совмѣстное съ земскими дѣятелями обсужденіе хозяйственныхъ нуждъ школы и хозяйственной организаціи школьнаго дѣла; общеобразовательныя лекціи; устройство выставокъ педагогическихъ книгъ, учебниковъ, наглядныхъ пособій и т. д. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должна допускаться любая, соотвѣтствующая даннымъ условіямъ и даннымъ потребностямъ, комбинація отдѣльныхъ элементовъ. Было бы неудобно, еслибы, напр., были разрѣшены общеобразовательные курсы, но не иначе, какъ отдѣльно отъ педагогическихъ или не иначе, какъ въ связи съ ними.

3) Необходимо упростить процедуру разрѣшенія курсовъ. Въ настоящее время земскія управы обращаются въ уѣздный училищный

---

[1]) См. „Саратовскій Дневникъ", 1902 г., № 98, корреспонденція изъ Тулы.

совѣтъ, этотъ послѣдній сносится съ директоромъ народныхъ училищъ, директоръ—съ попечителемъ. Дальнѣйшія „сношенія" правилами не предусмотрѣны, но, какъ мы только-что говорили, практика иногда идетъ дальше правилъ, и попечитель въ свою очередь сносится съ министерствомъ. Самымъ естественнымъ рѣшеніемъ этого вопроса была бы передача права разрѣшать курсы уѣздному училищному совѣту, если курсы уѣздные, и губернскому, если курсы губернскіе или нѣсколькихъ уѣздныхъ земствъ. Если же это окажется невозможнымъ, то необходимо точное установленіе сроковъ, въ теченіе которыхъ административныя учрежденія и лица, разрѣшающія курсы, обязаны дать положительный или отрицательный отвѣтъ.

4) Необходимо совершенно устранить изъ правилъ всѣ тѣ положенія, которыя основаны на томъ, что слушатели курсовъ разсматриваются какъ ученики, если не низшаго, то средняго учебнаго заведенія архаическаго типа. Никакими софизмами нельзя измѣнить тотъ фактъ, что слушатели—люди взрослые, сами учителя, и что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ за собой многолѣтній опытъ въ томъ дѣлѣ, ради котораго они явились на курсы. Отсюда слѣдуетъ уничтоженіе обязательности прибытія на курсы, обязательности уроковъ въ образцовой школѣ,—правила, ограничивающаго число слушателей сообразно числу руководителей. Это послѣднее правило въ настоящее время особенно часто ведетъ къ недоразумѣніямъ—прежде всего своею неопредѣленностью. Число руководителей должно быть ни въ какомъ случаѣ не менѣе двухъ, если количество слушателей будетъ простираться до 40 лицъ, гласитъ п. 12 правилъ. Что̀ это значитъ? Надо ли понимать это такъ, что если руководителей болѣе двухъ, то число слушателей можетъ возростать неопредѣленно, или же наоборотъ—отсюда слѣдуетъ выводъ, что на каждые сорокъ слушателей должно быть два руководителя, а на каждаго руководителя должно быть не болѣе двадцати слушателей? Этотъ послѣдній выводъ настолько противорѣчитъ практикѣ, что его не рѣшаются дѣлать даже самые ревностные наблюдатели. Единственное заключеніе, которое они дѣлаютъ изъ этого параграфа правилъ и подтверждающаго его циркуляра, состоитъ въ томъ, что начальство не одобряетъ многолюдныхъ курсовъ и что они должны по мѣрѣ силъ стараться о сокращеніи.

5) Совершенно не отвѣчаетъ дѣйствительности и должно быть устранено правило, которое ставитъ наблюдателя въ положеніе начальника курсовъ. Онъ можетъ и долженъ быть не болѣе какъ блюстителемъ законности.

Правила о курсахъ, какъ слышно, пересматриваютъ. Весьма вѣроятно, что новыя правила будутъ ближе къ дѣйствительности. Можетъ быть, они осуществятъ часть указанныхъ здѣсь пожеланій, и

безъ сомнѣнія желательно, чтобы испытывающія наибольшія неудобства земства выступили съ ходатайствами по этому поводу. Но не слѣдуетъ забывать также, что не въ однихъ правилахъ дѣло; что не менѣе важно, какъ будутъ примѣняться правила: въ цѣляхъ ли развитія курсовъ, или наоборотъ; что, наконецъ, въ высшей степени важна увѣренность въ томъ, что организація курсовъ будетъ дѣйствительно зависѣть отъ тѣхъ или другихъ общеизвѣстныхъ правилъ и взглядовъ, а не отъ случайныхъ и мало понятныхъ причинъ. Въ настоящее время мы видимъ, что одно и то же лицо утверждается руководителемъ въ одномъ и не утверждается въ другомъ городѣ того же учебнаго округа, не говоря уже о разныхъ округахъ. Въ одномъ году разрѣшаются общеобразовательные курсы, а на слѣдующій годъ въ томъ же городѣ не разрѣшаются. Псковскому губернскому земству не разрѣшаютъ педагогическихъ курсовъ, а рекомендуютъ общеобразовательные, другимъ—наоборотъ. Ученый комитетъ министерства признаетъ курсы въ Павловскѣ съ лекціями по исторіи литературы и геологіи „достигающими намѣченныхъ цѣлей, отчасти въ смыслѣ пополненія знаній учащихся, отчасти и главнымъ образомъ въ смыслѣ возбужденія въ нихъ умственныхъ интересовъ" („Русск. Нач. Учит.", 1901 г., № 8—9, стр. 8), и тотъ же комитетъ вычеркиваетъ исторію русской литературы и геологію изъ программы тамбовскихъ курсовъ.

Нѣмцы говорятъ, будто страшный конецъ лучше безконечнаго страха. Русскимъ людямъ, такъ или иначе соприкасающимся съ областью народнаго образованія, вѣроятно часто приходитъ въ голову вопросъ: что̀ лучше—суровая ли опредѣленность, или устраняющая всякую возможность предвидѣнія и предварительнаго разсчета неопредѣленность?

Вл. Щерба.

г. Тамбовъ, 1902 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1902.

Внутреннія дѣла во Франціи. — Военный судъ надъ полковникомъ де-Сенъ-Реми.— Война съ клерикалами и рѣчи министровъ.—Примѣры славянскаго единенія: событія въ Хорватіи.—Попытки американскаго вмѣшательства въ европейскую политику.— Международный судъ въ Гаагѣ. — Берлинскій трактатъ и Румынія.

Воинственная политика по отношенію къ духовнымъ конгрегаціямъ во Франціи не доставила славы министерству Комба и только внесла новый раздражающій элементъ въ обычную внутреннюю борьбу между различными элементами французскаго общества. Клерикальный духъ, господствовавшій до сихъ поръ среди аристократіи и въ высшихъ слояхъ буржуазіи, возродился съ новой силою и пріобрѣлъ могущественную поддержку въ умѣренной либеральной партіи; дѣятели монашескихъ орденовъ и особенно монахини возбудили къ себѣ неожиданное сочувствіе даже въ низшихъ классахъ населенія, въ качествѣ жертвъ несправедливаго гоненія. Во многихъ мѣстахъ крестьяне энергически заступались за монахинь и оказывали упорное сопротивленіе властямъ при закрытіи недозволенныхъ школъ. Были также случаи неповиновенія въ арміи, когда военные отряды привлекались къ участію въ насильственномъ исполненіи правительственныхъ декретовъ.

Въ Нантѣ, въ началѣ сентября, разбиралось въ военномъ судѣ интересное дѣло, раскрывающее всю глубину антагонизма между нынѣшними правителями республики и большинствомъ вѣрующихъ католиковъ во Франціи. Префектъ Морбиганскаго департамента получилъ извѣстіе, что жители одного мѣстечка готовятся къ вооруженной защитѣ монахинь, подлежавшихъ удаленію изъ школьнаго зданія; онъ потребовалъ поэтому отъ мѣстнаго военнаго начальника, генерала Фратѐ, чтобы тотъ распорядился прислать эскадронъ стрѣлковъ изъ ближайшаго города Понтиви. Отрядъ долженъ былъ прибыть къ мѣсту назначенія на слѣдующее утро, чтобы предупредить безпорядки и дать возможность агентамъ администраціи исполнить возложенное на нихъ порученіе. Генералъ Фратѐ передалъ это требованіе по телеграфу полковому командиру, Годену де-Сенъ-Реми, съ просьбою извѣстить о послѣдующемъ; но полковникъ оставилъ депешу безъ отвѣта. Нѣсколько часовъ спустя, генералъ вторично телеграфировалъ пол-

ковнику, съ требованіемъ немедленнаго отвѣта, но тотъ по прежнему хранилъ молчаніе. На разсвѣтѣ генералъ опять послалъ депешу съ запросомъ, полученъ ли приказъ и приводится ли онъ въ исполненіе; утромъ полковникъ рѣшился наконецъ отвѣчать своему начальнику, что эскадронъ остался на мѣстѣ. Сообщивъ объ этомъ префекту и узнавъ отъ него, что присылка войскъ необходима, генералъ Фратѐ вновь обратился къ полковнику де-Сенъ-Реми съ категорическимъ приказаніемъ тотчасъ же отправить эскадронъ и дать знать объ этомъ телеграммой; тогда полковникъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ: „Не могу исполнить приказъ, оскорбляющій мои чувства и мою вѣру“. Генералу пришлось предложить полковнику передать полкъ старшему изъ эскадронныхъ командировъ, что̀ и было исполнено; затѣмъ онъ отправился въ Понтиви, вызвалъ къ себѣ Годена де-Сенъ-Реми и просилъ его объяснить свое поведеніе. Полковникъ заявилъ, что былъ страшно взволнованъ полученнымъ приказомъ, что, какъ военный, онъ никогда не занимался политикой и не могъ предвидѣть, что будетъ привлеченъ къ участію въ мѣрахъ противъ католической церкви; онъ размышлялъ цѣлую ночь, и никакъ не былъ въ состояніи примирить свой долгъ солдата съ внушеніями своей совѣсти; только послѣ тяжелой внутренней борьбы онъ пришелъ къ заключенію, что не можетъ способствовать исполненію даннаго ему приказа. Полковникъ Годенъ де-Сенъ-Реми— человѣкъ уже немолодой; онъ поступилъ на службу въ 1870 году, прошелъ курсъ въ сенъ-сирской военной школѣ и пользовался очень хорошей репутаціей, какъ усердный и исполнительный офицеръ. Преданный суду за неповиновеніе законнымъ распоряженіямъ начальства, онъ держалъ себя съ достоинствомъ и нисколько не старался смягчить свою вину. „Я зналъ, что подвергнусь вашему суду, — сказалъ онъ,—но я зналъ также, что придется предстать еще предъ другимъ судомъ, болѣе важнымъ,—предъ судомъ Всевышняго“. Генералъ Фратѐ объяснилъ на судѣ, что, по его мнѣнію, полковникъ де-Сенъ-Реми не имѣлъ намѣренія дѣлать политическую манифестацію; его личныя религіозныя чувства были жестоко задѣты полученнымъ приказомъ, и онъ предпочелъ повиноваться своему долгу христіанина, вмѣсто того, чтобы исполнить обязанность солдата. Майоръ, принявшій отъ него командованіе полкомъ, весьма трогательно разсказалъ, какъ онъ съ ужасомъ въ душѣ рѣшился исполнить приказъ, убѣдившись въ его законности и въ его подтвержденіи высшею военною властью. Полковникъ де-Сенъ-Реми говорилъ ему, что онъ съ разбитымъ сердцемъ ломаетъ свою шпагу; прежде чѣмъ передать ему полковое знамя, онъ долго съ волненіемъ прижималъ его къ груди. Послѣ этихъ свидѣтельскихъ показаній защитникъ произнесъ горячую рѣчь, въ которой выставилъ благородныя побужденія обвиняемаго и просилъ о полномъ

его оправданіи. Полковникъ де Сенъ-Реми, по словамъ защитника, не хотѣлъ опозорить себя участіемъ въ постыдномъ дѣлѣ изгнанія святыхъ, беззащитныхъ женщинъ, и онъ заслуживаетъ за это не осужденія, а похвалы; ему слѣдуетъ возвратить полкъ, который „онъ, быть можетъ, поведетъ на войну возмездія". Обвинитель поддерживалъ формальные доводы, касающіеся военной дисциплины, и доказывалъ, что подчиненіе законнымъ требованіямъ гражданской власти не можетъ заключать въ себѣ ничего позорнаго. Защитникъ съ своей стороны настаивалъ на томъ, что „брать штурмомъ жилища монахинь—дѣло постыдное для арміи, и, занимая ее такимъ дѣломъ, правительство подрываетъ дисциплину и извращаетъ великое назначеніе военной силы". Слова защитника были покрыты рукоплесканіями, которыя едва удалось остановить предсѣдателю. Военный судъ единогласно призналъ полковника Годена де-Сенъ-Реми невиновнымъ въ нарушеніи дисциплины относительно генерала Фратѐ и виновнымъ только въ неисполненіи требованія префекта Морбиганскаго департамента, за что приговорилъ обвиняемаго къ аресту на одинъ день. Чтеніе приговора встрѣчено было единодушными рукоплесканіями всѣхъ присутствовавшихъ.

Съ формальной стороны приговоръ военнаго суда въ Нантѣ представляется совершенно непонятнымъ. Полковникъ де-Сенъ-Реми не только не подчинился распоряженію гражданской власти, переданному ему генераломъ Фратѐ, но оставилъ безъ отвѣта двѣ телеграммы его и отвѣтилъ отказомъ на третью депешу, заключавшую уже прямое приказаніе генерала. Послѣдній самъ подтвердилъ на судѣ, что въ этой телеграммѣ онъ далъ полковнику формальный приказъ, которому тотъ, однако, не повиновался. Отвергнувъ безспорный фактъ неповиновенія военному начальству и присудивъ обвиняемаго къ такому ничтожному наказанію, какъ арестъ на одинъ день, за неисполненіе требованія гражданской власти, военный судъ, въ сущности, принялъ сторону полковника де-Сенъ-Реми и косвенно осудилъ дѣйствія правительства. Изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла было ясно, что поступокъ Сенъ-Реми не имѣлъ никакой политической подкладки и вытекалъ исключительно изъ побужденій личной религіозной совѣсти. Этотъ характеръ поступка отчасти объясняетъ точку зрѣнія суда и придаетъ его приговору особенное значеніе. Полковникъ де-Сенъ-Реми ничѣмъ не проявилъ своей солидарности съ какими-либо партіями, враждебными республикѣ; онъ дѣйствовалъ просто, какъ вѣрующій католикъ, поставленный въ необходимость выбора между военнымъ долгомъ и предписаніями религіи. Военные судьи, разбиравшіе его дѣло,—вѣроятно также не думали о политикѣ, какъ и Сенъ-Реми; но они тоже католики и въ этомъ качествѣ, очевидно, раздѣляли его чувства и

сомнѣнія, или признавали ихъ вполнѣ естественными. Формальныя и фактическія основанія, по которымъ требовался безусловно обвинительный приговоръ, были на этотъ разъ умышленно оставлены въ сторонѣ, уступивъ мѣсто оправдательнымъ соображеніямъ, рѣдко примѣняемымъ въ практикѣ военныхъ судовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что военный судъ въ Нантѣ явился лишь выразителемъ настроенія, господствующаго въ рядахъ французскаго офицерства, преимущественно высшаго. Въ приговорѣ по дѣлу Сенъ-Реми можно видѣть ясное доказательство того, что представители арміи относятся непріязненно къ политикѣ, прибѣгающей къ военно-полицейскимъ насиліямъ противъ учрежденій и органовъ католической церкви. Если законные охранители военной дисциплины оффиціально оправдываютъ ея нарушителей, виновныхъ главнымъ образомъ передъ гражданскою властью, то это само по себѣ служитъ весьма серьезнымъ симптомомъ разлада между правительствомъ и вліятельною частью общественнаго мнѣнія. Министерство не имѣло, конечно, никакой надобности ставить хорошихъ и честныхъ офицеровъ въ положеніе, при которомъ даже пассивные исполнители повинуются „съ ужасомъ въ душѣ“; не было вообще основанія превращать законъ о конгрегаціяхъ въ орудіе нападенія и дѣйствовать наступательно съ такою поспѣшностью, какъ будто требовалось во что бы то ни стало вызвать подобіе борьбы и побѣды. Жители сельскихъ общинъ въ Бретани давно извѣстны своею набожностью, и можно было заранѣе предвидѣть, что крутыя мѣры противъ монашества не обойдутся тамъ безъ кровавыхъ столкновеній. Духовныя школы, признаваемыя недозволенными, существовали много десятилѣтій, и никакіе интересы не требовали ихъ немедленнаго насильственнаго закрытія; отъ правительства зависѣло назначить льготные сроки и облегчить ликвидацію закрываемыхъ заведеній, или дать имъ возможность примѣниться къ новымъ правиламъ, — вмѣсто того, чтобы предпринимать экспедиціи, направленныя какъ будто противъ религіозныхъ чувствъ и привычекъ населенія. Не только въ арміи, но и среди чиновничества замѣчалось раздраженіе, доходившее до непріятныхъ конфликтовъ; правительство вынуждено было смѣщать недовольныхъ, и въ клерикальный лагерь попали многіе изъ тѣхъ, которые никогда не считали себя клерикалами. По этому поводу долженъ былъ, по слухамъ, выйти въ отставку французскій посолъ при петербургскомъ дворѣ, де-Монтебелло, такъ какъ онъ, будто бы, протестовалъ противъ изгнанія монахинь изъ школы, находящейся въ его имѣніи. Въ печати продолжается страстная полемика между радикальными обличителями клерикализма и защитниками неограниченной свободы преподаванія; извѣстный редакторъ „Revue des deux Mondes“, профессоръ Фердинандъ Брюнетьеръ,

горячо отстаиваетъ либеральные принципы въ газетныхъ статьяхъ, хотя значительно ослабляетъ свою аргументацію оправданіемъ учебно-воспитательной дѣятельности іезуитовъ. Противъ Брюнетьера ополчились передовые прогрессисты; полемика, по обыкновенію, вертится около вопросовъ, не имѣющихъ прямой связи съ предметомъ спора. Сторонники министерства Комба неустанно проводятъ ту простую и безспорную мысль, что законъ о конгрегаціяхъ, надлежащимъ образомъ обнародованный, получилъ обязательную силу и долженъ быть приведенъ въ исполненіе, и что никто не имѣетъ права противиться этому закону; но дѣло именно въ томъ, что противодѣйствіе вызывается не текстомъ закона, а способами его толкованія и примѣненія. Католики возмущаются и протестуютъ не противъ законодательныхъ постановленій, а противъ суровыхъ министерскихъ декретовъ, нарушающихъ законныя права обывателей безъ достаточныхъ къ тому основаній. Разумѣется само собою, что въ концѣ концовъ побѣда осталась за правительствомъ; но нужно ли было затѣвать войну противъ конгрегацій въ такой формѣ и возвысился ли авторитетъ республики послѣ фактическаго торжества надъ мнимыми ея врагами,—надъ этимъ не задумываются публицисты, восхваляющіе непреклонную твердость министерства Комба.

Нельзя отрицать, что странная внутренняя политика нынѣшняго французскаго правительства вызываетъ недоумѣніе въ Европѣ и не можетъ способствовать упроченію политическихъ симпатій къ Франціи въ тѣхъ консервативныхъ сферахъ, которыми опредѣляется направленіе международной дипломатіи. Французы вообще беззаботны насчетъ того, какое впечатлѣніе производятъ ихъ дѣйствія и рѣчи за границей; это вновь показали нѣкоторые изъ министровъ, заговорившіе почему-то воинственнымъ тономъ о внѣшнихъ дѣлахъ. Генералъ Андрè, при открытіи памятника въ честь павшихъ воиновъ 1870 года въ Вильфраншѣ, сказалъ, что „солдаты будущаго явятся мстителями за пораженіе отечества и возвратятъ странѣ ея матеріальное могущество; они должны все принести въ жертву родинѣ, даже свои личныя убѣжденія“. Морской министръ, Камилль Пельтанъ, на банкетѣ 12 сентября въ Аяччіо, произнесъ спичъ, въ которомъ объяснилъ важное стратегическое значеніе Корсики, обращенной своимъ восточнымъ побережьемъ „къ самому сердцу Италіи“. „Можно замѣтить,—говорилъ онъ далѣе,—возрожденіе воинственности у народовъ, поклоняющихся грубой силѣ. Средиземное море—не французское озеро, но оно представляетъ для Франціи слишкомъ большой интересъ, чтобы можно было пренебрегать имъ, и Корсика служитъ гарантіею нашей безопасности. Необходимо поэтому вооружить этотъ островъ; но финансовый кризисъ не позволяетъ сразу исполнить программу предположенныхъ

военныхъ мѣръ. Мы сдѣлаемъ все, что возможно, для обезпеченія настоящаго и будущаго". Нѣсколько дней спустя, въ Бизертѣ, Пельтанъ уже отрекся отъ приписанныхъ ему словъ относительно Италіи, сославшись на свои всегдашнія симпатіи къ итальянскому народу, но зато упомянулъ о пораженіи Франціи „германскими варварами" и о презрѣніи къ праву со стороны Англіи; въ то же время онъ назвалъ Бизерту „новымъ Карѳагеномъ" и намекнулъ на великую роль французскаго Туниса въ борьбѣ за преобладаніе въ Средиземномъ морѣ, чѣмъ опять задѣлъ Италію. Такимъ образомъ, подъ предлогомъ оправданія своихъ неосторожныхъ словъ, сказанныхъ въ первой рѣчи, Пельтанъ вторично затронулъ иностранныя державы и отозвался весьма рѣзко о Германіи и Англіи. Слова его о германскомъ варварствѣ не могли серьезно оскорбить національное чувство нѣмцевъ, но подали поводъ къ оживленнымъ толкамъ нѣмецкихъ газетъ на тему о неисправимомъ ослѣпленіи и шовинизмѣ французовъ. Замѣчаніе о британскомъ неуваженіи къ праву нашло соотвѣтственный отголосокъ въ англійской печати, которая воспользовалась случаемъ для ядовитой характеристики французскихъ дѣлъ и французскихъ министровъ. Фразы о Средиземномъ морѣ напоминали итальянцамъ старыя французскія притязанія, несовмѣстимыя съ современнымъ международнымъ положеніемъ Италіи и съ новѣйшими проявленіями франко-итальянской дружбы. Съ какою цѣлью наговорилъ все это Пельтанъ—непонятно; вѣрнѣе всего, что онъ просто увлекся своимъ краснорѣчіемъ и забылъ о своемъ званіи министра, когда произносилъ эти удивительныя рѣчи. Президентъ совѣта министровъ долженъ былъ вмѣшаться въ дѣло для прекращенія непріятной полемики, вызванной рѣчами Пельтана; на банкетѣ въ Матá, 20 сентября, онъ заявилъ безъ всякихъ стѣсненій, что не слѣдуетъ обращать вниманія на слова, сказанныя кѣмъ-либо изъ министровъ по вопросамъ общей политики, такъ какъ по этимъ вопросамъ никто не уполномоченъ высказываться публично, кромѣ главы кабинета.

Откровенное заявленіе Комба вполнѣ удовлетворило иностранную печать, но поставило въ смѣшное положеніе Пельтана и разоблачило внутреннюю шаткость всего министерства. Если одинъ изъ министровъ публично высказываетъ взгляды, отъ которыхъ приходится открещиваться его коллегамъ, то это свидѣтельствуетъ прежде всего объ отсутствіи единства въ составѣ правительства; самые взгляды теряютъ значеніе оффиціальныхъ, правительственныхъ, но остаются въ высшей степени характерными образчиками идей и понятій, господствующихъ еще въ образованномъ французскомъ обществѣ. Пельтанъ—старый и опытный парламентскій дѣятель, выдающійся ораторъ и журналистъ; онъ попалъ въ министры не случайно, а въ силу своего вліянія и

положенія въ ряду передовыхъ республиканцевъ; — тѣмъ не менѣе онъ обнаруживаетъ поразительное легкомысліе и совершенное незнаніе политическихъ условій современной Европы. Что сказать о взглядѣ на нѣмцевъ какъ на варваровъ? Въ былое время, когда нѣмцы еще во многомъ отставали отъ французовъ и старались подражать имъ, можно было считать общепринятымъ во Франціи высокомѣрное отношеніе къ германской націи; но въ настоящее время пренебрежительный отзывъ о нѣмцахъ, въ устахъ француза, и притомъ министра, производитъ впечатлѣніе чего-то невѣроятнаго, тѣмъ болѣе когда этотъ отзывъ дѣлается въ политической рѣчи, предназначенной для широкаго распространенія. Пельтанъ признаетъ себя принципіальнымъ противникомъ войны, и не разъ онъ развивалъ идею всеобщаго мира; но эта идея уживается у него съ мыслью о неминуемомъ военномъ торжествѣ Франціи надъ Германіею. Онъ предлагаетъ вооружаться противъ Италіи, хотя по здравому смыслу долженъ былъ бы стоять за тѣсное сближеніе съ нею въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ нѣмецкими варварами; онъ отрицательно относится къ Англіи, хотя опять-таки всякій сторонникъ „реванша“ долженъ былъ бы стремиться къ поддержкѣ англійской дружбы. Пельтанъ находитъ какъ будто возможнымъ воевать одновременно съ тремя великими державами,—чего не думаетъ, вѣроятно, и Деруледъ. И подобныя сбивчивыя патріотическія фантазіи излагаются республиканцемъ-радикаломъ, занимающимъ постъ министра! Комбъ объясняетъ содержаніе этихъ рѣчей тѣмъ обстоятельствомъ, что онѣ произносятся „въ особой атмосферѣ банкетовъ“; но такая атмосфера располагаетъ къ откровенности, и въ этомъ смыслѣ можно быть увѣреннымъ, что Пельтанъ выразилъ свои искреннія политическія мнѣнія. Ихъ, разумѣется, не раздѣляетъ французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассѐ, обязанный быть благоразумнымъ и сдержаннымъ; однако большинство французовъ разсуждаетъ о внѣшней политикѣ въ духѣ Пельтана.

Мечты о будущихъ военныхъ побѣдахъ настолько переплетаются съ идеями миролюбія во Франціи, что никто уже не придаетъ серьезнаго вѣса воинственнымъ возгласамъ, вырывающимся иногда у французскихъ ораторовъ и публицистовъ. Фактически французы гораздо больше озабочены сохраненіемъ внѣшняго мира, чѣмъ другіе народы, а свою потребность въ воинственныхъ предпріятіяхъ они удовлетворяютъ внутренними столкновеніями и кризисами, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка. Начатый походъ противъ клерикаловъ окончится не скоро, и нельзя не сказать, что онъ задуманъ былъ при министерствѣ несравненно болѣе авторитетномъ, чѣмъ нынѣшнее. Вальдекъ-Руссо едва ли предвидѣлъ, къ какимъ послѣдствіямъ приве-

детъ односторонняя антиклерикальная политика въ рукахъ его преемниковъ.

Славянское единеніе давно уже перешло у насъ въ область утраченныхъ иллюзій, и о немъ едва вспомнили по поводу истекшаго двадцатипятилѣтія со времени русско-турецкой войны. Четверть вѣка тому назадъ наша печать вѣрила еще въ это единеніе и увлекалась имъ; теперь о братствѣ славянъ трудно говорить иначе, какъ въ ироническомъ тонѣ. Наши отношенія съ Болгаріею стали вполнѣ дружественными только въ послѣдніе годы, когда правители княжества окончательно, повидимому, убѣдились въ преимуществѣ русской дружбы передъ австрійскою. Политическій разсчетъ заставляетъ болгаръ и сербовъ поддерживать близкія связи съ Россіею, помимо всякихъ теорій славянскаго единенія. Взаимная рознь между отдѣльными славянскими народностями даетъ себя чувствовать повсюду на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австро-Венгріи. Сербы враждуютъ съ болгарами, и соперничество ихъ выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; всякій успѣхъ болгаръ разсматривается какъ неудача для сербовъ, и наоборотъ. Обѣ народности ведутъ между собою глухую борьбу въ Македоніи, причемъ перевѣсъ остается обыкновенно на сторонѣ болѣе энергическихъ и настойчивыхъ болгаръ. То же самое мы видимъ и въ Австро-Венгріи, гдѣ чехи не довѣряютъ полякамъ, а хорваты воюютъ съ сербами.

Новый и притомъ крайне грустный примѣръ славянской розни представляютъ недавнія событія въ Хорватіи. Хорваты и сербы принадлежатъ въ сущности къ одному и тому же сербскому племени; ихъ раздѣляетъ только религія. Между хорватами-католиками и православными сербами существуетъ непримиримая ненависть, причины которой не поддаются точному опредѣленію. Хорваты выдѣляютъ себя въ особый народъ и мечтаютъ о своемъ хорватскомъ королевствѣ, подъ главенствомъ Габсбурговъ; австрійскіе сербы надѣются на возрожденіе великаго сербскаго царства, съ центромъ въ Бѣлградѣ.

Въ половинѣ августа органъ сербской національной партіи въ Загребѣ, „Србобранъ“, напечаталъ статью, въ которой высказано мнѣніе, что хорваты не составляютъ отдѣльной народности и принадлежатъ въ дѣйствительности къ сербской націи, у которой заимствовали и языкъ. Статья возбудила сильнѣйшее негодованіе среди хорватскихъ патріотовъ; накопившаяся злоба противъ сербовъ вырвалась наружу, и на улицахъ Загреба разыгрались жестокія сцены; толпа бросилась разбивать сербскіе магазины и кофейныя, уничтожала имущество сербовъ, нападала на ихъ дома и жилища, срывала сербскія вывѣски и совершала различныя безчинства и насилія въ теченіе трехъ дней; воен-

ные и полицейскіе отряды оказались безсильными и въ нѣкоторыхъ пунктахъ должны были сами спасаться бѣгствомъ; воздвигались даже баррикады противъ полиціи, и только на четвертый день прибывшимъ войскамъ удалось прекратить безпорядки. Этотъ безпощадный разгромъ не имѣлъ грабительскаго характера и направленъ былъ противъ всѣхъ вообще мѣстныхъ сербовъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ; ожесточеніе не имѣло другихъ мотивовъ, кромѣ національно-политическихъ. Корреспонденты нѣмецкихъ газетъ утверждаютъ, что хорваты дѣйствовали также подъ вліяніемъ зависти и конкурренціи; сербы, какъ люди болѣе предпріимчивые и энергическіе, успѣшно вытѣсняли хорватовъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности и торговли, и отличались сравнительною зажиточностью, тогда какъ между хорватами преобладаютъ бѣдняки. Какъ бы то ни было, стремленія и порывы къ грабежу не играли тутъ замѣтной роли; имущество уничтожалось или выбрасывалось, а не расхищалось,—если не считать отдѣльныхъ случаевъ, ускользнувшихъ отъ вниманія корреспондентовъ. Движеніемъ руководили большею частью интеллигентные люди, убѣжденные хорватскіе патріоты, и въ этомъ заключается самая печальная сторона загребскихъ событій. Естественное національное чувство, вырождаясь въ узкій національзмъ, пріобрѣтаетъ черты, не имѣющія ничего общаго съ любовью къ родному племени; любовь къ своему переходитъ въ злобную ненависть къ чужому, и то, что должно было служить къ возвышенію и усовершенствованію національной жизни, становится источникомъ нравственной порчи, сознательнаго безсердечія и хищничества. Чѣмъ меньше народность и чѣмъ сомнительнѣе ея право на самостоятельное обособленное существованіе, тѣмъ легче овладѣваютъ ею инстинкты національной нетерпимости и патріотической злобы. Хорваты находятся еще подъ властью мадьяръ и ограничиваются пока мечтаніями о хорватскомъ королевствѣ, а между тѣмъ уже воюютъ съ родственными сербами, съ которыми призваны жить въ близкомъ сосѣдствѣ, если не въ общеніи. Это одна изъ многихъ иллюстрацій пресловутаго славянскаго единенія, о которомъ когда-то такъ много и усердно разсуждали славянофилы.

Правительство сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ начинаетъ все чаще принимать руководящее участіе въ международныхъ дѣлахъ и вопросахъ, касающихся не одной Америки или вовсе не имѣющихъ къ ней прямого отношенія. Президентъ Рузевельтъ далъ первый толчокъ къ практическому примѣненію великаго принципа, освященнаго державами на гаагской конференціи: онъ доставилъ первый процессъ новому международному судилищу, организо-

ванному въ Гаагѣ въ силу конвенціи 29-го іюля 1899 года и тщетно ожидавшему до сихъ поръ практическаго дѣла.

Европейскіе дипломаты не скрывали своего недовѣрія и недоброжелательства къ новому учрежденію, самое существованіе котораго слишкомъ рѣзко противорѣчитъ всѣмъ традиціямъ международной политики; они не возражали противъ судебно-третейской организаціи въ принципѣ, но смотрѣли на нее какъ на мертворожденный продуктъ возвышенной филантропіи. Въ дипломатическихъ канцеляріяхъ повидимому установился взглядъ, что международный трибуналъ въ Гаагѣ не получитъ практическаго значенія и умретъ естественною смертью, за отсутствіемъ такихъ спорныхъ дѣлъ, которыя были бы переданы ему заинтересованными державами. Нѣтъ недостатка въ старыхъ, неразрѣшенныхъ еще международныхъ спорахъ, вполнѣ подходящихъ къ компетенціи гаагскаго трибунала; но дипломатія не давала ему работы подъ вліяніемъ рутины. Правда, этотъ трибуналъ исполнялъ уже разъ функціи третейскаго суда, но только по личному почину судьи, выбраннаго сторонами еще въ 1898 году и имѣющаго постоянное пребываніе въ Гаагѣ.

Чтобы поддержать симпатичное учрежденіе, обреченное дипломатами на безплодіе, президентъ Рузевельтъ поручилъ своему статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ, Гею, пріискать какой-нибудь спорный вопросъ и устроить передачу его на разрѣшеніе гаагскаго трибунала. Дѣло вскорѣ нашлось: это—споръ между Соединенными Штатами и Мексикою по поводу совершеннаго нѣкогда мексиканскимъ правительствомъ захвата духовныхъ имуществъ въ Калифорніи, которая въ то время была еще подвластна Мексикѣ. Мексиканское правительство обязалось уплачивать духовенству опредѣленную ежегодную ренту взамѣнъ отобранныхъ имѣній, но перестало платить эти деньги послѣ присоединенія Калифорніи къ Соединеннымъ Штатамъ. Духовенство обращалось съ своими требованіями къ обѣимъ сторонамъ, но не могло получить удовлетворенія ни въ Мексикѣ, ни въ Вашингтонѣ, въ виду возникшаго спора о томъ, къ которой изъ двухъ державъ перешло упомянутое денежное обязательство. По предложенію вашингтонскаго кабинета, въ маѣ текущаго года Мексика согласилась передать дѣло международному суду въ Гаагѣ. Каждая изъ сторонъ выбрала судьями двухъ изъ числа постоянныхъ членовъ трибунала, и эти четверо должны были собраться въ Гаагѣ 1-го сентября (нов. ст.) для избранія суперъ-арбитра, которому принадлежитъ роль предсѣдателя. Однимъ изъ судей со стороны Соединенныхъ штатовъ состоитъ профессоръ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ. Нѣтъ сомнѣнія, что починъ президента Рузевельта найдетъ подражателей и что евро-

пейскія дипломатическія канцеляріи перестанутъ игнорировать такое полезное учрежденіе, какъ постоянный международный судъ въ Гаагѣ.

Сѣверо-американское правительство обнаруживаетъ готовность вмѣшиваться и въ такія дѣла, которыя относятся къ области всецѣло европейской политики. Въ началѣ сентября оно подняло вопросъ о положеніи евреевъ въ Румыніи, вынуждающемъ многихъ ихъ нихъ выселяться въ Америку. Въ циркулярной дипломатической нотѣ къ представителямъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ 1878 года, статсъ-секретарь Гей напоминаетъ, что одновременно съ признаніемъ независимости Румыніи возложена на нее обязанность соблюдать принципъ равноправности жителей безъ различія вѣроисповѣданія; но Румынія нарушила этотъ принципъ по отношенію къ евреямъ, чѣмъ причиняетъ ущербъ другимъ странамъ и прежде всего Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ румынскіе евреи ищутъ себѣ пріюта. Хотя Соединенные Штаты не участвовали въ подписаніи берлинскаго трактата, однако вашингтонскій кабинетъ заинтересованъ въ его исполненіи относительно румынскихъ евреевъ, и потому обращается къ державамъ съ просьбою обратить вниманіе на этотъ вопросъ и принять мѣры къ надлежащему его урегулированію, чтобы положить предѣлъ искусственно вызываемой эмиграціи евреевъ изъ Румыніи. Соединенные Штаты охотно принимаютъ добровольныхъ иностранныхъ поселенцевъ, но не желаютъ давать у себя убѣжище такимъ, которыхъ намѣренно заставляютъ покидать отечество при помощи законодательныхъ стѣсненій и преслѣдованій. Туземные евреи въ Румыніи произвольно отнесены къ категоріи иностранцевъ, хотя они несомнѣнно принадлежатъ къ числу исконныхъ мѣстныхъ жителей;- несправедливые законы лишаютъ ихъ доступа ко многимъ отраслямъ полезнаго труда, въ томъ числѣ и ремесленнаго и фабричнаго, вслѣдствіе чего эмиграція въ Америку является результатомъ принужденія, а не доброй воли. Вашингтонскій кабинетъ ссылается и на мотивы человѣколюбія и политической морали, не позволяющіе относиться равнодушно къ положенію евреевъ въ Румыніи.

Такъ какъ единственнымъ формальнымъ доводомъ въ пользу вмѣшательства во внутреннія дѣла Румыніи можетъ служить берлинскій трактатъ, не подписанный Соединенными Штатами, то дипломатическій шагъ сѣверо-американскаго правительства не имѣлъ бы серьезнаго значенія, еслибы за нимъ не послѣдовало однородное обращеніе Англіи къ державамъ, съ прямою ссылкою на американскую ноту. Очевидно, Соединенные Штаты заранѣе заручились въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ лондонскаго кабинета, что̀ придаетъ дѣлу совсѣмъ другой характеръ. Судьба румынскихъ евреевъ, конечно, не измѣнится подъ вліяніемъ новѣйшей переписки между дипломатами, тѣмъ болѣе

что самый вопросъ едва ли зависитъ только отъ правительственныхъ дѣятелей Румыніи; попытка президента Рузевельта имѣла пока лишь тотъ результатъ, что румынское правительство прекратило выдачу эмигрантскихъ паспортовъ евреямъ.

Быть можетъ, болѣе благопріятные шансы успѣха имѣло бы вмѣшательство сѣверо-американской республики въ защиту турецкихъ христіанъ и особенно армянъ, забытыхъ европейскою дипломатіею;— такое вмѣшательство было бы вполнѣ возможно, еслибы оно основывалось на предварительномъ соглашеніи съ Англіею. Заступничество американцевъ за безправныхъ подданныхъ турецкаго султана было бы дѣйствительно новымъ фактомъ международной политики и могло бы имѣть въ высшей степени благотворныя послѣдствія, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1902.

— П. Головачевъ, Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. Изд. Ю. И. Базановой. Москва. 1902.

Замѣтно усилившееся въ послѣднее время стремленіе къ изученію нашего обширнаго отечества вышло за предѣлы сравнительно небольшого круга научно-образованныхъ людей и стало развиваться въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ русскаго общества. Издавна русское общество упрекали въ томъ, что оно слишкомъ мало знаетъ свою родину, изъ чего заключили и о недостаткѣ здраваго патріотизма; но если вдуматься въ основаніе того, что̀ постороннему глазу могло показаться такимъ недостаткомъ, то нельзя не признать, что въ словахъ „любовь къ родинѣ“ кроется особенно по отношенію къ намъ, русскимъ, большая неопредѣленность, не разъ дававшая поводъ къ самымъ разнообразнымъ недоразумѣніямъ. Съ легкой руки Карамзина, любовь къ родинѣ нерѣдко отождествлялась съ чувствомъ политической самонадѣянности, и извѣстно, къ какимъ горькимъ разочарованіямъ и заблужденіямъ приводило подобное узкое пониманіе, когда оно переносилось въ сферу общественныхъ, политическихъ и даже научно-теоретическихъ построеній.

Любовь къ родинѣ болѣе чѣмъ какое-либо другое чувство не можетъ держаться только на отвлеченномъ представленіи, но должна опираться на прочное, въ извѣстномъ смыслѣ фактическое основаніе. Главный принципъ ея становится ясенъ, если для примѣра взять одинъ изъ небольшихъ народовъ, гдѣ эта любовь служитъ нагляднымъ двигателемъ національнаго развитія, сказываясь одинаково въ рыцарской отвагѣ и народной героической пѣснѣ. Такова прославленная черногорская доблесть, съ давнихъ поръ дававшая содержаніе національнымъ пѣснямъ и возбуждавшая справедливое удивленіе. Для черногорца знать свое отечество, до малѣйшихъ подробностей, со всѣмъ кругомъ историческихъ фактовъ и преданій, связанныхъ съ судьбами

Черногоріи въ ея цѣломъ и каждаго уголка въ отдѣльности, очень нетрудно: черногорецъ можетъ легко обойти пѣшкомъ свою „родину", которая есть и его „отечество"; его исторія немногосложна; населеніе однородно по языку, вѣрѣ, обычаю и т. д.; его любовь къ „родинѣ", инстинктивная и несложная, естественно соединяется съ политическимъ патріотизмомъ. Но для сужденія о Россіи требуются иные масштабы въ отношеніи и географическаго протяженія, и племенного состава, и историческаго развитія, но и она не представляетъ исключенія изъ общаго правила: въ ней осмысленное чувство любви къ родинѣ требуетъ лишь неизмѣримо бо́льшаго и всесторонняго изученія. Эта мысль, давно указанная въ литературѣ, достаточно сознана въ настоящее время, и отечествовѣдѣніе готовится занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ кругѣ необходимыхъ предметовъ нашего средняго и высшаго образованія.

Огромное распространеніе нашего отечества рѣдко кому даетъ возможность даже поверхностно ознакомиться съ разнообразной природой страны и формами быта, не говоря уже о ея сложныхъ внутреннихъ условіяхъ, изъ которыхъ складывается соціально-экономическій строй и духовное содержаніе жизни.

Литература, съ своей стороны, приходитъ на помощь, и ея труды, посвящаемые общимъ вопросамъ изученія Россіи, гдѣ подводятся итоги отдѣльнымъ монографіямъ и спеціальнымъ изысканіямъ, въ настоящее время имѣютъ существенное значеніе. Къ такимъ трудамъ, соединяющимъ научность пріемовъ съ доступностью изложенія, и потому предназначеннымъ къ широкому распространенію, относится книга г. Головачева.

„При составленіи этой книги, — говоритъ авторъ, — мы имѣли въ виду дать общую картину природы и жизни Сибири на основаніи достовѣрныхъ и свѣжихъ данныхъ. Для этого мы пользовались соотвѣтствующими книгами и брошюрами, вышедшими въ свѣтъ за послѣднее десятилѣтіе, статьями въ общихъ и спеціальныхъ изданіяхъ, какія могли достать, подходящими статьями и замѣтками въ сибирскихъ газетахъ за послѣдніе три года, указаніями спеціалистовъ,... лицъ, занимавшихся на мѣстахъ изученіемъ различныхъ сторонъ природы и жизни Сибири, и, наконецъ, собственными наблюденіями и впечатлѣніями. При описаніи природы, а также и быта инородцевъ, мы обыкновенно приводимъ подлинныя слова того или другого путешественника, который, какъ очевидецъ, даетъ правдивую и яркую картину изображаемой мѣстности или жизни населенія"...

Приведенныя слова опредѣляютъ составъ и характеръ книги, распадающейся по своему содержанію на три части: первая посвящена описанію сибирской природы, флоры и фауны; вторая заключаетъ въ

себѣ свѣдѣнія о разнообразныхъ племенахъ и народахъ, населяющихъ Сибирь, и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ; третья посвящена исторіи заселенія Сибири, формамъ быта и экономическимъ условіямъ населенія. Авторъ вездѣ обращаетъ вниманіе на взаимныя отношенія русскаго и инородческаго населенія, причемъ отмѣчаетъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны культурнаго воздѣйствія русскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ автору приходится отмѣчать весьма грустныя явленія. У якутовъ, напримѣръ, подъ русскимъ вліяніемъ, распространились воровство и обманъ, явилась надобность въ роспискахъ и векселяхъ, развилось сутяжничество, стала ослабѣвать взаимная помощь и гостепріимство. Не измѣняется къ лучшему, если вѣрить автору, и духовная, нравственная сторона киргизъ; ихъ русскіе сосѣди—казаки, лѣнивые, невѣжественные и жадные, и переселенцы изъ Россіи, на которыхъ киргизъ смотритъ какъ на враговъ, лишающихъ его лучшихъ угодій; вообще, вліяніе русскихъ на духовное просвѣщеніе инородцевъ авторъ не считаетъ значительнымъ и прочнымъ. Жизнь въ Сибири, замѣчательно осложнившаяся за послѣднее десятилѣтіе, подъ вліяніемъ такихъ могучихъ факторовъ, какъ переселенческое движеніе и желѣзная дорога, сказалась на хозяйственномъ благосостояніи бродячаго и земледѣльческаго населенія уже замѣтнымъ упадкомъ. Переходъ натуральнаго хозяйства въ денежное, усиленное и неразсчетливое добываніе сырья растительнаго и животнаго происхожденія при постоянно возростающемъ населеніи—все это создаетъ такія условія, которыя могутъ крайне тягостно отразиться на творческой производительности сибирскаго населенія. Единственнымъ средствомъ, при помощи котораго авторъ считаетъ возможнымъ достичь повышенія благосостоянія и сознательности въ отношеніи эксплуатаціи силъ природы, является поднятіе уровня образованія въ странѣ и упорядоченіе общественной жизни путемъ отмѣны ссылки, улучшенія судебной и медицинской частей серьезными мѣрами для охраны сѣверныхъ инородцевъ и широкимъ развитіемъ школьнаго дѣла. „Только подъемъ и улучшеніе жизни Сибири во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ, а не одностороннее добываніе и вывозъ на отдаленные рынки ея животныхъ и растительныхъ богатствъ, — такъ заканчиваетъ свою книгу г. Головачевъ—могутъ упрочить благосостояніе этой страны и сдѣлать ее драгоцѣнной составной частью Россіи".

Къ книгѣ приложены двѣ карты и много фототипическихъ иллюстрацій.—Е. Л.

— Умеръ талантъ!.. Повѣсть А. А. Луговою. (Спб. 1902).

Это произведеніе г. Луговою, на нашъ взглядъ довольно странное, названо повѣстью, но едва ли правильно: повѣсти, т.-е. разсказа біографическихъ событій извѣстнаго типическаго характера, здѣсь нѣтъ, или очень мало. Это скорѣе можно было бы назвать обвинительнымъ актомъ, исходящимъ отъ „умершаго таланта" (въ послѣдніе дни его жизни) и записаннымъ съ его словъ трудами г. Луговою.

Противъ кого направленъ обвинительный актъ?

Надо бы обратиться къ фактамъ, которые объяснили бы намъ личность „таланта" и источникъ его обвиненій. Но никакихъ ясныхъ фактовъ мы не находимъ въ разсказѣ г. Луговою. Авторъ сообщаетъ только, въ первыхъ строкахъ:

„Сегодня мы похоронили его, а еще въ прошлую субботу я слышалъ вотъ здѣсь его голосъ,—слабый, надтреснутый, но живой и все еще по прежнему увлекательный и страстный; я видѣлъ передъ собой его лихорадочно горящіе и вмѣстѣ съ тѣмъ печальные глаза; я думалъ о разрушавшей его организмъ болѣзни, но мнѣ не хотѣлось вѣрить,—нѣтъ, я просто отгонялъ самую мысль и возможность скорой смерти его.

„А онъ приходилъ проститься!"...

Когда авторъ вернулся съ похоронъ, у него неотступно звучали въ ушахъ кѣмъ-то сказанныя утромъ слова: „умеръ талантъ!"

„Умеръ талантъ! Какая тяжелая отвѣтственность въ сущности должна бы падать на тѣхъ, кто ничего не сдѣлалъ, чтобы предохранить это народное достояніе отъ преждевременной гибели".

Авторъ продолжаетъ:

„И я спросилъ прежде всего самого себя, — что̀ сдѣлалъ для этого я?

„Ничего.

„А онъ еще называлъ меня самымъ близкимъ ему человѣкомъ! Онъ съ этого началъ, когда въ этотъ свой послѣдній приходъ ко мнѣ заговорилъ о своемъ одиночествѣ"...

Но авторъ сдѣлалъ другое. Онъ записалъ послѣднюю бесѣду съ „талантомъ", которая, впрочемъ, была только монологомъ; авторъ лишь изрѣдка вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе; и этотъ монологъ былъ именно обвинительнымъ актомъ; онъ почти цѣликомъ заполняетъ всю книжку г. Луговою. Обвиненіе направлено противъ цѣлой современной литературы, а особливо противъ ея практическихъ дѣятелей, издателей и журналистовъ. По мнѣнію „таланта", они именно обязаны были поддержать его, и они не поддержали. Обвиненія — категори-

ческія и огульныя; — самъ разсказчикъ иногда какъ будто это чувствовалъ, и если иногда дѣлалъ возраженія, то очень нерѣшительныя.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ.

Въ самомъ началѣ своей филиппики, „талантъ" замѣчаетъ о своемъ „одиночествѣ": „у меня нѣтъ никого, съ кѣмъ бы я былъ особенно друженъ... а это такъ скверно... такъ тяжело быть замкнутымъ", и когда вслѣдъ затѣмъ онъ говоритъ: „я знаю болѣе или менѣе *весь* нашъ *литературный міръ*" (въ которомъ онъ не нашелъ ни одного человѣка, котораго удостоилъ бы своимъ довѣріемъ), невольно является мысль о болѣзненной желчности или же о болѣзненномъ самомнѣніи „таланта".

„Я знаю болѣе или менѣе весь нашъ литературный міръ... и всегда съ грустью замѣчалъ, какъ мало въ немъ искренности. Какой-нибудь —хотя бы грубой, циничной, хотя бы пошлой, но только полной, смѣлой искренности! Все разсчитано, размѣрено. Всѣ, даже наши циники, ходятъ гуськомъ дружка за дружкой, по протоптаннымъ дорожкамъ... воздухъ что ли ужъ такой подавляющій, которымъ мы дышимъ"...

Какой „искренности" желалъ „талантъ", остается неясно и послѣ дальнѣйшихъ его обвиненій:

„Гдѣ тутъ быть искреннимъ, когда надо приспособляться къ средѣ, въ которой живешь! Искренность!... Какой вздоръ!... Сколько бы ни говорили о свободѣ творчества, мы—рабы самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ... Я говорю не о цензурѣ. Что цензура! Маленькое звено въ общей цѣпи сковывающихъ насъ тяжелыхъ условій писательскаго существованія. Каждый изъ насъ живетъ въ надеждѣ, что эти условія измѣнятся не сегодня—завтра, но даже самые удачливые изъ насъ никогда не вылѣзаютъ изъ болота компромиссовъ, а въ сущности...

„Онъ не договорилъ"...

Затѣмъ, вспомнивъ „Пророка", который изъ городовъ бѣжалъ нищій и жилъ въ пустынѣ, „талантъ" вознегодовалъ:

„Не могу убѣжать я въ пустыню! Зачѣмъ, передъ кѣмъ я буду вопіять тамъ? Быть пророкомъ я могу только между людьми, между тѣми именно людьми, къ которымъ принадлежу я самъ по своему положенію, по своему складу ума, по своему темпераменту. Безъ редакцій, безъ журналовъ, газетъ, безъ издателей, книгопродавцевъ—я не могу существовать, точно такъ же, какъ не могу существовать безъ книгопечатныхъ станковъ. А вы сами знаете, можно ли быть искреннимъ въ этой средѣ?"

Авторъ, г. Луговой, подтвердилъ:

„— Да, это по меньшей мѣрѣ рискованно".

Жалобы „таланта" становятся забавными: онъ ищетъ „искрен-

ности“ съ редакторами, книгопродавцами, съ представителями „книгопечатныхъ станковъ“, т.-е. типографскими факторами, наборщиками, накладчиками, корректорами... Требованія идутъ слишкомъ далеко,— но оказывается, что „талантъ“ впередъ уже видитъ совершенную невозможность „искренности“, напримѣръ, съ редакторами.

„Какъ могу я быть искреннимъ, когда я знаю (?), что въ каждый день каждаго мѣсяца, на каждой улицѣ, гдѣ помѣщается какая-нибудь редакція, бѣгаютъ извѣстные и неизвѣстные мнѣ братья-писатели и вынюхиваютъ верхнимъ и нижнимъ чутьемъ (!), не даютъ ли гдѣ-нибудь тридцать сребренниковъ за то, чтобы кого-нибудь предать, и не слыхать ли, кого надо предать и кому именно и въ какой формѣ“...

Самъ г. Луговой, кажется, увидѣлъ, что его другъ хватилъ черезъ край, и возразилъ: „вы уже слишкомъ безотрадно смотрите (!) на положеніе вещей“ (собственно говоря, г. Луговой могъ бы сказать: „вы говорите вздоръ“),—и затѣмъ приводитъ объясненіе своего друга:

„— Простите, — прервалъ онъ меня: — быть можетъ, въ другое время, я самъ бы возражалъ на то, что̀ у меня теперь срывается съ языка... но я вѣдь больной, умирающій... Я, можетъ быть, ошибаюсь. Я вѣдь только передаю вамъ мои впечатлѣнія... безсвязныя, отрывочныя... но это все то, что̀ годами накипѣло въ душѣ, и именно вамъ это должно быть понятно. Мнѣ кажется, что мы всѣ чувствуемъ духоту атмосферы, которая окружаетъ насъ, но мы свыклись съ ней, мы даже боимся выглянуть на вольный свѣтъ изъ-подъ нашего воздушнаго колокола“...

Затѣмъ другъ г. Лугового обратилъ разговоръ на другую тему:

„— Согласитесь сами, легко ли работать писателю, когда онъ со всѣхъ сторонъ только и слышитъ о томъ, что мы переживаемъ время упадка литературы! Надо имѣть мѣдный лобъ и оловянные безстыжіе глаза (!), чтобъ спокойно выслушивать, какъ вамъ говорятъ прямо въ лицо, что вы принадлежите къ выродкамъ (?). А кто установилъ такіе взгляды на современную литературу? По какому праву? Кто наши цѣнители и судьи? Да читали ли они насъ? Умѣли ли они прочесть то, что̀ у насъ написано?“... (??)

Авторъ какъ будто хочетъ смягчить раздражительность своего друга, но въ сущности еще его подзадориваетъ:

„— Все это правда (?),—замѣтилъ я,—но это вѣдь такъ бывало *во всѣ времена* (?). Вѣдь *всѣ* поколѣнія говорили объ упадкѣ литературы въ ихъ время, а она все шла впередъ и впередъ. Это, вѣроятно, органическое свойство роста литературы. Трудно сказать, кто создаетъ это положеніе“...

Послѣднія слова вызвали цѣлый взрывъ ожесточеннаго негодованія со стороны друга.

„— Редакціи! Отсутствіе въ редакторахъ любви къ литературѣ,— вотъ чѣмъ создано это положеніе. У нашихъ современныхъ редакцій нѣтъ даже простой любви къ истинѣ,—у нихъ все это замѣнено громовымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ, погоней за рекламой, жаждой большого числа подписчиковъ“...

Далѣе, на цѣлые десятки страницъ идетъ обвиненіе противъ „редакцій“, которыя оказываются виновными въ отсутствіи всякой любви къ литературѣ, въ гнусной эксплуатаціи литературнаго труда и въ гибели талантовъ. За невозможностью указать сполна обвинительные пункты, приводимъ нѣскольто отрывковъ.

„— „Время упадка!“ А никому и въ голову не приходитъ подумать о той почвѣ, о томъ климатѣ, какой создали редакціи (!) для произрастанія литературныхъ произведеній. Вѣдь эти произведенія не родятся и не ростутъ въ воздухѣ,—имъ нужна почва, въ которую они могли бы углубить свои корни, а иногда требуется и уходъ за ними. У насъ, благодаря условіямъ цензуры, редакціи окружили сами себя (?) ореоломъ мученичества. Но никто изъ господъ редакторовъ до сихъ поръ не догадался сопоставить тотъ ужасный гнетъ (?), который лежитъ на литературѣ въ видѣ цензуры редакціонной, не имѣющей ничего общаго въ своихъ основаніяхъ съ цензурой правительственной.

„Онъ схватился обѣими руками за голову, точно въ припадкѣ головной боли, и почти-что простоналъ (!):

„— О, эта цензура личныхъ симпатій и антипатій господъ редакторовъ и издателей!“

Ему приходила даже мысль, что хорошо бы составить книгу о „безобразныхъ, безцѣльныхъ, безсмысленныхъ притѣсненіяхъ“, какія испытываютъ „таланты“ отъ редакторовъ и издателей“.

Г. Луговой „улыбнулся“ и замѣтилъ:

„— Да, вы правы: еслибъ написать такую книгу, картина получилась бы сильная и яркая“.

Дальше, новая тема:

„— Представьте себѣ положеніе молодого начинающаго писателя, идущаго въ наши редакціи, гдѣ есть одно желаніе—жать не сѣявши. Да, скажите мнѣ: гдѣ редакція, сдѣлавшая хоть какой-нибудь посѣвъ? Разыскиваютъ (?) онѣ таланты? Пересаживаютъ (?) ихъ въ болѣе плодородную почву? Укрываютъ ихъ отъ непогоды? Подвергаютъ онѣ себя риску неурожая? риску гибели затраченнаго труда? Риску обманутыхъ надеждъ? Нѣтъ, всѣ эти риски предоставляются однимъ талантамъ, растущимъ на волю Божію, а редакціи... редакціи сидятъ неподвижно, какъ турки (!), поджавъ ноги калачикомъ, и, покуривая кальянъ самодовольства, поджидаютъ, не придетъ ли кто новенькій, не принесетъ ли чего хорошенькаго“...

Г. Луговой спросилъ друга, чего же онъ собственно хочетъ отъ редакцій?

„Онъ сдвинулъ брови, посмотрѣлъ на меня и сухо произнесъ:

„—Я, собственно, ничего не хочу... Я только думаю, что можетъ быть было бы лучше, еслибы онѣ не занимали въ литературѣ неподобающаго имъ мѣста, не являлись бы самозванными (?) вдохновителями (?) писателей и руководителями писателей. Я думаю, что было бы лучше, еслибъ писатели выступали съ своими произведеніями, какъ выступаютъ художники на выставкахъ—на артельныхъ началахъ. А такъ... чего мнѣ хотѣлось бы отъ нихъ!.. Я ничего не хочу..., я умираю... я хочу только ругаться. Я оглядываюсь на пройденный путь и мой, и моихъ товарищей, и мнѣ думается: сколько истинныхъ и большихъ талантовъ гибнетъ въ самомъ зародышѣ отъ дыханія самума въ пустынѣ нашихъ редакцій. Постойте, я вижу, вы хотите возразить мнѣ избитой фразой: „истинный талантъ никогда не погибаетъ, истинный талантъ всегда пробьетъ себѣ дорогу и достигнетъ своего разцвѣта". Какой вздоръ!—простите меня. Да, есть много примѣровъ, что большіе таланты пробивались, несмотря на неудачи. А кто считалъ и оцѣнилъ тѣхъ, которые не пробились и погибли? Должно быть, лишніе были"...

Дальше опять идетъ длинное обвиненіе „редакцій": онѣ совершенно равнодушны къ интересамъ литературы, гонятся только за наживой, эксплуатируютъ и угнетаютъ „таланты" и т. д. Редакціи обвиняются въ томъ, что не заботятся о разысканіи талантовъ, не поддерживаютъ ихъ „авансами"; мимоходомъ обвиняется литературный фондъ, выдающій слишкомъ малыя пособія. По мнѣнію „таланта", редакціи именно обязаны выдавать „авансы", и даже не понимаютъ собственнаго интереса въ поддержкѣ талантовъ авансами. Дальше, „талантъ" распространяетъ эту обязанность редакцій на цѣлое общество, даже государство: „таланты" должны быть дороги для цѣлой націи, и если теперь строятъ „народные дома", то „пора понять, что нужны дворцы (!), въ которые каждый писатель, достойный этого имени, могъ бы входить какъ въ собственный домъ",—и т. д.

Не будемъ останавливаться на томъ, существовалъ ли въ дѣйствительности этотъ умершій талантъ (въ современной литературѣ крупныхъ талантовъ такъ немного, что ихъ можно сосчитать по пальцамъ,—а объ такомъ „талантѣ", какого изображаетъ г. Луговой, мы по крайней мѣрѣ не слыхали), или это—фикція, обобщеніе извѣстнаго взгляда, настроенія, существующихъ въ литературномъ мірѣ, и которые авторъ хотѣлъ изобразить. Такъ или иначе, авторъ не остался объективнымъ, безучастнымъ разсказчикомъ; напротивъ, онъ видимо

сочувствуетъ не только лицу, но и его рѣчамъ, которыми и наполнилъ цѣлую книгу.

Изъ приведенныхъ образчиковъ читатель могъ видѣть, что эти рѣчи нерѣдко чрезвычайно странны. Правда, авторъ иногда прерываетъ ихъ возраженіями, но эти возраженія такъ несущественны, что только поощряютъ оратора: „талантъ“ не обращаетъ на нихъ вниманія, и несетъ свое... Возраженія могли бы быть серьезнѣе: быть можетъ, онѣ могли бы въ такомъ случаѣ доставить „таланту“ извѣстное нравственное удовлетвореніе и успокоили бы его; или, если „талантъ“ есть фикція и олицетвореніе, здравыя возраженія могли бы, въ чисто теоретическомъ отношеніи, побудить къ болѣе серьезному пониманію дѣла, т.-е. самыхъ существенныхъ интересовъ литературы. Если „талантъ“ хотѣлъ только „ругаться“, то разсужденія съ нимъ безполезны. Самъ г. Луговой, вѣроятно, достаточно понимаетъ упомянутые интересы литературы, и можно бы было думать, что во многихъ случаяхъ могъ бы и успокоить своего друга, и не вводить въ заблужденія своего читателя.

Напримѣръ, мы упомянули выше, что совсѣмъ не понимаемъ, какой „искренности“ добивался „талантъ“. Если простой, житейской, дружеской искренности, то это—дѣло чисто личное, частное, въ большой мѣрѣ дѣло собственнаго характера. Если же рѣчь идетъ объ искренности литературнаго и общественнаго убѣжденія и дѣйствія, то „талантъ“ взвелъ на „весь литературный міръ“, будто бы ему извѣстный, весьма нескладное обвиненіе, и видимо этого міра даже не зналъ. Г. Луговой безъ сомнѣнія знаетъ этотъ міръ лучше, и могъ бы сказать своему несчастному другу, что дѣло не такъ безнадежно, что въ литературѣ къ счастію всегда бывали люди искренніе, преданные высокимъ задачамъ литературы, мужественно защищавшіе ея достоинство, наконецъ лично достойные и правдивые. Чтобы не говорить о современникахъ, г. Луговой могъ бы въ недавнемъ прошломъ назвать имена Ивана Аксакова, Достоевскаго, Салтыкова, Вл. С. Соловьева; въ болѣе давнемъ прошломъ могъ бы назвать настоящаго героя личной и литературной искренности въ Бѣлинскомъ; могъ бы назвать Добролюбова и многихъ другихъ...

Далѣе, г. Луговой могъ бы объяснить своему другу, что слова его о цензурѣ, какъ „маленькомъ звенѣ“, совсѣмъ легкомысленны. Самъ „талантъ“ могъ не встрѣтить здѣсь никакихъ неудобствъ для своихъ твореній; но для цѣлой литературы, для важнѣйшихъ вопросовъ научныхъ и общественныхъ это „звено“ чрезвычайно важно. Съ нимъ прежде всего связанъ самый объемъ предметовъ, допускаемыхъ или недопускаемыхъ для литературы, т.-е. для общественной и національной мысли, для практическаго народнаго интереса. „Звено“ столь су-

щественно важно, что почти полвѣка тому назадъ, въ эпоху „великихъ реформъ", сама власть сочла нужнымъ обратить вниманіе на этотъ предметъ и предположила мѣры для смягченія цензуры, т.-е. для извѣстнаго освобожденія литературы; мѣры не были проведены до конца, но одновременно съ этимъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія образованнѣйшихъ людей цензура, практически, стала менѣе требовательна и притѣснительна, стала болѣе внимательна къ потребностямъ литературы и просвѣщенія,—и благодаря этому наша литература съ шестидесятыхъ годовъ обогатилась множествомъ научныхъ сочиненій (хотя бы въ большинствѣ переводныхъ), изданіе которыхъ было бы ранѣе совершенно невозможно: очевидно, этимъ оказана была великая услуга нашему „просвѣщенію".

„Талантъ" этого не понималъ, и считалъ вопросъ совсѣмъ неважнымъ—съ точки зрѣнія только своихъ стишковъ или повѣстушекъ.

Далѣе, г. Луговой могъ бы объяснить своему другу, что толки объ „упадкѣ литературы" созданы вовсе не редакціями. „А кто установилъ такіе взгляды на литературу? По какому праву? Кто наши цѣнители и судьи?"—допрашиваетъ „талантъ". Да установили *всѣ*, потому что всѣмъ видно, что современная литература никакимъ образомъ не можетъ равняться съ тѣмъ ея разцвѣтомъ, когда въ одно время явились въ ней такія могущественныя дарованія, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Салтыковъ, Достоевскій, Островскій, нынѣ здравствующій гр. Л. Н. Толстой: даже при маломъ литературномъ смыслѣ пришлось бы допустить, что современная литература (которой всѣ, конечно, желаютъ всякаго благополучія и успѣха), не можетъ равняться съ этой богатой исторической плеядой. „По какому *праву*" судятъ объ упадкѣ литературы?—смѣшной вопросъ:—по праву каждаго читателя составлять свое мнѣніе о произведеніяхъ литературы, а заключенія объ „упадкѣ" выводятся просто изъ того, что на этомъ совпадаетъ масса отдѣльныхъ впечатлѣній.

Приговоры „таланта" о „редакціяхъ" также могли бы побудить г. Луговего проще объяснить своему другу дѣйствительное положеніе вещей. „Редакціи" называются у „таланта" только „торгово-промышленными"; онѣ торгуютъ „моднымъ литературнымъ товаромъ"; онѣ невѣжественны, не имѣютъ никакой любви къ литературѣ, оказываютъ вопіющее „неуваженіе къ авторскому труду" и т. д. Въ противоположность имъ, писатель есть—„человѣкъ, который не занимается ничѣмъ, кромѣ посредничества между землей и небомъ (!), кромѣ рожденія новыхъ идей, за эксплуатацію которыхъ другіе будутъ получать потомъ пригоршнями всѣ блага земныя... что̀ такое писатель? Чужеядное растеніе! Паразитъ!"

Входить въ подробныя объясненія по поводу „торгово-промышлен-

ныхъ редакцій", „неуваженія къ авторскому труду", „посредничества между небомъ и землей"—нѣтъ надобности. Ограничимся двумя-тремя замѣчаніями.

„Талантъ" видимо имѣетъ очень смутное представленіе о журналахъ и редакціяхъ. Не знаемъ, въ чемъ и какъ обижали его редакціи неуваженіемъ къ авторскому труду; считаемъ даже возможнымъ, что редакціи дѣлали ошибки въ оцѣнкѣ произведеній,—ошибаться можетъ каждый,—но „талантъ" видимо не понимаетъ самаго существа нашихъ журналовъ. Для него журналъ какъ будто назначенъ только для стиховъ, повѣстей и романовъ,—а также для выдачи авансовъ начинающимъ талантамъ—съ цѣлью „разысканія", „пересаживанія ихъ на болѣе плодотворную почву", „укрыванія отъ непогоды", и т. д. Но съ давняго времени русскій журналъ имѣетъ характеръ вовсе не періодическаго сборника беллетристическихъ произведеній, а характеръ сборника общеобразовательнаго, съ особеннымъ стремленіемъ къ изученію вопросовъ общественности и народной жизни въ широкомъ смыслѣ слова, насколько это возможно по внѣшнимъ условіямъ. Журналъ, вмѣстѣ съ газетой, служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, которое не имѣетъ другихъ органовъ кромѣ литературныхъ—по тѣмъ важнымъ предметамъ внутренней жизни, которые не могутъ не увлекать или не тревожить живѣйшимъ образомъ всѣхъ разумныхъ и просвѣщенныхъ людей общества,—какъ основные предметы общественнаго и народнаго бытія. Ни одинъ крупный журналъ (и ни одна крупная газета) не являлся, за послѣдніе полъ-вѣка, или даже гораздо дальше (напр. до двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія), безъ болѣе или менѣе опредѣленнаго отношенія къ этимъ предметамъ, или безъ опредѣленнаго „направленія". Эти публицистическіе интересы бывали важны не менѣе интересовъ чисто литературныхъ, нерѣдко и совпадали съ ними, отзываясь на подборѣ беллетристическаго отдѣла и на критикѣ журнала: это называли „тенденціозностью"; „талантъ" г. Лугового называетъ это партіями и никакъ не можетъ понять, откуда онѣ берутся и зачѣмъ существуютъ. Онъ пренебрежительно говоритъ о „какихъ-то направленіяхъ", не разумѣя, что въ этихъ „направленіяхъ" совершалась исторія нашего общественнаго сознанія, въ которомъ шло и наше литературное развитіе. „Талантъ" какъ будто не знаетъ прошедшаго нашихъ журналовъ, гдѣ съ двадцатыхъ годовъ XIX-го вѣка такими дѣятелями тенденціозныхъ журналовъ, или „партій", бывали Полевой, Надеждинъ, Погодинъ, Бѣлинскій, старые славянофилы, потомъ Иванъ Аксаковъ, Катковъ, Достоевскій, Салтыковъ, —какъ былъ въ свое время даже Ѳаддей Булгаринъ. „Тенденціозность" Бѣлинскаго была великимъ и плодотворнымъ фактомъ въ развитіи русской новѣйшей литературы...

Еслибы „таланту“ въ разговорѣ съ „редакціями“ случилось изложить свои понятія о ненужности „направленій“ и „партій“,—не было бы удивительно, что его мысли были бы также сочтены за признакъ упадка,—потому что, кромѣ отсутствія сильныхъ дарованій, кромѣ декадентства и подобныхъ извращеній, „упадокъ“ литературы сравнительно съ прежнимъ выражается также въ непониманіи прошедшаго нашей литературы и въ безпринципности.

Г-нъ Луговой не указалъ ему этого, а относительно „упадка литературы“ подтверждалъ его идеи. Между прочимъ онъ дѣлаетъ такія ссылки:

„...Это вѣдь такъ бывало во всѣ времена. Вѣдь *всѣ* поколѣнія говорили объ упадкѣ литературы въ ихъ время, а она все шла впередъ да впередъ. Это, вѣроятно, органическое свойство роста литературы. Трудно сказать, кто создаетъ это положеніе“...

„Талантъ“, конечно, тотчасъ сообразилъ:

„—Редакціи! Отсутствіе въ редакторахъ любви къ литературѣ,—вотъ чѣмъ создано это положеніе“,—и т. д.

Мы замѣтили выше, что „это положеніе создано вовсе не редакторами, а общимъ голосомъ. Но ошибочны также и ссылки на „всѣ времена“. Во „всѣ времена“, когда литература была въ дѣйствительномъ разцвѣтѣ, она вовсе не вызывала жалобъ на „упадокъ“, а напротивъ, бывала предметомъ гордости и за прошлое, и за настоящее. Во времена Пушкина вовсе не жаловались на упадокъ литературы; время Гоголя наполнило Бѣлинскаго восторженнымъ убѣжденіемъ, что у насъ „есть литература“; въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ не приходило въ голову думать, чтобы тогдашняя славная плеяда, начинавшая свое поприще, представляла упадокъ литературы. И въ другихъ литературахъ также—во времена Корнеля, Расина, Вольтера, не жаловались на упадокъ: напротивъ, корифеи французской литературы были предметомъ національной гордости, какъ у нѣмцевъ вѣкъ Гёте и Шиллера, и т. д.

Г-нъ Луговой, вѣроятно, ближе своего друга знакомый съ матеріальной стороной журнальнаго дѣла, могъ бы воздержать его отъ многихъ нескладицъ, которыя тотъ наговорилъ. „Торгово-промышленныя“ редакціи, — если „таланту“ хотѣлось такъ называть матеріальную, денежную сторону издательства,—существуютъ въ такомъ видѣ во всѣхъ странахъ свѣта, потому что иначе существовать не могутъ: издательство невозможно безъ денежныхъ затратъ, которыя должны быть возмѣщаемы и, какъ всякое денежное предпріятіе, могутъ приносить доходъ, бо́льшій или меньшій; нѣкоторыя предпріятія и совсѣмъ не даютъ дохода, не вознаграждаютъ самыхъ затратъ и падаютъ. Говорить, что основаніе журнала есть всегда только афера и грубая

эксплуатація, значитъ—говорить неправду, потому что можно указать множество примѣровъ даже въ русской литературѣ, гдѣ журнальная дѣятельность вызывалась именно любовью къ литературѣ и желаніемъ воздѣйствовать на общество въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ интересахъ. „Талантъ“ не понимаетъ этой стороны журнала, но нерѣдко именно эта сторона является въ журналѣ господствующей или преобладающей. Редакторы, по словамъ „таланта“ поголовно не имѣющіе никакой любви къ литературѣ и не имѣющіе уваженія къ авторскому труду, бывали и бываютъ, конечно, разные; но между ними бывали и такіе, какъ Салтыковъ, которому многіе „таланты“ должны были быть благодарны за его „неуваженіе къ авторскому труду“, т.-е. за его исправленіе ихъ рукописей... Совершенно невѣроятно, наконецъ, чтобы „редакціи“ не дорожили истинными дарованіями,—хотя бы съ точки зрѣнія „таланта“, чтобы извлечь изъ нихъ выгоду.

Точно также, мы думаемъ, ни въ одной части свѣта „редакціи“ не берутъ на себя „разыскивать“ таланты, „пересаживать на плодородную почву“, „укрывать отъ непогоды“ и т. д., что̀ для нашихъ редакцій считаетъ обязанностью „талантъ“. И какъ редакціи узнать, что къ ней приходитъ талантъ, требующій такихъ попеченій,—если онъ является съ произведеніемъ, которое ей не нравится, не кажется талантливымъ? Какъ редакціи „разыскивать“ таланты?

Г-нъ Луговой, по нашему впечатлѣнію,—если онъ хотѣлъ изобразить или дѣйствительно существовавшій фактъ, или настроеніе,—напрасно далъ такой тонъ своей книгѣ, не внося никакого противовѣса разсужденіямъ и негодованіямъ „таланта“. Безъ этого, рѣчи „таланта“ являются иногда такими ребяческими, что читателю можетъ придти въ голову:—могъ ли это быть дѣйствительно талантливый человѣкъ?

Наконецъ, еще нѣкоторое недоумѣніе.

Въ первыхъ строкахъ книги мы читаемъ: „*Сегодня* мы похоронили его, а еще въ прошлую субботу я слышалъ вотъ здѣсь его голосъ“ (стр. 1)... Такимъ образомъ, книга начата „сегодня“, въ самый день похоронъ. Въ послѣднихъ строкахъ книги, закончивъ рѣчи „таланта“, г. Луговой пишетъ: „А *вчера* мы хоронили его, и всѣ повторяли:—Умеръ талантъ“ (стр. 139). Неужели книга въ 139 страницъ написана въ одинъ день?—Д.

Б. Ф. Брандтъ. Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ и въ Россіи (1900—1901 гг.). Часть первая. Торгово-промышленный кризисъ въ западной Европѣ. Спб. 1902.

Главной задачей г. Б. Брандта было изученіе промышленнаго кризиса, переживаемаго Россіей, начиная съ 1899 года. Но такъ какъ вслѣдъ за началомъ кризиса въ Россіи послѣдній разразился и въ главнѣйшихъ государствахъ западной Европы, а согласно нѣкоторымъ теоретическимъ соображеніямъ основанія промышленныхъ кризисовъ слѣдуетъ искать въ условіяхъ организаціи крупной капиталистической промышленности вообще, то прежде чѣмъ излагать исторію и содержаніе русскаго кризиса, авторъ счелъ полезнымъ изучить кризисъ западно-европейскій. Плодомъ этого изученія по литературнымъ источникамъ и на мѣстахъ явился указанный въ заголовкѣ нашей замѣтки трудъ. Содержаніе этого труда, впрочемъ, шире того, что̀ можно предполагать по его заглавію. Описанію послѣдняго кризиса предпосланъ краткій очеркъ исторіи промышленныхъ кризисовъ предшествующаго времени; такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ высказываетъ опредѣленное воззрѣніе на причины и условія возникновенія промышленныхъ кризисовъ въ новѣйшій періодъ хозяйственной исторіи и полагаетъ, что его „теоретическія разсужденія вполнѣ подтверждаются фактическими данными“, имъ приводимыми, какъ о прошлыхъ, такъ и о новѣйшемъ кризисѣ въ западной Европѣ, то его сочиненіе—при удачномъ выполненіи,—могло бы быть изслѣдованіемъ о причинахъ и условіяхъ происхожденія промышленныхъ кризисовъ въ новѣйшей исторіи Европы. Разсматриваемый трудъ, однако, далеко не имѣетъ такого значенія.

Въ предисловіи къ своему сочиненію, г. Брандтъ говоритъ: „не будучи сторонникомъ одной какой-либо спеціальной теоріи (происхожденія кризисовъ), авторъ счелъ полезнымъ дать подробный анализъ тѣхъ факторовъ и условій въ современной организаціи народнаго хозяйства, совокупное дѣйствіе которыхъ, какъ въ области производства и потребленія, такъ и въ области распредѣленія и обмѣна, періодически ведетъ къ экономическимъ кризисамъ“. Несмотря на такое категорическое отрицаніе принадлежности къ опредѣленному научному лагерю, мы не можемъ не замѣтить, что авторъ придерживается совершенно опредѣленной теоріи кризиса, и именно той, которая неоднократно развивалась въ русской литературѣ и еще недавно служила предметомъ ожесточенной полемики,—теоріи, видящей главную причину кризиса въ законѣ распредѣленія, свойственномъ капиталистическому строю. Правда, въ приведенной цитатѣ г. Брандтъ,—на ряду съ распредѣленіемъ—въ качествѣ причинъ кризиса выставляетъ условія производства, потребленія и обмѣна. Но вѣдь и тѣ писатели,

которые открыто заявляють о своей принадлежности къ „распредѣлительной“ теоріи кризисовъ, ни мало не отрицаютъ соучастія въ произведеніи даннаго явленія многихъ другихъ причинъ, главнѣйшія изъ которыхъ (спекуляція) суть производныя тѣхъ же законовъ распредѣленія національнаго богатства.

Сознательное или безсознательное самоустраненіе Б. Ф. Брандта отъ ученія, въ дѣйствительности имъ раздѣляемаго, выражается не только въ вышеприведенной выдержкѣ (и во многихъ другихъ подобныхъ мѣстахъ его труда), но и въ такомъ изложеніи его воззрѣній, которое не можетъ не затемнять основную ихъ идею. Такъ, важнѣйшимъ факторомъ изъ числа производящихъ кризисъ г. Брандтъ считаетъ „быстрое накопленіе капиталовъ, ищущихъ помѣщенія во что бы то ни стало“ (стр. 12), объясняя, что такое явленіе есть „неизбѣжный результатъ капиталистическаго хозяйства съ его техническими усовершенствованіями и съ его *распредѣленіемъ* національнаго дохода между производительными классами“. Переходя затѣмъ къ мотивировкѣ этого утвержденія, вмѣсто прямого заявленія о томъ, что доля рабочихъ классовъ въ національномъ доходѣ недостаточна для удовлетворенія всѣхъ ихъ потребностей, а доля классовъ владѣющихъ превосходитъ ихъ потребности—г. Брандтъ ведетъ аргументацію такимъ образомъ, что основа сложной комбинаціи явленія—*законъ* капиталистическаго распредѣленія дохода—укрывается за простымъ фактомъ его потребленія. „Дѣло въ томъ,—разъясняетъ авторъ—что производительность труда и капитала въ современныхъ культурныхъ государствахъ возростаетъ гораздо быстрѣе національнаго потребленія въ его цѣломъ“. Если рабочіе классы „обыкновенно *потребляютъ* весь свой доходъ, то этого отнюдь нельзя сказать о классѣ капиталистовъ. Ихъ доля въ національномъ доходѣ „обыкновенно гораздо значительнѣе тѣхъ затратъ, которыя они дѣлаютъ для своего *личнаго потребленія*, включая сюда даже предметы роскоши. Вся эта прибыль имѣетъ тенденцію къ сбереженію“ (стр. 14). Въ странахъ, насыщенныхъ уже капиталомъ, „капитализація прибыли вызывается не потребностью народнаго хозяйства въ новыхъ капиталахъ, а потребностью самаго капитала въ самоувеличеніи, стремленіемъ капиталистовъ посредствомъ сбереженія еще болѣе умножать свои доходы“ (стр. 15). Авторъ два раза подходитъ къ констатированію тенденціи капитала къ сбереженію, путемъ обращенія его на новое производство, но ни разу не объясняетъ категорически, чѣмъ обусловливается эта тенденція; потому ли капиталисты меньше тратятъ на свои потребности, чѣмъ сколько получаютъ изъ національнаго дохода, что доля ихъ въ этомъ послѣднемъ превосходитъ ихъ потребности, или для этого имѣются какія-либо иныя основанія? Нѣтъ у г. Брандта разъясненія

и того, что̀ означаетъ фактъ потребленія рабочими всего ихъ дохода? Значитъ ли это, что, по законамъ капиталистическаго распредѣленія, они получаютъ ровно столько, сколько имъ нужно, и прибавокъ дохода все равно обратили бы, какъ и капиталисты, на производство; или потребности этого класса далеко еще не получили надлежащаго удовлетворенія, и возвышеніе ихъ доли въ національномъ доходѣ имѣло бы поэтому слѣдствіемъ увеличеніе ихъ потребленія. Вопросы эти имѣютъ существенное значеніе для пониманія современныхъ кризисовъ. Если потребности обоихъ классовъ производителей получаютъ надлежащее удовлетвореніе, а національный доходъ между тѣмъ превышаетъ сумму требующихся для этого предметовъ, то перепроизводство продуктовъ не могло бы быть предупреждено никакимъ „распредѣленіемъ дохода между производительными классами", и главную причину кризисовъ—„какъ неизбѣжнаго результата накопленія капиталовъ, ищущихъ помѣщенія и не находящихъ его съ обычной прибылью" (стр. 14)—слѣдовало бы тогда искать въ другой характеристической чертѣ „современнаго капиталистическаго хозяйства", „въ его техническихъ усовершенствованіяхъ и успѣхахъ". Если же у рабочаго класса есть много потребностей, не удовлетворяемыхъ за отсутствіемъ покупательныхъ средствъ, то иное распредѣленіе національнаго дохода могло бы значительно смягчить или вовсе устранить кризисы, и въ такомъ случаѣ главную причину послѣднихъ слѣдовало бы искать въ законахъ капиталистическаго распредѣленія продуктовъ. Излишне, кажется, пояснять, что въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто этотъ послѣдній случай, а если такъ, то г. Брандту нельзя было не указать на несоотвѣтствіе доходовъ рабочихъ ихъ потребностямъ. Онъ и сдѣлалъ такое указаніе, но—согласно своему обычаю—не прямо, а подъ видомъ соотношенія между покупательной силой рабочаго класса и національнымъ доходомъ. „Еслибы возростаніе покупательной силы занятыхъ рабочихъ"—говоритъ онъ на стр. 16—„вполнѣ соотвѣтствовало избытку чистаго дохода, получаемаго отъ новыхъ предпріятій, тогда для предпринимателей не было бы резона помѣщать избытки капитала въ новое производство, такъ какъ оно не давало бы имъ никакого дохода".

Если теоретическая часть книги г. Брандта не свободна отъ недомолвокъ и неясностей, то нельзя считать безупречной и фактическую ея часть, „вполнѣ подтверждающую", будто бы, его теоретическія разсужденія. Для поясненія нашей мысли обратимся къ главному предмету книги г. Брандта, послѣднему кризису въ Германіи.

Въ теоретической части книги г. Брандтъ развертываетъ слѣдующую картину промышленнаго оживленія, заканчивающагося кризисомъ. „Когда въ странѣ накопляется значительный капиталъ, не помѣщен-

ный въ производство, то достаточно внѣшняго повода,—заключенія выгоднаго торговаго трактата, открытія новаго рынка для сбыта, новыхъ техническихъ изобрѣтеній, конверсій % бумагъ,—чтобы этотъ капиталъ устремился въ производство". Однако, „всякое производительное примѣненіе новаго капитала начинается не съ непосредственнаго производства предметовъ потребленія, а съ оборудованія самыхъ предпріятій". „Вслѣдствіе этого, прежде всего расширяются тѣ отрасли производства, которыя производятъ строительный матеріалъ для новыхъ предпріятій—желѣзо, кирпичъ и т. п. Затѣмъ расширяются и другія отрасли, производящія предметы потребленія рабочихъ, хотя, впрочемъ, въ гораздо меньшей степени. Пока совершается этотъ процессъ образованія новаго основного капитала въ промышленности, послѣдняя обнаруживаетъ всѣ признаки оживленія. Но вотъ проходитъ годъ, два, три... новыя предпріятія начинаютъ давать плоды, и вмѣсто прежняго спроса на товары они представляютъ уже предложеніе послѣднихъ". Покупательная сила населенія, однако, увеличилась далеко не пропорціонально этому предложенію, и потому товары переполняютъ рынокъ, цѣны ихъ падаютъ, работа сокращается, оживленіе смѣняется застоемъ и т. д. (стр. 18—19). Изслѣдованіе промышленнаго кризиса въ Германіи, подтверждающее это теоретическое разсужденіе, должно бы показать, что, въ теченіе періода оживленія промышленности, здѣсь дѣйствительно имѣло мѣсто преимущественно „образованіе новаго основного капитала промышленности", а производство предметовъ непосредственнаго потребленія населенія прогрессировало въ малой степени. Эта задача, однако, совершенно не выполнена авторомъ. О производствѣ предметовъ непосредственнаго потребленія массъ въ книгѣ г. Брандта не приводится никакихъ данныхъ; что же касается производства основного капитала страны—авторъ голословно ссылается на ростъ германскаго судоходства, расширеніе желѣзнодорожной сѣти, сооруженіе грандіозныхъ вокзаловъ, на непрерывныя военныя и морскія сооруженія и лишь относительно электрической промышленности приводятся нѣкоторыя фактическія данныя, оправдывающія теоретическое заключеніе о ростѣ основного капитала страны. Другимъ источникомъ промышленнаго оживленія Германіи во второй половинѣ истекшаго десятилѣтія было заключеніе ею выгодныхъ торговыхъ договоровъ съ сосѣдями, облегчавшихъ сбытъ ея издѣлій за границу. Въ частности, по отношенію къ электрической промышленности, извѣстно, что Германія была почти монополистомъ по оборудованію соотвѣтствующихъ предпріятій въ различныхъ государствахъ Европы. Но и эта сторона промышленнаго оживленія Германіи почти не разсмотрѣна статистически, и, кромѣ суммарныхъ цифръ о ея ввозѣ и вывозѣ и двухъ-трехъ указаній на вывозъ нѣко-

торыхъ продуктовъ, г. Брандтъ не даетъ никакихъ фактическихъ свѣдѣній по этому предмету.

Оставивъ въ сторонѣ собственно производство и торговлю Германіи, изслѣдованіе которыхъ представлялось бы наиболѣе интереснымъ и новымъ,—по крайней мѣрѣ для русскаго читателя,—г. Брандтъ зато остановилъ особенное вниманіе на внѣшнемъ выраженіи промышленнаго оживленія—на учредительной, биржевой и банковой дѣятельности, на грюндерствѣ и спекуляціи, т.-е. на предметахъ, о которыхъ больше всего пишется даже въ русскихъ изданіяхъ и учетъ которыхъ не представляетъ особенныхъ затрудненій. Но и по отношенію къ этимъ предметамъ авторъ, въ большинствѣ случаевъ, ограничивается данными, касающимися періода оживленія, и лишаетъ такимъ образомъ читателя возможности судить о силѣ послѣдняго сравненіемъ съ обычнымъ теченіемъ вещей.

Слѣдующимъ трудомъ Б. Ф. Брандта будетъ изслѣдованіе промышленнаго кризиса въ Россіи. Нельзя, поэтому, не высказать пожеланія, чтобы эта работа была свободна отъ недостатковъ, свойственныхъ разсматриваемому труду. Особенно важнымъ представлялось бы выясненіе статистическимъ путемъ источниковъ оживленія русской промышленности, предшествовавшаго кризису, и прямого или косвеннаго участія финансоваго вѣдомства въ учредительной горячкѣ. Служебное положеніе автора открываетъ ему доступъ къ такимъ матеріаламъ, какихъ напрасно сталъ бы искать другой изслѣдователь даннаго явленія.—В. В.

Въ теченіе сентября мѣсяца поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авсѣенко, В.—Люди и жизнь. Повѣсти и разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Алмазовъ, Б. Н.—Роландъ. Вольный переводъ древней французск. поэмы. М. 901.

Андреевскій, С. А.—Литературные очерки. 2-е дополн. изданіе „Литературныхъ чтеній". Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Арефа, Н. И.—Инструкція полицейскимъ урядникамъ. Изд. четвертое. Спб. 902. Стр. X + 188. Ц. 1 р.

Арнольди, А. К.—Ясли. Опытъ практическаго руководства къ устройству дѣтскихъ яслей. Спб. 902.

Ачкасовъ, Алексѣй.—Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. М. 902. Ц. 75 к.

Бамталонъ, Ц.—Пособіе для литературныхъ бесѣдъ и письменныхъ работъ. М. 902. Ц. 70 к.

Бенуа, Александръ.—Исторія русской живописи въ XIX-мъ вѣкѣ. Изданіе товарищества „Знаніе". Ч. II. Спб. 902.

Богдановичъ, К.—Два пересѣченія главнаго Кавказскаго хребта. Съ картой, 3-мя таблицами разрѣзовъ и 27 рисунками въ текстѣ. Стр. XXVIII+209

(173—209 по-нѣмецки), in 4°. (Труды Геологич. Комитета. Т. XIX, № 1). Спб. 902. Ц. 3 р.

Брандесъ, Г.—Собраніе сочиненій. Перев. съ датскаго М. Лучицкой. Т. V: Натурализмъ въ Англіи. Кіевъ. 902. Ц. 12 том.—5 руб.

Бурдо, Л.—Вопросъ о жизни. Очеркъ общей соціологіи. Съ нѣм. Е. Предтеченскій. Спб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Бѣляевъ, А.—Докторъ Штокманъ, драма Ибсена. Уральскъ. 902. Очеркъ (изъ газеты „Уральскій Листокъ"). Стр. 11.

Бьернстерне Бьернсоонъ.—Свыше нашей силы. Драма. Перев. Э. Меттерна и П. Воротникова. М. 902. Ц. 50 коп.

Варпаховскій, Н. А.—Рыболовство въ бассейнѣ рѣки Оби. Спб. 902 Ц. 50 коп.

В. В.—Къ исторіи русской общины въ Россіи. (Матеріалы по исторіи общиннаго землевладѣнія). М. 902. Стр. 160. Ц. 1 р. 35 к.

Вермель, С. С.—Исаакъ Ильичъ Левитанъ и его творчество. Спб. 902.

Виноградовъ, И. В.—Теорія міроваго разума. Тула. 902. Стр. 196.

Винтерницъ, проф.—Купанія, въ общедоступномъ изложеніи. (Приложеніе къ журналу „Народное Здравіе", № 33). Спб. 902. Стр. 31.

Ганзенъ, П. Г.—Опытъ оздоровленія деревни. Съ 5 иллюстр. и вступит. статьею Р. Сементковскаго. Спб. 902.

Гексли и *Мартинъ*.—Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Перев. И. Петровскаго, П. Сушкина и П. Кольцова. Съ 342 рис. М. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Гецъ, Ф.—Объ отношеніи Вл. С. Соловьева къ еврейскому вопросу. Съ приложеніемъ. 2-е изд. М. 902. Ц. 30 к.

Де-Волланъ, Григорій.—Полная чаша. Изъ семейной хроники Ногайцевыхъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Дерюжинскій, В. Ѳ.—Судебные дѣятели объ университетской подготовкѣ молодыхъ юристовъ. Спб. 902.

Длусскій, К. М.—Генералъ Онагренко.—Вблизи кровавыхъ камней.—Потерянная бумага.—Неистощимая сила. Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р.

Дружининъ, Н. П.—Азбука законовѣдѣнія. Изъ „Книги взрослыхъ". М. 902. Цѣна 10 коп.

Дьяковъ, Н., свящ.—Годъ на крейсерѣ „Адмиралъ Нахимовъ". Судовыя замѣтки и впечатлѣнія 1899—1900 г. Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к.

Дьяконова, П. И., преподавательница Самарской женской гимназіи. Краткая русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Руководство для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Казань. 902. Стр. 154+IV. Ц. 60 к.

Дюрингъ, Евг.—Высшее женское образованіе и университеты. Съ нѣм. Д. Рейтманъ. Спб. 902. Ц. 40 к.

Желѣзновъ, В. Я.—Очерки политической экономіи. М. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Загоскинъ, М. Н.—Собраніе сочиненій. Изданіе А. А. Петровича. Книга II. Прилож. къ журналу „Родная Рѣчь", 1902. Спб. 902. Стр. 288+69.

Заринъ, А.—Скаредное дѣло. Историческая повѣсть. („Всходы", 1902, № 14). Стр. 181.

Засодимскій, Л.—Въ зимнія сумерки. Сборникъ бывальщинъ, разсказовъ и сказокъ. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Зудерманъ, Г.—Да здравствуетъ жизнь! Драма въ 5 акт. Перев. А. Заблоцкой. М. 902. Ц. 60 к.

Кайгородовъ, Дм.—Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школѣ и въ семьѣ. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Каллашъ, В. В.—Н. В. Гоголь и его письма. М. 902.

——— Жуковско-Гоголевская юбилейная литература. М. 902.

Карръ, С.—Жиронда. Золотой поцѣлуй Нан и другіе разсказы. Спб. 902. Цѣна 75 коп.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга новой исторіи. Съ историческими картами. Изд. третье. Спб. 902. Стр. VI+348.

Каутскій, К.—Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 году. Перев. І. Биска, п. р. В. Водовозова. Съ портретомъ автора. Кіевъ. 902. Ц. 35 к.

Князьковъ, С.—Какъ начался расколъ русской церкви. Историческій очеркъ. М. 902. Ц. 35 к.

Кедринъ, Е. И.—Пути сообщенія С.-Петербурга. (Докладъ, читанный 19 авг. 1902 въ Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ). Стр. 26.

Ковалевскій, М.—Русская исторія. Руководство и пособіе. М. 902. Ц. 15 к.

——— Очеркъ всеобщей и русской исторіи. М. 902. Ц. 75 к.

Кожевниковъ, Г. А.—Руководство къ зоологическимъ экскурсіямъ и собранію зоологическихъ коллекцій. М. 902. Ц. 1 р.

Конрадъ, проф.—Страхованія, въ общедоступномъ изложеніи. (Приложеніе къ журн. „Народное Здравіе", № 32). Спб. 902. Стр. 47.

Корсакова, Е. Я.—Обученіе родному языку въ семьѣ („Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія", вып. XLVIII—XLIX). Спб. 902. Стр. 61. Ц. 50 к.

Круксъ, Вильямъ.—О происхожденіи химическихъ элементовъ. М. 902. Ц. 50 коп.

Кудрявскій, Д., проф. Какъ жили люди въ старину. Очерки первобытной культуры. Изд. 2-е. Юрьевъ. 902. Ц. 40 к.

Кузнецовъ, И. Д.—Очеркъ русскаго рыболовства. Спб. 902. Ц. 40 к.

Кюльцъ, Л., д-ръ.—Отвѣтъ на исповѣдь врача Вересаева. Съ нѣм. М. 903.

Лавриновичъ, Ю. Н. Народное образованіе въ Петербургѣ. По поводу 25-лѣтняго управленія Петербургской думы городскими школами. Спб. 902. Изд. редакціи журнала „Технич. Образованіе". Стр. 46.

Ланге, Г.—Сто животныхъ. Опытъ краткой зоологіи, по датскому учебнику проф. А. Феддерсона. М. 902. Ц. 50 к.

Литвинскій, П. А.—Изученіе природы малыми дѣтьми. („Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія", (вып. XLVII). Спб. 902. Стр. 41. Ц. 30 к.

Любичъ-Комуровъ, І.—Картинки современной жизни. Съ 37 рис. М. 902. Цѣна 35 коп.

——— На зарѣ.—Сонъ въ руку. Два разсказа. Съ 12 рис. М. 902. Ц. 20 к.

Макаренко, А. А.—Промыслъ красной рыбы на р. Ангарѣ. Спб. 902. Ц. 75 коп.

Максимовъ, Е. Д.—Учебно-показательныя мастерскія въ ряду другихъ учрежденій ремесленнаго обученія. Спб. 902.

Мало, Гекторъ.—Въ семьѣ. Повѣсть. Перев. съ франц. Ч. II. („Всходы", 1902, № 12). Съ иллюстраціями. Стр. 148.

Менроэ, К.—Бѣлые завоеватели Мексики. Съ англ. Н. Дадоновой. Ч. I. („Всходы", 1902, № 16). Спб. 902. Съ иллюстраціями. Стр. 141.

Михѣевъ, Б.—Разсказы. М. 902. Ц. 60 к.

Могилянскій, Мих.—Миражъ. Др. въ 3 д. Къ представленію дозволено. Спб. 902. Ц. 50 к.

Моревъ, Д. Д.—Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи сравнительно съ другими государствами. Выпускъ первый. Изд.

седьмое, исправленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Спб. 902. Стр. VIII+160. Ц. 1 рубль.

——— Руководство политической экономіи. 6-е изд. Спб. 902. Ц. 2 р.

Морозовъ, П.—Минувшій вѣкъ. Литературные очерки: Изъ исторіи карикатуры.—Русская литератутура XIX-го вѣка.—Пушкинъ.—Потѣхинъ.—Островскій.—Герценъ. Спб. 902. Ц. 2 р.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. А. А.—Чѣмъ должна быть наша среднеобразовательная школа. Спб. 902. Стр. 44.

Наживинъ, Ив.—Дешевые люди. Очерки и разсказы. М. 902. Ц. 1 р.

Неврайскій, Ѳ. Ѳ.—Отчетъ о командировкѣ для изученія р. Куры и озеръ Тифлисской губерніи и Карсской области. Спб. 902. Ц. 40 к.

Неймайръ, М., проф.—Вулканы и землетрясенія. Перев. съ нѣм. С. П. Чернова. Съ 98 рисунками въ текстѣ и 2 картами. (Прилож. къ журналу „Самообразованіе"). Спб. 902. Стр. 277.

Николаевъ, П.—Вопросы жизни въ современной литературѣ. М. 902. Ц. 2 р.

Новиковъ, А. — О сельско-хозяйственныхъ нуждахъ Тульской губерніи. Спб. 902.

Обломковъ, П.—Краткій учебникъ географіи. Курсъ I. Общій обзоръ земного шара. Изданіе третье. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ, съ приложеніемъ трехъ картъ. Спб. 902. Стр. 102. Ц. 70 к.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н.—Вопросы психологіи творчества. Пушкинъ.—Гейне.—Гёте.—Чеховъ. Къ психологіи мысли и творчества. Спб. 902. Цѣна 1 руб. 50 коп.

——— Синтаксисъ русскаго языка. Спб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Оглоблинъ, Н.—Красноярскій бунтъ. 1695—1698 гг. Томскъ. 902.

Ожешко, Элиза.—Собраніе сочиненій. Перев. съ польскаго п. р. С. С. Зелинскаго. Т. VIII: Аргонавты. Ц. за 12 том. 4 р.

Озеровъ, Ив., проф.—Итоги экономическаго развитія XIX-го вѣка. Спб. 902.

Павловская, Р. А., д-ръ.—Очеркъ современнаго положенія дѣла борьбы съ бугорчаткой въ Россіи. Спб. 902.

Пильцъ, Эрн.—Задачи и вопросы для наблюденія окружающей природы. Пособіе для веденія образовательныхъ естественно-историческихъ прогулокъ и для самостоятельныхъ занятій учениковъ. Перев. съ нѣм. П. Фрейберга. М. 902. Ц. 50 к.

Полевой, П. Н.—Историческіе разсказы и повѣсти. Съ 65 оригинальными рисунк. и виньетками. К. Лебедева. 2-е изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. 5 р.

Потапенко, И. Н.—Пьесы: Жизнь.—Чужіе.—Волшебная сказка.—Лишенный правъ.—Букетъ.—На лонѣ природы. (Первыя три и послѣднія двѣ дозволены къ представленію). Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к. (Сочиненія И. Н. Потапенко, т. VI).

Пыпинъ, А. Н.—Исторія русской литературы, въ четырехъ томахъ. Т. II: Древняя письменность.—Времена московского царства.—Канунъ преобразованій. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 902. Ц. за 4 тома—8 рублей, по подпискѣ.

Рагозина, З. А.—Древнѣйшая исторія Востока. Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. Съ 113 рисунками и 2 картами. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Стр. XV+422. Ц. 2 р. 50 к.

Раевскій, В.—Ботаническія экскурсіи. Книжка для образовательныхъ прогулокъ съ дѣтьми. М. 902. Ц. 2 р. въ папкѣ.

Раковичъ, П.—Графъ Аранда. Драмат. сцены изъ XVIII-го вѣка. Спб. 902. Ц. 1 р.

Ребьеръ, А.—Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. Перев. Н. де-Жоржъ. Изд. 3-ье. Спб. 902. Ц. 85 коп.

Рейсъ, П., проф.—Основы физики, метеорологіи и математической географіи. Съ нѣм. П. И. Лурье-Гиберманъ, п. р. проф. Гезехуса. Съ 160 рис. Спб. 902.

Ренанъ, Эрн.—Собраніе сочиненій. Съ франц. п. р. В. Н. Михайлова. Т. VI: I. Происхожденіе языка. II. Что такое нація. III. Историческія статьи. Кіевъ. 902. Ц. за 12 том. 5 руб.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Перев. съ нѣм. Б. Юргенсона, дополненный русскимъ отдѣломъ, п. р. Ю. Энгеля. Вып. VII. М. 902. По подп. 6 р.

Рожицкій, Ч. К., врачъ запаса арміи.—Скелеты характера. Популярный психологическій очеркъ. Житоміръ. 902. Стр. 44. Ц. 50 к.

Рожковъ, Н. А.—Городъ и деревня въ русской исторіи. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Спб. 902. Стр. 902. Стр. 84. Ц. 40 к.

Рудольфъ, Н.—Краткая характеристика ручныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ за границей и у насъ. Спб. 902.

Рѣдинъ, Е. К.—Икона „Недреманное око". II. Харьк. 902.

——— О лицевыхъ синдикахъ, поступившихъ въ распоряженіе Комитета по устройству XII Археологическаго съѣзда. Харьк. 902.

——— Критико - библіографическія замѣтки по исторіи и археологіи искусствъ. Харьк. 902.

——— Исторія искусства и русскія художественныя древности. Харьк. 902.

Сеппъ, I. А.—Сферическая тригонометрія. Перев. М. Пирожкова. Спб. 902. Ц. 40 к.

Соколовъ, С. И.—Уставы объ акцизныхъ сборахъ. Часть первая, Стр. CXVI+720.—Часть вторая. Стр. 838+624. Спб. 902. Ц. за обѣ части 5 р. 50 к., съ перес. 6 р.

Спасовичъ, В. Д.—Сочиненія. Т. X. Спб. 902. Ц. 2 р.

Спасовичъ, В. Д., и *Пильцъ*, Э.—Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ. Второе изданіе. Т. I. Спб. 902. Ц. 1 р.

Сѣрошевскій, В.—Полное собраніе повѣстей и разсказовъ. Т. II. М. 902. Цѣна 1 рубль.

Тозяковъ, Н. И., врачъ.—Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на югѣ Россіи, въ санитарномъ отношеніи, и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 1: Врачебно-продов. пункты для пришлыхъ рабочихъ въ Херсон. Екатериносл., Самарск., Симбир. и др. губ. Спб. 902.

Телешовъ, Н.—Бѣлая цапля. Сказка. Съ иллюстраціями. М. 901. Ц. 25 к.

——— Елка Митрича. Изъ жизни сибирскихъ переселенцевъ. Съ иллюстр. М. 901. Ц. 25 к.

Тресне, I., и *Спасскій*, В.—Краткое руководство къ уходу за комнатными растеніями и устройству цвѣтниковъ въ домашнихъ дачныхъ садахъ и палисадникахъ. М. 902. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ.

Троицкій, В. П.—Вліяніе казенной продажи вина на благосостояніе населенія въ 35 губерніяхъ, въ 1898 г. Томскъ. 902.

Трубецкая, кн. О.—Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. Т. I. Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Переписка съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. Н. Кошелевымъ, И. С. Аксаковымъ и пр., изъ Архива кн. Черкасскаго. Книга 1-я. М. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Фалѣевъ, Н. И.—Цѣли воинскаго наказанія. Спб. 902. Ц. 3 руб.

Филадельфъ Голубой. Замокъ коварства и любви. Поэма. На Кавказѣ. Спб. 902. Стр. 32. Ц. 15 к.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. III. 1885—1893. Выпускъ XX. Стр. 241—320. М. 902.

Чикаленко, Е.—Розмове про сельска хозяйство. 2-я кныжка. Спб. 902. Цѣна 6 коп.

Шараповъ, Сергѣй.—Сочиненія. Вып. 20 (т. VII). Урожай. М. 902. Ц. 30 к.

Шершеневичъ, I.—Учебникъ русскаго гражданскаго права. 4-е изд. Казань. 902. Ц. 5 р.

Щегловитовъ, С. Г.—Приложеніе ко второму изданію Городового Положенія 1892 года. Новое росписаніе квартирныхъ окладовъ для воинскихъ чиновъ и пр. Изд. неоффиціальное. Спб. 902. Стр. 36. Ц. 25 к.

— Le chemin de fer Trans-Alasca-Sibérien. Extrait du Rapport de M. l'intendant militaire Pavot. Paris. 902. Стр. 17.

Rosenberg-Lautensack.—Der Hofrath erzählt. München. 902. Стр. 188.

Vuibert, H.—La Réforme de l'enseignement secondaire en France. Par. 902.

— Библіотека, состоящая подъ августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Спб. 902. Стр. 115.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Енисейскій золотоносный районъ. Выпускъ III. Съ картой. Спб. 902. Стр. 31. Ц. 65 коп.

— Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы 31 янв. 1902. Выпускъ I. Москва. 902. Стр. 35.

— Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго 2 мая 1869 года Общества для распространенія св. Писанія въ Россіи за 1901 годъ. Спб. 902. Стр. 92+XI.

— Данныя о родившихся и бракахъ въ Москвѣ за 1901 г. Составлено Московскимъ столичнымъ и губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Москва. 902. Стр. 24.

— Девятый годовой отчетъ Московской городской санитарной станціи за 1900 годъ, подъ ред. проф. С. Θ. Бубнова. Москва. 902. Стр. IV+241.

— Дешевая Библіотека: № 348. М. Н. Загоскина: Кузьма Рощинъ, пов. Ц. 10 к. № 349. Вечеръ на Хопрѣ. Ц. 12 к. № 350. Брынскій Лѣсъ. Ц. 30 к. № 351. Юрій Милославскій, ром. Ц. 25 к. № 352. Рославлевъ. Ц. 25 к. № 353. Аскольдова могила. Ц. 30 к. Спб. 902.

— Земля и ея жизнь. Общедоступныя книжки, п. р. А. Ивановскаго: 1) Вѣчный снѣгъ и ледъ, С. Анисимова. 2) Солнце, О. Сакминой. М. 901. По 10 коп.

— Извѣстія Восточнаго Института, п. р. А. Позднѣева. Т. II, вып. IV-й. Владивостокъ. 901.

— Книга разсказовъ и стихотвореній. М. 902. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1900—1901 г. (Тридцать-первый обзоръ). Спб., 902. Стр. 179. Ц. 50 к.

— Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. Изд. второе. Выпускъ третій. (Изд. мин. земледѣлія и госуд. имущ.). Спб. 902. Стр. X + 518.

— Новый водный законъ. Руководство, съ приложеніемъ текста закона

20 мая 1902 г. Составили инж.-агрономъ С. Л. Котарскій и пом. прис. повѣр. М. В. Хлевинскій. Спб., 902. Стр. 46. Ц. 75 к.

— Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбов. губерніи за 1901 г. Тамб. 902.

— Отчетъ Одесской городской управы за 1901 г. по народному образованію. 902.

— Отчетъ о дѣятельности общества „Дѣтская помощь" за 1901 годъ. Спб. 902. Стр. 62.

— Отчетъ о дѣятельности Харьковской коммиссіи по устройству народныхъ чтеній за 1901 г. Харьк. 902.

— Отчетъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Яранскаго уѣзда Вятской губерніи за 1900—1901 уч. годъ. Вятка. 902.

— Отчетъ о съѣздѣ учителей и учительницъ народныхъ училищъ Аккерм. уѣзда, Бессараб. губ. Од. 902.

— Отчетъ пенсіонной кассы вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей за 1900 годъ. Первый отчетный годъ. Часть I. Отчетъ финансовый. Стр. 58. Ч. II. Учрежденіе кассы, обзоръ ея дѣятельности и свѣдѣнія объ участникахъ. Стр. 77. Спб., 902.

— Отчетъ Рязанскаго общества устройства народныхъ развлеченій за 1901—1902 г. Ряз. 902.

— Очередные вопросы въ Царствѣ Польскомъ. Этюды и изслѣдованія подъ редакціею В. Спасовича и Э. Пильца. Второе изданіе. Томъ I. Спб., 902. Стр. VII + 251. Ц. 1 р.

— Памятная Книжка Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1900—01 учебный годъ. Годъ I-ый. Спб. 902.

— Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ третій. 1902 годъ. Съ картограммою. Изд. статистическаго отдѣленія Пермской губернской земской управы. Пермь, 902. Стр. 50.

— Полтавское уѣздное земство.—Отчетъ по народному образованію за 1901 г. Полт. 902.

——— Отчетъ о мѣропріятіяхъ по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія за 1901 г. Полт. 902.

— Природа и люди Россіи. Общедоступныя книжки, п. р. А. А. Ивановскаго: 1) Остяки, А. Добряковой. 2) Жители Кавказа: Аверцы. А. Солодовникова. 3) Якуты и ихъ страна.Е. Ромадоновской. 4) Вотяки, И. Катаева. 5) Буряты, Н. Веселовской. 6) Чукчи, Н. Явьшинова 7) Прибалтійскій край, Н. Пирамидовой. 8) Самоѣды, Е. Полторановой. 9) Киргизы, Э. Вульфсонъ. 10) Амурскій край и наши переселенцы, Е. Вячеславской. М. 902. По 10 коп.

— Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга. Образовательныя дѣтскія прогулки. Составленъ кружкомъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга. Географическій матеріалъ редактированъ препод. И. Н. Михайловымъ. Съ картами, планами и рис. въ текстѣ. Изданіе Городской Коммиссіи по народному образованію. Спб. 902. Ц. 75 коп.

— Сельско-хозяйственная хроника Херсонской губерніи за зимній періодъ (декабрь 1901 и янв.—февр. 1902). Херсонъ. 902. Стр. 65.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. Вып. 11. Яросл. 1902 г.

— Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1901—1902 г. П. р. М. Чельцова. Янв.—февр., мартъ—май. Годъ 69-ый. Спб. 902.

— Труды 1-го Съѣзда учащихъ и почетныхъ блюстителей школъ сибирской жел. дороги въ г. Томскѣ. Томскъ. 902.

— Труды Общества русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ, съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за 1901—1902 годъ. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый подъ ред. д-ра М. М. Чельцова. Ноябрь—декабрь. Годъ 69-ый. Спб. 902. Стр. 107—263.

— Труды по экспериментальной педагогической психологіи слушателей воспитательныхъ курсовъ при Педагогическомъ Музеѣ вольно-учебныхъ заведеній. П. р. А. П. Нечаева. Вып. 2-й. Съ LXXXV табл. въ текстѣ. Спб. 902. Ц. 60 к.

— Тысяча-девятьсотъ-второй годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I и II: Состояніе хлѣбовъ въ началѣ мая и травъ въ срединѣ іюня.—Цѣна на рабочія руки. Спб. 902.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1900—1901 годъ. Матеріалы по текущей статистикѣ за 1900—1901 хозяйственный годъ. Годъ VI. Вып. II. Изд. Уфимской губернской управы. Уфа. 902. Стр. III + 63 + 483. Ц. 1 р. 25 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gustav Frenssen. „Iörn Uhl". Стр. 524. Berlin, 1902. (G. Grote's Verlag).

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, вышелъ въ свѣтъ нѣмецкій романъ подъ заглавіемъ: „Іернъ Уль", мало извѣстнаго прежде писателя, Густава Френсена, и сразу имѣлъ выдающійся успѣхъ. Первый критикъ, обратившій на него вниманіе, былъ Карлъ Буссе, посвятившій ему восторженную статью въ „Tag", а вслѣдъ за нимъ и критика, и публика стали единодушно увлекаться произведеніемъ новооткрытаго таланта. Этотъ успѣхъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что романъ Френсена безконечно далекъ и отъ слащавой пошлости, которая такъ нравится нѣмецкой публикѣ, и отъ всякаго рода „новыхъ" теченій, которыя господствуютъ теперь въ лучшей части литературы. Въ немъ нѣтъ ни ницшеанства, ни психологіи эстетически утонченныхъ натуръ, нѣтъ откровеній новой морали,—нѣтъ никакой философіи, кромѣ той, которая вытекаетъ изъ внимательнаго, искренняго и вдумчиваго изученія простой жизни. Успѣхъ романа „Іернъ Уль" не обусловленъ, такимъ образомъ, ни сенсаціонностью, ни слѣдованіемъ новымъ литературнымъ модамъ, а объясняется исключительно чисто-художественными достоинствами романа.

„Іернъ Уль" задуманъ очень широко: на протяженіи болѣе 500 страницъ пространно и подробно разсказана судьба двухъ большихъ семей, или, вѣрнѣе, двухъ родовъ, составляющихъ населеніе нѣсколькихъ деревень въ Голштиніи, постепенный упадокъ и разореніе потомковъ возгордившагося богатаго рода и возвышеніе жизнеспособныхъ, устойчивыхъ, трудящихся и знающихъ жизнь потомковъ другого. Цѣлый рядъ типичныхъ фигуръ изображенъ въ романѣ, и сила автора заключается въ умѣньѣ осязательно и ярко представить судьбы людей, вникать въ причины паденій и подъема человѣческой души и извлекать мудрость жизни изъ наблюденія простой дѣйствительности. По манерѣ изложенія „Іернъ Уль" примыкаетъ къ лучшимъ реалистическимъ романамъ; въ немъ есть Диккенсовская иронія въ изображеніи грустныхъ жизненныхъ контрастовъ, но онъ чуждъ сентиментальности Диккенса: Френсенъ никогда не жертвуетъ трезвой правдой ради чувствительныхъ эффектовъ. Нѣкоторыя мѣста въ романѣ на-

поминають манеру Л. Н. Толстого по жизненной опредѣленности и яркой пластичности характеровъ и по психологической проникновенности, соединенной съ большой простотой. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у Френсена много вполнѣ индивидуальнаго. Таковъ прежде всего лиризмъ его романа, связанный съ его поэтической любовью къ почвѣ, къ природѣ и людямъ его родины—Голштиніи. Описанія деревни, мѣстныхъ обычаевъ и празднествъ проникнуты необыкновенной свѣжестью и поэзіей. Лиризмъ Френсена сказывается также въ нѣжномъ изображеніи зарождающагося чувства любви между молодыми дѣвушками и юношами той простой среды, которую онъ описываетъ. Поль Гейзе, въ напечатанномъ недавно письмѣ къ автору „Iörn Uhl", очень вѣрно отмѣчаетъ эту черту таланта Френсена: „вы обладаете особымъ умѣньемъ",—говоритъ онъ,—„необыкновенно обаятельно изображать сердечное сближеніе любящихъ". Къ особенностямъ таланта Френсена относится также его мощный, выразительный языкъ, его умѣнье сжато представить иногда на одной страницѣ цѣлую человѣческую судьбу, а также убѣдительность и подъемъ его проповѣдей труда и чистой жизни. Языкъ Френсена выигрываетъ въ силѣ и красотѣ благодаря умѣлому обращенію съ мѣстнымъ нарѣчіемъ (Plattdeutsch), изъ котораго онъ заимствуетъ не эффектныя словечки, а коренныя и характерныя выраженія, очень умѣло переплетая мѣстный діалектъ съ обыкновенной нѣмецкой рѣчью въ діалогахъ изображаемыхъ имъ голштинскихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо болѣе соблюдаетъ чувство мѣры, чѣмъ, напр., Гауптманъ, нѣкоторыя драмы котораго написаны сплошь на силезскомъ нарѣчіи и требуютъ перевода на обыкновенный нѣмецкій языкъ.

Авторъ романа „Іернъ Уль"—пасторъ, уроженецъ той Голштиніи, которую онъ такъ любовно описываетъ въ своихъ произведеніяхъ. Онъ родился въ деревнѣ Барльтъ, въ южномъ Дитмаршѣ; отецъ его—столяръ. Послѣ очень счастливаго дѣтства, проведеннаго въ деревнѣ, онъ кончилъ курсъ гимназіи въ Гузумѣ, а потомъ прошелъ университетскій курсъ въ Геттингенѣ и Берлинѣ, изучая богословіе. Въ настоящее время онъ занимаетъ мѣсто пастора у себя на родинѣ, въ селѣ Геммѣ, сочетая пасторскія обязанности съ писательской дѣятельностью и ведя—по отзыву посѣщавшихъ его людей—спокойный, счастливый образъ жизни, среди своихъ прихожанъ, окруженный радушной и бодрой семьей. Кромѣ жены и дѣтей, при немъ живетъ старикъ отецъ, бывшій столяръ, сильный, умный, работящій человѣкъ, напоминающій типичныя фигуры голштинскихъ крестьянъ въ произведеніяхъ своего сына. Эта простая и свѣтлая жизненная обстановка объясняетъ атмосферу романовъ Френсена, въ особенности „Іернъ Уля", въ которомъ есть много автобіографическихъ чертъ. Это—книга,

проникнутая протестантскимъ духомъ, проповѣдью суровой морали, труда, смиренія передъ судьбой и исполненія долга. Герой романа, Іёрнъ Уль, въ дѣтствѣ, готовясь къ конфирмаціи, понимаетъ религію только какъ рядъ практическихъ правилъ жизни; Евангеліе сводится для него только къ проповѣди труда, трезвости и умѣнья честно и добросовѣстно справляться съ своими дѣлами. Впослѣдствіи мораль его расширяется—онъ начинаетъ понимать безкорыстное отношеніе къ людямъ, научается принимать безъ ропота страданіе и „образуетъ свою душу", доходя до высокой гуманности и до полнаго примиренія съ жизнью. Но только эта человѣческая сторона христіанства близка ему, и на этомъ онъ твердо стоитъ, отвергая слишкомъ отвлеченный для него спиритуализмъ Евангелія. Идея книги сводится къ тому, чтобы показать, какъ въ воспріимчивой душѣ образуется среди труда, страданій и неизбѣжныхъ искушеній и паденій вѣрное отношеніе къ жизни, и какъ достиженіе нравственнаго равновѣсія приноситъ миръ и глубокое счастье, каковы бы ни были внѣшнія обстоятельства. Мысль эта очень простая, но такъ какъ Френсенъ не высказываетъ ее въ видѣ нравоученія, а она сама собой явствуетъ изъ его эпопеи трудовой и тяжелой жизни, то она становится вразумительной, какъ сама дѣйствительность. Повѣствуя о многочисленныхъ печальныхъ сторонахъ жизни, Френсенъ, однако, менѣе всего пессимистъ. Напротивъ того, въ силу своего цѣльнаго нравственнаго міросозерцанія, онъ очень свѣтло и бодро относится къ жизни, не считая зло безнадежнымъ; онъ вѣритъ въ силу человѣческихъ стремленій къ добру и въ нравственную побѣду добра. Смыслъ книги выясняется уже на первой страницѣ романа, въ короткомъ вступленіи, опредѣляющемъ взглядъ автора на страданія и радости жизни. Эта страница очень характерна; мы ее приводимъ и какъ образчикъ манеры Френсена, и какъ опредѣленіе задачи, поставленной и блестяще выполненной въ романѣ:

„Мы будемъ говорить въ этой книгѣ,—пишетъ Френсенъ,—о горѣ и трудѣ. Не о такомъ горѣ, какое было у пивовара Яна Тортсена, который обѣщалъ угостить своихъ посѣтителей особенно хорошей рыбой, и не смогъ сдержать слова, отчего загрустилъ и уѣхалъ въ Шлезвигъ. И не о томъ горѣ мы будемъ говорить, какое испыталъ богатый крестьянскій сынъ, спустившій въ одинъ мѣсяцъ всѣ отцовскія деньги, такъ какъ по цѣлымъ днямъ бросалъ серебряныя монеты въ прудъ. Мы о томъ горѣ будемъ писать, которое имѣла въ виду старушка Вейсгааръ, говоря о своихъ восьмерыхъ дѣтяхъ: трое изъ нихъ лежали на кладбищѣ, одинъ на днѣ Сѣвернаго моря, а остальныя четверо въ Америкѣ, причемъ двое уже много лѣтъ перестали ей писать. И о той заботѣ, на которую сѣтовалъ Геръ Доозе,

когда, на третій день послѣ битвы при Гравелоттѣ, онъ не могъ умереть, хотя у него была въ спинѣ ужасная рана.

„И хотя мы намѣрены говорить о столь печальныхъ и безнадежныхъ, по мнѣнію многихъ, событіяхъ, все-же мы бодро приступаемъ къ писанію этой книги, потому что мы надѣемся показать, что трудъ и печаль всѣхъ людей не напрасны".

Послѣ этого серьезнаго вступленія, начинается жизнеописаніе героя, наполняющее всю книгу. Жизнь его авторъ потому считаетъ достойной описанія, что, при всей своей простотѣ и невзрачности, она не прошла гладко, а состояла изъ многихъ заблужденій и исканій, и лишь поздно привела къ гармоніи; жизнь эта была вдумчивой и сознательной, постоянно обращенной во внутрь, и потому все, что̀ въ ней случалось, типично и поучительно для всѣхъ, ищущихъ правды. Повѣствованіе начинается съ описанія младенчества Іерна Уля, сына богатаго крестьянина Клауса Уля. Родъ Улей очень великъ; онъ искони живетъ и процвѣтаетъ въ голштинской деревнѣ Вентдорфъ и окружающей мѣстности. На песочныхъ дюнахъ, по близости отъ этихъ деревень, живетъ другой родъ, Креи, народъ предпріимчивый, лукавый и торговый; у нихъ нѣтъ земли, какъ у Улей, и потому они занимаются торговлей, развозятъ щетки и разный мелкій товаръ по деревнямъ, зависятъ отъ богатыхъ Улей, но относятся къ нимъ злобно, страдая отъ ихъ высокомѣрія. Ули всѣ сидятъ въ своихъ богатыхъ унаслѣдованныхъ дворахъ, пьянствуютъ, глумятся надъ Креями и безразсудно тратятъ свои достатки. Самый высокомѣрный и безпутный изъ всѣхъ Улей—Клаусъ, котораго зовутъ „королемъ Вентдорфа". Онъ такъ гордъ, что при расплатѣ съ рабочими, и даже когда ему нужно платить большія суммы, онъ всегда вынимаетъ деньги прямо изъ жилетнаго кармана, чтобы показать, до чего ему деньги ни почемъ. Онъ проводитъ время въ пьянствѣ, полномъ бездѣльѣ и часто ѣздитъ въ городъ; въ этомъ—несчастіе и его, и другихъ членовъ обширной семьи Улей. Всѣ они становятся добычей ловкихъ биржевыхъ дѣльцовъ, которые льстятъ ихъ высокомѣрію, запутываютъ ихъ въ разныя дѣла и разоряютъ ихъ. Въ романѣ разсказывается о постепенномъ паденіи богатыхъ крестьянскихъ дворовъ въ Вентдорфѣ, т.-е. о разореніи всѣхъ Улей и главнымъ образомъ Клауса, переставшаго заботиться о землѣ и предавшагося разгулу. Креи, напротивъ того, процвѣтаютъ—по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ; они практичны, копятъ деньги и затѣмъ большей частью эмигрируютъ въ Америку, а потомъ возвращаются и покупаютъ землю разорившихся Улей. У нихъ, неимущихъ, сильна любовь къ землѣ, и всѣ ихъ мысли направлены на то, чтобы стать осѣдлыми крестьянами.

У Клауса Уля три сына пошли въ отца, тунеядствуютъ, пьютъ и

ускоряютъ гибель отца. Одинъ только, четвертый, родился какъ бы для того, чтобы искупить грѣхи своего семейства и возстановить тяжкимъ трудомъ то, что погубили его отецъ и братья. Это—Іернъ Уль, младшій сынъ—герой романа; его мать—тихая, блѣдная женщина—родомъ изъ далекаго лѣсного селенія; она—сестра чудака-крестьянина Тиса, который сидитъ въ своемъ гнѣздѣ и соединяетъ неискоренимую любовь къ родному мѣсту съ постоянными фантазіями о далекихъ путешествіяхъ. Всѣ эти путешествія онъ совершаетъ у себя въ комнатѣ, обвѣшанной географическими картами и загроможденной книгами о разныхъ путешествіяхъ. Тисъ никогда не рѣшался сняться съ мѣста, даже чтобы поѣхать въ Гамбургъ, но онъ такъ хорошо изучилъ Америку и Индію, по разнымъ книгамъ, что мысленно живетъ въ далекихъ краяхъ. Его сестра не могла ужиться въ семьѣ Улей. Ее подавлялъ безпутный, чуждый ей по духу мужъ; первыя дѣти—тоже чужія для нея. Потомъ она проснулась къ самостоятельной жизни и стала жить своимъ особымъ міромъ, вкладывая свою душу въ родившагося послѣ ея душевнаго пробужденія маленькаго Іерна. Родивши послѣ того еще одну дѣвочку. Эльсбе, она умерла—собственно по винѣ мужа, который, вмѣсто того, чтобы позвать доктора, отправился кутить въ кабакъ.

Іернъ и Эльсбе выростаютъ, предоставленные самимъ себѣ. Міръ имъ кажется чудеснымъ; гуляя по лѣсамъ и по полямъ, они открываютъ разныя диковины и ищутъ въ своемъ дѣтскомъ сознаніи объясненія всего, что видятъ, такъ какъ у нихъ никого нѣтъ, къ кому бы они могли обратиться за объясненіемъ. Ихъ единственное общество—служанка Виттенъ, которой мать, умирая, ихъ поручила. Она имъ разсказываетъ старыя сказки и вселяетъ въ нихъ вѣру въ чудеса, ожиданія чудесъ въ жизни; ихъ товарищъ—одинъ изъ Крейевъ, смышленый Фитэ, развозящій товаръ по деревнямъ и разсказывающій имъ по вечерамъ про свои, большей частью вымышленныя, приключенія. Фитэ относится практически къ сказкамъ служанки; когда онъ говоритъ о гномахъ, добывающихъ золото для своихъ любимцевъ, онъ точно справляется о томъ, гдѣ можно найти кладъ, потому что онъ уже съ дѣтства знаетъ цѣну деньгамъ и мечтаетъ о томъ, какъ бы разбогатѣть. Братъ и сестра выростаютъ очень разными въ своей дикой обстановкѣ. Въ маленькой Эльсбе кипитъ бурная кровь Улей; ее томитъ жажда наслажденій, и по недостатку досмотра и материнскаго вліянія она становится жертвой унаслѣдованныхъ инстинктовъ. Она рано начинаетъ увлекаться танцами и развлеченіями, влюбляется въ безпутнаго односельчанина, не слушаетъ ничьихъ увѣщаній, ссорится съ Іерномъ, который всѣми силами старается ее спасти и съ этой цѣлью поселяетъ ее у ея дяди Тиса. Ей очень легко удается

ускользнуть изъ-подъ надзора дяди, и она убѣгаетъ со своимъ возлюбленнымъ въ Гамбургъ и оттуда въ Америку—на свое собственное горе. Брошенная своимъ возлюбленнымъ, она ведетъ жалкую жизнь съ ребенкомъ, не рѣшаясь долгіе годы вернуться домой, гдѣ, однако, братъ и дядя ждутъ ее, употребляя всѣ усилія, чтобы разыскать бѣглянку. Старый Тисъ побѣдилъ даже свою страсть къ домосѣдству, постоянно ѣздитъ въ Гамбургъ и бѣгаетъ по улицамъ, надѣясь найти племянницу. Она возвращается черезъ много лѣтъ, несчастная, разбитая судьбой, и живетъ у дяди, представляя собой еще одинъ примѣръ гибели семьи Улей.

Іернъ—единственное исключеніе въ своей семьѣ; онъ весь въ мать и съ самаго ранняго дѣтства живетъ сознательной душевной жизнью, понимая ужасъ пороковъ своего отца и старшихъ братьевъ. Онъ чувствуетъ на себѣ обязанность возстановить гибнущій домъ и почти инстинктивно отказывается уже въ ранней юности отъ всякихъ личныхъ радостей, думая только о долгѣ. А долгъ у него только одинъ—работа. Онъ знаетъ, что въ ней—спасеніе. Ему рано приходится убѣдиться, что матеріальное положеніе отца расшатано, и онъ хочетъ предотвратить полное разореніе. Первую жертву ему приходится принести очень рано. Онъ съ дѣтства мечталъ объ ученьѣ, и это желаніе въ немъ поддерживалось даже его безпутнымъ отцомъ. Чтобы польстить его гордости, окружающіе говорили Клаусу Улю, что его младшій сынъ будетъ „Landvogt'омъ", и эта мысль ему понравилась. Онъ рѣшилъ, что Іернъ будетъ учиться въ гимназіи и университетѣ, и составитъ гордость семьи. Онъ посылаетъ его къ пастору для подготовительныхъ занятій, но, по своей безпечности и полному равнодушію къ интересамъ сына, даже не справляется о томъ, по какимъ предметамъ мальчику придется держать экзаменъ для поступленія въ гимназію. Пасторъ любитъ англійскій языкъ, и потому обучаетъ Іерна именно этому совершенно ненужному ему языку. Когда нужно ѣхать на экзаменъ, Клаусъ Уль пугается возможной неудачи и отправляетъ сына съ дядей. Оказалось, дѣйствительно, что требуется латинскій, а не англійскій языкъ, и мальчика не принимаютъ. У него остается горькое чувство къ отцу, который даже съ нимъ не поѣхалъ и не узналъ програмы. Во время ученья у пастора, Іернъ случайно услышалъ его разговоръ съ однимъ посѣтителемъ и узналъ, что отецъ играетъ на биржѣ, и что это ведетъ къ разоренію. Все это вмѣстѣ побуждаетъ его отказаться отъ завѣтнаго желанія учиться; онъ рѣшаетъ исполнить болѣе суровый долгъ, остаться дома, удержать отца отъ игры и спасти домъ отъ разоренія. Отецъ сначала негодуетъ,—ему обидно, что сынъ обманулъ его тщеславіе. Братья и ихъ товарищи смѣются надъ Іерномъ, который .добровольно превратился въ

простого работника, но юноша твердъ въ слѣдованіи своему долгу и беретъ въ руки домашнее хозяйство.

Личная жизнь Іерна печальна въ юности. Ему нравится внучка пастора, нѣжная, тихая Лисбетъ, но онъ боится ея умственнаго превосходства, считаетъ ее слишкомъ „барышней" для себя и никогда не выдаетъ своихъ чувствъ къ ней, хотя и она его любитъ: они надолго расходятся. Іернъ страстно влюбляется въ красивую, странную дѣвушку, которая поощряетъ его, чтобы побороть въ себѣ несчастную любовь къ другому. Іернъ болѣе смѣлъ съ этой равной ему односельчанкой, добивается ея любви—но этотъ романтическій эпизодъ заканчивается откровеннымъ объясненіемъ дѣвушки и грустнымъ дружескимъ прощаніемъ. Іернъ рѣшаетъ отказаться отъ женитьбы: та, которую онъ любилъ въ дѣтствѣ, стала ему чужой, потому что онъ подмѣтилъ въ ней снисходительно-покровительственное отношеніе къ себѣ,—а дѣвушка, пробудившая въ немъ чувственность, оказалась святой. Онъ опять углубляется въ мысли о долгѣ и напрягаетъ всѣ свои силы на улучшеніе разстроеннаго хозяйства отца. Его пониманіе нравственнаго долга расходится съ поученіями пастора въ церкви: тамъ онъ слышитъ о блаженствѣ вѣрующихъ, о томъ, что вѣра важнѣе дѣлъ и т. п.—ему же кажется, что Библію слѣдовало бы составить изъ поученій, болѣе близко касающихся жизни простыхъ людей, въ родѣ такихъ; напр.: „тотъ, кто прилежно работаетъ и умножаетъ свое благосостояніе, тотъ будетъ спасенъ"; или: „крестьянинъ, который не вырываетъ плевелъ на своемъ полѣ, губитъ свою жизнь"; или: „за каждый вечеръ, проведенный въ кабакѣ, у человѣка отнимается годъ спасенія" и т. п. Это евангеліе труда впослѣдствіи расширяется въ его болѣе просвѣтленномъ сознаніи; онъ начинаетъ понимать безкорыстную любовь къ другимъ—онъ видитъ примѣры ея въ жизни, видитъ преданность состарившейся у нихъ въ домѣ служанки, которая отдала ему и его сестрѣ всю любовь, всѣ силы своей души, и самъ созрѣваетъ для подвиговъ любви къ ближнимъ.

Большую роль въ душевномъ развитіи Іерна играютъ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ на войнѣ. Онъ служитъ солдатомъ сначала въ мирное время и пріобрѣтаетъ общее одобреніе начальства и любовь товарищей своимъ умѣлымъ исполненіемъ обязанностей и своей уживчивостью; на войну (1870 г.) онъ идетъ уже резервистомъ, участвуетъ въ сраженіи при Гравелоттѣ, стоитъ подъ Метцомъ и Орлеаномъ—и очень зрѣетъ духовно въ короткое время. Война изображена въ романѣ эпизодически, но очень сильно—съ точки зрѣнія крестьянина, который не понимаетъ ея значенія, а только переживаетъ потрясающій кошмаръ, видя, что каждое сраженіе сводится къ горамъ труповъ и вереницамъ могилъ. Онъ присутствуетъ при смерти това-

рищей, друзей дѣтства—и въ его сознаніи укрѣпляется мысль о какомъ-то отвлеченномъ долгѣ, противорѣчащемъ его незыблемой до того, чисто практической морали. Послѣ войны онъ еще вдумчивѣе относится къ нуждамъ другихъ людей. Дòма дѣла ухудшаются. Отецъ Іерна потерялъ все свое состояніе и впалъ въ слабоуміе; старшіе братья ушли изъ дому и являются только за деньгами отъ времени до времени. Община передаетъ бывшій дворъ старика Клауса его сыну Іерну, съ обязательствомъ выплатить долги. Онъ трудится изо всѣхъ силъ, но не можетъ предотвратить окончательной гибели, подготовленной долголѣтнимъ безпутствомъ отца. Много несчастій готовитъ ему судьба: неурожайные годы парализуютъ его усилія, затѣмъ у него умираетъ жена (онъ женился на веселой, бодрой дѣвушкѣ); наконецъ, пожаръ истребляетъ отцовскій домъ. Іернъ еще болѣе падаетъ духомъ, утѣшаясь только любовью къ своему маленькому сыну, напоминающему ему жену. Послѣ пожара онъ поселяется у своего дяди Тиса,—и тамъ начинается возрожденіе его послѣ перенесенныхъ несчастій. Онъ видитъ много любви и самоотверженія вокругъ себя, и его собственный трудъ тоже начинаетъ давать хорошіе результаты. Умственная его жизнь развивается,—онъ проводитъ нѣсколько времени въ Гамбургѣ для усовершенствованія въ техническихъ знаніяхъ, такъ какъ ему поручена большая строительная работа; онъ начинаетъ понимать жизнь и принимать страданія безъ горечи. Все его существованіе обновляется. Настаетъ для него и новая пора любви. Онъ снова видится съ подругой своего дѣтства, Лисбетъ, узнаетъ, что она его всегда любила, женится на ней, къ великой радости своего маленькаго сына, который полюбилъ ее какъ мать,—и въ маленькомъ домѣ состарившагося Тиса, гдѣ вся семья поселяется вмѣстѣ съ вернувшейся на родину Эльсбой, водворяется счастье и благополучіе. Душа Іерна очищена страданіемъ, его практическое пониманіе долга возвысилось до высокой гуманности, и съ этимъ евангеліемъ труда онъ безбоязненно и свѣтло глядитъ въ будущее, не боясь ударовъ судьбы.

Таковъ этотъ романъ, который поражаетъ не идейной глубиной, а вдумчивымъ и простымъ изображеніемъ жизни. Исторія простого голштинскаго крестьянина—типичная исторія человѣческой судьбы. Крестьянскую жизнь той же мѣстности изображали нѣкоторые другіе соотчичи Френсена, въ особенности Граббе и Теодоръ Штормъ, но Френсенъ превосходитъ ихъ въ романѣ „Іернъ Уль" силой психологическаго анализа и широкимъ захватомъ своей эпопеи труда.

II.

Adolf Bartels. Geschichte der deutschen Literatur (1902. Leipzig, E. Avenarius). Т. I, стр. 516; т. II, стр. 850.

Адольфъ Бартельсъ, извѣстный нѣмецкій историкъ литературы, закончилъ въ настоящее время большой, интересный по своимъ задачамъ трудъ—исторію нѣмецкой литературы отъ начала ея до нашихъ дней. Весь колоссальный матеріалъ онъ разработалъ въ двухъ томахъ, причемъ первый, болѣе краткій, вмѣщаетъ всю литературу до конца XVIII-го вѣка, а значительно болѣе объемистый второй томъ посвященъ XIX-му вѣку, такъ что въ сущности заглавіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію. Это скорѣе исторія литературы XIX-го вѣка, дополненная обзоромъ минувшихъ вѣковъ.

На Бартельса менѣе всего можно быть въ претензіи за неисполненіе слишкомъ широкой программы, намѣченной въ заглавіи его труда. Нѣтъ ничего безотраднѣе огромныхъ исторій литературы, стремящихся къ фактической полнотѣ; онѣ неминуемо сводятся къ перечню фактовъ и имѣютъ лишь библіографическую цѣнность,—задача же историка литературы заключается въ группировкѣ, въ подведеніи итоговъ различнымъ литературнымъ начинаніямъ, и затѣмъ, конечно, въ характеристикахъ отдѣльныхъ писателей. Историкъ литературы, который хочетъ достигнуть этой цѣли, не долженъ гнаться за полнотой, а выбирать только самое существенное, предоставляя библіографамъ исчерпывать фактическій матеріалъ. Бартельсъ именно такъ и понимаетъ свою задачу, выясняя это въ предисловіи. Онъ не собирается увеличивать достаточное и безъ того количество исторій нѣмецкой литературы, т.-е. вторгаться въ область, разработанную множествомъ талантливыхъ ученыхъ. Напротивъ того, онъ хочетъ освободить свой трудъ отъ всеисчерпывающей учености, составляющей иногда тяжелый балластъ, и дать взамѣнъ этого общую картину развитія нѣмецкой литературы, выяснить задачи ея и показать зависимость подъемовъ и паденій литературнаго творчества отъ слѣдованія національнымъ задачамъ или уклоненія отъ нихъ.

Особенность книги Бартельса заключается, главнымъ образомъ, въ группировкѣ матеріала. Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ въ предисловіи, что самыя распространенныя въ Германіи исторіи литературы излагаютъ чрезвычайно подробно литературу минувшихъ вѣковъ приблизительно до тридцатилѣтней войны, а все дальнѣйшее развитіе ея послѣ Гёте или совершенно оставляютъ безъ вниманія, или передаютъ

въ самыхъ общихъ чертахъ. Бартельсъ же наиболѣе подробно излагаетъ литературу XIX-го вѣка, отмѣчая въ предшествующихъ вѣкахъ лишь то, что̀ сохранило значеніе и для нашего времени.

Книга Бартельса относится, поэтому, скорѣе къ разряду сочиненій по литературѣ XIX-го вѣка, которыхъ тоже въ послѣднее время много написано въ Германіи. Но и отъ нихъ книга Бартельса разнится въ значительной степени. Такъ, напримѣръ, „Исторія литературы XIX вѣка“ Рихарда Мейера—гораздо болѣе исчерпывающая по своему фактическому содержанію; въ ней больше отдѣльныхъ характеристикъ и общихъ очерковъ смѣняющихся литературныхъ теченій. Нѣкоторыя характеристики писателей у Мейера болѣе блестящи и оригинальны, но преимущество Бартельса—въ болѣе удачной группировкѣ. Мейеръ произвольно раздѣлилъ XIX-й вѣкъ на десятилѣтія и стремится найти литературную формулу для каждаго десятилѣтія въ отдѣльности, что̀ ведетъ къ постояннымъ натяжкамъ и ложнымъ сужденіямъ. Бартельсъ же никакихъ новыхъ перегородокъ не придумываетъ. Онъ даетъ характеристики главныхъ теченій XIX-го вѣка, романтизма, реализма и новѣйшихъ литературныхъ школъ, объединяемыхъ въ послѣднее время въ Германіи подъ удобнымъ названіемъ: „Die Moderne“, и, придерживаясь въ общемъ этихъ основныхъ дѣленій, вноситъ лишь кое-какія измѣненія въ подраздѣленія этихъ основныхъ группъ. Такъ, напримѣръ, представителей романтизма онъ дѣлитъ на старо- и новоромантиковъ, а „молодую Германію“ съ ея политическимъ либерализмомъ считаетъ уклоненіемъ отъ истиннаго романтизма; новѣйшую нѣмецкую литературу съ шестидесятыхъ годовъ до конца XIX-го вѣка онъ дѣлитъ на періодъ декаданса въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, включая сюда и натурализмъ, развившійся подъ вліяніемъ французовъ, и на „новую школу“ (Die Moderne), со средины восьмидесятыхъ годовъ; въ ней онъ видитъ возрожденіе національнаго нѣмецкаго духа; символизмъ и мистицизмъ нѣкоторыхъ современныхъ писателей онъ считаетъ заноснымъ и несерьезнымъ явленіемъ, помимо котораго въ новѣйшей нѣмецкой литературѣ есть здоровые національные элементы. Мы увидимъ, разсматривая эту часть труда Бартельса, что онъ сильно запутался въ опредѣленіяхъ новѣйшихъ теченій; пока же отмѣтимъ только своеобразность его группировки.

Вѣрная постановка задачи составляетъ главное достоинство книги Бартельса; но къ сожалѣнію, при выполненіи ея, онъ впадаетъ въ частыя заблужденія вслѣдствіе слишкомъ тенденціознаго отношенія къ литературѣ. Бартельсъ—націоналистъ, доходящій до крайностей въ своемъ прославленіи нѣмецкаго духа и въ своей ненависти къ инородческимъ элементамъ въ нѣмецкой литературѣ. Изъ всѣхъ проявле-

ній культурной жизни литература имѣетъ наиболѣе общечеловѣческій характеръ, и въ ней взаимодѣйствіе различныхъ націй въ высшей степени цѣнно. То, что̀ достигнуто однимъ народомъ, становится достояніемъ всѣхъ, такъ что вліянію одной литературы на другую можно только радоваться. Отъ обмѣна идей съ другими странами національный духъ не страдаетъ ни въ одной странѣ, а напротивъ того, развивается, черпая изъ чужихъ литературъ то, что̀ способствуетъ его собственному развитію. Только узкій шовинизмъ усматриваетъ опасность въ духовномъ единеніи одной страны съ другими и ревниво охраняетъ неприкосновенность національныхъ традицій въ литературѣ. Бартельсъ, къ сожалѣнію, становится именно на такую узко-патріотическую точку зрѣнія, преисполненъ національной гордости и старается доказать, что всегда Германія шла впереди всѣхъ народовъ. Такъ, напримѣръ, говоря о книгѣ Шлейермахера, начавшаго проповѣдь христіанства въ литературѣ до Шатобріана, онъ восклицаетъ: „мы, нѣмцы, всегда идемъ впереди"; съ тѣми же патріотическими цѣлями онъ доказываетъ, что общественныя теоріи Іереміи Готтгельфа выше ученія Толстого, что Геббель значительнѣе Ибсена и т. д. Даже еслибы эти мнѣнія были справедливы (а вѣдь никому не придетъ дѣйствительно въ голову ставить Готтгельфа выше Толстого), то и тогда подобныя патріотическія ликованія были бы недостойны серьезнаго изслѣдователя. Литература не табель о рангахъ, и въ ней важна не погоня за первенствомъ, а идеи, вносимыя каждымъ писателемъ. Національзмъ Бартельса сказывается также въ его почти комическомъ антисемитизмѣ, который онъ умудряется проявлять на каждомъ шагу. Всѣ отрицательныя явленія въ нѣмецкой литературѣ XIX вѣка онъ приписываетъ еврейскому вліянію. Евреи виноваты въ томъ, что послѣ господства чистой романтики въ Германіи начался, въ 30-хъ годахъ, періодъ увлеченія обще-европейскимъ политическимъ либерализмомъ и радикализмомъ. Очагомъ этого движенія онъ считаетъ салоны извѣстныхъ „интеллигентныхъ евреекъ", Рахили Варнгагенъ и др., ставя такимъ образомъ въ вину нѣмецкому еврейству появленіе въ ихъ средѣ даровитыхъ и образованныхъ женщинъ. Эпоху декадентства—а таковой онъ называетъ 60-ые и 70-ые годы—и вліяніе разнузданной французской литературы временъ второй имперіи онъ тоже объясняетъ тѣмъ, что евреи привили въ Германіи вкусъ къ бульварной литературѣ и къ опереткѣ. О Гейне Бартельсъ говоритъ почти съ ненавистью, отрицаетъ его вліяніе въ нѣмецкой литературѣ, считаетъ его подражателемъ Брентано и разныхъ мало извѣстныхъ нѣмецкихъ романтиковъ; съ такимъ же предубѣжденіемъ онъ относится ко многимъ новѣйшимъ писателямъ, которыхъ онъ постоянно попрекаетъ ихъ семитическимъ происхожденіемъ. О

Шнитцлерѣ, Гофмансталѣ и др. онъ не говоритъ иначе, какъ съ упоминаніемъ каждый разъ ихъ еврейства, и попрекаетъ нѣкоторыхъ писателей даже ихъ полу-еврейскимъ происхожденіемъ. Каждый разъ, говоря о Полѣ Гейзе, онъ называетъ его „Halbjude". Все это, очевидно, совершенно неумѣстно въ изложеніи литературныхъ фактовъ; антисемитизмъ Бартельса—еще болѣе лишній балластъ въ его книгѣ, чѣмъ ученость, которой онъ такъ тщательно избѣгаетъ въ своемъ трудѣ.

При всѣхъ этихъ недостаткахъ, стѣсняющихъ свободное отношеніе къ изучаемымъ литературнымъ явленіямъ, книга Бартельса имѣетъ и много достоинствъ. Она не блещетъ яркими характеристиками отдѣльныхъ писателей. Бартельсъ слишкомъ ужъ боится учености, даетъ очень мало свѣдѣній объ отдѣльныхъ писателяхъ и недостаточно опредѣленно формулируетъ ихъ дѣятельность и значеніе. Въ этомъ отношеніи книга Мейера болѣе интересна. Мейеръ очень индивидуаленъ въ своихъ сужденіяхъ, и его характеристики иногда далеки отъ истины, но всегда ярки, между тѣмъ какъ очерки Бартельса не даютъ полнаго представленія о писателяхъ. Но общія характеристики цѣльныхъ періодовъ у Бартельса болѣе интересны, обстоятельны и оригинальны. Литературу XIX-го вѣка онъ раздѣляетъ на три основныхъ періода, на романтизмъ начала вѣка, мощный періодъ реализма отъ конца двадцатыхъ до семидесятыхъ годовъ, и новѣйшую литературу, подраздѣляемую имъ на нѣсколько группъ. Самой плодотворной и значительной порой нѣмецкой литературы XIX-го вѣка онъ считаетъ періодъ реализма, достигшій апогея въ 50-хъ годахъ; Бартельсъ выдѣляетъ изъ него два побочныхъ теченія: тенденціозное творчество „молодой Германіи", въ первой половинѣ этого періода, и анти-тенденціозное эклектическое „искусство для искусства" мюнхенской школы (Поль Гейзе, Гаммерлингъ и др.) во второй. Новѣйшую литературу онъ дѣлитъ на періодъ декадентства, т.-е. паденія традицій нѣмецкаго духа подъ вліяніемъ Франціи временъ второй имперіи, сенсаціонности, пессимизма, промышленнаго отношенія къ литературѣ (такое опредѣленіе декадентства не имѣетъ ничего общаго съ обычнымъ представленіемъ о немъ) и на возрожденіе нѣмецкаго духа въ бодромъ, сильномъ и чисто національномъ творчествѣ такихъ писателей, какъ Гауптманъ, Фонтанъ, Детлефъ-фонъ-Лиліенкронъ и другихъ. То, что обыкновенно называется декадентствомъ и символизмомъ, т.-е. поэзію изысканныхъ ощущеній на почвѣ идеализма и мистицизма, Бартельсъ не считаетъ сильнымъ и самобытнымъ явленіемъ, а приписываетъ заграничнымъ вліяніямъ, и, въ общемъ, удѣляетъ очень мало вниманія всей школѣ; лучшихъ же писателей этой группы („Die Moderne") онъ относитъ къ представи-

телямъ національнаго возрожденія, считая однимъ изъ его основателей Ницше. Въ общемъ, эта схема нѣмецкой литературы XIX-го вѣка правильна, съ нѣкоторыми, впрочемъ, ограниченіями. Едва ли можно отдѣлять „молодую Германію", а въ частности Гейне, отъ романтизма. Бартельсъ это дѣлаетъ только изъ антисемитическаго предубѣжденія противъ Гейне, желая лишить его творчество всякаго чисто художественнаго значенія (поэзія Гейне—чисто романтическая) и признавая его только глашатаемъ дешеваго французскаго либерализма. Очень произвольно также его обращеніе съ понятіемъ о декадентствѣ и его отношеніе къ новѣйшей нѣмецкой литературѣ. Нельзя, какъ онъ это дѣлаетъ, называть декадентствомъ въ Германіи упадокъ реалистическаго романа подъ вліяніемъ, съ одной стороны, пессимизма, вызваннаго политическими причинами, а съ другой стороны—погони за сенсаціонностью, и смѣшно называть декадентами Шпильгагена и Марлиттъ, еще болѣе путая это понятіе относительно иностранныхъ писателей. Онъ относитъ къ декадентству и оперетки Оффенбаха, и порнографическую французскую литературу, и Бодлэра, причемъ съ гордостью заявляетъ, что Германія никогда настолько не падала, чтобы въ ней былъ возможенъ поэтъ въ родѣ Бодлэра. Столь же странно его представленіе о новѣйшихъ теченіяхъ. Ницше ему дорогъ, какъ проповѣдникъ силы и національной гордости, и поэтому онъ его причисляетъ къ писателямъ возрожденія. Замѣтимъ, что Ницше въ его глазахъ—чисто-національный нѣмецкій писатель, и его славянскому происхожденію онъ не придаетъ никакого значенія, между тѣмъ какъ даже Гейзе онъ выдѣляетъ изъ національной литературы, какъ полу-еврея; Гауптмана онъ тоже причисляетъ къ обновителямъ литературы, и въ то же время очень отрицательно относится къ тѣсно связаннымъ съ нимъ литературнымъ явленіямъ.

Произвольность подраздѣленій литературныхъ періодовъ при вѣрности общей схемы связана у Бартельса съ его пониманіемъ національныхъ идеаловъ. Въ предисловіи къ первому тому, онъ вѣрно опредѣляетъ характеръ нѣмецкой духовной жизни; ея основная черта—индивидуализмъ, противоположный соціальному характеру романской культуры. Въ нѣмецкой литературѣ, выразительницѣ культурныхъ особенностей націи, преобладаетъ борьба, въ то время какъ романская литература стремится къ гармоніи. Въ виду этого кореннаго различія двухъ націй, задачи нѣмецкой литературы противоположны литературнымъ идеаламъ романскихъ странъ, и всякое вліяніе послѣднихъ можетъ быть только наноснымъ и, по мнѣнію Бартельса, пагубнымъ, отвлекающимъ отъ выполненія національныхъ задачъ. Настаивая на этой обособленности нѣмецкой литературы, Бартельсъ выясняетъ отдѣльныя черты національной нѣмецкой литературы. Сѣвер-

ный характеръ нѣмецкой литературы онъ видитъ въ преобладанiи содержанiя надъ формой, истины надъ красотой, характеровъ надъ гармонiей, индивидуальнаго надъ обще-нацiональнымъ, интеллектуальнаго надъ чувственнымъ элементомъ. Онъ утверждаетъ, что въ Германiи гораздо менѣе цѣльныхъ литературныхъ теченiй, чѣмъ въ другихъ, особенно въ романскихъ странахъ, но что въ ней зато больше характернаго индивидуальнаго творчества. Нѣтъ нѣмецкой драмы, какъ есть испанская, французская драма, но есть театръ Лессинга, Шиллера, Грильпарцера, не сливающiеся въ нѣчто однородное, но сильные и своеобразные каждый въ отдѣльности. Точно также и среди романистовъ есть много крупныхъ и рѣзко опредѣленныхъ индивидуальностей и мало однородныхъ теченiй. Съ этимъ преобладанiемъ индивидуальностей связана и другая знаменательная черта нѣмецкой литературы; ея развитiе сводится всегда къ борьбѣ, къ тому, что почти каждое литературное поколѣнiе за послѣднiе два вѣка имѣетъ свою эпоху бури и натиска.

Такое пониманiе нацiональнаго германскаго духа опредѣляетъ отношенiе Бартельса къ различнымъ эпохамъ нѣмецкой литературы. Уже въ средневѣковой поэзiи онъ намѣчаетъ стремленiе къ самобытности и разнородность отдѣльныхъ талантовъ. Менѣе всего его удовлетворяетъ въ его нацiональномъ чувствѣ эпоха классицизма съ ея стремленiемъ къ гармонiи и красотѣ формъ. Романтизмъ начала вѣка онъ считаетъ возрожденiемъ нацiональнаго духа, побѣдой германства надъ античностью, освобожденiемъ фантазiи и душевнаго подъема, скованнаго въ классическую эпоху стремленiемъ къ античной гармонiи. Литературу романтическаго перiода Бартельсъ ставитъ очень высоко, видя въ ней пышный расцвѣтъ индивидуализма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зачатки реализма, т.-е. созидательной пластической силы, которая для него выше всякихъ идеалистическихъ отвлеченностей. Наиболѣе высоко онъ ставитъ старѣйшихъ романтиковъ, въ особенности Гельдерлинга и Новалиса, съ ихъ чуткимъ отношенiемъ къ природѣ и съ ихъ религiозными (чуждыми, однако, всякаго догматизма) настроенiями, въ которыхъ онъ видитъ побѣду надъ матерiализмомъ XVIII-го вѣка. Изъ отдѣльныхъ писателей эпохи романтизма Бартельсъ ставитъ особенно высоко Клейста, съ его стремленiемъ соединить античные идеалы съ современными и съ его сильно развитымъ реалистическимъ талантомъ. Въ представителяхъ младшаго поколѣнiя романтиковъ, Брентано, Арнимѣ и др., онъ превозноситъ главнымъ образомъ приверженность къ нацiональному прошлому, къ народной поэзiи. Упадкомъ романтизма онъ считаетъ уже отчасти поэзiю патрiотическихъ пѣвцовъ эпохи освободительныхъ войнъ, Кёрнера и Арндта, но еще болѣе „молодую Германiю“ съ ея французско-либе-

ральными тенденціями и міровой скорбью. Гейне, Бёрне и ихъ приверженцы извратили, по его мнѣнію, національный духъ нѣмецкой литературы, и ихъ вліяніе кажется ему пагубнымъ. Наибольшее значеніе Бартельсъ придаетъ эпохѣ реализма, въ которой опять окрѣпъ индивидуализмъ и развилась созидательная пластическая способность, коренящаяся въ изученіи и изображеніи дѣйствительности. Развитіе реализма обнимаетъ періодъ отъ конца 20-хъ до середины 80-хъ годовъ и кажется Бартельсу наиболѣе полнымъ выраженіемъ національнаго духа. „Мы не можемъ себѣ представить нѣмецкое художественное творчество,—говоритъ онъ,—иначе, чѣмъ такимъ, какимъ его создали эти реалисты, и даже въ чисто эстетическомъ отношеніи они намъ кажутся наиболѣе современными“. Зачатки реализма Бартельсъ видитъ главнымъ образомъ въ Гёте, въ новеллахъ Тика, въ драмахъ Грильпарцера, а расцвѣтъ его усматриваетъ въ творчествѣ двѣнадцати первоклассныхъ писателей, изъ которыхъ шесть играютъ созидательную роль, а шесть другихъ — хранители и продолжатели созданнаго ихъ предшественниками. Родоначальниками различныхъ областей реалистическаго творчества онъ считаетъ Вилибальда Алексиса, создавшаго историческій романъ въ Германіи, Чарльза Сильсфельда, создавшаго этнографическій романъ, Іеремію Готтельфа, который первый сталъ изображать народный бытъ, Адальберта Штифтера, углубившагося въ изображеніе природы, Фридриха Геббеля, творца психологической драмы, и Отто Людвига. Ихъ преемники—Густавъ Фрейтагъ, Фрицъ Рейтеръ, Теодоръ Штормъ, Клаусъ Гротъ, Готфридъ Келлеръ и Вильгельмъ Раабе. Изъ всѣхъ нихъ Бартельсъ особенно высоко ставитъ Геббеля, сходясь въ этомъ отношеніи со всѣми современными критиками, прославляющими долго непонятаго, истинно великаго драматурга, который по своимъ задачамъ близко подходилъ къ Ибсену.

Мы уже сказали, что къ новѣйшей нѣмецкой литературѣ Бартельсъ относится съ предубѣжденіемъ, поскольку она имѣетъ обще-европейскій характеръ, и прославляетъ въ ней писателей, отвѣчающихъ его пониманію національнаго характера германской культуры.—З. В.

ЭМИЛЬ ЗОЛА

род. 1840—15 (28) сент. 1902 †.

Глубокое впечатлѣніе произвела повсюду вѣсть о безвременной кончинѣ Эмиля Зола̀. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ писателей, которые не только обратили на себя вниманіе европейской публики, но и съумѣли удержать его за собою въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій. Извѣстность далась ему съ боя, но, однажды пріобрѣтенная, продолжала расти, укрѣпляясь все больше и больше. Литературное наслѣдство его по истинѣ громадно. Широтѣ его замысловъ соотвѣтствовала выдержанность и неутомимость въ ихъ исполненіи. „Человѣческая комедія" Бальзака создалась сама собою, не по заранѣе обдуманному плану; эпопея Ругонъ-Маккаровъ сложилась, какъ одно цѣлое, въ умѣ автора, прежде чѣмъ ея первыя страницы вылились на бумагѣ. Меньше по объему, но еще болѣе проникнута внутреннимъ единствомъ трилогія о трехъ городахъ. Послѣднимъ словомъ Зола̀, завѣщаніемъ его, не только литературнымъ, но и соціально-политическимъ, должна была сдѣлаться серія четырехъ романовъ, изъ которыхъ вышло въ свѣтъ два („Fécondité" и „Travail") и начатъ печатаніемъ третій („Vérité"); четвертый („Justice") едва ли написанъ, но въ бумагахъ покойнаго найдется, быть можетъ, его общая схема. Прибавимъ къ этому ранніе романы Зола („La Confession de Claude", „Thérèse Raquin", „Madeleine Férat" и друг.), интересные въ особенности для исторіи развитія его таланта, нѣсколько драмъ и комедій, нѣсколько томовъ критическихъ этюдовъ—и мы получимъ приблизительную сумму труда, рѣдкую во всѣхъ литературахъ. И все-таки писательская работа не всегда поглощала всего Зола̀. Сначала далекій отъ индифферентизма — не даромъ же онъ назвалъ время, представителями котораго должны были служить его Ругонъ-Маккары, „эпохой безумія и позора",—онъ сталъ мало-по-малу, какъ и многіе изъ его предшественниковъ и сверстниковъ (Флоберъ, Гонкуры, Додэ, Бурже), рѣшительнымъ врагомъ политики. Онъ цѣнилъ только „писанную мысль", только передъ нею преклонялся, только въ ней видѣлъ путь къ безсмертію. Задачей романа онъ провозгласилъ собираніе „человѣческихъ документовъ", воспроизведенныхъ съ возможно бо̀льшею точностью и возможно бо̀льшимъ безстрастіемъ. „Самыми великими изъ насъ,—говорилъ онъ двадцать лѣтъ тому назадъ, —будутъ не тѣ, которые стремились къ улучшенію человѣка, а тѣ,

которые изображали его какимъ онъ есть, во всей его жизненной правдѣ". Съ теченіемъ времени, однако, въ Зола совершается новый поворотъ: онъ перестаетъ отрицать значеніе государственной дѣятельности, принимаетъ къ сердцу текущія явленія общественной жизни, задумывается надъ „проклятыми вопросами", порывается служить „великимъ цѣлямъ вѣка". Всего нагляднѣе это выразилось въ участіи, которое онъ принялъ въ дѣлѣ Дрейфуса,—но слѣды новаго настроенія замѣтны уже въ послѣднихъ отдѣлахъ Ругонъ-Маккаровской эпопеи („Germinal", „Argent", „Débâcle") и ярко выступаютъ на видъ въ послѣдней части трилогіи („Paris"). Въ „Travail" онъ идетъ еще дальше, создавая нѣчто въ родѣ утопіи, рисуя картину желаннаго будущаго. Горячій темпераментъ, вѣчно ищущій умъ—не позволили ему замкнуться навсегда въ рабочемъ кабинетѣ, за предѣлами котораго онъ одно время ничего не хотѣлъ видѣть. Къ нему вполнѣ примѣнимо восклицаніе, съ которымъ обратился къ самому себѣ Д. Ф. Штраусъ, приступая къ послѣдней борьбѣ съ своими противниками (вызванной его книгою: „Der Alte und der neue Glaube"): „Auf, alter Krieger, lass das Bangen und gürte deine Lenden; im Sturme hast du angefangen, im Sturme sollst du enden". И въ этой послѣдней бурѣ Зола стоитъ выше, чѣмъ въ первой. Тогда онъ защищалъ, вмѣстѣ съ свободой творчества, такія крайности ея, которыя граничатъ съ униженіемъ искусства; теперь онъ касался тѣхъ сферъ, въ соприкосновеніи съ которыми искусство черпаетъ глубину и силу.

Подобно Стендалю, Бальзаку, Додэ, Флоберу, Гонкурамъ, Зола не былъ членомъ французской академіи, хотя—въ противоположность многимъ изъ только-что названныхъ писателей—нѣсколько разъ ставилъ свою кандидатуру. Почувствуетъ ли академія хотя теперь, что ея ошибка, нисколько не умаливъ репутаціи Зола, несомнѣнно повредила ей самой, еще разъ рѣзко подчеркнувъ ея исключительность, ея односторонность? Безспорно, къ Зола непримѣнимы слова, вложенныя кѣмъ-то въ уста академіи по поводу смерти одного изъ мастеровъ французскаго слова (кажется—Мольера), оставшихся за ея стѣнами: „Rien ne manque à sa gloire—il manquait à la nôtre". Слава Зола не можетъ быть названа полной и безусловной; въ его дѣятельности есть и слабыя стороны, его произведенія не безъ недостатковъ — но все-же онъ стоялъ на высотѣ, достигнутой немногими его современниками, и оставилъ неизгладимый слѣдъ въ французской литературѣ. Значеніе такого учрежденія, какъ французская академія, прямо пропорціонально тому, насколько широко и свободно оно отворяетъ свои двери для всѣхъ сказавшихъ, въ художественной формѣ, новое, самостоятельное слово. Ничѣмъ академія не могла бы лучше опровергнуть преувеличенныя обвиненія, взведенныя на нее

Додэ въ „Immortel", какъ избраніемъ Эмиля Золà. Быть можетъ, она только откладывала его со дня на день, не рѣшаясь на отступленіе отъ традицій—или, лучше сказать, отъ рутины; но смерть не ждетъ, и потеря времени оказалась потерей невозвратной.

Для „Вѣстника Европы" Эмиль Золà былъ особенно дорогъ, какъ многолѣтній его сотрудникъ, „Парижскія письма" котораго (числомъ 62), съ 1875 по 1880 гг., служили украшеніемъ журнала [1]). Здѣсь помѣщались, съ 1872 г., сначала извлеченія изъ первыхъ частей „Ругонъ-Маккаровъ", потомъ переводы нѣкоторыхъ изъ числа послѣдующихъ частей, способствовавшіе ознакомленію русской публики съ дарованіемъ Золà. Начиная съ 1880-го года, ему былъ посвященъ въ „Вѣстникѣ Европы" длинный рядъ статей; въ одной изъ нихъ [2]) была разсмотрѣна построенная имъ теорія экспериментальнаго романа, въ другой (1882, № 8) дана общая характеристика Золà, какъ романиста, основанная на первыхъ десяти—единственныхъ, появившихся къ тому времени—романахъ Ругонъ-Маккаровскаго цикла. Изъ позднѣйшихъ частей этого цикла въ „Вѣстникѣ Европы" были разобраны шесть: „Au bonheur des dames" (1883, № 6); „La joie de vivre" (1884; № 11); „L'oeuvre" (1886, № 6); „L'argent" (1891, № 4); „Germinal" (1892, № 7) и „La débâcle" (1892, № 9).

К. Арсеньевъ.

17 сентября 1902.

[1]) Въ 1878 году, „Парижскія письма", за первые три года (1875 — 1877 г.) были изданы отдѣльнымъ томомъ, подъ заглавіемъ: „Парижскія письма, изъ литературы и жизни. 1875—1877". Въ этотъ томъ вошли исключительно критическія статьи, успѣвшія обнять почти всю современную французскую литературу въ главнѣйшихъ ея представителяхъ. Французскій оригиналъ „Писемъ",—какъ тогда было замѣчено нами,—остается пока въ рукописи; авторъ собирается ихъ издать",—что онъ и исполнилъ, по окончаніи своихъ корреспонденцій въ 1880 году,—объяснивъ въ предисловіи, почему его „Письма" должны были явиться по-русски гораздо прежде оригинала. Къ воспоминаніямъ о покойномъ и къ оцѣнкѣ его дѣятельности „Вѣстнику Европы" не разъ еще, вѣроятно, придется возвратиться.—*Ред.*

[2]) 1880 г., № 1, „Современный романъ въ его представителяхъ".

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1902.

Правила о профессорскомъ судѣ, о кураторахъ, о курсовыхъ собраніяхъ и старостахъ. — С.-Петербургскій политехническій институтъ.—„Университетъ или политехникумъ"?—Десятилѣтіе финансоваго управленія.—Конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ.—Рѣзкіе контрасты.—Странныя разсужденія предпринимателя.—Возможная судебная ошибка—Интересный вопросъ.—С. И. Старынкевичъ †.—Post-scriptum.

Преобразовательная работа въ области высшаго образованія, такъ широко начатая при П. С. Ванновскомъ, не остановилась и при его преемникѣ. Обнародованныя недавно временныя правила, 24-го августа, вносятъ много новаго и полезнаго въ жизнь университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Дисциплинарные проступки студентовъ, подлежавшіе вѣдѣнію правленія, вновь подчинены профессорскому суду, уничтоженному университетскимъ уставомъ 1884-го года. Составъ правленія опредѣляется исключительно назначеніемъ министра или попечителя учебнаго округа; главныя его функціи имѣютъ административно-хозяйственный характеръ, совершенно отличный отъ задачъ суда. Дисциплинарная власть правленія не была, притомъ, точно отграничена отъ власти ректора (или директора) и инспектора; не былъ установленъ порядокъ производства дисциплинарныхъ дѣлъ. Этимъ аномаліямъ полагаютъ конецъ временныя правила. Члены суда (въ числѣ пяти или трехъ) и кандидаты къ нимъ (въ томъ же числѣ) избираются совѣтомъ изъ числа профессоровъ, на одинъ годъ, и утверждаются въ должности попечителемъ учебнаго округа; одного изъ нихъ совѣтъ избираетъ предсѣдателемъ суда. Тамъ, гдѣ есть юридическій факультетъ, по крайней мѣрѣ одинъ изъ судей и одинъ изъ кандидатовъ къ судьямъ должны принадлежать къ этому факультету. Профессорскій судъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и обвинительная камера: получивъ отъ начальника учебнаго заведенія весь подлежащій судебному разсмотрѣнію матеріалъ, онъ обсуждаетъ сначала вопросъ о привлеченіи обвиняемаго къ судебной отвѣтственности, и только въ случаѣ утвердительнаго его рѣшенія приступаетъ къ судебному разбирательству, вызывая обвиняемаго и допрашивая, въ его присутствіи, свидѣтелей. Приговоры, которыми назначаются болѣе строгія взысканія (не ниже увольненія изъ учебнаго заведенія), представляются началь-

никомъ учебнаго заведенія, съ его заключеніемъ, на утвержденіе попечителя учебнаго округа; всѣ остальные приговоры (слѣдовательно— и оправдательные) вступаютъ въ силу немедленно послѣ ихъ постановленія. Изъ числа взысканій, налагаемыхъ дисциплинарнымъ судомъ, исключено заключеніе въ карцеръ; затѣмъ они образуютъ слѣдующую лѣстницу: 1) замѣчаніе, 2) выговоръ, 3) лишеніе права участвовать въ курсовыхъ собраніяхъ и быть избраннымъ въ курсовые старосты, 4) переводъ на срокъ не свыше одного полугодія изъ студентовъ въ вольнослушатели, 5) нравственное порицаніе, сверхъ взысканій, указанныхъ въ пун. 3 и 4; 6) увольненіе изъ учебнаго заведенія до начала ближайшаго или слѣдующаго за нимъ учебнаго года, 7) удаленіе изъ даннаго учебнаго заведенія безъ срока, и 8) исключеніе безъ права поступить въ другое высшее учебное заведеніе. Инспекторъ высшаго учебнаго заведенія можетъ объявлять собственною властью замѣчаніе, а начальникъ заведенія—налагать слѣдующія взысканія: 1) замѣчаніе, 2) выговоръ, 3) временное запрещеніе посѣщать учебное заведеніе и 4) предложеніе подать прошеніе объ увольненіи изъ учебнаго заведенія. Для насъ не совсѣмъ ясно, почему рядомъ съ коллегіальнымъ профессорскимъ судомъ, представляющимъ существенно важныя гарантіи правильнаго и всесторонняго разсмотрѣнія дѣла, установляется еще судъ единоличный, облеченный весьма широкими правами. Замѣчаніе и выговоръ—не взысканія въ полномъ смыслѣ слова, и противъ объявленія ихъ начальникомъ учебнаго заведенія ничего возразить нельзя; но запрещеніе посѣщать учебное заведеніе и, тѣмъ болѣе, предложеніе подать прошеніе объ увольненіи—предложеніе конечно, обязательное для того, къ кому оно обращено,—это мѣры весьма серьезныя, могущія тяжело отозваться на будущемъ студента. Осторожнѣе было бы, кажется, принимать ихъ не иначе, какъ по суду. Нельзя не обратить вниманіе на слѣдующую аномалію: постановленіе профессорскаго суда объ увольненіи изъ учебнаго заведенія, хотя бы и безъ воспрещенія немедленнаго поступленія въ другое заведеніе, требуетъ утвержденія попечителя учебнаго округа—а равносильное ему, въ сущности, предложеніе начальника учебнаго заведенія въ такомъ утвержденіи не нуждается. Не указанъ срокъ, на который начальникъ можетъ воспретить посѣщеніе учебнаго заведенія, между тѣмъ какъ для мѣры менѣе суровой—перевода, по постановленію суда изъ студентовъ въ вольнослушатели,—назначенъ срокъ довольно короткій (не свыше одного учебнаго полугодія). Недоказанною кажется намъ, далѣе, цѣлесообразность утвержденія членовъ профессорскаго суда попечителемъ учебнаго округа. Мы знаемъ, что принципъ утвержденія избираемыхъ должностныхъ лицъ представляется, съ нѣкоторыхъ

поръ, господствующимъ въ нашемъ законодательствѣ; но онъ примѣняется обыкновенно къ избранникамъ такимъ учрежденій (земскихъ, городскихъ, дворянскихъ и т. п.), принадлежать къ которымъ можно и безъ административной санкціи. Между тѣмъ профессора, составляющіе совѣтъ высшаго учебнаго заведенія, всѣ безъ изъятія назначаются или утверждаются правительственною властью и, слѣдовательно, всѣ могутъ считаться способными къ исправленію всѣхъ обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ профессора... Вполнѣ правильными и симпатичными представляются, съ другой стороны, соображенія, въ силу которыхъ признано ненужнымъ опредѣлять „устанавливавшееся донынѣ точное соотвѣтствіе извѣстнаго наказанія тому или другому проступку". Подобная регламентація—по словамъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія—„стѣсняла бы только дѣятельность суда, заставляя его примѣнять одинаково ко всѣмъ провинившимся предусмотрѣнное правилами для даннаго проступка взысканіе, тогда какъ желательно, наоборотъ, предоставленіе суду широкаго простора для опредѣленія степени личной виновности каждаго изъ подсудимыхъ. Такой просторъ соотвѣтствуетъ вполнѣ основной идеѣ дисциплинарнаго суда".

Много хорошаго обѣщаетъ въ будущемъ учрежденіе кураторовъ, если ему суждено пустить прочные корни на нашей почвѣ. „При каждомъ курсѣ высшаго учебнаго заведенія имѣетъ состоять кураторъ изъ числа преподавателей даннаго учебнаго заведенія. Кураторъ избирается совѣтомъ на годичный или меньшій срокъ для руководительства студентами извѣстнаго курса. Куратору предоставляется устраивать собесѣдованія съ курсомъ, согласно инструкціи, вырабатываемой совѣтомъ. Кураторы образуютъ коммиссію, состоящую подъ предсѣдательствомъ ректора (директора), для совмѣстнаго обсужденія соотвѣтственныхъ дѣлъ, касающихся разныхъ курсовъ, факультетовъ и отдѣленій. Постановленія коммиссіи должны быть направлены къ согласованію дѣйствій кураторовъ. Коммиссія изъ числа своихъ членовъ выбираетъ товарища предсѣдателя. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ректоръ (директоръ) не присутствуетъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, предсѣдательствуетъ въ ней товарищъ предсѣдателя". Изъ того, что въ правилахъ говорится о *преподавателяхъ*, а не о профессорахъ, слѣдуетъ заключить, что кураторами могутъ быть избираемы и приватъ-доценты. Этому можно только сочувствовать; среди приватъ-доцентовъ, какъ людей молодыхъ, сравнительно недавно окончившихъ курсъ и именно потому близко стоящихъ къ учащейся молодежи, многіе, по всей вѣроятности, выразятъ готовность посвятить значительную часть своего времени общенію со студентами и съумѣютъ пріобрѣсти ихъ довѣріе и распо-

ложеніе. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что кураторы изъ числа приватъ-доцентовъ окажутся особенно подходящими для студентовъ высшихъ курсовъ, уже привыкшихъ къ самостоятельной жизни, а профессора, болѣе опытные и болѣе уравновѣшенные, будутъ лучшими руководителями для студентовъ первокурсниковъ, только-что сошедшихъ со школьной скамьи. Поставить—„den rechten Mann an die rechte Stelle“ будетъ, впрочемъ, призваніемъ совѣта, хорошо знакомаго съ личными свойствами каждаго преподавателя. Что инструкція кураторамъ не установитъ никакихъ излишнихъ стѣсненій, не ограничитъ свободу дѣйствій, необходимую для успѣха новой организаціи—ручательствомъ тому служитъ составленіе ея совѣтомъ. Большую пользу можетъ принести и коммиссія кураторовъ, если только возлагаемая на нее задача—„согласованіе дѣйствій кураторовъ“—не будетъ понята въ смыслѣ установленія однообразныхъ правилъ, все предусматривающихъ и предрѣшающихъ. Насколько желательно отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ противорѣчій,—настолько необходимъ широкій просторъ для личной иниціативы, примѣняющейся къ обстоятельствамъ каждаго отдѣльнаго случая. Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ въ насъ правило, въ силу котораго кураторъ можетъ быть избираемъ на годичный или *меньшій* срокъ. Чѣмъ дольше кураторъ остается на своемъ посту, тѣмъ вѣроятнѣе тѣсная связь между нимъ и курсомъ, столь важная для правильнаго хода дѣла. Куратору необходимо нѣкоторое время, чтобы узнать свой курсъ и быть имъ узнаннымъ. Минимальный срокъ для этого—годъ; для сокращенія его мы не видимъ никакихъ основаній. Конечно, выборъ даннаго лица можетъ оказаться ошибкой,—но вѣдь она возможна и при всякомъ другомъ выборѣ, а между тѣмъ сроки избранія бо̀льшею частью продолжительнѣе, чѣмъ одинъ годъ.

Новыми правилами не допускаются ни общія собранія студентовъ всего учебнаго заведенія, ни собранія студентовъ по факультетамъ или отдѣленіямъ. Собранія студентовъ по курсамъ созываются либо по распоряженію ректора (директора), либо, съ согласія его, по почину куратора, который въ послѣднемъ случаѣ и предсѣдательствуетъ въ собраніи. На курсовыхъ собраніяхъ, въ случаѣ желанія студентовъ, допускается предсѣдательствующимъ ректоромъ (директоромъ) или кураторомъ избраніе курсовыхъ старостъ изъ числа студентовъ даннаго курса. Старосты избираются на годичный или меньшій срокъ для сношеній по дѣламъ курса съ преподавателями и администраціей даннаго учебнаго заведенія и для исполненія касающихся студентовъ подлежащаго курса порученій ректора (директора) или преподавателя-куратора. Подробная инструкція относительно курсовыхъ собраній,

выбора старость, числа послѣднихъ, порядка ихъ утвержденія и т. п. составляется совѣтомъ. Допускается образованіе научныхъ и литературныхъ кружковъ, подъ руководствомъ профессоровъ и другихъ преподавателей даннаго заведенія, согласно ходатайствамъ, представленнымъ ректору или директору отъ имени опредѣленныхъ студентовъ, черезъ соотвѣтственные факультеты или отдѣленія. Уставы кружковъ, выработываемые подлежащими факультетами или отдѣленіями, утверждаются совѣтомъ. Руководительство кружкомъ возлагается факультетомъ (отдѣленіемъ), по принадлежности каѳедръ, на профессора, изъявившаго желаніе принять на себя соотвѣтственныя обязанности, или на одного изъ другихъ преподавателей, съ согласія послѣдняго. Руководительство кружками для занятій искусствами, физическими упражненіями и т. п., каковые кружки допускаются по ходатайствамъ студентовъ въ коммиссію кураторовъ,—ввѣряется ректоромъ (директоромъ), на основаніи постановленія коммиссіи, приглашеннымъ для того лицамъ. Вопросы объ организаціи студенческихъ библіотекъ и читаленъ, столовыхъ и чайныхъ, кассъ и т. п.—разсматриваются правленіемъ при участіи коммиссіи кураторовъ. Подача адресовъ, представленіе коллективныхъ прошеній, посылка депутатовъ, выставленіе объявленій безъ разрѣшенія инспекціи, устройство сборищъ, произнесеніе публичныхъ рѣчей, денежные сборы и вообще всякаго рода корпоративныя дѣйствія, непредусмотрѣнныя правилами, не допускаются.

Не касаясь запрещеній, установляемыхъ новыми правилами, остановимся на томъ, что̀ они разрѣшаютъ. О курсовыхъ собраніяхъ можно сказать то же самое, что̀ о кураторахъ: если они привьются на нашей почвѣ, отъ нихъ слѣдуетъ ожидать значительной перемѣны къ лучшему въ жизни высшихъ школъ. Взятыя въ совокупности, они могутъ выразить съ достаточною ясностью мнѣніе или настроеніе цѣлой школы. Если кураторы будутъ пользоваться надлежащимъ авторитетомъ, они едва ли встрѣтятъ какія-либо затрудненія въ созывѣ курсовыхъ собраній; послѣднія войдутъ въ обиходъ, сдѣлаются чѣмъ-то привычнымъ, заурядным и перестанутъ внушать опасенія, такъ долго мѣшавшія ихъ оффиціальному признанію. Цѣлесообразность учрежденія курсовыхъ старость давно уже доказана практикою военно-медицинской академіи. Что избраніе курсовыхъ старость производится не иначе, какъ по желанію курса—это вполнѣ раціонально; обязательный выборъ могъ бы не состояться или послужить источникомъ взаимныхъ неудовольствій и недоразумѣній. Къ сроку избранія старость примѣнимо, хотя и въ меньшей степени, замѣчаніе, сдѣланное нами относительно срока избранія кураторовъ. Устройство научныхъ и литературныхъ кружковъ будетъ вѣроятно зависѣть, de facto, отъ

факультета (или отдѣленія), что значительно облегчитъ и ускоритъ призывъ ихъ къ жизни. Изъ того, что ходатайство объ устройствѣ кружка должно идти отъ „опредѣленныхъ студентовъ", еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы въ составъ кружка могли входить только одни иниціаторы ходатайства; ничто, повидимому, не можетъ помѣшать присоединенію къ нимъ другихъ студентовъ, и притомъ безъ различія факультетовъ. Для кружковъ литературныхъ это послѣднее разумѣется само собою; но и научный кружокъ (напримѣръ историческій или философскій) можетъ быть интересенъ не для однихъ только обязательно изучающихъ данную науку. Совѣтъ, отъ котораго будетъ зависѣть утвержденіе уставовъ кружковъ, отнесется ко всѣмъ подобнымъ вопросамъ, безъ сомнѣнія, по возможности широко. Для сохраненія единства дѣйствій было бы, какъ намъ кажется, лучше, еслибы разрѣшеніе вопросовъ объ организаціи студенческихъ библіотекъ, читаленъ, столовыхъ, чайныхъ, кассъ было предоставлено одной коммиссіи кураторовъ, съ задачами которой они связаны несравненно больше, чѣмъ съ задачами правленія. Такъ, вѣроятно, и будетъ сдѣлано, когда коммиссія кураторовъ успѣетъ заявить себя на практикѣ.

Только-что открытый с.-петербургскій политехническій институтъ отличается отъ другихъ аналогичныхъ школъ устройствомъ въ его составѣ экономическаго отдѣленія, являющагося у насъ въ Россіи первымъ опытомъ приспособленія юридическихъ и экономическихъ знаній къ требованіямъ промышленности. Предметами преподаванія въ этомъ отдѣленіи будутъ богословіе, исторія хозяйственнаго быта въ связи съ исторіей политической экономіи, теорія политической экономіи, прикладная политическая экономія, статистика, наука о финансахъ, энциклопедія права, исторія, государственное право, гражданское право, торговое право, вексельное право, морское право, гражданское и торговое судопроизводство, уголовное право и процессъ, международное право, общее землевѣдѣніе, экономическая географія, физика, химія, товаровѣдѣніе съ технологіею, счетовѣдѣніе, теорія вѣроятностей, финансовыя вычисленія и иностранные языки. Въ развитіе этихъ предметовъ на отдѣленія могутъ читаться спеціальные курсы: по техникѣ податного дѣла, фабричному законодательству, желѣзнодорожнымъ тарифамъ, таможенному и страховому дѣлу, экономической географіи отдѣльныхъ странъ, отдѣльнымъ группамъ товаровъ, разнымъ видамъ счетоводства (банковому, фабричному, сельскохозяйственному и др.), коммерческимъ вычисленіямъ, коммерческой

корреспонденціи и проч. Преподаваніе сопровождается упражненіями и практическими занятіями въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ. Вводимая такимъ образомъ комбинація наукъ несомнѣнно оригинальна и позволяетъ ожидать крупныхъ результатовъ. Наши юридическіе факультеты приготовляютъ преимущественно судебныхъ дѣятелей, а не администраторовъ, не работниковъ на разныхъ поприщахъ общественной жизни; выдвигая на первый планъ сначала римское право, затѣмъ гражданское и уголовное, съ соотвѣтствующими процессами, они впадаютъ въ нѣкоторую односторонность и слишкомъ мало удовлетворяютъ запросамъ новаго времени. Возникающій отсюда пробѣлъ можетъ восполнить, до извѣстной степени, экономическое отдѣленіе политехническаго института. Въ основаніи его программы лежитъ политическая экономія, въ университетахъ играющая далеко не выдающуюся роль и изучаемая только на первомъ курсѣ; въ институтѣ она расчленяется на три предмета и дополняется общимъ землевѣдѣніемъ, экономическою географіей и товаровѣдѣніемъ. Такъ какъ предметовъ преподаванія въ отдѣленіи очень много, то нѣкоторые изъ нихъ будутъ, вѣроятно, излагаться лишь въ общихъ чертахъ (напр. гражданское и уголовное право, гражданскій и уголовный процессъ); больше простора, наоборотъ, будетъ отведено предметамъ, соприкасающимся съ политической экономіей—статистикѣ, наукѣ о финансахъ, торговому праву. Весьма важно, наконецъ, ознакомленіе слушателей экономическаго отдѣленія съ одной стороны—съ исторіей, съ другой—съ физикой, химіей, теоріей вѣроятностей. Меньше, чѣмъ большинство окончившихъ курсъ въ высшихъ школахъ, они будутъ страдать отъ спеціализаціи, съуживающей кругозоръ и ограничивающей сферу интересовъ. Это не исключаетъ, однако, возможности, для отдѣльныхъ слушателей, сосредоточиться главнымъ образомъ на той группѣ предметовъ, которая ихъ особенно привлекаетъ. Такому сосредоточенію будутъ благопріятствовать спеціальные курсы, предусматриваемые программой экономическаго отдѣленія. Большой гарантіей успѣшной дѣятельности отдѣленія служитъ имя его декана, А. С. Посникова, бывшаго профессоромъ политической экономіи въ Ярославлѣ и Одессѣ, даровитаго ученаго и публициста, близко знакомаго съ народною жизнью, много лѣтъ работавшаго въ смоленскомъ земствѣ, состоявшаго уѣзднымъ предводителемъ дворянства и соединяющаго въ своемъ лицѣ теоретическія знанія и практическую опытность.

Кромѣ с.-петербургскаго политехническаго института, въ послѣдніе годы открыты у насъ еще три высшія техническія школы: технологическій институтъ въ Томскѣ и политехническіе институты въ Кіевѣ и Варшавѣ. Какъ ни важно, какъ ни необходимо развитіе техниче-

скаго образованія, оно не должно, конечно, идти въ ущербъ образованію общему; не должно быть повода для постановки вопроса: „университетъ или политехникумъ“? Между тѣмъ, этотъ вопросъ ставится, и ставится не безъ основанія. Въ озаглавленной именно такимъ образомъ статьѣ заслуженнаго профессора Романовича-Славатинскаго („Русскія Вѣдомости“, № 232) указывается на то, что въ западной Европѣ вниманіе къ политехническимъ школамъ идетъ рука объ руку съ попеченіемъ объ университетахъ. Западно-европейскія правительства „далеки отъ мысли, что въ настоящее время долженъ преобладать политехникумъ, затмѣвающій собою просвѣтительную роль университета. Они понимаютъ, что въ нашъ вѣкъ наплыва утилитарныхъ и матеріалистическихъ идей университетъ является еще болѣе нужнымъ, чѣмъ въ прежнее время: въ немъ—протестъ противъ господства этихъ идей. Университетъ, это—синтезъ современной науки, это—убѣжище вѣковѣчныхъ міровыхъ идей, это—крѣпость, подъ защитой которой укрываются уцѣлѣвшіе обломки прежнихъ идеалистическихъ воззрѣній. Политехникумъ, это — ремесло, это — насущный хлѣбъ текущаго дня. Правда, хлѣбъ этотъ необходимъ, но о единомъ ли хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ“? Исходя изъ этихъ положеній, г. Романовичъ-Славатинскій проводитъ параллель между роскошью, съ которою у насъ обставляются политехническіе институты, и бѣдностью большинства нашихъ университетовъ. „Университетскія зданія“—говоритъ профессоръ—„сооружались давно, приспособляясь къ прежнимъ требованіямъ науки, къ прежнему ограниченному числу студентовъ. Но условія науки измѣнились, прежнія сотни слушателей превратились въ тысячи, а зданія казанскаго или харьковскаго университета сохраняютъ свой давній видъ, какой они имѣли въ началѣ прошлаго вѣка. Въ московскомъ университетѣ трудно найти аудиторію, въ которой могло бы помѣститься теперешнее число слушателей. Помѣщеніе университета св. Владиміра въ Кіевѣ—одно изъ лучшихъ, но и оно не удовлетворяетъ потребностямъ времени: число аудиторій не соотвѣтствуетъ числу студентовъ, а главное—въ немъ нѣтъ помѣщенія для библіотеки, одной изъ лучшихъ университетскихъ библіотекъ. Нельзя не бояться за ея сохранность; для нея необходимо отдѣльное огнеупорное зданіе. Правленіе не разъ ходатайствовало объ этомъ, но ходатайства эти, за недостаткомъ средствъ, оставались безуспѣшными,—а между тѣмъ, уменьшивъ расходы на лѣпныя работы и паркеты политехникумовъ, можно было бы съэкономизировать сумму, достаточную для сооруженія зданія библіотеки университета св. Владиміра, въ которомъ могли бы лучше сохраниться ея книжныя драгоцѣнности. Не блестяще положеніе и другихъ универ-

ситетскихъ учрежденій. Въ майскомъ засѣданіи совѣта университета св. Владиміра мы слышали отъ одного изъ директоровъ химической лабораторіи, что въ ея стѣнахъ образовались трещины, въ которыя врывается сквознякъ, а полы не лучше кіевскихъ тротуаровъ, по которымъ трудно ходить, не спотыкаясь". Внѣшнему виду университетовъ соотвѣтствуетъ паденіе уровня профессорскаго сословія. „Гдѣ теперь"—восклицаетъ г. Романовичъ-Славатинскій—„та систематическая забота о посылкѣ талантливой молодежи за границу для подготовки къ профессурѣ, которою такъ отличались министры Уваровъ и Головнинъ? Въ настоящее время факультетамъ нерѣдко приходится вести продолжительную переписку, настойчиво ходатайствуя о посылкѣ за границу одного или двухъ талантливыхъ кандидатовъ для подготовки къ замѣщенію каѳедръ. Обвинять министерство въ небрежномъ отношеніи къ такому важному дѣлу нельзя: въ его тощемъ бюджетѣ на это полагаются весьма ограниченныя средства. Предварительный стипендіатскій стажъ не можетъ служить коррективомъ: число стипендій не соотвѣтствуетъ числу заслуживающихъ ихъ, вслѣдствіе того же недостатка средствъ. Между тѣмъ каѳедры пустѣютъ: старые профессора уходятъ, а молодыхъ нѣтъ"... „Мы хорошо понимаемъ"—таковъ заключительный выводъ автора—„необходимость для Россіи техническаго образованія, но не можемъ не скорбѣть, что забываются интересы нашихъ университетовъ, низводимыхъ на второй планъ. Блестящее прошлое этихъ университетовъ, заслуги ихъ предъ русскою землей даютъ имъ право на уваженіе и вниманіе. Этого требуетъ достоинство нашего могучаго государства, это соотвѣтствуетъ истиннымъ интересамъ великаго русскаго народа". Нужно надѣяться, что искреннія, глубоко-прочувствованныя слова почтеннаго профессора не пройдутъ безслѣдно.

Статья г. Романовича-Славатинскаго появилась въ печати за нѣсколько дней до чествованія С. Ю. Витте, по поводу десятилѣтняго его управленія министерствомъ финансовъ. Касаясь одного частнаго вопроса, она бросаетъ отраженный свѣтъ и на другія стороны дѣятельности министерства. Подобно тому, какъ широко развивались высшія учебныя заведенія одного вѣдомства, а въ другихъ высшихъ школахъ господствовалъ застой, вызванный отчасти [1]) недостаткомъ матеріаль-

[1]) Мы говоримъ: *отчасти*, потому что были и другія причины застоя, не зависѣвшія отъ министерства финансовъ. Будущее покажетъ, съ достаточною ли энергіею министерство народнаго просвѣщенія настаивало, до 1901-го года, на увеличеніи бюджета высшихъ и низшихъ школъ.

ныхъ средствъ,—одна отрасль промышленности усиливалась и крѣпла въ ущербъ другимъ. Увеличивались съ неимовѣрною быстротою бюджетные итоги—но скорѣе падало, чѣмъ возвышалось народное богатство и по прежнему оставалось тяжелымъ податное бремя. Повышались или создавались вновь прямые налоги,—но въ гораздо бóльшей мѣрѣ расли налоги косвенные, падающіе преимущественно на массу народа. Размножалась армія чиновниковъ, вслѣдствіе расширенія сферы казеннаго хозяйства—но съуживались предѣлы земской дѣятельности и размѣры земскихъ средствъ, возводилось въ систему недовѣріе къ земству [1]). Во всѣхъ этихъ сферахъ лицевая сторона медали—которую мы, конечно, не отрицаемъ,—не должна заслонять собою оборотную. Необходимо помнить, что въ шесть лѣтъ управленія Н. Х. Бунге для благосостоянія бѣднѣйшихъ классовъ населенія было сдѣлано больше, чѣмъ въ послѣднія десять лѣтъ. Къ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, такъ рѣдко находившей тогда и находящей теперь справедливую оцѣнку, относится учрежденіе крестьянскаго банка, относится начало фабричнаго законодательства; она же завѣщала до сихъ поръ неосуществившуюся мысль о подоходномъ налогѣ. Съ другой стороны, не обрисовались еще результаты нѣкоторыхъ недавнихъ реформъ; нельзя еще опредѣлить, ослабѣло ли, благодаря питейной монополіи, народное пьянство, уменьшилась ли тайная продажа вина, идущая въ разрѣзъ съ предполагаемымъ морализующимъ дѣйствіемъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Опредѣлить значеніе всего предпринятаго и исполненнаго С. Ю. Витте—дѣло будущаго, едва ли особенно близкаго; теперь же возможенъ только одинъ перечень фактовъ, которымъ, въ большинствѣ случаевъ, и ограничилась повременная печать... Впрочемъ, „Гражданинъ" (№ 68), перечисляя заслуги С. Ю. Витте и приписывая имъ многочисленность его враговъ, сравниваетъ зрѣлище, которое представляла пріемная министра финансовъ при Н. Х. Бунге, съ зрѣлищемъ, представляемымъ ею въ послѣдніе годы. „Во дни оны, бывало",—говоритъ кн. Мещерскій,—„зайдутъ два чиновника узнать, какъ здоровье Николая Христіановича, забѣгутъ два жидочка понюхать, не нашелся ли какой-нибудь рессурсъ [2]), и ладно; а въ эти десять лѣтъ можно безъ пре-

---

[1]) Мы не забываемъ освобожденія земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, но думаемъ, что оно перевѣшивается фиксаціей земскаго обложенія, безъ предоставленія земству новыхъ источниковъ дохода.

[2]) Еслибы нашей цѣлью была оцѣнка сказаннаго „Гражданиномъ", мы должны были бы указать на непозволительность подобныхъ словъ въ отзывѣ о покойномъ безупречномъ дѣятелѣ—но для насъ теперь интересны только факты, сообщаемые кн. Мещерскимъ.

увеличенія сказать, что въ пріемной С. Ю. Витте перебывала вся многомилліонная Россія, съ ея помѣщиками, съ ея купцами, съ ея фабрикантами, съ ея аферистами, съ ея проектерами, съ ея жидами, съ ея счастливыми и несчастливыми; каждому нуженъ былъ С. Ю. Витте, каждый увѣровалъ въ него или слишкомъ много, или слишкомъ себялюбиво". Если эта параллель соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то нельзя не сказать, что изъ двухъ крайностей предпочтительна первая. Вовсе нежелательно, чтобы въ массѣ дѣловыхъ людей—или людей, считающихъ себя дѣловыми,—преобладали уповающіе на министерство финансовъ, ожидающіе отъ него великихъ и богатыхъ милостей. Въ русскомъ обществѣ уже безъ того достаточно развита привычка слишкомъ много разсчитывать на казну и слишкомъ мало—на собственную дѣятельность.

Съ 4-го по 7-ое сентября засѣдалъ въ Петербургѣ девятый конгрессъ международнаго союза криминалистовъ, въ составъ котораго уже нѣсколько лѣтъ входитъ русская группа (подъ предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго). Открытый рѣчью министра юстиціи, Н. В. Муравьева (избраннаго, въ послѣдній день сессіи конгресса, почетнымъ президентомъ союза), конгрессъ разсмотрѣлъ вопросы о значеніи психическихъ элементовъ преступленія (сравнительно съ его матеріальными послѣдствіями), о патронатѣ, о реформѣ предварительнаго слѣдствія и преданія суду, о торговлѣ женщинами, объ условномъ осужденіи, о суммарномъ производствѣ. Предоставляя себѣ возвратиться, при случаѣ, къ преніямъ и постановленіямъ конгресса, мы приведемъ теперь только одно изъ принятыхъ имъ положеній, какъ доказательство важности его трудовъ. Обсудивъ первый изъ перечисленныхъ выше вопросовъ, конгрессъ, огромнымъ большинствомъ, призналъ, что „каждый подлежитъ наказанію за послѣдствія своего дѣянія только въ мѣрѣ тѣхъ послѣдствій, которыя онъ предвидѣлъ или могъ предвидѣть". Это—одно изъ выраженій того научнаго направленія, которое профессоръ ванъ-Гаммель назвалъ стремленіемъ къ уменьшенію матеріализаціи уголовнаго права. Важнымъ признается, съ этой точки зрѣнія, не столько реальный результатъ преступнаго дѣйствія, сколько настроеніе лица, его совершившаго. Отсюда необходимость изученія индивидуальныхъ свойствъ преступника. По выраженію проф. Гарро, „вниманіе суда должно быть обращено главнымъ образомъ на волю и личность, насколько онѣ проявлялись во внѣшнихъ фактахъ". Нельзя сказать, чтобы такой взглядъ всегда клонился къ уменьше-

нію отвѣтственности; наоборотъ, онъ влечетъ за собою признаніе незаконченности преступленія только возможнымъ, а не необходимымъ поводомъ къ смягченію наказанія. Съ особенною яркостью, зато, обнаруживается имъ неправомѣрность суммарной расправы, предпринимаемой безъ точнаго установленія вины, безъ всесторонняго, спокойнаго изслѣдованія намѣреній каждаго отдѣльнаго лица; болѣе чѣмъ когда-либо становится немыслимой отвѣтственность за чужія дѣйствія, даже при наличности точекъ соприкосновенія между ними и дѣйствіями обвиняемаго. Какъ ни велико, особенно у насъ въ Россіи, разстояніе между теоріей и практикой, коллективное мнѣніе людей науки, компетентность которыхъ стоитъ внѣ всякаго спора, не можетъ, въ концѣ концовъ, остаться безъ вліянія на теченіе жизни, на ходъ событій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть одно мѣсто изъ вступительной рѣчи министра юстиціи. „Не облеченный никакою оффиціальною санкціею"—сказалъ Н. В. Муравьевъ,—„союзъ (криминалистовъ) пріобрѣтаетъ все бо̀льшее и бо̀льшее нравственное значеніе, съ которымъ уже считается наука, а ско̀ро будутъ считаться и законодательства. Результаты вашихъ тщательныхъ изслѣдованій не имѣютъ никакой обязательной силы, но нужно ли мнѣ напоминать вамъ, что и при отсутствіи формальныхъ велѣній auctoritas rationis въ свободной области идей бываетъ иногда болѣе сильной и болѣе устойчивой, чѣмъ ratio auctoritatis закона"? Не менѣе важное значеніе имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, и слѣдующія слова г. министра: „какъ и подобаетъ ученому обществу, въ словесныхъ дебатахъ и печатныхъ работахъ союза царитъ полная свобода, и эта свобода, разумная и плодотворная, нимало не опасна, ибо, являясь строго-научной и, слѣдовательно, умѣренной и сдержанной, она нисходитъ съ мирныхъ высотъ отвлеченнаго мышленія лишь въ мирномъ стремленіи къ общему благу". Такой взглядъ на ученыя общества и на ихъ свободу даетъ право надѣяться, что въ близкомъ будущемъ состоится, наконецъ, второй съѣздъ русскихъ юристовъ (первый происходилъ *двадцать-семь* лѣтъ тому назадъ), о созывѣ котораго давно уже ходатайствуетъ с.-петербургское юридическое общество, по своему составу и характеру своихъ задачъ мало чѣмъ отличающееся отъ союза криминалистовъ. Русскимъ юристамъ, отдѣльно взятымъ, едва ли будетъ отказано въ томъ правѣ, которое было дано имъ вмѣстѣ съ юристами западной Европы... Приведемъ, въ заключеніе, еще одну цитату изъ рѣчи Н. В. Муравьева, относящуюся къ прошедшему, но бросающую свѣтъ и на желанное будущее: „въ эпоху стараго права разсматривали преступника какъ непримиримаго врага, котораго нужно покорить, смирить страхомъ или раздавить, уничтожить во

что̀ бы то ни стало, чтобы его самого наказать, а ему подобныхъ устрашить, при чемъ оставлялись въ сторонѣ какія-либо иныя заботы болѣе сложнаго и возвышеннаго порядка. Съ теченіемъ времени возникаетъ великое гуманитарное движеніе, которое смягчаетъ эту дѣятельность, проникнутую чувствомъ мести, и рѣшительно вводитъ принципъ справедливости въ суровую область публичнаго преслѣдованія преступленій".

Въ то самое время, когда конгрессъ криминалистовъ въ Петербургѣ, при участіи и одобреніи высшихъ представителей администраціи и суда, установляетъ руководящія начала для дальнѣйшаго „гуманитарнаго движенія" въ области уголовнаго права, изъ глубины Россіи слышатся—къ счастію, единичные—голоса, призывающіе назадъ, къ „эпохѣ стараго права". Въ чернскомъ уѣздномъ комитетѣ предлагаются и принимаются слѣдующія положенія (формулированныя сотрудникомъ „Московскихъ Вѣдомостей", г. Бодиско, и, конечно, вполнѣ одобряемыя этою газетою): 1) необходимо безукоснительное присужденіе къ наказаніямъ и взысканіямъ за всякіе проступки противъ собственности, какъ бы таковые ни были малозначительны, *дабы карался не столько фактъ, сколько нарушенный принципъ* [1]), и *конечно* независимо отъ причинъ, коими проступокъ вызванъ. 2) Такъ какъ въ мелкихъ проступкахъ противъ собственности бываютъ часто погрѣшны малолѣтніе, необходимо привлекать къ отвѣтственности родителей за то, что не воспитываютъ въ дѣтяхъ уваженіе къ чужой собственности. 3) При проступкахъ противъ собственности коллективныхъ, при потравахъ общественными стадами и табунами, порубкахъ и т. п. должна быть введена коллективная отвѣтственность, гражданская и *уголовная*. Первое положеніе идетъ прямо въ разрѣзъ съ мнѣніемъ конгресса криминалистовъ, пріурочивающимъ отвѣтственность съ одной стороны къ матеріальнымъ послѣдствіямъ дѣянія, т.-е. къ *фактамъ*, съ другой—къ настроенію преступника, то-есть, между прочимъ, къ *причинамъ, коими поступокъ вызванъ*. Слѣдующія два положенія несовмѣстны съ принципомъ еще болѣе безспорнымъ, давно не возбуждающимъ сомнѣній ни въ наукѣ уголовнаго права, ни въ судебной практикѣ культурныхъ государствъ—принципомъ уголовной отвѣтственности каждаго только за *лично имъ содѣянное*, а не за чужую вину... Съ торжествующимъ злорадствомъ московская газета указываетъ на то, что проектъ г. Бодиско одобренъ крестьянами, которыхъ въ чернскомъ

---

[1]) Какимъ образомъ можетъ быть *караемъ принципъ* — это тайна чернскаго законодателя.

комитетѣ столько же, сколько землевладѣльцевъ. Многіе ли изъ нихъ, однако, не принадлежатъ къ числу должностныхъ лицъ, прямо зависимыхъ отъ предводителя дворянства (г. Сухотина) и земскихъ начальниковъ? Можно ли, вообще, говорить о самостоятельности чернскихъ крестьянъ, разъ что они поставлены лицомъ къ лицу съ близкою къ нимъ „сильною властью"?...

Послѣ глубоко прискорбныхъ событій, происшедшихъ въ мартѣ мѣсяцѣ, въ губерніяхъ полтавской и харьковской, многіе губернаторы—какъ, напр., черниговскій, херсонскій, вновь назначенный полтавскій,—предприняли объѣздъ ввѣренныхъ имъ губерній, лично разъясняя крестьянамъ тяжелыя послѣдствія, ожидающія ихъ въ случаѣ насилія или посягательства на чужую собственность, и съ особенною настойчивостью повторяя эти разъясненія въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ проявлялись признаки волненія. Такой образъ дѣйствій вполнѣ понятенъ, его цѣлесообразность безспорна: своевременно данными указаніями могутъ быть предупреждены серьезныя бѣдствія. Что касается карательныхъ мѣръ, то на принятіе ихъ, какъ извѣстно, закономъ уполномоченъ судъ, при наличности дѣяній, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ, въ предѣлахъ и формахъ, закономъ установленныхъ, и съ соблюденіемъ опредѣленныхъ процессуальныхъ требованій. Отступленія отъ общаго правила допускались до сихъ поръ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, послѣ крупныхъ, коллективныхъ нарушеній порядка; но теперь, повидимому, они распространяются дальше. Во всѣхъ газетахъ появилось сообщеніе о поѣздкѣ саратовскаго губернатора въ уѣзды балашовскій и петровскій. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ, въ с. Глѣбовкѣ, нѣкоторые крестьяне позволили себѣ грубое самоуправство по отношенію къ имуществу сосѣднихъ владѣльцевъ—сбивали яблоки, увозили снопы, съѣли приготовленный на кухнѣ обѣдъ, разбили окна въ школьномъ зданіи. Разслѣдовавъ обстоятельства дѣла и выяснивъ главныхъ виновниковъ, губернаторъ приказалъ задержать 15 человѣкъ и подвергнуть ихъ наказанію (какому—это не сказано), но затѣмъ простилъ ихъ, въ виду ихъ раскаянія и клятвеннаго обѣщанія исправиться. Въ петровскомъ уѣздѣ дурнымъ поведеніемъ отличалась въ особенности крестьянская молодежь двухъ обществъ, урлейскаго и чернышевскаго. Губернаторъ, собравъ сходъ, объяснилъ крестьянамъ опасность и вредъ допускаемой ими распущенности молодежи. Подъ вліяніемъ этого разъясненія крестьяне тутъ же на сходѣ, съ разрѣшенія губернатора, постановили извѣстныхъ среди нихъ „головорѣзовъ"

подвергнуть наказанію. Въ обоихъ случаяхъ, какъ видно, не былъ соблюденъ обычный порядокъ, т.-е. обвиняемые крестьяне не были привлечены къ отвѣтственности, по принадлежности, передъ волостнымъ судомъ, земскимъ начальникомъ или окружнымъ судомъ. Судебною властью не располагаетъ, по закону, ни сельскій, ни волостной сходъ; не видно также, предстояло ли въ настоящемъ случаѣ такъ-называемое „periculum in mora"... Направленіе уголовныхъ дѣлъ въ компетентный, по закону, судъ всегда и вездѣ служитъ лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы напомнить населенію о необходимости безусловнаго уваженія къ закону,—а уваженіе къ закону является лучшимъ средствомъ къ воспитанію народа въ духѣ законности.

Замѣчательно и весьма симпатично почти единодушно-отрицательное отношеніе нашей повременной печати къ проектамъ постройки въ обѣихъ столицахъ городскихъ желѣзныхъ дорогъ (метрополитэновъ), съ которыми выступили недавно г. Балинскій и его компаньоны. Не повторяя доводовъ, разбитыхъ съ достаточною силою, мы хотимъ только подчеркнуть одну любопытную черту въ рѣчи г. Балинскаго, произнесенной въ обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Возражая Е. И. Кедрину, ставившему ему въ вину обращеніе прямо къ администраціи, помимо городской думы, г. Балинскій выразился такъ: „есть зыблемые и незыблемые принципы. Принципъ городского самоуправленія—принципъ не незыблемый, такъ какъ вѣдь трудно сказать, что лучше этого принципа ничего нельзя выдумать; правительство можетъ видоизмѣнить его... Кромѣ того, всѣ учрежденія имѣютъ надъ собой контроль, думу же никто не контролируетъ". Это послѣднее соображеніе—болѣе чѣмъ странное именно теперь, послѣ ревизіи Н. А. Зиновьева, да и вообще идущее въ разрѣзъ съ городовымъ Положеніемъ,—прямо взято изъ реакціонныхъ газетъ; подъ ихъ очевиднымъ вліяніемъ написано и все остальное, въ явный ущербъ логикѣ. Изъ того, что *правительство* можетъ видоизмѣнить городское самоуправленіе, еще не слѣдуетъ, что его можетъ игнорировать частный предприниматель. Не г. Балинскому судить о томъ, въ какой степени „незыблемъ" принципъ самоуправленія; пока онъ существуетъ, онъ для всѣхъ одинаково обязателенъ, какъ обязательны и вытекающія изъ него условія. Когда наступитъ конецъ переходнаго положенія, такъ давно тяготѣющаго надъ нашими городскими думами вообще и надъ петербургской думой въ особенности,

тогда немыслимы станутъ разсужденія въ родѣ тѣхъ, которыя позволилъ себѣ г. Балинскій.

Въ началѣ сентября въ Севастополѣ рѣшено военно-окружнымъ судомъ, по законамъ военнаго времени, дѣло о рядовыхъ Степановѣ и Земляномъ, обвинявшихся въ убійствѣ капитана Бабенко и его жены. На судѣ Степановъ, сознаваясь въ преступленіи, утверждалъ, что въ немъ участвовалъ и Земляной, до конца отрицавшій свою вину. Оба подсудимые были признаны виновными и приговорены къ смертной казни. Послѣ объявленія приговора Степановъ заявилъ, что оговорилъ Земляного ложно: послѣдній не только не былъ участникомъ убійства, но даже не зналъ о немъ; убійство совершено Степановымъ вмѣстѣ съ „вольнымъ человѣкомъ" Иваномъ, и похищенныя деньги они спрятали на улицѣ подъ рундукомъ. Въ указанномъ Степановымъ мѣстѣ денегъ не нашлось; тѣмъ не менѣе, заявленіе его о ложномъ оговорѣ Земляного не осталось, какъ сообщаютъ газеты, безъ движенія, и въ мѣстныхъ военныхъ сферахъ усиленно говорятъ о необходимости пріостановить исполненіе приговора и возобновить слѣдствіе. Допустимъ, что заявленіе Степанова подтвердится или окажется, по меньшей мѣрѣ, правдоподобнымъ—и представимъ себѣ положеніе обвинителей и суда, еслибы невиновность Земляного обнаружилась уже послѣ исполненія приговора. Судебная ошибка возможна вездѣ и всегда—но при тѣхъ наказаніяхъ, которыя знаетъ нашъ общій уголовный кодексъ и дальше которыхъ онъ идетъ только въ исключительныхъ случаяхъ, возможно, хоть отчасти, ея исправленіе. Безусловно невознаградимой является только смертная казнь. Вмѣстѣ со всѣми другими соображеніями, говорящими противъ примѣненія, среди глубокаго мира, законовъ, установленныхъ для военнаго времени, не пріобрѣтаетъ ли упомянутый выше инцидентъ характеръ напоминанія, которому не слѣдовало бы остаться безрезультатнымъ?

До сихъ поръ не было слышно, чтобы обязательныя постановленія, издаваемыя мѣстною администраціей на основаніи положенія объ усиленной охранѣ или вообще въ видахъ охраненія спокойствія и порядка, примѣнялись къ періодической печати. Между тѣмъ, въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ редакторъ-издатель издаваемаго въ Иркут-

скѣ „Восточнаго Обозрѣнія“ былъ подвергнутъ, по распоряженію администраціи, денежному штрафу въ сто рублей, за нарушеніе пункта 1-го обязательнаго постановленія, изданнаго мѣстнымъ губернаторомъ 19-го іюля. Этимъ пунктомъ воспрещено распространеніе вымышленныхъ или основанныхъ на слухахъ извѣстій, могущихъ возбудить тревогу въ населеніи. Извѣстіе, навлекшее кару на „Восточное Обозрѣніе“, какъ намъ сообщаютъ изъ Иркутска, было напечатано 28-го августа, и состояло въ слѣдующемъ: „Агреневъ-Славянскій пишетъ въ „Саратовскомъ Листкѣ“ (письмо датировано Благовѣщенскомъ, отъ 24 іюля): идетъ злая гостья (холера) изъ Харбина, гдѣ по 800 заболѣваній и по 400—500 смертей ежедневно. Всѣ бѣгутъ изъ Харбина, а сегодня мнѣ прибывшій оттуда (выдержавшій, конечно, карантинъ) разсказывалъ, что по рѣкѣ Сунгари, впадающей въ Амуръ, на которой стоитъ Харбинъ, плывутъ сотни труповъ умершихъ китайцевъ. Вотъ какіе тамъ порядки“! Совершенно очевидно, что свѣдѣнія, почерпнутыя изъ газеты (въ добавокъ — газеты подцензурной, какъ „Саратовскій Листокъ“), не могутъ быть названы ни „вымышленными“, ни „основанными на слухахъ“. Не менѣе ясно и то, что извѣстіе о происходившемъ 24-го іюля въ Харбинѣ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Иркутска, не могло возбудить, 28-го августа, тревогу въ населеніи этого послѣдняго города (тѣмъ болѣе, что *наканунѣ* въ „Восточномъ Обозрѣніи“ появилось сообщеніе объ ослабленіи въ Харбинѣ холерной эпидеміи). Для насъ, впрочемъ, интересна не столько фактическая, сколько юридическая сторона вопроса. Мы думаемъ, что особыя условія, въ которыя поставлена наша повременная печать, исключаютъ возможность закономѣрнаго распространенія на нее дѣйствія обязательныхъ постановленій, грозящихъ административными взысканіями за нарушеніе изданныхъ администраціею правилъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мотивируется, обыкновенно, установленіе подобныхъ взысканій? Необходимостью *немедленной* репрессіи, не задерживаемой процессуальными формами и обрядами. По отношенію къ повременной печати такая репрессія существуетъ постоянно, какъ въ видѣ цензуры, могущей зачеркнуть любое слово, любую фразу, любую статью (или—если періодическое изданіе принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ безцензурныхъ,—задержать выходъ въ свѣтъ даннаго нумера или данной книжки), такъ и въ видѣ административныхъ каръ, восходящихъ отъ предостереженія до полнаго запрещенія. Есть ли, затѣмъ, основаніе присоединять къ этимъ мѣрамъ, достаточно разнообразнымъ и достаточно сильнымъ, еще одну категорію административныхъ взысканій, создаваемую обязательными постановленіями? Положимъ, что вымышленное извѣстіе, могущее вызвать тревогу въ населеніи, распространяется

устно, тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ лицомъ. При нормальныхъ условіяхъ возможно только одно: преслѣдованіе такого лица въ общемъ судебномъ порядкѣ. Это можетъ показаться, съ извѣстной точки зрѣнія, слишкомъ медленнымъ, слишкомъ слабымъ средствомъ огражденія порядка—и вотъ, администрація облекается дискреціонной властью, рѣшенія которой исполняются немедленно и безапелляціонно. Ни въ чемъ подобномъ надобности нѣтъ, когда распространителемъ тревожныхъ слуховъ является печать, и безъ того уже вполнѣ зависимая отъ администраціи. Слѣдуетъ надѣяться, что иркутскій инцидентъ останется единственнымъ въ своемъ родѣ.

Въ статьѣ г. Сулиговскаго: „Городское управленіе въ губерніяхъ царства польскаго", напечатанной въ іюньской книгѣ нашего журнала, была отдана справедливость полезной дѣятельности бывшаго президента города Варшавы, генерала С. И. Старынкевича. Этотъ заслуженный дѣятель, съумѣвшій сдѣлать многое при условіяхъ мало благопріятныхъ, скончался въ минувшемъ августѣ мѣсяцѣ и погребенъ на одномъ изъ варшавскихъ кладбищъ. Въ день его похоронъ, по словамъ его брата (см. № 240 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"), всѣ занятія и работы въ Варшавѣ были пріостановлены, всѣ жители города, безъ различія національностей и сословій, пожелали отдать послѣднюю честь покойному. Это не помѣшало „Новому Времени" напечатать корреспонденцію, авторъ которой, признавая, что С. И. Старынкевичъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и въ русскомъ обществѣ Варшавы, отзывается о немъ такъ: „Какъ всѣ либералы-западники стараго закала, покойный, хорошо отличая здоровыя національныя требованія отъ шовинизма у другихъ народностей, готовъ былъ видѣть проявленіе шовинизма во многихъ вполнѣ основательныхъ требованіяхъ русской народности и государственности. Какъ человѣкъ съ притупленнымъ русскимъ національнымъ чувствомъ, онъ не съумѣлъ въ Варшавѣ соблюдать равновѣсіе между русскими интересами и интересами польской народности, нерѣдко склонялся въ пользу поляковъ и мало заботился объ охраненіи памятниковъ русской старины въ Варшавѣ". Въ подтвержденіе своего мнѣнія корреспондентъ приводитъ два факта: С. И. Старынкевичъ не могъ указать, гдѣ останавливался въ Варшавѣ Петръ Великій, и одинъ разъ не напечаталъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ" объявленіе (касавшееся городскихъ водопроводовъ), посланное имъ въ польскія газеты! И на этихъ-то основаніяхъ, до смѣшного слабыхъ, строится увѣреніе, что С. И. Ста-

рынкевичъ былъ человѣкъ съ *притупленнымъ русскимъ національнымъ чувствомъ*! Братъ его тысячу разъ правъ, утверждая, что патріотизмъ покойнаго былъ „не грошовый, не показной“, а разумный; онъ понималъ, что „лучшая политика, вѣрнѣйшее средство для уничтоженія розни національностей—это вполнѣ добросовѣстное, благородное, честное, разумное и сердечное исполненіе возложенной на него обязанности заботиться о благосостояніи города и его населенія“. Еслибы такихъ русскихъ должностныхъ лицъ, какъ С. И. Старынкевичъ, въ губерніяхъ царства польскаго было больше, гораздо больше,—положеніе этихъ губерній было бы не такимъ, какимъ мы видѣли его недавно въ книгѣ В. Д. Спасовича и Э. Пильца [1]).

Post-scriptum.—Въ послѣднее время въ газетахъ появилось весьма важное сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, слѣдующаго содержанія: „Въ интересахъ выясненія недостатковъ нынѣшней высшей школы и изысканія способовъ къ ихъ устраненію, бывшій министръ народнаго просвѣщенія, генералъ-адъютантъ Ванновскій, циркулярно просилъ попечителей подлежащихъ учебныхъ округовъ предложить совѣтамъ университетовъ и соотвѣтствующимъ совѣту учрежденіямъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній высказать свои соображеніи относительно желательныхъ измѣненій въ уставахъ и штатахъ, а также сообщить мотивированныя заключенія по нѣкоторымъ опредѣленнымъ вопросамъ, касающимся устройства высшей школы. Съ осени минувшаго года стали поступать въ министерство ожидавшіеся отзывы и для разсмотрѣнія послѣднихъ, а равно и включенія ихъ въ общій сводъ, была организована при министерствѣ особая коммиссія, которая нынѣ закончила печатаніе своей работы. Вслѣдствіе сего въ настоящее время для обсужденія вопроса о преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія образовывается, съ Высочайшаго соизволенія, особая, подъ предсѣдательствомъ управляющаго министерствомъ, тайнаго совѣтника Зенгера, коммиссія, съ участіемъ представителей высшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства, по выбору совѣтовъ университетовъ и соотвѣтствующихъ совѣту учрежденій, а равно и представителей министерствъ и главныхъ управленій, въ вѣдѣніи коихъ находятся высшія учебныя заведенія“. Первое засѣданіе этой коммиссіи было назначено на 30-ое сентября.—Итакъ, и въ сферѣ высшаго образованія иниціатива, которую взялъ на себя П. С. Ванновскій, не осталась безслѣдной. Залогомъ

---

[1]) См. „Вѣстн. Европы“, сент. 902 г., стр. 340.

благопріятнаго для высшей школы исхода работъ коммиссіи служитъ, между прочимъ, ея составъ. Представители, выбранные самими совѣтами, явятся лучшими выразителями и усерднѣйшими защитниками пожеланій, господствующихъ въ профессорскомъ мірѣ. Роль, въ этомъ случаѣ данная совѣтамъ, — вмѣстѣ съ предоставленіемъ имъ права избранія кураторовъ и членовъ профессорскаго суда, — позволяетъ ожидать, что новый университетскій уставъ возвратитъ совѣтамъ значеніе, утраченное ими, въ 1884 году, къ явному вреду для университетской жизни.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Попечительства о глухонѣмыхъ.

Съ разрѣшенія Комитета Попечительства Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны о глухонѣмыхъ, съ предстоящаго октября мѣсяца членами Совѣта сего Попечительства, докторами медицины М. В. Богдановымъ-Березовскимъ и Е. С. Боришпольскимъ, открывается въ С.-Петербургѣ (Крюковъ кан., д. 7) „Дѣтскій Садъ" для глухонѣмыхъ дѣтей дошкольнаго возраста и при немъ *спеціальные классы* для больныхъ *съ разстройствами рѣчи* (заикъ, косноязычныхъ, нѣмыхъ (афатиковъ) и психически-глухихъ) и для больныхъ *съ разстройствами слуха* (глухихъ, тугоухихъ и глухонѣмыхъ съ остатками слуха).

Дѣтскій Садъ будетъ находиться въ вѣдѣніи и непосредственномъ покровительствѣ Попечительства Г. И. М. Ө. о глухонѣмыхъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь. — Октябрь. 1902.

Книга девятая. — Сентябрь.

Книга десятая. — Октябрь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія русской литературы, А. Н. Пыпина. Т. II. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 902. Ц. за 4 т. по подпискѣ — 8 руб.

Въ новомъ изданіи, настоящій томъ содержитъ въ себѣ средніе вѣка русской литературы, начиная отъ татарскаго нашествія и до самаго конца XVII вѣка, а слѣдовательно около пятисотъ лѣтъ. Такимъ образомъ, въ этомъ періодѣ исторія русской литературы ограничивается собственно одною восточною Русью, испытавшею на себѣ монгольское иго, а самое время можетъ быть названо по преимуществу московскимъ. Сдѣлавъ общую характеристику нашихъ „среднихъ вѣковъ“, авторъ приводитъ сначала легенды о московскомъ царствѣ, религіозныя воззрѣнія того времени и подводитъ итоги первыхъ двухъ вѣковъ, XIII—XIV-го. Начиная съ XV-го вѣка, появляется, рядомъ съ Москвою, вліяніе кіевской школы на ходъ нашей образованности и вмѣстѣ обнаруживаются начатки сближенія ея съ западною образованностью, постепенно усиливавшагося до самаго кануна преобразованій Петра Великаго. Каждая глава этого тома снабжена обширными библіографическими примѣчаніями.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Т. X. Политика, исторія и критика. Спб. 902. Ц. 2 р.

Настоящій выпускъ состоитъ изъ трехъ частей, которыя, по словамъ автора, имѣютъ тѣсную идейную связь между собою. Каждая изъ этихъ частей озаглавлена именами трехъ лицъ, уже умершихъ, и „которыхъ—говоритъ авторъ —я знавалъ еще живыми; они дѣйствовали по одному и тому же направленію и считали возможнымъ разрѣшеніе въ будущемъ русско-польскаго конфликта и вопроса—по взаимному соглашенію сторонъ и на началахъ справедливости“... Первый изъ нихъ маркизъ Вѣлепольскій, жизни и политикѣ котораго посвящена наибольшая часть тома; затѣмъ слѣдуютъ В. А. Арцимовичъ и Владиміръ Соловьевъ.

Путеводитель по окрестностямъ С.-Петербурга. Образовательныя дѣтскія прогулки. Съ картами, планами и рисунками въ текстѣ. Изданіе Городской Коммиссіи по народному образованію. Спб. 902. Ц. 75 к., въ переплетѣ.

Школьныя прогулки, въ послѣднее время, вошли въ программу учебныхъ заведеній и заняли въ ней замѣтное мѣсто, какъ одно изъ важныхъ образовательныхъ средствъ, почти на ряду съ классным обученіемъ. Настоящій путеводитель имѣетъ, конечно, главное значеніе для школъ города Петербурга и ближайшихъ его окрестностей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ можетъ служить и образцомъ того, какъ должны составляться и издаваться подобные путеводители. Текстъ путеводителя по окрестностямъ Петербурга составленъ цѣлымъ кружкомъ учащихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ С.-Петербурга, причемъ геологическія свѣдѣнія помѣщены по указаніямъ и совѣтамъ покойнаго проф. Мушкетова, а планы и карты выработаны д. чл. Географ. Общества, И. Н. Михайловымъ. Весь матеріалъ путеводителя подраздѣленъ на три группы: естественно-историческую, историческую и географическую. Самое изданіе выполнено весьма изящно, и тѣмъ не менѣе осталось, по цѣнѣ, общедоступнымъ.

Цѣли воинскаго наказанія. — Н. П. Фалѣева. Спб. 902. Ц. 3 р.

По опредѣленію самого автора, трудъ его представляетъ попытку научнаго изслѣдованія воинской кары, какъ одного изъ средствъ охраны правопорядка, установленнаго въ арміи; если карательная власть государства въ арміи не имѣетъ опредѣленныхъ полезныхъ цѣлей, а самыя цѣли не соотвѣтствуютъ ни культурному уровню общества, ни интересамъ арміи, или карательныя средства оказываются неспособными достигнуть цѣлей воинскаго наказанія,— то, заключаетъ авторъ, „такая карательная дѣятельность—вредный балластъ въ экономіи государства“. Само изслѣдованіе состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: за общею частью слѣдуетъ историческое развитіе цѣлей воинскаго наказанія, начиная съ римской эпохи и переходя къ эпохѣ феодальной, и наконецъ къ нашему времени—во Франціи, Австріи, Пруссіи и Россіи; слѣдующій отдѣлъ посвященъ системамъ воинскихъ наказаній въ различныхъ государствахъ и въ нашемъ воинскомъ уставѣ; наконецъ, послѣдній отдѣлъ трактуетъ о цѣли воинскихъ наказаній и различныхъ ихъ формахъ и пріемахъ, какъ у насъ, такъ и за границею.

Баронъ А. Буксгевденъ. Русскій Китай. Очерки дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ. I. Пекинскій договоръ 1860 г. Портъ-Артуръ. 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Какъ видно изъ предисловія, автору удалось при началѣ китайскихъ событій 1900 года достать обширный матеріалъ, касающійся дипломатическихъ сношеній Россіи съ Китаемъ и имѣющійся, впрочемъ, также въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Содержаніе изданной теперь въ Портъ-Артурѣ книги обнимаетъ наиболѣе интересный для русской дипломатіи періодъ 1859-60 гг., завершившійся пекинскимъ договоромъ, который впервые доставилъ извѣстность графу Н. П. Игнатьеву, какъ дипломату. Впослѣдствіи авторъ предполагаетъ сообщить свѣдѣнія и о послѣднихъ событіяхъ 1900 и 1901 годовъ.

Н. В. Никитинъ. Преступный міръ и его защитники. Съ 11 портретами. Спб. 1902.

Уголовные процессы, излагаемые въ настоящей книгѣ, хорошо памятны нашей публикѣ, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ быть названы сенсаціонными въ полномъ смыслѣ этого слова: таковы дѣла объ убійствѣ профессора Донберга, о дуэли Максимова, объ Аннѣ Коноваловой, о Тальмѣ, о пожарѣ дачи Краевскаго. Эти процессы, надѣлавшіе въ свое время много шуму, производятъ въ книгѣ г. Никитина впечатлѣніе яркихъ бытовыхъ картинъ, освѣщаемыхъ съ различныхъ сторонъ обвинителями и защитниками; одно изъ дѣлъ, по своему характеру и подробностямъ, напоминаетъ сатиру Салтыкова: таковы приключенія Іосифа Коссацкаго, которыя кажутся какъ бы эпизодомъ изъ исторіи города Глупова. Составленная вообще умѣло, книга г. Никитина не только интересна, но и поучительна во многихъ отношеніяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1903 г.
(Тридцать-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою.	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	9 „ — „	[illegible] „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ.

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.